

**Уваровские
чтения - III**

Мурам
2000

Муромский историко-художественный музей

Уваровские чтения - III
«Русский православный монастырь как
явление культуры: история и
современность»

**Материалы научной конференции,
посвященной 900-летию
Муромского Спасо-Преображенского монастыря**

Муром, 17 - 19 апреля, 1996 г.

Муром, 2000 г.

Редакционная коллегия:
Т. Б. Купряшина, Ю. М. Смирнов.
Обложка: К. А. Ляпин.
Макет: Е. Э. Бейлекчи.

Уваровские чтения - III . Муром, 17 - 19 апреля, 1996. - Муром, 2000. - 250 стр., 65 ил.

Сборник материалов Третьих Уваровских чтений, посвященных 900-летию одного из старейших монастырей России - Спасо-Преображенского муромского монастыря, содержит публикации и статьи, в которых рассматриваются самые разные аспекты истории и культуры православных русских обителей. Являясь одной из первых попыток комплексного изучения монастырской культуры, сборник представляет интерес для историков, религиоведов, археологов, филологов, широкого круга гуманитариев. Традиционно в состав сборника также включены материалы, связанные с изучением жизни и деятельности А. С. и П. С. Уваровых, а также статьи, посвященные истории муромского региона.

Муромский историко-художественный музей сердечно благодарит
директора АО «Муромский радиозавод» В. П. Лоскутова,
предпринимателя А. И. Зиновьева,
при поддержке которых выпущен этот сборник.

© Муромский историко-художественный музей

Содержание:

Смирнов Ю. М. (Муром) От редактора.....	6
Пушкарев Л. Н. (Москва) Своеобразие монашеского менталитета и его роль в формировании нравственности в обществе.....	7
Пуцко В. Г. (Калуга) Монастыри Древней Руси как культурный феномен средневековья.....	9
Бахарева Н. Н. (Нижний Новгород) Изучение и государственная охрана монастырских комплексов в Нижегородской области.....	13
Трофимов А. Н. (Владимир) Спасо-Преображенский собор Муромского Спасского монастыря. Концепция реставрации.....	17
Константинов В. П. (Владимир) К вопросу о реставрации Надвратной церкви Муромского Спасского монастыря.....	22
Сухова О. А. (Муром) Древности Муромского Спасского монастыря.....	27
Фролов Н. В. (Ковров) Некрополь Муромского Спасского монастыря.....	33
Тимофеева Т. П. (Владимир) Архитектурные реминисценции в миниатюрах синодика Боголюбова монастыря XVII века.....	36
Давыдов А. И. (Нижний Новгород) Строительная история Благовещенского собора Нижегородского Благовещенского монастыря.....	41
Шаболдин Я. Л. (Нижний Новгород) Материалы к истории строительства Троицкого Островоезерского монастыря в XVII веке.....	47
Павлович М. К. (Москва) К вопросу о ремонтных, реставрационных и строительных работах в Вознесенском девичьем монастыре Московского Кремля первой четверти XIX века.....	52
Седов В. В. (Москва) Церковь Георгия в Кожевниках в Муроме.....	56
Сленькова И. Н. (Москва) Об особенностях архитектурной организации православных и инославных монастырей Беларуси.....	62
Щенникова Л. А. (Москва) Новейшие иконографические типы Богоматери в российских монастырях XVIII - XIX веков.....	65
Бахарева Н. Н. (Нижний Новгород) Икона “Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление”.....	73
Цапаева Е. В. (Москва) Икона “Никола Гостунский” в собрании Муромского музея.....	78
Трубачева М. С. (Москва) Житийный образ Леонтия Ростовского из собрания Муромского музея и его литературный источник.....	82
Колесникова Л. А. К вопросу об организации иконописного промысла на Тихвинском посаде XVII века.....	86
Подурец А. М. (Саров) Что было на месте Саровской пустыни до основания монастыря. Легенда о городе Сараклыче.....	90

Столяренко С. Н. (Нижний Новгород) Монастыри Арзамаса. Возникновение и развитие.....	94
Коваль В. В. (Нижний Новгород) История создания и развития Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря.....	98
Радченко О. И. (Самара) Монастыри Самарской губернии. История и современность.....	101
Тихомиров А. М. (Иваново) Монастыри г. Иваново-Вознесенска.....	106
Гуров С. И. (Сыктывкар) Формирование и особенности монастырской системы Коми края.....	109
Баруздина С. В. (Нижний Новгород) Абабковский Николаевский Георгиевский женский монастырь Горбатовского уезда (1818 - 1928 гг.). История создания и подвижничества.....	112
Соловьева И. Д. (Москва) Александрова пустынь на Свири. К истории монастырской библиотеки.....	116
Седова М. В. (Москва) Суздальский монастырь св. Дмитрия.....	118
Гращенко А. В. (Москва) Портал собора Вознесенского монастыря.....	123
Панова Т. Д. (Москва) Некрополь Вознесенского монастыря в Московском Кремле. История, судьба, персоналии.....	127
Черкасова М. С. (Вологда) Землевладение Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде в XV - XVII веков.....	131
Панова В. И. (Воронеж) Соловецкий монастырь - предприниматель России XV - XVI веков.....	136
Балакин П. П. (Нижний Новгород) Нижегородский серебряник Корнилий Скуляпин.....	139
Виденеева А. Е. (Ростов Великий) Ростовский Яковлевский монастырь на рубеже XVIII - XIX веков.....	143
Виденеева А. Е., Сазонова Е. И. (Ростов Великий) Братская трапеза Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря во второй половине XIX века.....	148
Рупосова Л. П. (Москва) Певческие школы Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей.....	155
Кнотько Г. И. Братия Московского Симонова монастыря в XIX века.....	157
Козлов В. Ф. (Москва) Архивные источники о судьбах монастырей России после 1917 года.....	161
Щавелев С. П. (Курск) У начала русского монашества: Св. Феодосий Печерский на пути из Курска в Киев (уточнение хронологии).....	164
Опарина А. А. (Москва) Греческий православный монастырь в культуре Древней Руси (Синайская обитель в древнерусских хождениях паломников XV - XVII вв.).....	165
Алексеев В. Н. (Орехово-Зуево) Свято-Троицкий Махрищский монастырь в истории русской агиографии XVI века.....	170
Филюшкин А. И. (Воронеж) Тема монастыря в русской общественно-политической мысли XVI века.....	174
Добров С. А. (Москва) Пафнутьев-Боровский монастырь как историко-культурный центр России XV - XIX веков.....	178
Бердинских В. А. (Вятка) Историки-любители из духовенства во второй половине XIX века.....	183
Зеленина Я. Э. Граф А. С. Уваров как исследователь христианской символики.....	186

Полякова М. А. (Москва) Некоторые проблемы сохранения памятников старины в трудах и в выступлениях гр. А. С. Уварова.....	190
Никитина Т. Л. (Ростов Великий) Надгробный комплекс преподобного Авраамия Ростовского.....	192
Добронравов О. С. (Москва), Полякова О. Б. (Углич) Забывтое имя. К биографии епископа Муромского Николая (В. М. Муравьева-Уральского).....	197
Чернышев В. Я. (Муром) Муромские иконописцы XVII - XVIII веков.....	200
Жервэ Н. Н. (Санкт-Петербург) Новгородский Ионо-Отенский монастырь. Страницы истории.....	205
Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург) Судьба монастырей северо-запада России в XX века.....	210
Рыбина Н. В. (Петрозаводск) Рукописи Валаамского монастыря из Новгородско-Софийского собрания Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург).....	211
Петрова Е. П. (Владимир) Царские жалованные грамоты монастырям XVII - XVIII веков в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника.....	213
Астахина Л. Ю. (Москва) Письменные памятники города Мурома XVII века как источник по истории русского языка и быта.....	218
Мельник А. Г. (Ростов Великий) Введенская церковь Ростовского Авраамиева монастыря (предварительное сообщение).....	222
Исаченко Т. А. (Москва) Травник из Уваровского собрания под № 623: его судьба и перспективы.....	224
Формозов А. А. (Москва) Муромские исследователи каменного века.....	228
Альквист А. (Хельсинки) От мурома до муураме: происхождение этнонима <i>мурома</i>	234
Михайлова Л. А. (Владимир), Чернышев В. Я. (Муром) Некоторые итоги раскопок в Спасо-Преображенском монастыре г. Муром.....	242
Бейлекчи В. В. (Муром) Муромский могильник у села Александровка.....	245
Список сокращений	249

От редактора.

И светские, и религиозные мыслители неоднократно и в разной связи отмечали одну из важнейших черт российской жизни - религиозность. История России, во всяком случае до 1917 года, не существует без истории русского православия. Характеризуя особенности российского общества, В. С. Соловьев писал: "Исторически сложившийся строй русской жизни выражается в следующих ясных чертах: церковь, представляемая архиерейским собором и опирающаяся на **монастыри** (здесь и далее выделено мной - Ю.С.), правительство, сосредоточенное в самодержавном царе, и народ, живущий земледелием в сельских общинах. **Монастырь**, дворец и село - вот наши общественные устои, которые не поколеблются, пока существует Россия".*

Реальная христианизация Руси началась не столько с единовременного государственного акта, сколько с длительной деятельности христианских сподвижников, своей проповедью объединявших людей, внявших слову нового учения. В традициях раннего восточного христианства вокруг этих проповедников-отшельников собирались общины единомышленников, закладывая основы православного монастырского общежития. К этому времени христианские монастыри Запада стали уже не только важной экономической базой церкви, но, зачастую являясь цитаделями военизированных монашеских орденов, были и ее военной силой, достаточно агрессивно доказывавшей приоритет церковной власти над мирской. Православные обители на Руси изначально имели иной характер. Находясь довольно долгое время в окружении языческого мира и языческого мифа, монастыри стали средоточием христианской мысли и слова, центрами генерации нового мироощущения и мировоззрения, проводниками христианской этики.

Различная трактовка двумя направлениями христианства сугубо, казалось бы, богословского вопроса об эманации святого духа приобрела со временем политическую окраску. В отличие от католического толкования православное не создавало конфронтации между церковной и светской властью: наоборот, православная церковь всемерно поддерживала государственную власть, а монастыри-крепости, заложенные на границах Руси, являлись форпостами и проводниками идей государственности и патриотизма. Таким образом, мировая религия, принеся на Русь формулу космополитизма ("несть ни эллина, ни иудея"), парадоксальным образом способствовала зарождению и формированию русской национальной идеи, чему в значительной мере способствовали и монастыри, конденсировавшие в своих стенах "книжную" мудрость.

Христианство принесло с собой и новое, отличное от языческого, понимание времени, одной из особенностей которого была такая категория, как вечность. Общественная психология не является суммой психологий энного количества индивидуумов, а представляет собой совершенно особое явление. Точно также и монастыри, каждый из которых пытался неким образом построить вневременную модель инобытия, горнего мира на земле, и каждый из которых едва ли мог сколь-нибудь реально приблизиться к этой модели, в целом складывали особую систему мироощущения, ориентированную в будущее, а через него - в вечность. Это мироощущение заставляло по-иному взглянуть и на течение бытового времени и попытаться зафиксировать некоторые его моменты, сделать достоянием вечности, т. е., говоря иными словами, начался процесс исторического осознания бытия, связанный с началом летописания.

Советская историческая наука, если и касалась истории монастырей, то исключительно в "свете теории классовой борьбы", рассматривая монастыри как одно из орудий эксплуатации бесправного народа. Однако даже в редких и тенденциозных работах того времени было невозможно не признать, что монастыри являлись центрами грамотности, что в них собирались первые библиотеки, что монашеские обители привлекали и пестовали искусных мастеров - живописцев, миниатюристов, ювелиров, каменщиков, что строительство монастырских комплексов сыграло важную роль в формировании национальной архитектуры, что в монастырских хозяйствах отрабатывалась новейшая по тем временам технология производства. Достаточно, наверное, напомнить, что самый северный в Европе яблоневый сад, в котором произрастало несколько десятков сортов яблок, был выращен в монастыре на о. Валаам и погиб после закрытия обители.

Полная и объективная оценка той роли, которую монастыри сыграли в сложении русского государства, культуры, национального самосознания - дело будущего. Настоящий сборник - всего лишь одна из начальных попыток изучения интереснейшего исторического явления.

Ю. Смирнов

* Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. М., 1989. Т. 1. С. 243.

СВОЕОБРАЗИЕ МОНАШЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВСТВЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Появление в нашем общественном быту и языке нового термина “менталитет”¹ - это не прихоть и не мода, а органическая потребность обратить внимание научной общественности на мир чувств и образов человека, на его представления и впечатления от окружающего мира. Видимо, это происходит в противовес абсолютизации значения идей, норм и идеологизированных понятий в жизни общества.

Под менталитетом следует понимать совокупность мыслей и чувств, образов и впечатлений, возникающих в сердце и уме человека от общения с внешним миром. Менталитет - это область бессознательных большею частью порывов человеческой души, подконтрольная скорее не разуму, а сердцу. Менталитет - это способ мышления, а не само мышление.

О менталитете было известно давно, но в историческую науку это понятие вошло лишь после того, как французские историки из так называемой “школы Анналов” поставили его познание во главу угла и сделали изучение ментальных явлений главной целью исследования. На протяжении последующих десятилетий все новые и новые ученые из разных европейских стран значительно расширили рамки своих исследовательских работ и раскрыли важность изучения менталитета как отдельного человека, так и любого коллектива на разных этапах его существования. В Германии недавно вышел обобщающий труд “Европейская история менталитета”, как бы подводющий итоги изучения этой большой исследовательской проблемы.²

Менталитет по сути своей близок мышлению, но не идентичен ему. Мышление - это процесс познания мира путем создания системы логических понятий и идей. Менталитет же - это восприятие мира и его истолкование, создание его модели на основе не логических категорий, а совокупность впечатлений, представлений, образов. Менталитет - это манера мышления, его склад, его особенность, своеобразие. Это - эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мысли человека.

Приведу для ясности параллель, чтобы усвоить разницу между мышлением и менталитетом. Это соотношение понятий “религия” и “религиозность”. Религия - это один из видов идеалистического мировоззрения, это система твердо установленных и взаимосвязанных догм и постулатов, для каждой религии своя. А вот религиозность - это совокупность таких отношений к миру, которые предполагают веру в существование высшей силы, руководящей поведением человека, его мыслями и чувствами. Религиозность проявляется в образах и стремлении прибегнуть к защите высшего существа, надделенного сверхъестественной силой. Это состоя-

ние души человека, когда весь окружающий мир окрашивается бессознательной и бездумной верой в те или иные идеалы, стремление к которым и придает человеку все новые силы и руководит им. Религиозность - это одна из составляющих менталитета.

В менталитете человека или коллектива отображен многовековой традиционный опыт человечества в области общения. Менталитет содержит в себе общечеловеческие этические и нравственные нормы и представления, передающиеся от поколения к поколению. Это такие понятия, как добро и зло, долг и совесть, честь и бесчестие, любовь и ненависть, вера и неверие и многие другие. Вместе с тем менталитет - это не застывшая, раз и навсегда данная догма” Он чутко реагирует на изменения в жизни и сам меняется в зависимости от времени и той среды, где живет, общается и трудится человек - носитель менталитета. Поэтому мы вправе говорить о менталитете и конкретного человека, и определенного коллектива общественного слоя, сословия (например, крестьянства, купечества, дворянства). Каждому сословию свойственен свой особый менталитет.³ Одним из таких сословий является духовенство, подразделяющееся на белое и черное. Целью моего сообщения и является рассмотрение менталитета черного духовенства, монашества.⁴

Возникши в России в первые века принятия христианства, монашество за долгие годы своего существования выработало свой особый менталитет, свою совокупность чувств, характеризующуюся стремлением к уединению, воздержанию и отречению (причем добровольному!) от всех благ мирской жизни во имя постижения сущности божества и пропаганды основных постулатов веры. Монашеское состояние обязывает к аскетизму; вступающий в монахи дает обет бедности, послушания и безбрачия. Не каждый и не сразу может стать монахом. Он должен сначала пройти испытательный срок послушания. В русских монастырях человека, готовящегося стать монахом, но еще не принявшего обета, называли обычно белец (белица). Посвящение в монахи сопровождалось торжественным обрядом пострижения: постриженный принимал новое имя (отрекаясь тем самым от прошлого!) и облачался в монашеское одеяние - рясу с камилавкой (как одежду смирения), мантию с клобуком (как символ отречения от мира) и куколь с параманом (знак беззлобия и память о Христовых язвах).

Монашество было многоликим и разнообразным. Большая часть монахов жила в монастырях, но были и такие, что жили и спасались в одиночестве (отшельники, анахореты). Некоторые подвизались на столпах ради благочестия (первый, прославившийся таким подвигом, был Симеон Столпник). Многие спасающиеся носили на голом

теле для смирения плоти вериги (т. е. кандалы, оковы, цепи, кольца, железные полосы и т.д.), причем часто носили их тайно. Некоторые монахи отличались различным подвижничеством, под которым понимается ряд особенных духовных и телесных упражнений и ограничений, основанных на самоотречении и имеющих целью духовное самоусовершенствование. Широко был распространен и аскетизм в самых различных проявлениях - от ограничения себя в пище (постничество) до умерщвления плоти.

Значительная часть монахов жила в миру, занималась просвещением, отдавая себя литературной деятельностью. Достаточно посмотреть “Словарь книжников и книжности Древней Руси”, чтобы убедиться в том, что громадное число древнерусских писателей были монахами - от Нестора - летописца, монаха Киево-Печерского монастыря, агиографа XI - начала XII в. до Симеона Полоцкого, придворного поэта и воспитателя царских детей, жившего во второй половине XVII в.

Русская история знает много монахов, посвятивших себя служению Отечеству. Как не вспомнить здесь Сергия Радонежского, так много сделавшего для объединения русских князей перед Куликовской битвой, о монахах Троице-Сергиевой лавры Пересвете и Ослябе, героях-воинах, героях - воинах, чья слава жива и поныне!

Строгая, полная ограничений жизнь монахов, особенно отшельников, вызывала у народа почтение и уважение. Многие прихожане стремились обрести душевный покой в общении с иноками, стремящимися не только добиться личного самосовершенствования, но и оказать благотворное влияние на самые различные стороны мирской жизни. При монастырях стали возникать школы, где монахи проповедовали свое учение. Монастыри постепенно становились не только религиозными, но и культурными центрами, где переписывались книги (в том числе и летописи), учили грамоте и основам христианства, заботились о воспитании детей и проповедовали высокие нравственные начала любви к ближнему, отречения от зла, активному служению благу.

Что же объединяло между собой таких различных людей - от отшельников до писателей и публицистов, от воинов до подвижников? Их объединял общий менталитет, общее монашеское провидение и мироощущение, в котором на первое место ставился дух, а на второе - плоть. В монашеском менталитете получили наибольшее распространение представления о теле как темнице души (что вело к аскезе и даже к истязанию плоти), о приоритете загробного, потустороннего мира перед реальным житейским (который воспринимался лишь как временное пристанище брэнного тела), о страдании как

пути к счастью, о разных формах служения Богу в миру и монастыре. Этика рассматривалась монашеским менталитетом как божественное определение, а любовь к Богу почиталась основой нравственности.

Все, сказанное выше, наглядно показывает, каким трудным было осуществление многих требований монашеского подвига. Надо ли говорить о том, что не все могли выдержать строгий искус монашества. И стали появляться среди монахов тунеядцы и пьяницы, сребролюбцы и лентяи, искавшие в монашестве спокойной и обеспеченной жизни. Стали раздаваться жалобы на упадок нравов в монастырях, на шатанье, пьянство и даже разврат. Церковь долго и упорно боролась и борется с “монастырским нестроением”, противопоставляя человеческой слабости образцы высокого служения своему долгу и призванию.

В течение последних десятилетий по известным причинам тема монашества и монастырей как культурных центров нашей наукой практически не разрабатывалась. Мы успешно изучали социально-экономические предпосылки развития общества, историю классовых битв и сражений, общественные движения и т. д., не замечая при этом (или стыдливо замалчивая!), что помимо мира идей и знаний есть еще и мир чувств и впечатлений. Мы обкрадывали себя, ограничивали наши собственные возможности познания прошлого. Мы видели мир как бы в экране черно-белого телевизора, забывая о многоцветности и многомерности мира.

Но - “времена меняются, и мы меняемся вместе с ними” - говорит мудрая латинская поговорка. И потому перед нами стоит большая и сложная задача: не бросая классового анализа явлений прошлого (он нужен и необходим), не отвергая значения социально-экономических явлений (они были, есть и будут!), не принижая фактора общественных движений (всегда игравших решающую роль в историческом процессе) дополнить и расширить исследовательскую палитру историка за счет изучения менталитета различных слоев общества и его сословий, в том числе и духовного сословия, а в его составе и монашества как явления, имеющего мировую распространенность.

Не учитывая значения монашеского менталитета, не анализируя его влияния на формирование нравственности в обществе, мы никогда не поймем, почему Лев Толстой ходил на беседы к монахам Оптиной пустыни,⁵ в чем смысл идейных исканий Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, В. С. Соловьева и многих других русских писателей и мыслителей. Мы не сможем также понять, в чем сила и притягательность религии, той самой веры, которая по русской поговорке - “горами двигает!”.

¹ См. об этом подробнее: Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет. (Историографические заметки) // Отечественная история, 1995. № 3. С. 158 - 166.

² См. рецензию Л. Н. Пушкарева на эту книгу: Вопросы истории. 1995. № 8. С. 167 - 169.

³ См. обсуждение этого вопроса на "круглом столе" жур-

нала "Вопросы философии" // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 5 - 52.

⁴ Лазарь, архимандрит. О монашестве. М., 1995.

⁵ Концевич И. М. Оптиная Пустынь и ее время. Владимир, 1995.

В. Г. Пуцко

МОНАСТЫРИ ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Среди многочисленных русских обителей были древние, основанные еще в XI - XIII вв. и пережившие эпохи различных национально-общественных потрясений. Были и монастыри Московской Руси, возникшие в XIV-XVI вв. в иных политических условиях и отразившие в своем устройстве иные идеалы и нормы иноческой жизни, впрочем формально подчиненные тем же благочестивым намерениям личного спасения и молитвенного предстательства за грешный мир. Однако реально те и другие монастыри существовали в конкретном географическом и политическом пространстве и никогда не были изолированы от современного им общества, частью которого они оставались при любых условиях. Отсюда логически возникает вопрос о роли средневекового монастыря в развитии национальной культуры. Априорно можно мыслить ее как большую и исключительную, при этом трудно ответить скептические возражения, исходящие от сторонников взгляда на монашество как на некий нарыв на теле общества. Естественно, при таком положении вещей следует апеллировать к конкретным историческим фактам, в большинстве случаев достаточно известным, хотя и оставшимся донныне не сведенными воедино.

Естественно, что наиболее ранние русские монастыри были организованы по образцу византийских, представление об устройстве которых дают сохранившиеся тексты их Типиков, с многочисленными локальными особенностями, иногда весьма существенными.¹ История русского монашества, к сожалению, не имеет в своем распоряжении столь важного источника.² И изучающему культурное наследие эпохи средневековья поэтому приходится в первую очередь учитывать реально сохранившиеся памятники, актовый материал и свидетельства агиографической литературы.³ При таком положении вещей вряд ли стоит надеяться на полноту охвата явлений. Но в то же время отмеченное обстоятельство не может служить причиной отказа от обращения к самой проблеме культурного феномена эпохи русского средневековья. И некоторые соображения, даже при их спорности, будут фиксировать определенный этап в осмыслении важных и временами неоднозначных явлений, отражающих поступательное развитие национальной духовной культуры. В этом смысл сформулированной темы.

Ранние киевские монастыри преимущественно были княжескими, и их ктитория имели возможность реализовать свои представления о худо-

жественном облике основанных ими обителей.⁴ В центре каждого из этих монастырей, как правило, возвышался каменный соборный храм. О характере этих сооружений можно судить по данным археологических исследований.⁵ Собор Выдубицкого монастыря, заложенный в 1070 г. и освященный в 1088 г., сохранился частично.⁶ Собор Михайловского Златоверхого монастыря, возведенный между 1108 и 1113 гг., существовал до 1930-х гг.⁷ Он известен своими мозаиками, выполненными константинопольскими мастерами.⁸ Византийский облик этих монастырских храмов, возведенных из местного материала, не исключает причастность к их созданию греческих зодчих, роль которых документально засвидетельствована лишь по отношению к заложенному в 1073 г. Успенскому собору Печерского монастыря, законченному строительством в 1075 г.⁹ Хотя монахи Печерской обители всячески противопоставляли ее как созданную трудами и слезами святых богатым княжеским монастырям, это несколько не мешало им пользоваться средствами, выделяемыми теми же киевскими князьями. Реальная роль последних отчетливо проглядывает в сказаниях Киево-Печерского патерика на фоне повествования о чудесном призвании константинопольских зодчих, а позже и мозаичистов.

Печерский монастырь оказался среди немногих уцелевших и единственным сохранившим свои богатые исторические предания с XI в. Можно подозревать в них определенную тенденциозность, но в то же время трудно игнорировать конкретные факты, отчасти подтверждаемые сохранившимися реалиями. Первая из них - высокий образовательный ценз печерских иноков, позволявший выдвигать их на замещение епископских кафедр, что в начале XIII в. особо отмечал владимирский епископ Симон (1216 - 1226), сам бывший постриженцем этого монастыря.¹⁰ Вторая - способность иноков к литературному труду, засвидетельствованная широко известными произведениями преподобного Феодосия (ок. 1036 - 1074)¹¹ и Нестора,¹² а также иных авторов, чьи сочинения вошли в состав уже упомянутого Киево-Печерского патерика. В монастыре явно существовала богатая библиотека, а книгописанием, по свидетельству Нестора, занимались уже с XI в. Очевидно были рукописи и южнославянского происхождения, а среди них, может быть, находилась и знаменитая Миняя четья со словами преимущественно Иоанна Златоуста, позже оказавшаяся в Супрасльском монастыре.¹³ Здесь протекала дея-

тельность знаменитого иконописца Алимпия Печерского, являвшегося прямым учеником константинопольских мастеров.¹⁴ Далеко не случайно Нестор в своем литературном произведении проявляет интерес к искусству.¹⁵ В Печерском монастыре находились и византийские иконы,¹⁶ и предметы церковной утвари работы греческих мастеров.¹⁷ Пусть эта обитель была одной из немногих, поддерживавших столь активные отношения со столицей Византии (именно оттуда был принесен устав Студийского монастыря), но, тем не менее, ее пример показателен для определения культурного облика киевского монастыря древнейшей поры истории русского монашества.

Литературным трудом занимались и в иных киевских монастырях. Стоит вспомнить хотя бы свидетельство выдубицкого игумена Сильвестра от 1116 г.¹⁸ или внесенное в Ипатьевскую летопись под 1200 г. похвальное слово инога игумена Выдубицкого монастыря, Моисея, приуроченное к торжественному освящению подпорной стены, сооруженной Петром Милонегом.¹⁹

В большинстве случаев мы знаем лишь о самом факте существования того или иного монастыря с определенного времени, но при этом лишены возможности осветить его жизнь средневекового периода. Сказанное, в частности, относится к Елецкому монастырю в Чернигове, существующий Успенский собор которого возведен в самом начале XII в., если не в 1090-х гг.²⁰ Подобные явно богатые обители не могли оставаться в стороне от общего культурного процесса; уже само по себе сочетание в декоре упомянутого храма фресок и витражей заставляет задуматься о месте западных элементов в реальной жизни русского монастыря византийского обряда. К тому же побуждают и стенописи собора Рождества Богородицы 1125 г. в основанном Антонием Римлянином новгородском монастыре, возможно, выполненные мастерами-бenedиктинцами.²¹

Редкие из ранних славяно-русских рукописей сохранили записи писцов, свидетельствующие об их выполнении в монастырских книгописных мастерских. Тем большую значимость приобретают книги, вышедшие на рубеже XI - XII вв. из новгородского Лазарева монастыря.²² Даже несмотря на их весьма скромное графическое оформление, они остаются ценными образцами каллиграфического искусства. По-видимому, на продукцию монастырских скрипториев определенное влияние оказывали иллюминированные рукописи, выполненные мастерами своего дела, являвшимися носителями различных художественных традиций, оказавшиеся в стенах той или иной обители. Так, в Юрьевом монастыре в Новгороде осели выполненное между 1119 и 1128 гг. Евангелие писанное «угринцем»,²³ и Выголексенский сборник конца XII в. галицко-волинского происхождения (по крайней мере писец был носителем этого диалекта).²⁴ В оформлении первой рукописи присутствуют каролингские и романские

декоративные мотивы, во второй - еще неадаптированные византийские, получившие распространение также в иллюминации болгарских рукописей. Ростовский епископ Кирилл, посвященный в 1216 г. из иноков Дмитриевского монастыря в Суздале, как известно, был собирателем и владельцем замечательных рукописей, которые, очевидно, лишь частично могли последовать с ним в 1229 г. в место его пострижения.²⁵ Из жития преп. Евфросиньи Полоцкой можно видеть, что книгописанием в XII в. занимались и в женских монастырях.

Как ни скудны и отрывочны приведенные сведения, но за ними все-таки угадывается достаточно четко организованная культурная жизнь средневекового русского монастыря, призванная прежде всего служить удовлетворению требований богослужебного уклада, унаследованного от Византии. Предметы византийской церковной утвари, разумеется, были весьма желанными, но они практически не могли быть многочисленными и иметь повсеместное распространение. Поэтому охотно использовали и изделия западного происхождения,²⁶ и конечно, явно преобладавшие вещи, изготовленные местными мастерами. Для того, чтобы обеспечить всем нужным даже только известные по названию монастыри, требовалось большее количество книг, икон, облачений, разнообразных предметов утвари, от литургических сосудов до хоресов и кадил. Ювелирные изделия, как правило, исчезали первыми, и поэтому известны лишь единичные их образцы.

Несколько лучше обстоит положение с характеристикой культурного облика русских монастырей XIV - XVI вв. Лучше сохранились сами монастырские архитектурные ансамбли с отличающимися их планировкой, церковными и хозяйственными постройками.²⁷ В некоторых случаях уцелело оформление интерьера монастырских храмов, и здесь особо надо отметить иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Сравнительно до недавнего времени существовали лишь отчасти потревоженные библиотеки и ризницы, из которых сейчас наиболее удовлетворительно сохранившаяся опять-таки Троице-Сергиевой лавры, хорошо известная благодаря отчасти опубликованным ее сокровищам.²⁸ Эта ризница при всей своей исключительности все-таки может служить зеркалом как развития церковного искусства Руси XIV - XVI вв. в целом, так и роли в этом процессе монастырей, в частности. Конечно, далеко не каждая даже из числа богатых русских обителей этого периода могла собрать в своих стенах хотя бы часть таких сокровищ. Однако, если от общих восторгов перейти к трезвому анализу накопленных в течение столетий материалов, то выяснится, что они далеко не равноценные по своему художественному уровню. Шедевры, естественно, слишком малочисленны по сравнению с преобладающими предметами художественного ремесла. Казалось бы, в Троице-Сергиевом монастыре последнее усилиями местных мастеров сохранило все признаки элитарности. Но и здесь ожидает

некоторое разочарование: Амвросий и немногие близкие ему резчики были скорее исключением. В середине XV в. в монастыре оказался виртуозно выполненный явно одним из блестящих константинопольских мастеров деревянный резной наперстный крест - складень, хранившийся здесь еще в 1928 г. Его резьбу вскоре стали повторять в упрощенном варианте в изделиях из дерева и кости местные ремесленники и к началу XVI в. довели ее до схематизма. Конечно, из этого не следует, что пластическое искусство в монастыре шло по пути деградации, но подобные примеры все же учитывались.

В любом случае средневековые русские монастыри в плане художественного феномена сохраняют значение исторически сложившихся художественных скоровищниц даже независимо от количественного состава накопленных произведений. О нем дают наглядное представление известные инвентари и вкладные книги.²⁹ Отмеченные в них вещи не всегда могут быть обнаружены, а между тем давно назрела необходимость подготовить издание этих сокровищ, дающих представление о развитии русского сакрального искусства эпохи средневековья в целом. Попутно выясняется, что византийские произведения, похоже, большей частью оказались в пределах Руси уже после 1453 г., когда перестала существовать Византия, а обнищавшие греки стали все чаще обращаться за материальной помощью к своим богатым северным единоверцам. По крайней мере, дошедшие камни, за единичными исключениями, в русских ювелирных оправках XVI - XVII вв., и это не стоит игнорировать.

На сегодняшний день обстоятельно изучено книжное дело в московских и подмосковных монастырях XIV - начала XV в.³⁰ И его образцы, соответственно, дают представление о каллиграфическом искусстве указанного времени. Есть также опыты изучения рукописной продукции отдельных писцов, таких как преп. Нил Сорский - один из самых строгих русских подвижников XV в.³¹ В христианском мире он известен благодаря составленному им Уставу скитского жития.³² Были предметом изучения и библиотеки северных русских монастырей.³³ Однако накопленных наблюдений явно недостаточно для общей исчерпывающей характеристики, и поэтому проблема культурного феномена древнерусских монастырей требует дальнейшей разработки, предполагающей проведение частных разысканий. Пока же, по необходимости, приходится судить об общих явлениях на конкретных примерах.

Здесь не было ничего сказано о внутреннем устройстве монастырей, об опытах введения в них общежительного устава, о большой и разнообразной хозяйственной, а временами и миссионерской деятельности. Но это вовсе не значит, что нам остается неизвестным прошлое таких крупных монас-

тырей, как Кирилло-Белозерский.³⁴ Что не учтены опыты анализа внутренней жизни древнего Печерского монастыря.³⁵ Что, наконец, оставлены без внимания многие важные и интересные памятники художественной культуры, в том числе давно охваченные специальными исследованиями. Нашей целью было привести немногие исторические факты, позволяющие взглянуть на монастыри как на очаги культурной жизни средневековой Руси.

Общественное и культурное значение этих монастырей явно было различным. В одних из них существовали богатые и тщательно комплектованные библиотеки, работали книгописные мастерские, трудились иконописцы и различные ремесленники, продукцию которых далеко разносили паломники. В других, бедных и захолустных, было самое необходимое, и ни о каких шедеврах искусства здесь не имели представления. Но культура живет и развивается в своих самых различных проявлениях, и даже самоотечение книг, внимание пению и ежедневно звучащим поэтическим текстам молитв на ежедневных богослужениях, в сущности было приобщением к сокровищам христианской духовности. Порой обыденным и неприметным. Тот общий уклад, который сохранился в живой монастырской традиции и в старообрядческом быту, показывает, что человек, даже, казалось бы, не склонный к интеллектуальному труду, получал тот объем знаний, который нецерковными людьми усваивается с большими усилиями. Оказавшиеся в числе монастырской братии неграмотные крестьяне порой становились хорошо эрудированными в Писании и святоотеческой литературе.

В Западной Европе довольно рано возникли университеты, да и в среде католического монашества культивировалась склонность к научным занятиям. Иностранцы искренне недоумевали, почему греки после падения Византии основывали университеты в Италии, а не в единоверной им Москве. Но Москве с ее идеей Третьего Рима оказалась более нужной София Палеолог, а несколько позже появившийся ученейший Максим Грек был обречен на унижения и многолетнее заключение. И в XVI в., как и раньше, функцию университета осуществляли монастыри. Именно оттуда выходили многие писатели и видные церковные деятели, не только начитанные, но и с практическим опытом учительства и ведения сложного хозяйства. В этом, может быть, с наибольшей очевидностью сказывался культурный феномен средневекового русского монастыря, жизнь которого в значительной мере была скрыта от постороннего глаза. Думается, это обстоятельство и теперь затрудняет широкую характеристику культурной деятельности даже тех обитателей, результаты которой налицо.

- ¹ Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Киев, 1895. Т. 1: Типика. Ч. 1.
- ² См.: Казанский П. История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855.
- ³ Пуцко В. Богослужебный и бытовой уклад средневекового русского монастыря // *La vie quotidienne des moines et chanoines reguliers au Moyen Age et Temps modernes. Actes du Premier Colloque International du L. A. R. H. C. O. R., Wroclaw - Ksiaz, 30 novembre - 4 decembre 1994.* Wroclaw, 1995. С. 721 - 727.
- ⁴ Слюсарев В. Церкви и монастыри построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава до прекращения киевского великокняжения // *Труды Киевской духовной академии.* 12892. Т. 33. Ч. 1. С. 104 - 154.
- ⁵ Обобщены в кн.: Раппопорт П. А. Русская архитектура X - XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. (САИ. Вып. Е 1 - 47).
- ⁶ Там же. С. 26 - 27 (№ 35).
- ⁷ Там же. С. 16 - 17 (№ 18).
- ⁸ Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966.
- ⁹ Раппопорт П. А. Русская архитектура X - XIII вв. С. 23 - 25 (№ 33). Подробнее см.: Холостенко М. В. Успенский собор Печерского монастыря // *Стародавній Київ.* Київ, 1975. С. 107 - 170.
- ¹⁰ Подробнее см.: Воронин Н. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // *Археографический ежегодник за 1964 год.* М., 1965. С. 21 - 24.
- ¹¹ Чаговец В. А. Жизнь и сочинения преподобного Феодосия. Киев, 1901; Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // *Труды Отд. др.-рус. лит.* 1947. Т. V. С. 159 - 184.
- ¹² Богуславский С. Л. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // *Изв. Отд. рус. яз. и слов. АН.* 1914. Т. XIX. Кн. 1. С. 131 - 186; Кн. 3. С. 153 - 191.
- ¹³ Супрасьльски или Ретков сборник. София, 1982 - 1983. Т. 1 - 2.
- ¹⁴ Пуцко Н. Киевский художник XI века Алимпей Печерский. (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований) // *Wiener slavistisches Jahrbuch.* 1979. Bd. 25. С. 63 - 88.
- ¹⁵ Пуцко В. Некоторые эпизоды из Жития преподобного Феодосия Печерского // *Старобългарска литература.* 1990. Кн. 23 - 24. С. 57 - 62.
- ¹⁶ Карабинов И. А. "Наместная икона" древнего Киево-Печерского монастыря // *Изв. Гос. академии материальной культуры.* Л., 1927. Т. 5. С. 102 - 113; Пуцко В. Печерский ктиторский портрет // *Зограф.* Београд, 1982. Кн. 13. С. 42 - 48; он же. Печерська ікона Успіння Богородиці: легенда і дійсність // *Роддовід.* 1994. Ч. 9. С. 65 - 74.
- ¹⁷ Пуцко В. Г. Крест Марка Пещерника // *СА.* 1987. № 1. С. 217 - 229.
- ¹⁸ Поппэ А. В. О записи игумена Сильвестра // *Культура средневековой Руси.* Л., 1974. С. 51 - 52.
- ¹⁹ Боровський Я. Е. "Похвальное слово" Мойсея, игумена Видубицького монастиря // *Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI - XVIII ст.* Київ, 1981. С. 54 - 58.
- ²⁰ Раппопорт П. А. Русская архитектура X - XIII вв. С. 45 - 46 (№ 63).
- ²¹ Пуцко В. Новгородские фрески XII - XIII веков // *Wandmalerei des Hochfeudalismus im europaisch-byzantinischen Spannungsfeld (12. und 13. Jahrhundert).* Halle, 1983. С. 192 - 195.
- ²² Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI - XII вв. Лазарев монастырь // *Археографический ежегодник за 1981 год.* М., 1982. С. 52 - 63.
- ²³ Пуцко В. Художественный декор Юрьевского евангелия // *Ars Hungarica.* 1979. № 1. С. 7 - 21. Илл. 1 - 12.
- ²⁴ Выголенский сборник. М., 1977. См. рис. 1 - 29.
- ²⁵ Ср.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII - начала XV веков. М., 1980. С. 21.
- ²⁶ Подробнее см.: Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X - XIV вв.). М., 1966. (САИ. Вып. Е 1 - 57).
- ²⁷ О некоторых из них см.: Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1 - 2; Выголов В. П. Архитектура Московской Руси XV века. М., 1988; Подъяпольский С. С. К характеристике кирилловского зодчества XV - XVI веков // *СА.* 1966. № 2. С. 75 - 95; он же. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV - XVI века) // *Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV - XVI вв.* М., 1970. С. 437 - 457; Балдин В. И. Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры. М., 1976.
- ²⁸ См.: Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII - XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960; она же. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977; Олсуфьев Ю. А. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1926.
- ²⁹ См. наприм.: Ведомость у обретающихся образов всякого звания привесов отобранных 722 году в Покровском девичьем монастыре // *Труды Владимирской ученой архивной комиссии.* Владимир, 1908. Кн. X; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987; Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993; Описи Саввина Сторожевого монастыря XVII века. М., 1994.
- ³⁰ Вздорнов Г. И. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства Древней Руси.* М.; Л., 1966 (ТОДРЛ. Т. XXII). С. 119 - 143.
- ³¹ Прохоров Г. М. Автографы Нила Сорского // *Памятники культуры. Новые открытия.* 1974. М., 1975. С. 37 - 54.
- ³² Преподобный и богоносный отец наш Нил Сорский и Устав его о скитской жизни... М., 1991.
- ³³ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI - XVII веков. Л., 1977. См. также: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
- ³⁴ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 1897, 1910. Т. 1 - 2.
- ³⁵ См.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X - XII вв. СПб., 1913.

ИЗУЧЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА МОНАСТЫРСКИХ КОМПЛЕКСОВ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Накануне революции 1917 г. в Нижегородской Епархии числилась тридцать одна монастырская обитель (восемь мужских и двадцать три женских). Это были самые разнообразные по истории возникновения и развития монастыри - от древнейших, основанных, по летописям, в XII-XIII столетиях, до общин, возникших уже в начале XX в.¹

Ранние монастыри, основанные в XII - XVI вв., бывшие изначально деревянными, дошли до нашего столетия в каменных архитектурных ансамблях XVII в., дополнявшихся в XVIII-XIX вв. отдельными постройками (Благовещенский и Печерский в Нижнем Новгороде, Макарьевский Желтоводский Троицкий, Арзамасский Спасо-Преображенский), а также в комплексах XVIII-XIX вв. (Федоровский Городецкий, Арзамасский Никольский, Нижегородский Крестовоздвиженский). За долгую историю этих древних обителей монашеская жизнь в некоторых из них на время пресекалась, а затем вновь возобновлялась, иногда - на новом месте. До начала XX в. продолжали свою деятельность основанные в XVII в. Оранский Богородицкий, Арзамасский Алексеевский Новодевичий и Троицкий Островозерский монастыри (из них лишь последний сохранял архитектурный ансамбль XVII в.), а также возникший в петровское время Арзамасский Высокогорский Воскресенский монастырь.

В XIX в. в Нижегородской Епархии появилось шестнадцать новых монашеских общин (все - женские). Особую группу среди них составляли десять обителей, основание которых исторически или легендарно связано с именем Преподобного Серафима Саровского. Наиболее известны Серафимодивеевский Свято-Троицкий и Серафимопонетаевский Скорбященский монастыри, в которых процветали художественные ремесла. По благословению отца Серафима был возобновлен Спасо-Зеленогорский монастырь на месте упраздненной в 1764 г. мужской Спасо-Белогорской обители XVII в. Следует отметить появление в губернии двух единоверческих монастырей (Осиновского Крестовоздвиженского и Медведевского Покровского) в связи с большим числом старообрядцев, проживавших в Керженском Заволжье.

В начале XX в. в Нижегородской Епархии появились еще четыре монашеские общины. Одна из них - мужской единоверческий Керженский Благовещенский монастырь; остальные общины были женскими. Среди последних примечательно возобновление Маровского Крестовоздвиженского монастыря на месте Крестомаровской Воздвиженской мужской обители XVII в., разоренной во время Пугачевского восстания.

Разумеется, далеко не все монастыри, возникшие во второй половине XIX - нач. XX вв., смог-

ли сформировать на своих территориях архитектурные ансамбли. В то же время в губернии продолжали существовать и использоваться как приходы церквей сохранившиеся после упразднения в 1764 г. ряда обителей бывшие монастырские храмы (храмовый комплекс XVI - XVIII вв. Покровского монастыря и Христорожественская церковь XVII в. в г. Балахне, Успенская церковь XVII в. бывшего Амвросиева Дудина монастыря, Казанская церковь XVIII в. в с. Лысково).

После революции 1917 г. все нижегородские монастыри были закрыты.

В советский период границы Нижегородской (Горьковской) области неоднократно менялись. На сегодняшний день на ее территории находится ряд монастырских ансамблей, отошедших от других Епархий: Владимирской (Флорищева Пустынь, XVII в.), Тамбовской (Саровская Пустынь, XVIII в.) и Костромской (единоверческие Троицкий Белбажский и Высоковский Успенский монастыри, XIX в.).

К началу 1990-х гг. была обследована и поставлена на государственную охрану лишь небольшая часть сохранившихся монастырских комплексов. Естественно, это были наиболее ценные объекты. В 1960 г. статус памятников архитектуры республиканского значения получили:

- ансамбль памятников XVII, XIX вв. Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде, основанного одновременно с городом в 1221 г.;

- ансамбль памятников XVII - XIX вв. Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде, основанного в 1329 г. (перенесен после оползня в 1597 г. на новое место);

- ансамбль памятников XVII, XIX вв. Макарьевского Желтоводского Троицкого монастыря на Волге, основанного в 1435 г. (в XV в. обитель была разорена казанскими татарами и возобновлена в XVII в.; на месте упраздненной в 1867 г. мужской обители в 1882г. образовалась женская община);

- ансамбль памятников XVII - XIX вв. Флорищевой Пустыни;

- отдельные монастырские объекты - Спасо-Преображенский собор XVII в. в г. Арзамасе, Никольская церковь (1552 г.), Покровская и Христорожественская (XVII в.) церкви в г. Балахне, колокольня (XVII в.) Спасо-Зеленогорского (Белогорского) монастыря.

В 1983 г. этот список был дополнен рядом памятников архитектуры областного значения, куда вошли комплексы памятников XVIII - XIX вв. Никольского и Спасо-Преображенского монастырей в г. Арзамасе, а также ансамбль эпохи классицизма (1800-1835 гг.) Высоковского Успенского монастыря.²

Причины, по которым круг взятых под государственную охрану монастырских комплексов был ограничен, достаточно очевидны. Не принимались во внимание памятники, находившиеся в аварийном или руинированном состоянии, хотя подчас и весьма ценные (например, объекты XVII в. Амвросиева Дудина и Троицкого Островоезерского монастырей). Ряд объектов имели режимный характер использования и были практически недоступны для исследований. Кроме того, за значительной группой поздних монастырских ансамблей не признавалась историко-архитектурная ценность в связи с бытовавшим вплоть до 1980-х гг. неоднозначным отношением к наследию второй половины XIX - нач. XX вв.

В 1992 г. в структуре Администрации Нижегородской области был создан специально уполномоченный государственный орган - Комитет по охране историко-культурного наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Его создание дало новый импульс к более активному изучению наследия области и определению новых подходов к организации государственной охраны памятников истории и культуры, в том числе культовых.

Одним из первых нормативных документов, подготовленных Комитетом, стало "Положение о порядке передачи религиозным организациям культовых зданий, сооружений и архитектурных комплексов",⁴ несколько лет восполнявшее на территории области лакуну в федеральном законодательстве. На момент утверждения этого акта на государственном учете состояло около двухсот культовых объектов, в то время как по предварительным оценкам их сохранилось более семисот. В связи с невозможностью в краткое время провести их обследование, все культовые объекты области (не списочно, а типологической группой, включая монастырские кельи, хозпостройки, дома причтов и т.п.), построенные до 1925 г., были объявлены объектами историко-культурного наследия и, таким образом, исключены из процесса приватизации госимущества светскими предприятиями и организациями. Далее последовала работа по индивидуальному изучению культовых объектов, в т.ч. монастырских ансамблей.

В 1993 г. в области вышел ряд нормативных актов, касающихся государственной охраны архитектурного наследия монастырей. Были объявлены памятниками областного значения ансамбли Крестовоздвиженского монастыря в Нижнем Новгороде,⁵ Саровской Пустыни⁶ и Серафимо-Дивеевского Свято-Троицкого монастыря.⁷ В отношении двух последних Нижегородская область ходатайствовала перед Правительством Российской Федерации о придании им статуса памятников архитектуры федерального (общероссийского) значения. Специальным актом были утверждены границы зон охраны Серафимо-Дивеевского монастыря и режимы их содержания, регулирующие градостроительную и хозяйственную деятельность, введено и на-

полнено юридическим содержанием новое понятие "земли историко-культурного назначения" в отношении территории в исторических границах монастыря, на которой закреплено приоритетное право монастырской общины на приобретение зданий и земельных участков.⁸ Впервые была введена новая категория объектов государственной охраны "достопримечательные места" в отношении мест религиозного поклонения - источников и пустынек Преподобного Серафима Саровского.

В 1994 г. объявлены памятниками архитектуры областного значения два сохранившихся корпуса XIX в. Федоровского Городецкого монастыря,⁹ первой православной обители в Низовских землях, основанной в XII в. и возрожденной на новом месте в 1700 г. после трех веков небытия. Поставлен на государственную охрану также ансамбль Выксунского Иверского монастыря XIX в., а его территории присвоен статус земель историко-культурного назначения с введением режима ее содержания.¹⁰

С 1994 г. практически все нормативные акты области, касающиеся комплексных объектов (монастырей, скитов, усадеб и т. п.), сопровождаются объявлением их территорий землями историко-культурного назначения, закреплением границ и утверждением индивидуальных режимов их использования. В отношении монастырских комплексов, как правило, устанавливаются условия поэтапной передачи зданий религиозным организациям Русской Православной Церкви, реставрации памятников архитектуры, поэтапного сноса или реконструкции дисгармоничных объектов, археологического надзора при проведении земляных работ, а также вводятся запреты на строительство сооружений, нарушающих исторический облик ансамблей, прокладку инженерных коммуникаций по территориям монастырских некрополей и ряд других требований.

В 1995 г. Указом Президента РФ ансамблям Саровской Пустыни и Серафимо-Дивеевского монастыря был присвоен статус памятников федерального (общероссийского) значения.¹¹ Тогда же законодательным актом Нижегородской области были поставлены на государственную охрану объекты и территории Амвросиева Дудина монастыря, основанного в 1445 г. (сооружения XVII, нач. XX вв.), Оранского Богородицкого монастыря, заложенного в 1634 г. (архитектурный ансамбль XIX в.), Николаевского Георгиевского Абабковского и Дальне-Давыдовского монастырей, образованных в XIX в. (архитектурные комплексы XIX - нач. XX вв.) Кроме того, статус земель историко-культурного назначения со специальным режимом использования получила территория острова Ворсменского озера, где в XVII в. князьями Черкасскими был построен Островоезерский Троицкий монастырь, от которого в настоящее время остался лишь руинированный келейный корпус.¹²

В настоящее время идет работа над проектами документов о принятии на государственную

охрану ансамблей Арзамасского Алексеевского Новодевичьего, Троицкого Белбажского и Серафимо-Понетаевского монастырей, а также об утверждении границ охраняемых территорий Крестовоздвиженского монастыря в Нижнем Новгороде, Никольского и Спасо-Преображенского монастырей в г. Арзамасе.

К сожалению, в процессе проводимых исследований часто приходится констатировать утрату в послереволюционный период ряда объектов монастырских ансамблей, в том числе храмов. На вновь застроенной территории Ардатовского Покровского монастыря, основанного Серафимом Саровским, уцелел лишь один келейный корпус. Не сохранилось никаких построек упраздненных после революции Ягодинского Введенского, Кутузовского Богородицкого, Лукояновского Тихоновского, Маровского Крестовоздвиженского монастырей XIX - начала XX вв.

Принятие на государственную охрану дошедших до наших дней монастырских комплексов, конечно, само по себе не решает сложных проблем их восстановления и реставрации, однако позволяет предотвращать рукотворные разрушения и грубое вторжение на монастырские территории нового строительства, а также открывает перспективу бюджетного финансирования ремонтно-реставрационных работ.

Помимо изучения архитектурного наследия, в области проводятся и археологические исследования древних монастырей. За последние годы осуществлены раскопки на территориях Покровского монастыря в г. Балахне,¹³ Саровской Пустыни, Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде.¹⁴ Закладывались археологические шурфы на участках Воскресенского монастыря в г. Павлове и Христорождественского монастыря в г. Балахне. В 1996 г. планируются исследования культурного слоя на месте первоначального расположения Нижегородского Печерского монастыря, а также Троицкого Островоезерского и Амвросиева Дудина монастырей.

На сегодняшний день в Нижегородской Епархии возобновлены семь монастырей (три мужских и четыре женских). Передача монастырским общинам их исторических строений, как правило, заселенных в советский период жителями и занятых различными организациями, конечно, связана с рядом серьезных проблем. Тем не менее, областная администрация достаточно успешно их решает, избрав политику не конфликтов, а контактов с религиозными организациями. В соответствии с реализуемым руководством области принципом безусловного признания приоритетного права религиозных организаций на культовые объекты, монастырским общинам переданы комплексы Макарьевского Желтоводского Троицкого, Нижегородского Печерского Вознесенского, Оранского Богородицкого и Абабковского Николаевского Георгиевского монастырей. Несмотря на ряд сложностей, идет поэтапное выс-

вобождение и передача объектов Нижегородского Благовещенского, Серафимо-Дивеевского Троицкого и Арзамасского Никольского монастырей. Кроме того, до образования монастырских общин в пользование приходским объединениям передан ряд объектов Флорищевой Пустыни, Выксунского Иверского и Нижегородского Крестовоздвиженского монастырей.

В области предусматривается бюджетное финансирование ремонтно-реставрационных работ на наиболее ценных памятниках архитектуры, переданных Русской Православной Церкви. Так, в 1995 г. велись крупные реставрационные работы в Макарьевском монастыре (инженерное укрепление аварийной колокольни, реставрация монументальной живописи в Троицком соборе), Флорищевой Пустыни (противоаварийные работы на Троицкой церкви, укрепление оползневого склона), Нижегородском Благовещенском монастыре (реставрация кровель игуменского корпуса, археологические исследования при откопке фундаментов ограды), а также шла разработка генеральных планов Серафимо-Дивеевского и Нижегородского Печерского монастырей.

Особое место занимают проблемы возрождения Серафимо-Дивеевского Троицкого монастыря, учитывая его исключительное значение как одного из духовных центров Православия.

В 1992 г. был разработан новый генеральный план с. Дивеева с учетом его значения как центра православного паломничества. Комитетом по охране и использованию историко-культурного наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области был выполнен историко-архитектурный анализ, определены охранные зоны монастыря. Новая градостроительная концепция генплана заключалась в восстановлении монастыря в границах по согласованию с Нижегородской Епархией, поэтапном выводе светских учреждений и жилья с территории монастыря на новые площадки, развитии инфраструктуры села с ориентацией на паломнический туризм.

В 1995 г. был разработан генеральный план Серафимо-Дивеевского монастыря в исторических границах, предусматривающий восстановление функционального зонирования, адаптацию построек советского периода к монастырским нуждам, снос дисгармоничных построек и восполнение утраченных объектов, восстановление святыни - Канавки Божией Матери с выводом сетей и коммуникаций.

В настоящее время монастырю переданы два собора, комплекс Казанской - Рождественских церквей, колокольный, вратницкий, часть игуменского корпуса и еще несколько объектов.

На основе генпланов села и монастыря администрацией области разрабатывается проект федеральной целевой программы возрождения Серафимо-Дивеевского монастыря до 2000 г. для представления на рассмотрение в Правительство РФ.

Наш рассказ был бы неполным без упоминания историко-культурного наследия старообрядчества в Нижегородском крае, выходцы из которого сыграли весьма заметную роль в исторической драме, известной как раскол Русской Церкви. Достаточно упомянуть хотя бы тот поразительный факт, что наиболее выдающиеся идеологии противостоящих сторон - патриарх Никон, протопоп Аввакум, епископ Павел Коломенский и ряд других видных деятелей раскола родились в "пределах Нижегородских". Старообрядческие скиты появились в Нижегородском крае во второй половине XVII в. К началу XVIII в. керженские леса становятся одной из крупнейших в России колонией "раскольничьих" скитов, которых насчитывалось несколько десятков. В первой трети XVIII в., благодаря стараниям Нижегородского епископа Питирима, почти все завожские скиты были уничтожены, за исключением Оленевского и Шарпанского. Но в связи со смягчением государственной политики после 1762 г., число скитов в Семеновских лесах к концу XVIII в. достигло пятидесяти четырех. При Николае I вновь усилились гонения на старообрядцев. В 1853 г. вышло высочайшее повеление о ликвидации скитов и переселении их жителей в один скит - Улангерский. Однако правительственные предписания не смогли уничтожить скитскую жизнь - тайные обители продолжали существовать. После указа 1905 г. "Об укреплении начал веротерпимости" старообрядцы были уравнены в правах с лицами инославных исповеданий и получили возможность легально строить молитвенные здания, школы и устраивать кладбища.

На территории Нижегородской области на сегодняшний день существует лишь один старообрядческий скит со сложившимся архитектурным комплексом рубежа XIX - XX вв. - Малиновский, известный по документальным упоминаниям с конца XVIII в.¹⁵ В 1994 г. объекты и территория Мали-

новского скита были поставлены на государственную охрану.¹⁶

Специфической группой объектов историко-культурного наследия являются места религиозного поклонения старообрядцев - территории бывших скитов и погостов, могилы подвижников старой веры. В 1994 г. была начата работа по выявлению старообрядческих святых мест в Семеновском районе. К исследованию привлекались объекты с живой продолжающейся традицией паломничества. Результатом первого этапа исследовательской программы, рассчитанной на несколько лет, стала паспортизация четырнадцати мест, связанных с историей старообрядчества.¹⁷

В 1995 г. деревня Большое Оленево, сохранившая планировочную структуру и фрагменты древнего скитского поселения, связанного с именами первых подвижников старообрядчества, была объявлена историческим населенным местом Нижегородской области. Территории шести скитов были объявлены достопримечательными местами областного значения (скиты Комаровский, Смольяны, Пустой (Старый) Шарпан, Новый Шарпан, "Семь дев" и "Святой колодчик и могилы сожженных").¹⁸ Принятие территорий скитов на государственную охрану позволило в 1996 г. поставить вопрос об изменении трассы строящегося газопровода и сохранить от разрушения скит "Святой колодчик и могилы сожженных" у д. Осинки.

Завершая обзор деятельности, осуществляемой в Нижегородской области в сфере охраны историко-культурного наследия православных монастырей, следует отметить, что работа последних лет базировалась на ряде новых методических подходов, среди которых особое внимание уделялось организации сплошного обследования монастырских ансамблей, расширению круга и введению новых категорий охраняемых объектов, нормативному обеспечению охранной деятельности.

¹ Православные русские обители. СПб., 1910. Репринтное издание: СПб., 1994. С. 353 - 373.

² Постановление Совета Министров РСФСР от 30. 08. 60 № 1327.

³ Решение Горьковского облисполкома от 03. 11. 83 № 559.

⁴ Решение Нижегородского Областного совета народных депутатов от 20. 10. 92 № 299-М "О порядке передачи религиозным организациям культовых зданий, сооружений и архитектурных комплексов, являющихся объектами историко-культурного наследия на территории Нижнего Новгорода и Нижегородской области".

⁵ Решение Нижегородского Областного совета народных депутатов от 31. 08. 93 № 288-М "Об объявлении находящихся на территории г. Нижнего Новгорода объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры областного значения".

⁶ Решения Нижегородского Областного совета народных депутатов от 15. 06. 93 № 196-М "Об объявлении находящихся на территории гг. Арзамаса-16, Балахны и Ветлуги объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры област-

ного значения", от 30. 11. 93 № 366-М "О внесении изменений и дополнений в решение областного Совета народных депутатов от 15. 06. 93 № 196-М".

⁷ Решение Нижегородского Областного совета народных депутатов от 15. 06. 93 № 195-М "Об объявлении объектов Серафимо-Дивеевского Свято-Троицкого монастыря и других объектов, находящихся на территории с. Дивеево, памятниками истории и культуры областного значения".

⁸ Решение Нижегородского Областного совета народных депутатов от 30. 11. 93 № 369-М "Об утверждении границ и режимов охранных зон с. Дивеево Дивеевского района".

⁹ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 21. 06. 94 № 42 "Об объявлении находящихся на территории г. Городца объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры областного значения, установлении зон охраны г. Городца, режима их содержания и использования".

¹⁰ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 21. 06. 94 № 41 "Об объявлении на-

ходящихся на территории Борского и Выксунского районов монастырских комплексов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры областного значения”.

¹¹Указ Президента Российской Федерации от 20. 02. 95 № 176 “Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия Федерального (общероссийского) значения”.

¹² Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 30. 05. 95 № 64 “Об объявлении находящихся на территории Богородского, Вачского, Павловского районов монастырских комплексов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры областного значения, и об объявлении их территорий, а также территории бывшего Островоезерского Троицкого монастыря в Павловском районе землями историко-культурного назначения”.

¹³Грибов Н. Н., Иванова Н. В. Комплексное историко-археологическое исследование Покровского монастыря в г. Балахне Нижегородской области // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. Тезисы докладов VI научной конференции “Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России”. Н. Новгород, 1995. С. 204 - 205.

¹⁴ Дмитриевский С. М., Еремин И. О. Историко-археологические исследования на территории Нижегородского Благовещенского монастыря // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. С. 203 - 204.

¹⁵ Агафонова И. С. и др. Малиновский старообрядческий скит и проблема его сохранения как историко-культурного комплекса // Памятники истории и архитектуры Европейской России. Материалы докладов научных конференций “Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России”. Н. Новгород, 1995. С. 208 - 216.

¹⁶ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 21. 06. 94 № 41 “Об объявлении находящихся на территории Борского и Выксунского районов монастырских комплексов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры областного значения”.

¹⁷ Бахарева Н. Н., Белякова М. М. Изучение и государственная охрана мест, связанных с историей старообрядчества в Нижегородской области // Материалы международной конференции “Живые традиции русской культуры: к 30-летию полевых комплексных археографических исследований русского старообрядчества”, проходившей в МГУ 21 - 24 ноября 1995 г. (в печати).

¹⁸ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 17. 10. 95 № 180 “Об объявлении памятных мест, связанных с историей старообрядчества, мест паломничества и поклонения старообрядческим святыням, расположенных в Семеновском районе, достопримечательными местами Нижегородской области и памятниками истории областного значения и объявлении их территорий землями историко-культурного назначения”.

А. Н. Трофимов

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР МУРОМСКОГО СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ. КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ

Спасо-Преображенский собор расположен на территории Спасского монастыря, в юго-восточной части г. Муром, на высоком, почти отвесном, левом берегу реки Оки.

Несмотря на большое количество литературных и летописных источников, ни один из них не упоминает точной даты постройки этого памятника. Наиболее ранние из них косвенно относят строительство собора ко времени царствования Иоанна IV, а точнее, к событиям, связанным со взятием Казани, т. е. ко второй половине XVI в.

История собора, насчитывающая несколько строительных периодов, существенно отразилась на внешнем облике дошедшего до нас памятника. Изначально это был четырехстолпный храм с крестово-купольной системой сводов, позакомарным покрытием и пятью главами шлемовидной формы. Имел типичные для архитектуры XVI в. щелевидные оконные проемы, перспективные порталы с северного, южного и западного фасадов. Стены вертикально членились плоскими пилястрами на три части, отделялись от закомар карнизом, украшенным рядом поребрика. Карнизы барабанов также были орнаментированы двойным рядом зубчиков, а основание центрального барабана - восемью кокошниками. К одному из фасадов примыкала “каменная колокольница”¹ (возможно плоская кирпичная звонница с арочными проемами для колоколов).

В 1839 г. по проекту архитектора Я. Петрова² к западной стене собора была пристроена трапезная в ширину основного объема. Главы получили новую луковичную форму. Возможно, в это же время были растесаны оконные проемы XVI в., а перспективные порталы превращены в обычные дверные проемы с полуциркульным завершением. В 1885 г. в соборе вместо сгнивших внутрискатных и воздушных деревянных связей были устроены металлические, щели и трещины заложены кирпичом. Стены и своды внутри и снаружи оштукатурены.³ В штукатурке же были выполнены все декоративные элементы фасадов. Возможно, в какой-то период XIX в. собор имел четырехскатную кровлю.

В шестидесятых годах XX в. были начаты реставрационные работы. В результате этих работ собор должен был бы вернуть себе облик XVI в.⁴ (шлемовидные главы, щелевидные оконные проемы, перспективные порталы; трапезную предлагалось разобрать), но работы в полном объеме выполнены не были и ограничились лишь восстановлением перспективного портала южного фасада основного объема и нескольких щелевидных оконных проемов.

В новом проекте реставрации (1991г.)⁵ задача целостной реставрации восстановления собора, на период XVI в., уже не ставилась и по причинам, носящим принципиальный характер. Представ-

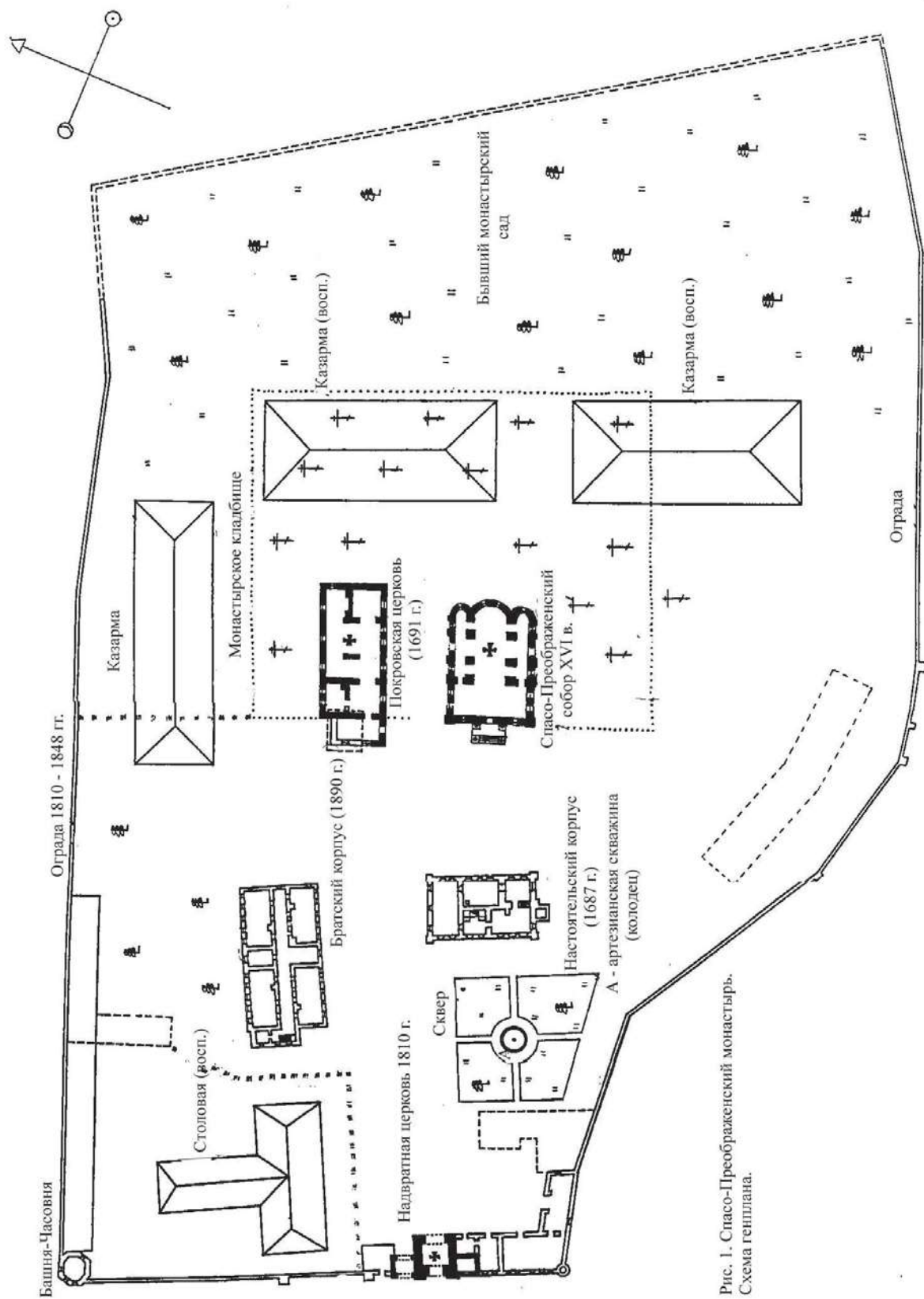

Рис. 1. Спасо-Преображенский монастырь. Схема генплана.

Рис.2. Спасский монастырь. Спасо-Преображенский собор. Южный фасад.

ляется, что на данном памятнике наиболее целесообразным является проведение комплекса ремонтно-реставрационных работ, носящих характер компромиссной реставрации. Это подразумевает под собой сохранение поздних пристроек и перестроек с раскрытием архитектурного своеобразия каждого исторически обусловленного фрагмента памятника. При этом раскрывается сущность компромиссного метода реставрации, заключающегося в начальном компромиссе между восстановлением подлинной первоначальной структуры памятника и сохранением поздних архитектурно-конструктивных наслоений, отражающих своеобразие и черты определенных исторических периодов.

В результате предполагаемых реставрационных работ барабаны, стены основного объема и апсид вернут себе облик XVI в. (позакомарное покрытие, щелевидные оконные проемы, перспективные порталы, декоративные элементы фасадов), кресты и главы сохранят свои формы, датируемые первой половиной XIX в., а трапезная и паперть с крыльцом - формы конца XIX в. Таким образом, разновременные пристройки и перестройки собора, несущие на себе отпечаток различных исторических эпох и представляющие определенную научно-реставрационную ценность, только обогатят общее восприятие памятника не разрушая его целостного архитектурно-художественного образа.

Рис. 3. Спасский монастырь. Спасо-Преображенский собор. XVI - XIX вв. Западный фасад.

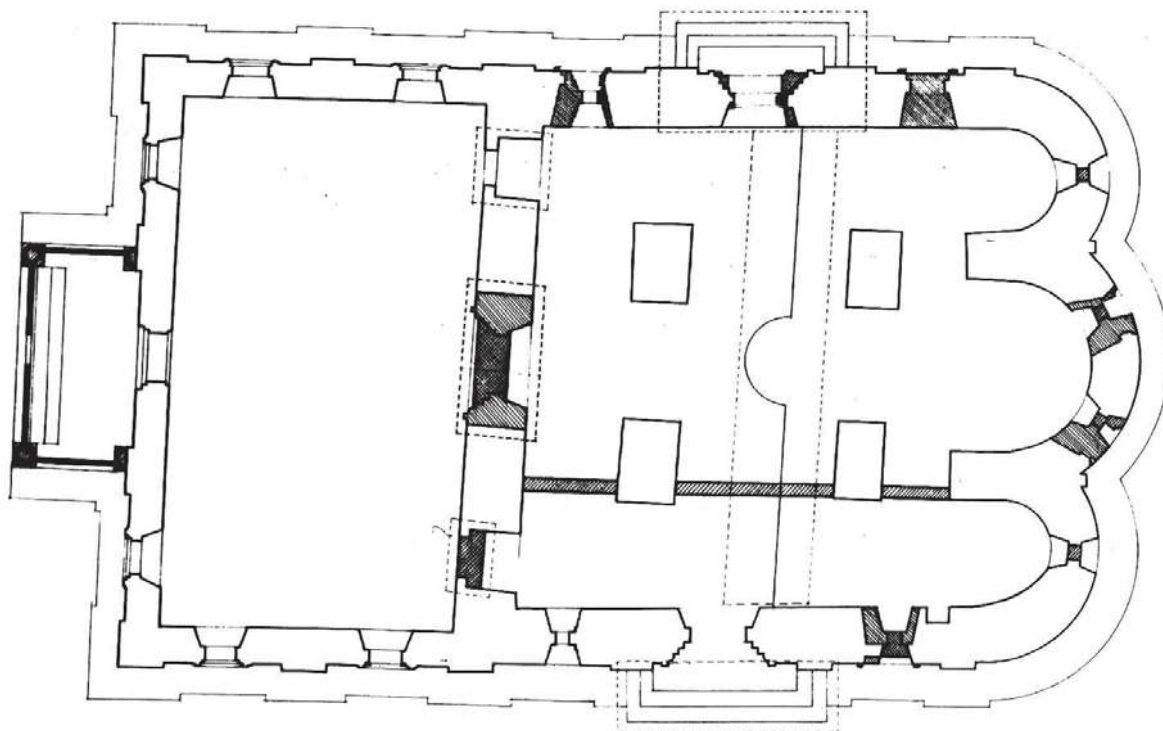

Рис. 4. Спасо-Преображенский собор. План .

---

¹ Владимирские Губернские ведомости. 1907. 15 июня. № 24. Мисаил, архимандрит. Муромский штатный 3-го класса Спасский мужской монастырь. С. 5.

² План и фасад города Муром церкви Преображения Господня мужского монастыря, 1839 г., Петров (чертеж) // МИХМ. М-12318.

³Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 119.

⁴ Предварительные обследования, обмерные чертежи, проектные предложения по реставрации Спасо-Преображенского собора, 1963 // Архив ОАО "Владимирреставрация". Инв. № 17703.

⁵ Проект реставрации Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря г. Муром, 1991 г. // Архив ОАО "Владимирреставрация".

Рис. 5. Спасо-Преображенский собор. Южный фасад.

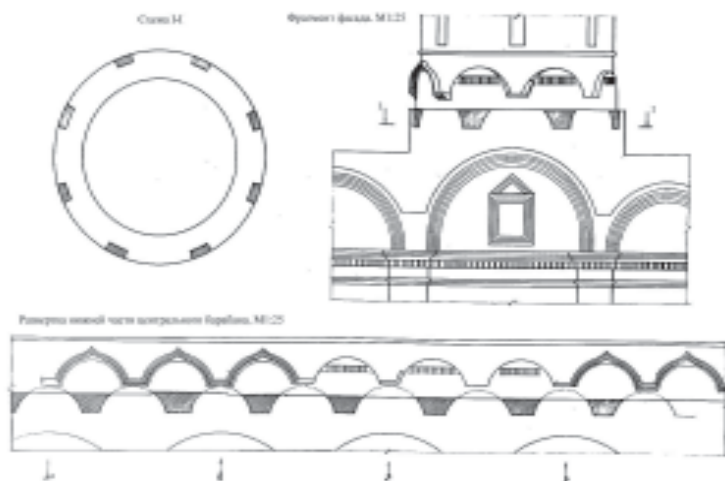

Рис. 6. Спасо-Преображенский собор. Фрагмент фасада.

К ВОПРОСУ О РЕСТАВРАЦИИ НАДВРАТНОЙ ЦЕРКВИ МУРОМСКОГО СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

1. Краткая историческая справка. Вопросы атрибуции.

В описи города Мурома 1637 г. среди построек Спасского монастыря впервые упоминается каменная церковь Кирилла Белозерского над северными святыми воротами. В 1797 г. эта церковь была упразднена (престол был перенесен в первый этаж теплой Покровской церкви), а затем и разобрана в 1807-1810 гг.

В 1809 г. архимандрит Спасского монастыря Вениамин подал на имя епископа Владимирского и Суздальского Ксенофонта прошение о разборке ветхой колокольни при Покровской церкви и о строительстве на святых воротах, перенесенных на западную сторону, “колокольни с церковью во имя преподобного отца нашего Ксенофонта и дружины его”¹ (т. е. во имя свв. прпп. Ксенофонта и Марии Константинопольских /Палестинских). К прошению прилагались “план с фасадом”, отсутствующие ныне в деле.

Осуществлен этот проект до конца не был. Строительство ограды и надвратной церкви велось долгое время, приостанавливаясь по причине отсутствия средств, низкого качества материала и т.п. Имеются упоминания о расходах 1817, 1819, 1821, 1822, 1848 гг. В описи 1846 г. поминаются четыре каменных монастырских здания, т. е. в том числе и недостроенная церковь - колокольня,² так и не получившая яруса звона. Не был устроен и храм над св. воротами - “за теснотою и... за неимением в нем особенной надобности”³.

В этой связи следует отметить, что в официальных документах, в т. ч. и в новой неопубликованной редакции Списка памятников истории и культуры Владимирской области, означенный памятник (гос. инв. № 1700486003) ошибочно именуется церковью Кирилла Белозерского;⁴ тогда как церковь Кирилла Белозерского, находившаяся над северными св. воротами, была упразднена и разобрана, а ныне существующий над западными св. воротами объем как церковь никогда освящен не был. Здесь и далее предлагается именовать памятник “надвратная церковь”.

В 1869 г. в здании надвратной церкви был размещен архив Муромского духовного правления. К 1873 г. в юго-западной части монастыря появилось еще несколько каменных зданий, в том числе пристроены с юга и востока к объему надвратной церкви помещения для привратника, конюха и рабочих. В 1881 г. эти помещения были “перестроены наново”, а в 1913 г. - покрыты железом. В 1889 г. осуществлялся “ремонт кровель на св. воротах”, в результате которого, видимо, памятник приобрел ныне существующее завершение.

Более сведений о строительной истории надвратной церкви не выявлено. Длительное время - вплоть до 1995 г. - комплекс Спасского монастыря находился в пользовании воинской части, вследствие чего монастырские здания и сооружения претерпели значительные утраты и переделки.

2. Современное состояние памятника.

Расположенная в западной части Спасского монастыря, над главным въездом на его территорию, надвратная церковь является одним из основных композиционных элементов комплекса - памятника архитектуры Федерального значения.

Объемно-планировочная структура надвратной церкви восходит к традиционной схеме надвратной церкви-колокольни: к квадратному в плане столпообразному центральному объему над святыми воротами с севера и юга примыкают прямоугольные в плане “крылья” меньшей высоты, под одним из которых (северным) устроены проездные ворота, первый ярус южного крыла занимала лестница, ведущая на второй ярус (собственно “церковь”), третий ярус - ярус звона (“колокольня”), предусмотренный проектом (имеется винтовая лестница в толще южной стены центрального объема), не был построен, что наложило определенный отпечаток на существующий облик памятника.

Ориентация церкви по сторонам света, остатки арки на северном фасаде⁵ разрушения на восточном фасаде, а также существующие аналоги позволяют предположить, что с востока к центральному объему примыкал значительный ризалит, второй ярус которого являлся апсидой церкви. Возможно, эта часть церкви или не была достроена, или обрушилась после возведения.

Западная арка святых врат сочетает в себе явно разновременные элементы,⁶ некоторые из которых, возможно, были возведены ранее 1809 г. (в XVII - XVIII вв. ?), а затем включены в объем надвратной церкви.

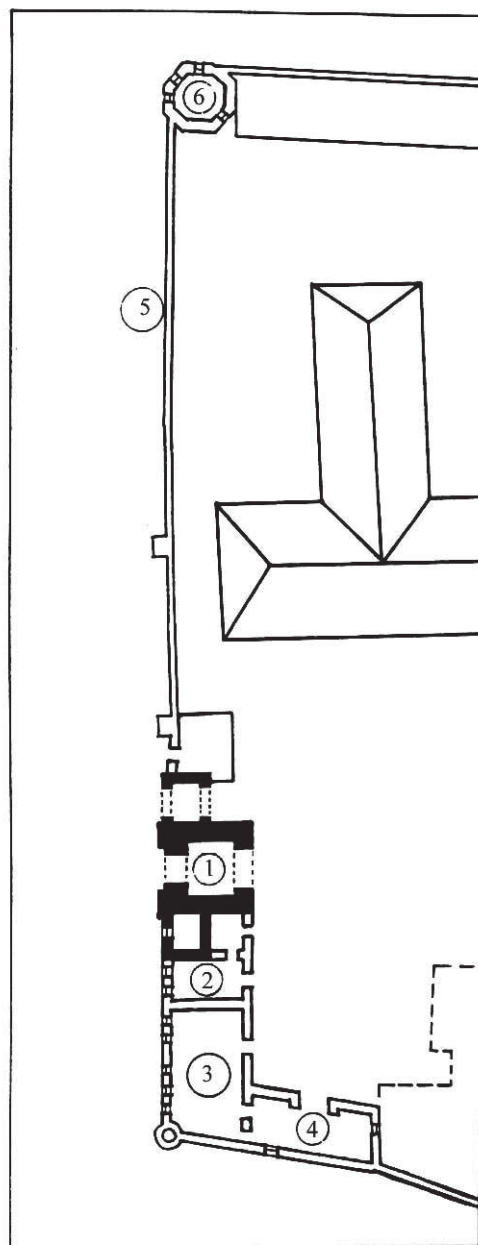
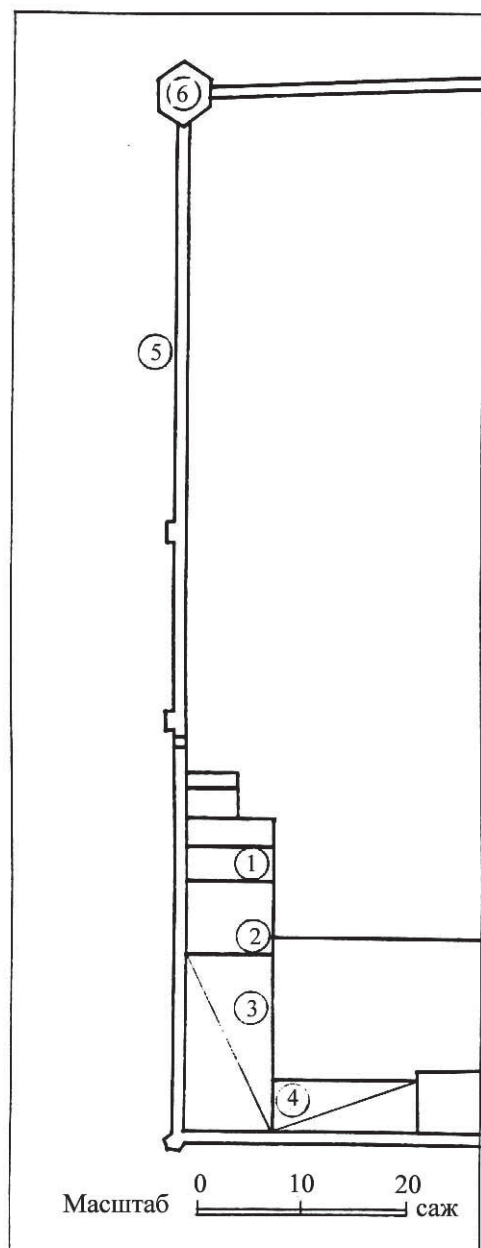
Архитектурное оформление западного фасада: руст, круглые окна второго яруса, профиль карнизов - позволяет отнести надвратную церковь к “классическому стилю”. О какой бы то ни было стилистике прочих фасадов, сильно искаженных пристройками и переделками, говорить не приходится. Завершение памятника позднего происхождения и носит случайный характер, крест утрачен.

Общее состояние памятника неудовлетворительное, близкое к аварийному: в стенах имеются

Рис. 1. Спасо-Преображенский монастырь. План задней части комплекса.

Копия плана нач. XX в. Фрагмент.
МИХМ. М-12215. Лист 1.

Генеральный план на 1992 г.
Фрагмент.

Экспликация:

1. Надвратная церковь (1810 - 1848 гг.)
2. Помещение для привратника, конюха и рабочих (1873 г.)
3. Конюшня (1873 г.)
4. Каретник (1873 г.)
5. Ограда (1810 - 1848 гг.)
6. Часовня (1890 г.)

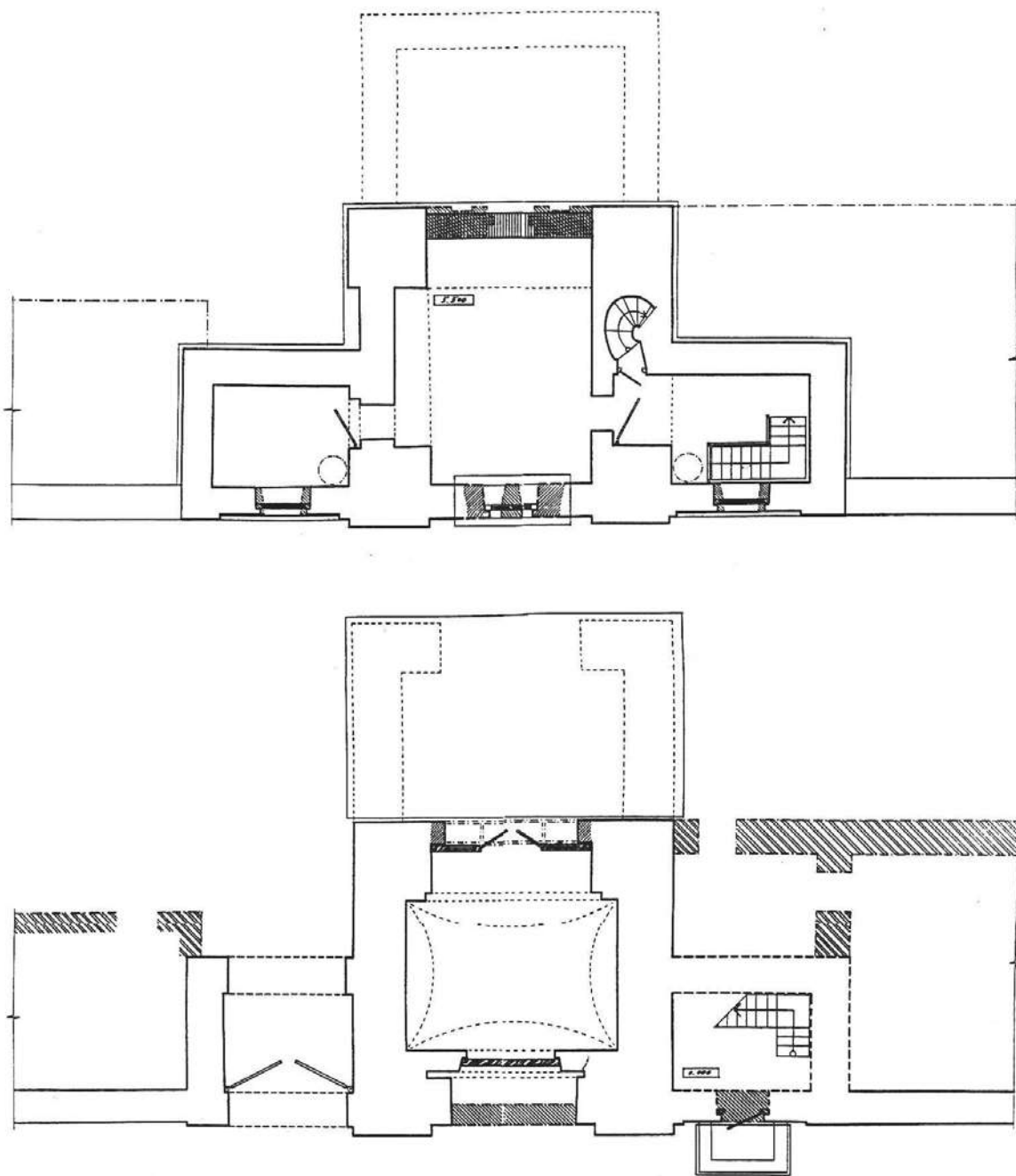

Рис. 2. Спасо-Преображенский монастырь.
Надвратная церковь. Планы I и II этажей.

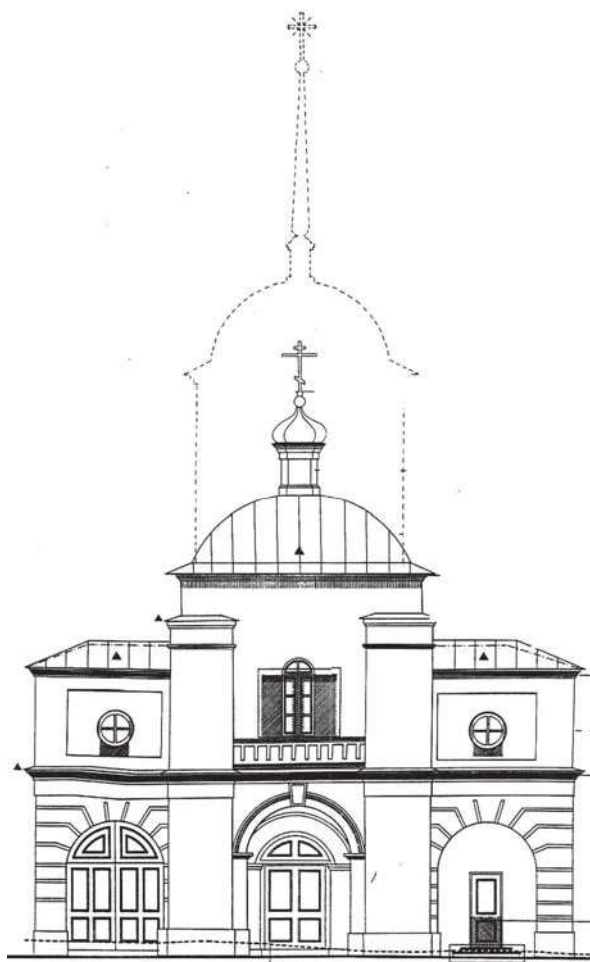

Рис. 3. Спасо-Преображенский монастырь.
Надвратная церковь. Западный фасад.

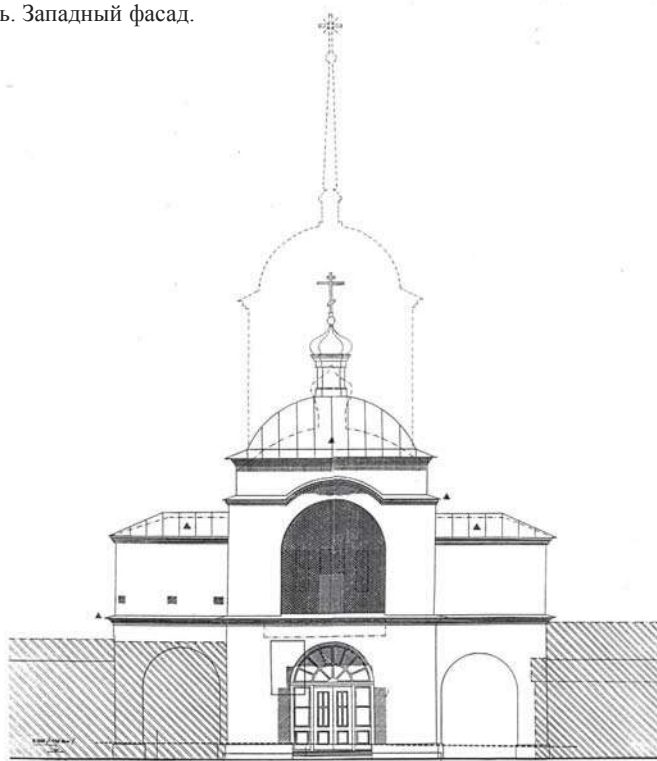

Рис. 4. Спасо-Преображенский монастырь.
Надвратная церковь. Восточный фасад.

3. Проектные предложения по реставрации.

В 1992 - 1993 гг. предприятием (ныне ОАО) "Владимирреставрация" выполнен ряд научно-проектных работ по надвратной церкви Спасского монастыря:

- обмеры (рук. архитектор А. Н. Трофимов)⁷ и натурное обследование памятника (архитекторы В. П. Константинов и Т. Г. Коремина) были выполнены в объеме, разрешенном пользователем, т. е. частично, - эскизный проект реставрации (автор: архитектор В. П. Константинов, при участии архитекторов Т. Г. Кореминой и В. А. Мироновой) составлен на основании имевшихся к моменту проектирования данных,⁸ следовательно многие его позиции нуждаются в корректировке по данным дополнительных исследований и по условиям современного использования.

Окончательные выводы по строительной истории памятника также возможны лишь после проведения масштабных археологических и натуральных исследований в ходе производства работ.

Ремонтно-реставрационные мероприятия, предлагаемые проектом, отражены в его графической части (см. картограммы реставрационных работ - листы АС-2-5). Изображение недостроенных и утраченных элементов не является обоснованной графической реконструкцией, а призвано лишь продемонстрировать характер первоначального замысла.

Воссоздание яруса звона (даже при обнаружении проекта 1809 г.) признано нецелесообразным. В качестве консервационного мероприятия предлагается докладка центрального объема с устройством необходимого карниза. Характер завершения крыши, барабана, главы, центрального объема - оставлен прежним с некоторым повышением отметок, связанным с устройством карнизного навеса и с компенсацией осадки деревянных конструкций. Принимая во внимание специфику строительной истории объекта, а также репрезентативную роль и композиционное значение, присущие надвратной церкви в православном монастырском комплексе, автор проекта не отрицает возможности привлечения методов "стилистической реставрации" при устройстве вновь завершения центрального объема - с целью создания эстетически полноценного образа сооружения.

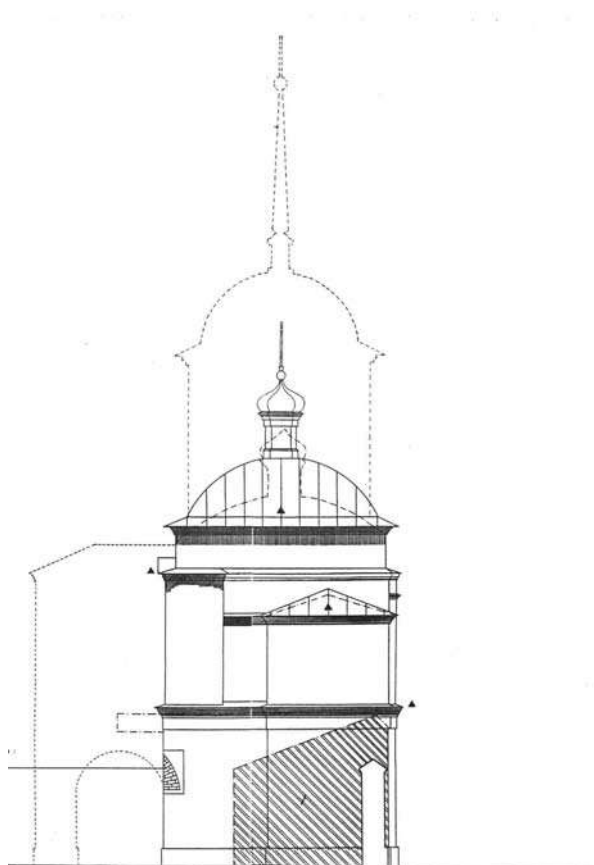

Рис. 5. Спасо-Преображенский монастырь. Надвратная церковь. Северный фасад.

трещины, свидетельствующие о неравномерности просадок грунта;наблюдается деструкция, выветривание кирпича; сильное разрушение кладки верхней части центрального объема из-за отсутствия карнизного свеса кровли. Перекрытия и крыши находятся в неудовлетворительном состоянии. Форма оконных и дверных проемов искажена поздними перделками.

¹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1064. Л. 1.

² См. Арзамасцев И. В., Дудорова Л. В., Лапшина Т. И. Муром. Спасский монастырь. Историческая справка и материалы исследования. - Владимир, 1992 г. Рукопись // Архив ОАО "Владимирреставрация", инв. №. 18591.

³ Владимирские Губернские Ведомости, 1907 г. № 26. С. 9.

⁴ Список памятников истории и культуры Владимирской области, находящихся на государственной охране / Ред. А. И. Скворцов. Владимир, 1986. С. 105.

⁵ Архив ОАО "Владимирреставрация". Нег. № 76552.

⁶ Там же. Нег. № 76551.

⁷ Там же. Инв. № 18614.

⁸ Там же. Инв. № 18684.

ДРЕВНОСТИ МУРОМСКОГО СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

Русские церковные древности были серьезно изучены исследователями прошлого века. Каждая губерния имела свои “Описания” церквей и приходов, монастырей, где было зафиксировано множество древних и почитаемых предметов в их родном окружении - в интерьерах конкретных церквей, разрушенных и разоренных после Октября. Сложившиеся ансамбли их внутреннего убранства распались на разрозненные фрагменты, оказавшиеся в уцелевших храмах, частных руках, музеях, нередко утратив свой адрес. Многие при разрушении погибли.

В советский период памятники церковного искусства часто публиковались без подробного исследования происхождения и указания на место и окружение в храме. На исходе нынешнего столетия необходимо вновь вернуться к созданию “Описаний” церквей и монастырей, соединяя разъятые части в единое целое, проследить историю и судьбу каждого значимого предмета.

Внутреннее убранство храмов Муромского Спасского мужского монастыря было полностью разорено после революции. Об этом свидетельствуют документы 1924 - 1928 гг. с грифом “секретно” по “Реализации церковного имущества” Спасского монастыря.¹ Но уже авторы прошлого века отмечали тот факт, что, несмотря на свой многовековой возраст, этот монастырь сохранил совсем немного древностей. Сильно он был разорен поляками в 1616 г. Во второй половине XIX в. часть древних предметов, в частности, резные кресты из дуба и евангелия XVI в. были переданы во Владимир, в древлехранилище при братстве святого Александра Невского. Почти ничего не сохранилось из памятников “древней письменности”, находившихся в архиве монастыря. Известно, что лицевой синодик XVII в. хранится в отделе рукописной книги ГИМ, неясна судьба Вкладной книги XVII в.² В местный музей поступило немного значительных произведений из этой обители. К тому же часть из них с 1964 г. находится в музее им. Андрея Рублева.

Ряд авторов XIX - начала XX в. упоминают о древних предметах Спасского монастыря без воспроизведения их в печати.³ Исследователи нашего времени не занимались специально иконами и предметами прикладного искусства этого монастыря; единичные упоминания и публикации памятников чаще всего даны без указаний на происхождение.⁴ В 1990-ые гг. появились работы, в которых встречаются конкретные данные о предметах Спасского монастыря.⁵ А. Г. Мельник в своей статье о соборе Преображения Спасского монастыря упомянул четыре иконы, заметив: “К сожалению, ныне трудно сказать, что представлял собой первоначально местный ряд иконостаса в целом, т. к. большая часть его элементов не сохранилась.”⁶

Опись города Муром 1636/37 гг., неопубликованные описи Спасского монастыря 1763, 1853, 1904 гг., документы Муромского музея (старые инвентари, книги поступлений, акты, отчеты и др.), а главное, произведения, хранящиеся здесь и в музее им. Андрея Рублева, позволяют все же выявить большую часть элементов местного ряда иконостаса Преображенского собора, а также проследить судьбу ряда других предметов иконописи и прикладного искусства.⁷

В настоящее время в Муромском музее хранится сто семнадцать предметов XVI - XIX вв. Спасского монастыря. В это число входят двенадцать икон, две деревянные резные скульптуры, два напестольных чеканных креста и два литургических прибора из серебра. Кроме того, это облачения, покровцы на сосуды, напестольные Евангелия, металлические кресты-мошевики. Многие из этих предметов носят фрагментарный характер, как, например, разрозненные изразцы от печи XVII в. из палат архимандрита или деталь от медно-литого паникадила в виде двуглавого орла XVIII в.

Нам неизвестны письменные источники, позволяющие представить внутреннее убранство храмов этого монастыря грозненского времени. Самым ранним в настоящее время является источник (опись г. Муром 1636/37 гг., фактически повторяющая опись 1624), дающий представление о монастыре уже после разорения 1616 г.: “Да на посаде ... монастырь Спасский, а на монастыре церковь Преображения Господня каменная о пяти верхах, а в пределе Ивана Богослова... в церкви Божия Милосердия образ местный Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа..., образ Спасов со Ангелы и с молящими святыми ..., образ Пречистыя Богородицы на празелени..., образ Ивана Предтечи, обложен медью, позолочен да образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии ..., образ Пречистыя Богородицы Неопалимыя Купины на золоте ..., Сергия Преподобного да образ Николы Чудотворца с деяниями, ..., образ Воскресения Господа Бога нашего Иисуса Христа, все на празелени, да образ Живоначальная Троицы на золоте ..., да на налое образ Преображения Господа ... обложен серебром басменным. ...Двери Царские обложены серебром немецким золочены да в тябле Деисус с Праздники и с Апостолы и с Пророки, и с Праотцы на золоте ... в алтаре образ Богородицы Одигитрии на празелени...”⁸ Большинство упомянутых икон были “обложены серебром” и самые дорогие оклады “ободрали литва, как приходил Лисовский”⁹ В этом документе любопытна запись о вкладах царя Михаила Федоровича: “...да сверх приправочных книг письма и меры Григория Киреевского ... (1624 г. - О. С.) в Спасском монастыре прибыло всякого церковного строения ... дано по Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Всея России грамо-

Рис. 1. Иоанн Богослов на Патмосе. 1530-е гг.

те... к церкви Преображения ... образ Пречистой Богородицы Умиление, ... образ Живоначальной Троицы, ... образ Рождества Христова, ... образ Варлаама, образ Пречистой Богородицы Одигитрия ...".¹⁰ Все эти иконы были в дорогих окладах с чеканными венцами, жемчугом. Царем были пожертвованы и "дорогие зеленые" ризы с золотым оплечьем, книги, а также был перелит "благосветный" колокол.

Всего в местном ряду иконостаса Преображенского собора в 1636/37 г. было десять икон. Следующая опись 1763 г. несколько по иному представляет иконостас и, в частности, местный ряд. В этом же порядке перечислены иконы: Преображение, Спаситель с предстоящими, зато следующая - Богородичная икона названа Корсунской, вместо образа Иоанна Предтечи, перемещенного на столп, упомянута икона Иоанна Богослова, прежде бывшая в приделе его имени; совпадают упоминания об образах Богоматери Смоленской и Неопалимой купины, а икона Сергия Радонежского перемещена на столп; его же место занял образ "Что Тя наречем, о Благодатная"; на прежнем месте икона Николай Чудотворец, но совсем не упомянуты Воскресение и Троица. Теперь в местном ряду лишь восемь икон. В 1853 г. все эти иконы находились на прежних местах. Разница лишь в том, что здесь Корсунская икона Божьей Матери названа Умилием.

Опись 1904 г. указывает на то, что иконостас так изменен, что в местном ряду находятся только пять икон: Умиление оказалось за клиросом, "Что Тя наречем ..." не упомянута вовсе. Очевидно

перемещена и икона Николай Чудотворец. Нами в настоящее время выявлено семь сохранившихся икон из двенадцати, упомянутых в местном ряду иконостаса Преображенского собора в разное время, шесть из них относятся ко времени до 1616 г. и, скорее всего, находились в первоначальном иконостасе эпохи Ивана Грозного.

Произведения из местного ряда, а также сохранившиеся иконы из других рядов иконостаса позволяют судить, что они не были одновременно исполнены для нового каменного собора Преображения Господня (1550-1560 гг.). Храмовые иконы собора и придела Преображения Господня (Муромский музей) и Иоанн Богослов на Патмосе (Музей им. Андрея Рублева) по всей вероятности исполнены одним мастером, несомненно московским в 1530-е годы.¹¹ (Рис. 1). Колорит этих икон изыскан. Преобладают зеленые, белые, розовые тона; сохранились фрагменты золотого фона. Ранее эти иконы не сопоставлялись и не воспринимались как вещи одного ряда. Возможно, они были привезены в Муром из какого-нибудь столичного храма по распоряжению царя Ивана Васильевича Грозного.

Икону Троица относят к 60-м гг. XVI в.¹² (Рис. 2). Не исключено, что она была написана спе-

Рис. 2. Троица. 1560-е гг.

циально для нового каменного собора. Предполагают, что это произведение могло быть исполнено и местными мастерами, с ориентацией на столичные образцы. Оно несколько грубее по рисунку и колориту, насыщенно деталями, но иконография Ветхозаветной Троицы все же здесь сохранена в своем классическом, "рублевском" варианте. Загадочным является то обстоятельство, что эта икона упомянута только в первой описи 1636/37 гг., далее она не встречается, между тем документы музея четко ука-

зывают, что источник ее поступления - Спасский монастырь. В местном ряду иконостаса в первой трети XVII в. располагалась икона Иоанн Предтеча, хотя несомненно была исполнена для Деисуса.¹³ Она датируется XVI в., вероятнее всего, местных писем. Лик святого грубоват, но выразителен; поле образа закрыто медной золоченой басмой. Возможно, это единственная сохранившаяся икона деисусного чина деревянного Преображенского собора (в XVIII в. изъята из местного ряда). На месте богородичной иконы (первой слева от Царских врат) находился образ Богоматери Одигитрии Смоленской. В настоящее время она хранится в Муромском музее.¹⁴ Судить о ней сложно, т. к. она не раскрыта.

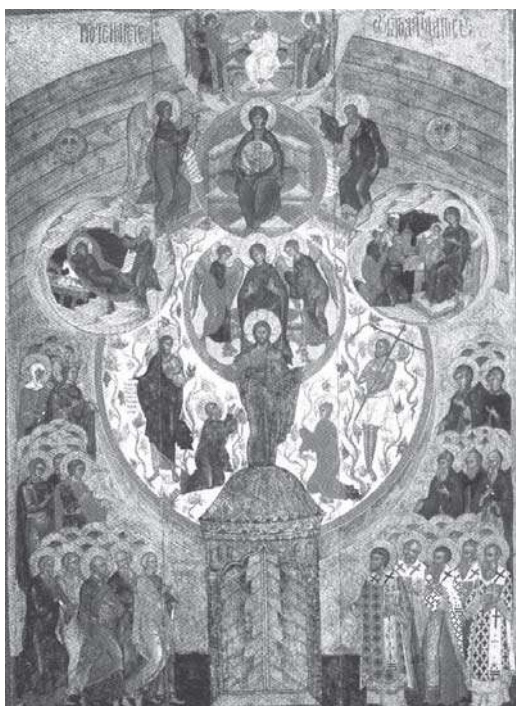

Рис. 3. Что Ты наречем. Первая половина XVII в.

Опись 1904 г. датирует эту икону XVII в., в музейном инвентаре есть пометка о датировке со ссылкой на Ю. А. Олсуфьева - "XVI в. с записями XVIII вв.", что представляется более достоверным. Скорее всего, она была специально заказана при Иване Грозном для нового собора. До 1930 г. на ней был пышный драгоценный убор с жемчугом и камнями, впоследствии снятый и разрозненный. Сейчас на иконе сохранилась лишь серебряная басма. Все упомянутые источники отмечают образ Спасителя с ангелами и предстоящими, располагавшийся справа от Царских врат сразу после храмовой иконы Преображение. В документах Муромского музея нет указания на поступление произведения такой иконографии из Спасского монастыря. Но икона, соответствующая по описанию и размерам, под записью и плохой сохранности, была передана музею из Горсовета.¹⁵

Рис. 4. Иоанн Златоуст. Начало - первая треть XVI в.

Неясна пока судьба таких икон местного ряда, как "Николай Чудотворец с деяниями" (последнее упоминание 1853 г.); "Воскресение" (единственное упоминание 1636/37 гг.); "Неопалимая купина" (последнее упоминание 1904 г.); "Сергий Радонежский" (возможно, именно эта икона упомянута в "Акте переоценки имущества, не имеющего музейного значения"); "Богоматерь Умилиение" или "Корсунская" (предположительно входила в число даров царя Михаила Федоровича, последнее упоминание 1904 г.).

В двух источниках 1763 и 1853 гг. слева от Царских врат третьей, а затем второй указана икона "Что Ты наречем о Благодатная". Произведение такой иконографии не встречается в описях других монастырей и церковей города, хотя в документах Муромского музея значится, что указанная икона поступила из Смоленской церкви. С 1964 г. находится в Музее им. Андрея Рублева.¹⁶ (Рис. 3). Дати-

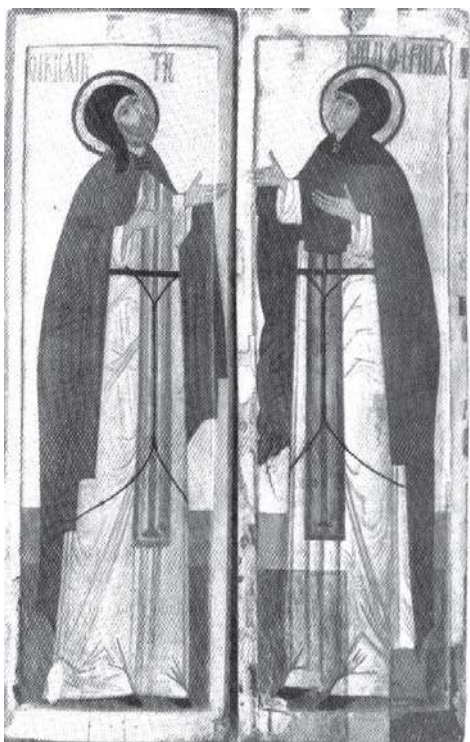

Рис. 5. Петр и Феврония Муромские.
Середина XVI в.

руется первой половиной XVII в. Естественно предположить, что это сложное по композиции гимнографическое, единственное в Муроме, произведение и есть та самая икона Спасского монастыря, позже переданная в храм, находящийся поблизости.

По мнению А. Г. Мельника первоначальный иконостас каменного Преображенского собора, кроме местного, имел еще только деисусный чин, высота икон которого составляла около ста девяносто сантиметров.¹⁷ Его предположения и расчеты с точностью до сантиметра подтверждает выявленная нами единственная сохранившаяся икона из этого Деисуса “Иоанн Златоуст” (музей им. Андрея Рублева). Это произведение опубликовано и хорошо известно. Оно считается одним из лучших среди зеленофонных икон московской школы начала - первой трети XVI в.¹⁸ (Рис. 4). Но только теперь выяснено место этого памятника в конкретном соборе Муроме. Очевидно, эта и, возможно, другие иконы того же чина, также как храмовые Преображение и Иоанн Богослов из местного ряда, при Иване Грозном были привезены из какой-нибудь московской церкви.

Не сохранилось ни одного памятника, позволяющего представить остальные чины иконостаса Преображенского собора второй половины XVI - начала XVII вв. И наоборот, сохранившиеся произведения не все находят место в интерьерах монастыря. Так, в настоящее время не установлено, где именно могли помещаться хорошо известные парные иконы Петр и Феврония Муромские середины XVI в.¹⁹ (Рис. 5) (Музей им. Андрея Рублева). На них святые представлены в молении. Их размеры не соответствуют другим сохранившимся деисусным иконам, их не упоминают монастырские описи, авторы

прошлого века. Между тем, источник поступления обозначен точно в документах Муромского музея. Вероятнее всего, они могли располагаться в деисусном ряду надвратной церкви во имя Кирилла Белозерского.

Предположительно, из Спасского монастыря в местный музей поступила и икона Николай Можайский XVII-XVIII вв.²⁰ Возможно, это та самая, что упомянута “на столпе” (1763 г.), позже - “за левым клиросом” (1853 г.) Преображенского собора.

В 1890 г. муромский краевед Н. Г. Добрынкин обнаружил “в архивной кладовой на Святых воротах” Спасского монастыря деревянную скульптуру Николая чудотворца Можайского. С 1919 г. она хранится в Муромском музее. Памятник сильно пострадал в начале 1970-х гг., практически утрачен (потеряны: лик, кисти рук, ступни ног, митра, “град”, меч).²¹ Ранее его относили к XVIII в. теперь можно уточнить датировку - до 1763 г., т. к. он упомянут в монастырской описи этого года; “...в церкви теплой покрова Пресвятой Богородицы... на левой стороне Царских врат Образ резной Николая Чудотворца”.²²

Дошла до нашего времени “аналойная” икона Преображение.²³ Сейчас она раскрыта, отреставрирована. Ранее ее датировали XVII - XVIII вв., после - XVIII - XIX вв. Этот образ украшает древняя басма XVI - XVII вв. в описи 1636/37 гг. упомянуто произведение такой иконографии, находящееся на аналое. Возможно, басма была переснята с него.

Значительными памятниками прикладного искусства являются два напрестольных серебряных креста из Преображенского собора и Покровской церкви монастыря. Первый из них 1638 г. содержит имя муромского мастера: “Лета 7146 (1638 - О. С.) сотворень с(е)й кр(е)с(т)ъ в Сп(а)совъ м(о)н(ас)тырь что в Муроме при архимандрите Мисаиле мастеръ Логинъ”.²⁴ (Рис. 6). На другом кресте есть имя вкладчика из семьи известных ктиторов этой обители - Чертковых, но не упоминается мастер: “Лета 7201 (1693 - О. С.) марта построень сей кр(е)с(т)ъ Го(спо)д(е)нь с мошми Спасова мон(ас)т(ы)ря что во градъ Муромъ вкладч(и)ка стол(ь)ника Василия Ивановича Черткова при архимандрите Авра(аме)”.²⁵ О том, как создавался этот крест, подробно сообщает. (Рис. 7). Вкладная книга монастыря: “... а в том же вышеописанном (1692 - О. С.) году с икон, в венцах и гривнах, и в ломаном серебре... велено построить в Спасов монастырь напрестольный животворящий Крест Господень из этого остаточного серебра в слитке... и в нынешнем 201 (1693) году марта в 27 д. На Москве то серебро отдано в ряду москвичу Ивану Максимовичу сыну Бадееву... - и у него же... - взят животворящий Крест Господень напрестольный серебряный, чеканный... дано ему Ивану за тот крест деньгами десять рублев пятнадцать алтын”.²⁶ Здесь же упомянуто, что кроме чеканщика, к работе были привлечены дру-

Рис. 6. Крест напрестольный. 1638 г.

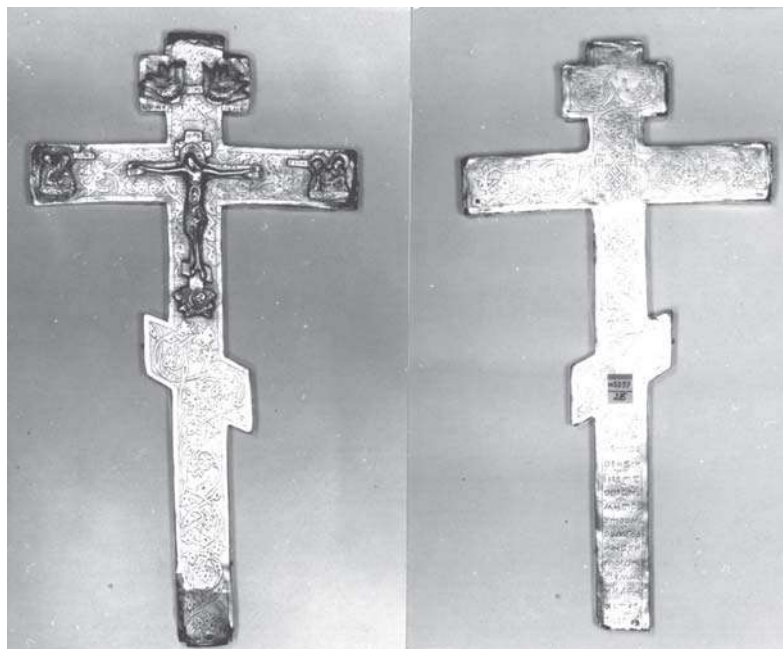

Рис. 7. Крест напрестольный. 1693 г.

гие мастера: резчик по кипарису (для помещения внутри креста частиц мощей), “подписчик”, исполнивший резные надписи о мощах, и золотильщик. Это произведение отличается высоким мастерством чеканки и резьбы. Изображения Распятия, Саваофа, предстоящих, луны, солнца, Святого духа, а также крупный растительный орнамент исполнены в высоком рельефе. На обороте, кроме вкладной надписи, четко вырезан перечень многочисленных мощей, заключенный в пяти восьмиугольниках, и два клейма: ВЛЕ - мастера и СЯ - годовое, характерное для Москвы в 1692-1693 гг. Инициалы клейма мастера не совпадают с инициалами упомянутого Ивана Максимовича Бадеева. Очевидно, на него работал неизвестный московский мастер, чье клеймо обозначено на кресте.²⁷

В последней описи монастыря (1904 г.) подробно представлено четыре литургических прибора. Два из них хранятся в муромском музее, остальные, видимо, были сданы в Госфонд в первые годы советской власти. Сохранившиеся приборы московской работы 1733 и 1773 гг. Более ранний имеет полный набор предметов: “Потир серебряный, 84 пробы, вызолоченный обыкновенного круглого вида” с традиционными изображениями. “При нем дискос такой же с резным изображением Агнца Божия, на обратной его стороне резная надпись: “1733 г. марта 12 дал сие сосуды вкладу для вечного поминовения в Муром в Спасо-монастырь поп Димитрий”²⁸ На всех предметах полустертые клейма. Из них читаются: годовое, изображение двуглавого орла и АК - именной пробирного мастера Афанасия Рыбакова.²⁹

Второй прибор (без лжицы) не содержит вкладной надписи. На потире “8 утвержденных в решетке финифтяных образов”. На всех предметах клейма: годовое “с Георгием”, АС - мастера Соболева Ануфрия или Соколова Андрея; ИС - пробирного мастера Савельева Ивана; А Ф - Альдермана Петрова Федора.³⁰

Данная статья носит предварительный характер. Удалось проследить судьбу далеко не всех значительных произведений иконописи и приклад-

ного искусства. Отдельного исследования требует значительная коллекция облачений, поступившая в Муромский музей из этого монастыря. Все эти предметы подробно представлены в описях, особенно полно и красочно в описи 1763 г. За пределами данного исследования оказались и “памятники древней письменности”, а также библиотека Спасского монастыря. Между тем, судьба их до сих пор неясна и требует специального изучения.

¹ МИХММ. НА № 207.

² См. об этом: Добрынкин Н. Г. Памятники древней письменности Спасского монастыря в г. Муроме. Владимир, 1892; Синодик Муромского Спасского монастыря поступил в ГИМ из собрания Щукина № 139. Благодаря сотрудникам отдела рукописной книги ГИМа и лично Н. Б. Стрижову за предоставленную мне возможность познакомиться с этим памятником.

³ Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 45, 47; Архимандрит Мисаил. Муромский Спасский монастырь. Владимир, 1887. С. 2, 3, 6, 9, 10; Добрынкин Н. Г. Указ. соч.; Касаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Владимир, 1906. Ч. 1. С. 64 - 69; Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 328 - 330.

⁴ Масленицын С. И. Муром. М., 1971. С.12-13. Ил. 36, 37; 40-42; Салтыков А. А. Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Л., 1989. С. 36-37. Ил. 68, 69.

⁵ Кочкина М. В. Ктитеры Муромского Спасского монастыря Кравковы. // Первый муромский сборник. Муром, 1993. С. 14-24; Сухова О. А. Группа серебряных вкладных вещей из собрания Муромского историко-художественного и мемориального музея. // Сборник Калужского художественного музея. Калуга, 1993. Вып. 1. С. 94; Сухова О. А. Памятники культовой деревянной скульптуры. По материалам архива муромского краеведа Н. Г. Добрынкина. 1835 - 1901 гг. // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского севера. Материалы конференции 13 - 17 июня 1995 г. Архангельск, 1995. С. 105 - 106. Ил. на с. 111.

⁶ Мельник А. Г. Собор Муромского Спасского монастыря. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. VI. С. 172.

⁷ Опись г. Муром 1637 г. Список конца XIX в. из библиотеки Спасского монастыря. Рукопись на 98 л. // МИХММ. НА № 428. Л. 7; 44 - 46 об.; Опись учиненная та большого полевого мушкатерского полку капитаном Федором Сенявиным Муромскому Спасову монастырю... 23 мая 1763 г. // РГАДА. Ф. 280, оп. 3. д. 519; Главная церковная и ризничная опись Муромского Спасского монастыря, составленная на основании указа Святейшего Правительствующего Синода от 31 мая 1853 года. // ЦГИА. Ф. 834, оп. 3, д. № 2512. Известно, что существовала и опись монастыря 1835 г. Упоминание о ней есть в “Ведомости Муромского Спасского монастыря...” за 1846 г. // ГАВО. Ф. 556, оп. 110, д. 139, л. 18; Опись Муромского Спасского 3-го класса монастыря и древних предметов, в нем находящихся. Составлена июня дня 1904 года. г. Муром. // МИХММ. НА № 29. Отдельные листы, отпечатанные типографским способом, вклеены в рукопись с описями храмов Муром; Документы Му-

ромского музея 1919 - 1923 гг. // ОПИГИМ. Ф. 54, д. 2576/2; Инвентарная книга верхнего этажа Муромского музея. // МИХММ. НА- 69; Инвентарная книга № 1 отдела искусств Муромского музея. // МИХММ. НА-70.

⁸ Опись г. Муром 1637 г. Л. 44 - 45.

⁹ Там же, л. 44.

¹⁰ Там же, л. 46.

¹¹ МИХММ. Инв. № М-6620. Размер 153 x 105; ЦМиАР. Инв. № КП. 4448. Размер 155 x 106. Вывезена из Муромского музея в 1964 г. Инв. № ММ-20422. Расчищена И. И. Тюлиным в 1936 г. Благодаря сотруднику ЦМиАР В. Сорокатова, любезно сообщившего мне свое мнение по поводу датировки и атрибуции этой иконы.

¹² МИХММ. Инв. № М-6641. Размер 135 x 98. Расчищена И. И. Тюлиным в 1927 г. Отреставрирована в Муромском музее реставратором ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря Ю. В. Черновой во время ее совместной командировки с реставраторами этих мастерских М. В. Наумовой и Т. М. Мосуновой в 1992 г.; см.: Масленицын С. И., указ. соч. С. 12 - 13. Ил. 36 - 37.

¹³ МИХММ. Инв. № М-6621. Размер 160 x 51.

¹⁴ МИХММ. Инв. № М-5197. Размер 133 x 93. Акт о снятии риз от 1/IX 1930 г. // МИХММ. НА 70. Инвентарная книга отдела искусств № 1. Л. 48.

¹⁵ МИХММ. Инв. № М-6630. Размер 155 x 103.

¹⁶ ЦМиАР. Инв. № КП-4444. Размер 133 x 99. Вывезена из Муромского музея в 1964 г. Инв. № ММ-20377. См.: Тарасенко Л. П., Корнеева Н. И. О Тебе радуется. Русские иконы Богоматери XVI - начала XX вв. Каталог выставки из фондов Музея им. Андрея Рублева 1995 г. М., 1995. С. 43 - 44. Ил. кат. 18.

¹⁷ Мельник А. Г. Указ. соч. С. 171.

¹⁸ ЦМиАР. Инв. № ВП-88. Размер 190 x 81. Вывезена из Муромского музея в 1964 г. Инв. № ММ-20370. См. указ. соч. Салтыкова А. А. С. 36 - 37. Ил. 68, 69.

¹⁹ ЦМиАР. Инв. №№ ММ-20416, 20417. Размер 125 x 41. Вывезены из Муромского музея в 1964 г. См.: Масленицын С. И. Указ. соч. С. 3. Ил. 40 - 42.

²⁰ МИХММ. Инв. № М-6628. Размер 150 x 100. В инвентаре источник поступления вписан карандашом.

²¹ МИХММ. Инв. № М-11387. Размер 148 x 88 x 19. См.: Сухова О. А. Памятники культовой деревянной скульптуры. С. 105 - 106. Ил. на с. 111.

²² Опись Спасского монастыря 1763 г. Л. 8.

²³ МИХММ. Инв. № М-5056. Размер 40 x 32,5. Полностью живопись раскрыта в 1986 г.

²⁴ МИХММ. Инв. № М-5337 (26). См.: Архимандрит Мисаил Указ. соч. С. 10; Сухова О. А. Группа серебряных вкладных вещей... С. 94.

²⁵ МИХММ. Инв. № М-5338 (30).

²⁶ Цитирую по: Добрынкин Н. Г. Указ. соч. С. 36.

²⁷ См.: Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова - Лосева М. Русское золотое и серебряное дело. М., 1967. С. 176. № 544.

²⁸ МИХММ. Инв. №№ М-5087 (60), 5088 (61), 5397 (62), 5089 (63), 5398 (64), 5096 (65); Опись Спасского монастыря 1904 г. Л. 2об. - 3.

²⁹ Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова - Лосева М. Указ. соч. С. 174. № 467; МИХММ. Инв. № М-5405 (74), 5407 (39), 5406 (41), 5097 (42).

³⁰ Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова - Лосева М. Указ. соч. С. 175, 177, 178, 181. №№ 493, 599, 630, 695.

Н. В. Фролов

НЕКРОПОЛЬ МУРОМСКОГО СПАСКОГО МОНАСТЫРЯ

Некрополь Муромского Спасо-Преображенского монастыря (СПМ) по числу сохранившихся к началу нынешнего столетия надгробий был одним из наиболее значительных подобных монастырских некрополей в пределах Владимирской епархии. В его составе имелись, однако, лишь памятники XIX - начала XX в. Самые ранние надгробия относятся к 1812 г. Последней попыткой дать краткий обзор истории монастырского некрополя является публикация 1993 г. О.С.Добронравова "Некрополь Спасо-Преображенского монастыря".¹ Там же приводится список лиц, погребенных в монастырской ограде, данный по документу, хранящемуся в Научном архиве МИХММ (НА-272).

Составление этого документа О. С. Добронравов относит к 1910-м гг., считая его "единственным источником" сведений о некрополе СПМ.² С достаточной определенностью можно утверждать, что приводимый документ составлялся как справка для готовившегося в начале 1910-х гг. издания "Русский провинциальный некрополь" (РПН). Первый и единственный том РПН вышел в свет в 1914 г. и вообрал в себя сведения о некрополе СПМ.³ Сравнение записей РПН, относящихся к некрополю СПМ, с опубликованными данными документа МИХММ выявляет их почти дословное совпадение.

Вместе с тем имеется ряд разночтений. Список РПН является более точным и полным. Так, в нем приводятся записи о майорше Марии Никитичне Герцыг, скончавшейся 16.12.1873,⁴ о штабс-ротмистрше Александре Павловне Гурьевой (ум. 9.2.1832),⁵ пропущенные в документе, опубликованном О.С.Добронравовым. В записи о тайном советнике Афанасии Зубове приведено отсутствующее в публикации отчество "Николаевич".⁶ Кроме того, из-за неправильного прочтения фамилий в публикации О. С. Добронравова содержится ряд очевидных значительных неточностей.

Так, под "незвучащей" фамилией Пенеров⁷ (Пенеров Николай Егорович, капитан второго ранга) в действительности скрывается Николай Егорович Пестров.⁸ Впрочем, ему "не повезло" и в РПН, где он, также ошибочно, назван Петровым.⁹ Разнятся и даты его смерти: у Добронравова это 4 мая, а в РПН - 10 мая 1837 г. "Герцык Цеард Станиславович"¹⁰ в действительности писался как Герцык Цеад Станиславович.¹¹ Полковник Константин Павлович Борцов, умерший, якобы, 16 ноября 1856 г.¹² в действительности - К. П. Бурцев (или Бурцев в старом

написании), умерший от холеры 16 июля 1856 г.¹³ Под псевдонимом (иначе не скажешь) Топоров¹⁴ значится Егор Павлович Толстой¹⁵. Обозначенный как коллежский ассессор Иван Никифорович Герцыг¹⁶ в действительности имел фамилию Гейцыг.¹⁷ Некто Корников¹⁸ - на самом деле учитель истории и географии Муромского уездного училища коллежский ассессор Глеб Алексеевич Корнилов.¹⁹ Московский купец Иван Блинов в РПН упоминается с отчеством Иванович,²⁰ а в публикации Добронравова - Петрович.²¹ Разнится также дата смерти купца второй гильдии Петра Ивановича Зворыкина (у Добронравова - 24 января 1822 г., а в РПН - 11 января).²² О некоторых допущенных неточностях можно только догадываться, впрочем, догадки здесь почти переходят в уверенность. Например, фамилия "Мировин" (Мировин Иван Иванович, подпоручик)²³ неизвестна среди владимирского дворянства, зато был подпоручик Иван Иванович Мирович, внесенный во вторую часть Дворянской родословной книги Владимирской губернии в 1835 г.²⁴ Также неизвестна среди местного дворянства фамилия "Кубарекин" (Кубарекин Семен Николаевич). Возможно, это Семен Николаевич Кухарский,²⁵ чья фамилия неточно прочитана.

Помимо неточностей в публикации, можно отметить искажение имени секунд-майора Борисова (Андрей - в действительности - Андриан), имевшее место, вероятно, еще на надгробии. Подобная же неточность имеется и в отчестве дочери А.И.Борисова, штабс-капитанши Стефаниды Андриановны Гофман.²⁶

Необходимо также отметить, что обозначенное в документе МИХММ деление погребенных по сословиям (в части, деление на "дворян" и "купцов") достаточно условно. К примеру, сын священника села Молотиц Муромского уезда Николая Ивановича Силецкого титулярный советник

Николай Николаевич Силецкий (в публикации Добронравова - Синецкий) никогда дворянином не был. Не значится среди владимирского дворянства фамилия Диаконовых, хотя среди духовенства Владимирской епархии она встречается неоднократно.²⁷ В купцы занесен коллежский ассессор Гавриил Михайлович Гумилевский, окончивший Владимирскую духовную семинарию в 1828 г. и обучавшийся на медицинском факультете Московского университета.²⁸ Среди купцов значатся дворяне коллежский ассессор Алексей Алексеевич Корнилов и

титулярный советник Федор Иванович Семибратов, чиновник статский советник Степан Григорьевич Новицкий.

Упомянутый выше документ озаглавлен “Сведения о лицах, погребенных более выдающихся в Муромском Спасском монастыре внутри ограды духовных, дворян и деятелей других состояний”. Внутри монастырской ограды действительно погребались “наиболее выдающиеся” деятели муромского общества. Это утверждение лучше всего иллюстрируют персоналии лиц, значащихся в документе МИХММ в разряде “дворяне”. Из сорока человек, обозначенных там, - десять в разное время занимали высшие в уездной иерархии посты предводителей дворянства. А. И. Борисов, А. П. и И. А. Бурцевы, А. Н. Зубов, В. В. Закревский, П. В. Макаров, Н. Б. Пестрово и А. С. Языков избирались муромскими уездными предводителями,^{2,9} В.И.Гофман - меленковским,^{3,0} а Н. А. Куприянов - владимирским^{3,1} уездными предводителями дворянства.

Еще пятнадцать лиц являлись родственниками занимавших тот же пост предводителя. Так, майорша Пелагея Артемьевна Бычкова, урожденная Языкова - супруга Льва Ивановича Бычкова, муромского предводителя дворянства в 1803 - 1805 гг.^{3,2} Полковник Василий Михайлович Языков - сын коллежского асессора Михаила Григорьевича Языкова, муромского предводителя в 1783 - 1785 и в 1788 - 1791 гг., и отец поручика Михаила Васильевича Языкова, муромского предводителя в 1854 - 1855 гг. Прасковья Ивановна Языкова - супруга В. М. Языкова. Артиллерии поручик Семен Григорьевич Языков - брат М. Г. Языкова и отец муромского предводителя 1827 - 1829 гг. полковника Александра Семеновича Языкова.^{3,3} Екатерина Герасимовна Борисова - жена секунд-майора Андриана Ивановича Борисова, муромского предводителя 1791 - 1793 гг.; штабс-капитанша Стефанида Андриановна Гофман - дочь А. И. и Е. Г. Борисовых и жена Владимира Ивановича Гофман, меленковского предводителя 1836 - 1838.^{3,4} К. П. и А. П. Бурцевы принадлежали к весьма влиятельному муромскому дворянскому роду, из которого вышли пять муромских предводителей.^{3,5} Подпоручица Александра Никитична Юматова - жена Петра Тимофеевича Юматова, меленковского предводителя 1791 - 1793 гг.^{3,6} Коллежский асессор Иван Никифорович Гейцыг, бывший муромский уездный судья, был женат на Александре Федотовне Языковой, дочери Федота Федоровича Языкова, муромского предводителя 1797 - 1799 гг.; их сын подполковник Александр Иванович Гейцыг - меленковский предводитель в 1824-1826 гг.^{3,7} Капитанша А. С. Евреинова и ротмистрша А. П. Евреинова - родственницы корнета Павла Алексеевича Евреинова, муромского предводителя 1821 - 1823 гг.^{3,8} Дворянин Егор Павлович Толстой (он имел чин коллежского асессора) - родной брат поручицы Анны Павловны Языковой, урожденной Толстой, жены М. В. Языкова, муромского предводителя 1854 - 1855 гг., и дядя статского советника Павла

Александровича Толстого, меленковского предводителя 1882 - 1887 и 1900 - 1902 гг.^{3,9} Анна Васильевна Пожарская и Андрей Петрович Траубе - родственники секунд-майора Филиппа Евдокимовича Пожарского, шуйского предводителя 1784 - 1785 гг.^{4,0} Родство с предводителями, конечно же, частный случай, но оно весьма показательно.

При ближайшем рассмотрении можно констатировать, что на кладбище в монастырской ограде, помимо лиц духовного звания, были погребены представители муромской дворянской и купеческой элиты, а также отдельные лица из числа уездного чиновничества. Биографии этих людей способны неплохо проиллюстрировать как историю России, так и Муромского края своего времени.

Например, Афанасий Николаевич Зубов (ок. 1738 - 22.2.1822), брат графа Александра Николаевича Зубова и дядя известного фаворита Екатерины II князя Платона Зубова, после окончания Сухопутного кадетского корпуса был записан в Конную гвардию, а в 1754 г. с чином капитана начал службу в армейских полках и принимал участие в боях с прусскими войсками во время Семилетней войны под Гросс-Егерсдорфом, Цорндорфом, Палцихом и Кюстриным. За это время он был дважды ранен, под ним в бою были убиты две лошади. Получив в награду чин подполковника, Афанасий Зубов перешел на статскую службу. В 1761 - 1778 гг. он последовательно занимают посты Пензенского воеводы, члена Юстиц-коллегии и главного члена Саратовской соляной конторы. В 1778 - 1780 гг. статский советник А. Н. Зубов по выбору стал первым муромским уездным предводителем дворянства и приобрел поместье под Муромом. В 1781 - 1791 гг. он служил Тамбовским вице-губернатором и Курским губернатором, был пожалован орденом Св. Владимира II ст. (1787/1788) и чином тайного советника (1791). Выйдя в отставку, он считался самым чиновным среди муромского дворянства.^{4,1}

Не менее примечательна биография полковника Александра Семеновича Языкова (ок. 1793 - 16.10.1843), героя наполеоновских войн. В 1809 г. он поступил юнкером в Кавалергардский полк, начало Отечественной войны 1812 г. встретил в чине корнета. А. С. Языков участвовал во всех основных сражениях того “Великого года России”: под Витебском и Смоленском, при Бородино и под Тарутиным, при Малоярославце и под Красным. За Бородинский бой он получил орден Св. Анны IV ст. Затем был заграничный поход русской армии, где уже в чине поручика Языков бился при Бауцене, Дрездене и Кульме, за последнее сражение был пожалован орденом Св. Владимира IV ст. с бантом и знаком Прусского Железного Креста. В “битве народов” под Лейпцигом он воевал уже штабс-ротмистром, а в 1814 г. за сражение при Фер-Шампенуаз получил орден Св. Анны II ст. Окончил военную службу А. С. Языков в 1822 г. в чине полковника, а в 1827 - 1829 гг. занимал пост муромского предводителя дворянства.^{4,2}

Военное поприще далеко не единственное, где достойно проявили себя те, кто упокоился на монастырском кладбище. Среди них есть моряки, врачи, учителя, деятели местного самоуправления. Изучение некрополя Муромского Спасского монастыря даст немалый материал для генеалогии старин-

ных муромских фамилий и биографических описаний их отдельных представителей. Вместе с тем понимание значимости этих родов и конкретных лиц в истории Муром и Муромского уезда позволит составить более полное представление о роли и месте Спасского монастыря в жизни Муромского края.

---

¹ Добронравов О. С. Некрополь Спасо-Преображенского монастыря // Муромский сборник. Муром, 1993. С. 184 - 188.

² Там же, с. 184.

³ Шереметьевский В. В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. (Далее - РПН).

⁴ РПН. С. 193.

⁵ Там же, с. 231.

⁶ Там же, с. 322.

⁷ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 186.

⁸ Фролов Н. В. Муромские уездные предводители дворянства. Владимир, 1996. С. 26 - 28.

⁹ РПН. С. 677.

¹⁰ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

¹¹ РПН. С. 193. ГАВО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2. Л. 46 об. (Список о тех родах, кои по представленным документам внесены в дворянскую родословную книгу Владимирской губернии с 1787 года).

¹² Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

¹³ РПН. С. 111; Герцык В. Ц. Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии 1855 - 1856 гг. Владимир, 1900. С. 156.

¹⁴ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

¹⁵ РПН. С. 863; Родословная книга. Л. 174, 174 об.

¹⁶ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

¹⁷ Родословная книга. Л. 41 об.

¹⁸ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

¹⁹ Родословная книга... (Список о тех родах...). Л. 88 об.; Трегубов М. И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 90.

²⁰ РПН. С. 86.

²¹ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

²² Там же; РПН. С. 134.

²³ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187.

²⁴ Родословная книга... (Список о тех родах...). Л. 107; Трегубов М. И. Указ. соч. С. 120.

²⁵ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 187; Родословная книга... (Список о тех родах...). Л. 75 об.; Трегубов М. И. Указ. соч. С. 102 - 103.

²⁶ Фролов Н. В. Указ. соч. С. 16; Добронравов О. С. Указ. соч. С. 186; РПН. С. 96; ГАВО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 23. Л. 68 - 69.

²⁷ Добронравов О. С. Указ. соч. С. 87; Малицкий Н. История Владимирской духовной семинарии. Вып. 3. М., 1902. С. 91.

²⁸ Малицкий Н. Указ. соч. С. 88.

²⁹ Предводители, депутаты и секретари дворянства Владимирской губернии. 1767 - 1887 гг. Владимир, 1887. С. 37.

³⁰ Там же, с. 35.

³¹ ГАВО, ф. 243, оп. 1, д. 446, л. 2, 3, 3 об.

³² Фролов Н. В. Указ. соч. С. 21 - 22.

³³ Там же, с. 12 - 14.

³⁴ Там же, с. 15 - 16.

³⁵ Там же, с. 29, 39, 40.

³⁶ Предводители... С. 35.

³⁷ Фролов Н. В. Указ. соч. С. 18 - 19.

³⁸ Там же, с. 30 - 31.

³⁹ Предводители... С. 47; ГАВО, ф. 243, оп. 3, д. 697.

⁴⁰ Предводители... С. 47; ГАВО, ф. 244, оп. 1, д. 6; Там же, ф. 556, оп. 107, д. 14, л. 87.

⁴¹ Послужной список. ГАВО, ф. 244, оп. 1, д. 6, л. 23 - 24; о нем также: Фролов Н. В. Указ. соч. С. 7 - 10.

⁴² ГАВО, ф. 243, оп. 3, д. 820; Фролов Н. В. Указ. соч. С. 32 - 34.

АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В МИНИАТЮРАХ СИНОДИКА БОГОЛЮБОВА МОНАСТЫРЯ XVII ВЕКА.

Древний белокаменный собор Боголюбова монастыря разрушился и был заново построен в XVIII в., и “прижизненных” изображений его и в целом монастыря известно немного - это опубликованные Н. Н. Ворониным миниатюра Лицевого летописного свода и фрагмент иконы Суздальского музея Боголюбской Богоматери XVII в.¹

Но есть еще один изобразительный источник, не замеченный исследователями. Это миниатюры синодика Боголюбова монастыря:² одиннадцать из девятнадцати цветных миниатюр насыщены архитектурными образами, в которых невозможно не увидеть, не заподозрить оригинал - Богородице-Рождественский собор и палаты XII в. Синодик представляет собой рукописную книгу в 4°, в кожаном переплете по доскам, на бумаге с филигранью “шут”,³ написанную полууставом, с вкладной надписью в самом начале книги: “Лета 7169 месяца марта в 8-й день дал сий синодик в дом Пречистыя Богородицы в Боголюбов монастырь володимирец гостиные сотни Григорей Денисов на вечный помянок по своих родителей при игумене Петре а труд и тщание Рожественного монастыря уставщика монаха Викентия. Р. Х. 1661”.

Наш синодик значится среди рукописей в одной из описей Боголюбова монастыря - за 1894 г.⁴ Синодик этот был известен владимирским краеведам прошлого. О нем и перечисленных в нем боголюбовских настоятелях сообщает В. Доброхотов⁵. Боголюбровский синодик с кратким перечнем поминаемых приводит среди ценных и редких вещей монастыря В. В. Косаткин.⁶ О нем упоминает Н. Н. Ушаков.⁷

Небезызвестен краеведам и вкладчик - Григорий Денисов. Несколько раз встречается его имя в опубликованных К. Н. Тихонравовым эпиграфических надписях. Одна из них - храмозданная надпись на западной стене Успенской Богородицкой церкви: “...а совершена сия церковь 157 (1649) июля в I-й день... тщанием и трудами володимирцев Гостинной сотни Патрекея, Андрея, Григорья Денисовых детей Родионова и своими племянники да володимирцев посацких людей Василья Обросимова сына Хмылова Семионова сына Сомова в вечны блага”.⁸ На средства тех же ктиторов и обустроивалась Богородицкая церковь, о чем свидетельствуют надписи на колоколе и “тоших” свечах.⁹

Еще одна надпись - на надгробной плите, лежавшей при этой церкви: “Лета 7170 (1662) января в 21 день на память преподобного отца нашего Максима Исповедника преставися раб Божий Григорий Дионисов сын Родионова”.¹⁰ Менее года прожил Григорий Денисов после создания синодика.

Согласно владимирским переписным книгам 1711 и 1715 гг., в Кремле-городе был двор “гостинной сотни Ивана Филипова Денисова”¹¹ - очевидно, потомка, может быть, внука Григория или его братьев. В синодике есть запись о роде “гостинные сотни Ивана Денисиева з братьями”, где среди прочих названы и имена Дионисия, Патрикия, Филиппа, Андрея, Григория.¹² В синодике записан и “род вдовы Агафии Харитоновы дочери Григориевские жены Дионисиева”,¹³ и “род Боголюбова монастыря игумена Петра”, при котором вложен синодик.¹⁴ Все эти записи сделаны позже, чем вложен синодик.

Проясняется и личность создателя синодика - монаха и уставщика Рождественского монастыря Викентия. В 1672 г. он известен уже как архимандрит Викентий, исправивший жития св. Александра Невского; в 1675 г. он был переведен в Троице-Сергиеву Лавру, а в 1676 г. присутствовал при поставлении на царство царя Федора Алексеевича.¹⁵ Имя этого человека многократно фигурирует во Вкладной книге Рождественского монастыря конца XVII в., как архимандрита Викентия “дому Пресвятыя Живоначальныя Троицы и преподобных отец наших Сергия и Никона радонежских чудотворцов”, который с 1678 по 1694 гг. давал в монастырь почти ежегодные щедрые пожертвования (иногда “по обещанию”) крупными суммами в сто, сто двадцать пять, двести, триста рублей - на каменное строение, связанное к нему железо и другие нужды, дарил иконы, деисусы и целые иконостасы, драгоценные книги, облачения, украшения для ризницы и т. д., а в 1695 г. “ноемврия в 20 день по нем же архимандрите Викентии дано в казну 80 рублей денег, в вечное поминовение души его”.¹⁶ Такая щедрость и привязанность к Рождественскому монастырю архимандрита из Троице-Сергиева монастыря может объясняться лишь его происхождением отсюда. Будучи в 1661 г. уставщиком (т. е. знатоком и блюстителем порядка и образа совершения церковных служб по всем дням целого года, а также порядка и образа монастырской жизни, знатоком богослужебных книг и пения), через семнадцать лет, в 1678 г. он вполне мог быть уже архимандритом в Троице-Сергиевой Лавре.

Интересующие нас миниатюры синодика иллюстрируют назидательные притчи и тексты о душе при жизни и по смерти человека, что характерно для многочисленных синодиков XVII в.¹⁷ Кстати, в Боголюбовском монастыре в арке ворот под надвратной церковью в XVII в. помещалась икона “образ о мервой телеси притча егда лежашу телу во гробе”.¹⁸ Одиннадцать интересующих нас миниатюр имеют следующие пояснительные надписи. 1. Л. 26 - “Отходя сего света приказывает жене

Рис. 1. л. 29.

раздавати своя и чюжая”; 2. Л. 27 - “Глаголет мати чадом своим яко поиду за иного мужа”; 3. Л. 29 - “Пиюще и ядуще а о смерти ничтоже пекущися”; 4. Л. 30 - “Первый друг дает два портища погребалная”; 5. Л. 31 - “Вторый друг провождает до полупути си речь до гроба”; 6. Л. 32 об. - “Рече третий друг аз ко Господу помолюся за тя да тя помилует”; (миниатюры л. 29-32 об. Служат иллюстрациями к “Притче преподобного отца нашего Варлаама, о животе и о смерти, и о суетном богатстве”); 7. Л. 33 об. - “Исхождение души от тела и разрушение составов”. Рисунок относится к тексту “Сия притча подобна сей, о исхождении души от тела сице глаголем”; 8. Л. 34 об. - “Преподобная Афанасия поучает люди како помина [ти] усопших”; 9. Л. 35 - “Утру же воставшу, и видевшу посох ея процветущ и прославиша Бога”. Л. 34 об. и 35 иллюстрируют “Притчу преподобных матери Афанасии Игумении”; 10. Л. 36 - “Ангел Господень показует души яже приносится за них жертва”. Рисунок помещен после текста о приношении в церковь в третий день по смерти человека, о “третинах”. 11. Л. 43 об. - надпись обрезана [Ангелы принимают душу]. Рисунок служит сопровождением к тексту “Приидите видим вмале с нами гробу предается, и с мертвым погребается...” Миниатюры представляют собой довольно крупные, в размер листа, оконтуренные рисунки, тоированные неплотными красками трех - четырех цветов: красновато-коричневой, оранжевой (алой), зеленой, серой. Наиболее интенсивным оранжевым тоном раскрашена одежда, отделка на одеждах и детали мебели другого цвета. Зеленый цвет преобладает в одежде и архитектуре. Серым тоном окра-

Рис. 2. л. 30.

шены предметы интерьера, оконные и дверные проемы, архитектурные детали. Миниатюры исполнены умелой рукой: рисунок четкий и правильный, красивых линий и пропорций, в тактичной и сдержанной колористической манере.

Архитектура в миниатюрах только служит благодатным фоном, позволяющим придать убедительность и универсальность или, напротив, конкретность сюжету. Архитектурный стаффаж древнерусских миниатюр не является в прямом смысле документальным изображением. Архитектурный фон составлялся из набора нескольких условных схем, пришедших из византийской и эллинистической миниатюры.¹⁹ Однако в более позднее время рисовальщик часто видел и знал то, что рисует, и стремился более или менее узнаваемо передать натуру, как это нередко встречается в Лицевом летописном своде XVI в.²⁰ В миниатюрах Боголюбовского синодика этот опыт, как нам кажется, вполне усвоен монахом Викентием - искусным книжником и опытным рисовальщиком, хотя текст и рисунки и не называют определенного места. Будучи монахом и уставщиком Рождественского монастыря, он, конечно, должен был неоднократно бывать в Боголюбовском монастыре, и в рисунках могли вполне естественно передаваться его живые впечатления. Осторожно обозначим их как архитектурные реминисценции.

Безусловно, Боголюбовским ансамблем навеяны многоверхие башнеобразные палаты с обилием арочных и оконных проемов, так характерных для белокаменных зданий XII в. Особенно устойчив мотив высокого терема-столпа (или башни) с одно-

Рис. 3. л. 32 об.

Рис. 5. л. 35.

скатной кровлей, крытой то тесом, то черепицей. Из одиннадцати миниатюр вариации на тему башни-терема есть на шести: л. 33 об., 27, 32 об., 29, 30, 31. В этом тереме, хотя мотив башни (но других форм) и принадлежит к наиболее ранним и стабильным схемам византийского происхождения, все же явно проступают реалии боголюбовской лестничной башни XII в.

Другой устойчивый мотив - более тонкая и стройная башенка с фигурным верхом - бочкообразным, шатровым или луковичным, часто с дополнительным ярусом, с арочным окошком или несколькими окошками. Она присутствует в разных вариантах почти на всех миниатюрах, изображающих палаты - на семи листах: л. 33 об., 29, 32 об., 43 об., 30, 31, 26. В двух случаях на этой башенке есть двер-

Рис. 4. л. 33 об.

Рис. 6. л. 36.

ной килевидный проем: на л. 33 об. в виде одинарной арки, на л. 43 об. в виде тройной арки.

Несколько раз изображена некая промежуточная палата - сени (л. 26, 43 об.) или группа разновысоких палат (л. 29). Их компоновка и своеобразие весьма далеки от стандартных византийских схем.

Подкупающе красноречив мотив тройного арочного окна, каким украшена боголюбовская лестничная башня. На разных объемах он встречается четырежды (л. 26 - дважды, л. 30, 35).

Обилие на миниатюрах верхов разнообразных форм и покрытий - тесом, лемехом, черепицей, жостью - что более всего определяет архитектурный образ зданий и ансамблей, очевидно, в какой-то мере отражает реальную картину, а не только дань привычной иконографии. В традиционной форме эта картина запечатлена в монастырских описях. В самой ранней из них - за 1689 г. - Боголюбов монастырь выглядел так: "Сопреди святые врата каменные. Над теми вратами сделана церковь во имя св. апостола Андрея Первозванного... Из тех же врат зделана калитка каменная ж проходная... а на церкви глава обита чешуею осиновою, крест опаен немецким железом. Церковь крыта тесом, паперть деревянная рублена в замок, покрыта тесом же... Сопреди них около того монастыря ограда деревянная, заборы, прясла меж столбов, а иные прясла, заборы рублены в угол... В монастыре церковь каменная во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славного Ея Рождества об едином верхе, а глава опаяна по дугам и крест немецким железом, поле и олтарь крыты тесом. Из церкви передние и сторонние двое двери обиты по доскам железом. Из той же церкви к передним дверям приделана полатка каменная, покрыта тесом... В том же Боголюбове монастыре вновь построена трапеза каменная во имя св. великомученика Леонтия, на службах под трапезою хлебня, мукосейня, хлебодарня. Сопред трапезы всход срублен бревенной, покрыта трапеза и всход тесом, на церкви глава обита чешуею осиновою, крест опаян немецким железом... Подле соборной церкви на старой каменной полате колокольня каменная, на колокольне верх шатровой каменной, на колокольне глава, и над оные закомары опаено по чешуе немецким железом... В монастыре же келии игуменские о четырех житях, в них передние сени дощатые... Промеж соборной церкви Рождества Богородицы и колоколенной полатки вновь зделана казенная кладовая палата (очевидно, в галерее-переходе - Т. Т.). У ней двери обиты по доскам дощатым железом. У полатки в двух окнах окончины слюдяные... В монастыре ж братских шесть келей деревянных, крыты драньем... В монастыре ж приспешняя поварня, против ея подкеларская келья на подклете, а к ней сени прислонные..." (сохраняем орфографию оригинала).²¹

Ограда, врата с надвратной церковью, соборная и трапезная церкви, "старая каменная палата" с колокольней и "палаткой"-переходом, игуменские, братские и многочисленные хозяйственные кельи... И все это обильное строение - с крыльцами,

сенями, шатрами и шатриками, главками, флюгерами, с разной кровельной фактурой. Описи не сообщают о вымостке полов. На миниатюрах полы кирпичные и плиточные.

Все изображения палат на миниатюрах имеют в виду интерьеры - так называемые "нутровые палаты". Чаше рисовальщик пользуется популярным простым приемом для обозначения интерьера - акцентирует дверные и оконные проемы, помещает действие и его участников вблизи дверей,²² а иногда как бы за закрытыми дверьми (л. 26, 27). При этом интерьеры имеют всегда лаконичную выразительную обстановку, подходящую к случаю: стол во время трапезы, ложе для усопшего или болящего, седалище при беседах, скамеечка для ног... Основной тон мебели и дверных и оконных проемов один и тот же. Есть и более смелые попытки создания эффекта "нутровых палат": вынос вперед несущих колон.²³ На л. 32 об. кровля башни опирается на точеную раскрашенную балясину, явно предназначенную быть между зрителем и действующим по эту, а не по ту сторону происходящего. Попытка эта осталась незавершенной, так как балясина не доходит до пола, теряясь где-то за фигурой персонажа. Более интересен и удачен прием, трижды повторенный в миниатюрах: л. 26, 30 и 31. Здесь действие происходит в помещении со сводом в форме тройной килевидной арки (в двух случаях с тройным окном), которая охватывает все действие. Стремление "охватить все действие грандиозной палатой" известно, например, по Лицевому летописному своду как один из радикальных приемов интерьера.²⁴ Эффект интерьера усиливают раскрытые дверные проемы либо двери. Эта палата отличается от прочих изображений тем, что здесь она очень напоминает древнюю белокаменную палату-переход, отделенную от лестничной башни (правда, тройное окно башни перенесено в переход). Думаем, попытки более точной идентификации были бы бессмысленны, поскольку документальность миниатюр не буквальная, а скорее стилистическая и образно-символическая.

В целом же кажется, что одно и то же "хоромное строение" неустанно поворачивается и рассматривается то в одном, то в другом ракурсе, с разных сторон и точек обзора, что создает все новые и новые пространственно-объемные комбинации и открывает неожиданные подробности.

Отдельно остановимся на миниатюрах, изображающих церковь. Их три: л. 34 об., 35 и 36. Первые две миниатюры показывают храм о трех верхах и трех закомарах на фасаде (на л. 35 - тройное окно). В одном случае это, может быть, наружный фасад - л. 34 об. В другом - л. 35 - интерьер, т. к. открыт дверной проем, но скорее это внутренность не самого храма, а изображенной слева паперти ("палатки" описей) с треугольным фронтоном или двускатной кровлей; ее дверной проем тоже раскрыт. Правда, на предыдущем рисунке тоже есть частично открытый проем паперти.

Третья миниатюра особенно интересна, т. к. на ней изображен интерьер храма, вид на алтарь. Пространство храма на этой миниатюре особенно гармонично и воздушно. Возможно, этот эффект создает плавный уравновешенный рисунок свода - с центральной килевидной и четырьмя четвертными закомарами. Храм одноглавый, увенчанный световым барабаном с луковичной главой. Слева - раскрытый не полностью дверной проем - ход из паперти. Алтарь ознаменован образом Спаса и фигурными царскими вратами, что заменяет полностью иконостас, по сторонам два арочных окна. Справа на солее аналой, сбоку от которого молится, сложив два перста, священник. К нему приближается с подсвечником и свечой юноша в мирской одежде.

Посмотрим, каков по описям был собор до разрушения. Внешний вид передан в описях так. "Церковь каменная об едином верхе, а глава опаяна по дугам и крест немецким железом, поля и олтарь крыты тесом. Из церкви передние и сторонние вдвое двери обиты по доскам железом. Из той же церкви к передним дверям приделана палатка каменная, крыта тесом" (1689 г.).²⁵ "Соборная церковь каменная... об едином верху, крест и глава опаяна по дугам белым немецким железом, олтари церковные крыты тесом. У церкви передние и сторонние двои двери обиты по доскам железом. У той же соборной церкви к предним дверем и северной страны приделана паперть кирпичная, а в ней построена ризница, покрыта тесом а под ризницей кладовая полатка" (1697 г.).²⁶ "Церковь соборная каменная о едином версе, крест деревянной, глава по дугам деревянным и тот крест и глава опаяны белым немецким железом, олтарь и церковь крыто тесом... У церкви Божией передние и сторонние двои двери обиты по доскам железом. У той же соборной церкви со преди со южной стороны паперть каменная а в ней построена каменная полатка книгохранительница, а под нею полатка кладовая" (1702 г.).²⁷

По "Летописи" игумена Аристарха (1768 г.) при игумене Ипполите (1684-1695 гг.) в соборе были пробиты большие окна и разобраны хоры, что стало причиной разрушения церкви. Аристарх описывает церковь так: "В ней же преизряднейшим греческим иконописанием и стены все украшены быша, верх же на ней бяше, по древнему обыкновению, дугами, и на оных дугах опаяна покрыта немецким железом; для спуска воды между тех дуг сделаны трубы из белого камене. Глава была одна и опаяна железом и позлащена, крест железный позлащен".²⁸ Н. Н. Воронин, сравнивая "Летопись" Аристарха с описями 1767, 1772 и 1830 гг., добавляет сюда икону Боголюбской Божьей Матери, где собор изображен до разрушения: с луковичной главой, крытый на четыре ската, но "закомары ясно видны; сохра-

нены и узкие окна".²⁹

Однако ни опись 1689 г., ни 1697 г. ничего не говорят о больших окнах; они появляются только в описи 1702 г.: "Да в той же церкви Божии 4 окна больших а в них окончины стеклянные ветхи... В олтаре на горнем месте и над жертвенником 2 окна больших в них окончины слюдяные".³⁰ Следующая опись (1723 г.) вовсе не упоминает соборной церкви, а вместо нее служила трапезная Леонтьевская: "В той же трапезе в ризничной полатке, что преж сего бывала хлебодаренная бывашная полатка, в тое полатке выбрано и пренесено ис прежде разрушенной соборной церкви...".³¹ Церковь, по "Летописи" Аристарха, "паде ужасно" 14 ноября 1722 г., "разрушившись свод и некоторая часть стен".³² Там же описаны внутренние размеры и конструкция: "В той же церкви бяху 4 столпа, при святом олтаре два с лопатками... четверугольные. В святой же церкви два ж столпа круглые с преизрядными вверху карнизами и коронами".³³ Опись Иринарха 1767 г., тоже цитируемая Н. Н. Ворониным, год разрушения собора называет другой, не 1722:

"В лето 7213 (1705) от делания в ней больших окон игуменом Ипполитом разрушилась. А делана была издревле единогоглавная подобие точное с нее Покровской монастырь, и в лето от Христа 1751 игуменом Инокентием до подошвы разобрана и на том же фундаменте паки состроена тем же игуменом Иннокентием".³⁴ В литературе же утвердилась дата разрушения 1722 г.

Об интерьере церкви описи дают представление в основном с точки зрения богослужебного содержания - икон и утвари и их относительной топографии, например: "Против правого крылоса на лойные иконы... три образа в киоте, а четвертой на налое".³⁵ Миниатюра также изображает в правой стороне церкви аналой. Возможно, это случайное совпадение, или так было везде. Описи указывают с северной стороны, т. е. слева, паперть - "каменную палатку". Дверной проем с треугольным фронтоном над ним на миниатюре тоже слева. Миниатюра не изображает столбов - вероятно, в силу иконографической традиции: чтобы не заслонять действие, тем более, что иконостас должен был закрывать восточную пару. Но свод здесь явно опирается на капитель - "корону" Аристарховой "Летописи".

В целом все одиннадцать миниатюр в той или иной мере, с разной степенью условности и достоверности, отражают впечатления очевидца, явно любовавшегося живописной картиной Боголюбова монастыря XVII в., и оказываются не только замечательным произведением книжного искусства, но и в определенном смысле и документальным иконографическим источником по истории Боголюбовского архитектурного ансамбля.

¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII - XV веков. М., 1961. Т. I. С. 241, 209.

² Собрание ВСМЗ. Инв. № В-5636/113.

³ Гераклитов А. А. Филлигранные XVII века. М., 1963. С. 208, № 1395, 1663 г.

⁴ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 44. Л. 197.

⁵ Доброхотов В. Древний Боголюбов - город. М., 1852. С. 61 - 63.

⁶ Косаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Владимир, 1906. С. 31 - 32.

⁷ Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 156.

⁸ Тихонравов К. Н. Владимирский сборник. М., 1857. С. 50.

⁹ Тихонравов К. Н. Указ. соч. С. 45 - 46; с. 75 - на "тощих" свечах: "гостиной сотни Павел Денисов з братьями и с племянники..."

¹⁰ Тихонравов К. Н. Указ. соч. С. 44.

¹¹ Тихонравов К. Н. Город Владимир в начале XVIII столетия // Труды ВГСК. Вып. IX. Владимир, 1871. С. 27.

¹² В-5636/113. Л. 133. Запись эта такова: "Род Гостиные сотни Ивана Денисиева з братьями. Стефана. Евдокима. Евдокии. Пантелеимона. Дионисия. Инока Ионы. Иноки Анисии ста[ршей]. Андрея. Петра. Инока ст[аршего]. Макария. Марии. Феклы. Анны. Февронии девицы. Татианы. Агриппины девицы. Марии. Андреяна млад. Романа. Климента. Григория. Стефана. Димитрия. Петра. Михаила. Ксению. Феодору. Евдокию. Параскеву."

¹³ В-5636/113. Л. 99.

¹⁴ В-5636/113. Л. 98.

¹⁵ Тихонравов К. Н. Владимирский Рождествен монастырь. Владимир, 1869. С. 12.

¹⁶ Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. Труды ВГСК. Вып. III. Владимир, 1864. С. 15 - 18.

¹⁷ См.: История русского искусства. М., 1959. Т. IV. С. 474.

¹⁸ Опись монастыря 1689 г. // ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

¹⁹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 180 - 181. Рис. 68 - 71.

²⁰ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 166, 172, 177.

²¹ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2. Л. 3 об., 35, 38 об. - 39, 46, 48 об.

²² Подобедова О. И. Указ. соч. С. 162.

²³ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 164.

²⁴ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 164.

²⁵ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2. Л. 3 об., 4.

²⁶ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4. Л. 3 - 3 об.

²⁷ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 7. Л. 1 об., 16 об.

²⁸ Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 г. // ЧОИДР. 1878, № 2.

²⁹ Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 208 - 209.

³⁰ ГАВО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об., 10 об.

³¹ ГАВО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 7. Л. 27 об.

³² Летопись... ЧОИДР. 1878, № 2. С. 14.

³³ Указ. соч.

³⁴ ГАВО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 5. Л. 4; Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 209.

³⁵ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2. Л. 7 об.

А. И. Давыдов

СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА НИЖЕГОРОДСКОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

В связи с реставрацией Благовещенского собора Нижегородского Благовещенского монастыря еще в начале 1980-х гг. наряду с натурными обследованиями были проведены историко-архивные изыскания по данному памятнику архитектуры, позволившие проследить его строительную историю, формирование современного облика, выявить круг лиц, так или иначе связанных с ним. К сожалению, результаты этих исследований тогда опубликованы не были. Цель данной статьи - ввести их, несколько дополнив, в научный оборот. При этом, поскольку архитектурно-художественная характеристика Благовещенского собора, как и самого монастыря уже была дана в ряде публикаций,¹ мы практически не будем касаться данного вопроса.

Традиционно считается, что расположенный примерно в двух километрах от Нижегородского кремля выше по течению реки Оки на оползневой террасе монастырь был основан практически одновременно с городом, а уже в 1229 г. разорен мордовским князем Пургасом. В XIV в. обитель возрождается московским митрополитом Алексием. При этом в 1370 - 1371 гг. была построена Благовещенская церковь - один из четырех каменных храмов, существовавших в Нижнем Новгороде в то время.²

К началу XVII в. церковь находилась уже в плохом состоянии: "А на монастыре церковь Благовещенная Пречистые Богородицы каменная, ветха," - сообщает книга 1621 - 1622 гг.³ Однако лишь в середине столетия происходит ее замена на новый соборный храм и тем самым начинается формирование ныне существующего комплекса каменных строений - второго по времени возникновения (после Печерского) монастырского архитектурного ансамбля Нижнего Новгорода.

В разных дореволюционных публикациях строительство Благовещенского собора датируется 1647 г. (Амвросий, Н. Храмовский)⁴ или 1649 г. (Макарий).⁵ Поздние монастырские описи XIX - XX вв. приводят первую дату, причем 1647 г. иногда даже называется временем освящения престола.⁶ К сожалению, фонд Нижегородского Благовещенского монастыря, находившийся в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО), не содержит документов ранее XVIII в. за исключением двух дел, не имеющих отношения к объекту нашего исследования. Очевидно они, включая и порядные записи на монастырское строительство, погибли при пожарах. (В XVIII веке монастырь неоднократно горел). По тексту же Нижегородского летописца возведение собора можно отнести к 1648 - 1649 гг.⁷ Такой же датировки придерживается и исследова-

тель нижегородского зодчества Н. Ф. Филатов. Основываясь на документах, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в частности на жалованной грамоте, дающей право на беспошлинный провоз кирпича, купленного в Балахне, он называет руководителя работ - "строителя" Вельямина Черсткина и ведущих мастеров артели каменщиков - Данилу и Григория Тимофеевых.⁸ Впрочем, вполне возможно, что ходатайство о строительстве собора было возбуждено несколько ранее - отсюда и происходит отнесение событий к 1647 г.

Один из очерков истории Благовещенского монастыря, опубликованный в 1896 г. в "Нижегородских епархиальных ведомостях" (без указания авторства), дает список настоятелей этой обители. Судя по нему, время строительства собора совпадает с настоятельством архимандрита Ферапонта 2-го (1640 - 1649 гг.). Имя "строителя" Вельямина в списке отсутствует. Более того, указывается, что окончание постройки собора приписывается уже другому настоятелю - архимандриту Сергию, возглавлявшему монастырь в 1651 - 1654 гг.⁹ Проверить происхождение этого сообщения практически не представляется возможным из-за крайней скудности архивных источников XVII в., связанных с монастырем, о чем уже говорилось выше.

Предположение же о том, что новый собор частично размещается на фундаментах Благовещенской церкви 1370 - 1371 гг., высказанное при публикации результатов исследования его технического состояния в 1984 г.,¹⁰ скорее всего ошибочно.

Дело в том, что по сообщению архитектора-реставратора В. А. Широкова еще в 1977 г., внутри Сергиевской (первоначально Алексеевской) церкви, расположенной к югу от собора, были найдены остатки фундамента, представлявшего собой ряд валунов высотой до полуметра. Их с большой долей уверенности можно отождествить с фундаментом апсидной части Благовещенской церкви XIV в. К большому сожалению, фиксация находки проведена не была. При посещении же уже действующей церкви в 1994 г. обнаружить эти остатки нам не удалось. Впрочем, вполне возможно, что они все-таки сохранились в алтарной части или же под вновь устроенным полом.

Что же представлял собой Благовещенский собор первоначально и какие изменения произошли затем в его облике? Отправной точкой в исследовании на эту тему является опись монастырского имущества, составленная в мае 1718 г. Причиной ее появления послужил пожар, происшедший 25 июня 1715 г. и опустошивший значительную часть Нижнего Новгорода, включая и Благовещенский монастырь. Вот что сообщает эта опись: "В монастыре Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы каменная о пяти главах, на главах кресты железные прорезные позолочены. Средняя большая глава обита в круг черепицею зеленою вновь, а три главы малые опаяны белым железом и кресты позолочены

ны вновь ж... У входных и у сторонних церковных дверей затворы железные поличные... А паперти к той соборной церкви в две стороны приделаны каменные с перемышками, пол выслан кирпичем ширинчатым вкруг ново. А соборная церковь, алтари и паперти крыты по скале (т. е. бересте - А. Д.) тесом в зубец, и над папертями всходы з западную и с северную страны покрыты бочками с тесовой черепицею вновь ж... В монастыре под соборною церковью Благовещения Пресвятыя Богородицы погреб зимний, ставитца квас братской..."¹¹

Данное описание позволяет уточнить некоторые детали архитектурного облика собора, только что отремонтированного после пожара. Прежде всего это касается галереи и крылец.

Опись 1718 г. свидетельствует о наличии галереи с двух сторон собора, в то время как проведенные сотрудниками Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в процессе реставрации натурные исследования показали, что она существовала и с юга. Более того, галерея была построена позже основного объема здания, когда декоративная отделка его фасадов уже была завершена. Основания для такого вывода следующие: свод галереи, врезаясь в порталы, нарушает их украшения, а ее крыша перекрывает низ наличников окон собора. Вместе с тем, наличие галереи не только не противоречит архитектурному облику главного монастырского храма с его монументальными формами и "освященным пятиглавием", но, скорее, отвечает первоначальному замыслу зодчих. Казус может быть разрешен, если принять точку зрения видного исследователя русской архитектуры П. А. Раппопорта о возможности примыкания галерей к фасадам, имеющим законченный декор. Объясняя этот прием, он пишет: "Древнерусские строители, заканчивая каждый отдельный объект, выполняли всю его наружную отделку, даже хорошо зная, что сейчас же (или в следующем строительном сезоне) они закроют эту отделку примыкающей частью архитектурного комплекса. Видимо здесь существовала своеобразная, кажущаяся нам нерациональной, логика, по которой даже закрытые пристройками части фасадов, должны были иметь законченную отделку".¹²

Таким образом, галерея вполне могла появиться сразу же вслед за отделкой стен основного объема. Что касается последующей сломки ее южной части, то это можно связать со строительством в 1690 г. уже упомянутой выше Сергиевской (Алексеевской) церкви в непосредственной близости от Благовещенского собора. Вместе с тем, судя по документам XVIII в., южный его вход не использовался и был заложен.

Заметим, что именно галерея сближает собор с костромскими и ярославскими храмами, причем это едва ли не единственный такого рода памятник в Нижнем Новгороде.¹³ Что касается бочкообразного завершения крылец - "всходов", то подобный прием был характерен как для культовой, так и

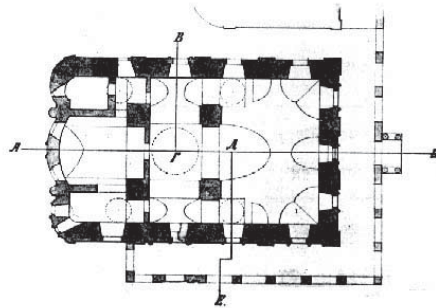
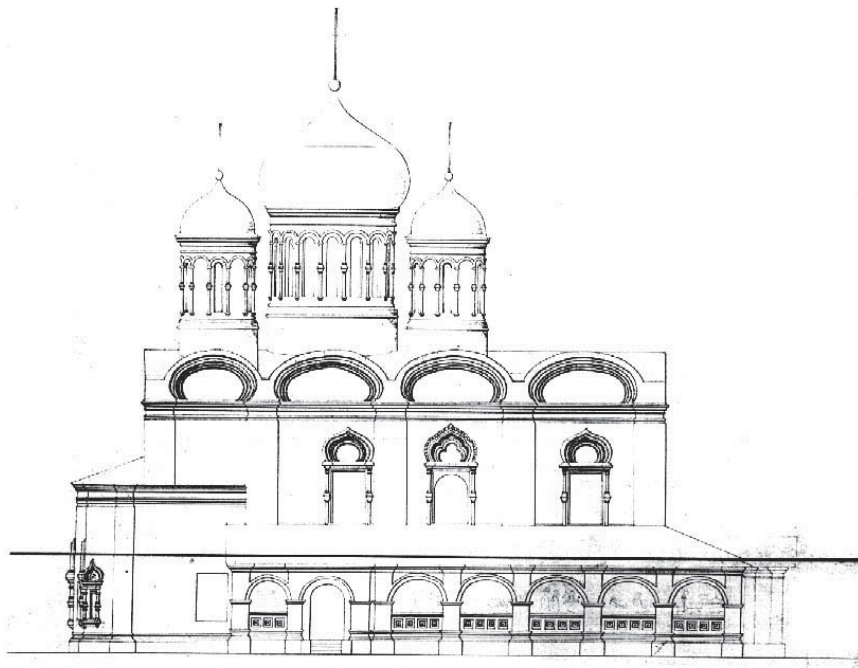

Рис. 1. Благовещенский собор Нижегородского
Благовещенского монастыря.
Чертеж Л. В. Даля.

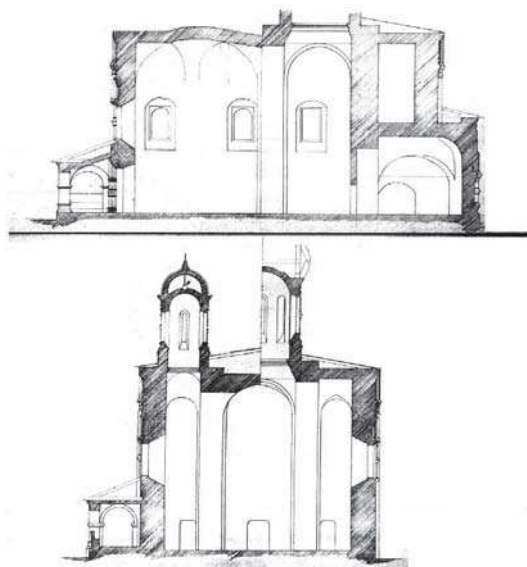

Рис. 2. Благовещенский собор
Нижегородского Благовещенского
монастыря. Обмер Л. В. Даля.

для гражданской архитектуры XVII в. Широкое распространение в нижегородском зодчестве имело также покрытие церковных глав поливной черепицею, что объясняется ее производством в Балахне. Особенностью же Благовещенского собора являлось сочетание такого покрытия на большой главе с покрытием малых глав “белым железом” и тесовой позакомарной кровлей.¹⁴ Сама же форма глав - шлемовидная над малыми световыми барабанами и близкая к таковой на главном барабане, была уже довольно архаичной для времени возведения собора.

Главный монастырский храм отличался богатым убранством. В нем имелся резной позолоченный иконостас. Росписи украшали стены собора не только внутри, но и на галерее. Кроме того, в соборе помещалась монастырская ризница и библиотека, включавшая ценные рукописи и книги.¹⁵ Храм не отапливался. Служба велась в нем только в летнее время.

Через четыре года составления указанной описи, 18 октября 1722 г., случается новый пожар, во время которого Благовещенский монастырь “погорел весь без остатку”.¹⁶ Ущерб, нанесенный главному монастырскому храму, в реестре сгоревшего имущества, составленном “архиерейского собора попом Стефаном”, описывается следующим образом: “На соборной церкви Благовещения Пресвятые Богородицы средняя глава, которая была обшита черепицею, обвалилась, и крест железной прорезной позолоченной, перегорев, разсыпался. Да на четырех главах белое железо обгорело, и крышки все згорели без остатку”.¹⁷ Такова была сила пожара.

Для ликвидации его последствий было составлено “ведение” - своеобразная смета на необходимые ремонтные работы. Судя по ней, кресты, покрытие глав, кровля собора и галерея восстанавливались в прежнем виде, стены их выбеливались. Собственно, пришлось воссоздать заново всю большую главу, поскольку она была деревянной, в отличие от малых каменных, из-за чего и оказалась полностью уничтоженной огнем.

“Ведение” 1722 г. позволяет установить не только материалы, но и технологию восстановления глав. Деревянная конструкция центральной главы обивалась сначала “двойными коровьими войлоками” (300 штук), а по ним - “зеленой черепицей большой руки” (15000 штук). При этом каждая отдельная черепица прибавалась отдельным гвоздем. На ремонт малых каменных глав в добавок к старому “белому железу” требовалось еще 450 листов и один пуд олова для паяния.¹⁸

Известны имена мастеров-подрядчиков, осуществлявших ремонт собора. Плотники: крестьяне монастырского пригородного села Гнилицы Никита Карпов, Григорий Емельянов, Карп Степанов, Спиридон Иванов, Мирон Трофимов “с товарищи десять человек”, каменщики: “разночинцы нижегородские жители” Василий и Савелий Ники-

тины дети Войлошниковы.¹⁹

Еще раз заметим, что судя по документам 1722 г., Благовещенский собор в основном восстанавливался в том виде, каким он был до пожара. Не ясен лишь вопрос с бочкообразными завершениями крылец и росписями, так как о них нет упоминаний в смете. Правда, в дальнейшем роспись галереи появилась вновь.

Значительные изменения в облике собора произошли после другого пожара - 1767 г. Он был настолько силен, что в огне перегорели внутри соборные металлические связи, а часть галереи с северной стороны обрушилась.²⁰ Разрыв связей усугубил деформации, вызываемые просадкой столбов собора, и привел к наклону барабанов малых глав.²¹

Целое десятилетие Благовещенский собор не использовался, служба в нем не велась. Медленный ход восстановительных работ объясняется тем, что после екатерининской секуляризации Нижегородский Благовещенский монастырь, окончательно лишенный своих владений, испытывал затруднения со средствами на строительство.²²

Лишь с начала семидесятых годов XVIII столетия начинается ремонт собора. На этот раз черепичное покрытие большой главы восстановлено не было. Она, как и малые главы, оказалась покрыта листовым железом, поставленным с тульского завода А. Р. Баташева, и выкрашена в зеленый цвет “ярью медянкой”. Работы по устройству деревянного остова этой главы выполнил крестьянин деревни Каренковой Галицкого уезда Федор Лукьянов, обивку железом произвели служители архиерейского дома кузнецы Семен Дмитриев, Дмитрий и Семен Ивановы дети Парфеновы, Иван Иванов сын Волков. Эти же мастера осуществили также сварку перегоревших связей внутри собора. Все перечисленные работы были выполнены в 1774 г.²³

Еще в 1770 г. на починку креста большой главы было закуплено “у господ баронов Строгоновых” 4,5 пуда полосового железа,²⁴ а на позолоту его в 1774 г. - 1000 листов “двойничного золота первого номера”. Работы по починке креста выполнили крестьяне бывшего Нижегородского Духова монастыря Степан Никифоров, а также уже упомянутый выше кузнец Семен Дмитриев “с товарищи”.²⁵

Обрушившаяся часть галереи была заново сложена в 1777 г. “бывой вотчины Нижегородского Печерского монастыря подмонастырской Николаевской слободы, что ныне экономического ведомства, крестьянином Иваном Никифоровым сыном Галкой”.²⁶

Одновременно восстанавливается и интерьер собора. В 1777 - 1781 гг. в нем был устроен новый резной иконостас из липового дерева. Работы выполнил “вязниковец посадский человек Алексей Петров сын Угримов”.²⁷ Подряд на позолотные работы взяли “вотчины его сиятельства генерал-аншефа лейб-гвардии Измайловского полку подполковника и разных орденов кавалера князя Николай

Васильевича Репнина села Холуйской слободы крестьян Петр Андреев сын Кособрюхов и Матфей Андреев же сын Хитин”.²⁸ Однако в последующих документах указывается, что позолоту иконостаса выполнял сторож нижегородского Архангельского собора Дмитрий Иванов.²⁹

Служба в Благовещенском соборе возобновилась лишь в 1782 г.³⁰ Однако буквально через несколько лет он вновь требовал ремонта. Составленное в 1785 г. губернским архитектором Я. А. Ананьиним “описание ветхостей” свидетельствует, что “на соборной Благовещенской церкви кровля ветха, так что сквозь оную во многих местах на своды течь происходит, той же самой церкви на олтаре и паперте, которые кровли непременно должно перекрыть в два теса лубьями, и стропила все згнили, оные вновь сделать”.³¹ Монастырским властям пришлось выискивать средства на ремонт у наместнического правления.

Через несколько лет монастырь пострадал от урагана. В донесении игумена Александра нижегородскому епископу Дамаскину это событие описывается следующим образом: “Минувшего июля 30 дня сего 1789 года, по полудни в третьем часу, случившеюся сильною бурей с превеликим дождем и означенном нашем монастыре на соборной Благовещения Пресвятыя Богородицы церкви стоявшей в средней главе железный крест, прервав подъядерживавшие оной цепи, сломило, да еще на полатке имеющейся над трапезою церкви ж апостола Андрея Первозванного, что над святыми воротами, крышу совсем сбросило, также несколько ж труб поломало...”.³²

Для ремонта предполагалось спустить крест на землю, сварить в переломленном месте и вновь установить его на место с укреплением цепями и закладкой основания креста кирпичом.³³ Эту работу вновь выполнил упоминавшийся уже кузнец Семен Дмитриев.³⁴

С переводом в 1817 г. в Нижний Новгород Макарьевской ярмарки экономическое состояние Благовещенского монастыря заметно улучшилось. Расположенный как раз напротив ярмарочной территории на другом берегу Оки, он стал удобным местом для хранения всевозможных товаров. Для этого использовались монастырские подвалы, в том числе и соборное подцерковье. Увеличились также вклады со стороны купцов на погребение в стенах монастыря. Все это позволило монахам развернуть каменное строительство. Здесь в классицистическом стиле строится новая Алексеевская церковь, перестраивается архимандритский корпус. Дух классицизма коснулся и главного монастырского храма. В 1819 г. вместо западного крыльца у него устраивается портик на колоннах, перекликающийся с аналогичным “обрамлением” входа в настоятельские покои, но резко контрастирующий с обликом самого собора. Работы по его возведению выполнил удельный крестьянин каменщик Иван Иванов.³⁵

К 1820-м гг. кресты собора утратили позолоту и были выкрашены желтой краской, а тесовая кровля - заменена на железную.³⁶ Можно предположить, что с такой заменой произошла и смена позолотного покрытия на скатное.

В 1825-26-х гг., после сломки “паперти” с запада Сергиевской (тогда еще Алексеевской) церкви, каменная галерея собора была продлена и соединила два храма. Тогда же ее покрыли железом.³⁷ Кроме того, было пробито новое окно в алтарной части храма, а другое - расширено.³⁸

В 1850-60-е гг. соборная церковь внутри была “украшена... как позолотою иконостаса и серебряными ризами на иконах, так и росписью стен”. Осуществлялось это на средства московского купца Борисовского и соликамского потомственного дворянина А. И. Дубровина.³⁹ Последний, кроме того, профинансировал работы, осуществленные в 1870-е гг. и существенно изменившие внешний облик собора.⁴⁰ Н. Ф. Филатов называет их “первой в Нижнем Новгороде научно обоснованной реставрацией”, проведенной под руководством академика архитектуры Л. В. Даля и вернувшей памятнику “первозданный вид”.⁴¹ Однако это совсем не так.

Действительно, Л. В. Даль по заданию Строительного отделения Нижегородского губернского правления произвел обмер этого памятника старины, а затем составил чертеж, озаглавленный “Фасад Благовещенского собора в Нижегородском Благовещенском монастыре, реставрированного в его прежнем виде”, утвержденный 13 сентября 1872 г.⁴² Вместе с тем, анализ данного проекта показывает, что в “прежнем виде” по законам восстановления лишь крыша. Более того, утверждая на страницах журнала “Зодчий”, что “окна собора, судя по наружной... отделке были, вероятно, расширены при введении стеклянных и слюдяных окон...”,⁴³ Л. В. Даль в указанном проекте еще больше увеличил световые проемы, ликвидировав у них лучковые перемычки и придав им прямоугольную форму! (Впрочем, в другом варианте проекта проем центрального окна северного фасада имеет полуциркулярное завершение. Еще одним отличием является арочная форма портала галереи вместо прямоугольной).⁴⁴

В результате других переделок, как то: позолота креста и глав, вставка рам в арочные проемы галереи, витражи в окнах, появление росписей в закомарах и поновление их на стенах галереи, раскраска наличников, устройство тамбура у входа в подцерковье и т. п., Благовещенский собор приобрел, по словам известного исследователя архитектуры и реставратора А. А. Титова, “невежественное благоуукрашение”.⁴⁵ Именно в таком виде собор оказался запечатлен на фотографиях конца XIX - начала XX в.

В советское время Благовещенский монастырь был закрыт. На его территории разместились различные организации. Служба в соборе прекратилась. Его основное помещение использовалось как

архивохранилище, подвал - как овощной склад. Убранство храма было уничтожено.

Памятник, взятый на госохрану постановлением Совета Министров РСФСР в 1960 г., пришел в аварийное состояние.⁴⁶ Однако лишь после смерча, пронесшегося 3 июля 1974 г. и нанесшего ущерб архитектурному ансамблю бывшего монастыря., Благовещенский собор, у которого как и в XVIII в. пострадали кресты,⁴⁷ был освобожден от арендаторов. Начались противоаварийные работы. Проект конструктивного укрепления собора был разработан специалистами объединения “Союзреставрация”. В 1981 г. железобетонный пояс, устроенный по верху стен, надежно связал их и разгрузил своды от давления барабанов. Дальнейший наклон самих малых барабанов, от выпрямления которых решили отказаться, и их обрушение было предотвращено.

Одновременно велись и чисто реставрационные работы (автор проекта реставрации - архитектор В. А. Широков). При этом появившиеся в XIX - XX вв. пристройки были удалены, раскрыты арочные проемы галереи, восстановлены первоначальные окна, их форма, а поздние, наоборот, заложены, отреставрирован богатый декор порталов и оконных наличников. Вместе с тем, был сохранен и отреставрирован классицистический портик западного входа. Собор вновь получил позакомарное покрытие, правда не с деревянной, а с железной кровлей. При этом все главы были покрыты медью. К сожалению, из-за проложенных многочисленных коммуникаций, культурный слой вокруг собора, до-

стигающий более двух метров, удалить не удалось. Поэтому подцерковье скрыто землей и асфальтом, что искажает облик памятника.

К 1987 г. основные реставрационные работы на соборе (за исключением интерьеров) были окончены. Встал вопрос об использовании. Интересно отметить, что при его рассмотрении тогда не было и намека на восстановление в храме богослужения. Наоборот, предлагалось устроить здесь... музей атеизма, в лучшем случае - концертный зал.⁴⁸ Однако справедливость восторжествовала. Благовещенский собор вместе с другими постройками монастырского комплекса сейчас возвращен Нижегородской епархии. В нем опять устроена мужская обитель.

К сожалению, после передачи Благовещенского собора монастырским властям произошло то, против чего еще в XIX в. выступала научная общественность: вместо продолжения реставрации памятника началось искажение его облика за счет всевозможных “поновлений”. Так опять оказались остекленными арочные проемы галереи, вновь устроен неприглядного вида входной тамбур в подцерковье, в котором размещена монастырская пекарня. Очередной раз приходится констатировать бессилие государственных органов охраны историко-культурного наследия в этом вопросе и уповать, как это делал А. А. Титов более ста лет назад, на “просвещенное внимание отцов-архимандритов, “горящих духом” к памятникам отечественной старины, чтобы исправить погрешения своих предшественников”.⁴⁹ Увы, история повторяется...

¹ См.: Агафонов С. Л. Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987. С. 165 - 170; Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький, 1987. С. 106-107.

² Архитектурно-художественную характеристику см.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1962. Т. 2. С. 215 - 216; Агафонов С. Л. Указ. Соч. С. 24 - 26. Что же касается самого Благовещенского монастыря, то он после возобновления митрополитом Алексием последовательно считался “домовым митрополичьим”, “домовым патриаршим”, домовым синодальным”. Лишь с 1764 г. он становится епархиальным, перейдя в подчинение нижегородских духовных властей.

³ Писцовая и переписная книга XVII века по Нижнему Новгороду. СПб., 1896. Ст. 346.

⁴ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 358; Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1859. Ч. 2. С. 111.

⁵ Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 169.

⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2819. Л. 2 - 4; Ф. 799. Оп. 33. Д. 1000. Л. 81 об.

⁷ “Лета 7156-м и во 157-м годех... Того ж году в Нижнем Новгороде в Благовещенском монастыре строена церковь каменная соборная, Благовещения пресвятыя богородицы...” (Н. Новгород в XVII веке - Горький, 1961. С. 294).

⁸ Филатов Н. Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья. Горький, 1989. С. 64; он же. Нижний Новгород.

Архитектура XIV - начала XX в. Н. Новгород, 1994. С. 29-30.

⁹ Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии // НЕВ, 1896, № 9. Часть неоф. С. 345-346.

¹⁰ Пашкин Е. М., Бессонов Г. Б. Диагностика деформации памятников архитектуры. М., 1984. С. 98.

¹¹ ГАНУ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2, 20 об. - 21, 51.

¹² Раппопорт П. Еще раз о галереях церкви Покрова на Нерли // Архитектура СССР, 1984, № 1. С. 106.

¹³ Агафонов С. Л. Указ. соч. С. 167.

¹⁴ К сожалению, досадная ошибка в описании покрытия глав Благовещенского собора (“средняя - луженым железом, а боковые - черепицей”), допущенная при первом издании книги С. Л. Агафонова “Горький. Балахна. Макарьев.” (М., 1969. С. 135), перекочевала и во второе издание (м., 1987. С. 167).

¹⁵ ГАНУ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1.

¹⁶ ГАНУ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 16., 19 об.

¹⁹ Там же. Л. 20 об.

²⁰ ГАНУ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 5. Л. 169 об.; Д. 56. Л. 123 об.

²¹ Пашкин Е. М., Бессонов Г. Б. Указ. соч. С. 100.

²² Чтобы оценить потери, приведем следующие данные. К моменту введения “штатов” в 1764 году за монастырем насчитывалось 4197 душ крестьян. По “штатам” же ему как епархиальному монастырю низшего третьего класса, годовое содержание было установлено всего лишь

в 698 рублей (Храмцовский Н. Указ. соч. С. 112; Титов А. А. Нижегородский епископ Иеремия // Исторический вестник, 1889. Т. 37. С. 599).

²³ ГАГО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 5. Л. 169 об. - 171 об.

²⁴ Там же. Л. 128.

²⁵ Там же. Л. 170 об.

²⁶ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 56. Л. 123 об.

²⁷ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.

²⁸ Там же. Л. 53.

²⁹ Там же. Л. 301 об.

³⁰ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.

³¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 1962. Л. 7. Н. Ф. Филатов утверждает, что Я. А. Ананьин в 1780 - 1785 годах заменил позакомарную кровлю собора на четырехскатную (Филатов Н. Ф. Нижний Новгород... С. 30). Однако описание необходимых работ по исправлению "ветхостей" не дает оснований для такого вывода. Более того, оно было составлено лишь в октябре 1785 года.

³² ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 3. Л. 140.

³³ Там же. Л. 140 об.

³⁴ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

³⁵ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 43. Л. 20.

³⁶ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

³⁷ ГАНО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 76. Л. 2 - 2 об.

³⁸ ГАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 59. Л. 42.

³⁹ Описание Нижегородского Благовещенского мужского монастыря. Н. Новгород, 1884. С. 7.

⁴⁰ ГАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 32 (1873 г.). Л. 65; Ф. 578. Оп. 1. Д. 85. Л. 96, 112.

⁴¹ Филатов Н. Ф. Нижегородское зодчество XVII - начала XX века. Горький, 1980. С. 185.

⁴² ГАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 5602. Л. 4 - 4 об.; Оп. 3. Д. 333. Отметим, что Л. В. Даль ошибочно ныне существующий собор к 1370 году, а к XVII веку - его завершения, галерею, окна. (Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий, 1873, № 1, с. 5 - 6).

⁴³ Даль Л. В. Указ. соч. С. 6.

⁴⁴ РА ИИМК. Р-1, № 53. Л. 1. Этот вариант проекта опубликован в журнале "Зодчий" (1873, № 1. С. 6).

⁴⁵ Титов А. А. Указ. соч. С. 599.

⁴⁶ Подробнее о техническом состоянии собора см.: Пашкин Е. М., Бессонов Г. Б. Указ. соч. С. 98 - 101.

⁴⁷ Кирьянов И. Загадка природы? // Горьковский рабочий, 1984, 1 авг.

⁴⁸ Храм у дороги // Горьковская правда, 1987, 15 февр.

⁴⁹ Титов А. А. Указ. соч. С. 600.

Я. Л. Шаболдин

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ТРОИЦКОГО ОСТРОВОЕЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII ВЕКЕ

История возникновения и строительства утраченного ныне ансамбля Троицкого Островоезерского монастыря являет собой яркую страницу Нижегородского культового зодчества XVII в. Эта обитель была выстроена на одном из островов Ворсменского озера близ села Ворсмы Горбатовского уезда.¹ Простояв около трехсот лет, монастырь прекратил свое существование в тридцатые годы нашего века, а в пятидесятые были полностью разобраны монастырская ограда и два каменных храма, Троицкий и Казанский.² Теперь о бывшем некогда на острове монастыре напоминают только руины братского корпуса и надвратной церкви Михаила Малеина.

В 1995 г. территория острова получила статус земель историко-культурного назначения со специальным режимом их содержания, тем самым остатки монастырских построек и сам остров были взяты под охрану государства.³

До последнего времени Троицкий Островоезерский монастырь не привлекал к себе внимания современных исследователей русской архитектуры. Несколько публикаций лишь косвенно связаны с историей строительства монастыря. Все они посвящены личности зодчего Павла Потехина и его подрядной записи на строительство каменных зданий монастыря, относящейся к 1688 г.⁴

История основания Островоезерского монастыря и строительства в нем храмов отражена в дореволюционной церковно-исторической литературе.⁵ Наиболее подробно она изложена в

"Памятниках церковных древностей" архимандрита Макария⁶ и в "Адрес-Календаре" А Снежницкого.⁷ В указанных трудах основная роль в устройении обители на острове в Ворсме отводится представителям весьма влиятельного в XVII в. рода князей Черкасских.⁸ Имевшие в вотчинном владении села Ворсму и Павлово,⁹ Черкасские действительно принимали активное участие в строительстве монастыря, что подтверждается рядом документов. Литературные источники упоминают и некоего схимонаха Макария,¹⁰ называемого монастырским преданием "первоначальником" обители.

Легендарный факт встречи и беседы Макария с князем Черкасским, обещавшим иноку построить обитель на острове, неизменно присутствует практически во всех повествованиях об основании монастыря. Однако существование нескольких вариантов описания этого события говорит о том, что легенда не сохранила ни конкретного имени князя, ни указания времени, когда эта встреча произошла. Восполняя существенные пробелы предания об основании обители, каждый из авторов был волен дать свою трактовку известным фактам.

Архимандрит Макарий в "Памятниках церковных древностей" утверждает, ссылаясь на местное предание, что монастырь на острове в Ворсме появляется после переведения сюда из с. Павлова Воскресенского мужского монастыря.¹¹ В изложении Макария версия эта слишком уязвима. По ней князь Черкасский Михаил Яковлевич,

возвращаясь с воеводства в Тобольск¹² и проезжая через свои вотчины - села Ворсму и Павлово, встретил жившего на острове Ворсменского озера инока Макария. Схимник приветствовал князя и благословил его святой иконой, затем он показал князю место своего уединения. Остров так понравился Черкасскому, что он решил перевести сюда из села Павлова Воскресенский монастырь. По Макарию намерения князя было приведено в исполнение в 1662 г., как, якобы, показывают “оставшиеся монастырские акты”.¹³ Далее в книге помещена храмозданная грамота митрополита Сарского и Подонского Питирима, на которую ссылается Макарий. В ней челобитчиком на устройство храма Живоначальной Троицы с приделом явления иконы Казанской Богородицы значится не Михаил Яковлевич, а его отец Яков Куденетович Черкасский, и просит он не об устройстве монастыря на новом месте, а о строительстве вместо старой - ветхой церкви “во имя тех же престолы”.¹⁴ Несостоятельность предложенного варианта истории основания Троицкого Островоезерского монастыря станет еще более очевидной, если учесть собственное замечание архимандрита Макария о том, что и после перемещения в Ворсму, Воскресенский монастырь в Павлове не прекратил своего существования и даже имел вклады вплоть до начала XVIII в.¹⁵

Совершенно иную версию истории возникновения монастыря приводит А. Снежницкий.¹⁶ По ней основание обители связывается с именем князя Бориса Камбулатовича Черкасского и относится к концу XVI в. Поселившийся на острове Ворсменского озера пустынный Макарий ходатайствовал об основании обители перед владельцем с. Ворсма князем Борисом Камбулатовичем.¹⁷ Черкасский дал ему свое согласие. Позже, при обозрении своих вотчин, князь Борис вручил Макарию привезенную из Москвы святую икону Казанской Богоматери¹⁸ и указал место на острове для строительства деревянного храма. В 1580 г., утверждает А. Снежницкий, на острове были уже деревянные братские кельи и деревянная двухъярусная церковь с двумя престолами: сверху располагался Троицкий, а под ним - в честь иконы Казанской Божией Матери.

По указанию Бориса Камбулатовича спустя двадцать лет строится в монастыре и вторая церковь. История ее появления связана, по А. Снежницкому, “с несчастною судьбою князя Бориса и царственного предка Дома Романовых Михаила Федоровича Романова”.¹⁹ Годуновская опала на Романовых в 1600 г. коснулась князя Бориса Камбулатовича, женатого на Марфе Никитишне Романовой-Юрьевой: князь Борис вместе с женой и шестилетним их племянником Михаилом Федоровичем был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Якобы желая оставить потомству память “о злом поступке властолюбца Годунова и о том, что он, князь Борис, был охранителем и отцом для племянника своего

Михаила”, Б. К. Черкасский строит в Островоезерском монастыре храм во имя Преподобного Отца Михаила Малеина - святого, тезоименитого М. Ф. Романову.²⁰ Факт строительства церкви Михаила Малеина в монастыре при описываемых обстоятельствах кажется нам маловероятным, тем более, что сам Снежницкий отмечает, что Борис Камбулатович скончался в Кирилло-Белозерском монастыре 12 апреля 1601 г., не прожив в нем и года.²¹

Материалы по истории строительства Островоезерского монастыря не исчерпываются, конечно, сведениями, приведенными в церковно-исторической литературе. Богатую информацию содержат данные архивных источников, и, в частности, документы фонда Троицкого Островоезерского монастыря, хранящегося в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО).²² Среди прочих материалов этого фонда имеется “Дело краткого описания монастыря”,²³ составитель которого попытался, опираясь на местные предания, изложить историю создания обители. В тексте документа, состоящего из плохо увязывающихся друг с другом черновых записей, сделанных не ранее 1882 г., скудные свидетельства истории обставляются всякий раз новыми подробностями. Так, например, факт встречи с пустынноиком Макарием приписывается то Борису Камбулатовичу Черкасскому, то его сыну - Ивану Борисовичу. Соответственно изменяется автором и контекст времени. В первом случае основание монастыря относится к семидесятым годам XVI в.,²⁴ а во втором - ко времени воцарения М. Ф. Романова.²⁵ Вариаций описываемых событий в тексте “краткого описания” множество. Разбирать их здесь не имеет смысла, так как в целом они сводятся к двум вышеуказанным схемам.

Впрочем, одна версия из многих заслуживает внимания.²⁶ По этой версии Борис Камбулатович Черкасский, с дозволения Ивана Грозного, в 1570 г. распорядился выстроить на берегу озера (заметим попутно, что не на острове, как в других вариантах) сначала деревянную церковь “в честь своего ангела Бориса и Глеба”, а затем кельи и ограду. Построенная обитель стала называться Борисоглебской. В 1579 г. в Казани последовало явление иконы Казанской Божией Матери, Борис Камбулатович “снимает копию с новоявленной Чудотворной иконы” и второй раз прибывает в устроенную им обитель. Там он вручает икону Макарию, решает перевести монастырь на остров, а церковь Бориса и Глеба обратить в приходскую.²⁷ С этого времени приделок при церкви стал называться Жатвенным Борисоглебским погостом, а поселение при Ворсменском озере - деревней или сельцом Ворсмой.²⁸

Необходимые сведения по истории в основном почерпнуты автором “краткого описания” из книг А. Смирнова “Описание села Павлова и Ворсмы” (издание 1864 г.) и А. Барсукова “Род

Шереметьевых. Кн. 2" (Спб., 1882). Имевшееся в распоряжении составителя "краткого описания" документы²⁹ не только не подкрепляют сочинения, но во многих деталях и опровергают его.

Материалы этих источников не позволяют говорить о появлении монастыря на озере раньше 1621 г. Известно, что до 1621 г. села Павлово и Ворсма состояли в ведомстве Дворцовых сел. В 1621 г. село Павлов-острог было пожаловано царем Михаилом Федоровичем И. Б. Черкасскому "за многие службы и терпение отца его князя Бориса Камбулатовича Черкасского и матери его Марфы Никитишны и за его, князя Ивана, разоренье и терпение", а село Ворсма - "за службу в королевичев приход".³⁰

Первым документом, фиксирующем появление монастырских построек в Ворсме, является грамота патриарха Иоасафа "по челобитью боярина кн(я)зь Ивана Борисовича Черкасского человека ево Ивана Бородина о строении в селе Ворсме новья церкви во имя Живоначальныя Троицы да предел(а) Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы Казанския", датированная 14 августа 7148 (1640) г.³¹

Существование монастыря на острове в 1640-х гг. подтверждается приведенной ватором "краткого описания" записью на вкладной книге "Служба и житие преподобного Сергия Чудотворца", изданной в 1647 г.: "Лета 7149 (1649) февраля во 2-й день сию книгу Препод. Отца и Чудотворца Сергия дал вкладу поп Михайло Гавриоль, брат родной священноиноку Нифанаилу, в дом Живоначальныя Троицы на острове Макария Затворника, что у села Ворсмы на езере".³²

В храмозданной грамоте митрополита Сарского и Подонского Питирима 1662 г. Троицкая церковь в Ворсме "на острове" названа старой.³³ Документ отражает следующий этап в создании монастырского ансамбля. Инициатором строительства новой церкви в монастыре становится Яков Куденетович Черкасский,³⁴ получивший во владение села Павлово и Ворсму после смерти в апреле 1642 г. И. Б. Черкасского. Текст самой грамоты приведен в "памятниках церковных древностей" архимандрита Макария.³⁵

После описания "ветхостей" прежней церкви, в грамоте Питиримом оговаривается облик будущей церкви: "и аз смиренный преосвященный Питирим Сарский и Подонский (...) велел ему [Я. К. Черкасскому] (...) вместо ветхия церкви, воздвигнути новую церковь во имя Живоначальныя Троицы, да в пределе Явлению иконы Пречистыя Богородицы Казанския, а предел велел прирубить по стороне той цекркви особою статьею, чтобы предельныя двери были в паперть, и вход в предел был из паперти, а из церкви в предел ходу не было, и главы бы на той церкви и на пределе были не шатровыя, и олтари делать круглые тройные; а в церкви и в пределе в олтари велеть делать по трои двери".³⁶ На то, что требования к архитектуре будущей постройки были

довольно жесткими, указывает следующее предостерегающее замечание Питирима: "А будет предел построить в одной церкви, а не особою статьею, а в той церкви освятить один настоящий престол, а предела не святить".³⁷

Возьмем на себя смелость предположить, что Троицкая церковь с Казанским приделом все-таки была построена, и в том виде, как это предписывалось храмозданной грамотой Питирима. Вероятнее всего, построена она была до 1667 г. - года смерти Я. К. Черкасского.

Сименем следующего владельца с. Ворсмы, сыном Я. К. Черкасского, князя Михаила Яковлевича, связана более активная строительная деятельность в Островоезерском монастыре.

В 1672 г. возводится последняя из деревянных храмовых построек монастыря - церковь Михаила Малеина. Благословение на ее строительство 2 марта 180 (1672) г. дал митрополит Сарский и Подонский Павел.³⁸

Новый этап формирования ансамбля монастырских построек открывает другая подписанная 31 августа 1688 г. митрополитом Нижегородским и Алатырским Павлом благословенная грамота: "... по челобитью вотчины г(осу)д(а)ря нашего кн(я)зь Михайла Яковлевича села Ворсмы Троицкого Островоезерского м(о)н(а)ст(ы)ря иеромонаха Иоакима о строении вместо деревянных церквей Пр(е)с(вя)тыя Живоначальныя Троицы да в пределе Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы Казаские да згоревшия церкви Пр(е)п(о)добнаго отца Михаила Малеина³⁹ вновь каменных церквей те же пр(е)ст(о)лы".⁴⁰

О строительстве каменных зданий в монастыре в конце XVII в. свидетельствуют копии с грамот князя М. Я. Черкасского, хранившихся в монастыре, снятые игуменом Ефремом в 186 г.⁴¹ Первый документ не датирован и представляет собой так называемую "собственноручную роспись строенью" князя М. Я. Черкасского.⁴² Второй документ дополняет первый. Это контракт между М. Я. Черкасским и крестьянином с. Кадниц⁴³ Павлом Сидоровичем Потехиным на строительство каменных зданий монастыря.⁴⁴ Контракт датирован 24 августа 7196 (1688) г. Текст этих документов хорошо известен исследователям. Как одно целое он был опубликован в 1857 г. в "Памятниках церковных древностей" архимандрита Макария⁴⁵ и затем в 1938 г. с незначительными купюрами у С. В. Безсонова.⁴⁶ Фрагменты этого текста часто приводятся в качестве иллюстраций принципа строительства по образцу и метода работы зодчего конца XVII в.

В первую очередь нас интересует та часть документа, где отражается ход строительства Островоезерского монастыря. В контракте Потехин обязуется "к тому каменному делу притти (...) в нынешнем же во сто девяносто шестом (1688) году и делать то каменное дело самым добрым мастерством".⁴⁷ Но строительство было начато не

раньше лета 1691 г. В приказе М. Я. Черкасского Афанасию Жохову о заготовке материалов, составленном 5 января 1691 г.,⁴⁸ оговаривались мероприятия по обследованию обнаруженных неподалеку от Ворсмы залежей известняка, который предполагалось использовать на фундаменты. Приказом было предписано из села Кадниц “Пашку [Потехина] да с ним для свидетелства и чертежу и приправки, как которая статья пристойнее к выспросу и досмотру трех человек каменщиков знающих же: Федку Перфильева, Федку Александра, Куземку Ингнатъева (...) взяв, ехать в монастырь” для осмотра белого камня - “годитца ли к каменному делу” и “можно ль утвердить на той мели, каменну стену”.⁴⁹

Есть в тексте документа и прямое указание о начале строительства: “А строить в лето церковь с трапезою и келии и передняя стена с вороты и над вороты колоколница с церковью и ограды, что успеетца”.⁵⁰ Такой порядок работ - сначала строить церковь с трапезой, с кельями, воротами и колокольней над ними, а затем уже соборный храм, оговаривался и в “росписи строенью”.⁵¹

Вероятно, до начала строительства был составлен чертеж будущих построек. В приказе велено было “весь монастырь назнаменить на бумаге с мерою и как строенью быть против чертежа (...) и означить на чертеже, которым местом рвам и строеньям быть и что в которую сторону сажен останетца за строеньем и для чево выпустить за строенье и то все означить подлинно, да и о том высмотреть не по старой ограде по наличному досмотру как в пристой и что в обод будет сажен то место, которому быть в строенье и ограде и написав и назнамена чертеж писать и со смотру своего описи и чертеж прислать не могчав”.⁵² Приказ заканчивался требованием: “А с чертежом и с описною росписью прислать ко мне к Москве подмастерья Пашка Потехина наспех, а ему сказать, чтоб он товарищем своим приказал готовитца к делу, и за дело принимались и делать с весны”.⁵³

Появление первых каменных монастырских построек в лето 1691 г. отмечено в следующей по времени грамоте М. Я. Черкасского.⁵⁴ В тексте документа перечислены постройки, начатые Потехиным: “А исподняя де житья, ледник и погреб построены под теплою церковью (...) А что в нынешнем 200 году (1691 - 92) изготовлено кирпича триста тысяч и тем де кирпичем начатые кельи и на воротах церковь и колоколница и запасная палата и достальные кельи и вся ограда построитца”.⁵⁵

Но в 1692 г. П. Потехин был отстранен от дел. Приказом М. Я. Черкасского руководство строительством перепоручалось Ф. Перфильеву.⁵⁶ “в нынешнем 200 (1691) году в [ноября] 16 де[нь] указал я села Ворсмы в Островоезерском Святые Троице монастыре в строеньях у каменного дела быть в подмастерьях кадницкому каменщику Федке Перфильеву, да с ним в товарищах Куземке Ингнатъеву, а прежнему подмастерью Пашке

Потехину подмастерьем к редовым быть за старость не указал”.⁵⁷

В части приказа, касающейся набора каменщиков на новый строительный сезон (1692 г.), с отставкой Потехина предписывалось отстранить от работы еще семь человек кадницких каменщиков, “а вместо их взять Серешкина сына Ивашка, Пашкина сына Потехина Стенку, да из бобылей в прибавку Бориска Михайлова, Петрушку Иванова, да кадницких каменщиков, которые были на деле на Москве пять человек: Микитку Игнатъева, Гришку Михайлова, Марчку Андреева, Исачку Андреева, Ивашку Михайлова, да из сел Богородского и Павлова тех же каменщиков, которые сначала взяты и были во отпуску, всего и с подмастерьем шестьдесят один человек; и теми людьми построить вышеписанные дела”.⁵⁸

Этим же документом были внесены существенные поправки к “росписи строенью” 1688 г.: “И по моему указу положено, соборная церковь совершить **одноглавою** в потайной епанечной кровле с отводными над кровлей стоками против указанного ему [Перфильеву] на Москве образца”⁵⁹ (выделено мной - Я. Ш.) (Первоначально в “росписи строению” Тоицкую церковь предполагалось завершить пятиглавием: “... церковь в довершке по соборному, главы и шейки и на церкви прикраска и окошка и меж окошек столбики и двери и рундуки как у Воскресенской решетки в Кадашеве церков, в красной пример **пятиглавый** утвердить, чтоб огнюдь течи не было”⁶⁰ (выделено мной - Я. Ш.).)

Сопоставление текстов “росписи” и последней грамоты М. Я. Черкасского в частях, касающихся облика Троицкого собора, дает повод предположить, что в 1691 г. зодчий был ориентирован на иной, чем в 1688 г., образец. Во всяком случае, это можно утверждать с полной уверенностью в отношении композиции входов собора. Раньше, по “росписи строенью”, Потехин должен был делать “в церковь трои двери с рундуками такими, каковы в Кадашеве у Воскресенской решетки”.⁶¹ Приказом же 1691 г. новому подрядчику Ф. Перфильеву вменялось “к церкви соборной построить рундуки против **Чудовских** всходов и обвершить с потайно(й) ж кровлей по полаточному с подъемными стенами”⁶² (выделено мной - Я. Ш.). Вероятно, речь в данном случае идет о церкви Чуда Архангела Михаила в Московском Кремле. Церковь эта, кстати, была одноглавой, поэтому есть все основания полагать, что именно она была указана подмастерью в качестве образца для повторения ее форм завершения на Троицком соборе. За указанием “соборная церковь совершить одноглавою”, в тексте грамоты следует более радикальное требование: “переделать и закамар снять с теплой церкви, которая построена, потому что теча от закамар будет”.⁶³ Замечание это относится к зданию Казанской церкви, строительство которой в лето 1691 г. велось под руководством П. Потехина.

Грамоты М. Я. Черкасского дают информацию не только о времени начала строительства каменных зданий монастыря. По тексту грамот можно установить и долю участия каждого зодчего в возведении той или иной постройки. Очевидно, что разбивка территории острова под строительство всех зданий и сооружений монастыря осуществлялась под руководством П. Потехина. Им же были начаты братские и настоятельские кельи, а также святые ворота между ними с надвратной церковью Михаила Малеина. Казанская церковь тоже была выстроена Потехиным, но как отмечалось выше, ее венчающие части были переделаны Ф. Перфильевым. Завершение начатых в 1691 г. построек выполнялось под наблюдением Перфильева. Ему же принадлежит основная роль в возведении Троицкого собора.

Сведения о датах окончания строительства каменных монастырских зданий сообщают материалы описей церковного имущества XIX в. По указанию описи 1859 г., первым было завершено строительство теплой церкви во имя Явления иконы Казанской Божией Матери - в 1694 г.⁶⁴ Надвратная церковь Михаила Малеина была закончена в 1695 - 96 гг. В описи алтаря церкви 1806 г. упоминается "антиминс на белом полотне со вложением святых мощей, священнодействован 7204-го (1695 - 96) года

П-16, 77, 78, 98; Микишатъев М. Н. К вопросу о датировке некоторых памятников русской архитектуры конца XVII века // Филевские чтения. М., 1994. С. 90 - 101; Филатов Н. Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV - начала XX вв. Н. Новгород, 1994. С. 120; и др.

⁵ Макарий архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 298 - 300, 448 - 454; Снежницкий А. Адрес-календарь Нижегородской епархии. Н. Новгород, 1888. С. 255 - 261; Православные русские обители. / Сост. Сойкин П. П. СПб., 1910. С. 358, 359.

⁶ Архимандрит Макарий. Указ. соч. С. 298 - 300.

⁷ Снежницкий А. Указ. соч. С. 255 - 261.

⁸ В документах по строительству монастыря значатся имена: Бориса Камбулатовича, Ивана Борисовича, Якова Куденетовича и Михаила Яковлевича Черкасских. Об этих и других представителях рода князей Черкасских см.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. С. 410 - 412; Барсуков А. Род Шереметьевых. СПб., 1981 - 1904. Т. 1 - 8.

⁹ Ныне г. Павлово расположен на берегу р. Оки в двенадцати километрах от г. Ворсмы.

¹⁰ О жизни Макария монастырское предание никаких сведений не сохранило; не известны были ни даты его рождения и смерти, ни когда, где и кем был пострижен в монашество.

¹¹ Архимандрит Макарий Указ. соч. С. 299.

¹² М. Я. Черкасский был воеводой в г. Тобольске в 1697-99 гг. См.: Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 593.

¹³ Архимандрит Макарий Указ. соч. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 439.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Снежницкий А. Указ. соч. С. 255 - 261.

¹⁷ По мнению А. Снежницкого, князья Черкасские уже в

(...) при патриархе (...) Адриане, митрополитом Павлом (...) Нижегородским и Алаторским".⁶⁵ Последним был построен Троицкий собор. О нем в описи 1806 г. говорится: "церковь соборная (...) каменная, холодная, безпридельная, освящена 7202-го (1699) года...".⁶⁶ Материалы архивных источников, к сожалению, не позволяют судить о времени окончания других монастырских зданий. Можно только предположить, что все строительные работы в монастыре были завершены к началу XVIII в.

Завершая обзор материалов по истории строительства Островоезерского монастыря, следует отметить, что содержание архивных источников позволяет в целом воссоздать реальную картину строительства Островоезерского монастыря в XVII в., отличную от предложенной историками XIX в.

¹ В настоящее время г. Ворсма Павловского района Нижегородской области.

² Нам не удалось пока обнаружить документы, в которых отмечен факт разборки церковных зданий. На фотографиях С. Л. Агафонова, выполненных в 1962 г., зафиксированы только братский корпус и надвратная церковь Михаила Малеина, бывшие уже тогда в руинированном виде.

³ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области № 64 от 30.05.95 г.

⁴ Безсонов С. В. Крепостные архитекторы. М., 1938. С.

конец XVI в. имели в вотчинном владении с. Ворсму с приселком Борисоглебским, называвшимся тогда Жатвенным погостом. Никаких ссылок на документы, подтверждающих факт такого владения, А. Снежницкий не делает.

¹⁸ Явление Казанской иконы Богоматери в Казани произошло в 1579 г. См.: Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. / Под ред. Поселянина Е. СПб., 1909. С. 424 - 432.

¹⁹ Снежницкий А. Указ. соч. С. 257.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² ГАНУ. Ф. 580.

²³ ГАНУ. Ф. 580. Оп. 2. Д. 105.

²⁴ Там же. Л. 1 - 1 об.

²⁵ Там же. Л. 2 - 3.

²⁶ Там же. Л. 9 - 10 об.

²⁷ Есть сведения о существовании деревянной Борисоглебской церкви на берегу Ворсменского озера на рубеже XVIII - XIX вв. Вместо нее в 1823 г. была построена каменная Казанская церковь с Борисоглебским приделом, сохранившаяся до сегодняшнего дня.

²⁸ ГАНУ. Ф. 580. Оп. 2. Д. 105. Л. 10 об.

²⁹ В деле приводятся ссылки на два документа: 1) Реестр грамот, хранящихся в архиве при монастырских делах, присланный в 1722 г. из Вотчинного Ворсменского волостного правления; 2) хранимую в монастыре Благословенную грамоту преосвященного Питирима митрополита Сарского и Подонского 1662 г.

³⁰ Барсуков А. Род Шереметьевых. СПб., 1899. Кн. 7. С. 16.

³¹ ГАНУ. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Справка Ворсменского вотчинного правления графа Шереметьева П. Б. об имеющихся документах по истории Троицкого монастыря

за 1648 - 1688 годы (не раньше 2 марта 1781 г.). Л. 1.

³² ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 105. Л. 9 об.

³³ ГАНО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.

³⁴ Я. К. Черкасский приходился троюродным или, по некоторым источникам, двоюродным братом И. Б. Черкасскому.

³⁵ Архимандрит Макарий. Указ. соч. С. 439 - 440.

³⁶ Там же. С. 440.

³⁷ Там же.

³⁸ ГАНО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Л. 1 об.: “Грамота преосв(я)щенного Павла митрополита Сарского и Подонского по челобитью вотчины г(осу)д(аря) нашего князь Михайла Яковлевича села Ворсмы пустыни Живоначальныя Троицы с острова черного попа Варсонофия о строении в том м(о)н(а)стыре теплой церкви преподобного отца нашего Михайла Малеина”.

³⁹ Снежницкий указывает (без ссылок на документы), что деревянный храм Михайла Малеина сгорел между 2-м и 10-м февраля 1673 г., тогда же были уничтожены древние документы и Синодик монастыря. См.: Снежницкий А. Указ. соч. С. 258.

⁴⁰ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 8. Л. 1 об.

⁴¹ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220.

⁴² Там же. Л. 1 - 2 об.

⁴³ С. Каницы Закудемского стана Нижегородского уезда было отдано Яковом Никитичем Одоевским в приданое своей дочери княжне Марфе Яковлевне, вышедшей за князя М. Я. Черкасского. См.: Барсуков А. Род Шереметьевых. СПб., 1883. Кн. 3. С. 332, 338, 339.

⁴⁴ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 9.

⁴⁵ Архимандрит Макарий. Указ. соч. С. 449 - 454.

⁴⁶ Безсонов С. В. Указ. соч. С. 77, 78.

⁴⁷ ГАНО, ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 9 об.

⁴⁸ Там же. Л. 3 - 4 об.

⁴⁹ Там же. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Там же. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 3 об.

⁵³ Там же. Л. 4 об.

⁵⁴ Там же. Л. 5 - 6 об. Приказ на одном столбце князя Михайла Яковлевича Черкасского Афонасью Жохову касательно каменных построек в Островоезерском монастыре, кого и с какими условиями подряжать, что, где и как строить в 7200 году от сотворения мира, 1691 году от Р. Хр. Ноября в 16-й день.

⁵⁵ Там же. Л. 5.

⁵⁶ На эту замену зодчего в ходе строительства монастыря уже обращали внимание исследователи. См.: Бусева-Давыдова И. Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып. 36. С. 52.; Филатов Н. Ф. Указ. соч. С. 120.

⁵⁷ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 5 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 1.

⁶¹ Там же. Л. 1 об.

⁶² Там же. Л. 5 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 138. Л. 20.

⁶⁵ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 29. Л. 37 об.

⁶⁶ ГАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

М. К. Павлович

К ВОПРОСУ О РЕМОНТНЫХ, РЕСТАВРАЦИОННЫХ И СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ В ВОЗНЕСЕНСКОМ ДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Вознесенский девичий монастырь в Кремле, основанный в 1386 г. и ставший усыпальницей русских великих княгинь и цариц, издавна привлекал к себе внимание историков. Сведения об этой обители содержатся во всех изданиях о древней столице Российской империи, а также в современных путеводителях по Москве и Кремлю, в работах по истории архитектуры и искусства.¹ Однако большинство исследований носит либо слишком общий характер, либо, напротив, посвящено лишь отдельным памятникам Вознесенского монастыря.

В данной статье мы рассмотрим ремонтные, реставрационные и строительные работы в монастыре. Необходимо отметить, что термин “реставрация” употреблен нами несколько условно и в самом широком смысле этого слова - применительно и к памятникам архитектуры, и к церковной утвари и иконам. Таким образом, объектом нашего исследования становится спектр проблем и

событий, связанных с работами по благоустройству монастыря первой четверти XIX столетия. Выполнению поставленной задачи помогли документы, хранящиеся в РГАДА, ЦИАМ, РГИА, а также в отделе рукописей, печатных и графических фондов музея-заповедника “Московский Кремль”.²

Вознесенский монастырь находился недалеко от Спасских ворот Кремля, примыкая с востока к Кремлевской стене, а с запада - к Чудову монастырю. С севера обитель соседствовала со зданием Сената. К началу XIX в. в нем находились четыре храма - соборный Вознесенский, возведенный в 1721 г., церковь Святой Великомученицы Екатерины конца XVII в., храм Михайла Малеина, над трапезой которого возвышалась восьмигранная колокольня XVII в., и небольшая церковь во имя Казанской Божьей матери начала XVIII столетия, а также жилые и хозяйственные строения. Подробное описание всех

монастырских зданий можно найти у А. Пшеничникова,³ поэтому мы не будем на них подробно останавливаться.

Непременной статьёй расхода в обители были ежегодные издержки на ремонтные работы - как по постройкам, так и по обновлению утвари, облачений и икон. Однако мелкий ремонт и незначительные поновления не спасали монастырские строения от разрушительного действия времени. Ветшали храмы и жилые корпуса. Так, например, в 1806 - 1807 гг. встал вопрос о сломке храма Св. Екатерины и о строительстве на его месте новой одноименной церкви. Следует отметить, что начало XIX столетия было временем значительных преобразований и перестроек в Московском Кремле. Таким образом, возведение новой Екатерининской церкви проходило как раз в русле всех мероприятий, направленных на украшение центра Москвы и на придание ему более современного облика в духе господствовавших тогда в обществе национально-романтических настроений.

9 июля 1807 г. храм Св. Екатерины по поручению Главногоначальствующего Экспедицией Кремлевского строения П. С. Валуева был осмотрен директором чертежной архитектором, коллежским советником и кавалером И. Еготовым. По его заключению оказалось, что из-за увеличивающихся трещин в стенах церковь находится в “совершенной ветхости” и к починке “никак не способна”, угрожает падением.⁴ В этой связи архитектор настаивал на срочном прекращении в ней служб и переносе утвари, икон, антиминсов в другое здание, чтобы приступить к ее скорейшей разборке, а также обещал представить составленные им планы и фасад нового храма на рассмотрение П. С. Валуева. Уже в январе 1808 г. чертежи церкви были одобрены Митрополитом Московским Платоном, выразившим свое мнение о них так: “...Видал я фасад и план новой в Вознесенском монастыре церкви. Хорошее нельзя не похвалить”.⁵

В марте того же года император Александр I одобрил представленный ему проект храма от Экспедиции Кремлевского строения и распорядился “указанные по смете 77955 руб. 20 коп.” отпустить из “строительного по государству капитала” с 1809 г. - на счет Экспедиции.⁶ В мае в сметы были внесены поправки, позволившие сократить предполагаемые затраты, и государь “соизволил” отпустить на возведение храма на 1809 - 1810 гг. 70000 рублей, а указом Московской Духовной консистории предписывалось подать заявку в Министерство внутренних дел на необходимые материалы, чтобы в следующем году начать строительство.⁷ Судя по этим фактам, напрашивается вывод: архитектор И. Еготов осматривал старый храм, составил заключение о его состоянии, обещал представить планы и фасады нового, следовательно, получивший одобрение проект скорее всего принадлежит ему. Однако это не так. В путеводителе по Москве 1827 г. создание

Екатерининской церкви приписывается Карлу Росси.⁸ В энциклопедическом словаре “Гранат” в статье о К. Росси эта церковь также названа его творением.⁹ В изданной в 1909 г. “Истории русского искусства” И. Грабаря указаний на то, что автором проекта этого храма был Росси, нет, однако в опубликованной уже в 1963 г. под его редакцией многотомной “Истории русского искусства” в статье, посвященной К. Росси, автором храма назван именно он.¹⁰ С этим же мнением согласен и В. Пилявский, посвятивший свое исследование знаменитому зодчему.¹¹ В 1978 и 1980 гг. вышли две работы, посвященные К. Росси, автор которых, М. З. Тарановская, также разделяет эту точку зрения,¹² однако приводя в издании 1980 г. ссылки на архивные источники при указании практически всех фактов из его жизни и публикуя многочисленные проекты, при упоминании о его проекте церкви Св. Екатерины она ссылки опустила. Н. Я. Тихомиров и В. Н. Иванов в своем труде по архитектуре Московского Кремля также приписывают этот храм К. Росси.¹³ Авторы фундаментального издания “Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади” при упоминании о Вознесенском монастыре более осторожны: “Очень нарядной, со сложным, богатым силуэтом была готическая Екатерининская Церковь..., строившаяся с 1809 года, как считают, по проекту К. Росси и законченная уже в 1817 году А. Н. Бакаревым”.¹⁴

Попробуем сопоставить приведенные в литературе сведения и факты из архивных источников. Во-первых, мы видим, что никто из авторов не упоминал имени архитектора И. Еготова в связи с работами по данному храму, хотя его участие в них очевидно. Во-вторых, ни один из рассмотренных нами исследователей при указании на К. Росси как на автора проекта Екатерининской церкви не привел ссылки на документ или чертеж.

Попытаемся установить точные даты начала работы К. Росси в Кремлевской Экспедиции и отправки его в Тверь для выполнения новых заказов. Здесь исследователи довольно противоречивы. Некоторые из них указывают, что архитектор поступил в Экспедицию в 1809 г.,¹⁵ а некоторые, что в 1808 г.¹⁶ Наибольшее доверия заслуживает М. З. Тарановская, по свидетельству которой он был взят в Москву под начало возглавлявшего Кремлевскую Экспедицию строения П. С. Валуева в августе 1808 г., получал жалование 1500 рублей и еще 500 рублей за преподавание в кремлевской архитектурной школе.¹⁷ Но мы уже знаем, что проект храма, представленный П. С. Валуевым, был одобрен Митрополитом Московским Платоном 11 января 1808 г.,¹⁸ а императором - в марте того же года, и даже была несколько сокращена сумма на строительство в мае 1808 г., и отпускать ее полагалось именно в Экспедицию, где К. Росси появился только в августе.¹⁹ Таким образом,

вероятно, что сначала речь шла о проекте, представленном не К. Росси, а И. Егоровым, обещавшим его представить. Документальных свидетельств того, что К. Росси осматривал старый храм и составлял свой проект, нами не обнаружено. Скорее всего, уже будучи в Экспедиции, он представил свой проект, который и получил окончательное одобрение государя. Но это лишь предположения, несомненно одно - то, что Иван Егоров имел самое непосредственное отношение к возведению церкви Святой Екатерины на самом начальном его этапе.

Однако вернемся к истории Вознесенского монастыря. Несмотря на настоятельные требования Московской Духовной консистории о выносе из ветхой церкви утвари, икон и антимиссов, в обители не спешили с выполнением этих указов, и закладка нового храма состоялась лишь в июле 1809 г., а к началу войны с Наполеоном он был возведен под крышу, но не завершён окончательно.²⁰ К сожалению, из-за отсутствия документов мы не располагаем сведениями о строительстве 1809 - 1812 гг., прерваном военными действиями.

Несмотря на разрушительный пожар, начавшийся с первого дня вступления французов в Москву, Вознесенский монастырь по сравнению с другими постройками Кремля пострадал незначительно. Как указывал Н. П. Розанов в книге "Московские святые в 1812 году", "в Екатерининской церкви... была устроена неприятелями хлебопекарня, а в соборной церкви навалена ... солома и стояли бочки с вином". Таким образом, монастырь "оказался в общем неповрежденным, но страшно загрязненным всякою нечистотою".²¹ Большая часть драгоценной утвари была своевременно вывезена игуменьей Трифеной в Вологду, а остальное разграбили французы, выгнавшие 6 сентября всех оставшихся в обители монахинь.²²

По указу императора Александра I 26 ноября 1812 г. на исправление разрушенных и пострадавших от нашествия войск Наполеона церковных зданий Москвы из Комиссии духовных училищ была выделена значительная сумма - тридцать пять тысяч рублей, и именно из них на восстановление Вознесенского монастыря предназначалось шесть тысяч рублей, причем указом Московской Духовной консистории от 5 мая 1813 г. игуменье предписывалось в случае нехватки этих средств требовать еще "нимало не медля".²³ В феврале 1813 г. вышел указ консистории о допуске к осмотру зданий обители инженера-подполковника и состоявшего при нем инженера-подпоручика.²⁴ После проведения самых необходимых и неотложных работ монастырь был освящен в 1814 г., однако его восстановление и ремонт продолжались.

Остро стояла проблема и с нехваткой церковной утвари. Для украшения икон и ремонта

старой, а также устройства новой церковной утвари по инициативе игуменьи Трифены в 1815 - 1816 гг. с разрешения консистории монастырем было продано значительное количество жемчуга и мелких драгоценных деталей и золота, всего на 19288 руб. На вырученные средства было приобретено серебро, из которого и были изготовлены ризы на иконы соборного храма, в том числе и риза на образ Святого Николая Чудотворца. Стоимость работ составила 19934 рубля, а чистка сохранившейся старой серебряной утвари производилась на деньги "доброхотных деятелей",²⁵ и, как писал А. Пшеничников, "...царские врата и пять местных икон греческого писания" в 1815 - 1816 гг. были "богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями".²⁶ В 1816 г. в серебряный позолоченный чеканный оклад весом семь фунтов восемьдесят три золотника был одет чудотворный крест из Вознесенского собора.²⁷

Однако, к сожалению, не все в монастыре подлежало восстановлению и обновлению. Печальным примером этого является Казанская церковь. Так, в апреле 1814 г. архитектор, статский советник и кавалер Луис Руско обратился к обер-прокурору Синода князю А. П. Голицыну с письмом, где сообщал, что согласно его распоряжению он освидетельствовал в Вознесенском монастыре Казанскую церковь и келии, занимаемые раньше монашествующими, и нашел, что они нуждаются в возобновлении. В этой связи им были составлены планы и фасады храма и келий. Смета по церкви предусматривала сломку части ее свода, укрепление фундамента, переделку каменного пола, вставку стекол в окна, замену печей и иные работы на общую сумму 4468 руб. 50 коп., а смета на работы по жилому строению была составлена на 31357 руб.²⁸ Предложение архитектора рассмотрел Синод, и оно было представлено государю. Однако эти хлопоты не увенчались успехом. Император нашел, что церковь "нет никакой нужды возобновлять, тем паче что там не имеется значительной архитектуры", а священнослужителям монастыря, для которого и предназначался осмотренный Л. Руско корпус, полагалось поселиться в упраздненных Крестовоздвиженском и Георгиевском монастырях.²⁹ Несмотря на решение о сломке храма в 1814 г., исполнять его не спешили, и лишь после повторного указа, присланного из консистории 2 июня 1817 г., храм во имя Казанской Божьей матери перестал существовать.³⁰

В 1817 г., но не ранее 11 ноября, была освящена наконец достроенная архитектором А. Н. Бакаревым церковь Св. Екатерины. Примечательно, что часть утвари для нее была устроена в Экспедиции кремлевского строения, а не на монастырские средства.³¹

В 1819 г. по предложению архитектора Мироновского было признано необходимым устроить в монастыре ворота рядом с церковью Св. Екатерины

и исправить имеющиеся в обители “ветхости”. В частности, в стене церкви Михаила Малеина им были обнаружены трещины. Намечалось также исправление трещин в стенах настоятельского корпуса, устройство новой арки на переходах и починка полов в кельях, примыкающих к Чудову монастырю. В связи со столь значительными предполагаемыми расходами консисторией был сделан запрос о том, есть ли в монастыре необходимые средства. В 1820 г. “ветхости” в храме Михаила Малеина были исправлены.³²

Значительные работы по благоустройству монастыря и восстановлению его в “приличном виде”, начатые при игуменье Трифене, были продолжены в 1820-е гг. ее преемницей Афанасией. Так, в июле 1820 г. были заключены условия с крестьянином Сергеем Григорьевым на починку всех монастырских крыш, а также крыш на подворье монастыря на Варварке.³³ В 1821 г. по инициативе новой игуменьи была изготовлена медная посеребренная “через огонь” рака благоверной княгини Ефросинии, похороненной в обители в 1407 г. Изготовил раку за три месяца купец Андрей Григорьев на пожертвованные “доброхотными людьми” 1600 рублей.³⁴

Летом 1821 г. в Вознесенском монастыре в главном соборе был устроен новый иконостас “по приличному рисунку” и расписаны “святыми изображениями” “в возможном благолепии” стены этого храма.³⁵ Однако по оценке А. Пшеничникова “иконное писание на стенах и сводах ... было очень посредственно”.³⁶

В следующем 1822 г. крестьянином Н. Савеловым были сделаны две израсцовые печи в церковь Св. Екатерины по пятьдесят рублей за каждую.³⁷ Кстати, именно в этом году в монастырь пришел указ консистории о разрешении получить шесть тысяч рублей из Комиссии строений в Москве, предназначенных на исправление обители.³⁸ Возможно, именно этим и объясняется возросший объем проводимых работ. 1 марта 1822 г. из консистории был направлен указ о починке сводов новой Екатерининской церкви с перекрытием крыш, для чего полагалось пригласить для осмотра архитекторов от Экспедиции Кремлевского строения.³⁹

Значительные работы проводились в этом храме и в связи с устройством на хорах придела во имя Казанской Божьей матери в память разрушенной

в 1817 г. церкви. Сами хоры были исполнены крестьянином Андреем Степановичем Медведевым, сделавшим также престол, жертвенник и “приладившим” в новый иконостас прежние царские врата и иконы. Золочение иконостаса и резную работу в нем исполнил цеховой Артемий сын Клешнин.⁴⁰ В том же году на отделку ризничных вещей была истрачена тысяча рублей, а еще полторы тысячи - на поновление сорока икон для монастырских храмов.⁴¹

В 1823 - 1824 гг. по предложению игуменьи Афанасии при монастыре была устроена больница на двенадцать престарелых и больных монахинь, требующих “христианского вспоможения” на средства, полученные от вкладчиков. Большую часть этой суммы - двадцать тысяч рублей - пожертвовали вдова и дочь генерал-майора Чичигина Елизавета Петровна и Екатерина Александровна.⁴² Для больницы к церкви Михаила Малеина был пристроен двухэтажный корпус, имевший с храмом общий вход. Больница и больничная трапеза были освящены 17 апреля 1824 г.⁴³

В том же 1823 г. к Вознесенскому собору была пристроена галерея, примыкавшая к хорам и дававшая “возможность сестрам монастыря из своих келий ходить в церковь”.⁴⁴ В 1825 г. в этом храме был вызолочен иконостас и поновлены иконы (соответственно за девятьсот и сто пятьдесят рублей), а также проводился ремонт казначейских келий и починка хоругвей.⁴⁵

Ремонт и реставрация продолжались в монастыре в большем или меньшем объеме на протяжении всего столетия, однако эти события выходят за хронологические рамки нашего повествования, а для первой четверти XIX в. характерно постоянное проведение мероприятий по поддержанию зданий в приличном состоянии, по обновлению икон и церковной утвари. Впрочем, рассмотренные двадцать пять лет, в силу исторических причин, можно разделить на два периода - до и после нашествия войск Наполеона. Наиболее значительным событием первого из них является снос ветхой и закладка новой церкви Св. Екатерины, наиболее важными мероприятиями второго периода, помимо восстановления монастыря после войны 1812 г., были достройка Екатерининской церкви, снос обветшавшей Казанской церкви, устройство придела на хорах Екатерининского храма во имя иконы Казанской Божьей матери, а также организация в монастыре больницы.

¹ См., например: Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908; Описание московских монастырей, соборов, храмов, а также молитвенных домов и часовен с указанием местонахождения и года постройки. М., 1917; Пшеничников А. Историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М., 1894; Ратшин А. Полное собрание о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях с примечательными церквями в России. М., 1852; Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982 и др.

² Автором были использованы документы, хранящиеся в РГАДА в фондах №№ 1183 и 1185; в ЦИАМ - в фонде № 203; в РГИА - в фондах №№ 796 и 797; в ОРПФ ГИКМЗ "МК" - в фонде № 6.

³ Пшеничников А. Указ. соч.

⁴ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 73. Л. 39 - 39 об.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3500. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3500. Л. 7 - 7 об.; РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 73. Л. 50 - 50 об.

⁸ См.: Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. М., 1827. Ч. 1.

⁹ Энциклопедический словарь русского библиографического института "Гранат". Изд. 7. Т. 36. Ч. II. С. 314 - 315.

¹⁰ Грабарь И. История русского искусства. М., 1909. Т. 3. С. 544; История русского искусства / Под ред. Грабаря И. Э. М., 1963. Т. VIII. Кн. 1. С. 128 - 165.

¹¹ Пилявский В. И. Зодчий России. М.-Л., 1951. С. 13.

¹² См.: Тарановская М. З. Карл Росси. Л., 1978; она же. Карл Росси: Архитектор. Градостроитель. Л., 1980.

¹³ Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н. Московский Кремль.: История архитектуры. М., 1967. С. 206.

¹⁴ Памятники архитектуры. Московский Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 295 - 296.

¹⁵ См., например: Пилявский В. И. Указ. соч., с. 13.

¹⁶ См., например: Фомин И. А. Карл Иванович Росси //

Грабарь И. История русского искусства. М., 1909. Т. 3. С. 546.

¹⁷ Тарановская М. З. Карл Росси: Архитектор. Градостроитель. С. 18 - 19.

¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3500. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Пилявский В. И. Указ. соч. С. 13.

²¹ Розанов Н. П. Московские святые в 1812 г. М., 1912. С. 12 - 16.

²² Там же.

²³ Розанов Н. П. История московского епархиального управления. М., 1869. Ч. 3. Кн. 2. Л. 29; РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 75. Л. 42.

²⁴ РГАДА. Ф. 1185. Д. 75. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 98 - 99 об., 101.

²⁶ Пшеничников А. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5149а.

²⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 95. Д. 527. Л. 10 - 11.

³⁰ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 76. Л. 75.

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5202. Л. 7 об.; РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 76. Л. 13.

³² РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 77. Л. 41 об.; Пшеничников А. Указ. соч. С. 95.

³³ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 139. Л. 9 об.

³⁴ Об изготовлении раки см.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 206. Д. 854. Л. 1; РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 139. Л. 14.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 206. Д. 853. Л. 2.

³⁶ Пшеничников А. Указ. соч. Л. 9.

³⁷ РГАДА. Ф. 1185. Д. 139. Л. 9.

³⁸ Там же. Д. 79. Л. 10 - 11.

³⁹ Там же. Л. 147.

⁴⁰ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 139. Л. 17 - 18.

⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 147. Л. 7.

⁴² См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 208. Д. 1031. Л. 1, 16 об.

⁴³ Там же. Л. 56.

⁴⁴ Пшеничников А. Указ. соч. С. 15.

⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 1457.

В. В. Седов

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГИЯ В КОЖЕВНИКАХ В МУРОМЕ

Среди памятников архитектуры Мурома XVII в. те храмы, которые были разрушены в 1930-е гг., как бы "потеряны", они почти не исследованы и выпадают из общей картины развития местного зодчества города. К таким памятникам принадлежат Николо-Зарядская (1675 - 1677 гг.) и Николоможайская церкви и церковь Георгия, сооруженная около 1651 г. Последний памятник привлекает внимание своей ранней датой: этот храм как бы продолжает строительство, развернувшееся в Муроме в 1640-е гг.

Церковь Георгия стояла на холме на северной окраине города, этот холм отделен небольшим оврагом от холма, на котором стоит Воскресенский монастырь с храмами Воскресения и Введения. На месте храма сейчас виден развал кирпича и извести.

Церковь Георгия упоминается в работе В. Добронравова, который дает ее описание и сообщает, ссылаясь на сохранившимся в церковном архиве грамоту, что она - "строение Сидора Лопатина посадского человека и дяди его схимника Иосифа", а также о перестройках 1665 г. (когда были растесаны арки внутри храма) и 1067 г. (когда была пристроена паперть).¹ В. Добрынкин, кроме сообщения о двух деревянных церквях на месте церкви Георгия (по описям Мурома 1628 и 1637 гг.), упоминает о храмозданной грамоте 1651 г. и о заказчике - посадском человеке Лопатине, а также о том, что главный престол был посвящен великомученику Георгию, а придел - мученику Никите. В известии о храме есть сведения о существовании придела Бориса и Глеба. в трапезной, впоследствии упраздненного.² После сноса храма сведения о нем

в литературе практически исчезают.

Благословенная грамота 1651 г. архиепископа Рязанского и Муромского Мисаила посадскому человеку Сидору Федотову Лопатину дошла до нашего времени. Она хранится в Муромском музее, ее текст любезно сообщил нам В. Я. Чернышев.³ Приводим текст этой грамоты полностью.

“Благословение Великого господина преосвященного Мисаила архиепископа Рязанского и Муромского муромцу посадскому человеку Сидору Федотову сыну Лопатину.

Бил ты нам челом, а в челобитной твоей писано: в Муроме де городе на посаде за ручьем в Кожевниках церков Велико Христова мученика Георгия да святых страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба древяна в клетцах же бывала (нрзб) церков Святого мученика Никиты и та де церков в литовский приход сгорела, а от обещания де дяди своего Сидорова (нрзб) велено тое церковь святого Великохристова мученика Георгия и на пределы святых стърастотерпцев Христова Бориса и Глеба и Святого Великохристова мученика Никиту готовил запасы каменны и кирпич и известь и в тех запасах воздвигнуть церковь во имя Святого Великохристова мученика Георгия да в приделе тех Святых страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба да святого Великохристова мученика Никиты теплую в Муроме городе на посаде за ручьем в Кожевниках на том же погосте неподалеку от старые церкви каменную и будет так, как ты нам бил челом, а в церкви святого Великохристова мученика Георгия да святых страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба да святого великохристова мученика Никиты образы местные и в тябле деиус и все столпицы и двери царские и книзи, ризы и сосуды церковные и всякое церковное строение готово (нрзб) благословляем тебя запасы каменны и кирпич и известь (нрзб) и в тех запасах воздвигнуть церковь во имя Святого Великохристова мученика Георгия да в пределах святых страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба да святого великохристова мученика Никиты (нрзб) в Муроме городе на посаде за ручьем в Кожевниках на том же погосте неподалеку от старые церкви каменную к той же с пределы по нашему благословиению и по сей нашей благословенной грамоте возвигнеш и со всем церковным строение изгородиш святыя тое церкви приделов по па прислать к нам в Переславль Рязанский и мы ему велим дати антиминсы и благословим и велим тое церкви и пределы освятить собором по преданиям по правилам божественных апостолы святых богоносных отец.

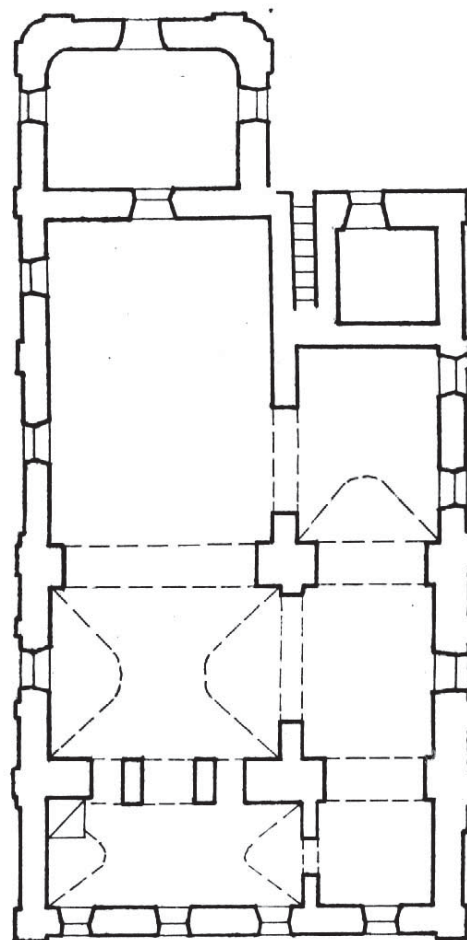
К сей благословенной грамоте великий преосвященны Мисаил архиепископ Рязанский и Муромский велел печать свою приложить сам в Переславле Рязанском лета 1651 июня 9 день”.

Из этого документа ясно, что каменная церковь Георгия с двумя приделами была выстроена размерам и небольшой высоте. В некоторых случаях

вытянутый четверик с пятиглавием над основным храмом сочетается в Москве с прямоугольной формой алтаря (церковь Георгия на Псковской горке 1658 г.) - как в церкви Георгия в Кожевниках в Муроме.

Происхождение того типа бесстолпного храма, к которому принадлежит муромская церковь Георгия 1650-х гг., связано с постепенным освоением форм московской церкви Троицы в Никитниках 1634-1636 гг., композиция и декор которой стали основой нового стиля русской архитектуры, окончательно распространяющегося в 1650-е гг. В некоторых памятниках новый стиль, вернее - тип церкви Троицы в Никитниках, был принят полностью и созданные памятники прямо развивают и варьируют формы этого прославленного прототипа. К таким памятникам можно отнести Троицкий собор 1642-1643 гг. Троицкого монастыря в Муроме (заказчик гость Тарасий Борисов по прозвищу Богдан Цветной), церковь Вознесения 1648 г. в Великом Устюге заказчик - устюжский купец Никифор Ребякин, Успенскую монастырскую церковь 1649 г. во Владимире (заказчики - гости три брата Денисовы

Рис. 1. Церковь Георгия в Кожевниках. План.

0 1 2 3 саж

Рис. 2. Церковь Георгия в Кожевниках. Южный фасад.

и двое владимирских посадских людей).

В перечисленных же московских храмах 1650-х гг. и тип и стиль декорации церкви Троицы в Никитниках уже значительно упрощены, точнее сказать - адаптированы к тиражированию в многочисленных посадских церквях. Эта адаптация заставила объединить декорацию и пятиглавие церкви в Никитниках с вытянутым в поперечном направлении четвериком, завершенным по верху поясом кокошников. Такие четверики, перекрытые

лотковым сводом, были характерной особенностью многшатровых храмов 1640-1650-х гг. Эти небольшие церкви с двумя или тремя глухими шатрами, стоящими как главы прямо на своде, были достаточно широко распространены как в посадском строительстве, так и в монастырях.

Среди московских посадских храмов можно назвать двухшатровую церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле 1654 г. и трехшатровые - Рождества, Богородицы в Путинках 1649 - 1652 гг. и

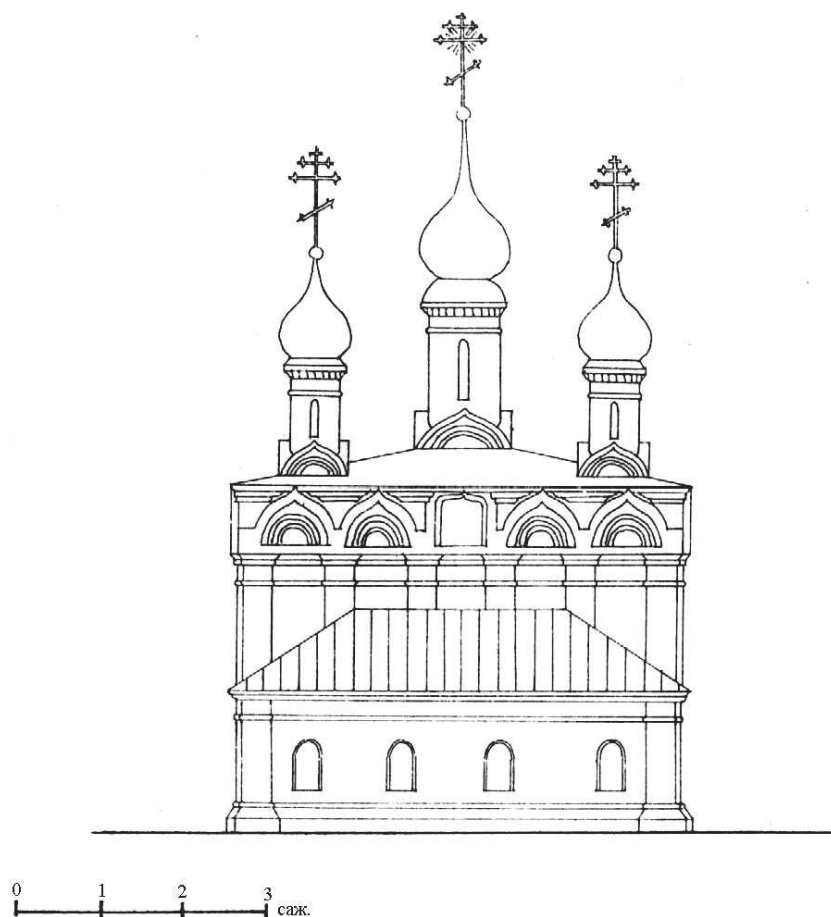

Рис. 3. Церковь Георгия в Кожевниках. Восточный фасад.

Воскресения в Гончарах 1649 г. В монастырях в основном известны двухшатровые церкви (церковь Духовского монастыря в Рязани 1642 г., объединенные одним объемом церкви Богоявления и Ферапонта 1649 г. в Ферапонтовом монастыре, Успенская церковь 1649 - 1652 гг. Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде и церковь Введения Спасского монастыря на Угре середины XVII в.), хотя известны и трехшатровые: церковь Одигитрии Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме 1630-х гг. и Иоанна Предтечи Ивановского монастыря в Казани 1649 - 1652 гг. Трехшатровой была и церковь Похвалы Богородицы на архиерейском дворе в Туле.

Композиция этих храмов послужила основой для трансформации форм церкви Троицы в Никитниках, своеобразному “одеванию” четвериков многошатровых храмов в декор нового стиля и завершению их пятиглавием. Пятиглавые посадские храмы с лотковым сводом как бы сменяют многошатровые храмы несколько более раннего времени. Вероятно из тех же многошатровых храмов 1630-1640-х гг. перешли и прямоугольные очертания алтарной части некоторых московских храмов с вытянутым в поперечном направлении четвериком.

Напомним, что прямоугольный алтарный выступ был и в церкви Георгия в Муроме.

Таким образом, по своему типу церковь Георгия принадлежит к довольно широкой группе храмов “московского стиля” 1650-х гг. Оригинальность этого памятника состоит в решении внутреннего пространства: включение храма и придела в один объем нам по другим памятникам неизвестно. Слабая попытка объединить храм и придел сделана в усадебной церкви Воскресения в Битягове (1670-1671 гг., заказчик - стольник И. С. Телепнев. Домодедовский район Московской области),⁷ но это памятник более поздний, а храм и придел здесь имеют разные главы. В муромской церкви Георгия мы имеем дело с самостоятельной попыткой решить сложную композиционную проблему. Эту проблему объединения объемов в один будут впоследствии решать и зодчие храма в Битягове, и Осип Старцев в Верхоспасском соборе 1681 г. Московского Кремля.

Декор фасадов Георгиевской церкви не отличается особой сложностью: четверик расчленен лопатками на прясла (три на боковых фасадах и пять - на северном и южном), лопатки завершаются

трехчастным антаблементом довольно простой профилировки. Этот антаблемент отсекает аттиковый пояс кокошников, каждый из которых соответствует пряслу. Средние части на боковых и продольных фасадах вместо кокошника были украшены киотами прямоугольной формы с легким намеком на килевидное завершение. На южном фасаде сохранялся первоначальный наличник окна с фланкирующими колонками и килевидным завершением, врезающимся в Антаблемент. Глухие главы были поставлены на постаменты с килевидными кокошниками.

Архитектура храма достаточно элегантна, у него красивый силуэт и гармоничный декор, но детали его далеки от той сложности, которой отличается декор памятников Мурома 1640-х гг. Памятники, сооруженные по заказу Богдана Цветного в муромском Троицком монастыре (Троицкий собор 1642-1643 гг., надвратная церковь Казанской Богоматери 1648 г. и колокольня, сооруженная около 1652 г.),⁸ а также Благовещенский собор Благовещенского монастыря в Муроме, построенный между 1648 и 1652 гг.,⁹ обладают декором, который позволяет причислять строителей этих зданий к лучшим мастерам эпохи. В Георгиевской же церкви формы намного скромнее, отсутствует резьба и изразцы, все детали сдержаннее и проще. К какой же традиции принадлежали мастера, построившие храм в Кожевниках, если мастера Благовещенского и Троицкого монастырей внезапно исчезли в начале 1650-х гг. (скорее всего это были московские мастера, вернувшиеся по окончании работ в Москву)?

Было бы соблазнительно видеть в церкви Георгия работу московских мастеров, принадлежавших к выделенной нами линии пятиглавых храмов 1650-х гг. с растянутым четвериком, но муромский памятник все же сдержаннее их по формам. Среди памятников начала 1650-х гг. встречаются довольно близкие по формам памятники: таков Успенский собор Козьмина Яхромского монастыря 1657 г. - пятиглавый храм с растянутым в поперечном направлении четвериком и довольно сдержанным декором.¹⁰ Но этот собор скорее свидетельствует о нивелировке форм во второй половине 1650-х гг.: хотя он был построен по царскому заказу, московские черты здесь сглаживаются и теряют отточенность.

Истоки манеры мастеров церкви Георгия находятся конечно в Москве, где, естественно, была и придворная школа, (к которой, возможно, принадлежали мастера, строившие в Троицком и Благовещенском монастырях в Муроме), и более скромные артели, но происхождение артели, строившей церковь Георгия в Муроме могло быть и не связано на прямую с Москвой. В Рязани (Переяславле Рязанском), с которой Муром был тесно связан, так как входил в Рязанско-Муромскую

епархию, в 1640-е гг. начинается каменное строительство, по стилю зависимое от Москвы, но несколько упрощенное по деталям. Среди памятников этого времени (упомянутая двухшатровая церковь Духовского монастыря 1642 г., верхняя часть Архангельского собора ок. 1647 г.) особенно интересен собор Спасского монастыря, построенный около 1647 г.¹¹ Это небольшой пятиглавый бесстолпный храм с полукруглой абсидой и вытянутым в поперечном направлении четвериком. Сама композиция и отдельные детали близки к муромской церкви Георгия, но рязанский памятник немного более украшен. Кажется, что мы вправе предполагать, что мастера "второй волны" муромского строительства, т.е. мастера 1650-х гг., могли происходить из Рязани или быть с ней тесно связаны.

Судя по всему, церковь Георгия не осталась одиноким памятником, кроме этого сооружения начала 1650-х гг. нам известны два храма, относящиеся примерно к тому же времени. Это церкви Воскресенского монастыря, расположенного рядом с церковью Георгия. Если церковь Воскресения - пятиглавый бесстолпный храм - своими несколько монументализированными формами явно ориентирована на более ранний собор Богоявленского монастыря, то в небольшой одноглавой трапезной церкви Введения мы видим и прямоугольный алтарный выступ, и схожий барабан без украшений, и даже вытянутый в поперечном направлении четверик, который здесь разделен на три части. В этом же храме мы видим и похожие ниши-киоты, которые, впрочем, восходят к одному из киотов собора Благовещенского монастыря. По своей архитектуре церковь Введения достаточно близка к церкви Георгия и мы можем сближать их и по времени строительства.¹² Кроме церкви Георгия и двух храмов с колокольней в Воскресенском монастыре к 1650-1660-м гг. можно относить и не имеющую точной датировки Николо-Можайскую церковь, заслуживающую отдельного исследования. Если мы добавим к этим постройкам Николо-Зарядскую церковь 1675-1677 гг.,¹³ то увидим, что церковь Георгия начинает собой второй период каменного строительства, когда на основе "московского стиля" складывается свой местный вариант традиции, возможно - местная школа. Подробное изучение памятников Мурома середины XVII в. еще предстоит, но уже сейчас ясно, что сооруженная по заказу Сидора Лопатина церковь Георгия стоит в начале купеческого и посадского строительства в Муроме. Это строительство, естественно, ориентировалось на великолепные "московские" сооружения купца гостиной сотни Богдана Цветного, но, в отличие от его построек 1640-х гг., храмы 1650-1670-х гг. были сооружены местными, муромскими или муромо-рязанскими мастерами.

¹ Добронравов В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир, 1897. С. 150 - 153.

² Добрынкин В. Муром прежде и теперь. М., 1903. С. 47 - 48.

³ МИХМ. Инв. № 9577. Подлинник, столбец. Пользуюсь случаем выразить благодарность В. Я. Чернышеву за предоставленные сведения.

⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. (ДАИ). Т. 11. Спб., 1869. С. 116 - 117. "Дорожный дневник Нижегородского Благовещенского монастыря архимандрита Нила, от Москвы до сего монастыря." "... и приехали к ночи в Муром; и посацкий человек Сидор Лопатин да сын его Тарас преняли на перепутье..."

⁵ Фототека ГНИМА, фотографии начала XX в. фотографа-художника Целебровского, дар музею В. Мамуровского (1966 г.).

⁶ Фонды ГНИМА. Арх. 1704, калька-восковка, тушь, 33 x 61. На чертеже надпись: "План и фасад Георгиевской церкви в городе Муроме, Владимир. губернии, построенной с благословения, данного Преосвященным Мисаилом Архиепископом Рязанским и Муромским 7159 года от создания мира (от Рожд. Хр. 1654) муромцу посадскому человеку Сидору Федотову, сыну Лопатину. Снято с натуры священником Иоанном Смирновым в 1887 году".

⁷ Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1. С. 106.

⁸ Если даты Троицкого собора и Казанской церкви

содержатся на храмовых досках на самих памятниках, то дата строительства колокольни определяется по колоколу, вложенному в монастырь Богданом Цветным 1652 г.: Касаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Владимир, 1906. С. 267 - 269, 274.

⁹ Время строительства собора Благовещенского монастыря близко, по всей видимости, к датам тех вкладов, которые делал Богдан Цветной в этот монастырь: известно Евангелие 1648 г. и серебряная чаша 1654 г.: Касаткин В. В. Указ. соч. С. 56, 58.

¹⁰ Касаткин В. В. Указ. соч. С. 109 - 110; см. фотографию памятника: Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 2. М., б. г. С. 131.

¹¹ Об этих памятниках см.: Ильин М. А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. М., 1954. С. 47 - 48, 69 - 72; Михайловский Е., Ильенко И. Рязань. Касимов. М., 1969. С. 92 - 98.

¹² Датировка памятников Воскресенского монастыря в Муроме очень туманна: В. Добронравов приводит предание, по которому церковь Воскресения построена в 1646 г. братьями Черкасовыми (Добронравов В. Указ. соч. С. 145 - 150), то же сообщает и В. Добрынкин (Добрынкин В. Указ. соч. С. 44 - 47). Н. А. Беспалов, со ссылкой на К. Н. Травчетова, относит строительство монастыря к 1655 - 1658 г. (Беспалов Н. Муром. Памятники архитектуры и искусства. М., 1990. С. 34 - 36; Травчетов К. Н. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 43).

¹³ Добронравов В. Указ. соч. С. 164 - 168.

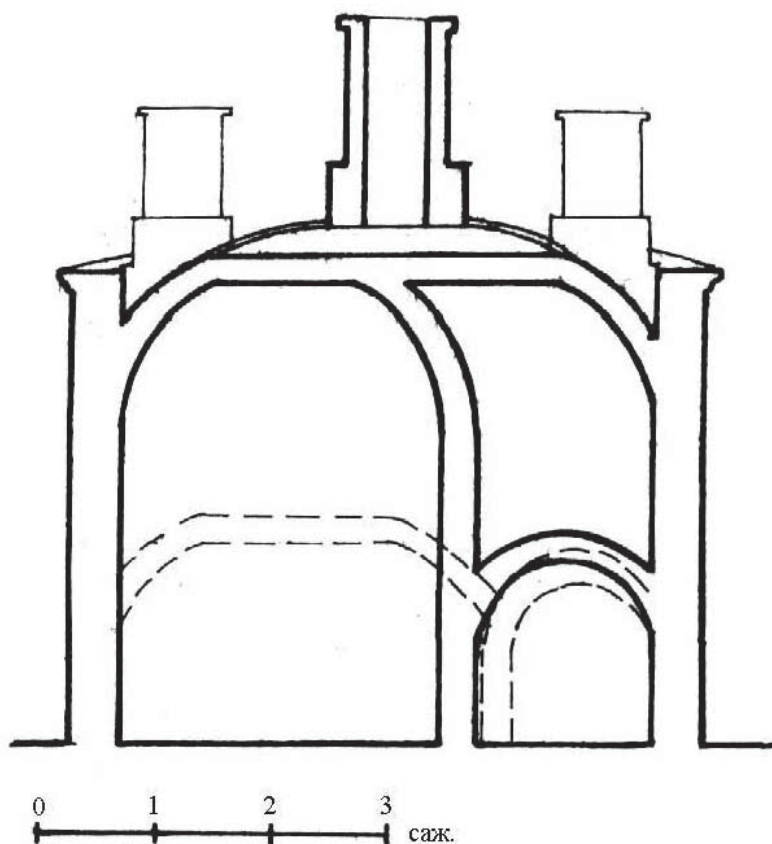

Рис. 4. Церковь Георгия в Кожевниках. Поперечный разрез.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АРХИТЕКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ И ИНОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ БЕЛАРУСИ

Религиозная полемика на протяжении XIV - XIX вв. являлась одним из наиболее важных факторов, определявших государственную политику, общественную жизнь, развитие литературы и искусства Беларуси. (Первоначально ее земли составляли территориальную основу Великого княжества Литовского, образовавшего с Королевством Польским во второй половине XVI в. единое союзное государство Речь Посполитую, и в 1772-95 гг. были присоединены к России). Внутренняя противоречивость становления поликонфессиональной культуры получила наиболее яркое отражение в памятниках монастырского зодчества. Архитектура монастырей Беларуси особенно отчетливо аккумулировала черты национального и регионального своеобразия, во многом обусловленные сложным соотношением влияний западного латинского и восточного православного типа культур, влияний центров двух христианских церквей - Рима и Константинополя, вслед за последним - Киева. Позднее, в конце XVIII в., управление православной и католической церквями Беларуси переместилось в Петербург и Москву.

Частные пожалования и самостоятельная хозяйственная деятельность составляли материальную основу для основания и возведения монастырей, организации при них типографий, учебных, медицинских и благотворительных заведений. Система образования в Великом княжестве Литовском целиком была отдана в руки монастырей. Особенной известностью пользовались коллегиумы и училища иезуитов. С монастырями связаны многие исторические события, неизменно переплетаются судьбы выдающихся деятелей Беларуси, Литвы, Украины, Польши, России. Монастыри чаще всего становились местом погребения своих ктиторов-фундаторов, церковных деятелей и духовных наставников.

Комплексное изучение монастырского зодчества, включая сохранившиеся и утраченные памятники, дает панораму интенсивной строительной деятельности в Беларуси наиболее влиятельных церковных организаций Европы - иезуитов, бернардинов, доминиканов, кармелитов, францисканцев, базилиан и др. Архитектурные ансамбли кляшторов католических и униатских орденов, православных монастырей доминировали в застройке городов, в ландшафте сельских территорий. Они определяли архитектурный облик большинства поселений, оттеснив на второй план градоформирующую значимость замков и кремлей характерную для порубежных восточноевропейских государств и России. В каждом из средних (поветовых) и крупных городов Беларуси насчитывалось до десяти и более монастырей. Они становились также градообразующим ядром многих

малых частновладельческих городов, торговых местечек. Притом центральное место в городе постепенно заняли монастыри католические, оттеснив на периферию, в пригороды, православные обители. Среди кляшторов первыми выступали комплексы коллегиумов, резиденций или миссий иезуитов. Они размещались на ключевых участках города, вблизи старинных замчищ и рыночных площадей, до XVII в. нередко принадлежавших православным соборным храмам, обителям.

Исследование монастырского зодчества позволяет выявить и по своему интерпретировать выраженные в архитектурных образах и изложенные языком архитектурно-пространственных форм общие и различающиеся в католической и православной конфессиях фундаментальные и церковно-обрядовые основы христианского вероисповедания, мировоззрения и мировосприятия, канонические представления о символике храма и семантике сакрального пространства.

Растянувшееся на несколько столетий противостояние православной и католической конфессий способствовало формированию и привело к предпочтению, даже своего рода консервации определенного типа объемно-пространственного решения, используемого в архитектуре, с одной стороны - соборной церкви и ансамбля православного монастыря, с другой - инославного монастыря и костела. Наконец в XVIII в. эти различия приобрели как бы канонический характер.

К этому времени архитектурная организация православного собора продолжала развиваться согласно местной традиции и восходила к элементам иконографии характерного для Беларуси XVI в. типа церквей-крепостей. Наиболее поздним примером такого типа памятников является Благовещенский собор Супрасльского монастыря (1505-11 гг.). Можно указать ряд признаков, ставших отличительными особенностями соборных храмов. Узкие плоскости фасадов с массивами плоских стеновых поверхностей взаимно пересекающихся кораблей крестовой композиции церковного сооружения подчеркивали вертикализм храма. Высокий щипец двухскатного покрытия кораблей и обработка плоскости фронтонов многоярусными поясами арочных ниш напоминали декоративные обрамления бойниц крепостных защитных укреплений. Многогранные барабанчики, фигурные головки и высокие шпили боковых, а нередко и центральных, глав собора повторяли характерный рисунок башенных завершений церквей-крепостей XVI в. В оформлении западного портала каменных соборов воспроизводились давно утратившие

оборонительное назначение пристроенные сводчатые притворы-барбаканы.

Ведущей темой композиционного построения каменных и деревянных соборных храмов XVII - XVIII вв. становилась центрическая пятиглавая крещатая церковь с единообразным архитектурным оформлением всех четырех фасадов. Пятиглавое завершение соборов было отмечено осевым положением боковых глав, венчающих щипец каждой ветви крестообразного остова сооружения. Средокрестие фиксировалось центральной и наиболее крупной главой либо установленным на высоком барабане многогранным куполом. Таковы внешние, общие и характерные признаки архитектуры белорусского соборного православного храма. Наиболее ярко они проявились в каменном храмостроительстве Могилева.

Символика православного храма, как показали исследования неканонических богословских текстов, получила конкретное толкование только по отношению к внутреннему пространству церкви. Она прямо связывалась с литургией.¹ В православном богослужении литургическое действие осуществляется как в алтарной и предалтарной частях, так и в определенных моменты священнодействия - во время "входов" - перемещается в центральное пространство храма. Католическая литургия (месса) совершается только в пространстве перед открытым престолом, нередко литургию служат одновременно у нескольких престолов-алтарей, размещенных в алтарной части, каплицах-приделах, возле несущих своды столбов костела.

Центральнокупольная композиция, подчеркивающая сакральный характера центра православного храма, наиболее адекватно отвечала требованиям совершения литургии. Такой тип объемно-пространственного решения сакрального сооружения сохранялся в храмовом православном зодчестве Беларуси на протяжении XI - XIX вв. и самим уже признаком внешней общей формы постройки, ее центральнокупольного завершения, в сознании верующих соединялся с православием, отождествлялся со знаком принадлежности восточной церкви восточного обряда. Таким образом, купол стал неотъемлемым и основным признаком соборного храма православного монастыря Беларуси.

При сооружении на территории Беларуси католических и униатских храмов купольные композиции применялись крайне редко и становились скорее исключением из общего правила. Наряду с бескупольными костелами, число которых приближалось к двумстам, можно назвать отдельные примеры купольных базиликальных католических храмовых сооружений. К ним относятся наиболее значимые иезуитские храмы, в создании которых принимали участие итальянские и другие европейские архитекторы, мастера строительного

дела, как-то: Д.-М. Бернардини, автор проекта костела Божьего Тела в Несвиже (1583-93 гг.); мастер Бурман, руководивший возведением купола костела св. Франциска Ксаверия в Гродно (освящен в 1667 г., контракт на постройку купола 1749); И. Фонтана, автор проекта Успенского собора мужского базилианского монастыря в Витебске (1743-85 гг.). Вопрос о сходстве планировочной и объемно-пространственной композиции иезуитских костелов и православных соборов Беларуси XVII - XVIII в., а именно - применение для сакрального строительства типа крестовокупольной базилики с двухбашенным главным порталом - до настоящего времени не ставился и, надо полагать, со временем станет предметом архитектуроведческих исследований.

В монументальном строительстве костелов униатских и католических кляшторов других орденов преобладали бескупольные базиликального типа сакральные сооружения. Они восходили к образцам готических базиликальных храмов Центральной Европы, принесенным на белорусскую землю миссионерами первых прибывших сюда орденов бернардинцев и францисканцев.² Чаше всего акцентировался один из фасадов, башенный либо безбашенный, пластически усложненный и богато декорированный главный портал костела.

Архитектурный облик монастыря, подобно городу, формировался непрерывно во времени и не был фиксирован каким-либо конечным этапом процесса строительства. Преимущество градостроительного решения комплекса обители не несла иконографических установок и осуществлялась путем следования общим принципам пространственно-планировочного построения древнерусского монастырского ансамбля.

В православных монастырях постановка церкви и собора соответствовала ориентации главного алтаря на восток. Отклонения от нее, как правило, не превышали сорока пяти градусов. Размещение сакральных сооружений инославных монастырей в меньшей степени выдерживало указанную ориентацию. Нередким явлением было северное и южное положение алтарной части костелов и униатских храмов (Софийский собор в Полоцке после реконструкции 1750-80-х гг., Успенский собор базилианского монастыря в Витебске 1740-1820- гг. и др.). Можно назвать и исключительные случаи западной ориентации алтарной части католического храма (Полоцкий костел иезуитов).

Собор являлся самым крупным сооружением монастырского комплекса православной обители и помещался в центре двора. Главный храм возвышался в глубине ансамбля даже при условии сильной затесненности занимаемого монастырем участка, когда последний находился в плотно застроенном центре города. Другие культовые

постройки, включая отдельно стоящую звонницу, располагались в ближайшем окружении собора. Более удаленным, вторым кольцом застройки вокруг собора становились жилые, служебные и хозяйственные корпуса.³ Вместе с оградой они формировали границы монастырского ансамбля, придавая контурам плана законченные и чаще всего полигональные очертания.

Главной особенностью православной обители, отличавшей ее от католических монастырей, становилась многослойная концентрическая композиция. Она выстраивалась по иерархии функционального назначения объектов застройки, высотных характеристик и архитектурной значимости монастырских построек от центра к периферии по бесчисленному множеству радиальных направлений.

В свою очередь, ансамбль католического монастыря имел ярко выраженную эксцентрическую регулярную или иррегулярную пространственно-планировочную композицию. Она строилась по оси, задаваемой осью центрального корабля костела. Фронтальная часть храма выделялась наиболее сложным и эффективным архитектурным решением, богатой декорировкой фасадов. Порталом центрального входа костел раскрывался на общественные пространства города или сельского поселения - его площади и основные магистрали.

Открытость католического храма вовне сопровождалась замкнутостью кляштора, тем самым обеспечивалась таинственность миссионерской деятельности монашеского ордена. Жизнь его протекала вокруг расположенного за костелом, либо примыкавшего к одному из его боковых фасадов замкнутого внутреннего двора, даже в праздники недоступного для непосвященных.

Другим основополагающим признаком, выделявшим православную обитель из окружения католических и униатских кляштор, можно назвать многохрамие. Причем возведение в пределах одного монастырского комплекса группы церквей невозможно объяснить исходя из одних только прагматических соображений. Учитывая статистические данные о численности населения православного исповедания Беларуси конца XVIII в., не может быть достаточной одна только ссылка на потребную вместимость храмов, количество молящихся - священнослужителей, насельников монастыря, паломников, прихожан.

Многохрамие ансамбля православного монастыря Беларуси представляется свидетельством верности и преданности символическим канонам древнерусской традиции. Следует отметить, что в восточно-христианской интерпретации образ Небесного града Иерусалима воспринимался и трактовался по мнению исследователей как метафора, но не как иллюстрация конкретного текста. Так к идее создания архитектурного образа православного монастыря применимо утверждение

о неотожждественности священного символа с каким-либо одним храмом, “это - средоточие храмов, своего рода город, образуемый храмами”.⁴

В отличие от православной, в западнохристианской традиции образно-символическими чертами Града Небесного принято было наделять не монастырский комплекс в целом, а единственный его сакральный объект - костел. Несмотря на более тесные пространственные связи, существовавшие между сакральным сооружением и жилыми корпусами, которые чаще всего соединялись друг с другом переходами, основные строения католического монастыря всегда мыслились и воспринимались как отдельные составляющие монастырского комплекса. В XIX в. кляшторами назывались собственно только монументальные сооружения жилых корпусов монастыря.⁵

В католическом храмостроении символические образы трактовались более артикулированно, в определенных приемах решения внутреннего пространства, декоративного оформления интерьера буквально иллюстрируя отдельные понятия священной истории и священного предания. В архитектуре внутреннего пространства и убранства костела воспроизводились элементы топографии исторического Иерусалима. Башенные формы фронтальной части костела, как предполагается, были заимствованы из символики городского, замкового строительства и т.д.⁶

Концентрическое положение собора в композиции православного монастыря и центрическая композиция самого собора придавали облику ансамбля совершенно особую выразительность. При взгляде издали, из различных точек города или пригорода, в обрамлении малых храмов и “прозрачной” застройки монастырского двора, центрический крещатый купольный пятиглавый объем собора разворачивался в реальном пространстве и времени как постоянная объемная форма. Всякий раз под новым углом зрения облик монастыря раскрывался по-своему, но силуэт, благодаря повторению центричности композиции монастырского комплекса в целом и центричности его объемной доминанты и ядра - соборного храма, казалось, оставался почти неизменным. Архитектуре православного монастыря в большей степени были присущи статичность и внутренняя напряженность образа. Пунктирно намеченные черты различий образно-символического содержания и соответствующих им канонических архитектурных форм и приемов построения православных и католических монастырей Беларуси могут служить своеобразной художественно-исторической иллюстрацией религиозно-философских текстов, посвященных определению различий западной и восточной церковных форм христианского вероисповедания. А. Ф. Лосев писал: “Католицизм освобождает земную устремленность человеческого субъекта к богу, тем самым превращая ее в

романтизм. Но византийское келейное подвижничество не есть романтизм. Восточный подвижник, сидя в своей келье в непрерывном посте

и молитвах, смиренно ждет нисхождения к нему божественных энергий, но романтически не рвется к ним и драматически спокоен”.⁷

¹ Лебедев Л. Богословие Русской земли как образа обетованной земли Царства Небесного // Богословие и духовность. Международная церковно-научная конференция. Тысячелетие крещения Руси. М., 1989. С. 157 - 158; Бусева-Давыдова И. Л. Литургические толкования и представления о символике храма // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. М., 1994. С. 197 - 203.

² Габрусь Т. Адлюстраванне канфесійна-палітычнай сітуацыі у культавым дойлідстве Беларусі // Беларусіка. Albaŭthenika. Мінск, 1992. С. 318.

³ Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских

монастырей // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 201 - 207.

⁴ Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 15 - 17.

⁵ Mobius F., Scieurie H. Symbolverte mittelalterlicher Kunst. Leipzig, 1984. S. 65.

⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Ед. хр. 2370. 1833 - 34 гг. Сведения о состоянии зданий и строений упраздненных католических монастырей.

⁷ Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 420.

О проблемах различия церковного и художественного образа в восточном и западном христианских исповеданиях, о явлениях своего рода художественного “экуменизма” размышлял Л. С. Успенский: “при часто одних и тех же формулировках, в христианстве оказалось два искусства, которые выражают различное восприятие одного и того же новозаветного откровения: то искусство несет его во всей полноте, с обожением твари как основной и конечной целью; другое на деле отвергает самую возможность обожения, приравнивая само откровение к природным

человеческим данным. Основной грех римской церкви всегда заключался в снижении евангельских истин до категории земного общества”. И несколько далее о том же: “тварная благодать может иногда улучшить природу человека, но не преобразует его, не преобщает к нетварному бытию Свято Троицы. Детище филиоквизма, учение о тварной благодати пресекает пути уподобления человека святому Первообразу”.

Успенский Л. С. 263 - 264.

Л. А. Щенникова

НОВЕЙШИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ БОГОМАТЕРИ В РОССИЙСКИХ МОНАСТЫРЯХ XVIII - XIX ВЕКОВ

В эпоху упадка и забвения православного иконописания, когда храмы были наполнены изображениями, подражающими религиозной живописи католического запада периода европейского возрождения и классицизма,¹ в Саровской и Оптиной пустынях особо почитались два образа Богоматери нетрадиционной иконографии. Внешне столь же далекие от древней византийско-русской иконописи, как и тысячи других изображений того времени, они отличались от них глубиной духовного содержания, выраженного в идейном осмыслении образов - их необычной композиции и своеобразном художественном исполнении. Исключительность этих икон заключается прежде всего в том, что их возникновение и почитание связаны с прославленными старцами, светильниками духовной жизни России XVIII и XIX столетий, преподобными Серафимом Саровским (1759 - 1833) и Амвросием Оптинским (1812 - 1891).²

Икона Богоматери, почитаемая преподобным Серафимом, называлась им “Божия Мать Радости всех радостей” (или “Всех радостей Радость”). Другое ее название, ставшее общепринятым, “Умиление Божией Матери”. Перед этим образом батюшка Серафим возносил свои непрестанные молитвы к Богу и утешал

приходивших к нему за благословением.³

В 1760 г. в двенадцати верстах от Сарова богатая молодая помещица-вдова, владевшая землями в Ярославской, Владимирской и Рязанской губерниях, полковница Агафья Семеновна Мельгунова (в монашестве мать Александра) основала Дивеевскую женскую обитель на месте явления ей “в легкой дремоте” Богоматери.⁴ Согласно монастырскому преданию, в видении Богоматерь сказала о Дивееве: “Это четвертый жребий Мой во вселенной”. Поэтому Дивеевская обитель называлась “четвертым жребием (или уделом) Божией Матери на земле”. После смерти игуменьи Александры попечительство о Дивеевской общине взял на себя преподобный Серафим. Здесь рядом со старой Казанской обителью им была основана новая община сестер, известная как Мельнично-Девичья или Серафимо-Дивеевская, куда старец благословлял на иночество только девушек.⁵ Он руководил их духовной жизнью, оказывал своим “Дивеевским сиротам” отеческую заботу, неизменную помощь и утешение. Предчувствуя приближение смерти, он простился со своими “сиротами” и поручил их “игуменству” Царицы Небесной пред чтимой им иконой “Радости всех радостей”.⁶ Через три недели после этого он отошел от земной жизни. Ранним утром 2-го января 1833 г.,

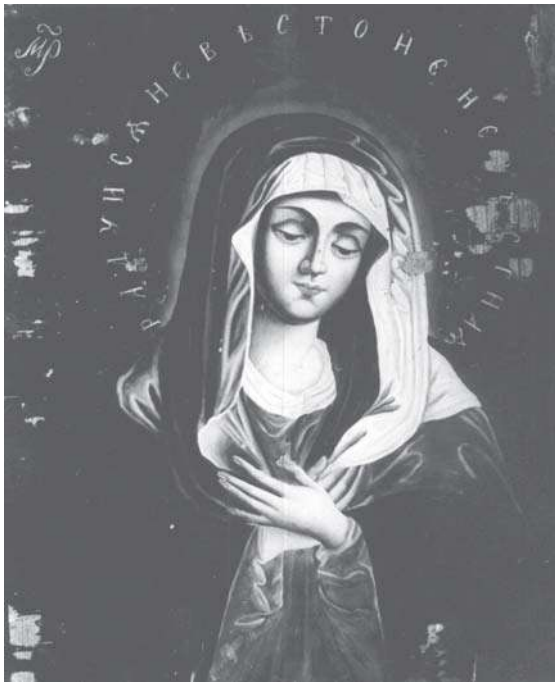

Рис. 1. Богоматерь «Умиление Радости всех радостей». Копия с чтимой иконы преп. Серафима Саровского. Масляная живопись на стекле. 1840 - 1850-е гг. Троицкая церковь на Пятницком кладбище в Москве.

войдя в его келью, увидели старца, стоявшего на коленях со сложенными крестообразно руками на лежащей на аналое книге; голова покоилась на скрещенных руках. Пред усопшим стоял излюбленный им образ «Радости всех радостей».⁷

По благословиению отца Серафима после его кончины игумен Нифонт отдал икону в Мельнично-Девичью Дивеевскую обитель.⁸ Образ поставили в той «большой келие», которая была построена преподобным Серафимом «для Госпожи»; этот монастырский корпус стал трапезной, и перед «Госпожей» - иконой Пресвятой Богородицы батюшки Серафима - всегда читали Акафист.⁹ Через некоторое время «усердием Наталии Ивановны Богдановой» на икону сделали серебряную позолоченную ризу. По свидетельству современников, благочестивые посетители питали «особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получали от нее духовное утешение».¹⁰ Для чудотворной иконы было решено построить отдельный храм. Однако обстоятельства сложились так, что законченный строительством в 1875 г. большой дивеевский собор был освящен во имя Животворящей Троицы. День его освящения - 28 июля - совпал с днем празднования иконы «Умиление - Радости всех радостей».¹¹ В 1880 г. в этом соборе освятили правый придел, посвятив его чудотворной Дивеевской иконе.¹² Икона батюшки Серафима «Радости всех радостей» по его благословиению стала «Верховной игуменьей» в Дивеевском монастыре - ее четвертом жребии на земле; поэтому настоятели монастыря назывались здесь не игуменьями, но только «наместницами Верховной

игуменьи», и их место в Троицком соборе и зимнем храме Тихвинской Богоматери «всегда было за большим киотом с этой иконой».¹³

В дни престольных Дивеевских праздников - 28 июля (празднование чудотворного образа «Умиление»), 19 июля и 2 января (память преподобного Серафима), так же, как и в некоторые другие праздники, после поздней литургии совершали крестный ход по Канавке с пением параклиса Божией Матери. Накануне 9 декабря, в день основания обители, совершалась торжественная всенощная служба празднику иконы «Умиление» и преподобному Серафиму. Празднику иконы митрополит Серафим Чичагов составил особую службу.¹⁴

Через семьдесят лет после кончины отца Серафима, в 1903 г., были открыты его мощи. Материал для предоставления государю собрал митрополит Серафим Чичагов и изложил во второй части «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (рукопись не была напечатана; она пропала в 1937 г. при аресте).¹⁵ К этому времени все личные вещи батюшки Серафима и чудотворный образ Богоматери находились в Дивееве. В Сарове над кельей преподобного, превращенной в часовню, был возведен храм во имя преподобного Серафима. Для этого храма сделали копию с чудотворной иконы «Умиление» - Радости всех радостей».¹⁶ После открытия мощей преподобного списки с этой иконы делались в большом количестве. Их писали в Дивееве, а также в Дивеевском подворье в Петергофе, где была мастерская.¹⁷

В 1927 г., в день Рождества Богородицы, 21 сентября, Дивеевский монастырь был закрыт. Чудотворную икону «Умиление» преподобного Серафима в драгоценном окладе удалось тайно вывезти из монастыря. Икона ушла вместе с последней наместницей Дивеевской обители, матушкой Александрой, переселившейся со схимомонахиней Серафимой (Булгаковой) и несколькими послушницами в город Муром. Здесь, в небольшом домике у стен Благовещенского монастыря, где поселились дивеевские сестры, икона неприметно стояла в темном углу на комодe, а ее драгоценный оклад был закопан в земле у дома.¹⁸ После смерти последней «наместницы» уже давно закрытого Дивеевского монастыря матушки Марии (Бариновой) икону и оклад сохранял о. Виктор Шиповальников. В июне 1991 г. икона была передана патриарху Алексию II. В 1995 и 1996 гг. на праздник Похвалы Пресвятой Богородицы (пятая неделя Великого поста) икону приносили в Богоявленский патриарший собор и перед ней читали Акафист.

Икона «Умиление - Радости всех радостей» производит неизгладимое впечатление, которое очень трудно передать словами. Ее необычность заключается в уникальном соединении западной иконографии, измененной в духе православной традиции, и своеобразного иконописно-

живописного исполнения, благодаря чему образ наполняется византийско-русской созерцательностью и одновременно кроткой умиленностью, лирической нежностью и душевной сострадательностью, присущей изображениям католических мадонн. Лик Богоматери слегка склонен. Тонкий нос очерчен спрямленными линиями, переходящими в такие же иконописно-графические дуги бровей, небольшие глаза полностью прикрыты опущенными веками, маленькие коричневато-красные губы плотно сомкнуты; охрение темное, с коричневыми притенениями. Руки с длинными тонкими пальцами сложены на груди. В образе замечательно выражено милосердное сострадание и безграничная материнская любовь ко всему страждущему людскому роду, молитвенное самозабвение и “сердечный трепет” предстояния у престола Всевышнего, духовное и душевное. В нем особенно воплотились и интерпретировались наследие полуторатысячелетней православной традиции и “душевная религиозность” нового времени.

Икона написана маслом “на полотне, натянутом на кипарисную доску”,¹⁹ ее размер - 67 x 49 см.²⁰ По стилю изображение может быть датировано второй половиной XVIII в. По своей иконографии и типологии склоненного, умиленного лика с опущенным взором “Умиление - Радости всех радостей” преподобного Серафима повторяет чудотворную “Остробрамскую” икону, написанную в 1620 - 1630 гг., вероятно, с образа Девы Марии нидерландского художника Мартина де Вос.²¹ “Остробрамская” икона находилась в каплице над воротами крепостных стен города Вильно, получивших название Острых. О происхождении иконы существует несколько версий. Среди православного населения Литвы, а также Белоруссии и Украины широкое распространение получило предание о восточном происхождении этого образа.²² “Остробрамская” икона славилась как утешительница страдающих и обездоленных, нуждающихся в покровительстве и заступничестве. Почитали ее и в среде русского населения. “Остробрамскую” чудотворную икону, вероятно, чтити и в городе Курске, на родине преподобного Серафима. Принадлежавшая ему икона “Умиление” является свободной копией чудотворной “Остробрамской”. От последней она отличается отсутствием чисто западных атрибутов - короны и лунного серпа, обрамляющего полуфигуру Богоматери снизу, а также деталями, придающими иконе характер православного изображения. На “Остробрамской” иконе руки Богоматери скрещены перед грудью таким образом, что левая рука лежит сверху. На иконе “Умиление” сверху изображена правая рука - так, как скрещены руки принимающих Святое Причастие. Между острыми лучами венчания на “Остробрамской” иконе - звезды,

Рис. 2. Богоматерь «Умиление Радости всех радостей». Копия с чтимой иконы преп. Серафима Саровского. Начало XX в.

указывающие (вместе с лунным серпом) на литературный источник первообраза - Апокалиптическую жену “облаченную в солнце, с венцом из двенадцати звезд” (Апок. 12: 1,5). На венце иконы “Умиление” звезд нет. Их заменили буквы слов молитвенного приветствия из Акафиста Богоматери - “Радуйся Невесто Неневестная”.

Драгоценный оклад иконы, долгие годы сохранявшийся в земле и ныне отреставрированный, - пожертвование императора Николая II.²³ Он представляет собою великолепное произведение ювелирного искусства, исполненного, вероятно, в придворной мастерской Фаберже. Оклад с эмалью, рельефная серебряная риза с резным орнаментом и жемчужный убрус с короной полностью закрывают икону. В этом роскошном сияющем обрамлении виден только темный лик Богоматери и сложенные на груди руки.

С чтимой иконы батюшки Серафима было сделано несколько копий. Самая ранняя из известных нам датируется сороковыми - пятидесятыми годами XIX в.²⁴ Это небольшая (31,5 x 29 см) живописная икона на стекле, передающая чтимый образ в зеркальном отражении. Она похожа на Серафимо-Дивеевскую чудотворную только своей иконографией, хотя является ее списком. Икона выполнена в стиле академической живописи. Крупные, классически правильные черты полнокровного лика, большие глаза, полуприкрытые

тяжелыми веками, изящно наведенные брови, полные алые чувственные губы. На голове белый плат, спадающий на грудь; концы плата Мария поддерживает сложенными на груди руками. Поверх белого плата голову окутывает темно-серое покрывало. На Марии темно-синий плащ и малиновое платье. Вокруг головы - высветление темно-коричневого фона, имитирующее сияние, по краю которого идет надпись “Радуйся невесто невестная”, образующая опись нимба. Обратной стороной иконы закрыт картоном, на котором имеется следующая надпись чернилами: “ия из Саровской пустыни икона Благословение митрополита Филарета монахини монастыря Инокентии, пожертвована ею по смерти в Троицкую церковь, что на Пятницком кладбище”.

Второй список с чудотворной иконы “Умиление - Радости всех радостей” находится в Третьяковской галерее.^{2.5} Именно он, многократно опубликованный, получил известность как подлинная Серафимо-Дивеевская икона. Изображение Богоматери здесь такое же, как на воспроизведениях в различных печатных изданиях и на житейских иконах преподобного Серафима начала XX столетия.^{2.6} Размер этой копии полностью соответствует размеру оригинала - 67 x 49 см. На ее нижнем поле надпись: “Копия святой чудотворной иконы Божией Матери Умиление пред которой в молитвенном подвиге скончался святой преподобный Серафим Саровский Чудотворец 1833 года января 2-го дня”. Нежный миловидный лик Девы Марии с опущенным взором прикрытых веками очей исполнен в мягкой живописной манере академической живописи рубежа XIX - XX вв., использовавшийся для написания икон. Одежда Богоматери - накиннутый на голову плат, платье и плащ, а также венец с острыми лучами из “драгоценных камней” имитируют тот серебряный золоченный убор (оклад, ризу и венец), который, вероятно, был на иконе до нового оклада императора Николая II. Близкие этой иконе копии находятся также во вновь открытом в 1990 г. Дивеевском монастыре.

* * *

Особо чтимой иконой Оптиной пустыни был образ Богоматери, созданный по заказу старца Амвросия. История возникновения образа и его иконография необычны. Замысел написания этой уникальной иконы возник у батюшки Амвросия в последние годы жизни, когда он по долгу находился в близлежащей Шамардинской женской обители, устроенной им для обездоленных женщин и девушек. Тяжело больной старец, предчувствуя приближение смерти, был обеспокоен судьбой обеих монастырей, предвидя голод и разруху. Созерцая с высокого холма, на котором расположена Шамардинская обитель, живописную долину с речкой Сереной, хлебным полем и дальними селами, он молился Богоматери о

покровительстве и заступничестве. Старец сделал эскиз иконы, в основу которого был положен любимый им шамардинский пейзаж с парящим над ним на облаках образом Богоматери, и в 1890 г. поручил написать задуманную им икону своему ученику иеромонаху Даниилу, родному брату игуменья Шамардинской обители матери Софии, в миру тульской помещицы Софьи Михайловны Яньковой, урожденной Болотовой.^{2.7} Оптинский пустынный Даниил (Д. М. Болотов, 1837 - 1907), “много потрудившийся в деле христианской проповеди среди интеллигенции”,^{2.8} был известным академическим живописцем. Он изобразил Богоматерь восседающей на облаках, с распростертыми в стороны руками, в привычном для него академическом стиле живописи. Образ Богоматери был заимствован из иконы “Всех святых”, находившейся в Богородично-Всехсвятском монастыре (основан в 1875 г.) в Орловской губернии. Внизу на Оптинской иконе натуралистически трактованный пейзаж: уходящее вдоль хлебное поле со связанными снопами ржи; на переднем плане - травы и цветы.

Икона получилась далеко не традиционной, но близкой тому образу, в котором представлялась старцу Амвросию Божия Матерь - питательница голодающих, милосердная заступница обездоленных, покровительница крестьян-земледельцев, дающая надежду на урожай и избавление от нужды. Икона была написана Даниилом в Болховском женском монастыре и привезена в Оптину пустынь осенью 1890 г. настоятельницею этого монастыря игуменьей Иларией.^{2.9} Появление новой Богородичной иконы в 1890 г. не случайно: тот год в Калужской губернии был голодным. Батюшка Амвросий надеялся, что через этот образ Богоматерь будет оказывать всем голодающим и обездоленным особенно действенную помощь и благодать. Он дал название новому образу “Спорительница хлебов” (помощница людям в их трудах и заботах о хлебе насущном) и установил день его празднования 15 октября - после окончания срока жатвы и уборки урожая. Незадолго до своей последней болезни он составил особый припев к обычному Богородичному Акафисту, поющемуся на молебнах перед иконой: “Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подаждь и нам недостойным росу благодати Твоея и яви милосердие Твое”.

В молитве иконе полностью раскрывается содержание этого Богородичного образа: “О, Пречистая Дево Богородице, Премилостивая Владычице, Царице небесе и земли, всякого дома и семейства христианского благоустроительнице, труждающихся благословение, нуждающихся неистощимое богатство, сирых и вдовиц и всех людей Кормительнице! Питательнице наша, рождающая Вселенные и Спорительнице хлебов наших: Владычице, ниспосли Твое Матернее благоволение и благословение градом нашим и селам

и нивам и каждому на Тя упование имущему. С благоговейным трепетом сокрушенным сердцем смиренно молимся Тебе: О, Премилосердная Мати рода христианского, буди и нам грешным и недостойным рабом Твоим мудрая домохозяйка, житие наше доброе устрояющая. Всякое же общество, всякий дом и семейство во благочестии и православии, единомыслии и довольстве соблюди, Нищия и неимущия пропитай, старость поддержи, младенцы воспитай, всех вразуми преискренне взывати ко Господу: “хлеб наш насущный даждь нам днесь”. Сохрани, Пречистая Мати, люди Твоя от всякия нужды, болезни, глада, губительства, града, огня, злаго обстояния и всякого нестроения. Граду, веси нашей, домам и семействам и всякой душе христианстей и всей стране нашей исходатайствуй мир и велию Милость. Да славим Тя, Пречистую Питательницу и Кормительницу нашу, ныне и присно и во веки веков. Аминь”.³⁰

Икона сразу же получила почитание не только в Оптиной и Шамардинской обителях, но и в других монастырях и храмах России. Изображения иконы разносились богомольцами по многим городам и селам. Списки с иконы посылались в те места, где была большая нужда. Согласно свидетельствам, молитва перед иконой и ее списками не оставалась безответной. Так, первой милостью Божией Матери, явленной от этой иконы, было избавление обеих обителей и близлежащих калужских и шамардинских пределов от голода 1891 г. Здесь собрали хороший урожай в неурожайный для всей России год. В 1892 г. список с иконы был послан в Пятницкую общину Воронежской губернии. Там была засуха и голод, но во время молитвы перед иконой пошел дождь, поля ожили и дали урожай.³¹

Многие почитатели батюшки Амвросия хотели иметь изображения чтимой им Богородничной иконы. С образа начали делать живописные списки и литографии. Прославление иконы приобретало общероссийский характер, о ней появились сведения в газетах и журналах. После кончины отца Амвросия на это обратила внимание Консистория, обеспокоенная тем, “что иконе придано, по-видимому, значение явленной или чудотворной”.³² В 1892 г. Консистория предписала “представить сию икону в кафедральный собор для хранения в ризнице, что и было исполнено”.³³ По определению Синода от 30 мая/30 июля 1892 г. “распространение изображений Божией Матери, с усвояемым ей необычным в Православной Церкви названием, было воспрещено”.³⁴

В 1896 г. Святейший Синод вновь рассматривал дело “О допущении к употреблению иконы Божией Матери, именуемой “Спорительницей хлебов””.³⁵ Синод вынес следующее определение: “По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Святейший Правительствующий Синод слушали: представление Преосвященнаго Вятскаго, от 23 января сего года за

Рис. 3. Богоматерь «Спорительница хлебов». Литография. Конец XIX в.

№ 274, о преподании указаний, может ли быть допускаемой к употреблению икона Божией Матери, именуемая “Спорительница хлебов”. И, по справке, Приказали: Преосвященный Вятский испрашивает указаний, может ли быть допускаемой к употреблению икона Божией Матери, именуемая “Спорительница хлебов”. Из справки же видно, что в мае 1892 г. Святейший Синод отклонил ходатайство Московскаго купца Перлова о разрешении к напечатанию хромолитографированнаго изображения Божией Матери, с наименованием “Спорительница хлебов”, признав небезосновательным выраженное Московским Духовно-Цензорным Комитетом опасение, что распространение такого изображения с необычным в Православной Церкви наименованием Божией Матери может возбудить в народе неправильные и нежелательные толки. С сим вместе Святейшим Синодом разъяснена одному духовному цензору, разрешившему печатание того же изображения в Одесской хромолитографии Фесенка, неправильность его действий. При таких данных и не усматривая в настоящее время надлежащих оснований к изменению изложеннаго суждения касательно изображения Божией Матери с наименованием “Спорительница хлебов”, Святейший Синод определяет: об оказавшемся по справке уведомить Преосвященнаго Вятскаго указом, а в предупреждение новаго печатания сего изображения поручить Г. Обер-Прокурору поставить в известность о настоящем определении Министра Внутренних Дел; для чего и передать в Канцелярию Обер-Прокурора выписку из сего определения”.³⁶

Запрещение Святейшего Синода почитать прославленную отцом Амвросием икону Богоматери было связано не столько с необычной иконографией образа и его названием (в то время Россия была наводнена католическими изображениями, на массовое распространение которых Синод не обращал внимания), сколько с личностью почившего старца. Местное епархиальное начальство, и прежде всего Калужский епископ Виталий, не понимали сущности старчества и потому относились к отцу Амвросию подозрительно и почти враждебно. Они были недовольны пребыванием больного старца в женской Шамардинской обители и даже намеревались насильно вывезти его оттуда несмотря на тяжелое состояние больного. Свое намерение епископ Виталий не успел исполнить: приехав в Шамардино, он встретил старца, лежащего в гробу. 15 октября, в установленный батюшкой день празднования иконы “Спорительница хлебов”, его тело было предано земле в Оптиной пустыни.

Недоброжелательное отношение епархиальных властей распространялось и на духовных чад отца Амвросия, на его почитателей и старцев-преемников. Его духовным чадом был (вместе со всей своей семьей) чайный торговец Перлов. Однажды во сне ему явилась Божия Матерь и повелела взять на себя заботу о Шамардинской обители, обещав помогать ему в торговле. После этого явления Перлов стал одним из главных покровителей обители; в Оптиной пустыни “было принято пить Перловский чай”.³⁷ Не удивительно поэтому, что его обращение в 1982 г. в Синод с ходатайством о разрешении напечатания хромофотографированного изображения Богоматери “Спорительница хлебов” оказалось безуспешным.

Однако, несмотря на запрещения Синода, изображения Оптино-Шамардинской иконы продолжали распространяться. Один из образов, вероятно, был и у отца Павла Флоренского. Отец Павел хорошо знал эту уникальную икону и оставил о ней очень интересное высказывание. Рассуждая о “всечеловеческих канонах” и “первозданной чистоте форм” иконы, о духовных видениях, запечатленных в “общечеловеческих формах”, он писал: “Мне почему-то припомнился тут Оптинский старец Амвросий с его иконой, т. е. написанной, хотя и недостаточно чутко, художником, проникнутым натуралистическими навыками кисти, иконой “Спорительницы хлебов”. Из келейки провинциального монастыря Калужской губернии, от простого, убогого старика дается необыкновенный толчок, в полном противоречии со всем строем современной церковной интеллигентности, в противоречии с Синодом, написать Благоую Богиню: ведь что же есть эта Спорительница Хлебов, как не видение Богоматери во образе, в канонической форме Матери Хлебов - Деметры? Сквозь не подчинившиеся духовному импульсу живописные приемы 80-х годов, ощущением однако прозреваешь

именно это, таинственное видение, церковное “да” древнему образу благодной Деметры, в котором собрали Эллины часть своих предчувствий о Матери Божией”.³⁸

Иконе “Спорительница хлебов”, связанной с одной из самых выдающихся духовных личностей предреволюционной России, посвятил свое стихотворение известный русский поэт конца XIX в. Вячеслав Иванов:

Есть в Оптиной Пустыни Божия
Матерь Спорительница.
По видению старца Амвросия
Написан образ Пречистой:
По края земли дивное
Богатство нивное;
Владычица с неба
Глядит на простор колосистый;
Спорятся колосья,
И множатся в поле снопы
золотистого хлеба...
Тайные Церкви глубин
святорусских Затворница,
Руси боримой со светлыми
Духи Поборница,
Щедрая Благодетельница,
Смут и кровей на родимой
земле Умирительница,
Дай нам хлеба в скорости,
Добрым всходам спорости,
Матерь Божия Спорительница!

Увлеченный античностью поэт-символист Вячеслав Иванов, подобно философу-богослову Павлу Флоренскому, также прозрел в иконе древний прообраз богини-покровительницы рождающей земли, органично соединенный с христианским образом Заступницы новозаветного человечества - Девы Богородицы.

Судьба прославленной иконы батюшки Амвросия, унесенной из Шамардинской обители в 1892 г. по указу Синода, нам неизвестна. Есть сведения, восходящие к сообщению епископа (Уфимского) Анатолия в январе 1988 г. в Бергамо, что она находится в литовской деревне Михнево под Вильнюсом.³⁹ Во вновь открытых Оптиной (1987) и Шамардинской (1990) обителях почитаются новые списки иконы Богоматери “Спорительница хлебов”. От образа XIX в. они отличаются тем, что Богоматерь, сидящая на облаке, окружена традиционной для средневекового искусства яркосиней овальной мандордой-сиянием, пронизанной лучами и украшенной по внешнему краю звездами.

В музейных собраниях России хранится несколько живописных списков “Спорительницы хлебов”. Один из них находится в Третьяковской галерее.⁴⁰ Эта небольшая икона (18 x 13 см), исполненная в живописной манере, маслом на доске, представляет собою довольно точный список прославленного образа. Вверху на фоне иконы, по сторонам от изображения Богоматери, надпись:

Рис. 5. Богородица «Спорительница хлебов».
 Воспроизведение новейшей иконографии
 «Спорительница хлебов» из Оптиной и
 Шемардинской пустыни. 1987 - 1990-е гг.

“Образ Пресвятыя Богородицы Спорительницы хлебов” На обороте чернилами следующая запись: “Благословение батюшки о. Анатолия. 1912”. В Третьяковскую галерею икона поступила 3 марта 1970 г. от В. А. Павлова.

Старец Анатолий “Младший” (Потапов),⁴¹ келейник батюшки Амвросия, один из последних духовников Оптиной пустыни, по молитве и милости Божией отошедший ко Господу в назначенный ему день отправления в ссылку 30 июля 1922 г., был прямым преемником батюшки. Он отличался той же ласковостью обращения и любовью, которая была и у батюшки Амвросия. Это привлекало к нему многочисленные толпы людей. Те, кому довелось видеть отца Анатолия при жизни, считали его самым дивным старцем XX столетия, “святейшим из святых”. Приходивших к нему он благословлял книжечками и иконками, своими кроткими, тихими

речами примеряя и успокаивая их мятущиеся души. Может быть и той душе, которая в 1912 г. ушла от него из Оптиной с хранящимися ныне в Третьяковской галерее списком “Спорительницы хлебов” великим духовным преемником великого старца Амвросия были сказаны слова утешения, подобные этим: “Наш учитель - смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. А благодать Божия - это все. ... Трудно было бы жить на земле, если бы точно никого не было, кто бы помог нам разобраться в жизни. ... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь. ... Чего же нам бояться, да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать, да разгадывать. ... Чем сложнее и труднее жизнь, тем меньше нужно это делать. ... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя”.⁴²

- ¹ См.: Успенский Л. А. Пути искусства живописного направления в Синодальный период Русской Церкви // Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Изд. Западно-Европейского Экзархата и Московской Патриархии. 1989. С. 353 - 399.
- ² Преподобный Серафим Саровский причислен к лику святых в 1903 г. День его памяти (день прославления) - 19 июля. О преподобном см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Сост. Архимандрит Серафим (Чичагов). СПб., 1903. С. 39 - 55. Дивеевский монастырь был открыт вновь в 1990 г. В январе 1991 г. произошло вторичное обретение мощей преподобного, хранившихся в музее Истории религий и атеизма в Ленинграде (в Казанской соборе). В настоящее время мощи преподобного находятся в Дивеево. Преподобный Амвросий Оптинский канонизирован Поместным собором Русской Православной Церкви 1988 г., посвященном 1000-летию Крещения Руси. Житие преподобного (со списком творений и библиографией) см.: Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный 1000-летию Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра. 6 - 9 июня 1988. С. 135 - 146; Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Нью-Йорк, 1970. С. 153 - 290.
- ³ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 250.
- ⁴ Там же. С. 3 - 6.
- ⁵ В 1827 г. для бедной Дивеевской общины отец Серафим повелел одному крестьянину, искусному плотнику, построить мельницу. Построив "мельницу-питательницу", отец Серафим "по изволению Божией Матери" перевел в новую - "Мельничную" - общину семь сестер из старой общины матери Александры. Соединение двух Дивеевских общин в одну произошло в 1842 г. (см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 203 - 226).
- ⁶ Там же. С. 458, 459.
- ⁷ Там же. С. 472 - 476.
- ⁸ Там же. С. 482.
- ⁹ Там же. С. 214, 220 - 221.
- ¹⁰ Там же. С. 500.
- ¹¹ Там же. С. 726.
- ¹² Там же. С. 727.
- ¹³ Арцыбушев А. Икона "Умиление" возвратится в Дивеево // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 4. С. 62.
- ¹⁴ [Серафима (Булгакова), монахиня]. Дивеевские предания. М., 1990. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 25.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁸ Сведения о судьбе иконы после закрытия Дивеевского монастыря были любезно сообщены мне о. Виктором Шиповальниковым и А. П. Арцыбушевым, сделавшим на икону еще один - "повседневный" - оклад. См. также его статью (примеч. 13).
- ¹⁹ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 499 - 500.
- ²⁰ См.: Арцыбушев А. Указ. соч. С. 62.
- ²¹ См.: Корнилова Л. А. Страницы Белорусской Мариологии: Жировичская, Бельничская и Остробрамская иконы Богоматери // Сборник Калужского художественного музея. Калуга, 1993. Вып. 1. Ч. 1. С. 43.
- ²² Там же. С. 41 - 48.
- ²³ См.: Арцыбушев А. Указ. соч. С. 62.
- ²⁴ См.: Красилин М. М. Памятники искусства XVIII - начала XX вв. в немусейных собраниях Москвы. Троицкая церковь на Пятницком кладбище: Каталог // ВНИИР. Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М., 1990. Вып. 13. С. 128, 140 - 141 (кат. № 23). 14 мая 1984 г. во время ограбления церкви икона была разбита.
- ²⁵ ГТГ. Инв. № 20878. Происхождение иконы неизвестно. В Третьяковскую галерею она поступила из Московского отдела народного образования при Народном комиссариате просвещения.
- ²⁶ См., например, воспроизведение чудотворной иконы "Умиление" в "Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря" (ил. у с. 482).
- ²⁷ Четвериков С., протоиерей. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Козельской Оптиной пустыни. 1912. С. 286 - 287; Концевич И. М. Указ. соч. С. 287.
- ²⁸ Концевич И. М. Указ. соч. С. 387.
- ²⁹ Агапит, архимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 103.
- ³⁰ Молитва "Спорительница хлебов" // Град Китеж. 1992. № 3 (8). С. 18.
- ³¹ Агапит, архимандрит. Указ. соч. С. 104; Четвериков С., протоиерей. Указ. соч. С. 312.
- ³² Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Изд. Оптиной пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1902. С. 153.
- ³³ Там же. С. 153.
- ³⁴ Там же. С. 153.
- ³⁵ Дело хранится в Российском государственном Историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА. Ф. 797. Оп. 66. Ед. хр. № 143. Отд. III, 3 ст., 1986 г.). Этот архивный документ был любезно указан мне сотрудницей Гос. Русского музея Н. В. Пивоваровой.
- ³⁶ РГИА. Ф. 797. Д. 66. Ед. хр. № 143. Отд. III, 3 ст. Л. 1 - 2; см. также л. 3 - 6.
- ³⁷ Концевич И. М. Указ. соч. С. 290.
- ³⁸ Флоренский П. А. Иконостас. М., 1994. С. 83 - 84. Это высказывание было любезно указано мне В. Г. Пуцко.
- ³⁹ Там же. С. 171. Примеч. 91. Здесь же дано следующее указание: "Об этой иконе и чудесах от нее см.: Вечное. [Париж]. № 126. 1958. С. 23 - 25.
- ⁴⁰ ГТГ. Инв. № ДР 603.
- ⁴¹ О нем см.: Концевич И. М. Указ. соч. С. 404 - 451.
- ⁴² Там же. С. 411.

ИКОНА «БОГОМАТЕРИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОЙ УМИЛЕНИЕ»

В 1996 г. исполняется пять лет величайшему событию, подлинный смысл которого, по слову Святейшего Патриарха Алексия, мы сможем осознать лишь спустя некоторое время. 11 января 1991 г. Русской Православной Церкви после второго обретения были возвращены мощи Преподобного Серафима Саровского чудотворца. Местом вечного упокоения святыни был определен Троицкий собор Серафимо-Дивеевского монастыря. Исполнилось пророчество святого старца: “Тогда Дивеев будет диво, когда убогий Серафим ляжет в Сарове, а плоть свою перенесет в Дивеево”.¹ К моменту второго обретения мощей Преподобного уже давно был разрушен Успенский собор Саровской пустыни, в котором они покоились с 1903 по 1927 гг., а сам Саров превращен в режимный ядерный центр. С промыслительной неизбежностью святыню принял дивеевский Троицкий собор, землю для закладки которого в свое время купил сам Серафим. Еще до обретения мощей чудотворца собор был возвращен верующим и освящен весной 1990 г.

Серафимо-Дивеевский монастырь вырос из женской Казанской общины, духовно окормлявшейся отцом Серафимом, и основанной им девичьей обители. Именно в этом монастыре формировался и поддерживался культ почитания памяти старца, ставший впоследствии основанием для его церковного прославления. После кончины отца Серафима все его вещи, даже пустыньки и камни, на которых он молился, были перенесены в Дивеево. Одной из дивеевских реликвий являлась келейная икона Преподобного - образ “Богоматери Умиление”.

Келейный образ Серафима Саровского был написан на полотне, натянутом на кипарисную доску,² и представлял поясное одноличное изображение Богоматери со склоненной главой, опущенным взором и скрещенными на груди руками. В образе легко узнается его протограф-икона “Богоматери Виленской-Остробрамской”. Когда и каким образом список чудотворной иконы попал к Преподобному, неизвестно. Литературные источники глухо упоминают, что отец Серафим “всегда молился перед этим образом”. Представление о том, что икона сопровождала его на протяжении всей монашеской жизни, отражено в рисунках и литографиях со сценами жития чудотворца, на которых часто присутствует изображение иконы “Богоматери Умиление”.

Житие старца сообщает, что юный Прохор Мошнин - будущий отец Серафим, приняв решение о вступлении на путь иноческой жизни, отправился из родного Курска в Киев за благословением киево-печерских старцев. Затворник Китаевской обители Досифей благословил его идти в Саровскую пустынь.³ Можно предположить, что холст со списком “Богоматери Виленской-Остробрамской”

был принесен Прохором в Саров из Киева, т.к. культ этого чудотворного образа был распространен в западных областях Российской Империи, в т.ч. на Украине.⁴ Вступив в 1778 г. в Саровскую пустынь, молодой послушник успешно занимается столярным делом, так что в расписании монастыря он один был назван Прохором-столяром. Известно, что в период своего послушничества он изготовил престол из кипарисного дерева для больничной церкви Зосимы и Савватия, а также резал кипарисные кресты для благословения богомольцев.⁵ Возможно, будущий отец Серафим собственными руками превратил живописное полотно с изображением Богоматери в свою келейную икону, натянув холст на кипарисную доску.

В воспоминаниях современников келейная икона Серафима Саровского, которую он сам называл “Радость всех радостей”, упоминается в описаниях последнего периода жизни старца, когда, выйдя в 1815 г. из затвора, он стал принимать в своей келии всех искавших беседы и поучения. После совместной покаянной молитвы и благословения, отец Серафим обыкновенно крестообразно помазывал чело пришедшего елеем из лампы, горевшей перед келейной иконой.⁶ Житие старца сообщает, что “обычай его помазывать входящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание”.⁷ Наиболее известна история исцеления в 1815 г. помещика М. В. Мантурова от ужасных язв на ногах. Когда исцеленный бросился лобызать ноги отца Серафима, старец строго сказал; “Разве Серафимово дело мертвить и живить? Это дело единого Господа! Господу всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение”.⁸ Житие Серафима Саровского содержит ряд аналогичных случаев исцелений: крестьянки из Владимирской губернии - от болезни суставов, крестьянина М. Б. Из с. Автодеева Ардатовского уезда - от последствий жестокого удара, будущего инока Саровской пустыни Александра - от ушной болезни.⁹

В келии отца Серафима всегда горело множество лампад и свечей. Старец говорил: “Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред св. иконою. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот впал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои колена пред благоутробием Божиим”.¹⁰ А. М. Мантурова вспоминала рассказ мужа, как во время его беседы с отцом Серафимом вдруг чудесно сами собою зажглись лампы перед келейным образом старца; Серафим же сказал: “Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся, то так должно быть”.¹¹

Считал ли сам отец Серафим свою икону Богоматери чудотворной? Мы не имеем

подтверждений этого, несмотря на указания о глубоком почитании образа Преподобным. Старец считал: “Худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например, как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, (...) и не только тело их, но и душу”.¹²

В начале 1833 г. иеромонах Серафим был найден почившим в своей келии в коленопреклоненном предстоянии перед иконой “Богоматери Умиление”. Старицы Дивеевской обители вспоминая, что незадолго до своей смерти он, указывая на келейную икону, говорил дивеевским сестрам, посещавшим его: “Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царице Небесной”.¹³ После кончины старца игумен Саровской пустыни Нифонт призвал к себе келейника отца Серафима и приказал отдать икону “Богоматери Умиление” дивеевским сестрам: “Она туда им надлежит”.¹⁴ Сестра О. М. Климова вспоминала, как однажды отец Серафим дал ей тысячу рублей и сказал: “Это, матушка, на устройство и обзаведение у вас большой келии для Высокой Госпожи, которая будет жить у вас! Надо все приготовить для Нее”. Так был построен корпус, ставший впоследствии монастырской трапезной. Слова старца разъяснились, когда принесли в новую келию икону “Богоматери Умиление”.¹⁵

В 1848 г. в Дивееве на указанном отцом Серафимом месте был заложен собор, строительство которого завершилось лишь в 1875 г. Первоначально предполагалось освятить его в честь иконы “Богоматери Умиление”. Очевидно, что к этому времени в монастыре уже сформировался местный культ почитания Серафимовой иконы, однако епископ Нижегородский и Арзамасский Иеремия нашел лучшим определить собор во славу Пресвятой Троицы. Лишь через пять лет освящение в честь иконы “Богоматери Умиление” получил правый престол собора.¹⁶

В юбилейном “Адрес-календаре Нижегородской епархии” за 1888 г. в статье, посвященной Серафимо-Дивеевскому монастырю, в числе местных достопримечательностей первой названа “св. икона Умиления Божия Матери, Чудотворная, завет монастырю от старца Серафима”.¹⁷ Однако в разделе “Святые иконы, по преимуществу чтимые в Нижегородской Епархии» Серафимова икона не указана. По-видимому, почитание образа в это время еще не выходило за пределы монастыря. Примечательно, что какие-либо упоминания о чудесах, явленных иконой “Богоматери Умиление”, не содержатся даже в “Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря”, составленной священником Л. М. Чичаговым (впоследствии - архимандрит Серафим), который в период между 1893 и 1896 гг. самым тщательным образом собирал все документальные сведения и свидетельства очевидцев, связанные с историей обители; в то же

время Л. М. Чичагов приводит высказывания дивеевских монахинь, называвших икону чудотворной. Вплоть до канонизации Серафима Саровского его икона “Богоматери Умиление” не упоминалась в сборниках, посвященных описанию чудотворных и местночтимых богородичных икон Русской Православной Церкви.

В 1903 г. Святейший Синод постановил признать старца Серафима в лике святых и совершить торжественное открытие его мощей. 16 июля в Сарове начались торжества по случаю прославления мощей Преподобного. Очевидец, описывая крестный ход 17 июля из Дивеева в Саров, в котором участвовали монахини Дивеевского монастыря, сообщает, что они “несли чудотворную икону Божией Матери “Умиление”. В Сарове, “когда крестный ход из Дивеева приблизился к часовне, два протоиерея вынули из кивота несенную в крестном ходу чудотворную икону Божией Матери “Умиление” и передали ее преосвященному Иннокентию, который осенил ею народ на четыре стороны”.¹⁸

Благодаря канонизации Преподобного, слава его келейной иконы вышла за границы Серафимо-Дивеевского монастыря. Уже в 1904 г. Московский Духовно-Цензурный Комитет дозволил к печати литографию “Копия с чудотворной иконы Божией Матери Умиление”, изданную в Серафимо-Дивеевском монастыре. С этого же времени икона начинает часто упоминаться как чудотворная в церковной литературе,¹⁹ хотя и не входит в “Месяцесловы”, издаваемые по благословлению Святейшего Синода.

Вопрос о том, почему икона, чудеса которой неизвестны,²⁰ а чудодейственность не была признана официальной Церковью, стала широко почитаться как чудотворная, может быть понят о помощью разъяснения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония, который в 1903 г. доказывал справедливость канонизации Серафима Саровского сомневающимся: “У святого человека все свято и чудодейственно, даже тень, даже одежда, а не одно только тело или кости (...) Даже прах, по которому ступали ноги святого человека, приобретает целебную силу. Так и после святого старца Серафима земля с его могилы, камень, на котором он молился, вода из источника, который он вырыл, почитаются как святые и (...) чудодейственные”.²¹ Эти слова вполне объясняют, почему одновременно с канонизацией Серафима Саровского произошло неофициальное, но широкое признание чудотворности его келейной иконы. Почитание святой реликвии старца совершенно естественным образом соединилось как со славой Преподобного, так и со всеобщим культом почитания чудотворных икон Богоматери на Руси.

В Серафимо-Дивеевском монастыре отмечались местные праздники в честь иконы “Богоматери Умиление”: 28 июля - на церковный праздник в честь иконы “Богоматери Устюженской-

Смоленской Одигитрии”, именуемой “Умиление”, и 9 декабря - на день Зачатия праведной Анны. Серафимом Чичаговым была составлена особая служба в честь иконы “Богоматери Умиление”.²² До наших дней дошли два Акафиста Пресвятой Богородице в честь Ее иконы “Серафимо-Дивеевской Умиление”. Авторство и время составления первого неизвестны, однако по некоторым указаниям в тексте можно определить, что он читался сестрами в Серафимо-Дивеевском монастыре.²³ Второй Акафист написан около 1926 г. в Нижнем Новгороде митрополитом Нижегородским - будущим Патриархом Сергием (Страгородским) в бытность его заместителем Патриаршего Местоблюстителя.²⁴

В 1905 г. в Серафимо-Дивеевском монастыре был заложен огромный теплый собор, который предполагалось освятить в честь иконы “Богоматери Умиление” и Преподобного Серафима. В 1915-16 гг. он был построен и расписан. Освящение было намечено на февраль 1917 г., однако из-за неготовности отопительной системы отложилось на год. По известным причинам собор так и не был освящен. В 1927 г. монастырь был закрыт.

Муромский краевед А. А. Епанчин указывает, что после закрытия Серафимо-Дивеевского монастыря икона “Богоматери Умиление” находилась в Муроме у высланных монахинь, а в 1981 г. была передана Святейшему Патриарху Пимену.²⁵ Эти сведения подтверждает Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай, который лично принимал иконы, оставшиеся после смерти последней из дивеевских монахинь, живших в Муроме. Иконы были переданы представителю Патриарха отцу Виктору (Шаповальникову). Среди них был образ “Богоматери Умиление” на оправленном в раму холсте, который в настоящее время находится в Патриаршей домовый Крестовой церкви. Утверждать, что сохранившийся образ и есть келейная икона Преподобного Серафима Саровского, можно будет после сравнения его с фотографиями, выполненными с серафимовой иконы в 1904 г. нижегородским фотографом М. П. Дмитриевым.²⁶

Уже в советское время в церковные месяцесловы стал включаться день празднования в честь иконы “Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление” - 28 июля, правда, с ошибочным указанием года прославления - 1885. Эта дата явно позаимствована у чудотворного образа “Богоматери Серафимо-Понетаевской Знамение”, которая была канонизирована в 1885 г. указом святейшего Синода по ходатайству Нижегородской духовной консистории после обстоятельного расследования случаев чудесных исцелений комиссией священников в присутствии чиновника полиции и врача, с приведением к присяге исцеленных и очевидцев.²⁷ Именно в сравнении с историей официального прославления иконы “Богоматери Серафимо-Понетаевской” ярко проявляется своеобразие церковного признания образа

“Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление”, которое складывалось неразрывно с культом Преподобного Серафима Саровского и, в сущности, не получило самостоятельного канонического оформления.

Пока автору не удалось выяснить, когда именно празднование в честь иконы “Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление” было внесено в православный месяцеслов. Предположительно, это могло произойти во время управления Русской Православной Церковью митрополитом (позднее - Патриархом) Сергием (Страгородским) (1925-1944 гг.), который отвергал всякий формализм в канонических вопросах и считал, что лучшими формами церковной жизни будут те, что “создаст себе сама жизнь”, а задача Высшей канонической власти “только убрать заметные нам препятствия и открыть для жизни возможность свободного развития”.²⁸

* * *

Представляется необходимым дать некоторые разъяснения по поводу названия, иконографии и семантики образа “Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление”.

Искусствовед И. К. Языкова высказывает следующее суждение: “Термином “Умиление” иногда называют икону, которая принадлежала преп. Серафиму Саровскому. Однако это совсем неверно. Правильное название келейной иконы преп. Серафима “Невеста Невестная”.²⁹ В самом деле, название “Умиление” не отражает иконографического типа иконы “Богоматери Серафимо-Дивеевской”. Однако, говоря о “правильности” названия образа, необходимо учитывать, что именование конкретной иконы - это скорее вопрос традиции и истории бытования образа, чем его четкого иконографического определения. В рассматриваемом случае название “Умиление” - не “термин”, а историческое имя иконы. Слово «Умиление» является не вполне точным, но образным переводом греческого “Елеуса” (“Милующая”, “Милостивая”). В древности имя “Елеусы” служило эпитетом Богоматери и, строго говоря, к типу не относилось. Название “Елеуса” или его русский аналог “Умиление” иногда могли быть приложимы к другим иконографическим типам Богоматери, например, “Одигитрии” (и наоборот) или “Агиосоритиссы”.³⁰ В широком смысле именование Серафимовой иконы “Умиление” не грешит против традиции.

На иконе “Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление” были воспроизведены слова древнего Акафиста Пресвятой Богородице - “Радуйся, Невесто Невестная”, являющиеся поэтической интерпретацией евангельского приветствия архангела Гавриила Деве: “Радуйся, Благодатная” (Лк.1, 28). П. Флоренский писал: “Икона Умиление замечательна тем, что на ней

Богоматерь изображена без “младенца и даже до Его зачатия, - в момент “Архангельского обрадования”, то есть как Пречистый Сосуд Духа Святаго. Пред нею у преподобного Серафима было возжжено семь светильников, занимавших почти вою келию, - а это опять знаменует Духа Святаго в Его семи дарах - семи высших духах. Преподобный заповедал называть икону Умиление - Радостью всех радостей”.^{3.1} Предлагаемое И. К. Языковой название иконы “Невеста Невестная”, как и именованье ее Преподобным Серафимом “Радость всех радостей” являются декоративными эпитетами и соответствуют более общему названию - “Благовещенская”, как православная традиция именует протограф Серафимовой иконы - образ “Богоматери Виленской-Остробрамской”. Очевидно, что отнюдь не случайно за келейной иконой Преподобного закрепилось название “Умиление”, смысл которого - “чувство смиренья, сокрушенья, душевного участия”,^{3.2} т.е. то состояние, которое выразила Мария в словах: “Се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему” (Лк.1,38). Не исключена связь названия “Умиление” с латинским именованьем одного из типов Мадонны “dell’ Umilta” - смиренная, кроткая, покорная девушка, “Дева Господня”.^{3.3}

Представляется весьма спорной попытка И. К. Языковой определять иконографический тип иконы “Богоматери Серафимо-Дивеевской” и ее протографа “Виленской-Остробрамской”: “Образ Богоматери явлен здесь в момент принятия Ею Благой вести (...) Положение рук, скрещенных на груди (жест смиренного молитвенного поклонения) семантически близок жесту Оранты. Следовательно, этот иконографический вариант можно отнести к типу “Знамение”.^{3.4}

Поскольку тип молящейся Богоматери со скрещенными на груди руками неизвестен ни в византийской, ни в древнерусской иконописи, в отличие от католического искусства, где подобные изображения Девы Марии появились не позднее XIV в., необходимо прояснить вопрос о том, правомерно ли вообще толкование образа, имеющего инославное происхождение, в системе православной традиции. Очевидно, этот вопрос снимается самим фактом воцерковления такого образа. Л. А. Успенский, несмотря на негативное отношение к “искусству, заимствованному из римокатоличества и чуждому догматическим предпосылкам и духовному опыту православия”, признавал, что “такой образ, если, конечно, по своему иконографическому сюжету он не содержит противоречия православному вероучению, то есть не еретичествует, может послужить основанием к появлению нового типа канонической иконы (...), то есть быть воцерковлен”.⁵⁵

Однако факт воцерковления инославного образа, как нам представляется, не дает оснований относить его к традиционным иконографическим типам православной иконы только по признаку

семантической близости. Здесь необходимо учитывать существенные различия между понятиями церковного образа в православном и католическом искусстве. Православие всегда утверждало икону как равнозначный слову Евангелия путь спасения. Вероисповедный аспект православного образа predetermined традиционнo догматическое отношение к иконному изображению, поэтому православная иконография имеет устойчивую каноническую основу. В отличие от православного, католическому искусству присуща свободная трактовка художественных образов. Очевидно, что для поздних православных икон, заимствованных из западного искусства и ставших каноническими, должна быть разработана особая типологическая система. Сложность иконографической типологии таких образов заключается именно в отсутствии канонической связи между иконографией (выражением, знаком) и семантикой (содержанием, истолкованием знака).

Образ молящейся Богоматери со скрещенными на груди руками в католическом искусстве изначально не являлся самостоятельным иконографическим типом и, благодаря универсальному выражению молитвенного состояния, использовался в целом ряде различных композиций - “Благовещение”, “Коронование Марии”, “Непорочное Зачатие” (реже - “Рождество”, “Сошествие Святого Духа”, “Страшный Суд”), а также “Распятие”, наряду с широким использованием в названных сюжетах и других типов изображений Богоматери. Образы Девы Марии со скрещенными на груди руками, являющиеся усеченными вариантами этих композиций, могут быть иконографически очень близки и при этом иметь различное содержание. Их семантика может выявляться как эмоциональной трактовкой образов, так и дополнительными атрибутами, например, наличием парного изображения архангела Гавриила^{3.6} или изображением раскрытой книги^{3.7} (“Vergine Annunziata” - “Богоматерь Благовещения”), изображением полумесяца^{3.8} (тип Богоматери “Immacolata”, являющийся усеченным вариантом композиции «Непорочное Зачатие»), наличием парного изображения страдающего Христа^{3.9} или изображением мечей либо орудий Страстей Господних^{4.0} (разновидности типа “Mater Dolorosa” или “Addolorata” - “Скорбящая Богоматерь”).

Польская исследовательница М. Каламайская-Саид относит протограф серафимовой иконы - образ “Богоматери Виленской-Остробрамской” к типу “Immacolata”,^{4.1} т.е. выводит его из иконографии “Непорочного Зачатия”, возникшей в западно-европейском искусстве в первой половине XVI в. Вероятно, в определении М. Каламайской-Саид типа “Богоматери Виленской-Остробрамской” роль опознавательного знака сыграла серебряная вота в виде полумесяца, помещенная на оклад иконы в 1894 г. Однако на

самом образе изображения полумесяца, видимо, не было, судя по двум спискам, сделанным до 1849 г. - иконе «Богоматери Серафимо-Дивеевской» и списку из собрания Белгосмузея истории религии в г. Гродно.⁴² Да и сама трактовка образа Богоматери со смиренно склоненной главой, трехчетвертным поворотом вправо статичной фигуры, выражением кроткого и сосредоточенного внимания позволяют склониться скорее к традиционному православному пониманию иконы как «Благовещенской», чем к отнесению ее к типу «Immaculata», для которого более характерны мистическая экзальтированность в трактовке образа Девы Марии и передача состояния устремленности Богоматери к небесам. Кроме того, на ряде списков образа «Богоматери Виленской-Остробрамской» Дева Мария предстает в красном платье и голубом плаще, в то время как Богоматерь «Immaculata» изображалась в белом платье и голубом плаще.⁴³ Иконографическая тема «Непорочное Зачатие» возникла в XVI в. на основе уже несколько веков разрабатывавшейся католическим искусством иконографии «Вознесения Марии». Это родство тем отнюдь не случайно: выражаемые ими учения о изначальной непричастности Девы Марии первородному греху, а, следовательно, смерти, и Телесного Вознесения Богоматери имеют неразрывную теологическую связь.⁴⁴ Доктрина о Непорочном Зачатии имела широкое признание в католическом мире, хотя и была окончательно оформлена в качестве догмата лишь в 1854 г. В XVI - XVII вв. учение о Непорочном Зачатии

распространилось о помощью униатства в южно-русской Церкви. В вышедшей в 1689г. первой книге Четых Миней Димитрия Ростовского в «Слове на Рождество Пресвятой Богородицы» содержалось мнение о Непорочном Зачатии Богоматери. Патриарх Иоаким оценил это нововведение как «мудрование латинумудрствующих» и повелел внести в текст исправления.⁴⁵ Учение о Непорочном Зачатии было отвергнуто Православной Церковью.

В любом случае, независимо от происхождения иконографии «Богоматери Виленской-Остробрамской», «еретической» образ, воплощающий католическое учение о Непорочном Зачатии, не мог быть воцерковлен Православной Церковью. Только истолкование содержания иконы как «Благовещенской» позволило включить ее в число почитаемых православных икон.

Для обозначения типа иконы «Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление» и ее протографа - образа «Богоматери Виленской-Остробрамской» в системе поздней православной иконографии представляется возможным воспользоваться уже сложившимся названием - «Благовещенская». К типу «Богоматери Благовещенской», по нашему мнению, можно отнести и позднюю православную икону «Богоматери Калужской», тоже генетически связанную с западной иконографией «Благовещения». Несмотря на иконографические различия, эти образы содержательно близки, являя Богоматерь в разные моменты сцены «Благовещения».

¹ Пророчества Преподобного Серафима Саровского // Угодник Божий Серафим. М., 1993. Т. 2. С. 158.

² Серафим (Чичагов), архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 500.

³ Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. М., 1884. С. 7 - 8.

⁴ Об иконе «Богоматери Виленской-Остробрамской» см.: Корнилова Л. А. Страницы белорусской мариологии: Жировичская, Бельничская и Остробрамская иконы Богоматери // Сборник Калужского художественного музея. Вып. 1. Калуга, 1993. С. 41 - 46.

⁵ Житие Преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Серафим (Чичагов), митрополит. Да будет воля Твоя. М.-СПб., 1993. Ч. 2. С. 231 - 232.

⁶ Житие старца Серафима. С. 79.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Там же. С. 85; Серафим (Чичагов). Летопись... С. 157 - 158.

⁹ Житие старца Серафима. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 206.

¹¹ Серафим (Чичагов). Летопись... С. 261.

¹² Житие старца Серафима. С. 157.

¹³ Серафим (Чичагов). Летопись... С. 442.

¹⁴ Там же. С. 221.

¹⁵ Там же. С. 220 - 221.

¹⁶ Там же. С. 725 - 727.

¹⁷ Снежницкий А. Адрес-календарь Нижегородской Епархии. Н. Новгород, 1888. С. 285.

¹⁸ Открытие и прославление мощей Святого Преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в присутствии Их Императорских Величеств // Угодник Божий Серафим. М.,

1993. Т. 1. С. 217.

¹⁹ Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904. С. 319; Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон / Под ред. Поселянина Е. СПб., 1909. С. 788; Православные русские обители. СПб., 1910. С. 370; Нилус С. Великое в малом. Сергиев Посад, 1911. Переиздано: Новосибирск, 1994. С. 93.

²⁰ В литературе упоминается лишь одно чудо от иконы «Богоматери Умиление» - исцеление глухонемой девочки 16 июля 1903 г., во время торжеств прославления Преподобного Серафима Саровского // Угодник Божий Серафим. Т. 1. С. 237 - 238. Однако икона из Серафимо-Дивеевского монастыря была принесена в Саров лишь 17 июля. По-видимому, в истории о чуде речь идет о списке, специально написанном для Саровского пустыни к открытию мощей чудотворца - см.: Серафима (Булгакова). Дивеевские предания // Угодник Божий Серафим. Т. 2. С. 90.

²¹ Антоний, митрополит. Необходимое разъяснение // Святой Серафим Саровский чудотворец. Н. Новгород, 1991. С. 45.

²² Серафима (Булгакова). Дивеевские предания. С. 60 - 61.

²³ Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь Святыя иконы Ея Умиление // Угодник Божий Серафим. Т. 1. С. 292 - 299.

²⁴ Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь иконы Ея, именуемая Умиление Серафимо-Дивеевская // Угодник Божий Серафим. Т. 1. С. 300 - 306, 359.

- ²⁵ Епанчин А. А. Забытые святые и святые Муром // Муромский сборник. Муром, 1993. С. 94.
- ²⁶ ГАНО. Фотоотдел, фотонегативы №№ 1703, 1704.
- ²⁷ Снежницкий А. Адрес-календарь Нижегородской Епархии. С. 931 - 935.
- ²⁸ Питирим (Нечаев), епископ. Патриарх Сергей в истории восстановления патриаршества // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 5. С. 63 - 71. Цит. по: Русская Православная Церковь. 988 - 1988. Вып. 2. Очерки истории 1917 - 1988 гг. М., 1988. С. 44 - 45.
- ²⁹ Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1995. С. 96.
- ³⁰ См.: Вербицкий С. Иконография Богоматери. Елеуса (Умиление) // Наука и религия. 1992. № 6/7. С. 42 - 43; он же. Иконография Богоматери. Агиосоритисса (Деисусная) // Наука и религия. 1992. № 12. С. 25.
- ³¹ Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 763 - 764.
- ³² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. С. 493.
- ³³ Автор благодарит за это указание искусствоведа П. П. Балакина. См.: Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 286.
- ³⁴ Языкова И. К. Указ. соч. С. 99.
- ³⁵ Успенский Л. А. Богословие иконы Православной церкви. Коломна, 1994. С. 409 - 410.
- ³⁶ См., например, парные “Мадонна” и “Архангел Гавриил” Г. Рени (1630-е гг.) из собрания Павловского дворца-музея. - Стадничук Н. И. Итальянская и испанская живопись XVI - XVIII вв. в Павловском дворце-музее // Музей 10. Художественные собрания СССР. М., 1989. С. 228.
- ³⁷ См., например, “Богоматерь Благовещения” А. да Мессина (1473 г.) из Баварских государственных художественных собраний, Мюнхен. - Antonello da Messina. Peruzza, 1986. Tab. X; Katalog der Gemaltesammlung der Kgl alteren Pinakothek in Munchen. Munchen, 1908. S. 219 (1029-a).
- ³⁸ См., например, поясное изображение Девы Марии на картине “Непорочное зачатие” Б. Е. Мурильо (сер. XVII в.) из коллекции Музея Прадо, Мадрид. - Prado-Museum. Spanische Malerei. Barcelona, 1994. - S. 62.
- ³⁹ Например, парные “Страдающая Богоматерь” и “Несение креста” Б. Луини (до 1532 г.) из собрания Музея Польди Пеццоли, Милан. - Marani P. C. Leonardo e i leonardeschi nei musei dell Lombardia. Milano, 1990. P. 150.
- ⁴⁰ Эти разновидности иконографии “Mater Dolorosa” хорошо известны в поздней русской иконописи в изводах “Симеоново проречение”, “Семистрельная”, “Умягчение злых сердец”, “Плач при кресте”.
- ⁴¹ Корнилова Л. А. Указ. соч. С. 44.
- ⁴² Сборник Калужского художественного музея. Вып. 1. Табл. 12.
- ⁴³ См.: Большой путеводитель по Библии. С. 287.
- ⁴⁴ См.: Табак Ю. Православие и католичество. М., 1995. С. 9 - 22.
- ⁴⁵ Круминг А. А. Четырнадцать святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания // Филевские чтения. М., 1994. Вып. IX. С. 15 - 17.

Е. В. Цанаева

ИКОНА “НИКОЛА ГОСТУНСКИЙ” В СОБРАНИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

В 1993 г. в темперный отдел ВХРНЦ им. И. Э. Грабаря из Муромского историко-художественного и мемориального музея поступила на реставрацию икона “Никола в житии”,¹ написанная на липовой доске, состоящей из трех частей, с двумя врезными шпонками и ковчегом. Живопись находилась под слоем потемневшей олифы. Набитый на поля басменный серебряный оклад растительного орнамента с сильно потертой позолотой имел утраты и деформации, на нижнем поле наблюдались разрушения грунта и паволоки. Средник иконы был закрыт окладом из полос басмы с чешуйчатым узором, поверх которого крепились две серебряные пластинки с потертыми, почти не читаемыми надписями. По периметру средник обрамляли деревянные профильные рейки на кованых гвоздях.

Икона была передана в работу реставратору Е. И. Бучило. Пробные расчистки показали, что авторская живопись находится под слоем прописей, местами сплошных. В частности, под записью оказались кресты на омофоре, правая благословляющая рука Николы, перстосложение которой изменилось после раскрытия, а также надписи в клеймах. Когда с поверхности средника был снят басменный оклад и удалена сильно сгрибившаяся олифа со следами плесени и загрязнений, обнаружилась лежащая на авторском

живописном слое надпись, выполненная листовым золотом - “ОАГИОС НИКОЛАЕ ГОСТУНСКИЙ”, что явилось настоящим открытием и послужило стимулом к началу изучения иконы. Обоснованность проявленного интереса и необходимость дальнейших исследований стали очевидными по окончании реставрационных работ, когда перед нами предстало редкое по иконографии произведение XVII в.² И уже первое знакомство с памятником выявляет ряд его любопытных особенностей.

При вполне классических пропорциях доски (124,5 x 99 см) средник иконы композиционно уменьшен по отношению к клеймам, отчего изображение кажется затесненным; этому способствует и темная рамка золотого с черным орнамента. Явно не соответствующими друг другу по времени кажутся клейма и средник. Образ Николы поражает своими иконографическими особенностями. Он не похож на традиционный узнаваемый лик святого с высоким, несколько расширенным округлым лбом. Строгость, аскетизм, почти суровость образа кажутся восходящими к древнему прототипу. Вытянутый овал лица, длинный тонкий нос, крупные удлиненной формы глаза с неподвижным взглядом под высоко поднятыми дугообразными бровями, рельефная проработка морщин на лбу, выпуклостей щек сочетаются с декоративизмом графической прорисовки белильных

завитков волос, усов и бороды. Контрастом по сравнению с пластически разработанным ликом святого смотрится яркая декоративно-плоскостная крестчатая фелонь, сквозь которую просвечивает кажущийся голубоватым черный рисунок по левкасу. Средник окружен шестнадцатью достаточно крупными клеймами со сценами жития Св. Николая Чудотворца. Состав и порядок клейм вполне традиционны и не содержат каких-либо редко встречающихся сюжетов из жития святого. В то же время по своей стилистике живопись в клеймах явно следует какому-то иному подлиннику, имея в основе, вероятно, живописный прототип XVI в., о чем свидетельствуют и архитектурные формы, используемые в качестве фона, и характер компоновки фигур внутри каждого клейма.³ В основе цветового решения иконы лежит теплый охристый колорит, преобладающий не только в личном письме, но и на нимбах, фоне средника и клейм. Вероятно, причиной подобной цветовой неразработанности фонов, а также отсутствия золочения нимбов (при том, что золото использовалось в написании орнаментов и одежды) являлся заведомый расчет на использование басменных накладок не только в среднике, но и в клеймах, и басменных же или чеканных венчиков. Однако по неизвестной причине, возможно материального порядка, этот первоначальный замысел не был осуществлен.

Ограничившись достаточно беглой характеристикой иконы, перейдем теперь непосредственно к ее истории.

Как известно, Николай Чудотворец был одним из самых почитаемых на Руси святых; его первые изображения появляются уже в XI в., а в дальнейшем складывается и иконография. Однако среди множества изводов Св. Николы наиболее известными и широко распространенными стали лишь несколько: поясное изображение святителя с закрытым и (реже) раскрытым Евангелием, “Никола в житии”, “Никола Можайский”, “Никола Зарайский”. Менее известны такие изводы как “Никола Бабаевский”, “Никола Великорецкий”, “Никола Теребинский” и некоторые другие. В этот ряд попали и изображения Николы Гостунского, хотя в свое время этот образ был знаменит и почитаем не менее, чем другие.

Наиболее полно история Николы Гостунского изложена в книге четвертой “Чтений в императорском обществе истории и древностей российских” за 1861 г., где подробно пересказывается местное предание о происхождении образа, название которого - “Гостунский” - связано, как это и бывает, с тем местом, где икона была обретена. Согласно легенде, именно в селе Гостуни, расположенном на правом берегу Оки, в устье речки Гостунки, между городами Белевом и Лихвином, и произошло чудесное явление иконы святителя Николая. Время обретения иконы определено в этих рассказах как “глубокая древность”.⁴ На самом же деле это произошло, по-видимому, в конце XV -

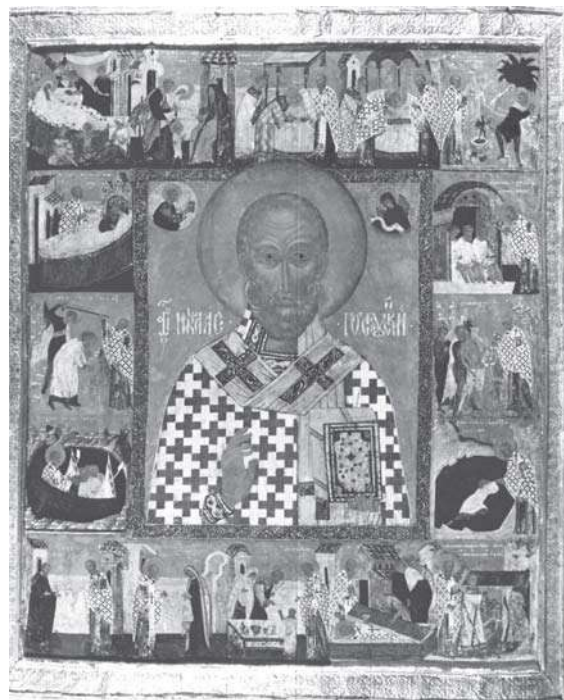

Рис.1. Никола Гостунский в житии.
Первая четверть XVII в.

начале XVI в., т. к. уже в это время образ прославился происходившим от него чудесами исцеления больных и немощных; и слава его была так велика, что великий князь Василий III приказал перенести икону в Москву, что и было сделано, вероятно, в 1506 г. В Гостуни же осталась, как свидетельствует предание, “точная копия с явленной” иконы.⁵ Удивительным образом это событие совпадает хронологически с близкими ему по характеру “явлениями” и перенесениями других икон Св. Николы. Достаточно назвать уже упомянутого Николу Бабаевского, в честь “явления” которого в 1500 г. был основан Николо-Бабаевский монастырь, или же торжественное перенесение из Зарайска в Коломну в 1513 г. “чудотворной иконы” Николы Зарайского. Обретение и перенесение икон сопровождалось в основанные по этому случаю монастыри, построенные в честь них храмы. Не меньших почестей был удостоен и чудотворный образ, обретенный в Гостуни. По приказу Василия III каменный храм Николы Гостунского был построен в Кремле. Летопись повествует об этом так: “Лета 7014 (1506), повелением Великого Князя Василия Иоанновича всея России, в граде Москве заложилша церковь кирпичную святого и великого Чудотворца Николая Гостунского и совершилша тоя церковь... в девяную неделю 7015 года, Октомвриа в 1 день... и постави Князь Великий Василий Иоаннович в ту церковь икону святого и великого Чудотворца Николая Гостунского, которая принесена с Гостунки речки, и украсив ю камением драгим, от нея же много исцеления тогда быша, и бываю и доньне с верою приходящим”.⁶ Итак, с 1506 г. икона “Николы Гостунского” становится храмовым образом церкви,

возведенной на Ивановской площади Кремля. Уже с этого времени она широко известна, и, вероятно, с нее делаются списки. Одним из таких более поздних списков и является по-видимому, “Никола Гостунский” Муромского музея.⁷

Как же выглядела прославленная чудотворная икона? Источники прошлого и начала нынешнего века очень скупы. Снегирев характеризует ее как икону “древнего греческого пошиба, с деянием”.⁸ Более интересное свидетельство можно отыскать в книге Вознесенского и Гусева “Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца”..., изданной в конце XIX в., где помимо описания иконы: “святитель в полроста, с деяниями по его сторонам, в среброзлащенной ризе, украшенной разноцветными камушками”, есть такая фраза: “ великий свидетель всей прежней и нынешней славы Чудотворца в Кремле - его чудотворный образ “гостунский”⁹ . Это словосочетание “образ “гостунский” косвенно может подтвердить предположение о существовании в Кремле иконы с надписью “гостунский”.

Логично было прийти к заключению о том, что находившаяся в Кремле на протяжении четырех столетий икона (или ее поздняя реплика) возможно сохранилась и поныне и поможет уточнить иконографию и историю муромского Николы Гостунского. И, действительно, как оказалось, в фондах музеев Московского Кремля хранится икона, происходящая из Николо-Гостунского собора. Широкому кругу исследователей она вряд ли известна, так как никогда не публиковалась.¹⁰ Знакомство с этой иконой, которое представлялось завершающим этапом поисков, на самом деле не разрешило возникших вопросов, но добавило новых. Сравнение двух памятников выявило как несомненные черты сходства, так и существенные отличия. Размеры кремлевской иконы - 110 x 90 см - несколько меньше, чем муромской, а соотношение клейм и средника более классическое. Самое поразительное в иконах - близость трактовки образа Николы, в особенности лика, общего абриса фигуры, жеста правой руки. С уверенностью можно утверждать, что в их основе лежит один подлинник, несмотря на парадоксальность возникшей ситуации, когда поздний муромский список оказался более древним, чем предполагаемый прототип. Это произошло оттого, что средник кремлевской иконы до сих пор находится под записью XVIII в., в живопись муромской раскрыта и датируется первой половиной XVII-го. Причины, по которой реставрация иконы не была завершена, ограничившись лишь расчисткой клейм, нам установить не удалось; возможно, она связана с проблемой сохранности личного письма. Тем не менее, запись настолько точно повторяет рисунок нижележащего слоя, отличаясь лишь трактовкой, характерной для более позднего времени, что не возникает сомнений в том, что средник муромской

иконы - либо список с кремлевской, либо обе они - повторения одного образца. Конечно, преждевременно делать какие-либо выводы до окончания реставрации “Николы” из музеев Московского Кремля. Однако сравнительный анализ композиционного и цветового решения муромского и кремлевского “Николы” свидетельствуют об их существенном различии, которое проявляется и в иной последовательности сюжетов, и в выборе архитектурного антуража, и в пропорциях фигур - более приземистых в московской иконе - и в манере письма. Кремлевскую икону датируют серединой XVI в., и, таким образом, она вряд ли является той самой реликвией начала XVI столетия, которая скорее всего была утрачена или заменена с течением времени списком, либо другой иконой. Так или иначе, выявленные закономерности позволяют говорить о “Николе Гостунском” как об одном из иконографических вариантов “Святого Николы” с достаточно устойчивыми чертами, которые повторялись во всех последующих репликах, возможно, существующих до сих пор, но нам не известных.

Размышляя над проблемой соответствия списка подлиннику, отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Как мы помним, при переносе чудотворной иконы в Москву в Гостуни осталась ее точная копия, о которой источник второй половины XIX в. повествует, что написана она “на липовой доске древним Греческим пошибом. Лик Чудотворца выразителен и величествен”. А мерою она “в длину 1 аршин 12 вершков”.¹¹ Несложные подсчеты показывают, что длина, т. е. высота этой иконы составляла 124,5 см, что в точности соответствует размеру “Николы Гостунского” из Муромского музея и не соответствует размеру кремлевского “Николы”. Итак, являлась ли икона Муромского музея копией непосредственно с чудотворной, была ли сделана со списка или прориси - по этому поводу можно выдвигать пока лишь различные версии.¹²

Существует еще один важный аспект проблемы: когда и почему икона “Николы Гостунского” попала в Муром. Известно, что происходит она из Троицкого собора Муромского Троицкого женского монастыря, откуда и поступила в музей в 1930 г. Троицкая каменная церковь была построена в 1642 - 43 гг. на средства богатого муромского купца Богдана Цветного; ранее же на ее месте стояла деревянная шатровая церковь “Живоначальная Троицы”, откуда, как предполагается, и была перенесена вместе с другими в новый каменный храм икона “Св. Николы”. В своей публикации “Древности Муромского Троицкого монастыря” О. А. Сухова впервые рассматривает упоминаемый в писцовых книгах Мурома перечень икон как местный ряд иконостаса придела Бориса и Глеба Троицкого собора.¹³

Из опубликованных в различных источниках материалов Писцовых книг Мурома выделим лишь

интересующие нас упоминания об иконе “Св. Николы”, т. к. это может пролить свет на ее происхождение и датировку. В писцовой книге 1624 г. дано описание приходской Троицкой церкви в года Муроме, где упомянут “в приделе святых страстотерпцев Бориса и Глеба Божия Милосердия” среди прочих икон “образ великого чудотворца Николы, обложен серебром басменным, венец басменный же”. Далее в тексте есть любопытное свидетельство: “И церкви, и в церквах Божия Милосердия образа, и свечи поставные, и сосуды церковные, и ризы, и колокола - все церковное строение муромца торгового человека Бориса, Семенова сына, Цветнова, да сына его Богдана”.¹⁴ Интерпретировать этот текст можно таким образом, что все иконы, в том числе и “Никола Гостунский”, могут быть связаны с именами отца и сына Цветновых (или Цветных) как их заказчиков. Принимая во внимание тот факт, что согласно указу царя Михаила Федоровича, уже в двадцатые годы Богдан Цветной состоит в “московской сотне” и живет в столице, можно сделать предположение о его непосредственном участии в поставлении образа Николы Гостунского в тогда еще деревянную церковь Троицы. Ни опись 1624 г., ни опись 1637 г. не упоминают о том, что это житийная икона. Более ста лет спустя, в 1766 г., Владимирской духовной консисторией была проведена сверка имущества Троицкого монастыря по более ранней описи 1731 г., и здесь впервые упомянут “образ Николая Чудотворца в житии, венцы и цаты серебряные, на них шесть камней”.¹⁵ Как и все ранние источники, описи отличаются достаточно поверхностным перечнем предметов. Ни в одной из них Никола не назван “Гостунским”, а это было принципиально важно, по-видимому, не только на стадии заказа иконы, но и в период ее первоначального бытования. Достаточно обратить внимание на то, что надпись, скрытая под басменным окладом, была сдублирована

на серебряных пластинках, набитых поверх него. Почти угасшая, она все-таки читается и сейчас.¹⁶

Почему же составители описей пренебрегли этим существенным обстоятельством? Можно предположить, что либо прославившейся в Москве образ не имел подобной известности в Муроме, где существовали издавна свои местночтимые святые, либо же надписи на иконе всеми почитаемого Николы Чудотворца не придавали особого значения. Для нас же идентификация иконы принципиально важна, поскольку упоминание ее в исторических источниках сдвигает датировку на первую четверть XVII в.

Возможно, именно это хронологическое уточнение прольет свет на причину использования на полях и среднике “Николы Гостунского” басменного оклада, скорее всего, с другой иконы и на то, почему все-таки не были изготовлены венчики и басменные накладки для клейм.¹⁷ Вероятно, это могло быть связано с тяжелым положением Муром в десятилетия - двадцатые годы (время предполагаемого написания иконы), которое Масленицын характеризует как “разруха и запустение”.¹⁸ И, наверное, не случайно выполненная по заказу муромского купца для его родного города икона “Св. Николы Гостунского” повторяла именно прославленный в то время образ святого-защитника, целителя и покровителя, к помощи и заступничеству которого мог прибегнуть человек любого сословия.

Что же касается происхождения иконы, то его следует связать, по-видимому, также с Москвой, тем более, что стилистически близкие аналоги ей можно отыскать скорее среди московских памятников, чем среди муромских.

Подводя итог, отметим, что изложенный в сообщении материал далеко не исчерпывает весь круг проблем, возникающих в связи с этим интересным памятником, и предполагает его дальнейшее изучение.

¹ Инв. № М-5198. Спец. № 105; КП ВХНРЦ - 3615/25др.

² См.: фото после реставрации.

³ Достаточно упомянуть для сравнения икону Рублевского музея “Никола Зарайский с житием” 1551 - 1552 гг., ряд клейм которой узнается почти как дословные “цитаты” в иконе Муромского музея. Воспр. в книге А. А. Салтыкова “Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева”. Л., 1981. Ил. 117, 118.

⁴ Село Николо-Гостунское с его древностями // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1861. М., 1861. Кн. IV. С. 189.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же. С. 189 - 190.

⁷ История Николо-Гостунского храма, а вместе с ним и чудотворной иконы богата событиями и полна перипетий. Известно, что церковь освящалась дважды - после постройки и затем в 1555 г. при Иване Грозном, вероятно, после пожара. С этим храмом связано имя первопечатника Ивана Федорова, служившего в нем дьяконом некоторое время. В храмовые праздники здесь всегда служили митрополиты и патриархи, сюда приходили молиться

русские цари, а Петр I, по преданию, не выезжал из Москвы, не поприступав на молебне Св. Николаю Гостунскому. Собор существовал на территории Кремля до 1816 г., когда при Александре I этот храм “как делающий безобразие Кремлю” был в одну ночь (по некоторым источникам) разобран, а на его месте была устроена плац-парадная площадь. Вся утварь и иконы, а также часть мощей св. Николая были перенесены из бывшей Гостунской церкви на Ивановскую колокольню, где и находился впоследствии Николо-Гостунский собор. (Подробнее об истории собора можно прочесть у И. Забелина в его “Истории города Москвы”. М., 1902. Ч. I. Глава “Никола Гостунский”. С. 210 - 218; а также у И. Снегирева в “Памятниках Московской древности”. М., 1842 - 1845. С. 115 - 117).

⁸ Снегирев И. Указ. соч. С. 117.

⁹ Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1899 // Житие и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его в России. СПб. 1994. С. 421.

¹⁰ Выражаю искреннюю благодарность хранителю фонда древнерусского искусства Музеев Московского Кремля

Н. Д. Маркиной за предоставленную мне возможность ознакомиться с иконой.

¹¹ Село Николо-Гостунское с его древностями. С. 191.

¹² К сожалению, неизвестна судьба иконы из Гостуни, хотя в источниках встречаются чрезвычайно любопытные сведения о ее поновлении в XVII в. См.: Успенский А. Царские иконописцы и живописцы. М., 1910. Т. I. С. 75.

¹³ Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения - П. М., 1994. С. 138 - 142.

¹⁴ Травчетов Н. П. Материалы для истории Муромского Троицкого женского монастыря // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. 5. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ При этом отмечается даже разница в орфографии: если в надписи на иконе “ъ” помещен между “т” и “у”, то на пластинке - между “н” и “с”.

¹⁷ Выражаю признательность художникам-реставраторам temperного отдела Бучило Е. И. и Савину С. В. за ценные замечания относительно технико-технологических особенностей данной иконы, выявляющие индивидуальную манеру и приемы мастера, а также ряд принципиальных моментов, связанных с датировкой памятника.

¹⁸ Масленицын С. И. Муром. М., 1971. С. 19.

М. С. Трубочева

ЖИТИЙНЫЙ ОБРАЗ ЛЕОНТИЯ РОСТОВСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

Это исследование посвящено редкой по содержанию иконе XVII в. “Леонтий Ростовский, с житием” из собрания Муромского музея, только что отреставрированной в ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря¹ (илл. 1).

На охряном фоне средника изображен в рост с Евангелием, святой Леонтий - епископ Ростова Великого (скончался в 70-х гг. XI в.). Вокруг центрального образа, обозначенного надписью “Стый Леонтий Ростовский чудотворец”, расположены двадцать четыре клейма, прославляющие его. Между средником и клеймами, как бы по внутренней филенке темно-красного цвета, с трех сторон помещен текст тропаря, выполненный так же, как и текст на фоне, вязью: “Апостолом сопричастник, и к Богу молебник верен, добродетelmi пре/дъвь/зьде /на небеси - ?/ и любов восложи к любящему тя, и неверныя люди освятил еси в веру, тем ныне со аглы ликуя, предстоиши престолу славы всех Царя Христа Бога, молися, святителю Леонтие, да спасет душа наша”.

Почитание этого святого уходит своим началом в глубокую древность. Его прославление известно со времени обретения мощей в шестидесятих годах XII в. Вскоре было составлено сказание о Леонтии, которое с течением времени видоизменялось. В. О. Ключевский, наиболее подробно рассмотревший списки жития Леонтия, отмечает шесть редакций.²

Две первые - древнейшие и краткие. Одна возникла до 1174 г. и представляет собой “собственно сказание о обретении мощей святого”. Из нее становится так же известно, что Леонтий происходил родом из Константинополя, откуда и был поставлен епископом в Ростов.

Второе известие о Леонтии содержится в Послании епископа Владимирского Симона к Поликарпу, написанном около 1225 г., в котором также утверждается греческое происхождение святого. Однако сначала, по словам Симона, Леонтий прибыл на Русь в Киево-Печерский монастырь, постригся в монахи, и оттуда был послан епископом в Ростов.

Обращаясь к содержанию клейм рассматриваемой иконы, можно с уверенностью считать, что в качестве литературного образца для нее не могли служить ни первая, ни вторая редакции, поскольку подробно изображенные в клеймах события не находят соответствия кратким сказаниям. По этой же причине не могла являться литературным источником и шестая “проложная” редакция, представляющая краткий пересказ еще трех, пространных.

Основной особенностью этих трех редакций (третьей, четвертой, пятой) являлся подробный рассказ о жизни святого, рожденного в Константинополе и постриженного в греческом монастыре до прибытия в Ростов. С поставлением Леонтия епископом ошибочно связывалось имя Константинопольского патриарха Фотия, жившего во второй половине IX в. Не касаясь здесь ни причин этого несоответствия, ни времени возникновения и степени распространения третьей, четвертой, пятой редакций, достаточно изученных уже в наше время и соединяемых некоторыми исследователями в одну, отметим, что, по замечанию Ключевского, только к третьей (и никогда к первой и второй) присоединялось описание чудес от мощей, происшедших в XIV - XV вв.

Именно такой состав и содержание прослеживается в изображениях клейм муромской иконы, надписи которой практически утрачены и не могут быть использованы для объяснения. Рукописей, в которые входит житие Леонтия Ростовского интересующей нас редакции, сохранилось немало, однако, особое внимание следовало обратить на указанный Ключевским сборник 1514 г., созданный в самом Муроме и содержащий в себе житие Леонтия Ростовского по третьей редакции. Сборник этот, на первом листе которого помещена запись “В граде в Муроме”, Гридею худым, лета 7022 го ...” и далее “... дана сия книга Соборник лета 7110 (1602) в дом живоначальной Троицы и Пресвятей Богородицы и пророка Илии в дом ... безвыносно...” в 1709 г. принадлежал епископу Ржецицкому, а к концу XIX в. стал принадлежать московской первой гильдии

купцу и почетному гражданину Ивану Никитичу Царскому, благотворителю Общества истории и древностей российских. Затем эта рукопись перешла в собрание графа Алексея Сергеевича Уварова. В настоящее время она хранится в собрании Государственного Исторического музея в Москве.³

Житие и Сказание о чудесах, приведенные в этом Сборнике на 23 день мая, таким образом объясняют содержание клейм иконы.

Клеймо 1. “Сей, иже во святых отец наш великий Леонтий, - говорится в житии, -родился в Цариграде от благоверну родителю” (л. 217). На иконе изображение рождения святого выполнено традиционно; сохранившаяся надпись кратка - “Рождество стога Леонтия”.

Клеймо 2. Так же традиционно показано крещение младенца Леонтия, о чем в житии не говорится вообще. Достоин внимания, что образ священника, совершающего крещение, иконографически совпадает с образом святителя Николая, о значении которого в культуре изображения святого Леонтия будет сказано дополнительно.

Клеймо 3. “И егда дойде возрастом сьдмаго лета, - продолжает повествование составитель жития, - вдан бысть родителми научение грамоте. Оному же вскоре вся извыкшу...” (л. 217). Надпись третьего клейма кратко поясняет традиционное изображение: “Научение грамоте стога Леонтия”.

Клеймо 4. “Возлюбих единому работати, - говорится в житии и первой строке надписи, - остави мир и яже в мире, крест свой взем на рамо по заповеде стога Евангелия, последова радостно Христове и вшед в монастырь, бысть мних” (л. 217).

Завершение фразы из рукописи приходится на пятое клеймо, где изображено пострижение св. Леонтия.

Клеймо 6. “Единою же стоящу ему и молящуся в ночь на молитве по обычаю своему, абие бысть ему глас глаголящ: Леонтие, иди к патриарху Фотею, да ... поставит тя епископом и послет граду Ростову. Ты же не ослушайся повеления его...” (л. 217 об.), - говорится в рукописи, из которой для надписи используются основные по смыслу слова: “Бысть глас стому Леонтию, глаголящу ему: иди к патриарху Фотию”.

Далее текст полуутраченных надписей на боковых опиленных полях не приводится.

Клеймо 7. “В то же время патриарху Фотею, правящу церквью богохранимого Царя Града, и печаль немалу имяшу ... яко никто же может обратити людей Ростовских от лести идольския ко Богу ... (л. 218) бысть глас с небесе, глаголющ: взыщи калугера⁴ именем Леонтия и освятив его епископом, пусти в Ростов град, яко той престол украсит и люди веровать научат и упасет. Патриарху ж обзирающюся зело, семо и овамо, и никого же не видящу, но токмо одесную его образ Господа Бога нашего Иисуса Христа на иконе написан. Оному же недомыслящюся о сем, чюдящюся” (л. 219 - 220). Это чудо повторялось трижды.

На иконе оно показано как одно.

Клеймо 8. Далее повествуется о том, как патриарх пошел в один из монастырей, желая отыскать Леонтия, но не встретил такового; пошел в следующий монастырь, но и там того не оказалось. В восьмом клейме изображается, как патриарх “приде в третий монастырь, хотя желаемого получить. Братия же всим изшедши во стретение патриарху, оному же вопрошающю их о таком мнихе” (л. 220). Монахи ответили патриарху, что среди них есть Леонтий, который “велми горазно суца стым книгам”, и назвали его гордым, потому что не вышел со всеми. “Леонтию же неведавшу прихода его”, - поясняет автор жития. Тогда патриарх расспросил, где находится келья монаха Леонтия, “и яко приде ко дверем келья его ... стый же Леонтий, очутив приход его, скоро ишед из кельи, створи поклонение святителю до земли” (л. 220).

Это и изображено в клейме девятом.

Клеймо 10. “Ем его патриарх за руку, изведе из монастыря, глаголя: брате Леонтие, Христос посла мя к тебе, яко тебе паче всех избра, стража винограду своему, и повеле ми пустити ся Ростову наставника и учителя... Оному со слезами сице отвещавшу: прости мя отче честный, да плачуся грех своих, аз бо немощен есмь и худ на вещь сию” (л. 221). Долго увещевает патриарх Леонтия. “Блаженный же Леонтий, воспоману он глас, глаголющ ему с небес, яко не ослушатися ему повеление Божия и святительския, и отвеща сице: воля Божия да будет и твоя, владыко” (л. 222).

Клеймо 11. “Освятив же его патриарх, постави епископом, и посла с радостию в Ростов вдав ему весь сан святительский и клирики” (л. 222).

Клеймо 12. “Идушу же ему в корабли и сице молящюся: Боже благый Вседержителю ... виждь немощь мою и посли благодать Твою в помощь мне, да прославится имя Твое стое ... и достигшу Киева, потом же и града Ростова” (л. 222 об.).

Клеймо 13. “И видевшу люди одержими многим неверьствием ... нача поучати неверныя люди. Они же невнимаху честнаго учения его, но и вон изгнаху из града, яко ж и прежних епископов” (лл. 222 об. - 223).

Клеймо 14. “... и мало убо отшед от града близ потока, глаголемого Брутовщина, и ту постави себе церковь малу во имя стога архистратига Михаила” (л. 224). В клейме изображено, как св. Леонтий, стоя у престола, совершает богослужение.

Клеймо 15. Далее показано, как Леонтий “... навари кутию сам и обилно подавати ю приходящим к нему младенцем, поучаше их слову Божию...” (л. 224).

Клеймо 16. “... и начаша сбиратися к нему тамо множдайшия народе, не токмо младенце, но и старцы, и обращающихся крещаше ту, во имя Отца и Сына и Стога Духа” (л. 224).

Клеймо 17. “Неверующих же пришедших погубити его, всемножество ослепи, а иных умори, и

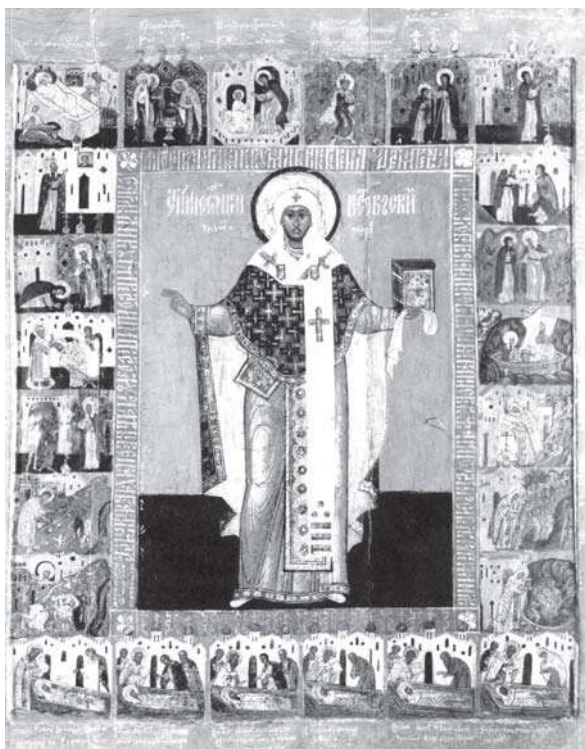

Рис. 1. Леонтий Ростовский с житием в 24 клеймах. Около 1677 г.

паки просвети и оживи” (л. 224 об.). Краткое изъяснение подразумевает эпизод, более подробно описанный в первой редакции, когда Леонтий с клириками вышел к ополчившемуся на него народу в полном святительском облачении, чему до смерти испугались ростовчане.

Клеймо 18. “И обрати всех веровати во Христа, и пришед в град, от мала и до велика крести...” (л. 224 об.). Далее не воспроизведенное на иконе повествование говорит о построении церкви, великой и чудной, “от дров дубовых”.

Клеймо 19. “... с миром отыде и положен бысть в той дивной церкви, юже созда, - продолжает автор жития, - ... и паки после пожара обрете цел, и положен в каменной церкви в раце, исцеление даяй доньше” (л. 224 об.). В сохранившейся же надписи кратко сказано: “Погребение стаго Леонтия во граде во Ростове”.

На этом заканчивается изображение жития святого и следуют клейма, повествующие “О велицех и многоразличных чудесах ... иже быша по смерти его в последняя времена и лета”, как говорится в заголовке рукописи 1514 г. (л. 230). В ней описано тринадцать чудес, из которых пять изображены в клеймах.

Первым в рукописи названо чудо “О некоем велицем князе Иване, ему же очи просвети”. В надписи под двадцатым клеймом иконы текст: “Стый Леонтей великий князу Ивану очи...”. “Некогда убо найде болезнь очная, - повествуется в рукописном сборнике, - благоверному и великому князю Ивану Александровичу, внуку великого князя Константина Ростовского... Отец же его, благоверный князь

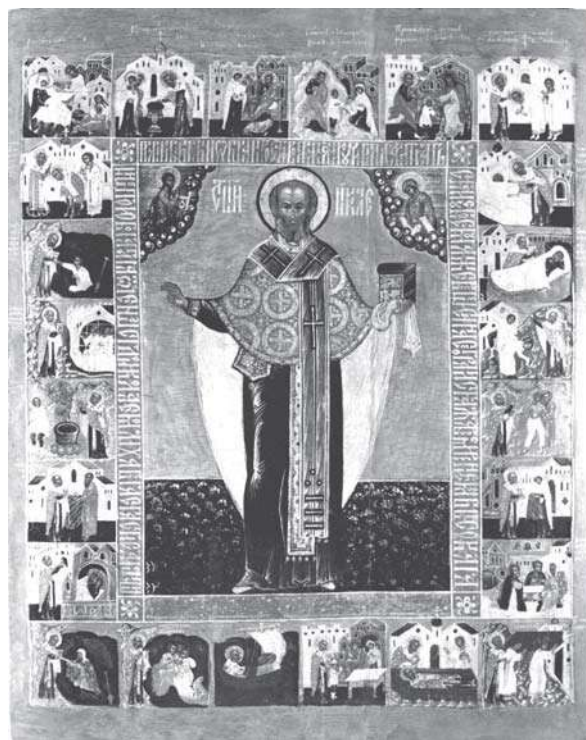

Рис. 2. Св. Николай с житием в 24 клеймах. Около 1677 г.

Александр скоро приходит ко архиепископу Феодору, и поклон сотворяет ему, и на молитву того подвизает к чудотворцу Леонтию. Приводит же и сына своего с великою верою в церковь стья Богородица и ко гробу чудотворца. Феодор же архиепископ со всим клиросом вскоре молитву получи...” (л. 231). Второе чудо исцеления очей, случившееся с тем же князем Иваном, в иконе не показано, а помещено “Чудо третье, святого Леонтия о том же велицем князе Иване, како избави его от огняной болезни”.

Клеймо 21. “Некогда же убо по многих временах тому же великому князю Ивану Александровичу, уже женату сущу, болезнь огненная така же бысть, и все уже во отчаяни быша, и ничто ж то о здравии его помышляху, но тою смертная и гробная готовляху ему, и бысть родителем его плач неутешим, и подружью и сродником скорбь велика. Отец же его князь великий Александр мало утишився от слез, воспомяну о чудесах великого Леонтия” (л. 232 об.). Далее рассказывается, как больного князя Ивана, возлежащего на одре, принесли в церковь, и все стали молиться. “Он же помале вста здрав от недуга своего со одра, врачом и чудотворцем Леонтием...” (л. 232 об.). Намного лаконичнее звучит надпись под клеймом: “Стый Леонтей исцелил великого князя Ивана от великия скорби”. Изображения и первого, и третьего чудес сходны. На фоне белокаменного собора показан гроб с мощами святого Леонтия, что повторено во всем ряду нижних клейм. Возле гроба стоят епископ со служкой и князь Иван с отцом. Известно, что кончина этого ростовского князя последовала в 1400 г. Соответственно концом XIV в. датируются описанные чудеса.

Клеймо 22. “Чудо четвертое...” повествует о множестве исцелений, случившихся после пожара в 1408 г. Сложно утверждать, какое из чудес изображено в двадцать втором клейме. Кроме сорока исцелений слепых, хромоты, немых, сухоруких, недужных и расслабленных, известны исцеления от коросты, описанные уже в пятом и шестом чудесах, по обозначению муромской рукописи. На иконе у мощей Леонтия изображена мужская, склоненная от болезней фигура и молящийся рядом епископ. Опушены в составе клейма чудо седьмое “О некоем отроце Самсоне”, чудо восьмое “О Захарии”.

Три чуда исцелений беснующихся показаны обобщенно в одном предпоследнем двадцать третьем клейме, где также изображены склоненная мужская фигура и молящийся епископ у гроба св. Леонтия.

Чудом тринадцатым, названным в рукописи “О некоей жене, исцеленной у гроба Леонтия, “которая ума изступивша и ничто же мысляша, и по мале днеш здрава бысть, и мысление яко ж и прежде”, завершается как повествование, так и ряд клеймов иконы, в последнем из которых, двадцать четвертом, сказано: “Сты Леонтий исцели жену”.

Таково содержание клейма, которым условно даны следующие названия:

1. Рождество св. Леонтия; 2. Крещение св. Леонтия; 3. Научение грамоте св. Леонтия; 4. Св. Леонтий идет в монастырь; 5. Пострижение св. Леонтия; 6. Видение св. Леонтия во время молитвы; 7. Видение патриарху Фотию во время молитвы; 8. Патриарх Фотий приходит в монастырь за Леонтием; 9. Встреча патриарха Фотия и Леонтия; 10. Беседа патриарха Фотия с Леонтием; 11. Поставление св. Леонтия во епископы; 12. Св. Леонтий на корабле направляется в Ростов; 13. Встреча св. Леонтия с ростовчанами-язычниками; 14. Св. Леонтий совершает службу в церкви Архангела Михаила; 15. Св. Леонтий научает детей; 16. Св. Леонтий крестит детей; 17. Язычники-ростовчане идут убивать св. Леонтия; 18. Крещение св. Леонтием народа Ростовского; 19. Погребение св. Леонтия в граде Ростове; 20. Св. Леонтий исцеляет Ивана от глазной болезни; 21. Св. Леонтий исцеляет князя Ивана от огненной болезни; 22. Исцеления от мощей св. Леонтия; 23. Исцеление бесноватого; 24. Исцеление женщины, исступившейся умом.

Итак, с определенностью можно утверждать, что источником для создания житийного образа Леонтия Ростовского послужила так называемая третья, пространная редакция литературного жития, и, вероятнее всего, текст из сборника, написанного в Муроме в 1514 г.

Распространение культа ростовского святого в пределах муромской земли не вызывает удивления, поскольку Ростов издревле считался духовно-административным центром и для владимирского края, претендовавшего еще во времена Андрея Боголюбского на независимость от Киевской митрополии, и для Вологды, где был построен

Леонтиевский храм, и для Сольвычегодска XVI - XVII вв., в иконах которого постоянно встречается образ св. Леонтия. Его изображения известны и в более древних иконах, например, II пол. XIV столетия из собрания ГТГ - “Святые Никола, Леонтий и Исаяя ростовские”. Изображения св. Леонтия встречаются и в мелкой пластике, и в деисусных рядах иконостасов, где нередко он сопоставляется и находится в паре с образом св. Николая Чудотворца, что было замечено А. Н. Овчинниковым и что имеет немаловажное значение в понимании почитания этого святого. Существуют и отдельные изображения Леонтия Ростовского. Однако до сих пор не приходилось встречать развернутого изображения его жития*, если не считать упоминаний миниатюр из рукописей XVII в. из бывшего собрания Н. С. Тихонравова и поздних росписей Леонтиевского придела в Успенском соборе Ростова Великого с изображением сцен из жизни прославленного чудотворца. Естественно, возникает вопрос о поводе, послужившем созданию житийной иконы.

По сведениям, сохранившимся в муромском музее, икона Леонтия с житием находилась в муромской Николо-Зарядской церкви с приделом во имя ростовского святого⁵. Построена церковь была на месте ветхой Никольской в 1675 - 1677 гг. гостининой сотни купцом Иваном Леонтиевичем Смолиным.⁶ Не приходится сомневаться, что икона представляет собой патрональный образ Леонтия Смолина, сын которого и задумал устройство церкви “по своим родителям в вечный помин.”⁷ Связь между созданием житийного образа и конкретным историческим лицом особенно ощутима в памятниках XVII в. - эпохи расцвета строгановской культуры. Тщанием заказчиков появлялись уникальные изображения житий Максима Исповедника, Великомученика Никиты, Архидиакона Стефана, Феодора Сикеота. К уникальным следует отнести и житийный образ Леонтия Ростовского, созданный с характерным для того времени пристальным вниманием к подробностям древних преданий.

Остается сказать еще об одном памятнике, связанном с иконой Леонтия Ростовского, реставрация которого также только что завершилась в ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря. Это житийный образ св. Николы из той же Николо-Зарядской церкви⁸ (илл. 2). При достаточно традиционном составе клейма (за исключением восьмого - “Служба Николы в Сионской обители” и девятнадцатого - “Спасение утопавшего патриарха”), икона почитаемого чудотворца поражает сходством композиционного построения, цветового звучания, наконец, размером доски с иконой Леонтия Ростовского. Она также имеет двадцать четыре клейма. Средник также окружен темно-красной филенкой, в углах которой и на той, и на другой иконах изображены стилизованные четырехлепестковые цветки. По трем сторонам филенки вязью написан текст тропаря святому - деталь, живо напоминающая шитые

покровы. Как в первой иконе на правой стороне помещено клеймо с изображением св. Леонтия за богослужением, так и во второй, присутствует, как уже отмечалось, редкий сюжет - служба св. Николы.⁹ При некотором различии в манере письма,

продиктованной и ризницей в образах, обе иконы несомненно созданы в одной мастерской, по воле одного заказчика, и составляли изысканный ансамбль в интерьере древнего муромского храма.

¹ Собрание МИХМ. Инв. № М-6674. Размер 99 x 77,6 x 3,3; ВХНРЦ КП-3607; реставратор Е. И. Мельникова.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 3 - 22. Здесь же Ключевский указывает рукописи, в которых содержится та или иная редакция.

³ ОР ГИМ. Фонд А. С. Уварова, № 895. Заглавие: Книга глаголемая Сборник .... Л. 217 - 248 об. См. также: Леонид (Кавелин), архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова в 4-х частях. М., 1894. Ч. 4. С. 27.

⁴ Калугер (греч.) - духовный наставник, добрый старец, пастырь.

⁵ Ко времени опубликования этой статьи удалось выяснить, что в фондах Сольвычегодского историко-художественного музея хранится житийная икона Леонтия Ростовского, датируемая XVII в. К сожалению, состояние ее сохранности не позволяет получить полное представление о содержании клейма.

⁶ В 1930 г. перед разрушением церкви икона была перенесена в музей. Она упоминается в Описи Николо-Зарядской церкви, составленной в XIX в. и хранящейся в Муромском музее; В. Братановский (? - М. Т.). Опись древних церквей и древних предметов в них находящихся. Научный архив МИХМ. № 24. Л. 47. № 17: "Икона св.

Леонтия Ростовского чудотворца, греческого писания, шириной 15 вершков, а высотой 1 аршин 4 вершка. На той же доске кругом лика его изображено его житие...". Сведения любезно предоставлены зав. художественным отделом МИХМ Сиротинской А. А.

⁷ О Николо-Зарядской церкви и Леонтиевском приделе см.: Добронравов В. Г., Березин В. Д. Историко-статистическое описание церкви и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1897. Вып. 4. С. 164 - 168.

⁸ Так сказано в надписи на серебряном кадиле, поставленном в эту же церковь Иваном Леонтиевичем Смолиным - см.: Добронравов В. Г. Указ. соч. С. 168.

⁹ Собрание МИХМ. Инв. № М-6673. Размер 98,4 x 78 x 3,8. ВХНРЦ КП-3604. Реставратор В. В. Занозин. См.: Братановский В. (? - М. Т.). Указ. соч. Л. 24. № 16: "Икона св. Чудотворца Николая с его жизнеописанием, греческого письма, шириною 1 аршин 1 вершок и высотой 1 аршин 7 вершков. Доска деревянная с выемкой. Краска от времени потемнела. Риза на чудотворце серебряно-позлащенная, а на житии медная...". Эти сведения также любезно предоставлены Сиротинской А. А.

¹⁰ Это совпадение также свидетельствует о едином замысле в создании двух образов. Интересно, что Муромский Сборник 1514 г. содержит и житие св. Николая (л. 4 - 184), называемого, как и Леонтий - великим чудотворцем.

Л. А. Колесникова

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИКОНОПИСНОГО ПРОМЫСЛА НА ТИХВИНСКОМ ПОСАДЕ XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ТИХВИНСКОГО БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ)

Тихвинского иконописное собрание, хранящееся в большей своей части в ГРМ, представляет собой одну из значительных монастырских коллекций. Важным аспектом изучения тихвинской живописи является анализ архивных документов Тихвинского Богородицкого монастыря, позволяющий выявить имена иконописцев, восстановить характер и особенности организации иконописного промысла на посаде. Это не только помогает установить авторство и время создания произведений древнерусской живописи, но и способствует изучению организации этого промысла в целом.

В основу настоящего исследования положено изучение приходных и расходных книг Тихвинского монастыря. Несмотря на то, что состав выявленных дел весьма отрывочен и не может претендовать на полноту информации, он все же дает возможность судить об основных моментах организации иконописного промысла на посаде в XVII в.

Приходо-расходные книги велись в монастыре из года в год и сохранились в большом

количестве. Записи, содержащиеся в них, кратки и однотипны, но именно они дают возможность узнать имена иконописцев, получить сведения о работах, выполнявшихся ими, об отношениях их с монастырем. Самая ранняя приходо-расходная книга относится к 1590 - 1592 гг., и далее они сохранились с 1623 г.

Анализ архивных источников позволяет сделать вывод, что именно в XVII столетии, особенно во второй его половине, наблюдается расцвет иконописного промысла на посаде. Это объясняется тем, что XVII в. был временем небывалого ни в прежние, ни в последующие годы экономического подъема и политического влияния монастыря, выразившегося в масштабах культового строительства, которое предусматривало и соответствующее украшение интерьеров зданий, что весьма способствовало развитию иконописания.

В XVII в. в монастыре работало наибольшее количество иконописцев. Высокий уровень мастерства некоторых из них сделал их известными не только на Тихвинском посаде. Среди всех особо выделялся Иродион Сергиев - сын иконника. Его вместе с Иваном Устьшомушским приглашали ко

двору новгородского митрополита Корнилия “для домового письма”. А в 1658 г. Иродион Сергиев был вызван в Москву для составления иллюстрированного “Сказания о чудесах иконы Тихвинской Богоматери и осаде Тихвина шведами”.¹ В монастыре ему поручали самые ответственные работы.

Выявленные документы не позволяют говорить о том, что Тихвинский монастырь имел собственную мастерскую, как многие крупные обители. Но довольно своеобразные отношения Богородицкого монастыря с посадом, заключавшиеся в том, что почти до конца XVIII столетия посад фактически был сеньериальным владением, а жители его были зависимы и рассматривались как крепостные крестьяне, позволяли монастырю выступать в роли полного хозяина и “распорядителя”.²

Иконописцы, равно, как и другие посадские жильцы, обязаны были платить денежные и выполнять натуральные повинности в пользу монастыря. Тихвинские иконники активно занимались своим промыслом как на посаде, так и в окрестных деревнях и монастырях, но главным из заказчиков всегда был Богородицкий монастырь, обладавший достаточной властью, чтобы в случаях необходимости проведения больших иконописных работ запретить иконникам уходить с посада и брать “поряды на стороне”.³

Приходо-расходные книги Тихвинского монастыря на протяжении всего XVII столетия пестрели многочисленными записями о расходе казенных денег на покупку различных материалов для написания икон, о выдаче платы иконописцам за написание образов. При работе с этими документами были выявлены не только имена иконников, но и установлено социальное происхождение многих из них.⁴ Среди представителей этой профессии были дети священника, кузнеца, торговых людей, крестьян, монастырского коровника.

Известны также примеры, когда занятие этим ремеслом было наследственным, или иконописцы были связаны семейными узами. Так, сыном иконника был уже упомянутый Родион Сергиев, иконописцами стали Никита Иванов - сын Ивана Устьшешушкина, а также Деомид (Дементий) Тимофеев - сын Тимофея Шевелева, в семье Фалилеевых было два иконника - Иван и Петр, иконописанием занимались и их племянники Андрей и Тимофей Поповы.

Как видим, в основном иконописцы были мирянами - посадскими жильцами. Исключение составляют лишь немногие представители духовенства: тихвинские мастера монах Аарон с сыном дьяконом Георгием, известные своей работой в Александро-Свирском монастыре, вдовый дьякон Алексей, участвовавший в росписи западной паперти собора. Кроме того, сохранились сведения, что игумен монастыря Герасим Кремлев, управлявший обителью с 1634 по 1640 гг. был “знатоком иконного писания известным самому царю”. Он в 1636 г.

поновлял чудотворную икону Тихвинской Божьей Матери.⁵

Судя по записям приходо-расходных книг, тихвинские мастера могли выполнять “большое” и “малое” иконное, стенное и миниатюрное письмо, занимались чинкой икон.

Самые первые из встретившихся упоминаний об иконописных работах 1591 г. свидетельствуют о создании иконостаса в церковь Вознесения. “Куплено в церковь Вознесения... на святых воротах деисусные доски писати на них деисус и праздники и пророки да на монастырский обиход пядниц болших и менших...”⁶ Из иконописцев, которые могли бы исполнить эту работу, нам известны только трое: Богдан Кузьмин, Семен Симанов и Истома Елизаров.⁷ В 1641 г. Игнатий Семенов, Иродион Сергиев писали для этого храма две местные иконы и царские двери с сенми.⁸ В 1669 г. Иродион Сергиев писал царские двери, сень и столпцы в придельные Успенского собора церкви святых Ильи и Иоанна Богослова.⁹ Тихвинские иконописцы принимали участие в создании главного иконостаса Успенского собора. В 1654 г. Родион Сергиев с Петром Фалилеевым писали “полуденные и северные” двери иконостаса.¹⁰ В том же году Родион Сергиев вместе с Михаилом Коровниковым писали “херувимы да серафимы” на верхнее тябло. Им же была заказана новая икона “Пречистой Богородицы Воплощение” в пророческий ряд.¹¹ В 1678 г. Иродиону Сергиеву поручено написать для местного ряда иконостаса иконы “Богоматерь Тихвинская в чудесах” и “Спас на престоле”.¹²

Материалами, необходимыми для иконописных работ, мастеров снабжал монастырь. Краски, золото, мел, ртуть и другие необходимые материалы покупались в значительных количествах в казну монахами или самими иконниками на посаде, а также при поездках в Новгород и в Москву. Особенно большие закупки делались во время стенописных работ.

Интересно отметить, что работа по украшению фасадов зданий велась в два этапа. В сороковые и пятидесятые годы XVII столетия стены храмов украшались написанными на дереве и вставленными в киоты иконами. Об этом свидетельствуют следующие записи в приходо-расходных книгах: “Дано иконнику Мишке Никитину сыну Коровникова за три иконы Вознесения Господа Бога нашего Иисуса Христа да Причистыя Богородицы Одигитрия что поставлены на святых воротах ... да Покров Богородицы что поставлен на воротах ... во храм дано денег рубль”,¹³ или: “Дано иконнику Петру Фалилееву за письмо за икону денег рубль писал образ Преображения Господа Бога нашего Иисуса Христа да образ Пречистые Богородицы Одигитрии ... к новой башне в киот”.¹⁴

Новый этап в оформлении интерьеров и экстерьеров монастырских построек начинается с приезда летом 1661 г. новгородских иконописцев для

росписи фасадов Успенского собора. В приходо-расходной книге читаем следующее: “По приказу архимандрита Иосифа и келаря старца Ионы Баранова с братию дано новгородским иконникам Григорию Андрееву, да Мирону Евдокимову за иконное за настенное письмо, что писали в нынешнем во 1661 году на соборной церкви”.¹⁵ В этот сезон были расписаны западный и северный фасады собора, крыльцо собора, выполнены отдельные сюжеты в западной паперти храма. Вместе с новгородскими иконниками работали и тихвинцы: Родион Сергиев, Петр Михайлов и Петр Фалилеев. И уже через год фресковую роспись поручают Родиону Сергиеву с товарищи “...писали на церкви Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа над святыми вороты в киотех с обеих сторон и в святых воротех в восьми местех святых на столпах да церкви Рождества Пречистые Богородицы и в трапезу идучи на крыльце в трех местех и в трапезе над архимандричьим местом за все дано им тридцать рублей да серебряных денег десять рублей”.¹⁶

В июле 1664 г. Родион Сергиев получает выплату “от постенного письма в Соборном храме алтаре”.¹⁷ В приходо-расходных книгах этого времени содержится большое количество записей о закупке материалов для иконного письма. А в 1690-е гг. были заведены “Тетради пометочные что выдано в соборную церковь за письмо от всяких красок...”.¹⁸ В них отмечались поступления и расход материалов для росписи западной паперти. Выполнение такого большого заказа требовало большого количества иконописцев, поэтому монастырские власти запретили иконникам уходить с посада и брать посторонние заказы. А некоторым из них разрешено не делать “монастырского зделья” - овес парить и пеньку пряхть”.¹⁹

Участие в стеновых росписях или написании икон для иконостасов, чинке икон зависели от конкретной потребности монастыря в этих видах работ. Но наиболее стабильными для иконописцев были заказы на написание “больших” и “малых” пядничных икон с изображением “Чудотворного образа Пречистые Богородицы Одигитрии”. Им посвящено наибольшее количество записей в приходо-расходных книгах. Покупка их монастырем у иконописцев и в дальнейшем перепродажа или “вымен” составляли одну из статей доходов монастыря и, кроме того, способствовали прославлению обители и ее главной святыни. В расходных книгах нередко указания на оптовые закупки монастырем икон пядниц у мастеров. Так, например, в июле 1648 г. Игнатию Семенову и Родиону Сергиеву заплачено за пятьдесят икон,²⁰ а в августе у них же куплено тридцать икон.²¹ Стоимость иконы определяли использованные при работе материалы: была ли икона написана на золоте или на красках. Как правило, иконы исполнялись на материалах заказчика, в противном случае при расчете оговаривалось, что мастер получает деньги

не только за письмо, но и за краски.

Наиболее авторитетным иконописцам заказывали “государевы” иконы, подносимые “в почесть” государю и государыне при поездках в Москву, а также высокому светскому и духовному начальству. Чаще всего эта работа поручалась Иродиону Сергиеву.²²

Выполнять заказы на письмо небольших образов иконописцы могли дома. Для стенового письма или для выполнения других больших заказов иконники объединялись под руководством наиболее опытного иконописца, который, вероятно, договаривался с монастырскими властями, получая от них материалы и деньги за выполненную работу. Такими были Родион Сергиев, Иван Устьшемушский, Андрей Коровников, дьякон Алексей.

Пока остается невыясненным вопрос о том, были ли в монастыре помещения для иконного письма. Известны упоминания об “иконной келье” Родиона Сергиева, связавшего последние годы жизни с обителью. В 1591 г. в приходо-расходной книге монастыря упоминается “иконницкая келья на гостинном дворе”.²³

При расчете за выполненные работы иконописцы получали деньги, но известны случаи, подтверждающие зависимое положение иконописцев от монастыря, когда мастер работал в счет кабалы (служилой или денежной), как, например, Петр Михайлов, в 1661 г. расписывавший фасад собора вместе с новгородскими иконниками.²⁴

Интересна также такая запись, характеризующая взаимоотношения “заказчика” и “исполнителя”: “Лета 7169 (1661) Тихвинского посадского жильца Мокея Петрова Фалилеева отец писал в монастырь иконное стеновое письмо ... и за то письмо из монастырские казны денег не взял и в монастырь на житье не лез и за тою работу заверстано сыну ево Мокею во вкладную шесть рублей. Вкладная ему дана полная”.²⁵ Здесь речь идет о том, что при выполнении больших заказов иконописцы могли жить и питаться в монастыре. Правило о кормлении работников было отменено лишь в 1679 г. при архимандрите Варсонофии.²⁶ Кроме того, упоминаемая вкладная свидетельствует о вкладе по себе или своим близким. Внесенные деньгами или иконами поминальные вклады составляли одну из характерных особенностей монастырского уклада церковной жизни. Нам известны также вклады Родиона Сергиева, сделанные в Сарожскую пустынь и в Александров-Свирский монастырь.

Говоря об организации живописного промысла, нельзя хотя бы кратко не упомянуть о том, что среди тихвинских иконников весьма распространен был “отхожий” промысел. Известно, что местные мастера уходили в Москву и Новгород.²⁷ Уместно предположить, что они могли работать в Троице-Зеленецком монастыре благодаря его архимандриту Корнилию, служившему прежде

настоятелем Тихвинского монастыря, а в последствии занявшему кафедру Новгородского митрополита.²⁸ Особенно тесными были связи тихвинских иконников с Александро-Свирицкой обителью, где их деятельность была весьма значительной. Ими выполнялось стенное письмо, иконостасные комплексы.²⁹ Кроме того, они писали многочисленные пядничные иконы, живя при этом как в Свирском монастыре, так и на Тихвинском посаде. Посредником между тихвинскими мастерами и Свирскими монахами нередко выступал Гаврила Самсонов - торговый человек Тихвинского посада, перепродававший тихвинские иконы в Александро-Свирский монастырь.³⁰

Как уже было выше сказано, настоящее исследование нельзя считать исчерпывающим, но опираясь на данные уже проанализированных источников, можно сделать некоторые предварительные выводы. Мы можем предположить, что в XVII в. в монастыре не было иконописной мастерской, так как ввиду полной зависимости посадских жителей от монастыря, монастырские власти могли распоряжаться мастерами по мере собственной необходимости. Этот вывод подтверждался и взаимоотношениями монастыря с серебряниками, переписчиками и другими посадскими ремесленниками. Кроме того, представители ни одной из этих профессий не упоминаются в списках монахов. Фактически монастырской можно считать мастерскую, находившуюся на Тихвинском посаде. Организация же иконников внутри этой мастерской требует выяснения. Нам неизвестно, было ли на посаде для нее какое-нибудь специальное помещение, и кто ее возглавлял.

Выше уже упоминалось, что при выполнении ответственных заказов в монастыре руководителем работы выступал то один, то другой из наиболее опытных иконописцев. Возглавить мастерскую мог человек не только художественно одаренный, но и способный организовать работу. Это особенно важно при выполнении храмовых росписей или при создании иконостасных комплексов, где главная задача состояла в том, чтобы добиться единства всего ансамбля в целом. Безусловно то, что главный мастер должен был быть весьма эрудированным и в религиозных вопросах. В этой связи особенно интересна роль Родиона Сергиева и история его взаимоотношений с монастырскими властями. Он был самым выдающимся из тихвинских мастеров. Вся его жизнь была связана с обителью. Свою деятельность в монастыре он начал в конце тридцатых годов в качестве конархиста-чтеца псалмов. Родиону Сергиеву поручали наиболее значимые работы. Им написано большое количество икон, стенных росписей, он был знаком с искусством книжной миниатюры. Вероятно, он жил при монастыре или работал, так как существуют упоминания о "Родионовой келье". В последний раз мы встречаем о нем сведения в одной из записей расходной книги 1669 г., где говорится о том, что Родиону Сергиеву, живущему в монастырской больнице дано шестнадцать алтын, четыре деньги на платье.³¹

В заключении следует отметить, что настоящее исследование не исчерпывает всех особенностей организации иконописного промысла на Тихвинском посаде в XVII столетии, но позволяет лишь привлечь интерес к этой проблеме и акцентировать внимание на некоторых наиболее важных ее вопросах.

---

¹ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.-Л., 1951. С. 153.

² Сербина К. Н. Указ. соч. С. 373.

³ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 153.

⁴ В приходе-расходных книгах они называются иконниками и лишь в конце XVII в. их стали звать иконописцами и изографами.

⁵ Беренников Я. И. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря. СПб., 1888. С. 119.

⁶ Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 1. Л. 180.

⁷ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 1. Л. 5, 57 об., 141 об.

⁸ Там же. № 73. Л. 25 об.

⁹ Там же. № 251. Л. 14 об.

¹⁰ Там же. № 154. Л. 48.

¹¹ Там же. Л. 50, 50 об.

¹² Там же. № 352. Л. 241 об.

¹³ Там же. № 73. Л. 25 об.

¹⁴ Там же. № 154. Л. 44 об.

¹⁵ Там же. № 182. Л. 215.

¹⁶ Там же. Л. 394.

¹⁷ Там же. Л. 569.

¹⁸ Там же. № № 642, 658, 659.

¹⁹ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 153.

²⁰ Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 105. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 55 об.

²² Там же. Л. 55 об.

²³ Там же. № 182. Л. 217.

²⁴ Цитируется по кн.: Беренников Я. И. Указ. соч. Приложение. С. XXV.

²⁵ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 371.

²⁶ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 153.

²⁷ Беренников Я. И. Указ. соч. С. 201.

²⁸ Соловьева И. Д. Организация иконописного дела по материалам архива Александро-Свирского монастыря // Новгородский исторический сборник, 4 (14). СПб - Новгород, 1993. С. 272.

²⁹ Соловьева И. Д. Указ. соч. С. 268.

³⁰ Архив СПб. ФИРИ РАН. № 64. Л. 40.

³¹ Там же. № 591. Л. 84 об.

ЧТО БЫЛО НА МЕСТЕ САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ ДО ОСНОВАНИЯ МОНАСТЫРЯ. ЛЕГЕНДА О ГОРОДЕ САРАКЛЫЧЕ

Саровский монастырь возник у места впадения в Сатис реки Саровки. По именам этих двух рек он и получил свое первое официальное название: Сатисо-градо-Саровская пустынь. Слово “градо” в этом названии означало, что монастырь был поставлен на городище, на месте древних, брошенных их обитателями, “градов”.

Попытаемся прояснить вопрос о происхождении городища, на котором располагалась Саровская пустынь. К сожалению, к настоящему времени от этого городища не сохранились ни земляные валы, ни рвы.

Первым и самым важным источником об истории образования Саровской пустыни является сочинение ее основателя иеросхимонаха Иоанна, удостоенного впоследствии саровскими монахами звания Первоначальника. Сочинение называлось “Сказание о первом жительстве монахов и о построении церкви Пресвятой Богородицы, Живоносного Ее Источника, в пустыне, на Старом Городище, где ныне стоит общежительная Саровская пустынь” и было написано между 1710 и 1712 гг. Вот как описывает первоначальник Иоанн место, где был им построен монастырь:

“Между бо тех речек бяху горы зело высокия и на тех горах от древних лет от неких человек устроены грады земляные, и около их глубокие рвы ископаны. От самого же устья вверх тех речек, на горах тех устроены же три грады не велики, подле трех тех градов подряд четвертый град зело велик, яко же есть и ныне суть видимы иже их зрящими. Каковы же человецы прежде того в тех градах населены были и в кия времена, и како те грады созданы быша, отнюдь о том не известно”.¹

“Градом” Иоанн называет огороженное земляными валами и рвами пространство. Таких градов (городов) Иоанн насчитывает четыре: три небольших и четвертый - “град зело велик”. Первый из этих городов шел от места слияния Сатиса и Саровки до первого земляного вала. Второй город - между первым и вторым валами и так далее. Четвертый город, заключенный между третьим и четвертым валами, был действительно самым большим. Четвертый вал существовал еще в конце 1950-х - начале 1960-х гг. и был уничтожен при строительстве современного центра города. Его длина составляла 1460 м (измерено по плану 1951 г.).

Рассказывая в своем “Сказании” о первых постройках монахов-отшельников, Иоанн указывает их местоположение относительно валов и городов. Отсюда можно узнать названия, которыми пользовались монахи: четыре города они называли соответственно Первый, Средний, Третий и Большой.

Первая церковь монастыря, а за ней и другие

постройки, стали строиться в самом маленьком из всех - Среднем городе. Со временем монастырь рос, древние валы стали помехой новому строительству. Первым был срыт монахами второй вал городища, за ним последовали третий и первый. Четвертый же вал отстоял от монастыря на значительном расстоянии и ему не мешал. Его размеры и местоположение хорошо известны. Помимо планов конца 1940-х - начала 1950-х гг. сохранились описания вала, сделанные в монастырские времена. Например, обмеры иеромонаха Порфирия, сделанные около 1888 г.: ров около четвертого вала глубиной от 5 до 7 аршин (3,5 - 4,9 м), шириной 6 - 10 сажен (12 - 20 м) по верху. Сам вал высотой 3 - 5 аршин (2,8 - 4,2 м).² По другим данным высота вала достигала трех саженей (6 м) и более.³

Местоположение первого вала городища также не вызывает сомнения. Согласно упоминаниям в литературе о монастыре, он пересекал холм в том месте, где сейчас стоит колокольня.⁴ Видны остатки этого вала и на некоторых старых гравюрах, изображающих Саровскую пустынь.

А как проходили второй и третий валы? Их положение можно восстановить по замерам расстояний между валами, сделанными в начале XVIII в. монахами, сохранившимся в монастырском архиве.

“Чертеж около монастыря валам поперешным. А от сего угла большого вала по горе на низ по Сарову до вала на котором мост 500 сажен. А от сего вала от мосту до задних ворот монастырских 120 сажен, а от того вала поперег от Сарова к сатису 50 сажен. А от ворот задних по Сарову по горе до вала где стоит церковь Преображения 59 сажен. А от сего вала до вала ж крайняго на котором стоят передняя ворота монастырския 99 сажен. Всего от мосту до ворот 270 сажен. (...)”.⁵

В документе фигурирует церковь Преображения, а значит он относится к 1707 - 1712 гг., так как в 1707 г. эта церковь начала строиться, а в 1712 г. сгорела.

В 1888 г. Московское археологическое общество затребовало для составления археологической карты сведения об известных памятниках. Саровский иеромонах Порфирий дал описание городища, в котором указал другое расположение валов.

“... 2-й город - от первого рва и вала до таковых же, проходивших также от Сатиса к Сарову - между нынешними житницею и конным двором. (...) 3-й город - от второго рва и вала до таковых же, шедших наискось от Сатиса к Сарову, за нынешним конным двором и каретником, которые в этом городе и стоят. (...) В настоящее время уцелел только 4-й вал и ров”.⁶

Таким образом, Порфирий отодвигает второй и третий валы дальше к востоку. Очевидно он не был знаком с документом начала XVIII в., которому мы склонны доверять все-таки больше.

Интересовал саровского первоначальника Иоанна и вопрос о происхождении городища, о том, кем были его строители и населявшие его жители.

“В древние лета на сем месте и в сих градах быша человецы, поганые татары, или мордва, понеже бо много таких градов около сего града и в низовых странах обретаются в пустых местах, яко же свидетельствует истинно, яко же zde, в сей пустыни Сатисо-градо-Саровской, сей град аки бы царственнейший был паче прочих...”⁷

Иоанн упоминает об известных ему городищах в близких и дальних окрестностях Сарова, но другого такого крупного ему известно не было. (Заметим, что и современная археология не знает более крупного городища домонгольского времени у мордвы).

“Сей же град, иже в сей Сатисо-градо-Саровской пустыни, о нем же zde начахом писати, от прочих всех тех вышписанных градов отличен, яко же выше речеся, аки бы стольный при тех является, понеже бо сей град величайший окладом и в себе иные пределы, си есть, грады имея, и по всему знатно, яко множество в нем и людей было, бяше и ратными вои осажден и браню мною взят бысть, и стран около града повсюду ископаны шанцы, ими же обычно ратным людем ко градом приступати, в под стенами градными во рвах множество костей и трупия иже в приступах сеченых человек обретаются”⁸.

Указал Иоанн и местное название городища.

“Не известно бо есть, (как) сие место и грады древле нарицахуся, но в нынешние времена и лета человецы, которые то место ведающе, - Старым Городищем, как и в крепостях многих сие явствует, ино же наречения никакого не имеется”⁹.

Однако в архиве Саровской пустыни сохранился документ еще более старого времени, где записано “иное наречение” этого места - Борисово городище. Документ этот - выпись из кадомских писцовых книг 1614 - 1615 гг., данная князю Осману Ивакаеву Акчурину на владение поместьями.

“...За служивым Османом мурзою Ивакаевым сыном князь Акчуриным жребий меж Сарову и Сатису на Борисовом городище 50 четвертей в поле”¹⁰.

Но в монастырские времена этим названием уже не пользовались.

При отсутствии письменных источников археология становится тем единственным ключом, который может открыть нам тайну возникновения Саровского городища. Первая археологическая разведка в Сарове была проведена летом 1993 г. Н. Н. Грибовым. В шурфе на территории монастыря (в Среднем городе) были обнаружены фрагменты керамики городищской культуры железного века.

Шурфовка проводилась также в Третьем и Большом городах, и везде были найдены предметы материальной культуры средневековой мордвы.

В 1994 г. были проведены более масштабные раскопки на территории Большого города. Анализ обнаруженных вещей позволил Н. Н. Грибову датировать их XII - XIII вв., а это значит, что, по-видимому, Саровское городище являлось крупным центром мордвы домонгольского времени¹¹.

Итак, мы примерно знаем, как выглядело Саровское городище до заселения его монахами, а также можем, основываясь на данных современной археологии, предполагать, кто и когда на нем жил. Теперь рассмотрим наиболее распространенную “доархеологическую” версию о происхождении Саровского городища - легенду о городе Сараклыче (сараклыч - татарское название, происходящее от двух слов: сары - желтый и килич - клинок).

Откроем наиболее полную и основательную книгу по истории Саровской пустыни - “Саровская общежительная пустынь. Подробное описание”, М., 1907, - в которой о месте, на котором возник монастырь, написано следующее:

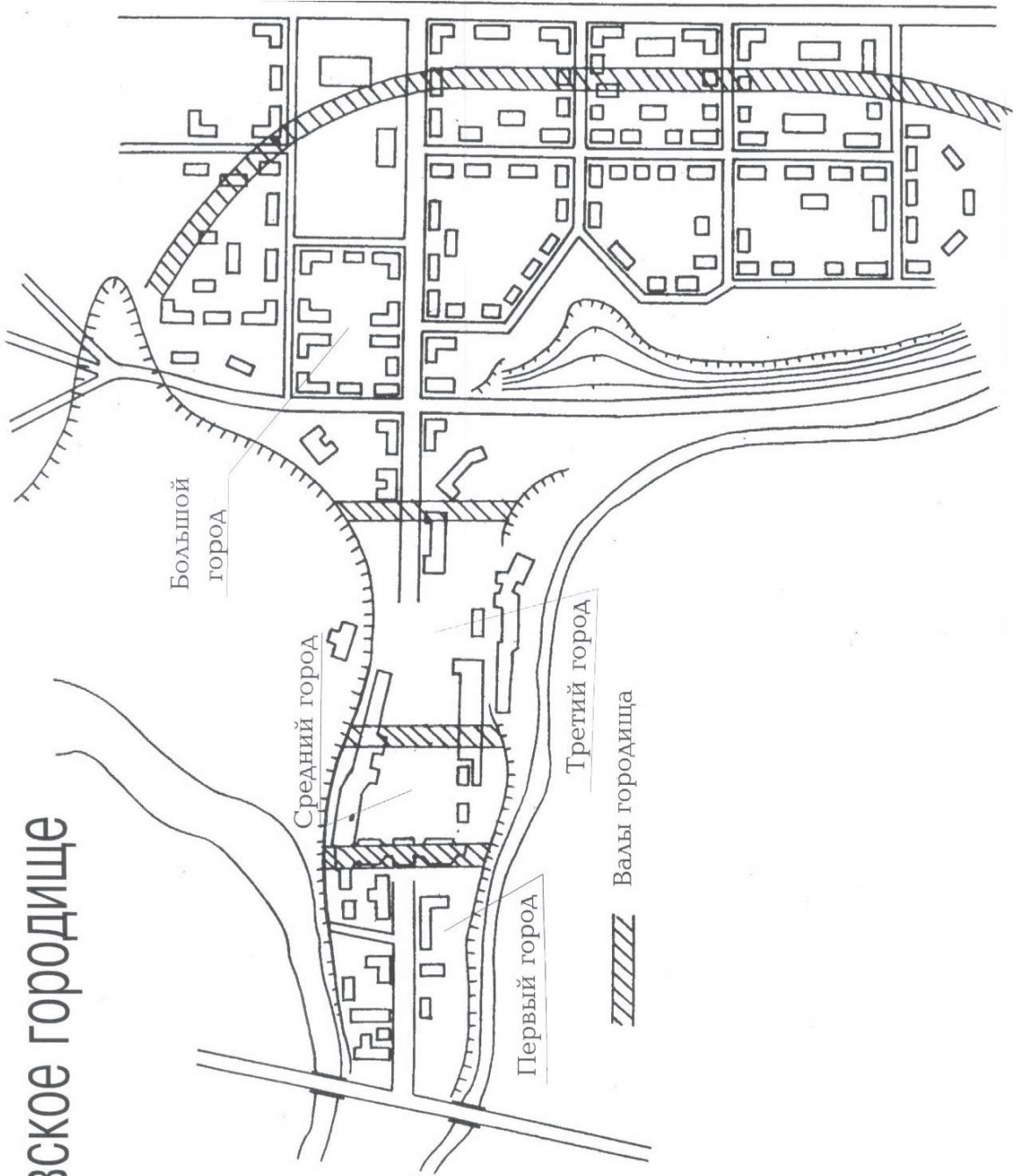
“В 1298 г. край этот покорен был татарами под предводительством Ширинского князя Бахмета, и на месте, где обитель, построен был ими укрепленный город Сараклыч. Мордва однако не переставала враждовать с татарами и осаждала Сараклыч. Наконец он был взят и разорен русскими в конце XIV столетия. С того времени место это опустело и носило название Старого городища. Последним владельцем Сараклыча и окрестных городов был князь Бехан; по взятии его, он со своими сородичами ушел за Мокшу, с него начинается родословная здешних князей землевладельцев”¹².

С некоторыми вариациями эта история пересказывается и в других изданиях о Саровском монастыре. О татарском происхождении Сарова говорится и в самой первой книге по истории пустыни, написанной игуменом Маркеллином (первое издание ее вышло в 1804 г.).

“Название свое Пустыня получила от речек Сатиса и Сарова; а Градо прибавлено потому, что на сем месте был прежде сего Татарский город Сараклыч, и жил в нем (в лето от сотворения мира 6897, от Рождества Христова 1389-е, при Великом Князе Димитрии Ивановиче и сыне его Василии Димитриевиче), последний Владелец оного Князь Бехан, владевший по власти царя Золотой Орды и другими многими городами и разными селениями Татарскими и Мордовскими. От частых же на него нападений военных с сего места переселился он за реку Мокшу, где ныне село Кангуш, и тамо построил себе жилище, обведя оное земляным валом”¹³.

Откуда же взялась версия о золотоордынском (татарском) городе, предшественнике Сарова? Ведь, как мы помним, первоначальник Иоанн писал, что о происхождении городища “*всех нынешних времен человеком*

Саровское городище

отнюдь не ведомо". Ко времени написания своего "Сказания" Иоанн обитал на Старом Городище пятнадцать - двадцать лет, общался с окрестным населением, даже успел составить представление об археологических памятниках довольно широкой округи. А вот о Сараклыче ничего не знал. Станным это кажется потому, что в письменных источниках золотоордынского и более позднего времени Сараклыч не упоминается, и сведения о нем могли попасть к монахам только через предания местных жителей, мордвы и татар.

Понятнее становится появление Сараклыча, если принять во внимание некоторые более поздние события. В первые два десятилетия существования Саровской пустыни настоятель Иоанн активно занимался приобретением для монастыря земель. Земельное законодательство и практика в те времена были чрезвычайно запутаны, но Иоанну, видимо, удавалось обходить и преодолевать трудности, в результате чего к концу 1720-х гг. во владении монастыря оказались довольно крупные земельные площади. Основными продавцами земли монастырю были местные мелкие землевладельцы, потомки обедневших татарских дворянских родов.

В 1721 г. в Вотчинную Коллегию поступило прошение от помещиков братьев Полочениновых, в котором они высказывали свои претензии на некоторые земли Саровской пустыни и даже на ту их часть, на которой разместился сам монастырь. Вотчинная коллегия решила спор так: чьи права на землю окажутся древнее, тот и прав. Дело приняло серьезный оборот, ведь в случае проигрыша ставилось под сомнение само право монастыря на существование. Для решения вопроса Иоанн лично выехал в Санкт-Петербург. Тогда-то и появились на свет генеалогические таблицы, в которых происхождение темниковских и кадомских мурз Сеид-Ахметовых, Адашевых, Кудашевых, Тенишевых, Янгальчевых и других выводилось Иоанном от бывшего последнего владельца Сараклыча князя Бехана Сараклычского.¹⁴ Полочениновы не смогли представить документы, подтвердившие бы их права ранее 1389 г., и дело решилось в пользу Саровской пустыни. Произошло это в 1730 г., и с тех пор Сараклыч официально стал считаться предком Сарова. Вся эта история не может не вызывать большие сомнения в подлинности фигурировавших в деле родословных. Слишком многое - дело всей жизни Иоанна - было поставлено на карту в этом разбирательстве в Вотчинной Коллегии.

Изучавший эти родословные М. Г. Сафаргалиев отметил в них много путаницы.¹⁵ Тем не менее, он считал Бехана лицом историческим, правда, жившим раньше указанного Иоанном срока.

Вспомним, что в рассказе о Бехане фигурирует еще село Кангуш (современное

название Каньгуши) за Мокшей, близ которого Беханом была построена земляная крепость. В 1969 г. археолог А. В. Циркин провел на городище у Каньгушей (Ельниковский район Мордовии) раскопки, в результате которых пришел к выводу, что городище относится к IV - VII вв. до нашей эры, к городищной археологической культуре.¹⁶ Налицо, таким образом, типичная местная легенда, пытавшаяся исправить недостаток знаний вымышленными событиями. Еще один довод не в пользу легенды о Сараклыче.

Мы немного разобрались с происхождением даты 1389 г. - согласно Маркеллину, годом ухода татар из Сараклыча. Что же касается другой даты (1298 г.), с которой связывается основание Сараклыча, то в ранних документах и книгах по истории Саровской пустыни она не фигурирует. Впервые в связи с Саровом она встречается в книге саровского иеромонаха Порфирия (уже упоминавшегося нами), посвященной жизнеописанию первоначальника Иоанна, изданной в 1892 г.

"... край этот покорен татарами в 1298-м году, именно под предводительством ширинского князя Бахмета. К этому же времени, вероятно, относится и построение Сараклыча".¹⁷

Несомненно, эти сведения Порфирий почерпнул в "Бархатной книге", в которой собраны родословные русских дворянских фамилий, а именно в родословной князей Мещерских.

"В лето 6706 (1198) Князь Ширинский Бахмет Усейнов сын, пришел из большие Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и засел ее, и в Мещере родился у него сын Беклемиш".¹⁸

Что такое в данном случае Мещера? Где конкретно "засел" золотоордынский князь Бахмет? На эти вопросы нет точных ответов. Вызывает смущение и дата в "Бархатной книге" - 1198 год. В это время (до монгольского нашествия) еще не могло быть ни Орды, ни Бахмета. Кто-то предложил исправить год на 1298-й и, таким образом, убрать противоречие. Порфирий лишь **предположил** связь этого события с возникновением города Сараклыча. Последующие же переписчики и издатели книг о Саровской пустыни и жизнеописаний Серафима Саровского слово "вероятно", стоявшее в тексте у Порфирия, опустили, предположение превратив в утверждение.

Из монастырских книг сведения о Сараклыче перекочевали уже и в исторические издания советского времени.¹⁹

Факты выстраиваются, по нашему мнению, таким образом, что никак не подтверждают существования татарского города. В то время нельзя отрицать то, что в определенный период истории местность вокруг будущего Сарова была в зависимости от Золотой Орды.

¹ Иоанн, иеромонах. Сказание о первом жительстве монахов... // Известия Тамбовской Ученой Архивной

комиссии (ИТУАК). Тамбов, 1904. Вып. 49. С. 4.

² ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1092. Л. 108 - 111.

³ Нарцов А. Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 года // ИТУАК. Вып. 46. Тамбов, 1902. С. 32.

⁴ Маркеллин, игумен. Краткое историческое описание Саровской пустыни. М., 1819. С. 52.

⁵ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 173.

⁶ Там же. Д. 1092. Л. 108 - 111.

⁷ Иоанн. Указ. соч. С. 4.

⁸ Там же. С. 4 - 5.

⁹ Там же. С. 6 - 7.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 6.

¹¹ Грибов Н. Н. Раскопки на городище Саровском // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 84.

¹² Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1907. С. 7.

¹³ Маркеллин. Указ. соч. С. 6 - 7.

¹⁴ Порфирий, иеромонах. Житие и подвиги иеромонаха Иоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни. Муром, 1892. С. 119.

¹⁵ Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. XXIV. Саранск, 1963. С. 69 - 70; он же: Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 95.

¹⁶ Циркин А. В. Археологические раскопки и разведки на нижнем и среднем течении р. Мокши // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.

¹⁷ Порфирий. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2. С. 239.

¹⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX - XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 434; История Мордовской АССР. Саранск, 1979. Т. 1. С. 38.

С. Н. Столяренко

МОНАСТЫРИ АРЗАМАСА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Возникновение города Арзамаса связано со Спасо-Преображенским монастырем, основание которого относят к 1556 г. и связывают с именем царя Ивана Грозного. Считается, что Арзамас был основан им во время Казанского похода в 1552 г. С этой обители началось освоение мордовской земли русскими, пришедшими сюда в результате расширения границ Московского государства. «Главнейшей обязанностью иноков Спасского монастыря была проповедь Слова Божия - миссионерские труды».¹

Монастырь занял важное место в ландшафте, на плато, образованном руслами речек, впадающих в реку Тешу - р. Сорока и р. Шамка. Более выгодное место на близлежащей территории занял арзамасский острог: он расположился на крутом откосе Тешы. Эта пограничная крепость была сплошь срублена из дубового леса, как и первый храм Арзамаса. Первые здания Спасского монастыря также были долгое время деревянными. К постройке первого каменного собора приступили в 1638 г. при игумене Иове. В том же году Иов переведен в Москву в Новоспасский монастырь. «Преемник его игумен Корнилий почему-то убавил размеры храма».² Об этом свидетельствует договорная запись об устройстве иконостаса с новоспасским старцем Ипполитом, резчиком.³ Оба собора представляют пример одновременного строительства двух одинаковых храмов в Арзамасе и Москве (последний датируется 1640 - 1642 г.). Заказчиком обоих Спасских соборов выступал игумен Иов, начавший сначала постройку в Арзамасе, а затем, после перевода в Москву, заложивший там точно такой же собор. Они представляют собой четырехстолпный трехнефный храм с завершением в виде пяти массивных световых барабанов. Позднее подобный тип православного храма был признан патриархом Никоном каноническим. Несмотря на серьезные переделки арзамасского Спасского собора в конце XVIII в., он остается самой древней монументальной постройкой в городе.

До постройки в 1814 - 1842 гг. главного Воскресенского собора центральной площади, Спасский собор считался кафедральным и был самым крупным по масштабу храмом Арзамаса. «Расположенный на вершине горы, господствующей над окрестностью, Арзамас еще издали привлекал внимание путешественников своими белокаменными церквями. Красою всего города был Спасский монастырь... Спасский монастырь затмевал собою кремль с его деревянными стенами и башнями и дубовым собором».⁴

В истории развития Спасского монастыря видны четыре строительных периода: первый, когда недавно основанный монастырь был сплошь из дерева; второй период начинается со строительства каменного собора; третий - с начала XVIII по конец XVIII вв., когда были построены теплая трапезная церковь Рождества Божьей Матери (1729 г.), обновилась каменная ограда, и шло интенсивное строительство; и четвертый период - в первой половине XIX в., во время которого созданы кельи и надвратная церковь св. Георгия Победоносца и каменный корпус при ней (1896 г.). К последнему периоду относится расцвет строительства в Спасском монастыре, который закончился в 1861 г. построением вместо одной из башен ограды часовни Спаса Нерукотворного в стиле эклектики.

Сейчас основные постройки монастыря сохраняются в перестроенном виде, некоторые здания имеют утраты верхних частей - глав и куполов. Совершенно утрачена шатровая колокольня начала XVIII в.

В истории другого значительного для Арзамаса женского Никольского монастыря отчетливы пять строительных периодов: первый - деревянные храмы и кельи; второй - им на смену приходят каменные; третий - после пожара 1726 г. реконструкция каменных храмов, строительство новой колокольни и ограды (конец XVIII в.); четвертый - период крупных строительных работ в 1811 - 1813 гг., строительство настоятельского

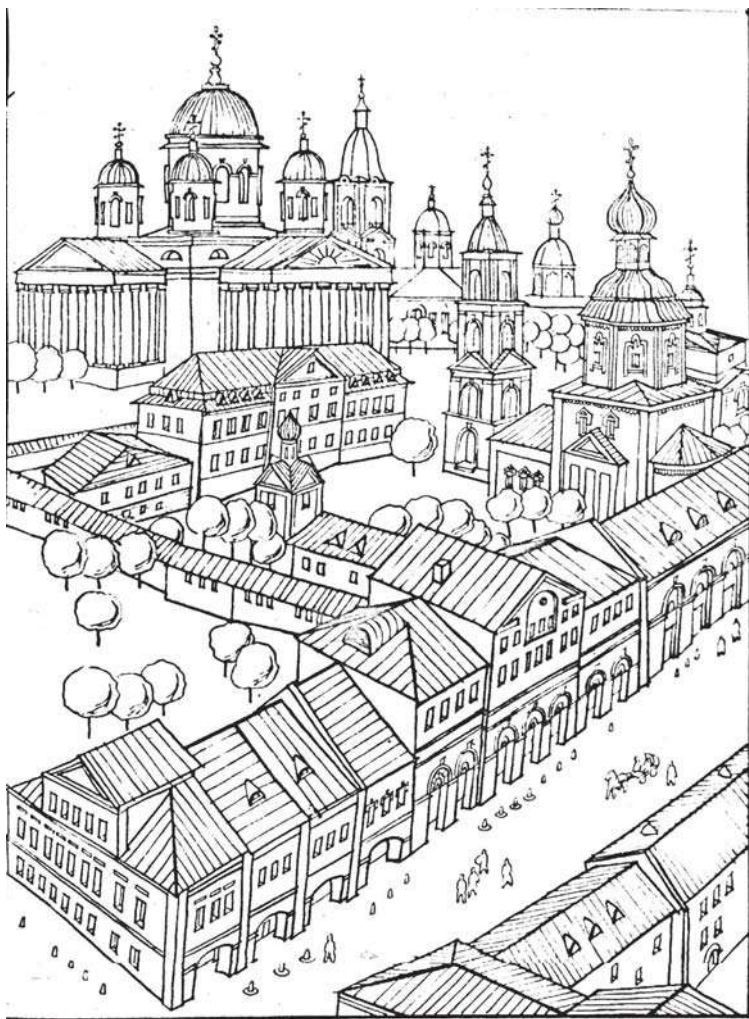

Рис. 1. Арзамас. Вид с юго-востока на Николаевский монастырь. Начало XX в. Рис. А. Столяренко.

корпуса, церкви Богоявления Господня, всеобщий расцвет монастыря; пятый - середина XIX в. - строительство келий и реконструкция ворот и ограда в 1869 г.

В начальной период истории Арзамаса в укрепленном остроге существовала особая территория - "малый средний острог". Он располагался в его юго-восточной части между Настасиных и Кузнечных ворот, близ основного въезда в крепость. Считается, что около 1588 г. в малом остроге был основан женский монастырь, второй к тому времени в Арзамасе. Духовную опеку над обителью взял на себя игумен Спасского мужского монастыря Сергей. Первоначально во вновь основанном монастыре подвизалось тридцать инокинь. Первые здания монастыря просуществовали до большого пожара в 1650 г., когда сгорели крепость и монастырь. Лишь в 1683 г. была освящена первая каменная постройка - собор в честь Николы Чудотворца. В 1720 г. "по челобитью города Арзамаса Николаевского девича монастыря игумении Дарии с сестрами велено ... вместо ветхой деревянной церкви построить на том же месте

церковном, вновь деревянную церковь во имя Богоявления Господня"⁵

После нового большого пожара в 1726 г. "деревянная теплая церковь, колокольня, все келии и ограда превратились в пепел. Каменный храм святителя Николая, освященный всего лишь 43 года назад, выгорел внутри, и действие огня было настолько ужасно, что каменные стены храма не выдержали и разрушились"⁶. Но данную запись можно подвергнуть сомнению. Натурные обследования сохранившихся частей и фотоматериалы свидетельствуют, что в основном собор сохранился, и только его фрагменты и некоторые детали были перестроены в 1738 г.⁷

В Арзамасе находилась церковь Воздвижения Честного Креста, построенная за год до Никольского собора в 1682 г. Эти два храма до мельчайших деталей были похожи друг на друга. Время их постройки, детали, а, главное, ярусная композиция могут говорить о том, что строились они одной строительной артелью каменщиков. Храмы-близнецы, поставленные поблизости, на расстоянии сто сажен друг от друга, подчеркивают особенность храмов Арзамаса - среди них много построенных "по подобию"⁸.

Ко времени больших перепланировочных работ в Арзамасе Никольский монастырь подошел весь каменный: с каменной теплой церковью Боголюбской иконы Богородицы (1776 г.) и оградой с башнями. Арзамас вначале получил "конфирмованный" план 1781 г., но из-за его невязки местными силами архитекторов при Нижегородском наместничестве стал перепланировываться по "вновь спроектированному" генплану 1782 года. В результате этих работ произошло изменение территории монастыря. С восточной стороны были проложены "две линии Гостиной улицы", отрезавшие треугольник, взамен которого монастырь получил подобный участок с севера на границе с Соборной площадью.

Расцвет Никольского монастыря приходится на время настоятельства игуменьи Евсевии, "которая по происхождению была бедная крестьянка села Ичалова. За время ее управления (1801 - 1821 гг.) только одних зданий построено по описи на 125000 рублей"⁹.

Евсевия не только наблюдала за постройкой и распоряжалась, но и сама трудилась при этом и "даже носила кирпичи".

Среди ее построек - большой

настоятельский корпус и новая теплая каменная церковь Богоявления Господня, освященная в 1813 г. В 1807 г. монастырь получил от Нижегородской консистории разрешение на строительство: велено было начать разборку старого теплого храма и готовить план для нового. Новый храм предполагали построить на “фундаментальном исподнем этаже для монастырских выгод”. Проект был исполнен на месте, видимо, арзамасским зодчим. В эти годы в городе начинал свою деятельность молодой М. П. Коринфский, впоследствии известный архитектор (1781 - 1851 гг.). Чертежи не были приняты, так как план оказался “велик и в иных местах имел много лишнего, как колонны, которые вовсе не нужны и потребуют многого издевания и впредь поправления”.¹⁰ Его преосвященство архиепископ Вениамин посоветовал игуменье “строить по примеру теплой общинной церкви (Алексеевской общины - С. С.), которая есть о двух престолах и для женского монастыря весьма удобна ... плана же для сей церкви сочинять не для чего, понеже самая та церковь в натуре есть”.¹¹ Так за основу был принят храм более чем пятидесятилетней давности, построенный еще в эпоху барокко в 1753 г. В этом случае видны пережитки строительства “по подобию” - строительство “по образцу”, и это в эпоху повсеместного использования чертежей, составленных профессиональными зодчими. Видимо в то время строители-каменщики, штукатуры, кровельщики могли строить, что называется “на глаз”.

Одновременно с теплой церковью и теми же мастерами построен большой настоятельский корпус, в котором находились кельи настоятельницы, кельи казначеи, кельи сестер, общая трапезная, мастерская, библиотека, аптека, школа грамоты, хлебопекарня и кухня. Здесь находились известные по всей России вязальные и золотошвейные мастерские.

Многие монастырские здания сохранились до сих пор, несмотря на некоторые утраты. В 1991 г. двум памятникам возвращен первоначальный облик: на Богоявленской церкви восстановлен барабан с куполом, и воссоздана башня ограды. Ныне обитель действует.

К началу XVIII в. в Арзамасе числилось пять монастырей и девять приходских церквей, у которых было по два храма - летний и зимний. “В 1722 году кроме монастырей, находившихся в самом Арзамасе, в его уезде насчитывалось четыре монастыря мужских: Высокогорский, Троицкий на Пьяне, Знаменский-Красногривский, ... Серапионова пустынь... и один женский - Никольский, что на реке Теше. Приходов в городе было 12-ть, а в уезде 186 приходов”.¹²

Сокращение монастырских штатов, проведенное в 1764 г. в период правления императрицы Екатерины II, коснулось и арзамасских монастырей: у Спасского отобраны вотчины, и он вместе с Никольским зачислен в третий класс; три других - Новодевичий Алексея человека Божия, Троицкий Особный мужской и мужской Введения во

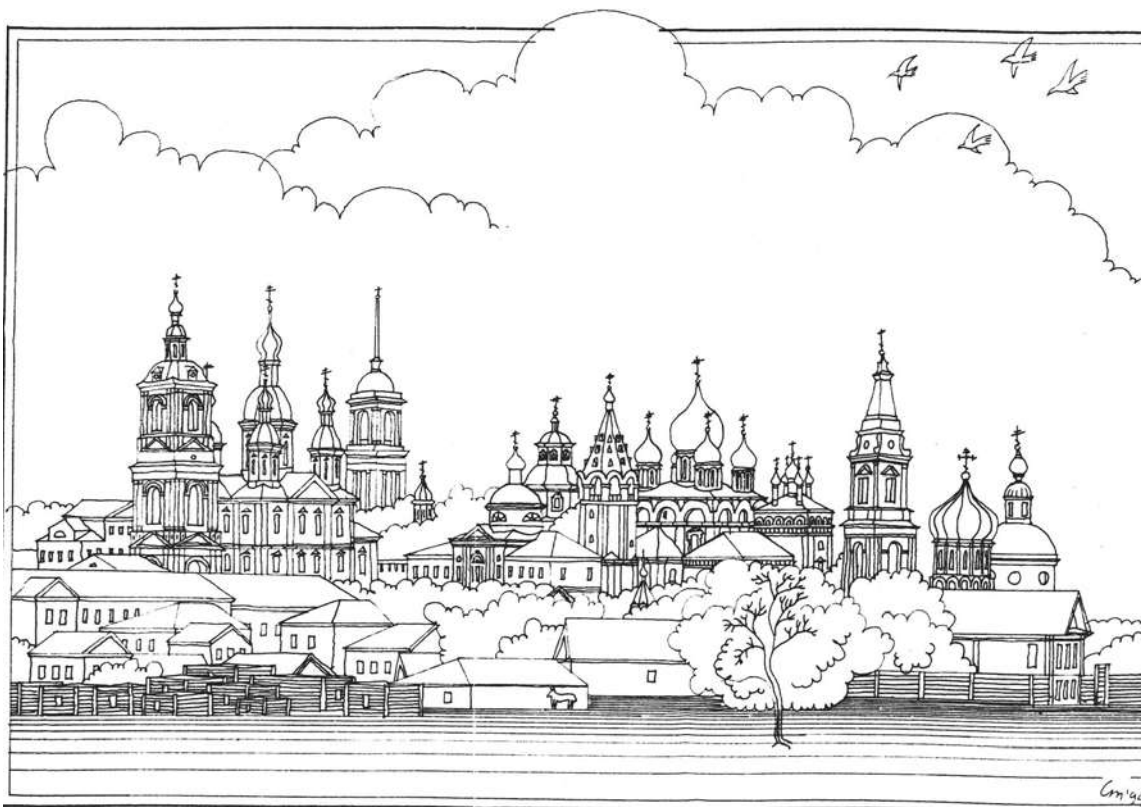

Рис. 2. Арзамас. Вид с юго-запада. Прорись фотографии конца XIX в. Рис. С. Столяренко.

храм Пресвятыя Богородицы были упразднены и обращены в приходские. Позже церковь Введения во храм Пресвятыя Богородицы приписана к Воскресенскому собору.

О внешнем виде Троицкого и Введенского монастырей можно судить лишь по скудным отрывочным сведениям. Самого главного, натурного, материала нет., в связи с тем, что храмы их разрушены в 1930-е гг.

Троицкий Особный монастырь упоминается с 1626 г. “Особным называется потому, что иноки его имели каждый особое жильё, пищу и одежду на своей собственной счет”.¹³ Для различия со стоящей рядом другой Троицкой церковью монастырь назывался среди арзамасцев Черной Троицей, а приходская - Белой Троицей.

В 1651 г. в центре арзамасского острога построена деревянная церковь во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы и при ней учрежден мужской монастырь. Через сорок лет в 1692 г. этот храм заменен за ветхостью новым каменным. “Патриарх Адриан, по челобитью Введенского старца Авраамия с братиею, дал благословенную грамоту: деревянную трехпрестольную церковь разобрать, бревна на чистом месте спалить, а на месте ея построить две каменные церкви: холодную во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы, да по сторону той церкви другую церковь во имя святой преподобно-мученицы Евдокии для зимняго времени теплую с трапезой, а вход бы в те церкви был с паперти, а из церкви бы в церковь дверей не было, а верхи были не шатровые, а алтари велеть сделать круглые, тройные”.¹⁴ Согласно позднейшим материалам, была построена в 1692 г. вначале теплая Введенская церковь, а в 1747 над ней надстроена холодная церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы.

Алексеевская община, основанная как “новодевичий” монастырь в 1634 г., с 1764 по 1777 гг. формально не существовала. После упразднения монастырь не запустел, инокины продолжали жить в кельях, и более того, в то время, когда обитель не была возобновлена, в ней основан собор Вознесения Господня. Храм этот был значительно перестроен в 1821 - 1822 гг., в нем были проведены работы по

расширению приделов, которые не имеют с инженерной точки зрения аналогов в строительной практике. “План составлен был гениально самою настоятельницей, а работы шли под управлением полуграмотного крестьянина Егора Михайлова. Храм не разобрали, а только выбрали старые стены и обнесли его новыми. От северной и южной стен остались одни колонны, а от восточной и западной не осталось и следа”.¹⁵

Расцвет Алексеевской общины приходится на десятилетия - двадцатые годы XIX в. Внутреннему духовному процветанию общины соответствовало и внешнее благоустройство. В это время построены больничный корпус с домовым храмом св. великомученицы Варвары, корпуса келий, возведена каменная ограда. Широко известна сувенирная литография для паломников, изображающая идеалистично, но довольно точно вид общины в пору своего цветущего состояния. Во внешнем облике и планировке Алексеевской общины есть сходство с прославленной Серафимо-Саровской пустыней, что находится близ Арзамаса. Здания общины сохранились до сих пор, но находятся в ведении военной части, почему обследование памятника затруднено.

В архитектурных формах и градостроительных принципах этих пяти арзамасских монастырей запечатлена вся история русского зодчества, сосредоточена былая духовная жизнь Арзамаса. Обилие глав храмов, в том числе и приходских, обилие шпилей, башен, оград и колоколен, сходство повторяющихся ярусных, близких по типологии храмов, расположенных почти всегда парой, да с отдельной стоящей звонницей, делало Арзамас удивительным городом. Можно сказать, в нем были наглядно воплощены принципы православия в формах храмов. Вот как писал граф В. А. Соллогуб в 1822 г.: “Много видел я в Москве церквей, но в Арзамасе кроме церквей ничего не видел. Кое-какие домишки исчезают там под торжественным давлением куполов, колоколен и башен. Арзамас по преимуществу город православия. Перед ним русскому человеку нельзя не перекреститься”.¹⁶

¹ Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 18.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 31 - 32.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Арзамасской десятины жилые церкви и пустовые церковные земли 7136 (1628) - 1746 гг. // Материалы для истории церкви Нижегородской епархии. М., 1902. Вып. 1. С. 4.

⁶ Щегольков Н. М. Арзамасский Никольский общежительный женский монастырь. История его и описание. Арзамас, 1903. С. 13.

⁷ Столяренко С. Н. Никольский монастырь в Арзамасе - памятник архитектуры XVII - XIX веков // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2-ой региональной конференции. Нижний Новгород, 1991.

С. 156.

⁸ См. подробнее: Столяренко С. Н. Типовое строительство культовых зданий XVII - XIX веков в Арзамасе. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов 1-ой региональной конференции. Горький, 1990. С. 137 - 144.

⁹ Щегольков Н. М. Исторические сведения... С. 120.

¹⁰ ГАНО. Арзамасский филиал. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4 (листы нумерованы).

¹¹ Там же.

¹² Щегольков Н. М. Исторические сведения... С. 81.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. СПб, 1857. С. 93.

¹⁵ Щегольков Н. М. Исторические сведения... С. 116.

¹⁶ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.-Л., 1931. С. 37.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ СВЯТО-ТРОИЦКОГО СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь относится к числу наиболее почитаемых русских православных обителей. Дивеево влечет к себе паломников не только из России, но и со всего мира. Объясняется это не столько интересными архитектурными памятниками, составляющими ансамбль монастыря, сколько той высокой духовной энергией, которую эти памятники в себе несут. Широко известны в нашем отечестве дивеевские подвижники благочестия, центральное место среди которых занимает образ Святого Преподобного Серафима Саровского Чудотворца.

Несмотря на столь большую значимость и мировую известность, монастырская история освещена далеко не в полной мере. По этому вопросу главным образом приходится довольствоваться “Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря”¹ и “Дивеевскими преданиями”² как наиболее известными литературными источниками.

Однако с точки зрения научно-документальной история создания и развития обители изучена явно недостаточно.

Восполнить в некоторой степени этот пробел предназначена данная работа, в которой рассматриваются этапы становления и развития Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Кроме того, здесь дан краткий анализ планировочной и объемно-пространственной структуры монастырской обители на вершине ее развития. Основой для написания послужили преимущественно архивные графические материалы, которые рассматриваются непосредственно в тексте. В работе используются архивные исследования, проведенные историком Г. Н. Ометовой в 1991 - 93 гг.

Как явствует из общепризнанных литературных источников, основанием Серафимо-Дивеевского монастыря послужило устройство Агафьей Семеновной Мельгуновой женской общины в с. Дивеево в 1780-х гг.

Крайне скудны и немногочисленны исторические сведения об этом поселении у стен Казанской церкви. “В начале существования общины земли при оной не было; а основательница... Агания Семеновна Мельгунова, соорудя своим иждивением каменную церковь,... устроила для себя и сотрудниц своих, при той церкви, на общественной села Дивеево земле небольшую келию”, - сообщала в своем рапорте настоятельница в 1842 г.³

Опираясь на имеющийся архивный графический материал, можно говорить лишь о том, что строения общины располагались в непосредственной близости от Казанской церкви с северной ее стороны. На плане с. Дивеево 1788 г. (старейшем из обнаруженных архивных

графических документов) на этом месте, т. е. к северу от Казанской церкви, показано строение (группа строений?), обособленное от сельского жилья.⁴ Очевидно это и есть “Казанская община”, получившая название от стоящего поблизости одноименного храма.

По воспоминаниям матушки Серафимы Булгаковой, в 1886 г. над келией первоначальницы обители был возведен двухэтажный корпус, своего рода футляр, заключивший в себе келию, ставшую к тому времени часовней. На схеме, составленной по воспоминаниям матушки Серафимы, в 1989 г. отмечено место, на котором стояло это сооружение.⁵ В 1838 г. численность общины у Казанской церкви достигла ста двадцати. Строение общины занимало территорию в 1322 саж.⁶

25 ноября 1826 г. по откровению Божией Матери о. Серафим приступил к устройству второй, девичьей общины на месте Ею же - Богородицей - указанном. Краткие сведения об основании о. Серафимом общины содержит рапорт настоятельницы в Нижегородскую Духовную консисторию от 24 ноября 1849 г.: “При умножении сестер и невозможности уже помещаться при церкви по ходатайству о. Серафима пожертвована наследниками г-на Баташова, состоящая под рудопыльными ямами неудобная земля в количестве 3-х десятин...”⁷

К 1839 г. в общине проживало сто три девицы. Дома, в которых они помещались, были выстроены в две линии, и вся обитель вместо ограды была окружена земляною канавкою на четыреста сорок сажень, вырытой сестрами по благословию о. Серафима.⁸

На плане части с. Дивеево, составленном при “полюбовном размежевании земель между владельцами” (1846 г.), территория этой общины нашла четкое отображение.⁹ Примечательно то, что, если сельское жилье показано в массе, то на территории Мельничной общины нанесены отдельные строения, в том числе две ветряные мельницы, которые, очевидно, и дали название обители. Кроме мельниц здесь изображены две пустыньки о. Серафима, перенесенные после его преставления (1833 г.) из Саровского леса. С запада к территории общины примыкало сельское приходское кладбище. К этому времени в общине уже были первые монастырские церкви - Рождества Христова (1829 г.) и Рождества Богородицы (1830 г.), пристроенные по указанию преподобного Серафима к паперти Казанской церкви. Проект церковей был составлен арзамасским городским архитектором С. И. Соколовым в августе 1827 г. и утвержден строительным комитетом при Министерстве Внутренних дел 19 декабря 1827 г.¹⁰

как произошло слияние двух общин - Казанской и Мельничной - в единую Серафимо-Дивеевскую (1842 г.). Строения Казанской общины были перенесены на территорию Мельничной, которая с 1842 г. стала являться центром новой обители. Как видно из плана 1848 г., новая Серафимо-Дивеевская община уместилась на территории бывшей Мельничной не имея каких-либо новых земельных владений.

Ситуация круто меняется в середине XIX в. В 1861 г. общине присваивается статус третьеклассного женского монастыря. К этому периоду относится интересный архивный документ, не фигурирующий в ранних историко-архивных исследованиях по данному вопросу. Это съемка Нижегородской губернии, выполненная под руководством генерала Менде в 1848 - 1862 гг.¹¹ Здесь на плане с. Дивеево показаны уже новые границы обители. Более того, показана Тихвинская церковь 1847 г. постройки, озеро и ветряная мельница. Автор плана не обошел вниманием жилые корпуса на территории монастыря и отметил также, что приходское кладбище переместилось к югу от села. В 1856 г. в монастыре уже была своя кладбищенская церковь - Преображенская, алтарь которой был устроен из дальней пустыньки батюшки Серафима. В 1848 г. состоялось важное событие - закладка Троицкого собора на месте, указанном преподобным. Из-за внутримонастырских несогласий строительство его было начато только в 1865 г. В 1875 г. состоялось освящение главного престола во имя святой Троицы.

Следующей важной вехой в истории монастыря можно и должно считать 1903 г. - год обретения и прославления святых мощей преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Близок к этому времени план с. Дивеева 1899 г.¹² Иных архивных графических материалов за период второй половины XIX в. на сегодняшний день не обнаружено, хотя именно в этот временной период монастырь осваивает новые территории к западу, востоку и югу от существующих владений и обретает границы, с которыми живет вплоть до 1917 г. И именно в это время происходит формирование монастыря как архитектурного ансамбля. Строятся Троицкий собор (1875 г.), Игуменский корпус (1885 г.), Александринская школа-приют (1898 г.), Трапезная Александро-Невская церковь (90-е гг.), колокольный корпус (1901 г.) и прочие жилые и хозяйственные корпуса.

Ко времени 1903 - 04 гг. относится абсолютное большинство наглядных исторических материалов: две литографии и ряд фотографий М. П. Дмитриева. Особенный интерес здесь представляют запечатленные элементы благоустройства монастыря того времени, которые не нашли отражения на планах. Так, мы видим, как были посажены деревья, разбиты цветники, поставлены заборы, оформлена Канавка Божией

Матери.

Развитие обители достигает своей вершины к 1917 г. О территории монастыря этого времени можно судить по "Плану местности, занимаемой церквями и постройками бывшего Серафимо-Дивеевского монастыря 1925 г."¹³ К 1918 г. по проекту архитектора А. Е. Антонова был выстроен, но не освящен, грандиозный Новый зимний собор, завершивший формирование монастырского ансамбля на данный исторический этап. Имеющиеся архивные документы: страховые описи 1910 - 14 гг., план 1925 г. и схема, составленная по воспоминаниям матушки Серафимы Булгаковой, позволяют с достаточной точностью реконструировать территорию обители на 1917 г. Остановимся подробнее на том, что представлял собой монастырь к этой роковой для отечественной истории дате. К этому времени обитель насчитывала десять церквей, пять часовен, восемьдесят четыре жилых (включая мастерские) и сто пятьдесят шесть надворных строений. Огромная территория монастыря была вытянута с запада на восток почти на километр. "Целая область, раскинувшаяся на 3 версты", - по выражению нижегородского преосвященного Иоаникия.¹⁴ На востоке она имела прямоугольные границы, а на юго-западной стороне - криволинейные очертания, повторяющие направление дороги из Ардатова в Саров (исключая Казанскую церковь с оградой). Причем, если с севера ограда была бутовая с кирпичными вставками, а с востока и с юга - кирпичная, то с юго-западной стороны она представляла собой дощатый забор. Объясняется это тем, что, по предсказанию батюшки Серафима, территория монастыря должна была развиваться на запад вплоть до р. Вичкинзы, включив в себя и Казанскую церковь. Главных ворот в монастыре было двое. Казанские - к северо-востоку от Казанской церкви, и Саровские, расположенные на оси дороги в Саров. Какие ворота были главными - трудно сказать. Рассуждая логически - Казанские, как стоящие примерно на одной оси с колокольней и Троицким собором. Но как осуществлялось движение паломников к ним через явно затесненный проход между оградой Казанской церкви и монастырским забором, остается загадкой. Саровские же ворота, напротив, отличались свободным подходом, и путь от них до соборной площади был обсажен с двух сторон деревьями. Кроме того, было еще пять хозяйственных ворот.

Теперь обратимся к планировочной и объемно-пространственной структуре Серафимо-Дивеевского монастыря того времени.

Матушка Серафима Булгакова пишет в своих воспоминаниях, что монастырь делился на "старую" и "новую" обитель.¹⁵ "Старая", по ее словам, занимала юго-западный клин. Место "новой" не обозначено, надо полагать, что к ней относилась вся остальная территория.

Согласиться с таким делением едва ли

можно, т. к. “старая” Казанская обитель была куда скромнее по площади, чем юго-западный “клин” территории монастыря. К тому же к началу XX в., кроме келии м. Александры, никаких прочих строений, равно как и фиксированных границ, от Казанской общины не сохранилось, чего не скажешь о Мельничной, границы которой хорошо читаются на планах и местности благодаря Канавке Божией Матери. Надо полагать, что это деление носило чисто символический характер, как дань истории. На самом деле Серафимо-Дивеевский монастырь сложился таким образом, что его территорию можно разделить на следующие части:

1. Западная хозяйственная зона.
2. Административно-культурный центр.
3. Историческое ядро с жилой застройкой в границах Канавки Божией Матери.
4. Восточная хозяйственная зона.

Здесь необходимо отметить, что это деление весьма условное, т. к. зачастую жилье находилось там же, где и производственные и административные площади (Литография, Игуменский корпус, Хлебный корпус, Живописная мастерская и т. п.). В плане анализа планировочной структуры монастыря наиболее интересно рассматривать его центральное административное ядро, т. к. остальные территории не имеют ярко выраженного архитектурно-планировочного замысла.

Можно предположить, что центральный монастырский ансамбль прошел две стадии формирования. Первая стадия сложилась к 1901 г., когда завершилось строительство колокольни, и здесь основным формирующим композицию звеном являлась площадь, непосредственно прилегающая к главному собору, вокруг которой и сгруппировались основные сооружения. Но уже с постройкой Нового собора в 1916 г. ситуация изменяется следующим образом. Теперь центром композиции служит сам Троицкий собор, а вокруг него по условному кольцу расположены Игуменский корпус, Колокольный корпус, Трапезная церковь, Новый собор, Александрийский приют. По второму (столь же условному) кольцу стоят Казанская церковь, шатровая водокачка, Тихвинская церковь и жилые корпуса.

Можно добавить также, что планировка Серафимо-Дивеевского монастыря лишена той линейности, коя присуща монастырским ансамблям периода классицизма и эклектики. А принцип концентрического расположения построек роднит Серафимо-Дивеевский монастырь с некоторыми монастырями средневековой Руси.

Серафимо-Дивеевский монастырь имеет еще одну особенность, о которой необходимо здесь упомянуть и которая хорошо заметна при панорамном обзоре: два столь монументальных собора, стоящих в непосредственной близости один от другого, как бы “спорят” своими активными массами друг с другом о первенстве. И лишь

стройная вертикаль колокольни перед Троицким собором дает понять, какой храм является главным в ансамбле.

После революции, а точнее, после закрытия монастыря в 1927 г., стал происходить процесс разрушения монастырского единства. Монастырь утратил южную, западную и восточную ограду (северная сохранилась на 30 %). Начался насильственный и агрессивный процесс внедрения светских, мирских структур в монастырскую обитель. Монастырские строения сносились, перестраивались, а, в лучшем случае, приспособлялись новой властью на свое усмотрение. На сегодняшний день из двухсот тридцати шести строений сохранилось лишь двадцать семь. Остальные полностью утрачены.

Наибольшие утраты получила восточная (хозяйственная) часть территории. Достаточно сказать, что здесь сохранилось лишь два монастырских объекта - рига и фрагмент хозяйственного корпуса. В сороковых - пятидесятых годах эта территория получила новую планировку и малоэтажную, преимущественно деревянную, застройку. Средняя часть монастыря пострадала меньше и, главным образом, сохранила свою планировку, особенно в южной и северной частях территории. Внутри же канавки уцелело лишь два монастырских строения - водокачка и каменная рига. Историко-архитектурная среда сильно пострадала здесь в результате возведения каменных зданий (школа, интернат и проч.) в советское время. Наконец, главная часть монастырского ансамбля - центральная - сохранилась практически полностью и лишь “мерзость запустения” воцарилась здесь на долгие годы.

Однако в 1991 г., со вторым обретением св. мощей преп. Серафима, началась новая эпоха в жизни Серафимо-Дивеевского монастыря - эпоха восстановления и реставрации, которая продолжается по сию пору.

Основные даты и события истории Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря:

1775 - 79 гг. - возведение в с. Дивеево Казанской церкви стараниями А. С. Мельгуновой;

1780 г. - основание А. С. Мельгуновой Казанской женской общины;

1789 г. - преставление А. С. Мельгуновой;

1826 г. - основание отцом Серафимом Мельничной (девичьей) общины;

1829 г. - постройка церкви Рождества Христова по указанию о. Серафима;

1830 г. - постройка церкви Рождества Богородицы по указанию о. Серафима;

1.01.1833 г. - преставление о. Серафима;

1842 г. - объединение Казанской и Мельничной общины в единую Серафимо-Дивеевскую общину;

1847 г. - постройка Тихвинской церкви;
1848 г. - закладка Троицкого собора;
1856 г. - постройка Преображенской кладбищенской церкви;
10.02.1861 г. - указ Святейшего Синода № 473 о присвоении Серафимо-Дивеевской общине статуса третьеклассного женского монастыря;
1875 г. - завершение строительства Троицкого собора;
1885 г. - постройка Игуменского корпуса;
1890-е гг. - строительство Трапезной Александро-Невской церкви, водокачки, домов для священников;
1901 г. - завершение строительства Колокольного корпуса;

1903 г. - первое обретение мощей и канонизация Святого Преподобного Серафима Саровского Чудотворца;
1916 г. - завершение строительства Нового Зимнего собора;
1917 г. - октябрьский переворот в России;
1927 г. - закрытие монастыря и разгон обители;
1988 г. - в с. Дивеево зарегистрирована религиозная община;
1991 г. - утверждены община и устав Серафимо-Дивеевского монастыря;
11.01.1991 г. - второе обретение мощей Святого Преподобного Серафима Саровского Чудотворца, начало возрождения обители.

¹ Чичагов Л. М. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903.

² Монахиня Серафима (Булгакова). Дивеевские предания. Совместное издание редакции "Скип" и Ставропольского краевого комитета общества Красного Креста, 1992.

³ ГАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 63 (1842). Л. 263.

⁴ ГАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 309.

⁵ Личный архив Н. Н. Фроловой.

⁶ ГАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 63 (1842). Л. 24.

⁷ ГАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 63 (1842). Л. 263 об.

⁸ Женские общины в Нижегородской губернии // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1847. Ч. 19. С. 281.

⁹ ГАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 299.

¹⁰ РГИА. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 1639.

¹¹ РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2.

¹² ГАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 189.

¹³ ГАНО. Ф. 1679. Оп. 2. Д. 54.

¹⁴ Церковные ведомости. 1903. № 13. С. 1052.

¹⁵ Монахиня Серафима. Указ. соч.

О. И. Радченко

МОНАСТЫРИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Историю возникновения монастырей на территории края можно условно разделить на четыре этапа, тесно связанных с этапами военно-правительственного и аграрного освоения Самарского Заволжья и с политикой российских самодержцев в отношении монастырей (с середины XVI в. по 1917 г.):

1 этап - середина XVI в. - 1700 г.;

2 этап - 1700 г. - 1764 г.;

3 этап - 1764 г. - середина XIX в.;

4 этап - середина XIX в. - 1917 г.

Первый из названных этапов связан с возникновением на левом берегу реки Волги крепости Самара в 1586 г. и с сооружением на левобережье Закамской сторожевой линии, а также с постройкой на правом берегу Волги крепости Сызрань в 1683 г. Этот этап характеризуется монастырской колонизацией земель Самарской Луки, а с началом строительства оборонительных сооружений Сызранской черты - и правобережья р. Волги, ниже г. Сызрани, а также развитием монастырских рыбных промыслов по р. Волге и ее притокам.

Характерная для второго периода политика ограничения церковного и монастырского землевладения в интересах дворянства нашла свое отражение и в Заволжье в передаче некоторых селений, земельных угодий и рыбных ловель по Волге, бывших во владении монастырей, частным

лицам. В результате многие монастыри, основанные на территории края в предшествующий период, лишившись своих владений, пришли в упадок и были упразднены (Самарский Спасо-Преображенский женский монастырь, Кашпирский Симеоновский Благовещенский мужской монастырь).

Третий этап - это период широкого распространения помещичьего землевладения в Заволжье. Монастырская колонизация на этом этапе связана с указами Екатерины II, направленными на привлечение русских старообрядцев из Польши к обработке плодородных земель по р. Иргизу. На этом этапе на территории края один за другим возникают старообрядческие монастыри: Верхне-Спасо-Преображенский мужской старообрядческий монастырь, Средне-Никольский Воскресенский мужской старообрядческий монастырь, Нижне-Никольский Воскресенский мужской старообрядческий монастырь и др. К середине двадцатых годов XIX в. иргизские монастыри стали центром обширной старообрядческой колонии, заселившей пустынные до того времени берега р. Иргиз. В тридцатые годы XIX в. эти монастыри были преобразованы в единоверческие и в таком статусе просуществовали вплоть до октября 1917 г.

Начало четвертого периода связано с важнейшим событием в истории г. Самары и всего региона - учреждением Самарской губернии (1850 г.), а конец совпадает с октябрьской революцией 1917 г.

В этот период новая волна массового монастырского строительства охватывает регион. Получают статус монастырей общины (преимущественно женские), которые возникли на территории края еще в двадцатые годы XIX в., повсеместно возникают новые общины и в короткий срок получают статус монастырей. К 1917 г. на территории края существовало уже двадцать два монастыря (восемь мужских и четырнадцать женских), а также одна женская община, не успевшая получить статус монастыря в связи с событиями 1917 г.

Оценить социальную значимость каждого из этих монастырей, его место и роль в общественной и культурной жизни позволяет типологизация монастырей.

История возникновения и развития монастырей на территории Самарского края с середины XIX в. до начала XX в., особенности политических, экономических и этнических процессов на указанной территории в предшествующий период дают основание взять за принцип типологизации способ основания того или иного монастыря, так как от способа основания зависело не только благосостояние монастыря, но и форма организации хозяйственной жизни и преобладающее развитие той или иной функции.

В зависимости от способа основания, на территории Самарского края в указанный период можно выделить шесть типов монастырей:

1 - монастыри штатные, субсидируемые государственной казной;

2 - монастыри, созданные ктиторами (богатыми людьми различных сословий);

3 - монастыри, ведущие свое начало от общин;

4 - единоверческие монастыри (бывшие раскольничьи монастыри, обращенные в единоверие на основах православия);

5 - монастыри, созданные по инициативе правительства специально для крещенных инородцев (мордвы, чувашей) с целью поддержания чистоты православия в их среде;

6 - монастыри, созданные старцами.

Из перечисленных типов монастырей наиболее обеспеченными были монастыри, основанные ктиторами и штатные монастыри. Первые имели надежное материальное обеспечение за счет денежных сумм и земель, пожертвованных в той или иной форме устроителями такого монастыря на его дальнейшее содержание. Вторые также имели фиксированный доход на каждого члена обители, зависящий от класса монастыря. Надежным средством существования таких монастырей была и земля, выделяемая при открытии штатного монастыря государством.

Наименее обеспеченными были монастыри, возникшие из общин, так как они находились в полной зависимости от пожертвования богатых

благотворителей и, не имея, особенно на первых порах, прочных средств к существованию, вынуждены были открывать при монастырях всевозможные мастерские. Как правило, благодаря хорошо поставленному и отлаженному монастырскому хозяйству и опыту настоятелей, и такие монастыри со временем богатели и становились собственниками земель и банковских капиталов.

Большинство монастырей, возникших во второй половине XIX в. на территории края, своим началом обязано именно таким общинам. Одним из таких монастырей был Самарский Иверский женский монастырь. Он возник как община в 1850 г. на землях, пожертвованных самарским обществом. В 1855 г. община получила официальное право на свое существование и только в 1860 г. - статус монастыря. Монастырь существовал исключительно на пожертвования благотворителей и на доходы от рукоделий насельниц. И это обстоятельство, безусловно, повлияло на развитие монастырских мастерских: золотошвейной, иконописной, чеканной, белошвейной и ковровой, изделия которых отличались высоким качеством и пользовались большим спросом у населения г. Самары и близлежащих сел и городов. К началу века монастырь этот стал богатейшей и известнейшей в крае обителью.

Пестрый национальный состав населения края, особенности этнических процессов, протекавших на территории региона в период его освоения, продуманная национальная политика царского правительства привели к возникновению на территории края монастырей, специально предназначенных для крещенных инородцев - мордвы и чувашей (Свято-Троицкий Раковский женский монастырь и Знаменская чувашская женская община Тенеевской волости Самарского уезда). Насельницами этих обителей стали крестьянки мордовской и чувашской национальностей из близлежащих сел, которые в силу своего как социального, так и национального происхождения, а также очень низкого уровня грамотности не могли чувствовать себя свободно в других монастырях, социальный состав и уровень грамотности насельниц в которых был значительно выше.

Социальная значимость этих обителей определялась культурным сближением мордвы, чувашей и русских на основе православных традиций.

Но наибольшей известностью и посещаемостью пользовались монастыри, в которых в той или иной форме сохранялись традиции старчества. Одним из таких монастырей на территории края был Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Он получил широкую известность не только в крае, но и далеко за его пределами как "оазис высочайшей духовности". Толпы паломников, особенно в

праздничные дни, заполняли эту обитель в поисках духовного руководства, наставления и утешения. Именно через такие монастыри осуществлялась глубокая внутренняя связь мирской и монастырской духовности и культуры.

Благодаря институту старчества происходило благотворное влияние монастырской этики на развитие нравственно-этических основ народов, населяющих край.

Трудно переоценить вклад монастырей в формирование социо-духовного каркаса региона. Это, прежде всего, создание монастырских школ и приютов для детей-сирот, монастырских библиотек, монастырских иконописных, чеканных и золотошвейных мастерских, создание монастырских хоров, а также огромное просветительное и религиозно-нравственное влияние, оказываемое монастырями на окрестное население.

К 1908 г. при шестнадцати монастырях (из двадцати существовавших на территории края) были организованы монастырские школы, в которых не только обучали грамоте детей различных сословий, но и готовили их к дальнейшей жизни, уделяя большое внимание нравственному и трудовому воспитанию. Устройство школ при монастырях было тесно связано с еще одним направлением монастырской деятельности - созданием приютов для детей-сирот. Таких детей появлялось особенно много после очередной военной кампании, и монастыри сами проявляли инициативу по призрению этих несчастных.

Высокое общественное значение монастыри приобрели живым откликом на нужды общества в военное время. В обителях епархии открывались лазареты для раненых воинов, братья и сестры монастырей добровольно записывались в отряды сердобольных братьев и сердобольных сестер. Монастыри не только шили белье и собирали корпию для лазаретов, но и поддерживали в народе духовную энергию и надежду на победу над врагом.

Во время русско-турецкой войны 1877 г. болгарскому ополчению у города Плоешти (Румыния) было вручено Самарское знамя как символ солидарности и глубокого сочувствия в справедливой борьбе болгарского народа. Золотое шитье на знамени безвозмездно выполнили искусные рукодельницы Самарского Иверского женского монастыря.

К 1907 г. золотошвейные и живописные мастерские были устроены почти во всех монастырях губернии. Открытие монастырских иконописных мастерских не только давало монастырям значительные доходы, но и служило распространению среди местного крестьянского населения правильных, строгого письма, икон.

За годы своего существования (с середины XIX до начала XX в.) монастыри не только не утратили своего значения, но все шире распространяли свое благотворное влияние.

Дальнейшему развитию этого социального института помешали события октября 1917 г. По декрету от 20 января 1918 г. об отделении церкви от государства имущество всех монастырей, кроме имущества богослужебного, подлежало переходу в народное достояние.

В связи с событиями гражданской войны и белочешского мятежа, в Самарском крае осуществление этого декрета начато только в 1920 - 21 гг. Лишь в декабре 1920 г. губернская комиссия по отделению церкви от государства сообщила, что монастырские земли губернии переданы в ведение Земельного отдела, а монастырские постройки - в ведение Жилищного отдела.

Национализация монастырских имуществ в первое десятилетие Советской власти не была доведена до конца: монастырская собственность становилась общенародным достоянием, но монашествующие пока еще продолжали жить на старых местах и вести, в основном, прежний образ жизни. Н е р е д к о м о н а ш е с т в у ю щ и е "реорганизовывали" свои обители в трудовые артели и коммуны, советская власть этому пока не препятствовала. Но уже в то время, стремясь опорочить отношения между монашествующими и послушниками и таким образом подорвать изнутри основы монастырской жизни, советская власть разделяет всех насельников на две категории: трудовое население монастыря (к этой категории относились все послушники) и монашествующие. Первые имели право составить коммуны и зарегистрировать ее через Земельный отдел. Что же касается монашествующих, то пребывание их в коммуне в качестве призываемых неполноправных членов коммуны всецело зависело от самих полноправных членов. Но эта тактика Советов потерпела провал, а коммуны и совхозы, основанные на базе бывших монастырских хозяйств, представляли собой крепкие хорошо организованные хозяйства, дающие стабильные доходы. И уже с 1928 г. начинается тотальная ликвидация трудовых общин и коммун, созданных на базе монастырей и, одновременно, закрытие церквей при бывших монастырях. К началу тридцатых годов все монастыри на территории края были ликвидированы, а церковные здания переданы в распоряжение местных органов советской власти.

И почти шестьдесят лет целый пласт духовной культуры народа, связанный с жизнедеятельностью монастырей и их огромным авторитетом и влиянием на народные массы, оставался за чертой научных интересов историков, филологов, искусствоведов.

В настоящее время ощущается серьезная потребность в исследованиях, воссоздающих вклад монастырей в духовную культуру страны и отдельных регионов. Летом 1994 г. и летом - осенью 1995 г. были предприняты научные историко-этнографические экспедиции под руководством Т. И.

Ведерниковой. Одной из задач экспедиций являлось обследование территории бывших православных монастырей Самарского края.

Сбор сведений проводился по нескольким направлениям:

1. Осуществлялся учет сохранившихся памятников материальной культуры (здания церквей, жилых помещений, подсобных помещений, захоронений, рукописей, икон, печатных книг и т. п.) каждого монастыря.

2. Выяснялась система взаимоотношений монастыря с окрестным населением (посещение монастырей в праздничные дни, вынос чудотворных икон из монастырей, посещение источников со святой водой на монастырской территории, обучение детей окрестного населения в монастырских школах, система странноприимных домов, богаделен, приютов и лазаретов при монастырях, новейшие приемы агрокультур, применяемые на монастырских полях, пасаках, в садах, выполнение заказов местного населения в рукодельных и иконописных мастерских и т. п.).

3. Наличие в местных монастырях института старчества как одного из основных видов духовного окормления местного населения.

По этой схеме были собраны сведения о следующих монастырях:

I. Июнь 1994 г. - Свято-Троицкий женский монастырь Бузулукского уезда. Монастырь этот был построен по инициативе и на деньги Самарского купца А. Н. Шихобалова. От монастырских построек практически ничего не осталось, за исключением здания, в котором когда-то располагались мастерские (рукодельная, иконописная и золотошвейная) и монастырская школа. Сохранилось также и монастырское кладбище. Все остальное или полностью уничтожено, как Свято-Троицкий храм, или перестроено до неузнаваемости. У стен Свято-Троицкого храма была похоронена вторая жена А. Н. Шихобалова - Евдокия Дементьевна. На месте храма сейчас стоит сельмаг и от склепа Шихобаловых не осталось никаких следов.

Но живы еще люди, уроженцы близлежащих сел, которые в детском и отроческом возрасте посещали с родными монастырь, помнят уклад монастырской жизни, помнят как его закрывали, увозили иконы. Некоторые иконы из монастыря местным жителям удалось спасти, и они хранятся в их домах до сих пор. Были нередки и случаи вандализма в отношении икон: огромными храмовыми иконами, выполненными на цинке (а расписывали храм, по приглашению А. Н. Шихобалова, знаменитые палехские иконописцы братья Белоусовы) до сих пор покрыта крыша бывшего здания монастырской школы, а из храмовых икон, написанных на досках, делали двери в жилых домах и т. п.

В конце двадцатых годов монастырь был закрыт. В храме сначала устроили клуб, но туда никто

не ходил (боялись гнева Божия), а с 1934 г. на территории монастыря разместилась колония для беспризорных.

Сейчас на землях, некогда принадлежавших монастырю, размещается подсобное хозяйство Самарского авиационного завода, а точнее свинокомплекс.

II. Июнь 1995 г. Монастыри города Сызрани и Сызранского уезда.

1. Сызранский Вознесенский мужской монастырь (1683 - 1928 гг.). Монастырь этот располагался в самом городе Сызрани и сейчас восстанавливается. Насельников еще нет, идет восстановление храма (расчищаются фрески, работает бригада реставраторов). Фрески XIX в. сохранились почти полностью.

2. Сызранский Сретенский женский монастырь (1856 - 1928 гг.). Располагался на юго-восточной окраине города за рекой. Все постройки монастыря были уничтожены после 1928 г.

3. К а ш п и р с к и й С и м е о н о в с к и й Благовещенский мужской монастырь (1712 - 1762 гг.). Основатель - Симеон Константинович Дмитриев - происходил из дворянского рода господ Дмитриевых и по отцу был прямой потомок писателя и министра юстиции Ивана Ивановича Дмитриева, а по мачехе - историографа Николая Михайловича Карамзина.

Летопись этого монастыря сообщает: "В 1711 году царедворец (воевода Кашпирский) Симеон Константинович Дмитриев построил здесь, на крепостной своей земле, церковь приходскую, а в 1712 году основал при ней монастырь". Вместо этой, вероятно, деревянной церкви, в 1730 г. он же построил нынешнюю каменную во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с приделами Богоявления Господня и Св. Иоанна Богослова с каменной колокольней. Монастырь обнесен был многоугольной, из дикого камня, стеной. В 1764 г., когда закрывали монастыри по указу Екатерины II, монастырь был упразднен и бывшая церковь монастыря обращена в приходскую.

В 1871 г. 30 августа церковь посетил Император Александр Николаевич с наследником Цесаревичем Александром Александровичем и Великим Князем Владимиром Александровичем, со свитою, во время путешествия на Кавказ и Крым и прослушали Божественную литургию".¹ Церковь просуществовала до тридцатых годов XIX века. Но до сих пор в полуразрушенном виде храм оставляет неизгладимое впечатление мощной кладкой стен из красного кирпича, высокохудожественным рисунком кованых решеток на шестиугольных окнах верхнего яруса, прекрасно сохранившимся внутренними фресками: в куполе - "Троица Новозаветная"; на южной стене вверху - "Иоанн Богослов", "Св. Евангелист Лука", внизу - "Св. Серафим Саровский благославляет паломников", на северной стене вверху - "Св. Евангелист Марк", "Св. Евангелист

Матфей”, внизу - “св. Иоанн Богослов”, “Св. Николай Чудотворец”. Над западным входом - фреска “Успения Божьей Матери”.

Монастырь имеет необыкновенно живописное местоположение. Храм стоит на возвышенности, которую с трех сторон окружают как бы стерегущие святыню горы, покрытые зеленью и цветами, а с четвертой стороны - необозримая ширь Волги.

4. Старо-Костычевский женский монастырь во имя Смоленской Божьей Матери (1883 - 1930 гг.).

Монастырь был основан в 1883 г. старцем Петром Савельевичем Прохоровым (в схиме Пантелеймоном). От монастыря ничего не сохранилось, кроме монастырского кладбища и могилы самого старца Пантелеймона. Сейчас над его могилой установлен огромный восьмиконечный крест и восстановлена часовня.

Двухэтажный каменный храм в этом монастыре был построен на средства Николая Петровича Дурасова - сына обер-церемониймейстера Двора Его Величества. Храм этот был построен по проекту известного самарского архитектора А. А. Щербачева (1905 - 1909 гг.). В нижнем этаже храма находился склеп семейства Дурасовых.

Первой настоятельницей монастыря стала монахиня Маргарита (в миру Марфа Киприяновна Кислинская) с возведением ее в сан игуменьи. В 1915 году монастырь насчитывал до ста пятидесяти насельниц.

История основания этого монастыря старцем-подвижником подтверждает тот факт, что старчество - как институт духовного окормления окрестного мирского населения, как наиболее полное выражение монашеского идеала, как пример для духовного подражания было широко развито в этот период и в Самарском крае и, безусловно, оказало огромное влияние на нравственность населения края.

Будущий старец, Петр Савельевич Прохоров, родился в 1811 г. в семье крестьян в Старых Костычах, в тридцать лет ушел на Афон и постригся в монахи, много испытал, прошел тяжелый подвиг отшельничества и через восемь лет вернулся в Россию. Поселился в убогой келье на краю села и двадцать лет провел в затворе, по ночам молился, стоя на гранитном камне.

Слава о его затворничестве и подвигах далеко распространилась за пределами Костычей. После двадцати лет затвора он открывает двери своей кельи для всех нуждающихся в утешении и исцелении. Все, что ему жертвовали за исцеления, отправлял на Афон и в Иерусалим. Но пожертвований оказалось так много, что у него возникла мысль устроить в Костычах монастырь. И он снова отправляется на Афон, испросить благославения у старцев на устройство обители. Там же был пострижен в схиму с именем Пантелеймон. Возвратившись, начал хлопотать об устройстве общины, ездил в Петербург, был представлен

Государю Императору. На обратном пути заехал в Саровскую пустынь, чтобы ознакомиться с устройством Дивеевской женской общины и ввести устав этой общины во вновь открываемом монастыре.

Первое официальное известие об открытии общины старцу прочитали из газет 15 декабря 1883 г. за несколько дней до его кончины, которую он сам предсказал за две недели.

Слава о его подвижнической жизни, аскетических подвигах, предсказаниях и исцелениях получила настолько широкое распространение, что его жизнеописание было включено в многотомное издание “Жизнеописания отечественных подвижников, православия XIX - XX вв.”²

III. Октябрь 1995 г. Монастыри г. Бузулука и Бузулукского уезда.

1. Бузулукский Спасо-Преображенский общежительный мужской монастырь (1853 - 1930 гг.).

Монастырь этот прославился благодаря отшельнической жизни и подвигам другого старца - Флегонта (Островского).

На бывшей территории монастыря сейчас располагается колония строгого режима для несовершеннолетних преступников. Бывшие монастырские стены в несколько рядов обтянуты колючей проволокой. Все монастырские постройки хорошо сохранились, но к сожалению, имеют совершенно другое применение. С востока, севера и юга монастырь окружали горы. На склоне восточного хребта, прилегающего к территории монастыря, находился пещерный скит, устроенный по принципу пещер Киево-Печерского монастыря, все пещеры соединялись выложенными кирпичем и камнем сводчатыми галереями. Над пещерами в 1903 г. был построен Скорбященский или пещерный храм с колокольней.

Пещеры эти до сих пор сохранились, в них ведут два входа: один из бывшего каменного храма на территории монастыря (вход этот сейчас залит железобетоном во избежание побега из колонии), а второй вход в пещеры вел из храма, построенного над пещерами. Храма уже нет, остался только спуск в пещеры в виде обложенного кирпичем колодца.

Остались воспоминания дочери Л. Н. Толстого, что он посещал этот пещерный скит летом 1875 г. и имел беседу с одним из подвизавшихся там старцев.³

2. Бузулукский Тихвинский женский монастырь (1835 - 1930 гг.).

Располагался в самом г. Бузулуке. В 1859 г. при этом монастыре была открыта школа, ставшая впоследствии одной из лучших в губернии, ежегодно в ней обучалось более шестидесяти девочек. Предметом гордости монастыря являлась и иконописная мастерская, в которую приезжали учиться живописи инокини из других монастырей.

В настоящее время весь комплекс

монастырских зданий находится в распоряжении одного из автотранспортных предприятий г. Бузулука и имеет хорошую сохранность.

3. Бузулукский Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь (1875 - 1930 гг.).

Монастырь находился при селе Ключегорье, в семидесяти верстах от г. Бузулука. К началу века монастырь представлял собою благоустроенную обитель. В комплекс монастырских зданий входили два каменных храма, двухэтажные каменные жилые корпуса, корпус мастерских, здание церковно-приходской школы и двухэтажное здание странноприимного дома.

В настоящее время из всех зданий используется только здание бывшего трапезного храма (в нем располагается сельмаг), остальные здания имеют совершенно заброшенный вид - остались только каменные коробки стен с пустыми глазницами окон и без крыш. И все это в самом центре большого села...

Материалы экспедиций убедительно

показывают, насколько велика была тяга народов, населяющих край, к православию, насколько актуальным в тот период был сам институт православного монашества. Иначе невозможно было бы возвести в такой короткий срок столь величественные архитектурные комплексы монастырей в самых пустынных уголках края.

Совершенно по-другому обстоит дело сейчас, несмотря на видимый интерес к православию со стороны местного населения. В области пока только один действующий монастырь - Самарский Иверский женский. Он был вновь открыт в 1991 г. Первый постриг сестер монастыря совершен в марте 1996 г. Сейчас полным ходом идут работы по восстановлению храмов и жилых помещений, возвращенных монастырю. В монастыре проживает около двадцати сестер во главе с игуменьей. Средства на восстановление монастыря выделяются, в основном, администрацией города и области. Благотворителей пока не видно...

¹ Государственный Архив г. Сызрани. Ф. 70. Д. 3. Л. 10 - 14.

² Жизнеописание отечественных подвижников

благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910.

³ Лев Толстой и Самара. Воспоминания, письма, статьи. Куйбышев, 1988. С. 35.

А. М. Тихомиров

МОНАСТЫРИ г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

Город Иваново-Вознесенск, ныне Иваново, относительно молод. В 1996 г. ему исполнилось всего сто двадцать пять лет. Он образовался путем объединения старинного села Иванова, известного с XVI в. и Вознесенского посада, который сформировался в XIX веке. Если не учитывать Варваринский женский монастырь в центре села, о существовании которого имеются лишь весьма смутные воспоминания,¹ то на территории Иванова в современных его границах в разное время было три монастыря - один мужской и два женских.

Согласно преданию, в 1579 г. владельцы села Иванова князья Черкасские основали Покровский мужской монастырь. Этим они увековечили взятие Казани войсками Ивана Грозного, которое произошло в день Покрова, и обретение иконы Казанской Божьей Матери. Копию иконы привезли в село Иваново, и жители встречали ее на Лежневской дороге. Впоследствии на этом месте выстроили Казанскую часовню.²

Окруженный лесом монастырь находился вначале за чертой села и располагался на холме, круто спускавшемся с одной стороны к Уводи, а с другой - к ручью Кокуй. Около монастыря существовала слободка с несколькими крестьянскими домами.

Первое достоверное упоминание о монастыре относится к 1626 г., когда им управлял игумен Савватий. На старинном монастырском кладбище сохранялись надгробия двух очень почитаемых схимонахов - Дионисия и Дионисия - 1629 и 1681 гг.³

В 1632 г. в монастыре существовала деревянная Троицкая церковь клетского типа с приделами Покрова и Сергия Радонежского. В описаниях середины XVII века упоминается вторая деревянная церковь, шатрового типа, посвященная иконе Казанской Божьей Матери. Интересно, что в актах 1719 г. монастырь называется Покровским, а в документе 1723 г. - Троицким.

Каменное строительство началось в конце XVII в., в 1693 г. была освящена Покровская церковь. Ее главный престол посвятили иконе Казанской Божьей Матери, а боковые приделы - Покрову Богородицы и Сергию Радонежскому.

В XVIII в. монастырь пришел в упадок и число монашествующих было невелико. В 1748 г. игумен Феоктист писал, что "в Покровском монастыре а прошедшие годы имелся иеромонах, а ныне... не имеется и священнодействие исправляю токмо я... А в моем отъезде церковь Божия стоит праздно, без пения". Жилые и хозяйственные постройки в этот период были все "ветхи и за тем ни к какому употреблению, кроме топления печей, на дрова, не годны". В соответствии с указом Екатерины II "Об учреждении монастырских штатов" 19 июня 1764 г. монастырь был закрыт. Новый владелец села граф П. Б. Шереметев хлопотал в Консistorии и Синоде о его восстановлении. "Означенный Покровский монастырь построен и содержан был иждивением покойного тестя моего князя Алексея Михайловича, также и впредь содержан будет моим иждивением и на довольной руге". Однако эти

просьбы не удовлетворили, и после закрытия монастыря храмы были вначале приписаны к сельской Крестовоздвиженской церкви, а с 1768 г. организован самостоятельный приход.⁴

В начале XX в. деревянная Троицкая церковь была перенесена на старое сельское кладбище, а вместо нее братья Гандурины выстроили грандиозный Троицкий храм в стиле классицизма. В начале XX в. церковь перенесли на другую окраину города - на новое кладбище. Благополучно пережив по сле ре во лю ци он н у ю реконструкцию города, церковь прекрасно сохранилась до наших дней, в то время как комплекс храмов на месте бывшего монастыря снесли в 1931 г.

Идея организации женского монастыря в городе была впервые высказана в конце 1899 г., когда три женщины из купеческих семей собрались в доме Н. И. Щербаковой. Новую обитель они предлагали посвятить иконе Владимирской Божьей Матери - своей семейной реликвии. Для обсуждения этой идеи в доме Н. И. Щербаковой стали собираться сочувствующие лица. В 1900 г. С. И. Жохова, жена владельца меднолитейного завода, пожертвовала участок земли на окраине города, где братья Константиновы возвели деревянный флигель и хозяйственные постройки. В 1901 г. она обратилась во Владимирскую духовную консисторию с предложением об организации на этом месте Алексеевской женской богадельни с церковью.⁵

“Возымела я искреннее желание на собственные средства с помощью благотворителей устроить на окраине города Иваново-Вознесенска богадельню и при ней храм Божий”, - писала она архиепископу Сергию. “Если же обстоятельствами и временем впоследствии будет вызываться возможность и потребность обратиться в женскую общину, а затем в женский монастырь, то это признаю допустимым со своей стороны и желательным”.⁶

Богадельня была рассчитана на “пять лиц женского пола”, которые должны были находиться на полном обеспечении, и фактически начала функционировать с 1901 г. В одной из комнат проходили богослужения. Устав богадельни Синод утвердил в 1902 г., она перешла в ведение епархиального управления, а С. И. Жохова стала ее попечительницей. Согласно уставу, в богадельне могли жить и другие женщины - “труженицы”. На их обязанности лежала забота о престарелых и работа в хозяйстве.

Архитектор П. Г. Беген разработал проект кирпичного двухэтажного корпуса с примыкающей

Рис. 1. Покровский храм. 1693 г.

к нему домовою церковью. Торжественная закладка храма состоялась в 1903 г. На следующий год освятили главный престол в честь иконы Владимирской Божьей Матери, а в 1907 г. - приделы Марии Магдалины и Михаила Клопского.⁷

После создания храма число женщин, желающих жить и работать при богадельне, увеличилось. Они стали вводить здесь монастырские обычаи, и вскоре внутренняя жизнь обитательниц этого учреждения приняла порядок, существующий в женских монастырях. Начиная с 1905 г. во Владимирскую духовную консисторию стали поступать настоятельные просьбы об учреждении женской общины. “Высокопреосвященнейший Владыко, не оставьте нас без внимания, мы живем здесь как овцы без пастыря... нас собралось всех сестер сорок, есть и из монашествующих и девушки мирские, все желаем святую обитель получить, у нас бумага утверждена на Жохову, а она общину открывать не хочет, потому что замужем и живут они в миру в своем доме. Мы желаем все начальницу монастырскую”. Эту идею поддержали и представители купечества, жертвовавшие средства на строительство храма: “Мы ходатайствуем... не найдется ли возможность в означенную Алексеевскую богадельню назначить начальницу монахиню для водворения уставов монастырской жизни”.⁸

В то время при богадельне жило достаточно много женщин. В основном это были крестьянки Владимирской, Тамбовской, Рязанской губерний, вдовы священников, бывшие послушницы монастырей. Они создали большое хозяйство, разработали пятнадцать десятин земли в окрестностях. На территории богадельни находились огороды, пасека, скотный двор, занимались женщины и рукоделием - шитьем, вязанием, вышиванием. Таким образом, фактически существовала женская община, а богадельня на пять человек представляла собой лишь небольшое благотворительное учреждение при ней.

В ответ на многочисленные просьбы в 1907 г. из Успенского Княгинина монастыря г. Владимира прислали в качестве настоятельницы монахиню Августу. На следующий год состоялось торжественное открытие женской общины “с таким числом сестер, какое община в состоянии будет содержать на свои средства, оставив при общине и существующую ныне богадельню”.⁹ В 1916 г. Владимирская община фактически стала монастырем, где жили четырнадцать монахинь и пятьдесят две послушницы.¹⁰

В 1918 г. монастырь преобразовали в трудовую земледельческую артель. Вскоре часть помещений заняли под студенческое общежитие, а затем под жилье для рабочих с текстильных фабрик. Вскоре в губисполком поступило письмо командующего войсками Московского военного округа по поводу размещения в городе личного состава и служб авиаотряда Красной Армии. В связи с этим Президиум губисполкома в 1925 г. принял решение: “Имея в виду, что единственно возможными помещениями в городе для размещения авиачасти являются здания, расположенные в ограде женского монастыря, считать необходимым возбудить перед ВЦИК ходатайство о закрытии указанного монастыря.”¹¹ В 1927 г. монастырские помещения переоборудовали под казармы. На следующий год закрыли и храм, так как, по мнению начальника военно-воздушных сил Московского военного округа, “богослужение вносит крайне ненормальное положение в воспитание, политическую и боевую подготовку красноармейской массы”.¹² Территория вошла в состав города в 1922 г. Владимирская церковь оказалась во дворе военного предприятия, однако с 1993 г. в ней возобновили богослужения.

Вопрос о возрождении Владимирского женского монастыря не ставится, так как вся территория застроена производственными и служебными корпусами предприятия. Создание женского монастыря в Иванове произошло в другом районе города - при Введенской церкви. Решение о строительстве этого храма приняли крестьяне местечек Ушаково и Ямы на общественном сходе в 1900 г. Была создана строительная комиссия, и на

следующий год состоялась торжественная закладка храма по проекту архитектора П. Г. Бегена. Средства собирались путем частных пожертвований. Наиболее значительные суммы выделили текстильные фирмы, однако деньги поступали и от коллективов рабочих и служащих фабрик. Освящение храма и приделов состоялось в 1907 г. Однако работы продолжались и позднее - строился дом для сторожей, напоминающий древнерусский терем, ограда с башнями и тремя воротами. Однако община испытывала большие материальные затруднения, многое покупалось в кредит.¹³ Остался неосуществленным проект колокольни, в храме отсутствовала настенная живопись. В середине 1930-х гг. храм захватили “обновленцы”, что предопределило его закрытие в 1938 г. и переоборудование под архивохранилище.

Возвращение храма верующим сопровождалось драматическими событиями. 21 марта 1989 г. четыре женщины - члены православной общины объявили голодовку, требуя передачи Введенской церкви верующим и провели на церковном крыльце одиннадцать дней и ночей. Голодовка продолжалась в больнице, куда они были доставлены, и прекратилась только после твердых обещаний открыть храм для богослужений. Они возобновились в церковном здании в 1990 г., а на следующий год при храме был учрежден женский монастырь.

За шесть лет были проведены реставрация церкви, воссоздание внутреннего убранства, строительство корпусов келий, колокольни. Кроме того, в с. Доронино Тейковского района и с. Златоуст Лежневского района, где находятся земельные угодья монастыря, созданы подворья. В Доронине реставрируется церковь, в которой проводятся богослужения с 1994 г. В с. Златоуст создан Покровский скит в старинной усадьбе, где с 1996 г. функционирует домовая церковь. Общее число монахинь и послушниц превышает сотню.¹⁴

Монастыри Иваново-Вознесенска не имели всероссийской известности. Однако история каждого из них достаточно типична для своего времени.

¹ Борисов В. А. Описание г. Шуи и его окрестностей. М., 1851.

² Сперанский Д. Краткий исторический очерк Покровского Иваново-Вознесенского собора. Иваново-Вознесенск, 1916.

³ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 269.

⁴ Владимирские епархиальные ведомости. 1912. №№ 42, 43.

⁵ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 269.

⁶ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 4222.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4705.

¹⁰ Ивановский листок. 1916. 24. 04.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-348. Оп. 2. Д. 2.

¹² ГАИО. Ф. Р-31. Оп. 2. Д. 3.

¹³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 914.

¹⁴ “Яко с нами Бог”, православная газета Св. Введенского женского монастыря, 1994, декабрь, № 1; Ивановская газета. 1996. 28. 03.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ МОНАСТЫРСКОЙ СИСТЕМЫ КОМИ КРАЯ

В истории Русской православной церкви вторая половина XIV в. знаменуется активным монастырским движением, устремленным на Север. В общем потоке монастырской колонизации можно выделить монастыри, основанные в пределах Коми края (в данном случае имеются в виду административные границы края). Именно в конце XIV - начале XV в. здесь было положено начало формирования монастырской системы. Под термином «монастырская система» следует понимать основание ряда монастырей в определенный период времени в пределах некоторого пространства, объединенных общим принципом их жизнедеятельности. Монастыри Коми края выделялись в начальный период своего существования тем, что их создание преследовало вполне конкретные цели - это были монастыри-миссионеры изначально, тогда как большинство северных монастырей становились миссионерами с течением времени.

Историю монашества в Коми крае можно условно разделить на два крупных периода: первый - с 1380 до 1764 и второй - с 1866 по 1917. Основным критерием предлагаемой периодизации является наличие существования монастырей и монастырского послушания. В 1380 г. началось строительство монастырей, а в 1764, когда началась секуляризация церковных владений, были упразднены все обители края, вследствие чего с 1764 по 1866 не существовало ни одного монастыря. И только в 1866 снова начинается строительство Троицкого-Ульяновского-Стефановского-Спасского монастыря соловецкими монахами. Происходит как бы возрождение монастырского послушания на данных территориях.

Первый период истории монашества можно, в свою очередь, разделить на два этапа. Первый этап - строительство монастырей Стефаном Пермским и его последователями, второй - основание так называемых приходов-монастырей.

Формирование монастырской системы в основном было закончено еще при последователях Стефана Пермского, позднее происходит принципиальное изменение монашества края.

Первый монастырь - Архангело-Михайловский, был основан Стефаном Пермским в 1380 г.¹ в устье реки Выми. Впоследствии монастырь становится центром Великопермской епархии, а Стефан Пермский в 1383 г. - первым ее епископом. Согласно преданию, Стефан Пермский сошел на берег близ Усть-Выми в день празднования Собора Архистратига Михаила, именно поэтому монастырский храм и сам монастырь были названы Архангело-Михайловскими. Около 1390 г. Стефан Пермский основал следующую обитель, выбрав

место на р. Сысоле, в центре сысольского края с. Вотча.² Здесь Святитель и поставил пустынь во имя Афанасия Александрийского. Можно предположить, что это название также дано не случайно. Дело в том, что из жития Стефана Пермского видно, как часто он увековечивал значительные события своей духовной жизни строительством церквей. В день Св. Афанасия, празднуемый церковью 2 мая, Стефан Пермский мог прибыть в с. Вотча.³ В различных исторических источниках, а также в научной и духовной литературе, Вотчинский монастырь называется по-разному, но подобное явление (множественность вариантов названия) характерно практически для всех монастырей края. Для этих мест монастырь был достаточно крупным, о чем свидетельствует описание владений монастыря. Так, в «Жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской» указывается: «А угодий к тому монастырю по реке по Сысоле две версты вверх, на низу две версты ж, да речка Ожен, да речка Поин, да озеро Ыджато, да озеро Вежато».⁴

Последняя обитель была основана Св. Стефаном в верховьях Вычегды «в 165 верстах к северо-востоку от города Устьсысольска на правом берегу реки при подошве холмистого возвышения, пересекаемого на юго-восток р. Мельничною а на запад озером Спасским».⁵

После смерти Св. Стефана Пермского его ученики и последователи продолжали строительство монастырей, преследуя те же цели просвещения Пермской земли, что и Святитель Стефан. Так, на Удоре, на р. Вашке был построен Троицко-Крестовоздвиженский монастырь. Кем он был основан, а также время его основания достоверно не известны. В источниках и литературе сообщается, что находилась пустынь на погосте Венденга. Согласно народному преданию, пустынь эта была построена в девяти верстах от Венденгской Успенской церкви вниз по течению р. Вашки на правом берегу. Когда стал осыпаться берег, тогда пустынь перенесли на левый берег, на версту ниже по течению. Наиболее раннее упоминание пустыни встречается в «Жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича», датированной 1485 г., в которой устанавливаются границы владений монастыря: «Да на Удоре ж на Вондюге монастырское Троицы Вознесения. А угодий к тому монастырю по реке по Удоре вверх по версте, да вниз по версте ж, да от реки по правую и по левую сторону дикого лесу по две версты, рыбные ловли речка Первежа, да озеро Вежависка».⁶ Там же упоминается и игумен монастыря Прохор.

В этой же грамоте называется и другой, также не упоминавшийся ранее нигде, монастырь

Никола Чудотворца в Пыелдино, о котором читаем в грамоте: “А угодий к тому монастырю река Сысола против на версту вверх, да на версту ж вниз, да озеро Чматы, да озеро Пыраты, да половина озера Пыляты”.⁷

Жалованная грамота дает возможность предположить, что монастыри, владевшие значительными угодьями, как видно из документа, могли быть основаны ранее второй половины XV в. а кем-либо из епископов Великоустюжской епархии.

В начале XV в. был основан Усть-Мылдинский Троицкий монастырь на Печоре.⁷ Существует народное предание, по которому основателем обители был преемник Св. Стефана Пермского епископ Исаакий, следовательно, монастырь мог быть основан в период с 1397 по 1416 г., когда Исаакий являлся епископом Великопермским.

Таким образом, сформированная ко второй половине XV в. монастырская система Коми края включала шесть монастырей. Все монастыри располагались в землях отдельных зырянских племен. Особенности системы тесно связаны с функциями монастырей.

Как уже было отмечено, целью создания обителей являлась их миссионерская деятельность. При этом следует напомнить, что проповедь веры Христовой на языческих окраинах Руси было делом не только исключительно Церкви, но и частью общегосударственной политики, начало которой восходит к Крещению Руси. Не случайно Стефан Пермский, когда возникает потребность в епископе для вновь крещенных земель, обращается за советом не только к митрополиту Пимену, но прежде всего к великому князю Дмитрию Ивановичу.⁸

Миссионерскую деятельность монастырей можно представить как две стороны общей церковно-государственной политики. С одной - просвещение веры Христовой в языческих землях предполагает расширение пространства, освоенного Православной церковью. С другой - миссионерская деятельность Церкви обеспечивает расширение территории собственно государства.

Таким образом, миссионерская деятельность монастырей имеет культурное, в рамках Православной культуры, и политическое, в векторе политики формирующегося Русского государства, значение.

Кроме того, помимо религиозной, монастыри выполняли и некоторые другие функции, свойственные исключительно монастырям Коми края.

В XIV в. зыряне (коренное население края) еще не представляли собой единого этноса,⁹ что во многом обуславливалось особенностями язычества, а именно отсутствием у Перми вычегодской единого пантеона богов. Принятие христианства естественным образом способствовало объединению отдельных племен и формированию этнического

самосознания. При этом монастыри, основываясь в центрах отдельных племен, в конечном итоге определяли не только пространство, освоенное Церковью, но и территорию расселения этноса, т. е. монастырская система цементировала культурное пространство в целом. Будет уместно отметить, что, например, Ульяновский монастырь выполнял охранительно-пограничную функцию, находясь на границе с враждебными зырянам/христианам вагулами/язычниками, смягчая неприятельские набеги. Кроме того, монастыри, являя собой видимый образ не только Церкви, но и русской государственности, выполняли чисто административно-политические функции, начиная от обеспечения края деньгами и хлебом до решения некоторых социальных проблем: при Архангело-Михайловском монастыре был построен странно-приимный дом, куда принимали стариков и нищих.¹⁰

Таким образом, особенности монастырской системы Коми края выражаются в многообразии функции монастырей. Создание системы определялось, как было отмечено, конкретными целями, а именно - миссионерской деятельностью. К началу XVII в. территория края была в основном христианизирована, при этом существующие монастыри постепенно превращаются в небольшие пустыни, а некоторые исчезают. Происходит также изменение административной структуры края в рамках церковного управления. В середине XVI в. Великопермская епархия как самостоятельная была упразднена, и земли края становятся частью Вологодской епархии. Именно на этот период приходится затухание монашеской активности в крае. Можно предположить, что монастыри, выполнив миссионерскую задачу, условно говоря, “выработавшись”, прекратили свое существование в той форме, которая была определена в начале. Очевидно, этому способствовало и упразднение епархиального центра в пределах края. Учитывая то, что на соседних территориях, ставших впоследствии Вологодской и Архангельской епархиями, многие монастыри, основанные приблизительно в то же время, что и монастыри Коми края, становятся серьезными центрами духовности, монастыри прежней Великопермской епархии подобного статуса не приобретают, а, как уже было отмечено, постепенно исчезают.

В XVII в. начинается следующий этап в истории монашества края. Система **монастырей-миссионеров** исчезает, и появляется новый тип монастырского общежития - **приходы-монастыри**. Этот необычный тип монастыря встречался в других регионах, но лишь как исключение, для Севера же России это явление было чрезвычайно характерно. Подобные обители были и в Коми крае.

Приход-монастырь обычно образовывался на месте заштатных опустевших монастырей или при приходских церквях. Основу монастыря составляла группированная вокруг приходской церкви

община, “ютящаяся на погосте”. Для создания таких монастырей было две причины. Во-первых, необходимость в центре просвещения и благотворительности; во-вторых, по причине бедности и малочисленности северных “богомольцев”: построить свою приходскую церковь было весьма обременительно.

Обычно все начиналось с того, что община отправляла челобитную епархиальному епископу. В челобитной объясняла причины своей просьбы и просила благословения, а также просила прислать настоятеля для будущей обители, рекомендуя кого-либо кандидатом. Санкция епископа делала приходскую церковь монастырской; если же это был заброшенный монастырь, то в нем восстанавливалось монастырское послушание.

Во главе монастыря находился так называемый “черный совет”, состоящий из присланных епархией монахов, а также вкладчиков - светских людей, внесших свой пай и трудившихся на пользу данного монастыря. Вкладчики были совершенно равноправны в “черном совете”. Они занимали место в монастырской администрации, были представителями монастыря во многих его сношениях с “миром”. Количество северных приходов - монастырей, существовавших одновременно, было значительным, но жизнь их - не долгой: они появлялись также внезапно, как и исчезали. Объяснялось это следующими причинами. Обычно епархиальное начальство отправляло настоятелем прихода-монастыря “старца” (здесь: вообще монаха, не из числа местного населения), который принимал несколько вкладчиков. После этого монастырь существовал какое-то время, но после смерти настоятеля прекращал свое недолговечное существование. Только редкие монастыри просуществовали до 1764 г.¹¹

Один из подобных монастырей находился в древнем епархиальном центре края в Усть-Выми. “Да в нашей же архиерейской домовою вотчине Яренского городка уезду на Усть-Выми в писцовых книгах письма и меры Осипа Хлопова да подъячего Михаила Максимова 136 и 137 (1628 и 1629) г. написано: на Усть-Выми на городище церкви, церковь Стефана Великопермского Чудотворца, да церковь Трех Святителей Пермских епископов Герасима, Питирима, Ионы, да церковь Николы Чудотворца, да церковь Архангела Михаила. Да на церковной земле поп Алексей Костянтинов, дьячок Василий Семенов, черный поп Савватий да на церковной земле две келии, в них живут две старицы, питаются от церкви Божи...”, - читаем в челобитной грамоте. Далее, как обычно, дается описание обширных владений монастыря, после чего сообщается: “...а Архангельским монастырем, что выше сего церковь написана и пашнею со всеми угодьями, владеем мы до ныне...”,¹² - сообщают крестьяне устьвыимской общины.

На сысольской земле в конце XVII в. также

были созданы два прихода-монастыря: Вотчинский Афанасиевский и Пыелдинский Покровский. Последний, в XV в. называвшийся монастырем Николы Чудотворца, упоминается в “Писцовой и переписных книгах Яренского уезда XVII века” в 1646 г.: “Погост Пыелда на реке на Сысоле. Да к погосту ж Покровский монастырь, а в монастыре в келье черный поп Елисей, да в келье трудник Никита Антонов сын”,¹³ в 1678 г.: “Да к погосту ж за ручьем Покровский монастырь”,¹⁴ там же упоминается монах Феодосий. Видимо, позже пустынь пришла в упадок.

В 1695 г. сысольские крестьяне отправляют архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру челобитную: “Есть у нас в Сысольских волостях Вотчинской волости пустынька монастырь убогое место, церкви Афанасия Александрийского и Стефана, епископа Пермского. А в том монастыре черного попа нету, а многие крестьяне радеют постригаться, а постригате некому, а монастырей близко нету, а к Руси ийти, многие русского языка не разумеют, язык у нас пермский”.¹⁵ В 204 (1696) г. архиепископ Александр в ответ на послание крестьян указал: “Своей епархии Устюга Великого Ивановского монастыря иеромонаху Иоанну быть в Афанасиевой пустыне строителем. А в прежние лета в той пустыньке были во священниках черных и служили его строителя иеромонаха Иоанна деды и прадеды”.¹⁶ Тогда же в Покровский Пыелдинский монастырь был назначен настоятелем иеромонах Ефрем (из Троицкого Телегова Устюга Великого монастыря), чтобы “строить монастырь и братию собирать”. Отличительной чертой Афанасиевского монастыря было то, что некоторые стихи церковной службы пелись здесь на зырянском языке. Упразднены монастыри были в 1764 г.

Во второй половине XVII в. восстанавливается и Ульяновский монастырь. При патриархе Иоасафе (Патриарх Иоасаф II с 1667 по 1673) священник одной из московских церквей Федор Тюрнин пожелал возобновить монастырское послушание в Ульяновском монастыре. Известно, что “патриарх Иоасаф постриг его (Ф. Тюрнина) в 1667 г. в иноческий чин, наименовав Филаретом, снабдив священным антиминосом, частями святых мощей и миром, и дал из Патриаршего приказа грамоту на возобновление пустыни”.¹⁷ После смерти Филарета монастырского послушания в обители не было, а по издании духовных штатов 1764 г. пустынь официально была упразднена.

В “Писцовой и переписных книгах” XVII в. упоминается монастырь на Удоре, также представлявший собой приход-монастырь. В документах за 1646 г. отмечается: “Погост Венденга на реке Удоре, да к тому же погосту монастырь а в нем церковь во имя Живоначальной Троицы”.¹⁸ В 1678 г. монастырского послушания в пустыне уже не было, “строителя и братии, и церковных причетников никого нет”. Существует предание, по

которому, как уже упоминалось, пустынь была перенесена из погоста на версту ниже по течению на другой берег напротив деревни, называвшейся Троицкою Крестовской пустыней, где в 1667 г. построена была деревянная монастырская церковь во имя Св. Троицы.¹⁹ Очевидно, она также прекратила свое существование между 1667 и 1678 гг.

В XVII в. возникают также новые монастыри: Ожинский и монастырь в Турье.

Таким образом, созданная Стефаном Пермским и его последователями монастырская

система дает основание новой форме монашеского подвига. Возобновление послушания осуществляется на месте древних обитателей, то есть происходит попытка восстановления монастырской системы края, но, исходя из потребностей, с измененным направлением деятельности монастырей. Однако развития монастырей так и не произошло. Причина этому находится, очевидно, в сфере специфики религиозных представлений коми-зырян. В период секуляризации церковных владений 1764 г. все монастыри края по причине крайнего запустения и отсутствия братии были упразднены.

¹ Вологодский сборник статей церковно-историко-статистического содержания. Вологда, 1896. С. 25.

² История Российской Иерархии. М., 1807 - 1815. Т. 4. С. 328.

³ Лебедев А. Святой Стефан Пермский 1396 - 1896 // ВЕВ 1896. № 5. С. 85.

⁴ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси, к. XIV- н. XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 307.

⁵ Арсеньев Ф. А. Ульяновский монастырь у зырян. 1889. С. 13.

⁶ Акты социально-экономической истории... С. 307.

⁷ Там же. С. 310.

⁸ См.: Преподобного в священниках отца нашего Епифания слово о житии и учении отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Святитель Стефан Пермский. СПб. С. 163.

⁹ См. об этом: Жеребцов Л. Н. Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977.

¹⁰ Лебедев А. Указ. соч. С. 86.

¹¹ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV - XVII вв. СПб., 1913. С. 90.

¹² Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище. Вологда, 1908. С. 164.

¹³ Писцовая и переписные книги Яренского Уезда XVII в. Сыктывкар, 1985. С. 165.

¹⁴ Там же. С. 363.

¹⁵ Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПб., 1890. С. 1219.

¹⁶ Там же. С. 1228.

¹⁷ Арсеньев Ф. А. Указ. соч. С. 14.

¹⁸ Писцовая и переписные... С. 14.

¹⁹ Там же. С. 306.

С. В. Баруздина

АБАБКОВСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ГОРБАТОВСКОГО УЕЗДА (1818 - 1928 гг.) ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Абабковский Николаево-Георгиевский женский монастырь располагался на правом берегу реки Оки, в шестидесяти пяти верстах от Нижнего Новгорода, пятнадцати верстах от уездного города Горбатова, при селе Абабково.

Основание его относится к 1818 г., когда, по преданию, здесь поселилась одна благочестивая странница Лукия Масленникова, известная по тайному постригу под именем Лампадии. Родители монахини Лампадии, в миру Лукии, были мещане города Мологи (Ярославской области). Иноческая жизнь привлекала ее с юности, но родители ее горячо любили и были против ее ухода в монастырь. Поэтому она тайно ушла из дому, назвала себя Лукианом и поступила в мужской Валаамский монастырь. Подвижничала она там несколько лет, пока не открылось, что она беглая, и ее посадили в тюрьму в Петербурге. Там пробыла она год, не желая открыть свое имя, пока не нашел ее отец и не привез домой. Однако дома она остаться не захотела.

Одна из кротких жен по имени Лукия
Проведшая лета в убожестве младья,
И испытывавшая все горести сует,
Дала пред Господом в душе своей обет,
Оставивши сей мир, в пустыню удалиться,
Хотя б в последни дни
спокойством насладиться.

Затем она вместе с единомышленной ей девицей Наталией отправляется на богомолье по святым местам России. Недалеко от города Мологи спутницы, спускаясь с обрывистого берега р. Оки, были поражены необыкновенной красотой открывшегося перед ними вида: вдали, в полном уединении, стояла церковь, ближе к ним - село Абабково. Оказалось, что церковь эта кладбищенская и очень древняя и посвящена она святому великомученику Георгию. День был воскресный, и они попали в сельскую местность к самому началу литургии. После богослужения местная помещица Наталия Яковлевна Прокофьева пригласила по старинному благочестивому русскому обычаю обеих странниц отобедать. В душевной беседе Лукия открыла ей свое желание поселиться при уединенной церкви около села Абабково и окончить здесь свою жизнь, посвятив себя подвигам благочестия. Добрая Прокофьева горячо отозвалась на ее желание и устроила при церкви богадельню. Но прежде, чем решиться начать новую жизнь, Лукия пошла в Саровскую пустынь, чтоб узнать от саровских старцев, угодно ли Богу ее пожелание. Великий Саровский подвижник преподобный Серафим, а также знакомые Лукии по Валааму старцы Назарий и Илларион, благословили ее, и старец Илларион постриг келейно Лукию в мантию с именем

Лампадии. Мать Лампадия вернулась с благословением в Абабково.

И тако келию здесь водрузив убогу,
Всю предала себя она на жертву Богу!

Кроткая, со всеми ласковая и приветливая, она отличалась молчаливостью и любовью к уединенным молитвам. Летом она удалялась для молитвы в чашу леса, зимой и в ненастную погоду - в пещеру. Носила она мужское послушническое одеяние. Так прожила она четыре года и скончалась от горячки сорока двух лет от роду 18 мая 1823 г. и была похоронена около Свято-Георгиевской церкви. К тому времени в богадельне жило уже двенадцать сестер. Они ткали, пряли, занимались огородничеством. Старшей над ними была Ксения Николаевна, сестра Зеленогорской общины, которая заменила мать Лукию. Тяжелые испытания выпали на долю сестер богадельни: неприятие и козни местных крестьян, недовольных тем, что пришлые занимают их земли, набеги грабителей-разбойников, пытавшихся обрести богатство в кельях.

Уже бы мыслили все возвратиться вспять:
Но удержала их Господня благодать.

В сих обстоятельствах, тягчайших
всяка бремя,

Довольное пожив с сестрами
КСЕНЬЯ время

С жезлом пошла в Саров скорбящих
по отцам,

Лиющим туне всем целительный бальзам,
Бальзам священный любви, благословенья,
И назидательна в печалях утешенья.

- И о! Столь сладостен был нектар тех
словей -

Для горестных ее, разстроенных ушей!

“Мужайся, бодрствуй, стой
недремлемо, крепися.

На Бога уповай, писания держися!

Бог скоро низпошлет желаемы вам дни,
И вы почиете спокойствия в тени;

Он благодетелей великих вам возставит,
Умножит сестр число и место то прославит”

Сим наставленьем быв ободрена святым,
Явилась КСЕНИЯ опять к сестрам своим,

И обращается к Прокофьевой с слезами, -
Помещице сих мест созремейшей летами,

И просит от нее покрова и защит,
Какия ж госпожа та милости явит?

Две десятины им земли увековляет,
И суммою казны их щедро награждает;

А именно кладет 5000 в банк рублей
Из собственной казны домовья своей,

Сказав: Сестры! Вот дар вам от меня
в дар вечной,

Пожертвованный в знак
любви моей сердечной

Примите ж с чувством сей богоблагодаренья
В залог НАТАЛИИ приснопоминовения!

Отселе в пустыне все вид приемлет новый,

Спадают горести со КСЕНИИ оковы.

Где благодати дух божественная дышит,
Там непостижно все сверх чаянья растет.

На место хижины явилось много келий,
Покойных к житию, довольных для изделий,

В которы собралось толико вдов и дев,
Что КСЕНЬЯ наконец, здоровьем ослабев,

Ярем правленья над ними беспокойный
Должна с себя сложить

и передать достойной

Где ж таковую, мнит, преемницу сыскать,
Которая б могла все верно разчислить,

О пользе общины с усердием стараться,
Благораспоряжать и истины держаться?

Одной из сестер в общине была Евдокия

Титова. Однако она, в поисках строгой иноческой жизни в монастыре, в 1813 г. ушла и поступила в Николаевский Арзамасский монастырь. Вскоре, после ее поступления, Евдокию отпустили за благословением к преподобному Серафиму. “Мир тебе, раба Божия”, - сказал ей, - “Молись больше Богу и у тебя будут детки; и много будет детей, ты должна будешь быть Саррой”. Евдокия страшно испугалась; она думала, что старец предсказывает ей мирскую жизнь. Но преподобный стал ласково утешать ее, и она ушла успокоенная, хотя ничего не поняла в словах его. Поняла она их только, когда в 1846 г. престарелая Ксения, ослабев здоровьем, призвала ее занять свое место. Евдокия тогда была уже в рясофорном постриге и носила имя Палладию.

Палладию тронул и убедил сей глас.

Она должна была оставить Арзамас,

И в первобытную свою притти обитель,

Куда благословил и сам ее СВЯТИТЕЛЬ,

Припоручив ей власть начальницею быть

Любовь ко всем иметь, о нужном доносить.

Она приняла свое назначение как волю

Божью. Число сестер при ее вступлении в должность сразу же возросло до тридцати. Тогда она ввела в богадельне устав строгих общежительных монастырей, чтение не усыпаемой Псалтири и научила сестер разным монастырским рукоделиям. К этому времени Свято-Георгиевский храм сильно обветшал, в нем опасно было служить, и сестры вынуждены были посещать приходскую церковь с. Абабково. Матушка Палладия добилась разрешения делать сбор на обновление храма и завела в нем ежедневные службы. В это же время привлекаются богатые благотворители, за счет которых увеличивается и территория богадельни - полторы десятины были подарены графом Шереметевым, пятьдесят десятин земли - купцом Николаем Алексеевичем Акифьевым, щедро помогавшим Абабковской богадельне на протяжении всей своей жизни.

Николай Алексеевич Акифьев и его жена Анна Васильевна занимают особое место в процессе развития и строительства Абабковского монастыря. Богобоязненный богатый нижегородский купец

Николай Алексеевич особенно любил украшать храмы. Однажды его жена прочла ему сказание из жизни св. великомученика Георгия, в котором говорится о чудесном возрождении заброшенного храма св. Георгия в Малой Азии. Акифьевы пожалели о том, что в их время уже все храмы благоуукрашены, и они не могут обновить храм такому великому святому. Как же они обрадовались, когда в это время пришла к ним мать Палладия для сбора на обновление Свято-Георгиевской церкви, да еще на их родине. “Сам святой Георгий пришел к нам”, - говорили они и с тех пор стали щедро помогать Абабковской богадельне.

Почетный Павловский купец и гражданин,
Акифьев Николай, усердный церкви сын,
Питая чувства ко благоводохновенны,
На пользу оныя в доходы неизменны,
Кладет в банк серебро по щедрости своей
Двенадцать тысяч в век пожертвовал рублей,
И дарствует земли к оранию удобной
Сто с лишним десятин
по грунту плодородной.

Благодаря этому обеспечению, 19 декабря 1848 г., по указу Синода, богадельня получила право именоваться Николаевской Абабковской общиной, причем была названа Абабковской - по близости своему к селу Абабкову, и Николаевской - по имени своего ктитора.

Тогда начались труды сестер по созданию необходимых для общины построек. А труды эти были немалые, место, где стояла богадельня, было неровное, заросшее лесом и кустарником. Ревностно трудились сестры, во главе их сама матушка настоятельница. Прежде всего воздвигли, тоже с помощью Н. А. Акифьева, первый деревянный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы и приделами во имя св. великомученика Георгия и св. праведного воина Николая, ангела жертвователя. 22 июня 1849 г. храм был заложен, а в 1851 г. закончен.

Но пред лицом уже и новый Божий дом!
Я обращаю к нему с моим пером,
Означить год его начальна основанья,
И совершенного строеньем окончанья,
Со изъяснением всех сущих в нем доброт.
Шел тысяча восемь сот сорок девятый год,
И храм ИАКОВА ЕПИСКОПА руками,
Мимогрядущего сей пустыни стезями,
В честь всех владычицы небесной заложен,
И с колокольною в два лета совершен;
Возник иконостас в нем в виде пребогатом,
Отличный резьбою, сияющею златом;
Алтарь и стены все оштукатурены,
И образами лиц святых отживлены.
Здесь царския врата, блистательны колонны,
Серебровидныя, жемчужныя иконы,
И перед оными висящих блеск лампад,
Пленяют зрителей благоговейный взгляд,
И с тем ж чувствами их привлекают взоры
При западных стенах устроенные хоры.

Какия ж именно и сколько всех вещей,
К священнодействию служащих
в церкви сей?
Потиры, диски, кресты благословенны,
Ковчеги, сребренны для таин позлащенны;
Евангелию же по бархату сребром
С Евангелистами обложен кругом;
Воздухов множество богатых разна-цвету;
Подризников криз 15 пар по шету,
И столько же числом подобных стихарей,
И по приличию ко оным орарей.
Книг не было совсем: и книги вдруг все новы
К богослужению являются готовы.
Сверх приобретенных Палладией сих вещей
Еще имеется безценность здесь Мощей:
Часть ризы и креста господня всесвященна,
Часть Харалампия страдальца незабвенна,
И часть Георгия, поборника царей, -
Победоноснаго предстателя вождей.

Нельзя же здесь не счесть
в предмет умозанятный
И колокольни вид извне благофасадный.
Она хотя собой невидна высотой,
Но привлекательна фигурной лепотой.
Она Акифьевых есть звук благоденствий, -
Есть эхо, красота во общине всех зданий.
На ней имеется всех восемь колколов,
Из коих в первом вес 147 пудов;
А прочие все двустами превышают,
И в действию все звон отличный составляют.
Но храм сей, утварью толико удивленный,
Три года состоял вполне неосвященный.
Дверь входная в него была затворена,
И к церкви община такой причислена,
Где причт абабковский усопших погребает,
И службы изредка в той церкви совершает.

22 ноября 1853 г. был освящен придел во имя св. Георгия, 25 июля 1854 г. был освящен сам храм, а 26 июля того же года - второй придел во имя св. Николая.

В эти же годы начинается строительство каменных зданий, что свидетельствует о растущем благосостоянии общины. С 1852 по 1855 гг. основная территория была обнесена каменной оградой с четырьмя башнями по углам на средства купца Н. А. Акифьева. На его же средства построены двухэтажный деревянный дом для священников (за оградой) и двухэтажный деревянный дом для принятия богомольцев. В это же время были построены больничный храм во имя Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости (1852 г.), келии, трапезная, просфорня, псалтирня и все прочие монастырские здания. Вскоре после этого Н. А. Акифьев умер к большому горю всей обители.

В 1858 г. обитель посетил Нижегородский епископ и был поражен, найдя вместо бедной общины благоустроенный монастырь. В январе 1859 г. Абабковская Николаевская община возведена в степень третьеклассного общежительного

монастыря. Тогда же были произведены первые постриги; первой была пострижена в мантию мать Палладия с именем Евпраксии и возведена в сан игуменьи. Обитель продолжала разрастаться, в 1859 г. заложен, а вскоре и возведен двухэтажный каменный пятиглавый трехпрестольный храм во имя Живоначальной Троицы. Но до освящения матушка игуменья не дожидая, скончалась она в том же году тихо, мирно и безболезненно, ей было семьдесят три года. В 1886 г. ввиду недостатка средств, а также из-за большого пожара, в результате которого сгорели все монастырские службы, работа была приостановлена. За два года все сгоревшие здания были отстроены вновь, и строительство храма возобновилось. В 1886 г. храм был закончен, 26 июня того же года был освящен престол и правый придел в честь иконы Тихвинской Богоматери, 29 июня были освящены два престола: левый - в честь Св. Николая Чудотворца, средний - в честь Живоначальной Троицы.

К 1889 г. в монастыре проживало около ста сестер. Были возведены конный и скотный двор.

В 1900 г. на месте разобранной из-за ветхости деревянной Покровской церкви на средства Ивана и Пелагеи Максимовых был заложен зимний каменный с колокольной девятиглавый четырехпрестольный храм - по проекту архитектора Анатолия Ивановича Шмакова, впоследствии расписанный крестьянином села Палех Константином Александровичем Першиным. В 1903 г. главный престол храма был освящен в честь Покрова Божьей Матери Усекновения главы Иоанна Предтечи; приделы: преподобного великомученика Георгия Победоносца и мученицы Пелагеи, святых Николая Чудотворца и преподобного Николая Воина. При храме имелась усыпальница с приделом во имя Всех Святых, где был погребен прах храмодателей и благотворителей Максимовых.

На 1904 г. игуменья монастыря была Антония. В этом же году был заложен новый двухэтажный каменный трапезный корпус, законченный лишь в 1914 г., с постройкой которого завершилось формирование архитектурного ансамбля монастыря.

В 1911 г. настоятельницей монастыря была утверждена игуменья Рахиль. В миру она была Ефросинья Ивановна Стругова, в монастыре с 1872

г., в монашестве с 1899 г. Согласно сведениям о благосостоянии монастыря на 1911 г., составленным игуменью Рахилью, в основную территорию монастыря, обнесенную каменной стеной, входили: два каменных храма - Троицкий и Покровский, Больничный каменный корпус с домовою церковью в честь Скорбящей Богоматери, каменная часовня, три каменных двухэтажных корпуса, четыре двухэтажных деревянных корпуса, двухэтажный полукаменный корпус, деревянная келья, три ледника, три бани, несколько деревянных хозяйственных построек; вне монастырской ограды располагались: небольшая деревянная часовня, два дома священников, два дома гостеприимных, деревянное одноэтажное здание "Максимовской" церковно-приходской школы, дом для рабочих, дом, в котором проживал В. И. Желтиков - благотворитель монастыря. Кроме того, монастырю принадлежало несколько подворий: в Нижнем Новгороде - на Зеленском съезде возле Польского костела - полукаменный дом с каменной часовней; в г. Горбатове - одноэтажный деревянный дом и двухэтажный полукаменный дом в г. Павлове. Основной доход в монастырь поступал от печения просфор в подворьях. Монастырь имел собственную водяную мукомольную мельницу на речке Кишме, в трех верстах от монастыря. Всей земли в разных местах во владении монастыря значилось 689,5 десятин и 66 саженей.

На 1915 г. в монастыре числилось две игуменьи, сорок две монахини и сто шестьдесят две послушницы. Жизнь и повеление сестер обители согласуются с уставом общежительных монастырей: в установленное время всеми посещается храм Божий, как во время богослужений, так и во время исправления монастырских правил. Все сестры, кроме престарелых и больных, проходят назначенные послушания: клиросное, церковное, просфорное, в поварне и рыбной, на скотном и конном дворах, на подворьях, мельницах, пчельниках и других работах по хозяйству. Сверх того, сестры занимаются рукоделием: шитьем, гладью, тканьем поясов. За особое искусство по рукоделию монастырь получил серебряную медаль от Комитета Санкт-Петербургской выставки монастырских работ, состоявшейся около 1905 г.

**АЛЕКСАНДРОВА ПУСТЫНЬ НА СВИРИ.
К ИСТОРИИ МОНАСТЫРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Богатейший материал для изучения культуры XVI - XVII столетий представляют сохранившиеся произведения и обширный архив Троицкого Александро-Свирского монастыря. Его иконописные памятники и произведения прикладного искусства хранятся в фондах Русского музея, и к их изучению мы имели возможность обратиться в своих предыдущих докладах и публикациях.¹ Настоящая публикация посвящена книжному собранию Свирского монастыря, малая часть которого после его закрытия поступила в рукописный отдел Библиотеки Российской Академии наук. Эта библиотека впервые была обследована и описана в 1877 г. членом Археографической комиссии А. Е. Викторовым. В это время в библиотеке находилось около восьмидесяти рукописей, среди которых исследователь выделил сорок пять томов, датирующихся XIV - XVIII вв. Викторов констатировал: "Насколько бедна библиотека монастыря рукописями, настолько богат его архив историческими документами прошлой жизни обители".² К книжному собранию Свирского монастыря в своей монографии "Монастырские библиотеки Русского Севера" (Л., 1977) обращалась также М. В. Кукушкина. Рассматривая сохранившиеся рукописи, привлекая данные монастырских переписных книг, автор засвидетельствовала отсутствие у кого-либо из свирских игуменов специального интереса к собиранию монастырской библиотеки и отсутствие систематичности при ее комплектовании.

Представляется, однако, что на формирование этих выводов повлияла сохранность документальных материалов Троицкого Свирского монастыря, которые, несмотря на свою обширность и разнообразие, имеют и серьезные пробелы, вызванные утратами из-за бедствий, не раз постигавших монастырь на протяжении его истории. Вкладные книги и другие документы XVI в. погибли при разорении обители польским отрядом в 1612 - 1613 гг. Немногочисленные уцелевшие записи в более позднее время были объединены к 1572 - 1624 гг. Ни одной книги вкладов XVII и XVIII вв. не сохранилось. Возможно они вообще не велись, поскольку никаких ссылок на них в документах монастыря не содержится.³ Приходные и расходные книги первой половины XVII в. также не отличаются полнотой. Но, вместе с тем, сохранившиеся монастырские рукописи и известные в настоящее время пятнадцать переписных книг монастырского имущества XVII - XIX вв., а также многочисленные приходные и расходные книги позволяют еще раз обратиться к истории Свирского книжного собрания, дают возможность определить состав переписчиков, привлекавшихся к работе, условия и организацию их труда.⁴

Есть основания предполагать, что ядро библиотеки Троицкого монастыря, также как и иконописное собрание, формировалось при его четвертом игумене Иродионе Кочневце, которым, по распоряжению митрополита Макария в преддверии канонизации преподобного Александра Свирского на соборе 1547 г., было составлено житие "нового чудотворца". Несомненно, Иродион был выбран митрополитом Макарием не случайно - его труд отличает в нем человека начитанного, литературно одаренного и хорошо знакомого с агиографическими произведениями, в частности, с сочинениями Пахомия Логофета.⁵ В свое житийное повествование Иродион включил запись восемнадцати прижизненных и посмертных чудес преподобного Александра. Служба святому была составлена, по видимому, также игуменом Иродионом.⁶ Перу Иродиона принадлежит и еще одно небольшое сочинение, именуемое "Сказание о видении Иродиона игумена, како виде преподобного Александра и слыша от него глас о поставлении церкви Николая Мирликийских". Иродион не только записал это чудо, но в память о нем построил церковь Николы и заказал иконописный образ с изображением жития Николы, а в среднике, в ряду четырех святых, изображение своего небесного заступника апостола Иродиона.⁷

В библиотеке Троицкого Свирского монастыря хранились, согласно Генеральной описи 1856 г., два полных, художественно оформленных списка жития преподобного Александра Свирского. Одно из них было датировано 1672 г. и пожертвовано в монастырь его крупнейшим вкладчиком московским дьяком Богданом Силиным,⁸ а второе - 1715 г., ныне хранящееся в Русском музее, вложено "по обещанию своему" свирским монахом Иоасафом (ГРМ. Инв. Др. гр. 26).

Между тем, переписка текстов житий чудотворца Александра, согласно данным приходо-расходных книг, составляла основное занятие писцов, нанимавшихся Свирским монастырем. Однако эти списки поступали не в библиотеку монастыря, а в введение казначея и предназначались для подарков или "промены" богомольцам, для прославления основателя обители и пополнения ее казны. Эта деятельность составляла параллель производству икон-пяндниц с изображением Александра Свирского или Явления ему Троицы.⁹

Перепиской занимались исключительно церковные дьячки и монахи. С писцами не заключались договоры на длительный срок, документальные упоминания о них эпизодичны, лишь несколько имен - Ивана Семенова, Евтихия Тимофеева, Филипа Федорова - встречаются в

документах на протяжении ряда лет. Всего в монастырских документах мною выявлено сорок семь имен писцов. Большинство среди них составляли жители окрестных селений, но встречаются выходцы из Москвы, Вологды, Тихвина, Нижнего Новгорода. Хочется упомянуть об уникальном случае - в библиотеке Свирского монастыря хранились "Главы Григория Синайского", переписанные в 1614 г. "замужнею женщиною" Акулиной.¹⁰

По условиям и характеру работы переписчики книг также ближе всего примыкали к иконописцам. Оплата их труда зависела прежде всего от объема рукописи, определявшегося количеством переписанных тетрадей, и ее размера (в десть, полдесть): "Дьячек Гришка вологжанин дописал Чудотворцова жития десят тетрадей в полдесть главную дано за письмо две гривны" (1682 г.).¹¹ Житие Александра Свирского могло быть передано сплошным блоком, либо разбивалось на главы и дополнялось текстами похвального слова, служб, чудес: "С Пиркиничъ дьячку Ефтешу Тимофееву писал главу житие Чудотворцова в полдесть главное и с похвалным словом на монастырской бумаге дано найму пятнадцать алтын две денги, да другое житие писал без похвалного слова дано найму четыре гривны" (1682 г.).¹² Зачастую в записях о выплате денег за приобретаемые книги указано, каким почерком они переписаны - уставом или скорописью, а также чья была использована бумага - монастырская или собственная: "Дано дьячку Косте Иванову за два жития за письмо за уставной да за скорописное двадцать один алтын четыре денги" (1675 г.);¹³ "Дьячек Минка толвояннин писал Чудотворцова житие без похвалного слова на монастырской бумаге дано найму восьми алтын две денги" (1684 г.).¹⁴

В зачет будущей оплаты труда в монастырской казне писцы приобретали бумагу и киноварь: "Продано дьячкам Оске Лазореву внуку да Васке Боголепову племяннику две дести бумаги взято три алтына две денги" (1677 г.).¹⁵ В расходных книгах присутствуют частые записи о приобретении стоп разных сортов бумаги, которую монастырские слуги закупали в основном в Новгороде и Москве. При расчете учитывалась даже стоимость чернил: "Писарь Филип Федоров житие писал Чудотворцова ис чернил крылошанина монаха Феодосия и за те чернила ему Феодосию дано четыре денги" (1702 г.).¹⁶

Переписчики выполняли свой труд и в монастыре, и "в своем доме", или "на своих хлебах", что также учитывалось при расчете. При заключении подряда писец чаще всего получал задаток: "Ефтефию Тимофееву дано житие писать с похвалным словом ряжено полтина, задатку дано шесть алтын четыре денги" (1701 г.).¹⁷

Все указанные в документах переписчики также были дьячками и были выходцами из Новгорода, Тихвина, Олонца.

Переписчики работали, кроме того, над пополнением монастырской библиотеки, создавая новые списки таких книг как "Новое небо", "Великое Зерцало", алфавитный Патерик, "Чудеса от иконы Тихвинской Богоматери", книги Никиты Ираклийского и других. Монах Иона, "а в службе прежде бывший Яков Никитин сапожник", в 1614 г. не только переписал для библиотеки Минею, но и вложил в Свирский монастырь по своему сыну печатные "Благовестник" и Библию.¹⁸ Это не единственный пример, когда сами писцы становились монастырскими вкладчиками. Описи XVII - XVIII вв., перечисляя библиотечные книги по названиям и указывая их число, не приводит имен вкладчиков. Большинство этих имен приведено в Генеральной описи 1856 г. Однако, в поздний период большинство книг с зафиксированными вкладными надписями в библиотеке Свирского монастыря происходили из приписных к нему пустынь, а многие кодексы главного собрания оказались за его пределами.

В настоящее время книжное собрание Александро-Свирского монастыря, хранящиеся в Библиотеке Академии наук, включает более ста рукописей XV - XIX вв., среди которых преобладают жития, четьи сборники церковно-назидательного характера, богослужебные книги. Рукописи XV - XVI вв. не имеют художественного оформления. Начала текстовых столбцов выделяют небольшие киноварные заглавные буквы и строки, написанные красными чернилами. Немногочисленный декор присутствует в книгах второй половины XVII в. и более позднего времени, оформление которых выполнено в основном самим писцами и не отличается высоким уровнем исполнения. В основном это заставки, копирующие орнаментику старопечатных книг (ОР БРАН. Ал.-Св. 28. Л. 4; 92. Л. 8; 30. Л. 52, 57 об., 74 об.). Две рукописи 1713 и 1715 гг., переписанные в самом монастыре монахом Иоасафом - "Страсти Христовы" и "Житие Александра Свирского" - содержат несколько уверенно выполненных инициалов "поморского стиля". Последняя книга имеет две миниатюры с изображением Явления Троицы преподобному Александру Свирскому и погребения преподобного, представляющие собой перовой рисунок, раскрашенный жидко разведенными красками.

Из коллекции старопечатных книг, составлявших большинство в монастырской библиотеке, можно выделить "Историю о Варлааме и Иоасафе" 1681 г. и "Псалтирь в стихах" 1680 г. Симеона Полоцкого (ГРМ. ОДРЖ. Др. гр. 33, 34), гравированные фронтисписы которых выполнены по рисункам Симона Ушакова. Первая из этих книг была приобретена для библиотеки в год своего выхода в свет, что свидетельствует о том, насколько пристально следили за появлением книжных новинок: "Черной же дьякон Серафим купил на Москве книгу Оасафа царевича житие новопечатную

дано денег рубль”.¹⁹ Несколько книг XVII в. сохранили свои первоначальные дощатые переплеты, кожаное покрытие которых орнаментировано тиснеными бордюрами, розетками и клеймами (ОР БРАН. Ал.-Св. 14, 28, 92).

В других собраниях удалось выявить еще несколько книг, ранее входивших в Свирское книжное собрание. В Российской Национальной библиотеке - Житие Александра Свирского XVIII в.

(собр. СПб ДА 276) и Служебник XVI в. (Соф. 766); в Российской государственной библиотеке - Триодь цветная XVI в. (Ф. 445. № 48), Октоих 1552 г. (Ф. 299. № 629), Апостол апракос начала XVII в. (Ф. 19. № 310), Сборник певческий середины XVII в. (Ф. 379. № 23), “Лечебник” XVII в. (Ф. 236. № 174), “Петр Дамаскин” XVIII в. (Ф. 304. II. № 42), “Исаак Сирин” XIX в. (Ф. 557. № 85).²⁰

¹ Соловьева И. Д. К истории иконописного собрания Александро-Свирского монастыря. ТОДРЛ. XLVIII. СПб. 1993. С. 403 - 406; Соловьева И. Д. Вкладные надписи на иконах Александро-Свирского монастыря // Археографический ежегодник за 1991 год. М. 1994. С. 42 - 46; Соловьева И. Д. Иконы из Александро-Свирского монастыря // Государственный Русский музей. Из истории музея. Сборник статей и публикаций. СПб. 1995. С. 124 - 131.

² Викторов А. Е. Рукописи Александро-Свирского монастыря. Петрозаводск. 1901. С. 1.

³ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1.

⁴ Соловьева И. Д. Иконопись Александро-Свирского монастыря XV - XVII веков. Л. 1990. Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. С. 12 - 13.

⁵ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л. 1977. С. 162 - 163.

⁶ Веретенников П. (Макарий), Преподобный Александр Свирский “новый чудотворец” - русский подвижник XVI века. К 450-летию со дня кончины // Богословские труды. № 23. С. 329.

⁷ Соловьева И. Д. К вопросу о времени возведения

Никольской церкви в Александро-Свирском монастыре // Архитектурное наследие и реставрация. Реставрация памятников истории и культуры России. М. 1992. С. 195 - 201.

⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2831. Л. 205.

⁹ Кукушкина М. В. Ук. соч. С. 69 - 124; Соловьева И. Д. Организация иконописного дела по материалам архива Александро-Свирского монастыря // Новгородский исторический сборник. 4 (14) СПб. - Новгород. 1994. С. 263 - 278.

¹⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2831. Л. 208; Викторов А. Е. Ук. соч. С. 7. № 22 (57).

¹¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 151. Л. 130 об.

¹² Там же. № 154. Л. 93 - 93 об.

¹³ Там же. № 116. Л. 91.

¹⁴ Там же. № 156. Л. 95.

¹⁵ Там же. № 132. Л. 2 об.

¹⁶ Там же. № 227. Л. 7 об.

¹⁷ Там же. № 219. Л. 15 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2831. Л. 203 об, 226, 277.

¹⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 147. Л. 188 об.

²⁰ Рукопись выявлена М. В. Кукушкиной. Ук. соч. С. 44.

М. В. Седова

СУЗДАЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ СВ. ДМИТРИЯ

Летописные известия о междоусобной войне Владимира Мономаха и муромо-черниговского князя Олега Святославича в 1094 - 1096 гг. свидетельствуют, что в это время на северо-востоке Руси существовало как минимум два монастыря. Это Спасский монастырь в Муроме, где в 1095/1096 гг. положен был убитый в бою сын Владимира Мономаха Изяслав и Дмитриевский монастырь в Суздале. О последнем из летописного текста мы узнаем следующее: “Олег же приде к Суждалю и слышавъ яко идет по нем Мстиславъ. Олег же повеле зажещи Суждаль город. Токмо остася дворъ манастырскыи Печерскаго манастыря и цркы яже тамо есть стаго Дмитрея юже бе даль Ефремъ и с селы...”¹

Вопрос о том, где именно располагался монастырь св. Дмитрия, вызывал споры среди исследователей, т. к. некоторые из них считали, что “двор монастырский Печерского монастыря” находился внутри городских оборонительных укреплений. Однако судя по позднейшей топографии города, монастырь был основан за пределами кремля. В пределах суздальского кремля времени Владимира Мономаха в земляных валах было проделано двое проездных ворот, соединявшихся между собой позднее Кремлевской, Рождественской улицей (рис.

1). Восточные напольные ворота выводили на посад и носили название Ильинских (по расположенной вблизи церкви Ильи Пророка). Юго-западные проездные ворота носили название Дмитриевских. Они выводили к р. Каменке, на древнюю дорогу, ведущую к р. Клязьме, ко Владимиру, в землю вятичей. Именно на этой дороге и возник древнейший суздальский монастырь, давший впоследствии всей заречной застройке наименование “Дмитровской стороны”. Основан он был выходцами из киевского Печерского монастыря по инициативе переяславского епископа Ефрема - ближайшего сподвижника Владимира Мономаха. По мнению историка русской церкви Е. Голубинского, подтвержденному изысканиями А. Поппе, в юрисдикцию епископа переяславского в XI в. входили дела смоленские и суздальские.² Поэтому нет ничего удивительного в том, что переяславский епископ Ефрем основывает в Суздале монастырь с церковью св. Дмитрия и передает ему села: “...юже бе даль Ефрем и с селы”. Села, по-видимому, принадлежали самому Ефрему, который происходил, судя по сведениям Киево-Печерского патерика, из знатной, возможно княжеской, семьи (“каженик некто от князя дома”). Наиболее вероятным представляется, что села, которые дал Ефрем

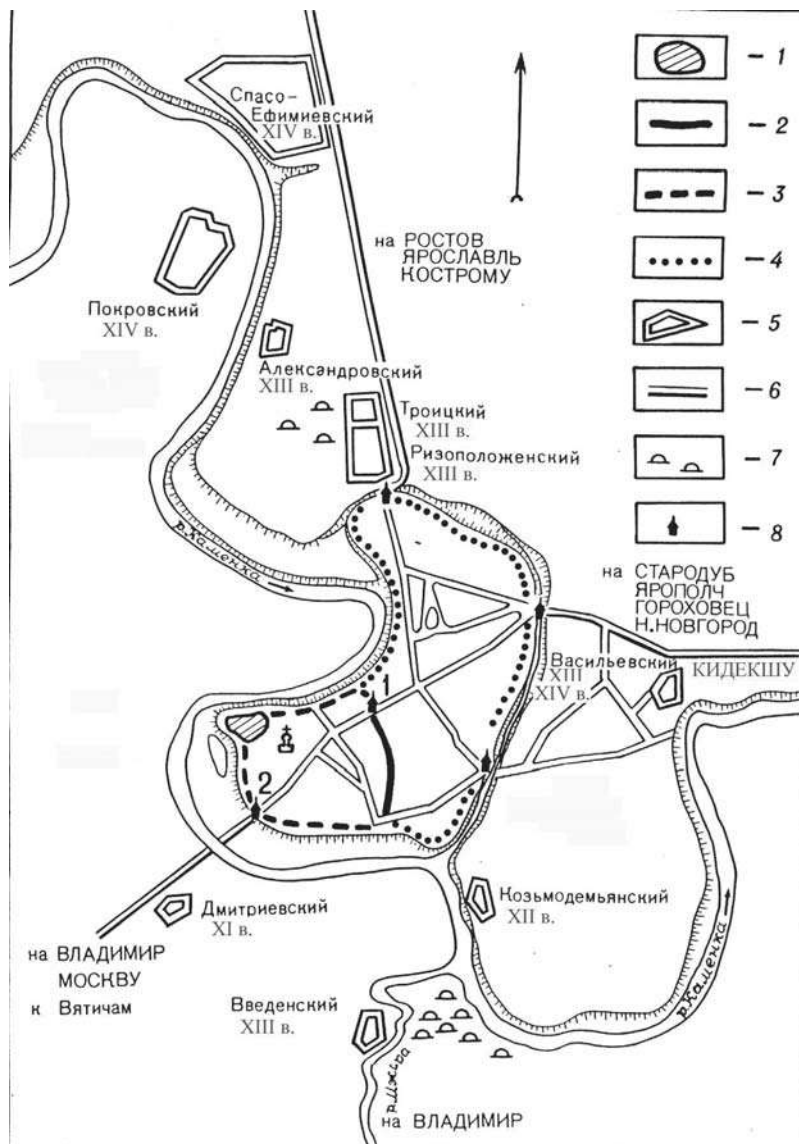

Рис. 1. План древнего Суздаля:

- 1 - детинец;
- 2 - оборонительные укрепления начала XI в.;
- 3 - оборонительные укрепления начала XII в.;
- 4 - оборонительные укрепления середины XII в.;
- 5 - монастыри;
- 6 - древние дороги;
- 7 - курганы;
- 8 - проездные ворота (1 - Ильинские, 2 -

Дмитриевскому монастырю, находились вблизи Суздаля и, возможно, сам монастырь располагался на земле одного из принадлежавших ему сел. В дальнейшем с Дмитриевским монастырем была тесно связана семья суздальского тысяцкого Юрия Долгорукого - Георгия Симоновича. Видимо, именно к этой обители относится свидетельство Киево-Печерского патерика о том, что “правнуци его (Симона) любовь имеютъ къ святому Дмитрею, ту бо имеютъ мѣсто свое в нем, и иже кто ихъ лишится, и сии под клятвою суть своих прародитель и отецъ иже своею волею отместятся молитвы святого и благословения и обѣта преподобного отца Феодосия”.³

Дальнейшие письменные свидетельства о Дмитриевском монастыре относятся уже к XIII в. Игумен этого монастыря Кирилл был с 1216 г. епископом Ростовским. В 1228 г. он оставил епископскую кафедру и, возвратившись в монастырь, принял схиму. В 1230 г. он скончался и был погребен в Дмитровском монастыре.⁴ Под 1228 г. Лаврентьевская летопись сообщает: “Того же лет Кириль епспъ Ростовьскыи и оставивъ епспью приде в Суждаль к стому Дмитрию в свою келью хотя лечити свою немочь”.⁵

Никоновская летопись об этом же событии сообщает под 1229 г., уточняя местоположение монастыря: “Иде в келию свою въ митрополичь монастырь святого Дмитрея, иже въ Суздале на посаде”.⁶ Монастырь назван митрополичьим и указано, что располагался он не в кремле, а на посаде. Это указание снимает разночтения в понимании летописного текста 1095 г.

В 1238 г. монастырь при взятии Суздаля татаро-монгольскими отрядами был сожжен: “Татарове... взяша Суждаль и сту бцо разграбиша и двор княжь огнемъ пожгоша и манастырь стаг Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша...”.⁷ Видимо, роль Дмитриевского монастыря в городской жизни Суздаля была значительной, если летописец отмечает разрушение его наряду с такими достопримечательностями города, как кафедральный собор и княжеский дворец. Сожженная церковь св. Дмитрия в то время была деревянной. Такими оставались возобновляемые церкви монастыря на протяжении длительного отрезка времени, вплоть до середины XVIII в. Так, в Писцовой книге 1617 г., составленной после “смутного времени” по приказу царя Михаила Романова князем Ю. И. Шаховским и подъячим А. Строевым, указана “на Дмитриевской стороне церковь Дмитрия Селунского древяна вверхъ, да с трапезою страстотерпца Христова Георгия, строение приходских людей”.⁸ Видимо, монастырь в это время из-за разгрома города не функционировал. Но уже через десять - двенадцать лет Писцовые книги 1628 - 1629 гг. указывают “по реке Каменке по берегу по Дмитровской стороне... монастырь великого Государя Святейшего патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии

Рис. 2. Археологические находки на территории монастыря: 1 - бронзовая привеска-петушок; 2 - костяная орнаментированная накладка; 3 - каменный оселок с процарапанным рисунком. XII - XIII вв.

ружной, а в немъ церковь Дмитрея Селунского древянь вверхъ, другой храм теплой Страстотерпца Христова Георгия, в келье игумень Федосей, две кельи брацких”.⁹

Иеромонах Иоасаф в своем исследовании церковно-исторических достопамятностей Суздаля приводит выписки из Казенного приказа 1721 г., из которого видно, что при суздальском епископе Иоакиме в Дмитровском монастыре не было уже ни игумена, ни братии, а проживали десять инокинь, причем служил в церкви приходской священник с причтом.¹⁰

В 1713 г. начали копать фундаментные рвы для каменной церкви Дмитрия Солунского. При этом было обнаружено древнее монашеское захоронение в деревянном гробу, отождествленное с захоронением игумена Дмитриевского монастыря, епископа Ростовского Кирилла XIII в.

В своем сочинении “Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждали” в 1754 г. ключарь Суждальского собора Анания Федоров описывает: “За городом на посаде прежде имелся монастырь мужской за рекою, святого великомученика Димитрия Мироточца, в котором был игумен и братии довольно, ныне же приходская церковь. В том монастыре настоящая церковь святого великомученика Димитрия Мироточца, каменная, весьма прекрасная, и внутренним благолепием преизрядно украшена”.¹¹

Эта каменная церковь просуществовала около двухсот лет и была разрушена в тридцатые

годы XX в. (рис. 3). В настоящее время на месте древнего монастыря располагается музей деревянного зодчества Владимирской земли. Сюда свезены из районов области избы, хозяйственные постройки, колодцы, мельницы и пр. Находятся здесь и два деревянных храма, своими очертаниями напоминающие древние монастырские постройки. Удачно выбранное место для традиционных деревянных построек воссоздает утраченный элемент исторической топографии Суздаля.

Перед созданием музея деревянного зодчества на месте древнего монастыря были проведены археологические исследования с целью выяснения характера культурных напластований и времени возникновения жизни на этом месте. Раскопки велись в 1968 г. (руководитель В. В. Седов) и в 1971 - 1972 гг. (руководитель В. П. Глазов).

Раскоп 1968 г. (площадь 52 кв. м) находился в 124 м от юго-восточного угла деревянной Преображенской церкви XVII в. Культурный слой толщиной 0,3 - 0,4 м весьма насыщен древнерусской

керамикой и вещевыми находками (стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ножи, ключи). К XII в. относится полуземлянка, открытая в процессе раскопок. Размеры ее котлована 3,5 x 3,5 м, глубина 0,5 м. По углам котлована прослежены ямки от столбов, видимо, опор крыши и плетневых стен. Вырез для входа располагался с западной стороны, развал глинобитной печи - с противоположной.¹²

В 1971 г. обнаружена была еще одна полуземлянка и большая домница с кузницей.¹³ От кузницы остались только столбовые ямы, а также скопления шлаков и крицы, найденные за пределами домницы. Устьем домница ориентирована на север. Размеры ее по оси север-юг - 4,2 м, по оси запад-восток (загрузочная полость) - 4 м. Основание вырезано в материке. К загрузочной части подходят три ступени, по краям спуска к домнице - столбовые ямы для навеса. Во время раскопок найдены обломки стеклянных браслетов, керамика XII - XIII вв., крицы и болотная железная руда, каменный молот для дробления руды, зубильце и просадка кузнечная,

Рис. 3. Церковь св. Дмитрия в Суздале. 1718 г. (Фото 1930-х гг.)

ножи. Вокруг домницы имеется слой (0,2 м) горелой земли с окалиной железа. В северной части раскопа обнаружен ров глубиной 2,36 м. Сама домница находилась в трех метрах от края рва.

Раскопки 1972 г. исследовали тот же производственный кузнечный комплекс XII - XIII вв., доведя количество изученных помещений до четырех.¹⁴ Выявлено производственное помещение с остатками горна. Обнаружены лепешковидные крицы, лежавшие на дне горшков. Среди находок выделяется бронзовая ажурная привеска в виде петушка, аналогичная найденной в раскопках Н. Н. Воронина в Суздале в 1936 г., Е. А. Рябинин считает подобные шумящие привески характерным для Владимиро-Суздальской Руси типом.¹⁵ Датируются они XII - сер. XIII в. (рис. 2, 1). Интересной находкой является камень-оселок с нанесенным рисунком. На одной его стороне процарапано изображение человеческого лица в профиль в островерхом уборе. На другой стороне геометрический узор из лесенок и горок (рис. 2, 3).

На донцах гончарных сосудов часто изображались клейма в виде «птичьей лапки», свастики, креста в круге и др.

По материалам весь производственный комплекс датируется XII - XIII вв. Очевидно, он связан с монастырской слободой, располагавшейся у стен Дмитриевского монастыря. Приведенный выше летописный текст под 1096 г. упоминает «дворь монастырьскии Печерьскаго манастыря и церковь юже тамо есть святого Дмитрия юже бе даль Ефрем и с селы».¹⁶ По-видимому, одно из этих «сел», располагавшихся у стен монастыря, и было частично раскопано.

На территории музея деревянного зодчества на месте вновь установленной Преображенской церкви при строительных работах была сделана необычная находка. По устному свидетельству суздальского краеведа В. М. Снегирева, на глубине 0,6 - 0,8 м был обнаружен белокаменный саркофаг трапециевидной формы с выделенным полукруглым оголовьем. Саркофаг был пустой. По-видимому, саркофаг был идентичен белокаменному же саркофагу, обнаруженному А. Ф. Дубининым в южном притворе Рождественского собора и приписываемого им сыну Юрия Долгорукого - князю Святославу (ум. в 1174).¹⁷ Такой же саркофаг был обнаружен Н. Н. Ворониным в Боголюбове. Белокаменные саркофаги подобной формы явились новшеством на Руси в XII в., в них хоронились лишь представители знати. На территории Дмитровского монастыря в Суздале мог быть захоронен один из представителей рода Георгия Шимоновича, ибо по заключению составителя Киево-Печерского Патерика: «Сего ради правнучи его (Симона) любовь имьють к святому Дмитрию, ... ту бо имьють место свое в нем...».¹⁸

Историческая судьба одного из древнейших русских монастырей сложилась не совсем удачно; он не стал знаменитым центром духовной, культурной жизни, как Спасо-Евфимиевский, Покровский или Ризоположенский монастыри Суздала. Однако на раннем этапе своего существования, в XI - XIII вв., по-видимому, он играл значительную роль в становлении христианства в Суздальской земле. Монастырь рисуется как крупный культурный центр, своего рода «северная Киево-Печерская лавра». Скорее всего, здесь велось и летописание.¹⁹

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.

² Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 677, 686 - 687;

Ропре А. Państwo i kościoł na Rusi v XI wieku. W-wa, 1963. S. 165.

³ Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси, XII в. М., 1980. С. 454 - 455.

⁴ Иоасаф. Церковно-историческое описание суздальских достопримечательностей. Чугуев, 1857. С. 110.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

⁶ ПСРЛ. Т. 9 - 10. М., 1963. С.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

⁸ Писцовая книга города Суздаля 1617 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 1. Владимир, 1875. С. 259.

⁹ Суздаль. Список с писцовой книги гор. Суздаля с 7136 по 7138 г. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Т. 6. Владимир, 1904. С. 24 - 25.

¹⁰ Иоасаф. Указ. соч. С. 111.

¹¹ Аняния Федоров. Историческое собрание о

богоспасаемом граде Суздале // Временник ИОДР. М., 1885. Т. 22. С. 65.

¹² Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО 1968 г. М., 1969. С. 73 - 74.

¹³ Глазов В. П. Исследования во Владимирской области и раскопки в Суздале // АО 1971 г. М., 1972. С. 75 - 76.

¹⁴ Глазов В. П. Работы во Владимирской области и г. Суздале // АО 1972 г. М., 1973. С. 57 - 58.

¹⁵ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X - XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. Е-1-60. С. 13. Рис. 3. Табл. IV, 10.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.

¹⁷ Дубинин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля (1936 - 1940 гг.) // КСИИМК. Вып. XI. С. 97 - 98. Рис. 40.

¹⁸ Киево-Печерский патерик. С. 454 - 455.

¹⁹ Воронин Н. Н. К вопросу о начале Ростово-Суздальского летописания // Археологический ежегодник за 1964 год. М., 1965.

ПОРТАЛ СОБОРА ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Собору Вознесенского монастыря в Московском Кремле уже было посвящено исчерпывающее исследование.¹ Однако неизвестные специалистам детали, хранящиеся в лапидарии Московского Кремля, позволяют более подробно рассмотреть декоративное убранство одного из порталов собора. Эта тема представляет исключительный интерес, так как в настоящее время от разрушенного кремлевского собора сохранились только детали портала.

Главный собор Вознесенского монастыря был построен Алевизом Новым в 1519 г. на месте старого белокаменного храма XV в.² В 1588 г., при Федоре Иоанновиче, он был перестроен заново.³ В дальнейшем собор неоднократно ремонтировался, что значительно искажило его первоначальный облик.⁴ В 1929 - 30 гг., в связи с постройкой в Кремле Военной школы ВЦИК (сейчас это правительственное здание), были снесены храмы,

кельи и другие постройки двух древнейших монастырей Кремля: Чудова и Вознесенского. Из них первым, в сентябре 1929 г., был снесен собор Вознесенского монастыря.⁵ В отличие от взорванного позднее собора Чудова монастыря, Вознесенский собор разбирался постепенно, что, вероятно, и способствовало сохранению деталей портала.⁶ После разборки собора, эти детали вместе с ценными образцами других кремлевских памятников хранились в фондах музеев Кремля. К сожалению, до начала 1970 -х гг. никакой музейной работы с экспонатами собрания не осуществлялось, описи не велись, источники поступлений не фиксировались, в результате чего собрание представляло собой хаотическое скопление безымянных предметов⁷. И только в последние годы, благодаря проведенной сложной работе по музеефикации, систематизации и атрибуции коллекции, представилась возможность

Рис. 1, 2. Сноповидные капители собора Вознесенского монастыря Московского Кремля. 1588 г.

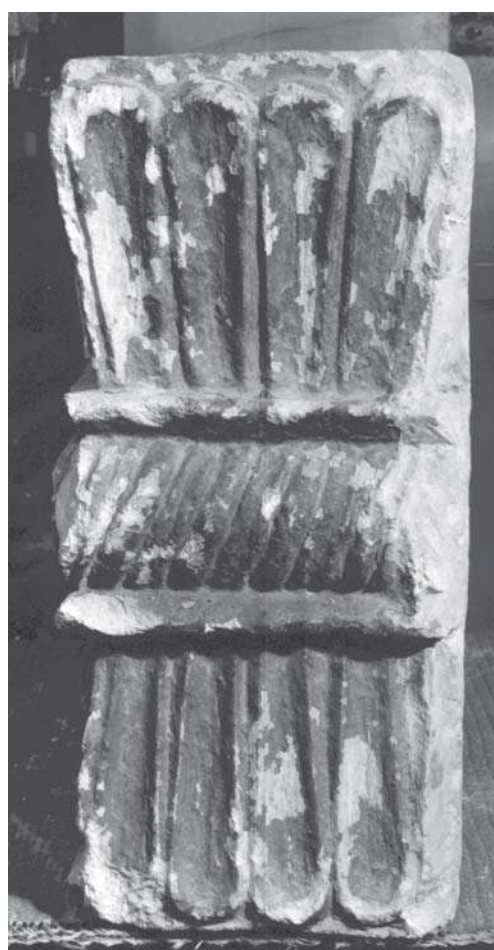

Рис. 2.

изучить экспонаты фонда. В ходе разборки фонда были обнаружены детали портала неизвестного памятника. Проведенное исследование показало, что многочисленные храмы Кремля, снесенные в 1920 - 1930-е гг. - Благовещения на Житном дворе (1730 г.), Константина и Елены (1694 г.), Благовещенская церковь Чудова монастыря (1688 г.), Михаила Малеина (1617 г.) и Екатерины (1808 г.) Вознесенского монастыря - каких-либо декоративных украшений порталов не имели. Декоративные детали порталов церкви Спаса на Бору отличались по форме. Только белокаменные порталы собора Чудова монастыря были украшены декоративными деталями, близкими по типу безымянному portalу⁸. Однако, при сравнении деталей двух комплексов, хранящихся в кремлевском лапидарии, выяснилось, что они значительно отличаются друг от друга по форме, размерам, деталям и покраске. Поэтому особенно ценной является фотография портала неизвестного собора, обнаруженная нами в архиве ГММК⁹. На снимке собора зафиксирована нижняя половина портала с дыньками и уникальными базами с ренессансным декором. В русском зодчестве подобные базы имеет только один памятник - кремлевский собор Чудова монастыря¹⁰.

Собор Чудова монастыря имел два белокаменных портала с одинаковыми деталями. Перед сносом собора Чудова монастыря в 1929 г. были изъяты детали только северного портала¹¹. Детали западного портала, показанного на фотографии И. Барщевского начала XX в.¹², идентичны деталям северного портала и сильно отличаются от деталей неизвестного комплекса. Следовательно, неизвестные детали не принадлежали к portalу собора Чудова монастыря. В то же время, при сравнении дыnek неизвестного комплекса и фотографии выяснилось, что они абсолютно одинаковы не только по форме, но даже в деталях. Кроме того, портал с дыньками, сноповидными капителями и ренессансными базами схематично показан на поэтажных обмерах собора Вознесенского монастыря, осуществленных П. М. Максимовым перед его сносом¹³. Таким образом, можно заключить, что детали неизвестного комплекса принадлежали portalу собора Вознесенского монастыря. Сохранившиеся детали, обмеры П. Н. Максимова и фотография позволяют осуществить достаточно полное исследование портала Вознесенского собора.

К моменту разборки собор Вознесенского монастыря представлял собой четырехстолпный трехапсидный пятиглавый храм. В обработке его фасадов зодчие подражали наружному убранству Архангельского собора.¹⁴ Судя по обмерам, портал собора Вознесенского монастыря был перспективный и, вероятно, имел одинаковую декорировку. Он состоял из чередующихся полуколонн и прямоугольных косяков. На середине

высоты полуколонн были декоративные перехваты - "дыньки". Полуколонки увенчивались полукруглыми сноповидными капителями, а косяки - прямоугольными.

В настоящее время в фонде Архитектурного декора ГММК хранится двенадцать деталей портала: четыре дыньки и восемь сноповидных капителей. Дыньки портала имеют форму усеченной сферы с выпуклыми дольками, выкрашенными в зеленый цвет, и гранеными ребрами бордового цвета между ними. Сверху и снизу деталей расположены витые жгуты желтого цвета, состоящие из чередующихся валиков и ложек. Дыньки одного типа имеют сфероидную форму, выпуклые валики и глубокие ложки жгутов, а дыньки другого типа меньше по высоте, сплюснутой формы с уплощенными жгутами. Несмотря на столь заметные различия, дыньки двух типов принадлежали одному portalу: на фотографии сфероидальная дынька относилась к наружной полуколонке, а сплюснутая - к внутренней. Сноповидные капители состоят из двух одинаковых половинок - прямой и перевернутой. Капители украшены длинными расширяющимися кверху листьями с полукруглыми завершениями. Посередине капители имеют перехват в виде двух полочек с откосами, между которыми помещен жгут, аналогичный дынькам. Подобно дынькам, листья капителей имеют зеленую покраску, а жгуты и откосы - желтую.

Помимо сохранившихся деталей, на фотографии зафиксированы также базы портала, имевшие оригинальную форму и декор. Базы портала были ионического ордера, причем нижний профиль и плинт украшались невысокого рельефа иониками и ромбами, чередующимися с валами. В отличие от средних баз, угловые базы имели трехгранную форму и выделялись декором: на профилях помещались рельефные розетки, а венчали детали витые жгуты, аналогичные дынькам и капителям. Фотография также позволяет высказать некоторые суждения о росписи портала. Видимо, полуколонки и косяки портала имели полихромную покраску: на темном фоне (может быть зеленом, в тон декоративным деталям?) выделяется растительный орнамент и белые грозди винограда. В настоящее время трудно определить время возникновения росписи. Во всяком случае, следует отметить, что покраски сохранившихся деталей имеют только один слой росписи. Возможно это указывает на позднюю дату росписи. На фотографии также видно, что портал переделывался в более позднее время, при этом полуколонка и косяк левой части портала были заменены пилоном грубой формы. Вероятней всего и правая часть портала имела такие же переделки. В этом случае при разборке Вознесенского собора были извлечены все декоративные детали портала, кроме баз (возможно из-за плохой их сохранности). Поскольку все сохранившиеся декоративные детали портала белокаменные, то несомненно

Рис. 3. Дыньки. Собор Вознесенского монастыря Московского Кремля. 1588 г.

белокаменными были также его полуколонки, косяки и архивольты. Этот прием был характерен для московских памятников XVI в., когда храм, построенный из кирпича, имел белокаменные порталы, наличники, цоколи и карнизы.

Развитие форм и декора порталов соответствует эволюции памятников русского зодчества. На Руси перспективные порталы появились у памятников владимирского зодчества XII в. Вместе с другими формами перспективные порталы были позаимствованы в романском зодчестве¹⁵. Соборы, построенные при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, имели перспективные порталы с аттическими базами, коринфизующей формы капителями и небольшими импостами¹⁶. Аналогичные формы имели и последующие владимирские памятники XII - XIII вв., однако детали порталов покрывались богатейшей резьбой. У Рождественского собора в Суздале (1225 г.) полуколонки южного портала впервые получают декоративные перехваты-дыньки шаровидной формы, украшенные рельефным растительным орнаментом. Этот мотив, вероятно, тоже был заимствован в романском зодчестве¹⁷. Меняются также и формы портала: из полуциркульных они становятся килевидными. Исследователи неоднократно отмечали, что соборы Московского княжества XIV - нач. XV вв. по технике кладки, плану и отдельным деталям повторяли традиции владимирского княжества¹⁸. Сохранившиеся до нашего времени московские

памятники начала XV в. имеют типичную для позднего владимирского зодчества форму порталов, дынок и аттических баз. Хотя порталы храмы Калиты и более позднего времени имели резные архивольты¹⁹, однако порталы памятников XV в. резьбы уже не имеют. Причем, если базы порталов сохраняют традиционную форму, то дыньки сильно изменяются: у них появляются дольки, а форма становится приплюснутой. Еще более заметно меняются завершения колонок: капители получают очень примитивную форму, а профилированные импосты по высоте становятся равны капителям. Во второй половине XV в. формы порталов претерпевают сильные изменения. Псковская артель, которая возвела в Кремле церковь Ризположения (1486 г.) и Благовещенский собор (1489 г.), повторила московские формы порталов. При этом отдельные элементы портала были переработаны: вместо простых завершений появляются сноповидные с традиционной, сноповидная капитель увеличилась по высоте вдвое. Поскольку в псковском зодчестве XII - XV вв. подобные капители отсутствуют, то можно приписать их готическому влиянию, ссылаясь на свидетельство летописи о том, что псковские мастера "от немец пришли"²⁰. Новая, эффектная форма капителей придавала праздничную нарядность порталам. Вероятно поэтому они получили широкое распространение у памятников московского зодчества конца XV - начала XVI вв. Дальнейшее развитие порталы получили у собора

кремлевского Чудова монастыря. Детализация традиционных деталей портала изменилась: у дынок были несколько упрощены формы (вместо двойных жгутов стали одинарные), формы капителей наоборот усложнились (зубцы превратились в длинные тонкие листья с килевидными завершениями). Наряду с традиционными московскими, в декоре порталов Чуда Архангела Михаила были применены также ренессансные мотивы¹. Среди них особенно оригинальна форма и декор баз, которым подражают базы Вознесенского собора. Но в отличие от собора Вознесенского монастыря верхний профиль баз чудовского собора украшен не фестоном, а иониками, а угловые базы витого жгута не имеют. В дальнейшем сноповидная капитель получает широкое распространение у памятников Москвы и Подмосковья первой четверти XVI в., однако быстро исчезает к сороковым годам XVI в. Другие традиционные детали - дыньки и аттические базы - оказываются более устойчивыми и сохраняются без особых типологических изменений до конца XVI в. При этом опять получают широкое распространение дыньки с двойным жгутом.

Таким образом, портал собора Вознесенского монастыря представляет собой оригинальное произведение русской архитектуры, детали которого выполнены в традициях начала XVI в., чем коренным образом отличается от типичных памятников конца XVI в. Уникальность portalу придают также итальянские базы с орнаментом, которые встречаются только у порталов собора Чуда Архангела Михаила. Близкое подражание декоративным формам собора Чудова монастыря позволяет сделать предположение, что мастер Вознесенского портала взял за образец белокаменные порталы собора Чудова монастыря. Это не удивительно, если учесть близкое соседство двух памятников и то, что они являлись главными храмами важнейших кремлевских монастырей. Как уже указывалось выше, дыньки портала Вознесенского собора представляют собой две разновидности. Это противоречит сложившейся традиции, когда порталы русских храмов XVI в. обычно имели одинаковые детали. Вероятней всего считать, что новые формы возникли во время какого-либо ремонта портала, о чем, в частности, свидетельствуют грубый пилон, который заменил полуколонку и косяк портала. Любопытно отметить,

что дыньки портала первого типа близки по форме дынькам собора Чуда Архангела Михаила. Учитывая это обстоятельство и то, что итальянские базы с ренессансным декором были чужды мастерам годуновской артели и никогда больше ими не употреблялись, можно высказать предположение, что при постройке Вознесенского собора 1588 г. мастера копировали формы и декор портала Вознесенского собора 1519 г., построенного Алевизом Новым. В связи с этим не исключена вероятность, что Алевиз Новый скопировал и другие декоративные детали белокаменных порталов Чудова собора: резьбу косяков и кессоны архивольтов (тем более, что подобным образом были декорированы малые порталы западного фасада Архангельского собора, также построенного Алевизом Новым).

Вознесенский собор 1588 г. строил зодчий годуновской школы, который подражал фасадному убранству кремлевского Архангельского собора. Однако зодчий не повторил порталы с откосами, хотя они имели широкое употребление у памятников XVI в. Любопытно отметить, что и в более поздних храмах годуновских усадеб, приписываемых исследователями этому зодчему,² он придерживается сходного принципа оформления фасадов: близко воспроизводя отдельные детали фасадного убранства Архангельского собора, в порталах этих памятников сохраняет традиционные формы московского зодчества середины XV в. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что после постройки Вознесенского собора именно этот тип портала стал для зодчего каноническим. Таким образом, порталы собора Вознесенского монастыря отличались от его фасадного убранства и повторяли традиционное декоративное убранство, характерное для московских храмов конца XV в. Под влиянием белокаменных порталов собора Чуда Архангела Михаила, послуживших образцом для порталов Вознесенского собора, в его декоре сохранились отдельные ренессансные мотивы. В дальнейшем сочетание московских порталов с элементами фасадного убранства, подражавших Архангельскому собору, стало типичным для памятников годуновской школы. Однако капители и базы порталов получают более упрощенную трактовку, характерную для московских памятников начала XV в., а ренессансные мотивы исчезают окончательно. В таком виде перспективные порталы и сохраняются до начала XVII в.

¹ Баталов А. Л. Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия за 1983 г. Л., 1985.

² Сковцов Н. А. Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 148.

³ Баталов А. Л. Указ. соч. С. 468.

⁴ Баталов А. Л. Собор Указ. соч. С. 471.

⁵ Последнее упоминание о соборе относится к 23.09.1929 г., когда сообщается о «перевозке крестов из бывшего Вознесенского монастыря в церковь Иоанна Лествичника» - Дневник работ 1928 - 1929 гг. ОРГП. 1928. Ф. 20. Д. 63. 126

Л. 74.

⁶ Сообщено Ивановым В. Н.

⁷ В музейной практике это явление встречается часто.

⁸ Рихтер Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые на месте и изданные при московском дворцовом архитектурном училище. Тетр. 1. М., 1851.

⁹ ОРГП ГММК. Фототека, папка 130. Фото 197.

¹⁰ Гращенков А. В. Архитектурный декор собора Чудова монастыря // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 201.

¹¹ Там же. С. 199.

НЕКРОПОЛЬ ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ: ИСТОРИЯ, СУДЬБА, ПЕРСОНАЛИИ

Монастырские комплексы средневековой Руси составляют интересный пласт ее истории и культуры. Заметное место в их числе занимали кремлевские обители, появление которых в древнем центре столицы России относится к XIV - XV вв.

Вознесенский женский монастырь в Кремле - не самый древний в Москве. Но на протяжении всего своего существования он был одним из наиболее почитаемых. Это объясняется тем, что главный монастырский храм Вознесения служил усыпальницей для русских великих и удельных княгинь, цариц и их ближайших родственниц.

Специальные издания, посвященные истории Вознесенского монастыря и его центрального собора, выходили в свет лишь однажды, в девяностых годах XIX столетия, и были написаны священнослужителем этой женской обители А. Пшеничниковым.¹ В общих трудах по истории Москвы исследователи XVIII - начала XX вв. уделяли Вознесенскому собору достаточно большое внимание. Но, описывая некрополь, они ограничивались, как правило, упоминанием имен некоторых из погребенных, описанием их праведной жизни и чудес, происходивших возле раки основательницы монастыря княгини Евдокии.

Монастырь был основан в 1407 г. великой княгиней Евдокией, вдовой московского князя Дмитрия Донского. Как сообщают летописи, за несколько месяцев до смерти, последовавшей 7 июня того же года, она приняла монашеский постриг и была первой представительницей московского правящего дома, похороненной в еще недостроенном монастырском соборе.² Его сооружение затянулось на долгие шестьдесят лет. Вознесенский собор перестраивали в начале XVI в. (освящен в 1519 г.) и поновляли в начале XVIII столетия. В летописях сохранилось немало сведений о совершенных в соборе захоронениях великих и удельных княгинь и цариц. Последнее погребение в этой усыпальнице было совершено в 1731 г.

В XIX в. в интерьере Вознесенского собора размещались тридцать пять надгробий, отмечавших могилы женщин, удостоившихся захоронения в некрополе. Среди памятников, украшенных резными по белому камню эпитафиями, выделялась рака княгини Евдокии, сооруженная в начале XIX столетия.

В 1929 г. советское правительство приняло решение о строительстве в Кремле здания для размещения военной школы ВЦИК. Местом для него выбрали участок крепости возле Спасских ворот, на котором располагались два монастыря - Чудов и Вознесенский. Летом 1929 г. началась разборка построек этих двух комплексов. В архиве музеев Кремля сохранились документы, свидетельствующие

о той борьбе за сохранение монастырей и других памятников Кремля, которую вели сотрудники Оружейной палаты и отдела Памятников. Но все усилия научной общественности оказались безрезультатными. В этой ситуации сотрудники музеев Кремля попытались спасти и сохранить хоть что-то из исторического и культурного наследия древнего центра Москвы.

В августе 1929 г. Ученый совет Оружейной палаты создал специальную комиссию для изучения и сохранения некрополя Вознесенского собора (ее возглавил заместитель директора Оружейной палаты по научной работе В. К. Клейн). Как это ни странно, но комиссии пошли навстречу и даже выделили месяц на исследование захоронений усыпальницы Вознесенского собора. Комиссия вела подробный дневник работ, в котором скрупулезно фиксировались все ее действия по спасению древних погребений уникального комплекса.³ Сегодня это единственный документ, рассказывающий о нелегкой во всех отношениях работе по спасению свидетельств нашего прошлого.

После вскрытия полов в Вознесенском соборе выяснилось, что под ними размещалось в два раза больше захоронений, чем было надгробий в интерьере храма. В основном останки размещались в массивных белокаменных саркофагах (их обнаружено шестьдесят); были найдены останки, погребенные под белокаменными плитами - таких оказалось шесть. Каждое погребение вскрывали, описывали саркофаги, инвентарь, состояние останков и т. д. Затем захоронения в каменных саркофагах перевозили в Архангельский собор Кремля, куда постепенно переместили весь некрополь Вознесенского собора. Здесь проводили ремонт пострадавших от времени и в процессе перевозки саркофагов и крышек, делали зарисовки останков и фотографировали их (художник и фотограф входили в состав комиссии). К сожалению, эти материалы почти не сохранились; в архиве музеев Кремля их немного.

Встал вопрос о том, где разместить этот большой некрополь, чтобы сохранить останки женщин московского правящего дома, имена многих из которых хорошо известны по русской истории. Для размещения захоронений была выбрана подвальная палата Архангельского собора. Чтобы спустить саркофаги в подвал, пришлось проделать в фундаменте Архангельского собора отверстие размером 2,0 x 2,0 м и через него доставить гробы в помещение.

Сегодня в подвальной палате южной пристройки Архангельского собора размещаются пятьдесят шесть целых белокаменных памятных плит, снятых с наружных стен Вознесенского собора

(у его стен размещалось кладбище), и обломки гробов, сильно пострадавших от времени. Костные останки из нарушенных погребений сложены в два саркофага XV столетия.

При вскрытии и изучении захоронений Вознесенского собора из них были изъяты ритуальные сосуды из глины, стекла и других материалов - при перевозке они могли сильно пострадать. Все сосуды и сегодня находятся в фондах музеев Кремля. Эти материалы, хранящийся в архиве дневник и данные натуральных исследований последних лет позволили изучить обряд погребения этого престижного некрополя средневековой Москвы.

Во многом его можно реконструировать благодаря свидетельствам письменных источников XVI - XVII вв. Достаточно подробно подготовку к погребению русских цариц описывают "Дворцовые разряды", фиксируя все придворные события и церемонии в Кремле.

О смерти члена великокняжеской или царской семьи возвещали звоном кремлевские колокола, и начиналась подготовка к погребальной церемонии. Тело умершей обмывали и облачали в соответствующие ее положению одежды. На рубаху, платье и саван использовали самые дорогие привозные ткани. Затем в открытом деревянном гробу (крышку несли отдельно) или на деревянном одре (щите) тело выносили из дворцовых покоев и помещали на сани, независимо от времени года (эта деталь похорон известна и в XVII в.). В санях умершую несли к месту захоронения - в Вознесенский собор. Процессию в храм возглавляли, как правило, церковнослужители, под пение которых сани с гробом (или одром) на них несли на руках к месту погребения.

Следом в строгом порядке шли ближайшие родственники умершей, затем придворная знать, служилое боярство и т. д. Перед входом в храм гроб снимали с саней и вносили внутрь для отпевания. Во время литургии гроб с телом стоял перед иконостасом, в центре собора. К тому времени в соборе уже была выкопана могила, в которой стоял массивный белокаменный саркофаг, подобранный по мерке. После отпевания тело, полностью завернутое в саван, опускали в каменный гроб.

Натурные исследования некрополя позволили значительно пополнить наши знания об обряде захоронения русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Кремля.

Не совсем обычной была форма белокаменных саркофагов, которые использовали в кремлевских храмах-усыпальницах для членов московской правящей семьи. В некрополе Вознесенского собора все гробы XV - XVII вв. напоминали собою человеческую фигуру, так как кроме выступающего оголовья округлой формы и плечиков в ножной части вытесывали специальные уступы и сужения. Со времени форма саркофагов менялась. В XVI в. выступ в головной части гроба

приобрел четкие геометрические формы - полукруглое оголовье и прямые плечики. В середине XVII столетия на смену антропидным саркофагам в усыпальнице Вознесенского собора приходят массивные гробы-ящики трапециевидной формы, сделанные также из монолита белого камня.

Эпитафии на крышках саркофагов Вознесенского собора появляются в начале XVI в. Так короткими надписями в технике граффити были подписаны при перестройке храма в начале XVI столетия гробы великих княгинь - Евдокии, Софьи Витовтовны и Софьи Палеолог.⁴ На крышке саркофага последней надпись состояла только из одного имени второй жены великого князя Ивана III - "Софья". Но путь от такой короткой эпитафии до подробной, с указанием времени смерти и т. д. был пройден менее чем за три десятилетия. Уже в середине - второй половине XVI в. надпись на крышке занимает половину, а иногда и две трети ее поверхности.

Бытует широко распространенное мнение о том, что высшую знать на Руси хоронили очень пышно. И крайнее удивление обычно вызывает отсутствие в погребениях княгинь и цариц дорогостоящих предметов.

В захоронениях некрополя Вознесенского монастыря сохранились, и иногда очень хорошо, погребальные одежды. Конечно, этого не скажешь о самых ранних могилах, где остатки облачений редки. Но даже по незначительным фрагментам тканей можно судить о характере одежды. Хоронили, как правило, в простого покроя длинных рубахах из тонкого материала (в XVII в. - в длинных платьях), завернув тело в саван из шелковой ткани - обычно это красивая итальянская камка. Голову погребаемых полностью закрывал плат, под которым на черепе обычно находят узкий налобный венчик с вышитыми на нем голгофскими крестами и надписью: "Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас".

В некрополе Вознесенского собора в захоронениях обнаружены фрагменты и целые экземпляры головных уборов средневековья - волосников. Это были небольшие шапочки, сшитые из кружевного полотна с широким отельем из шелковых тканей, по которому нередко выполнена вышивка золотными и серебряными нитями.⁵ Чаще всего это растительные мотивы, в которые бывают включены фигуры единорогов. Если учесть, что детская средневековая одежда почти неизвестна, то можно представить ценность сохранившихся в некоторых захоронениях Вознесенского собора детских кафтанчиков, платьев и сорочек XVII в.

Анализ погребального инвентаря данного некрополя говорит о том, что подавляющее большинство погребений носит светский характер. Это важное наблюдение, так как довольно часто можно встретить утверждения об обязательном принятии человеком перед смертью пострига в

период средневековья. В усыпальнице великих княгинь и цариц лишь в шести саркофагах похоронены женщины с атрибутами монашества. В них выявлены остатки грубой шерстяной одежды, кожаного тисненого пояса, великосхимнического аналава с вышитыми надписями и изображениями.

Одной из самых интересных деталей погребального обряда средневековья являются ритуальные сосуды. Они встречаются в некрополе Вознесенского собора почти во всех могилах - и монашеских, и светских. Формы сосудов разнообразны - от простых глиняных поливных чашечек местного московского производства из захоронений XV столетия до великолепных, порою уникальных, образцов стеклянной посуды XVI - XVII в. из западноевропейских и восточных центров.

Помещение ритуальных сосудов в могилы городских некрополей - одна из самых устойчивых составляющих обряда погребения, прослеженная с первых веков христианизации Руси вплоть до захоронений конца XIX в., когда в качестве такого сосуда использовали даже фарфоровые чашки знаменитой фирмы Кузнецова.

Одним из укоренившихся представлений о христианском обряде погребения, не требующим даже особых доказательств, является представление об обязательном захоронении христианина с нательным крестом. Между тем, в могилах некрополя великих княгинь и цариц Вознесенского собора Кремля кресты не зафиксированы. Изучение археологических материалов средневековых русских городов говорит о том, что традиция захоронения христианина с символом веры - крестом начинает складываться только на рубеже XVI - XVII вв. Но даже в то время лишь треть могил, и то не на всех кладбищах, содержит нательные кресты.

Огромный интерес для исследователей представляет состав некрополя Вознесенского собора Московского Кремля. Многие имена похороненных в этой усыпальнице женщин хорошо известны нам по письменным источникам. Некоторые из них оставили заметный след в русской истории.

В длинном списке погребенных в Вознесенском соборе первым значится имя великой княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского. Она была дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича и стала женой шестнадцатилетнего московского князя 18 января 1366 г. В их семье родились одиннадцать детей. Евдокия намного пережила рано умершего в 1389 г. мужа. Деятельность великой княгини по строительству церквей и Вознесенского монастыря составила смысл последних лет ее жизни. Приняв весной 1407 г. постриг в основанной ею женской обители в Кремле, она была похоронена в июне того же года в церкви Вознесения (еще недостроенной), положив начало новому великокняжескому некрополю Москвы. В 1822 г. над могилой княгини Евдокии

установили пышную раку под сенью. После вскрытия ее захоронения в 1929 г. выяснилось, что останки Евдокии Дмитриевны так и оставались под полом храма, а рака носила чисто декоративный характер. В белокаменном саркофаге, сильно пострадавшем от времени, на костных останках были обнаружены части савана из тафты и обрывки кожаного монашеского пояса с тиснеными изображениями двенадцатых праздников и надписями. Эта находка подтвердила данные русских летописей о том, что великая княгиня приняла монашество.

Рядом с княгиней Евдокией в 1453 г. была похоронена Софья Витовтовна, жена великого князя Василия I Дмитриевича (он умер в 1425 г.). Их брак был заключен 9 января 1391 г. В семье родились четыре сына и четыре дочери. Если вспомнить об участии Софьи в государственных делах в первые годы правления ее малолетнего сына, события долгой и страшной феодальной войны тридцатых - сороковых гг. XV в., ослепление и опалу ее сына Василия II Темного, можно представить, сколько трудных минут пришлось на долю этой женщины. В 1451 г. во время набега на Москву царевича Мазовши эта почти восьмидесятилетняя женщина держалась мужественно и приняла участие в организации обороны столицы. В ее захоронении в 1929 г. также были обнаружены незначительные обрывки погребальной одежды и глиняный ритуальный сосудик.

Под 1503 г. русские летописи отметили смерть второй жены великого князя Ивана III Софьи Палеолог, причем некоторые своды указали на происхождение этой женщины, назвав ее "грекыней".⁶

Традиционно летописи мало уделяли внимание судьбам женщин, иной раз обходя молчанием даже рождение дочерей у великого московского князя. Поэтому столь трудно сегодня восстанавливать жизнеописание многих из них. Фигура великой княгини Софьи заметно выделяется на этом фоне - ее имя и события русской истории второй половины XV в. оказались переплетены очень тесно. Захоронение Софьи Палеолог сохранилось хорошо, что позволило провести весьма подробные антропологические исследования ее останков. Это, в свою очередь, стало причиной пристального внимания к этой исторической личности.

Зоя Палеолог была византийской принцессой, племянницей последнего императора династии Палеологов Константина XI, погибшего в 1453 г. при защите Константинополя от турок. После смерти родителей Зоя воспитывалась при дворе римского папы, по инициативе окружения которого и был заключен ее брак с московским владыкой Иваном III. Зоя родилась в период между 1443 и 1449 гг., на Русь приехала в ноябре 1472 г., поменяв теплое Средиземноморье на суровый климат России. В семье Ивана III и Софьи (так ее называли на Руси)

родились двенадцать детей - пять девочек и семеро мальчиков (от первого брака у Ивана III был сын Иван Молодой).

Письменные источники отмечали ее образованность, приемы, которые она давала иностранным послам, совершенные княгиней ошибки, участие в сложной жизни великокняжеского двора и многое другое. О том, как трудно было этой западноевропейской женщине принаравливаться к жизни в новой для нее стране со своими законами и культурными традициями, свидетельствуют оценки, которые время от времени попадали на страницы летописей. Последние годы жизни Софья посвятила утверждению на русском престоле своего старшего сына Василия, чего пришлось добиваться в острой борьбе с группировкой Ивана Молодого, а затем его жены Елены Волошанки. Долгая борьба, шедшая с переменным успехом, завершилась победой партии Софьи Палеолог и будущего Василия III.

При вскрытии захоронения великой княгини Софьи была зафиксирована надпись-граффити на крышке белокаменного гроба и остатки погребальной одежды. Для изучения костных останков Софьи Палеолог были привлечены эксперты-криминалисты. В результате исследований выяснилось, что княгиня была небольшого роста - в пределах 160 см и умерла в возрасте около шестидесяти лет. Прижизненных травм и переломов на костях не обнаружили. Но в черепе, на лобной кости, нашли наросты, свидетельствовавшие о гормональном заболевании, которым страдала княгиня. Оно стало причиной огрубления черт лица, излишней полноты, появления лишних волос на лице у рта и т. д. Хорошая сохранность черепа позволила эксперту С. Никитину воссоздать облик Софьи Палеолог. Перед нами женщина несомненно умная, с сильным волевым характером. Только такие качества, видимо, помогли ей победить в сложной династической борьбе при русском дворе в конце XV столетия.

Если учесть, что ни в музее Ватикана, ни в русских собраниях прижизненных портретов Софьи нет, то сегодня мы располагаем уникальной возможностью оживить историю тех далеких времен и взглянуть в лицо действовавших тогда людей. Летописи упоминают о том, что Ивану III привозили во время переговоров о браке с Софьей Палеолог ее портрет, но судьба этого произведения неизвестна.

В некрополе Вознесенского собора во второй половине XVI - начале XVII вв. были

похоронены четыре из шести жен царя Ивана IV. Это Анастасия Романовна, Мария Темрюковна, Марфа Собакина и Мария Нагая.

Интересные результаты были получены при изучении захоронения Анастасии Романовны Захарьиной-Кошкиной, первой жены царя Ивана. Их свадьба состоялась в 1547 г., из шести детей выжили только двое - Иван и Федор. Сохранность черепа не позволила осуществить скульптурную реконструкцию облика этой молодой женщины. Антропологические исследования показали, что умерла она в возрасте двадцати пяти - двадцати шести лет, то есть замуж ее выдали где-то в четырнадцать лет. В погребении хорошо сохранилась коса царицы, и химический анализ волос дал сенсационный результат - царица была отравлена солями ртути (волосы, как и некоторые внутренние органы, хорошо удерживают яды). Так эксперт-химик Н. Воронова помогла раскрыть тайну смерти первой жены царя Ивана IV.

В некрополе Вознесенского собора совершенно неожиданно были обнаружены шесть саркофагов с останками княгинь и княжон Старицких, о месте погребения которых ничего не было известно. Дело в том, что захоронены они были в наименее почетной части некрополя, в северо-восточном углу перед северной дверью храма. Надгробий над ними не было. Так царь Иван IV расправился с ненавистным ему родом Старицких, предав забвению даже их могилы. В Вознесенском соборе погребены мать князя Владимира Андреевича Старицкого Евфросиния, его вторая жена Евдокия и четыре дочери.

В XVII в. усыпальница женского монастыря в Кремле стала местом захоронения жен и дочерей новой династии - Романовых. Отметим погребение Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены царя Алексея Михайловича, матери Петра I, умершей в 1694 г. в возрасте сорока четырех лет.

В кратком рассказе трудно подробно освятить историю уникального некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля. Обстоятельства сложились так, что этот некрополь сохранился до наших дней благодаря усилиям музейных работников далеких двадцатых годов и наших с вами современников. Важной задачей теперь является написание подробной истории и судьбы одного из интереснейших монастырей средневековой Руси.

¹ Пшеничников А. Соборный храм Вознесения в Вознесенском девичьем монастыре. М., 1886; Пшеничников А. Краткое историческое описание Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М., 1894.

² Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. М.-Л. 1962. Т. 27. С. 265.

³ Дневник вскрытия захоронений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле. Архив ГИКМЗМК. 1929. Ф. 20. № 14.

⁴ Панова Т. Д. Три надписи-граффити из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля // Памятники культуры. Новые открытия. 1989 г. М., 1990.

⁵ Панова Т. Д., Сеницына Н. П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. 1986 г. Л., 1987.

⁶ Летописцы последней четверти XVII в. // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 124.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ В XV - XVII ВЕКАХ

Впервые в моей жизни я соприкоснулась с именем и делом графов Уваровых в студенческие годы на историческом факультете Московского университета. Занимаясь тогда (1977 - 1978 гг.) историей Спасо-Ярославского монастыря, я пользовалась книгами из кабинета истории СССР. Среди них в руки попал известный специалистам трехтомник - "Исторические акты Ярославского Спасского монастыря" (М., 1896), первый том которого имел дарственную надпись издателя, ярославского купца и мецената Ивана Александровича Вахрамеева, графине Прасковье Сергеевне Уваровой. И. А. Вахрамеев являлся почетным членом Московского Археологического общества, в котором председательствовала гр. П. С. Уварова. Пришлось мне познакомиться и с ее специальным исследованием - "Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле" (М., 1887).

Во Вкладной книге крупнейшего и наиболее почитаемого во всей России Троице-Сергиева монастыря читается несколько упоминаний о возможных предках Уваровых, живших в XVII в. Под 15 июня 1600 г. записан вклад Игнатия Андреева сына Уварова драгоценной утварью (ризы, кадило) и лошадьми. Даритель был похоронен в Троице своей женой С. А. Языковой 7 января 1634 г.¹ Под 1614, 1635 и 1645 гг. Во Вкладной записаны вклады Посника Михайлова сына Уварова, служившего боярину И. Н. Романову. Позднее П. Уваров стал троицким монахом Дионисием, а в 1651 г. умер и был похоронен в Сергиеве монастыре.² Под 12 августа 1691 г. записан вклад по стольнике и полковнике Михаиле Григорьевиче Уварове, сделанный его вдовой Марией Петровной.³

Не только Вкладная книга, но и многочисленные поземельные акты и копейные книги, писцовые, дозорные, переписные, платежные, сыскные книги из обширного Троицкого архива содержат ценные сведения для изучения истории феодального землевладения и хозяйства в Муромском уезде, сельском и городском дворовладении, происходивших здесь в XVI - XVII вв. демографических процессах. При взгляде на современную карту Владимирской области можно заметить ряд сел и деревень, самые ранние грамоты на которые дошли до нас в составе архива Троицкого монастыря. Это Чаадаево (в двенадцати километрах к северу от Мурома), Дуброво (на р. Ушне), Саванчаково (к северо-западу от Чаадаева), Талызино (недалеко от Дубров), Колычево (на полпути между Муромом и Владимиром), Домнино (к югу от Мурома) и др.⁴ Названия этих и других деревень напоминают об именах и прозвищах их прежних владельцев, живших еще в XV в. - Василии Чегодае,

Матвее Иватине, Борисе Матвееве, Иване Борисове. Не случайно они располагались в левобережной части Муромского края, поскольку пограничное его положение затрудняло заселение и освоение правобережья Оки из-за татарских набегов. Это обстоятельство справедливо отмечено в статье С. М. Каштанова, пронизанной тонкими историко-географическими и социально-политическими наблюдениями.⁵

Начало земельных приобретений Троице-Сергиева монастыря в Муромском крае можно, по-видимому, отнести к 1484 - 1485 гг. Согласно судебной подписи на духовной грамоте Василия Матвеева (Иватина), датируемой А. Д. Горским 1484 - 1485 гг.,⁶ к этому времени монастырь получил от одного из сыновей Василия Матвеева, Василия же, села Бестумицы (позднее Чегодаево, Чаадаево) и Замотренское. Сам же их переход в Сергиев монастырь предусматривался еще в упомянутой духовной, около 7 января 1455 г.⁷ Еще одна часть вотчины Василия Васильевича Матвеева, деревня Саванчакова (позднее - сельцо) поступит в состав Троицкой латифундии в середине XVI в. от Киселевых.

В январе 1491 г. Иван III выдал на имя троицкого игумена Симона жалованную несудимую грамоту на село Бестумицы-Чаадаево (село Замотренское в грамоте не фигурирует) подтвержденную затем в 1505, 1534 и 1551 гг.⁸ В 1480-х гг. троицкие совершают земельные сделки с представителями и другой ветви Матвеевых, Иваном Борисовым и его сыном Семеном. От первого была получена пустошь Замаховская поляна, а со вторым совершен обмен на шестьдесят семь десятин земли (при десятине, равной 30 х 40 кв. саж.).⁹ В отношении обмена уверено можно утверждать, что он имел целью округление монастырских владений у села Чегодаева.

В середине - второй половине XVI в. Сергиев монастырь по частям получает довольно крупную вотчину муромских землевладельцев Киселевых и родственной им семьи Талызиных. Центром ее было большое село Дуброво на р. Ушне с восемнадцатью деревнями, на которое в 1547/48 г. была оформлена духовная, а в 1549/50 г. - данная грамота Семена Федоровича Киселева. В тот момент даритель имел тесные связи с верхушкой троицкого духовенства - игуменом Ионой Щелепиным, келером Пантелеймоном Лопотухиным, соборными старцами Ионой Заболоцким, Симоном Шубиным, Серапионом Курцовым. Часть вотчины - сельцо Саванчаково с шестью деревнями - С. Ф. Киселев оставлял у себя в пожизненном держании.¹⁰ В дальнейшем корпорация будет широко практиковать подобные держания как собственных вкладчиков, так

и вообще нуждающихся в земле светских лиц.

О происходящем во второй половине XVI в. процессе дробления светских вотчин в семейных разделах ярко свидетельствуют акты Талызиных. В 1570/71 г. братья Семен-Рохман и Иван Дмитриевы дети Нетребуев-Талызины дали Троице половину своего сельца Талызина и дер. Игнатьеву. Одновременно другую половину сельца передала в обитель бабка, Агафья Иванова дочь Ворыпаева, жена Андрея Васильевича Зубарева-Талызина.¹¹

Представление о хозяйственном устройстве средней по размерам боярской вотчины дают акты Талызиных: сельцо имело боярский двор, двор челядинный (деловых холопов), пять вытей “крестьянских пашенных дворов”. Возможно, вытная система светских вотчинников могла оказать определенное влияние на вытно-надельную организацию этих владений после их попадания в состав Троицкой латифундии. Первые упоминания вытных окладов у монастырских крестьян зафиксированы в дозоре 1612 г.,¹² но сложение их, несомненно, относится ко времени более раннему. Одна четвертая часть сельца Талызина была получена в 1576 - 1677 гг. по духовной и данной грамотам троицкого монаха Иоасафа Есипова (в миру - Иссака Булгака Иванова сына Есипова) с его женою (“посестрию” Феодорою, в миру - Фетиньей, дочерью Алексея Талызина).¹³ Вплоть до 1630-х гг. одна из ветвей Талызиных продолжала владеть половиной своего сельца, перейдя на положение монастырских деревенских служек (Василий и Гаврило Ивановы дети), что было отмечено в писцовой книге 1628 - 1630 гг.¹⁴ Генеалогическая схема этой семьи в конце XV - первой трети XVII в. приводится нами в приложении в конце статьи.

В тревожные 1570-е гг. усиливаются функции социальной защиты монастырей для всех социальных слоев русского общества. В поземельных актах все чаще звучат мотивы заботы монастыря о своих дарителях земли, обязательства постричь их в состав братии, воспитать их малолетних детей, оказывать им денежную помощь. В данной грамоте М. Я. Морозовой 1579/80 г. на деревню Тимонин починок читаем: “А останется у меня сын Путило 4 годов, а другой мой сын Петр полугоду, и архимандриту з братией пожаловати, моих детишек по дворам не пустити”.¹⁵ В грамоте троицкого монаха Никона Хвостова (в миру - Ивана Бажена Никитина сына) и его родственниц (жены, дочери, снохи, племянницы) 1574/75 г. говорится про триста рублей “скупа”, который им должен был дать Борисоглебский на Ушне монастырь за их землю, “чем им можно было кормиться и устроить себе чинити - замуж или постричься”.¹⁵ Поскольку Борисоглебские старцы этих обязательств перед Хвостовыми не выполнили, их взяли на себя Троицкие монахи, получившие за это земли Хвостовых в Замотренском стане. Сами же эти земли были получены Хвостовыми в опричнину “против

их суздальские вотчины”.

В 1575 - 1580 гг. среди контрагентов Троицкого монастыря появляются торговые люди г. Мурома. В 1574/75 г. торговый человек С. В. Кадомцов дал в Сергиев монастырь двор свой на посаде “в Букрееве кости” с правом жить там “до своего живота” в качестве монастырского слуги, а в случае необходимости - принять пострижение у Троицы и быть в ней похороненным.¹⁶ В январе 1580 г. еще один муромский торговый человек, А. К. Родионов, дал свой двор на посаде “на Большой улице у Николы Набережново”.¹⁷ Позднее здесь возникнет бобыльская слободка Троицкого монастыря, а в середине XVI в. на этом месте останавливался Иван IV во время своего Казанского похода.¹⁸ Вклад А. К. Родионова был обусловлен его желанием постричься в небольшом монастырьке Флора и Лавра под троицким селом Дубровы в Муромском уезде. Уже упоминавшийся выше троицкий монах Никон Хвостов свидетельствовал эту грамоту А. К. Родионова муромским земским целовальникам 16 января 1580 г. Вероятно, Никон Хвостов был в семидесятые - восьмидесятые годы XVI в. своего рода уполномоченным Троицкого монастыря в его делах по Мурому и муромскому уезду.

В 1580-е гг. некоторые муромские вкладчики Троицкого монастыря попытались осуществить право родового выкупа и вернуть себе таким образом утраченные в предшествующее десятилетие земли. Например, Иван Косой-Елизаров захотел выкупить село Домнино и деревню Зехову, однако правительство царя Федора Ивановича специальной грамотой 1588 г. этого ему не разрешило, апеллируя к каноническому праву неотчужденности “в Божии данных в наследие вечных благ”.¹⁹

В начале девяностых годов XVI в. произошло два важных события в истории муромских владений Троицкого монастыря. Во-первых, они впервые довольно полно были описаны правительственными писцами (Н. Вельяминовым и Ф. Андреевым). И, во-вторых, произошло заметное расширение промысловых владений Троицкого монастыря здесь (на Оке) в результате крупного пожалования царя Федора Ивановича. В ходе “генеральной ревизии” 1590-х гг. (как иногда в литературе называют перепись) писцы расторгли сделки монастыря с пожизненными держателями земель: братьями Федором, Нифонтом, Назимом Беляницыными детьми и Иваном Ивановым сыном Апраксиными (деревня Пожаринова Василева) и с Семеном Афанасьевым сыном Апраксиным (треть сельца Конкина-Копнина).²⁰ Особой статьей были записаны троицкие владения, еще не зарегистрированные в книгах и вотчинных крепостях, предоставленных писцам (сельцо Раменейцо Матвеево, село Домнино Харитоново, деревня Зехова, село Колычево, деревня Старое Чертеж, деревня Крюково Раменье). Их наличие в

монастырской вотчине подтверждается, однако, позднейшими источниками - платежной 1598/99 г., дозорной 1614 г., сыскной 1623 г., писцовой 1628 - 1630 гг. книгами.²¹

После длительного запустения (с 1520-х гг.) от набегов казанских татар в 1590 - 1592 гг. возрождается приписной к Сергиеву монастырь - пустынь Св. Георгия в Гороховце. В Муромском уезде к ней на имя "великого троицкого соборного старца" Варсонофия Якимова были пожалованы царем Федором Ивановичем обширные рыбные, бортные, сенокосные угодья (озеро Глушица с озерами и заводьями и Конюш остров на Оке "с приверхи и с истоки"). Раньше Конюш остров был на оброке за крестьянином троицкого села Дубровы Г. Лукьяновым, платившим оброк конюшему и боярину Б. Ф. Годунову. С. М. Середонин считал, что оброк с Конюша острова шел Годунову в его личные доходы ("из нашего из Конюшенного приказа из доходов слуги нашего и конюшего и боярина Б. Ф. Годунова").²² С. Ф. Платонов же полагал, что оброк с Конюша острова шел в государеву казну, а не в личные доходы Б. Ф. Годунова.²³ Однако несомненен личный оттенок в пожаловании Троицкого монастыря этими богатыми угодьями, его адресованность старцу Варсонофию Якимову, крестившему дочь царя Федора и царицы Ирины Феодосию. Согласно его духовной грамоте от 10 апреля 1595 г. "на Конюшем острове ставилось до 100 тыс. копен сена, а с озер шло 20 руб. оброка, 500 пластей лещовых, 300 пластей сушу муромского, 2 бочки щучины матерье".²⁴

После разорительного рейда польского полковника А. Лисовского было составлено два дозорных описания муромских владений Троицкого монастыря (в 1616 г.). При их сравнении (один - правительственный, другой - монастырский) бросается в глаза расхождение в показателях численности населения. У государевых дозорщиков приводятся значительно заниженные цифры крестьянского и завышенные - бобыльского населения (см. табл. 1). В целом от 1594 г. к 1616 г. роста сельского населения Сергиева монастыря в Муромском уезде не произошло. Вместе с тем обращают на себя внимание довольно крупные размеры некоторых муромских сел: в Дубровах в 1594 г. отмечено семьдесят два крестьянских двора, в Чаадаеве - пятьдесят один двор! Такие селения сохраняли свою устойчивость, несмотря на социально-политические потрясения "смутного времени" начала XVII в. К 1628 - 1630 гг. писцовое описание уже зафиксировало рост сельского населения в муромских владениях монастыря. Правда, в самом населении заметно расслоение по экономическому принципу - появляется много бобылей и "детенышей" (см. табл. 1). Одновременно расширяется собственно монастырское хозяйство, в котором были заняты различные категории "служебников" - дворники, полники, гуменники,

конюхи, стадные сторожа. Они получали из монастыря пашню "за годовое денежное и хлебное жалованье". Господская запашка от 1594 к 1628 г. выросла и обрабатывалась в муромских селениях крестьянами и детенышами (последние также получали свои земельные наделы у монастыря).

О функционирования вытно-надельной системы в этих селениях свидетельствуют уникальное внутривотчинное описание: отказная книга, составленная в апреле 1630 г. старцами при предоставлении дьяку Вас. Ларионову села Домнина и деревни Зеховой в пожизненное держание.²⁵ Это описание позволяет представить состав крестьянского хозяйства и имущества, соответствующий той или иной доле выти (единицы вотчинного обложения). Так, описанные 1/8 доле выти хозяйства имели по 3 - 4 взрослых работников-мужчин, 3 - 6 лошадей, 9 - 12 овец, 6 - 12 свиней, 2 - 8 ульев пчел, по 5 - 8 четвертей высеянного в земле хлеба (озимой ржи?), по 30 четвертей хлеба в клетях. Хозяйства, описанные 1/16 и 1/32 долями выти имели соответственно в полтора - два раза меньше хлеба и скота, их земельные наделы тоже были меньше - до 2 - 3 четвертей в одном поле.

В XVII в. продолжался, хотя и не слишком интенсивно, рост землевладения Троицкого монастыря в Муромском уезде. В июле 1624 г. Аграфена-Мария Ершова (урожденная княгиня Гагарина, дочь князя Федора Семеновича Гагарина) дала старинную вотчину своего мужа - сельцо Ершово на реке Колпи "со крестьяны и со всеми угодьи". Любопытна противоречивость формуляра этого документа: вотчина дается "впрок без выкупа" и здесь же назван его возможный размер - 300 руб. и 200 руб. вклада по Аграфене и ее семье. Кроме того, надо было платить и за прибывшее в той вотчине монастырское строение ("что власти присудят"), а новоприбылых в ней крестьян троицкие власти могли вывезти в другие свои вотчины.²⁶ Следовательно, к первой трети XVII в. Сергиев монастырь уже широко практиковал внутривотчинные переводы своих крестьян без земли.

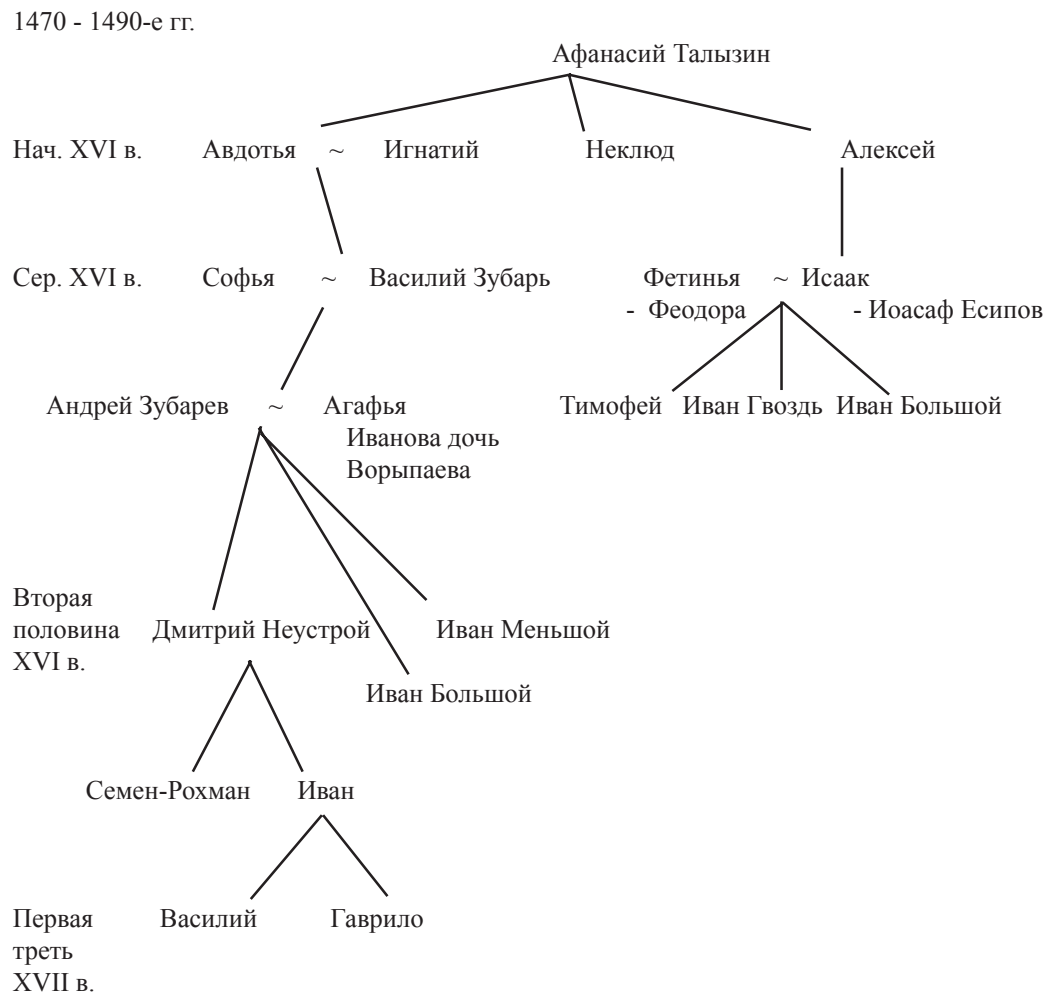
В 1630 г., уплатив за некоторых приходских священников государевы налоги ("в городовые в четвертные и в ямские деньги и в Смоленские подводы") монастырь приобрел небольшие участки земли у погоста "что был Девичь монастырь собора Иоанна Предтечи" и у Никольской церкви погоста Старых Котлич в Дубровском стане²⁷. В том же стане в 1663 г. произошел обмен землями у монастыря с дьяком Поместного приказа Г. С. Карауловым.²⁸ Наконец, последнее в XVII в. земельное приобретение Сергиев монастырь сделал в Муромском уезде в 1682 г. Внуки думного дворянина Вас. Фед. Янова (Георгий, Федор, Иван, Алексей Ивановы дети) променяли старцам свою "поместную вотчину" село Степаново с деревней Высокой (купленной их дедом в 1616 г. у И. Ф. Чуркина) и деревней Черницыной (выслуженной их дедом в

Унженском стане). При обмене корпорации пришлось расстаться со своей дмитровской деревней Бурцевой с четырьмя крестьянскими дворами. Выкуп села Степанова Яновы устанавливали в десять тысяч рублей. Судя по упоминанию этого села в общей

жалованной грамоте имп. Елисаветы Петровны 1752 г.,^{2,9} выкуп не был совершен, и это село закрепилось в составе Муромской вотчины Сергиева монастыря вплоть до самой секуляризации.

Схема 1.

ТАЛЫЗИНЫ - ЗУБАРЕВЫ - ЕСИПОВЫ²⁰

¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 164. Л. 620 об.

² Там же. С. 221. Л. 949 об.

³ Там же. С. 282. Л. 32 об. (доп. 52 к л. 620 об.).

⁴ Владимирская область. Общегеографическая карта 1: 500.000. М., 1991.; РГАДА. Ф. 1356 (Губернские и уездные карты, атласы, чертежи). Оп. 1. № 39 - 42 (210 - 213 /План Муромского уезда).

⁵ Каштанов С. М. К истории феодального землевладения и иммунитета в муромском крае в XV в. // Уваровские Чтения - II. Муром, 21 - 23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 105 - 113.

⁶ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV - начале XVI вв. М., 1974. С. 198.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI вв. М., 1952. Т. 1. (Далее - АСЭИ. 1). № 253 (троицкий старец Арсений был одним из послухов при составлении этого завещания,

он же являл его для утверждения митрополиту Ионе).

⁸ АСЭИ. 1. № 561.

⁹ Там же. № 507, 601.

¹⁰ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии, далее - ГКЭ), по Мурому. №№ 7742, 7743); Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб., 1895. Вып. 1. № VI. С. 18 - 21. Денежные вклады С. Ф. Киселева записаны во вкладной книге под 1521, 1534 и 1544 гг. Предшествующая история с. Дубров отражена в актах: АСЭИ. 1. № 398, 547. Акты Русского государства. 1505 - 1526. М., 197?. № 2. Другие свои вотчины С. Ф. Киселев передавал в Муромский Спасский монастырь (с. Новое), Борисоглебский на Ушне монастырь (дер. Благовещенскую), Московский Ново-Девичий монастырь (дер. Романовскую в Московском уезде), как и Матвеевы, Киселев, помимо сельских вотчин, имел еще и городские дворы с самим Муроме.

¹¹ РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому. №№ 7752, 7753. Отд. рук.

**МУРОМСКАЯ ВОТЧИНА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ
В КОНЦЕ XVI - XVII ВВ.²¹**

Население и землепользование	Г О Д Ы				
	1594	дозоры 1616 г.			1628 - 30
1678		правительственный	монастырский		
		(кн. 498)	(кн. 575)		
Дворов:					
- крестьянских	325	125	357	196	302
- бобыльских	65	112	33	153	245
- детенышевых	-	-	-	76	48
- монастырских	9	3	-	11	7
- служных	7	1	-	2	-
- вотчинниковых	5	-	-	-	-
- пустых крестьянских	71	30	-	15	-
- мест дворовых крестьянских	37	121	-	44	-
Пашни (в четвертях в одном поле):					
- крестьянской паханой	2402,5	334	-	1318	-
- монастырской	170	159	-	623	-
- перелог и лесом поросло	4728	5774	-	3454	-
- наездом	25	-	-	166	-

Рос. Гос. Б-ки. Ф. 303. (Архив Троице-Сергиевой Лавры, далее - АТСЛ). № 985.

¹² Там же. Кн. 637. Л. 176 - 183.

¹³ Там же. Кн. 522. Л. 46 об. - 48 об.; РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому, № 7785; АТСЛ. Кн. 630. Л. 195.

¹⁴ АТСЛ. Кн. 630. Л. 184 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому, № 7785; АТСЛ. Кн. 630. Л. 195.

¹⁶ Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. III. №№ 65, 68.

¹⁷ АТСЛ. Кн. 522. Л. 30 - 31 об. Стоявший на берегу Оки двор имел "огород" с тридцатью яблонями. Сын дарителя, Иван, не желал расстаться с отцовским двором, что вызвало конфликт с троицким архим. Дионисием в 1627/28 г. (АТСЛ. Кн. 530. Л. 1007 - 1008 об.).

¹⁸ РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому, № 7787. Описания

бобыльских дворов Троицкого монастыря в Муроме см.: Владимир. губ. Ведомости, часть неоф. 1853. С. 234, 257, 272.

¹⁹ РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому, № 7758.

²⁰ Писцовые книги Московского государства XVI в. Изд. Н. В. Калачов. СПб., 1872. Отд. 1-е. С. 879 - 880 (далее - ПКМГ. 1).

²¹ АТСЛ. Кн. 569. Л. 61 об., кн. 659. Л. 172 об., 177. кн. 630. Л. 252, 308; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 498. Л. 331.

²² Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. № 229; АТСЛ. Кн. 522. Л. 177 - 179; Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 107.

²³ Платонов С. Ф. Отзыв о работе С. М. Середонина. СПб., 1892. С. 14.

²⁴ Архив СПб-го филиала Ин-та Рос истории РАН. Ф. 29

(С. Б. Веселовский). № 1868, 1869; АТСЛ. Кн. 639. Л. 37 - 39 об. В писцовой книге 1628 - 1630 гг. объем Конюша острова определен иначе - до пяти тыс. копен сена (Кн. 630. Л. 202 - 203).

²⁵ АТСЛ. Кн. 530. Л. 974 - 977 об. Копия: Архив РАН. Ф. 620 (С. Б. Веселовский). Д-13. Л. 110 - 114.

²⁶ АТСЛ. Кн. 630. Л. 191 - 192. Вкладн. кн. Л. 549 об.; РГАДА. Ф. ГКЭ, по Мурому. Кн. 7878. Л. 124 - 127. Вклад, скорее всего, был связан с долгом Аграфены Ершовой монастырю - 300 руб.

²⁷ Кн. 7878. Л. 131 об. - 134.

²⁸ Там же. Л. 143 - 151. В. Янов делал богатые вклады в

ТСМ, а в 1641 г. занимался каменным строительством в приписном Хотькове монастыре (Вклад. Кн. Л. 238 0 242 об.).

²⁹ Чтения ОИДР. 1865. Кн. IV. С. 139.

²⁰ АСЭИ. I. № 486, 547; АРГ. № 2, 92, 140; АТСЛ. № 985. Кн. 522. Л. 46 об. - 48 об.; ГКЭ по Мурому. № 7752, 7753.

²¹ ПКМГ. I. С. 873 - 892; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV - XVII вв. М., 1929. С. 304 - 317 (АТСЛ. Кн. 575. Л. 84 - 107); Кн. 630. Л. 166 - 332; Кн. 582. Л. 206 об. - 247; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 498. Л. 326 - 355 об.; Кн. 703. Л. 1068 - 1155 об.; ГКЭ по Мурому. Кн. 7823.

В. И. Панова

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ - ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ РОССИИ XV - XVI ВЕКОВ

Соловецкий монастырь был построен на Соловецком острове, расположенном в Белом море среди других островов Соловецкого архипелага. Суровые климатические условия Соловков: постоянные туманы, длинные полярные ночи, суровая зима с жестокими бурями и лютыми морозами, нелюдимое море оказались бессильными перед желанием людей заниматься здесь промысловой деятельностью. Еще до основания монастыря смелые дружины новгородских купцов и промышленников плавали по Белому морю, добывая рыбу и морского зверя и скупая этот товар у прибрежных жителей. Некоторые из них селились вдоль побережья в низовьях рек, образуя поселки насельников, привлеченных прибыльными речными и морскими промыслами. Кроме того, к моменту основания монастыря на всем протяжении Беломорья от реки Варуги до реки Сумы разбросано проживало постоянное туземное население - давние обитатели Поморского, Карельского и Терского побережья - карелы и лопь. Они считались вотчинниками занятых ими здесь земель. Когда Савватий с Германом поселились на Соловецком острове, то карелы, жившие неподалеку, высказывали притязания на право владения этим островом перед пришлыми монахами.

Старец Кирилло-Белозерского монастыря Савватий первым среди монашеской братии Севера избрал Соловки в качестве места для уединения. В 1429 г. он вместе с попом Германом, жившим до прихода Савватия на материке в устье реки Выг, поселился на Соловецком острове, намереваясь завести там монастырское хозяйство. Однако попытка Савватия и Германа не удалась. Савватий, не выдержав сурового климата, 25 сентября 1435 г. умер. Герман вернулся домой. Но идея основать на Соловецком острове монастырь оказалась настолько привлекательной, что уже в следующем 1436 г. другой монах-отшельник Зосима, родом из селения Толвуя, расположенного на берегу Онежского озера, вместе с тем же Германом вновь поселился на острове. Зосима оказался более предприимчивым, чем его предшественник. С самого начала своего появления на Соловках, он проявляет себя как

предприниматель, "ищущий подходящее место для устройства монастырской вотчины, в которую он мог бы вложить полученное от родителей богатое наследство".¹ Факт основания монастыря в суровой глуши казался настолько удивительным, что, когда поселившаяся вместе с Зосимой братия стала просить у Новгородского епископа игумена, последний в недоумении говорил: "Ваш монастырь стоит так далеко от людей, кто пойдет туда и как церкви там быть, в соседстве с землей Мурманской и Каянской?". Опасения Новгородского епископа не оправдались.

Около 1450 г. власти Великого Новгорода пожаловали Соловецкому монастырю грамоту, закрепляющую за монастырем право на владение Соловецкими островами. В 1479 г. это право было подтверждено великим князем Иваном Васильевичем. Поддержка местных и центральных властей помогла монастырю развернуть широкую хозяйственно-предпринимательскую деятельность не только в рамках Соловецких островов, но и на Поморском берегу. Соловецкий монастырь начинает приобретать земельные владения. Если на первых порах монастырский земельный фонд состоял главным образом из пожалованных земель со стороны состоятельных жителей Новгорода и российских государей, то вскоре монастырь начинает скупать не только крупные земельные участки и уголья, но и мелкие, округляя свои вотчины в тех местах, где он утвердился. Среди известных актов по социально-экономической истории Соловецкого монастыря за 1479 - 1571 гг. наибольшую часть составляют купчие грамоты. Примером купчей может служить купчая Данилы Кириллова: "Се яз, Данило Кирилов сын, продал есми треть двора своего Соловецкого монастыря игумену Филиппу з братиею, а что в том дворе хоромов, и во всех хоромах треть, да и под тою третью двора под хоромы что земля, и с тою землею, и во всех полянках треть, что около того двора, и в ораной земли и не в ораной треть, и с хлебом сеяным, что сего году сеяно в той земли, треть".² К купчим актам можно отнести также и закладные грамоты, в которых монастырские власти оформляли выданную денежную ссуду под залог

земельных участков или рыбных угодий. За невозвращение этой ссуды в указанный срок они обязывались отдать монастырю свои владения. Известны закладные грамоты на дворы, пашни, деревни.³

Наибольшего подъема своей хозяйственно-предпринимательской деятельности Соловецкий монастырь достиг при игумене Филиппе (1548 - 1566), впоследствии митрополите Московском (1566 - 1568), убитом Малютой Скуратовым в 1569 г. При Филиппе, который, по определению Соловецкого летописца, был “добрый пастырь, мудрый эконо и механик обители своей”, Соловецкая вотчина находилась в состоянии процветания, превратилась в крупное промысловое хозяйство. В конце XVI в. промыслы, главным из которых был соляной, составляли самую характерную черту сложного хозяйственного организма Соловецкого монастыря.

Появление в Поморье соляных варниц уходит в глубокую древность. Соль добывали здесь из морской воды и соляных ключей, содержащих неисчерпаемые запасы соляных рассолов. Воду варили на больших железных сковородах, называемых цренами, размером в длину и ширину по двенадцати аршин. Производственно-хозяйственной единицей соляного промысла считалось усолье. Кроме варницы с цреном в усольях Соловецкого монастыря в конце XVI в. стояли амбары для хранения соли, избы для работников, амбары для хранения хлебных запасов, утвари, инструментов, “кострица” дров. Хозяйственное управление усольем осуществляли приказные старцы, присланные из монастыря. По данным историка А. А. Савича, в конце XVI в. Соловецкий монастырь имел пятьдесят четыре варницы.⁴ Основным путем приобретения Соловецким монастырем соляных варниц была покупка. Чаще всего монастырь скупал варницы у крестьян и посадских людей. Так, в 1573 г. была оформлена “Данная Семена Иванова сына Пирожникова Соловецкому монастырю на двор и варницу в Карети”.⁵ Монастырь открывал новые варницы, восстанавливая старые, заброшенные крестьянами. По источникам прослеживается много случаев, когда соловецкие старцы вступали в долевые участки с крестьянами на владение варницами, а потом через кабалу прибирали их к своим рукам. Так, в 1547 г. была оформлена данная грамота “Павла Коровая и Петра Григорьевых детей Полевщициных Соловецкому монастырю на долю варниц в Солокурье на р. Уне”, а в 1548 г. уже была оформлена “Закладная Павла Коровая и Петра Григорьевых”, по которой они за невозвращение в срок десяти рублей, взятых в долг у монастыря, должны были отдать монастырю заложенную долю варницы.⁶

Производительность соляных варниц Соловецкого монастыря была неодинаковой. По высшим нормам можно было выварить в год около 9000 пудов соли, по низшим - около 2400 пудов. При

средней цене 8 денег за пуд соли валовой доход от варницы колебался от 160 до 360 рублей. Оброк, который государство брало с варниц Соловецкого монастыря, колебался. На р. Суме в 1550 г. он составлял 4 гривны, также и на р. Куе. На р. Онеге в 1556 г. 30 алтын. В 1564 г. с варницы в Солокурье взималось 15 алтын. В 1571 г. с варницы в Луде монастырь также платил 15 алтын. По сравнению с валовым доходом от варницы оброчная плата была ничтожно мала и составляла, как правило, значительно меньше одного процента.

В последней четверти XVI в. добыча соли на варницах Соловецкого монастыря из года в год возрастала. За двадцать лет она увеличилась более чем в два с половиной раза. Если учесть собственную потребность и продажу монастырской соли в Холмогорах, где, например, в 1599 г. было продано 38538 пудов, в Каргополе, на Белом озере и непосредственно в усольях, где ежегодно продавалось от 30 до 50 тысяч пудов, то валовое производство соли будет составлять не менее 200 тысяч пудов в год. А это говорит о том, что Соловецкий монастырь в XVI в. занимал одно из первых мест по добыче соли в России.

Соль продавали на Вологде, главным образом оптом, купцам разных городов: ярославским, ростовским, суздальским, галичским, угличским, московским, клинским, дмитровским, тверским, шуйским, кинешемским, купцам крупных торговых сел. Если соль не могли по каким-либо причинам продать на вологодском рынке, то ее везли на торг в Москву: “а не продасться соль на Вологде, и им (старцам) вести та соль на Москву и по иным городам”.⁷ Кроме Вологды и Москвы, Соловецкий монастырь продавал соль в таких торговых городах, как Новгород, Холмогоры, Устюг, Каргополь, Турасов, Окский погост.

После соляного вторым, наиболее доходным видом промыслов, был хорошо организованный рыбный промысел. Соловецкий монастырь имел собственные суда для ловли рыбы: четыре морских судна, пятнадцать картасов, а также двадцать семь неводов. Приобретая земли, монастырь одновременно получал право на владение рыбными ловлями, так как практически все приобретаемые угодья содержали в себе не только землю, но и “воду, и пожни, и полешеи лес, и лешии озера, по морскому берегу ловища, и по рекам по морским ловища”.⁸ Монастырь имел собственные и долевые с крестьянами участки рыбной ловли. Если соляной промысел имел главным образом товарный характер и работал на потребность вологодского областного рынка и других рынков, то рыбный промысел в основном обеспечивал огромные потребности монастыря в рыбной продукции. На монастырь ловили рыбу ценных сортов, таких как: “лососи, и тинды, и сиги, и гарьюсы, а в осень рыбу большую семгу”. На рынок поступали лишь незначительные излишки рыбы.

Доход Соловецкого монастыря к середине XVI в. был настолько значительным, что он не только покрывал расходы на приобретение большого количества необходимой сельскохозяйственной продукции, но и позволял монастырю выполнять обширную программу по усовершенствованию многообразного монастырского хозяйства и благоустройству жизни монахов в монастыре. Особенно много в этом плане было сделано в период игуменства Филиппа. При нем в монастыре были начаты широкие строительные работы: построены каменные Спасо-Преображенский собор и замечательный комплекс - Успенский собор с прилегающей к нему трапезной палатой и келарской.

Трапезная палата Соловецкого монастыря, рассчитанная на двести мест, в середине XVI в. была самой большой одностолпной палатой в России. До сих пор с ней можно сравнить только палату в Ростове, Грановитую палату Московского Кремля и палату в Новгороде. Примыкающий к трапезной палате Успенский собор (1552 - 1557) трехъярусен и трехглав. Ко второму ярусу собора была пристроена келарская палата - также одностолпная и небольшая по своим размерам. Все помещения были теплыми, так как в подклетьях собора находилась хлебопекарня. Трапезная дополнительно отапливалась двумя печами. В 1558 г. была заложена новая грандиозная постройка - основной собор монастыря - Спасо-Преображенский. Его строительство было закончено в 1566 г.

В середине XVI в. на территории монастыря были построены уникальные для того времени хозяйственные постройки - мельница и сушило. Чтобы заставить мельницу работать, была создана водная система, на которую возлагалось также снабжение монастыря питьевой водой. Сеть каналов соединила пятьдесят два озера. Вода наполняла котлован, расположенный к востоку от монастыря, в непосредственной близости от его стен. В Святом озере (так позже стали называть этот водоем), уровень воды был выше уровня моря на восемь метров. Два крытых, выложенных кирпичом канала были проложены под монастырем. Из-за значительного перепада уровней вода заставляла работать мельницу. Некоторые из каналов, соединявших озера, были судоходны.⁹ Руслу каналов были укреплены камнем. На Заяцком острове была сооружена пристань. Был построен скотный двор, введены усовершенствования в производство кирпича и варки кваса, заведен железный промысел, улучшен быт монахов. На острове появились коровы и олени, "стали в монастырь возить огурцы и рыжики".¹⁰ Внутри острова были проложены дороги, уцелевшие до наших дней. Дороги были положены на каменную подушку, по обочинам проведены дренажные каналы, что предохраняло дороги от размыва. В центральной усадьбе и других местах обширной соловецкой вотчины появились и конюшни, жилые дома для братии и монастырской

администрации.

Вместе с тем со второй половины XVI в. Соловецкий монастырь начинает переживать хозяйственный кризис. Отчасти это было вызвано политикой опричнины Ивана Грозного, которая, как известно, привела к конфликту между царем и митрополитом Филиппом, в ходе которого на сторонников Филиппа, находившихся в Соловецком монастыре, была наложена опала. Но гораздо больше бед Соловецкому монастырю принесла шведская агрессия на Севре, начавшаяся в 1571 г. и продолжавшаяся с небольшими перерывами до 1593 г. Борьба со шведами потребовала не только отвлечения крестьян от монастырских работ, но и больших материальных затрат на военное укрепление монастырской крепости. Так, в 1591/92 г. Соловецкий монастырь вынужден был кормить, одевать и обувать семьдесят три стрельца и сто сорок три казака. Кроме того, монастырь должен был платить им жалованье. Только за летний сезон названного года монастырь выплатил им 295 рублей 22 алтына.¹¹

Шведская агрессия тяжело отразилась на хозяйственной жизни Соловецкого монастыря. Во время войны со Швецией в 1590 - 1593 гг. враги опустошали, жгли и грабили волости, принадлежащие монастырю. Особенно пострадали соляные варницы, значительно сократилась рыбная ловля. Осенью 1592 г. шведско-финские войска опустошили огромные пространства от Ковды и Кереги до Вирмы и Сухого Наволока. "Дворы и хлеб, соляные варницы и рыбные ловли, и лошади, и всякий скот и сена пожгли и повоевали, и людей многих побили, а иных в полон поймали, а которые люди остались, и те... люди от голоду разбрелись розно..."¹²

Несмотря на лихолетье, монастырю все же удалось сохранить себя в качестве самостоятельной хозяйственной единицы. Уже в 1594 г. Соловецкий монастырь предпринимает новое грандиозное строительство. Под руководством монастырского постриженника Трифона возводится величественная крепостная стена из огромных диких камней-валунов, достигающих веса более семи тонн и длины до шести метров. Неотесанные глыбы булыжника строители умело подгоняли друг к другу, а пустые места заполняли мелким камнем и щебнем, смешанным с известью. Поражаясь мощности крепостных сооружений Соловецкого монастыря современники говорили, что "Зосима и Савватий заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен...". Крепость строилась как оборонительное укрепление против морской артиллерии, стояла на берегу моря. Общая протяженность стен равнялась примерно одному километру. Наряду с собором Василия Блаженного на Красной площади в Москве и ансамблем оборонительных сооружений Троице-Сергиева монастыря, Соловецкий кремль являлся крупнейшей

постройкой России XVI в.

В 1611 г. монастырь вместе с местным населением смог отстоять Поморье от попыток его захвата шведами. В 1613 г. Соловецкий монастырь самоотверженно защищался от нападения литовцев, поляков, черкасов из остатков разгромленного в центре России тушинского войска. Но все же на протяжении XVII в. монастырь постепенно утрачивал былое значение государства в государстве, затухала его предпринимательская деятельность. Вместе с тем с этого столетия усиливалась роль монастыря как места заточения. С XVIII столетия правительство усиленно проводит политику, направленную на секуляризацию церковно-монастырских земель. Значение Соловецкого монастыря еще больше падает, хотя он еще довольно длительное время и обладал значительными земельными и материальными богатствами. Так, в начале XX в. у Соловецкого монастыря по официальным данным насчитывалось шестьдесят шесть тысяч десятин земли. При монастыре

действовали заводы: салотопленный, свечный, гончарный, кирпичный, лесопильный, смолокурный, литейный, механический и кожевенный. Работали мастерские: сапожная, портняжная, серебряных дел, малярная, слесарная, санная, колесная, экипажная. Как и в средневековье с большой нагрузкой работала мельница. Монастырю принадлежал судостроительный завод, на котором строились винтовые пароходы и парусные суда.

В 1920 г. Соловецкий монастырь был национализирован. На его территории был создан многоотраслевой совхоз. В 1923 г. территория бывшего Соловецкого монастыря попала в ведение Управления северных лагерей особого назначения. В 1940 г. здесь разместили воинскую часть. Острова стали закрытой территорией. В настоящее время Соловецкие острова являются историко-архитектурным заповедником, многие соловецкие архитектурно-художественные памятники находятся под охраной государства.

¹ Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI вв. М., 1966. С. 194.

² Акты Соловецкого монастыря 1479 - 1571 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV - XVI вв. Л., 1988. С. 28, 62.

³ Там же. С. 74.

⁴ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV - XVII вв. Пермь, 1927. С. 93.

⁵ См.: Акты Соловецкого монастыря... С. 84, 87, 199.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Там же.

⁹ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 89.

¹⁰ Вереш С. В. Соловки // История СССР. 1967. № 3. С. 208.

¹¹ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII вв. Петрозаводск, 1966. С. 73.

¹² Досифей. Указ. соч. С. 57 - 62.

П. П. Балакин

НИЖЕГОРОДСКИЙ СЕРЕБРЯНИК КОРНИЛИЙ СКУЛЯПИН

В Нижегородском художественном музее хранятся три произведения мастера серебряного дела Корнилия Скуляпина: два из них подписные и датированные, третье может быть с большой долей вероятности приписано ему на основании исторических документов и стилистической близости.

Произведения поступили в музейную коллекцию в 1920-х гг. из Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря,¹ который был основан в 1328 - 30 гг. известным религиозным и политическим деятелем архимандритом Дионисием (впоследствии - архиепископом Суздальским и митрополитом Московским).²

Есть основания полагать, что уже в XIV в. Печерский монастырь стал крупным центром духовной культуры. Постриженниками Дионисия были уроженцы Нижнего Новгорода Макарий Желтоводский и Ефимий Суздальский.³ В летописях фигурируют ученые монахи "книжник Дорофей", чернец Павел Высокий - "книжный грамотный, чудный старец", который "...книжны был велми и философ велий", писал "книги учительны многи, к епископам посылая".⁴ По мнению некоторых

исследователей, именно в Печерском монастыре работал монах Лаврентий, составитель Лаврентьевской летописи (1377).⁵ Деятельность этих духовных учителей, богословов, историков по определению предполагает существование в монастыре достаточно крупного книжного собрания, а может быть, и скриптория.

Уже в XVI в. в монастыре, помимо рубленых строений, были каменный Вознесенский собор и колокольня. Однако в 1597 г. в результате оползня все монастырские постройки были разрушены. Возобновление каменного строительства началось лишь во второй четверти XVII в. Отделка Вознесенского собора продолжалась до 1640 г.⁶ В 1645 г. была сооружена надвратная церковь, освященная во имя Евфимия Суздальского, в 1648 - построена Успенская церковь с обширной трапезной палатой, в 1652 г. - церковь Макария Желтоводского.

Именно на эти годы приходится деятельность монастырского серебряника Корнилия Скуляпина, имя которого, возможно, следовало бы присоединить к именам зодчего Антипы Константинова, резчика по дереву Милетия Иванова, организатора работ игумена Германа-строителя,

Рис. 1. Корнилий Скуляпин. Кадило. 1640 г. Нижний Новгород.

усилиями которых Печерский монастырь в XVII в. вновь стал значительным центром православной культуры.

Традиция серебряного дела в Печерском монастыре известна с конца XVI в.: так датируется небольшой серебряный с позолотой ковш “питий”, надпись на котором, опоясывающая венец сосуда, однозначно указывает: “ковшик вознесенской печерскаго монастыря Денисевы обители кто из него испиет” (“тому во здравие” - видимо, имеется в виду традиционное окончание подобных надписей).

Другой памятник этого времени - напрестольный крест, датированный 1595 г. - исполнен в технике эмали по скани, украшен позолотой и драгоценными камнями. Примечательно, что в надписи прямо указано место его изготовления: “Лета 7103 (1595) июля 20 зделан крест сии в печерском манастире...”.

Если монастырская ювелирная традиция и была прервана катастрофой 1597 г. и смутой начала XVII в. (что вполне правдоподобно), то Корнилий Скуляпин стоял у истоков ее возрождения, что позволило монастырю занять видное место в истории нижегородского серебряного дела.

Писцовые и переписные книги по Нижнему Новгороду отмечают в XVII в. не менее шестнадцати дворов и лавок посадских матеров-серебряников.⁷ Однако, кроме них были еще мастера, связанные с нижегородскими монастырями: ставропигиальным Благовещенским (“митрополичь бобыль Васка Иванов сын серебряник”) и особенно - Печерским.

Имя старца Печерского монастыря Корнилия Скуляпина впервые было упомянуто в

научной литературе в 1974 г.⁸ Правда, вследствие неточного прочтения вкладной обронной надписи на изделии, художник вошел в историю искусства под именем Корнилий Скилятин и был назван автором серебряного напрестольного креста, исполненного в 1641 г.⁹ Однако этот памятник не был первым по времени произведением мастера. Годом ранее, в 1640 г. Корнилий Скуляпин создал по заказу архимандрита Печерского монастыря Макария Нафанаилова большое серебряное кадило.¹⁰ Оно сделано в форме разъемного шара, состоящего из двух полусфер, верхняя из которых увенчана чешуйчатой церковной главкой на световом барабане с крестом чистого (не золоченого) серебра, а нижняя укреплена на профилированном основании. Систематически, начиная с XV в., встречающийся у нижегородских ювелиров художественный прием сочетания золоченых и незолоченых элементов находит применение и в творчестве Корнилия Скуляпина. Обе полусферы украшены чеканным растительным орнаментом, основным элементом которого служит вьющаяся ветвь с отходящими от нее узкими листочками, традиционными для декора изделий XVI в., и трилистниками, лепестки которых имеют

Рис. 2. Корнилий Скуляпин. Крест напрестольный. 1641 г. Нижний Новгород.

мелкие зубчики. Так склонный к сохранению старых форм провинциальный мастер сочетает старые и новые орнаментальные мотивы в своей работе. Элементы основания и главки кадила украшены различными декоративными поясками: в форме валика, веревочки, цепочки, зубчиков и т. п. Но

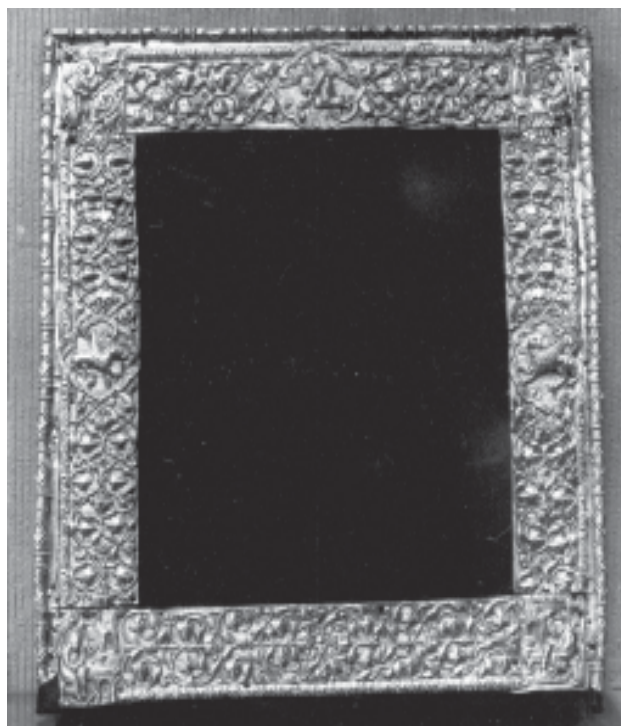

Рис. 3. Корнилий Скуляпин. Оклад иконы.
Не позднее 1642 г. Нижний Новгород.

существенную роль играет “коронка” из трилистников, которая повторяется в верхней и нижней части произведения, придавая целому гармоническую завершенность. Обработанный очень мелким канфарником фон подчеркивает рельефность узора, создавая дополнительную игру светотени. Массивные столбчатые незолоченые цепи соединяют кадило с круглым коптильником, на внутренней стороне которого выгравирована авторская подпись, впервые прочитанная в 1974 г. Г. В. Поповым. Она гласит: “Лета 7148 (1640) году делал сие кадило старец Корнелеи Скуляпин” (фамилия написана через “ОУ” - “Скоуляпин”).

А вкладная надпись, исполненная в обронной технике, размещается по окружности вдоль краев обеих полусфер: “Лета 7148 (1640) октября 2 день при державе благовернаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси при его благоверной царице и великой княгине Евдокое Лукьяновне и при благоверном царевиче Алексее Михайловиче всея Руси и при их отце и богомольце святейшем Иоасафе патриархе московском и всея Руси вложено се кадило в дом Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Печерском повелением архимандрита Макария Нафанаилова”. Факт вклада подтверждается также записью, сделанной в монастырской вкладной книге под 1641 г.¹¹

Можно предположить, что Корнилий Скуляпин, хотя и был старцем, а не простым иноком, был в Печерском монастыре новым человеком: только в следующем, 1641 г., он создает произведение, в надписи на котором указывает: “а

труждался за вклад”, т. е. труд мастера был зачтен ему как вклад при вступлении в монастырь.

На этот раз Корнилий Скуляпин работал по заказу одного из самых состоятельных жертвователей - старца Феодосия Родаева. Он исполнил напрестольный крест, серебряный, позолоченный, украшенный полудрагоценными камнями, стразами и жемчужной обнизью.¹² Идущий по канфаренному фону чеканный орнамент повторяет излюбленный автором мотив вьющейся ветви, завитки которой обращены то в разные стороны, (на верхней и боковых гранях), то вверх (на рукояти). Однако архаические элементы в виде узких листьев-отростков здесь уже отсутствуют, а трилистник играет определяющую роль. Художник внимательно прорабатывает складки одежды предстоящих, покрывая каждую горизонтальную вертикальными насечками, изображает доспех Лонгина-сотника, каймы на мафориях женщин.

Комплекс собственных приемов использует автор и при изображении ликов: его персонажи круглолицы, их глаза имеют толстое верхнее и нижнее веко, короткие вьющиеся волосы передаются через сферические формы, на каждой из которых сделано крупным пуансоном небольшое углубление. Рельеф фигур высокий, сами они - широкие, плотные, приземистые и изображены в порывистых и экспрессивных движениях.

Примечательная особенность памятника - наличие на нижней перекладке креста, в центре - литого поясного изображения “Христос во гробе”. По архаическому характеру, упрощенной трактовке формы, очень простой орнаментации оно

предположительно может быть датировано XV в. Помещение чеканных или литых изображений на напрестольных крестах ниже Голгофы - явление довольно распространенное. Употребление в этой функции памятника более древнего может быть объяснено пожеланием заказчика, который, возможно, был владельцем фигурки и в такой форме пожелал передать ее церкви. Возможно и иное объяснение: при создании нового произведения был использован фрагмент другого, более древнего, может быть, поврежденного или пришедшего в ветхость, но сохранявшегося в монастыре.

На этот раз указание на авторство Корнилия Скуляпина содержится непосредственно во вкладной надписи, размещенной на рукояти с оборотной стороны креста: “Лета 7150 (1641 - поскольку речь идет о декабре - П. Б.) года декабря в 6 день на память иже во святых отца нашего Николы чудотворца приложил сеи крест в дом чудного Вознесения пречистые Богородицы святого и славного ея Покрова Нижнего Новгорода печерского монастыря старец Феодосии Родаев при архимарите (так! - П. Б.) Макарие Нафанаилове по своей дще и по своих родителей а тщанием и трудами старца Корнилия Сколяпина а труждался за вклад”. (В начертании фамилии “У” пропущено: “Сколяпин”).

И в этом случае вклад жертвователя Феодосия Родаева засвидетельствован монастырской вкладной книгой под 1642 г.¹³ И, наконец, еще одно произведение, которое можно предположительно считать творением Корнилия Скуляпина - оклад иконы “Богоматерь Взыграние младенца”.¹⁴ По Вкладной книге Печерского монастыря в 1642 г. старец Феодосий Родаев (Родяев) пожертвовал в монастырь икону “Достойно есть...”.¹⁵ Как известно, иконография ее полностью совпадает с иконографией “Богоматерь Взыграние младенца” (в зеркальном отражении), а название “Достойно есть...” (по первым словам молитвы Богоматери) употребляется в церковном обиходе. Икона, по Вкладной книге, принадлежит кисти “государева мастера Назарья Истомина”. Не удивительно, что вкладчик обратился к серебрянику, с которым уже имел дело год назад, и заказал ему оклад для иконы. Многие годы икона находится под

профилактическими заклеяками, а ее живопись скрыта позднейшими записями и потемневшей олифой. Поэтому установить авторство Назария Истомина пока не представляется возможным. Однако стилистические особенности оклада указывают на авторство Корнилия Скуляпина.

Оклад, исполненный из низкопробного позолоченного серебра, покрывает поля иконы. В углах оклада изображены четыре евангелиста, а в середине каждого поля - в ромбовидных картушах - символы евангелистов (орел на нижнем поле отсутствует). Остальное пространство занимает вьющийся стебель с трилистниками, на этот раз дополненный цветами в форме опавших лепестков. Приемы авторской чеканки полностью идентичны тем, которыми Корнилий Скуляпин пользовался год назад, исполняя для Феодосия Родаева напрестольный крест: трактовка волос, складок одежды, формы трилистников, наконец, повышенная экспрессивность образов подтверждают принадлежность оклада автору креста и кадила.

Корнилий Скуляпин был не единственным мастером серебряного дела, работавшим в XVII в. в Нижегородском Печерском монастыре. Так, в 1638 г. в монастыре работает серебряник Ивашка Самойлов,¹⁶ в 1640-х гг. - старец Корнилий Скуляпин, в 1656 г. в монастырь постригся серебряник Максим Митрофанов,¹⁷ в 1687 г. крепостной князя Урусова Васья Васильев просит записать его за монастырем “серебряное делать”.¹⁸ К сожалению, произведения этих мастеров до нас не дошли. И, наоборот, в 1689 г. в Печерском монастыре был создан так называемый “потир со стихиями”, который считается в науке наиболее типичным произведением нижегородских серебряников.¹⁹ Однако имя его автора нам неизвестно. Поэтому в настоящее время данные о творческой деятельности Корнилия Скуляпина - как раз тот редкий случай, когда имя мастера удается связать с сохранившимися произведениями. Сведения о нем в сопоставлении с другими перечисленными фактами позволяют высказать предположение о существовании в XVII в. в Нижегородском Печерском монастыре ювелирной мастерской.

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., б. г. Т. 2. Стб. 1806.

² Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви. СПб, 1862. С. 80.

³ Там же. С. 94, 152.

⁴ Цит. по: В. П. Макарихин. Кто автор поэтических похвал епископу Дионисию и Василисе Тверской? // Записки краеведов. Н. Новгород, 1981. С. 165.

⁵ Н. Ф. Филатов. Нижний Новгород. Архитектура XIV - начала XX века. Н. Новгород, 1994. С. 34.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Писцовая и переписная книги XVII века по Н. Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896.

⁸ М. М. Постникова-Лосева. Русское ювелирное искусство. Его центры и мастера. XVI - XIX вв. М., 1974. С. 83.

⁹ М. М. Постникова-Лосева и др. Золотое и серебряное

дело. XV - XX вв. М., 1983. С. 90.

¹⁰ НГХМ-55-Пц/у. Серебро, чеканка, гравировка, золочение. Д - 12,3 см.

¹¹ Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря. С предисловием А. А. Титова. М., 1898. С. 2.

¹² НГХМ-63-Пц/у. Серебро, литье, чеканка, гравировка, золочение, стразы, жемчуг, бисер. 38,1 x 19 x 3 см.

¹³ Вкладная книга... С. 7.

¹⁴ НГХМ-81-Жт. Дерево, левкас, темпера. 29 x 24 см. Оклад на полях: серебро, чеканка, гравировка, золочение.

¹⁵ Вкладная книга... С. 9.

¹⁶ Постникова-Лосева М. М. Указ. соч. С. 84.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 83 - 84.

¹⁹ Там же. С. 84, 86.

РОСТОВСКИЙ ЯКОВЛЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА РУБЕЖЕ XVIII - XIX ВЕКОВ

С середины XVIII в. началось возвышение дотоле мало чем примечательного Ростовского Яковлевского монастыря, которое было обусловлено обретением мощей и канонизацией святителя Димитрия Ростовского, похороненного, согласно его собственному выбору, в этой обители. За полстолетия было сделано немало, к рубежу XVIII - XIX вв. монастырь совершенно преобразился. Перечислим наиболее важные изменения. В результате монастырской реформы 1764 г. к Яковлевскому монастырю присоединяется Спасская обитель, что существенно расширяет территорию Яковлевского монастыря и укрепляет его хозяйство. Важно и то, что он остается единственным монастырем в северной части Ростова. Яковлевский монастырь удостоивается титула ставропигиального и выходит из-под епархиального подчинения. Щедрое пожертвования почитателей св. Димитрия Ростовского пополняют монастырскую казну, обитель богатеет. В течение последней четверти XVIII в. возводится новый каменный монастырский ансамбль - стены с башнями, колокольня, келейные корпуса. К рубежу XVIII - XIX вв. Яковлевский монастырь становится одним из знаменитейших и богатейших монастырей Ростово-Ярославской епархии.

В дореволюционных описаниях истории монастыря и в работах современных исследователей упомянуты наиболее важные события, относящиеся к этому периоду, но в целом данная тема остается малоизученной.¹

В настоящей работе мы рассмотрим устройство и условия существования Яковлевского монастыря, а также присущие ему особенности бытового уклада на рубеже XVIII - XIX столетий.

Основными источниками послужили: приходо-расходные книги; указы Синода и Московской синодальной конторы, адресованные непосредственно в этот монастырь; рапорты и доношения настоятеля в Синод и Московскую контору Синода; разнообразные описи, ведомости и списки, а также другие документальные материалы, происходящие из монастырского архива.

На рубеже XVIII - XIX столетий Яковлевский монастырь сохранял за собой статус ставропигии, состоял в подчинении Синода. Непосредственное управление монастырем осуществляла Московская синодальная контора. Отметим, что это был единственный ставропигиальный монастырь в Ростово-Ярославской епархии. По штатам 1764 г. Яковлевский монастырь был причислен ко второму классу.²

Во главе монастыря стоял архимандрит Мелхиседек. Его предшественником был архимандрит Авраам, скончавшийся 30 апреля 1797

г. Архимандрит Мелхиседек, переведенный из наместников Александро-Невской лавры, был утвержден в должности настоятеля Яковлевского монастыря 14 июня 1797 г. Он управлял монастырем без малого девять лет.³ С конца лета 1805 г. архимандрита стали мучить приступы сильной головной боли, по его собственным словам, "приключилась жестокая болезнь в голове", порой доводящая до беспамятства, из-за чего он, "признав себя впредь к отправлению настоятельской должности неспособным", в начале 1806 г. подал в Синод прошение об увольнении. 29 марта 1806 г. Синод, наградив архимандрита Мелхиседека заслуженным пенсионом, уволил его на покой в Курский Знаменский монастырь. Впоследствии архимандрит Мелхиседек был настоятелем Арзамасского Высокогорского и Суздальского Спасо-Евфимиевского монастырей, затем, удалившись от дел, жил на покое в Московском Симоновом монастыре и закончил свою жизнь в 1841 г. схимником Оптиной пустыни.⁴

В соответствии со штатом второклассных монастырей, братия Яковлевского монастыря не должна была превышать шестнадцать человек. В 1798 г. в обители до этого указного числа не доставало четырех человек. Именно тогда архимандрит Мелхиседек жаловался в Московскую синодальную контору, что в монастыре "из-за этого в исправлении церковных служений крайняя бывает остановка".⁵ Впрочем, это был единственный случай столь значительной неуккомплектовки монастырского штата. В дальнейшем, если недовольство монашествующих и имела место, то она не была такой явной - порой не хватало одного, редко - двух человек. Судя по именному перечню 1802 г., в состав братии, за исключением настоятеля, входили восемь иеромонахов, четыре иеродиакона, два монаха и один послушник.⁶

Старшая братия была представлена казначеем, ризничим и еще двумя наиболее уважаемыми монахами. В ведении казначея находилась монастырская казна (до 1798 г. финансы Яковлевского монастыря контролировались Ростовским духовным правлением). Члены духовного правления регулярно проверяли "целостность" казны, следили за расходованием денег, выделяемых на строительство, и присутствовали при высылке денег из монастырских кружек. Этот контроль был введен по распоряжению Синода в 1796 г. после того, как в 1775 г. вскрылись махинации казенными деньгами, производимые настоятелем Яковлевского монастыря архимандритом Павлом (1765 - 1769), и отменен, благодаря ходатайству Ростовского архиепископа Арсения и Яковлевского архимандрита Мелхиседека.⁷ Казначеем в монастыре на рубеже

XVIII - XIX вв. являлись: иеромонах Иаков (1798 - 1799);⁸ иеромонах Иларий (1800 - 1802);⁹ иеродиакон Феофилакт (уп. В 1803, 1805);¹⁰ иеродиакон Филарет (1803 - 1805).¹¹ Между последним казначеем и настоятелем, по всей видимости, отсутствовало взаимопонимание. Архимандрит Мелхиседек, неоднократно уличавший иеродиакона Филарета в использовании казенных денег для своих собственных нужд, не допускал его до распоряжения монастырской казной и в 1803 - 1805 гг. был вынужден сам вести все денежные дела монастыря.¹²

Ризничий отвечал за сохранность монастырской ризницы. В конце XVIII - начале XIX в. должность ризничего исполнял иеромонах Амфилохий, по характеристике настоятеля человек “честный и во всем благочестивый”. Он также был гробовым монахом при мощах св. Димитрия Ростовского и выполнял обязанности братского духовника. Кроме того, он являлся талантливым иконописцем, в монастыре имелось немало написанных им образов. Когда архимандрит Мелхиседек надолго отлучался из монастыря, как, например в начале 1803 г. для поездки в Москву и в Белгород, или в 1804 г., когда его вызывали в Москву, он, по его собственному признанию, только ризничему мог доверить “смотрение” за братией и служителями. В первой половине XIX в. иеромонаху Амфилохию было суждено прославить себя подвигом старчества.¹³

Главной обязанностью монашеской братии являлось отправление богослужений в монастырских храмах. Ежедневно в монастыре служились две ранние и одна поздняя литургии. Между иеромонахами, иеродиаконами и церковными причетниками устанавливалась определенная очередность проведения церковных служб - так называемая “черета”, отправляемая в течении недели. В свободное от “чередных служб” время члены братии отправляли “клиросное послушание” - во время церковных служб пели за клиросом. Помимо богослужений, установленных по церковному календарю, в монастыре по заказам богомольцев служились “нарядные” или внеочередные службы и молебны. По свидетельству архимандрита Мелхиседека, такие службы случались в обители часто. При мощах св. Димитрия Ростовского производилось чтение синодика, эта обязанность, как правило, поручалась самым старым и немощным монахам.¹⁴

Плата за заказные молебны для монашествующих Яковлевской обители являлась одним из основных источников средств к существованию. Эти деньги содержались под замком, в особой братской кружке. По окончании каждого месяца они извлекались оттуда и после вычета четвертой части “на церковные потребности”, то есть на покупку свеч, ладана, масла и прочего необходимого при службе, оставшиеся три четверти

скопленной суммы соответствующим образом делились между настоятелем и членами братии, участвовавшими в проведении богослужений. При этом иеромонахи получали большую часть, нежели иеродиаконы, которым, в свою очередь, выделялась большая часть дохода, чем причетникам - псаломщикам и пономарям. В одном из документов 1780 г. отмечено, что по причине значительного наплыва богомольцев в Яковлевский монастырь, монахи этой обители от платы за молебны получали доход против монахов других монастырей “несравненно больший”.¹⁵ Другим, не менее важным источником дохода для членов монашеской братии служило штатное жалованье. По утвержденным в 1764 г. штатам с учетом пожалованной в 1797 г. “прибавочной” суммы на жалованье братии Яковлевского монастыря ежегодно выделялось по 745 руб., которые распределялись следующим образом: настоятель получал 370 руб., казначей - 35 руб., иеромонахи и иеродиаконы - по 24 руб., монахи и штатные послушники - по 20 руб. Как видим, половина всех жалованных денег составляла долю настоятеля, который получал в десять раз больше чем казначей и почти в двадцать раз больше, чем рядовой монах. Раздача жалованья производилась дважды в год - в январе и июле или августа. Определенная часть денег из штатной суммы выделялась на закупку продуктов для общей монастырской трапезы. Ежегодно “на рыбу, на вино и на пиво” тратилось по 340 руб.¹⁶

Прием новых членов в число братии Яковлевского монастыря осуществлялся только при наличии в обители свободных вакансий, которые появлялись после смерти, перевода в другой монастырь или увольнения на покой кого-либо из монашествующих. Пострижение становилось возможным по истечении двухлетнего искуса, на протяжении которого послушник жил в монастыре “для приобщения себя к монашеской жизни”, при условии, что он в обители “житие препровождал добропорядочное и препорученные послушания исправлял тщательно”. Прием и пострижение послушников осуществлялись с согласия Московской синодальной канцелярии.¹⁷ Прием, перевод, увольнение монашествующих и предоставление им временных отпусков также производились только после разрешения Московской канцелярии Синода. Самостоятельно решать эти вопросы настоятель не имел права.¹⁸

Братия проживала в новоотстроенных каменных двухэтажных келейных корпусах. Недостатка в помещениях не было, каждому монаху выделялась отдельная келья. В распоряжении архимандрита Мелхиседека находился целый настоятельский корпус. Судя по описанию настоятельских покоев, произведенному в 1797 г. при вступлении в должность настоятеля архимандрита Мелхиседека, настоятельские кельи состояли из нескольких комнат, в которых размещалась

следующая мебель: деревянная кровать, два дубовых шкафа, пять столов разного размера, пять кресел и два канапе. В одной из комнат находились столовые часы с боем в корпусе из черного дерева - вклад покойного архимандрита Авраама. На стенах настоятельских покоев были развешены четыре иконы, написанные на холсте: Распятие Господне и образа Богоматери, св. Иакова Ростовского и св. Димитрия Ростовского; а также портреты императора Павла I и императрицы Екатерины II.¹⁹ Вероятно, помимо личных апартаментов настоятеля в настоятельском корпусе располагались и административные монастырские службы, например, канцелярия монастырского правления. Для исполнения канцелярских работ монастырь содержал собственного светского подьячего.²⁰

Следует признать, что морально-нравственный облик некоторых представителей монашеской братии не всегда оставался на должной монашескому сану высоте. Пожалуй, наиболее красноречивым признанием этого является свидетельство самого архимандрита Мелхиседека, который в своем доношении в Московскую синодальную контору 1805 г. так объяснял причину, затрудняющую замену неудачного казначея Филарета: “по неспособности (его) к казначейской должности намерен (я) был на место его другого определить, но к сожалению, кроме упомянутого ризничего, трезваго и во всем благонадежнаго, да одного престарелаго иеромонаха в сию должность избрать было некого, ибо все из иеромонахов и иеродиаконов крайне невоздержаны от пьянства”.²¹ Известно, что этот порок процветал во многих монастырях. Как правило, следствием злоупотребления спиртным являлись самовольные отлучки из монастыря, непослушание и другие нарушения внутреннего распорядка монастырской жизни. Важно подчеркнуть, что в Яковлевской обители пьянство настойчиво искоренялось. Архимандрит Мелхиседек лично “увещал” монашествующих и послушников, “невоздержанных от пьянства”, побороть это пагубное пристрастие. Настоятель имел право учинять нарушителям дисциплины выговор в присутствии всей братии, например, в 1803 г. так был наказан иеродиакон Филагрий. Склонные к пьянству члены монашеской братии поручались наблюдению трезвых монахов, таким образом, к примеру, пытались отвадить от пьянства монаха Иоакимфа. Особо упорствующих любителей спиртного заковывали в железо и сажали в караульню на хлеб и воду. Известно, что подобным образом стремились образумить уже упоминавшихся монаха Иоакимфа, иеродиакона Филагрия и послушника Алексея Хлебникова. Если это не помогало, настоятель имел право пожаловаться на преступивших обеты монахов в Московскую синодальную контору, которая могла применить к ним более строгие меры воздействия. Так, по распоряжению конторы провинившимся на какое-то

время запрещалось священнослужение; их лишали клобука и мантии, а вместе с тем всех привилегий монашеского сана и поручали им выполнение тяжелых черных работ в монастыре, “до рассмотрения в них исправления”. Монах Иоакимф, к примеру, “за пьянство и другие дерзкие поступки” испытал на себе это наказание с ноября 1803 г. по начало марта 1804 г.²² Всех членов монашеской братии, уличенных в пьянстве или в каких-либо других проступках, вынуждали давать письменное обязательство в том, что они “впредь жизнь препровождать будут воздержанную и во всем монашескому обету сходственную, а естли окажутся в пьянстве и других непорядках, за то подвергают себя строжайшему суждению и лишению монашества”.²³

После краткой характеристики состояния монашеской братии перейдем к рассмотрению внешнего облика архитектурного ансамбля Яковлевского монастыря. Как уже упоминалось, в последней четверти XVIII в. все монастырские строения, за исключением Зачатиевского собора, были перестроены. Новый монастырский ансамбль получил строгую регулярную планировку. Квадратный в плане парадный двор обители окружался достаточно высокой каменной стеной. Четыре башни возвышались по углам, а две надвратные размещались друг против друга, по центру южной и северной сторон ограды. Южные ворота, обращенные к озеру, назывались “водяными”, а северные - “въездными”. Вытянутые в линию и соединенные друг с другом настоятельский, трапезный и два братских корпуса были двухэтажными и располагались таким образом, что заменяли собой почти всю западную и часть северной сторон монастырской ограды.²⁴ Таким образом, все жилые постройки находились в западной части монастырского двора, тогда как вся его восточная часть была отдана культовым сооружениям. В юго-восточном углу стоял старый монастырский собор - церковь Зачатия св. Анны с приделом св. Иакова Ростовского, построенная в 1686 г. Северо-восточный угол двора занимал новый собор монастыря - огромный храм св. Димитрия Ростовского, строительство которого было завершено в 1801 г. Для освящения этого храма, которое произошло в день памяти св. Димитрия Ростовского, 27 октября 1801 г. в монастырь прибыл Павел, архиепископ Ярославский и Ростовский. В 1804 г. в трапезе Димитриевского храма устраиваются два придела; правый придел был посвящен св. Николаю, небесному патрону Николая Петровича Шереметьева, на средства которого сооружался Димитриевский собор; левый придел посвящался св. Димитрию Солунскому - святому, тезоименитому Ростовскому святителю Димитрию. Освящение приделов было произведено архимандритом Мелхиседеком 18 и 26 июня 1804 г.²⁵ Между двумя церквями по центру восточной стороны

ограды над святыми воротами возвышалась новая трехъярусная колокольня. На ней находилось четырнадцать колоколов, самый тяжелый из которых весил 309 пудов 30 фунтов (5073 кг), а в верхнем ярусе были установлены колокольные часы.²⁶ Третий храм Яковлевского монастыря - Спасская церковь, бывший собор упраздненной Спасской обители, находился в отдалении от парадного монастырского двора. Богослужение в ней производилось только в теплое время года. Рядом со Спасским храмом находилось братское кладбище.²⁷

Содержание монастырских построек в должном порядке требовало большой заботы. В монастыре постоянно производились разнообразные ремонтные работы. Более серьезные ремонты, такие, например, как побелка колокольни, ограды, башен, келейных корпусов в 1800 г.;²⁸ устройство новых деревянных обрубков для защиты от воды вокруг двух угловых башен, выходящих на озеро, и ремонт мостовой перед восточной стеной ограды в 1802 г.; замена обветшавших деревянных мостков, ведущих от настоятельских келий до Зачатиевского собора в 1802 г.;²⁹ смена деревянного покрытия глав Спасского храма железным и побелка всей церкви в 1806 г.,³⁰ повторялись нечасто. Мелкие ремонты - типа починки, замены или чистки печей, ремонта или покраски дверей, полов, оконных рам, производились с завидным постоянством.³¹ Для выполнения всех видов ремонтных работ нанимались мастера со стороны. Немало внимания уделялось украшению церковных интерьеров и пополнению монастырской ризницы. Например, в 1799 г. в Зачатиевской церкви было устроено новое архимандричье место, деревянное, расписанное и обитое зеленым сукном.³² В 1803 г. для Димитриевского храма были куплены три паникадила - большое для церкви и два поменьше в трапезу. Их стоимость составила около 4 тысяч 600 рублей. В следующем году небольшое паникадио приобрели для Зачатиевского храма.³³

Территория присоединенного к Ярославскому Спасского монастыря использовались в качестве хозяйственного двора. С восточной стороны он примыкал к главному монастырскому двору, а с трех остальных сторон окружался невысокой оградой. В 1804 г. с северной и южной сторон деревянная ограда была заменена каменной, в 1805 г. в камне была отстроена западная часть оградной стены. На хозяйственном монастырском дворе располагались кладовые и погреба, просфорнические кельи и братская баня, кузница и мастерские, а также другие хозяйственные службы.³⁴ Там же находилась построенная в конце XVIII в. новая каменная конюшня и каретник. В 1797 г. в монастырской конюшне содержалось пять лошадей. Из средств передвижения в конце XVIII в. монастырь располагал каретой, сверху обитой кожей, а изнутри белым сукном; четырьмя санями; летними дрожками; телегой с кибиткой и еще четырьмя телегами, две из которых были старыми, а две - новыми.³⁵ Вероятно,

на хозяйственном дворе был размещен и монастырский скотный двор. На территории двора был разбит огород, а на рубеже XVIII - XIX вв. в южной части двора, вдоль берега озера, началась посадка нового монастырского сада - с яблоневыми, сливовыми и вишневыми деревьями.³⁶ За пределами Яковлевского монастыря в первые годы XIX в. был построен каменный двухэтажный монастырский гостинный дом для приема гостей и паломников, при котором были устроены деревянная кухня, людская изба и конюшенный сарай. Двор вокруг монастырской гостиницы был обнесен деревянной оградой.³⁷

Большим подспорьем для монастыря являлось его обширное подсобное хозяйство - скотный двор, огород, сенокосные угодья. При монастыре содержался крупный рогатый скот. Благодаря этому монастырь в значительной мере удовлетворял свои потребности в мясных и молочных продуктах. Для ухода за коровами нанимались две скотницы.³⁸ Монастырский огород был достаточно большим, на нем насчитывалось несколько десятков гряд. На весенне-летне-осенний сезон для огородных работ монастырь нанимал одну или двух огородниц. В большинстве своем овощи и зелень для монастырского стола поступали с собственного огорода.³⁹

Во владении монастыря находилась земля - пять пустошей, выделенных от казны или пожалованных частными лицами в 1770-х гг. общей площадью около восьмидесяти десятин. В 1798 г. по указу Павла I о пожаловании архиерейским домам и монастырям земель, Яковлевскому монастырю были выделены три пустоши в Ростовском уезде: "Кочеватик" (четыре десятины), "Бочаги" (пять десятин) и "Козлов луг" (восемь десятин). Таким образом, площадь земельных владений обители увеличилась. В силу того же указа монастырю была пожалована рыбная ловля в Рюмниковском озере, расположенном в Карашенской волости Ростовского уезда. Наконец, в 1798 г. на правах совместного использования с Ростовским Авраамиевским монастырем Яковлевский монастырь получил во владение водяную мельницу на реке Устье при деревне Исады, ту самую, которая до 1764 г. принадлежала Ростовскому архиерейскому дому.⁴⁰

Яковлевский монастырь содержал целый штат монастырских служителей, которые обслуживали и охраняли обитель. На службе у монастыря состояло шестнадцать работников. Судя по данным 1800 г., треть монастырских служителей являлась уроженцами подмонастырской слободки, а две трети - переселившимися в Ростов жителями сел и деревень, в основном Ростовского, а также Борисоглебского и Ярославского уездов.⁴¹

Основная часть служителей непосредственно занималась в монастыре хозяйственными делами. Каждому из них поручалась какая-либо должность, например, повара, хлебника,

кучера, кузнеца и тому подобное. В обители имелся даже собственный иконописец и финифтяный мастер - Александр Григорьев (род. ок. 1747 г., сконч. в 1823).⁴² Оставшаяся часть служителей использовалась в качестве разнорабочих, сторожей и звонарей. Их основная обязанность заключалась в ночной охране монастыря. Работали они посменно. В сезонных сельскохозяйственных работах, таких как сенокос или копка гряд и уборка урожая на огороде, сообща участвовали все монастырские служители.⁴³

На жалованье шестнадцати служителям, вместе с подьячим, в год выделялось 354 руб. 60 коп. Каким образом между ними производился раздел этих денег, по особо утвержденным окладам или просто поровну, нам не известно. В среднем на каждого приходилось около 20 руб. в год, то есть столько же, сколько получали не имевшие сана монахи и послушники. Сверх штатных окладов служителям выплачивали наградные или праздничные деньги. Пять раз в год по праздникам всем служителям выдавалось по 1 руб. Это случалось под Новый год, на Пасху и на Покров, а кроме того, в дни празднования памяти небесных патронов обители - Ростовских святителей Иакова и Димитрия. По большим праздникам дополнительное вознаграждение получали сторожа и звонари, это была давняя традиция, оправданная тем, что именно по праздникам сторожам и звонарям приходилось особенно стараться. Наконец, каждый служитель получал от монастыря по 1 руб. в день своих именин.⁴⁴ Сыновья монастырских служителей, помимо обучения грамоте, с малолетства обучались различным ремеслам, полезным для монастырского хозяйства;⁴⁵ монастырь своевременно заботился о воспитании нового поколения своих служителей.

Источники средств содержания, которыми на рубеже XVIII - XIX вв. располагал Яковлевский монастырь, по способу получения денег можно разделить на три группы: штатные выплаты, неокладные доходы и пожертвования. Дадим кратко характеристику каждому из них:

1. Выплаты по штату - деньги, выплачиваемые из государственной казны. В соответствии с присвоенным монастырю классом и с учетом учрежденной в 1797 г. прибавочной суммы Яковлевский монастырь ежегодно получал по 2393 руб. 11 коп. Эти деньги в начале каждого года выдавались из Ростовского уездного казначейства. В монастыре их выплата производилась дважды в год. Штатные деньги распределялись по следующим статьям: на жалованье настоятелю и братии - 745 руб.; на монастырскую трапезу - 340 руб.; на жалованье служителям - 354 руб. 60 коп.; на хозяйственные монастырские нужды (“на конюшенные расходы и

дрова”) - 300 руб.; “на церковные потребности”, под которыми подразумевалась покупка шести ведер красного “кагорского” вина для приготовления причастия и восьми пудов пятнадцати фунтов пшеничной крупчатой муки для выпечки просфор на весь год - 53 руб. 50 коп.; наконец, на ремонт или “починку” монастырских сооружений, в первую очередь, церквей, а также на содержание ризницы - 600 руб.⁴⁶

2. Неокладные доходы - деньги, зарабатываемые или выручаемые самим монастырем. На рубеже XVIII - XIX вв. Яковлевский монастырь выручал деньги только по одной доходной статье - за сдачу в аренду Исадской мельницы. В 1799 - 1802 гг. доля Яковлевского монастыря ежегодно составляла по 687 руб. 50 коп.; в 1803 - 1805 гг. - по 552 руб. 50 коп.; с 1806 г. - по 700 руб.⁴⁷ Впоследствии Яковлевский монастырь значительно увеличил число своих доходных статей.

3. Пожертвования. Точный учет всех пожертвований в монастырь произвести затруднительно. Видимо, их было немало. Размер пожертвований мог быть самым различным - неимущие богомольцы жертвовали копейки, состоятельные паломники не жалели десятков тысяч рублей. Как правило, наиболее крупные денежные вклады являлись целевыми. Показательнейший пример тому - пожертвование 65 тысяч руб. графом Николаем Петровичем Шереметевым на сооружение Димитриевского храма.⁴⁸

Итак, на рубеже XVIII - XIX вв., во время настоятельства архимандрита Мелхиседека (1797 - 1806 гг.), в Яковлевском монастыре произошли следующие изменения. Завершилось строительство нового храма, в котором были устроены два придела, в результате чего число освященных престолов в обители удвоилось. Продолжилось сооружение монастырского ансамбля - был выстроен гостиный двор, возведена каменная стена вокруг хозяйственного двора, начались ремонтные работы в Спасской церкви. Значительно укрепилось хозяйство монастыря - обители были пожалованы новые земли, рыбные ловли и половина мельницы. Был заложен новый монастырский сад. Был снят контроль над монастырским бюджетом со стороны органов епархиального управления.

В заключение следует отметить, что рассмотренный нами период - рубеж XVIII - XIX вв. - в истории Ростовского Яковлевского монастыря не являлся временем наивысшего процветания. По большому счету, все только начиналось. Впереди у этого монастыря было целое столетие, на протяжении которого его благосостояние неуклонно росло, а слава расширялась и крепла.

¹Описание Ростовского Ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. Спб., 1849; Титов А. А. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в городе Ростове Ярославской губернии.

Ростов-Ярославский, 1913; Буцких Е. В. К вопросу об иконографии скульптуры Димитриевского храма Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 141 - 163; Виденева

- А. Е. К истории посвящений храмов Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 74 - 120; Буцких Е. В. Об интерьере Димитриевского храма Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // СРМ. Вып. II. Ростов, 1991. С. 16 - 48.
- ² Ставропигиальным Яковлевский монастырь стал одновременно с Соловецким по указу Синода 1765 г. Описание... С. 71 - 72, 73 - 74.
- ³ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1530. Л. 1. Описание... С. 84 - 85.
- ⁴ МЗРК. КП-10056/35. Книга указов за 1806 г. Л. 31 - 31 об.; Описание... С. 85; Титов А. А. Спасо-Иаковлевский... С. 29.
- ⁵ МЗРК. КП-10056/29. Книга указов за 1798 г. Л. 29.
- ⁶ МЗРК. КП-10056/32. Книга указов за 1802 г. Л. 85.
- ⁷ МЗРК. КП-10056/29. Л. 279 - 279 об.; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 об.
- ⁸ МЗРК. А-858. Л. 1; КП-10056/29. Л. 169.
- ⁹ МЗРК. КП-10056/32. Л. 85; А-544. Л. 1.
- ¹⁰ МЗРК. А-545. Л. 1; А-547. Л. 1.
- ¹¹ МЗРК. КП-10056/34. Книга указов за 1805 г. Л. 3, 66 - 66 об.
- ¹² МЗРК. КП-10056/35. Л. 1 об. - 2 об.; 34. Л. 66 - 66 об.
- ¹³ МЗРК. КП-10056/33. Книга указов за 1803 г. Л. 2, 5; КП-10056/35. Л. 1 об. - 2; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1096. Л. 24. См.: Описание жизни почившаго в Господе Ростовскаго Ставропигиальнаго Яковлевскаго монастыря гробового иеромонаха Амфилохия. М., 1834; Описание... С. 66 - 68; Титов А. А. Спасо-Иаковлевский... С. 6 - 7.
- ¹⁴ МЗРК. КП-10056/28. Л. 178 об., КП-10056/31. Книга указов за 1800 г. Л. 52.; КП-10056/32. Л. 21 об.; КП-10056/33. Л. 11 об.; КП-10056/34. Л. 23; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 209. Л. 70.
- ¹⁵ МЗРК. КП-10056/28. Л. 178 - 178 об.; КП-10056/31. Книга указов за 1800 г. Л. 52; КП-10056/13. Л. 131 - 131 об.
- ¹⁶ МЗРК. А-549. Л. 1 об.; А-856. Л. 1, 3 об.; Описание... С. 78 - 79.
- ¹⁷ МЗРК. КП-10056/33. Л. 105 - 107; КП-10056/34. Л. 7; КП-10045/26. Л. 30.
- ¹⁸ МЗРК. КП-10056/32. Л. 220 - 221 об.; КП-10056/35. Лл. 8 - 8 об., 79, 95; КП-10056/34. Л. 23.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 667. Л. 2 - 2 об.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1185. Л. 1.
- ²¹ МЗРК. КП-10056/35. Л. 2.
- ²² МЗРК. КП-10056/29. Л. 40; КП-10056/32. Л. 142; КП-10056/33. Л. 17, 25; КП-10056/34. Л. 97, 129 - 132.
- ²³ МЗРК. КП-10056/33. Л. 19.
- ²⁴ РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 176 об.; Д. 11. Л. 13 - 15; Описание... С. 14 - 15.
- ²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 19; Описание... С. 14 - 15, 17, 31; Буцких...
- ²⁶ Виденеева А. Е. Колокола Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // Колокола и колокольни Ростова Великого. Ярославль, 1995. С. 149.
- ²⁷ Описание... С. 36; Кн. Ук. 25. Л. 29. Настоятелей хоронили, преимущественно, на парадном монастырском дворе, рядом с Зачатиевским собором.
- ²⁸ МЗРК. А-856. Л. 2 об., 4 об.
- ²⁹ МЗРК. А-544. Л. 2 об., 5 об., 6.
- ³⁰ РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 19 об.
- ³¹ См. напр.: МЗРК. А-545. Л. 2, 5; А-548. Л. 2 об.; А-549. Л. 3 об., 6.
- ³² МЗРК. А-858. Л. 2 об.
- ³³ РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.; МЗРК. А-546. Л. 2 об.
- ³⁴ РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 16; Описание... С. 15, 34, 37.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 667. Л. 5 - 5 об.; Д. 1185. Л. 7; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 175.
- ³⁶ МЗРК. А-900. Л. 17 - 18 об.
- ³⁷ Там же. Л. 18 - 21.
- ³⁸ Там же. Л. 20 об. - 30.
- ³⁹ Там же. Л. 40 об., 42, 56.
- ⁴⁰ Описание... С. 39.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1 об. - 2.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1096. Л. 6; Д. 1159. Л. 9 об. - 10. По документам 1830-х гг. он известен под фамилией Мошанский.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1185. Л. 7, 10, 11 - 11 об.
- ⁴⁴ МЗРК. А-900. Л. 17 об., 18, 28 - 30.
- ⁴⁵ МЗРК. КП-10056/16. Л. 124.
- ⁴⁶ МЗРК. А-856. Л. 1 - 4 об.; А-544. Л. 1 - 5; А-547. Л. 1 - 4 об.
- ⁴⁷ МЗРК. А-900. Л. 1 - 7.
- ⁴⁸ Описание... С. 40.

А. Е. Виденеева., Е. И. Сазонова

БРАТСКАЯ ТРАПЕЗА РОСТОВСКОГО СПАСО-ЯКОВЛЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В XIX в. Спасо-Яковлевский-Дмитриев монастырь являлся известнейшей и богатейшей обителью Ростово-Ярославской епархии. Его истории и архитектуре посвящено немало исследований. Но только сейчас вопросы, связанные с особенностями бытового уклада этого монастыря, становятся объектом изучения. В настоящей работе рассматривается монастырская братская трапеза второй половины XIX в.

Работа основана на тщательном анализе трех расходных книг «на братскую трапезу», относящихся к 1852, 1875 и 1894 гг.¹ В них фиксировался денежный расход «трапезных денег» - определенной суммы, выделяемой из общего монастырского бюджета на приобретение продуктов питания. В 1852 г. она равнялась 1380 руб., а в 1875 и 1894 гг. - ок. 2400 руб. Деньги эти предназначались

«на трапезу братии и странных», то есть расходовались на приобретение продовольствия для приготовления пищи в монастыре, как для монашествующих и послушников, так и для приезжающих в монастырь гостей и паломников. В расходных трапезных книгах указывались вес и цена продуктов, а также место, где они были приобретены. По всей видимости, книги велись трапезным монахом. Записи производились в конце месяца и после соответствующей проверки заверялись подписями казначея, наместника и, наконец, настоятеля. Помимо трапезных книг в работе были использованы и некоторые другие документы монастырского архива.

Важно отметить то обстоятельство, что число монастырской братии на протяжении XIX в. оставалось неизменным и, в соответствии с

утвержденными штатами Спасо-Яковлевского монастыря, равнялось пятнадцати - восемнадцати человекам. Но, к сожалению, количество гостей и, тем более, многочисленных паломников этой обители узнать невозможно, поскольку эти данные не зафиксированы в документах. Таким образом, нам неизвестно общее число людей, которые кормились в монастыре, неизвестно, для каждого количества людей производились закупки продуктов, отраженные в трапезных книгах.

Трапезные книги содержат в основном сведения о закупке продуктов для будничных, повседневных трапез. Между тем, в монастыре устраивались праздничные и поминальные столы, которые имели особый источник финансирования. К примеру, поминальные столы для братии монастыря, по обыкновению, оплачивались родственниками покойного. Это была одна из форм вознаграждения монахов за поминальные молитвы и службы.² Дни крестных ходов, а также дни памяти небесных патронов обители - ростовских святителей Иакова и Димитрия - отмечались в монастыре с особой торжественностью. В это время монастырь принимал особенно много гостей, поэтому такие праздничные трапезы дополнительно финансировались за счет неокладных монастырских доходов, то есть из денег, заработанных самим монастырем.³ Кроме официальных праздников, поводом для организации большого приема людей в монастыре могли быть и другие даты, важные для истории монастыря. К примеру, печальный день погребения архимандрита Амфилохия 23 июня 1893 г. был отмечен большим обедом на пятьдесят персон стоимостью которого составила 150 руб.⁴

Трапезные книги не дают нам полного представления о монастырском пищевом рационе, поскольку они отражают только закупку продуктов у торговцев. Между тем монастырь имел собственное обширное подсобное хозяйство - огород, сад и ферму. В середине XIX в. в Яковлевском монастыре было два огорода, на которых в общей сложности насчитывалось около двухсот гряд.⁵ На огороде выращивали овощи: огурцы, морковь, свеклу, брюкву, хрен, цветную и кочанную капусту, черную и паровую редьку, картофель и лук; бобовые: горох и бобы; зелень: салат, петрушку, пастернак, шпинат.⁶ Как видим, ассортимент овощей и зелени был достаточно обширным. На рубеже XVIII - XIX вв. в монастыре был разбит большой сад. В течение первого десятилетия XIX в. в нем было высажено более пятисот яблонь, двухсот вишен, без малого триста слив и множество кустов черной смородины.⁷ Следовательно, монастырь не имел недостатка в фруктах и ягодах. При монастыре имелся скотный двор, на котором содержался крупный рогатый скот,⁸ поставлявший для монастырской трапезы молочные продукты. Наконец, в монастырском пруду разводили карасей.⁹ Таким образом, благодаря подсобному хозяйству, монастырь обеспечивал себя фруктами и

овощами, а также частично молочными продуктами.

А теперь мы рассмотрим основные продуктовые закупки монастыря. Из всех покупаемых продуктов основными являлась мука, крупы, рыба. Остановимся на них более подробно.

Мука.

Поставщиками муки были ростовские и ярославские купцы: в 1852 г. - Крохоняткин Павел Иванович; в 1874 - Ксенов Никита Александрович; в 1894 - Вахрамеев Александр Иванович. В самых больших объемах покупалась ржаная мука, из которой выпекали черный хлеб, являвшийся, как известно, основным продуктом питания в России. Так, например, в 1852 г. ржаной муки было закуплено 656 пудов, в 1875 г. - 645 пудов, а в 1894 - 910 пудов. Пшеничную муку покупали значительно меньше (почти в три раза). Известно, что сортов пшеничной муки было довольно много. В монастыре же употреблялась мука следующих сортов. В самых больших объемах покупали муку высшего сорта - крупчатую. Так, в 1852 г. и в 1875 г. ее было закуплено по 60 пудов, а в 1894 г. - около 70 пудов. В два раза меньше покупали муку второго сорта, так называемый "первач", и еще меньше третьего - "подрукавную" и "подправочную". Пшеничная мука шла для выпечки пирогов, блинов и белого хлеба. Кроме ржаной и пшеничной в небольших количествах покупалась гречневая и гороховая мука, а также толокно. Гречневая мука, как правило, предназначалась для блинов, а гороховая мука и толокно - для киселей.

Крупы.

Крупа закупалась у тех же купцов, которые поставляли в монастырь и муку. В разные годы предпочтение отдавалось разным сортам круп. Например, в 1852 г. на первом месте были гречка и овсянка (по 11 - 12 пудов), на втором - пшено и рис (сарацинское пшено); в 1875 г. - на первом - перловка и рис (по 22 - 23 пуда), на втором - гречка, пшено и манка; в 1894 г. - на первом - гречка и рис (по 8 - 13 пудов), а затем - пшено, овсянка и манка. Из круп варили каши и похлебки, а также использовали их для изготовления начинки для пирогов.

Рыба.

Употребление мяса в монастыре было запрещено монастырским уставом. Зато в больших количествах готовились разнообразные рыбные блюда, так как рыба считалась полупостной едой. Рыбу закупали у рыбных торговцев, ростовских купцов: в 1852 г. - у Соловьева Андрея Григорьевича, в 1875 г. - у Симонова Николая Ивановича и Ксенова Никиты Александровича, в 1894 г. - у Тимонова Николая Алексеевича. Рыбу покупали свежую, соленую, малосольную и сухую. По данным расходных книг монастырь закупал следующие сорта свежей рыбы: стерлядь, осетр, белуга, налим, судак, севрюга, сом, навага, линь, лещ, язь, карась, окунь, щука, ерш, плотва. В 1852 г. свежей рыбы было закуплено около 140 пудов, в 1875 - около 110 пудов,

в 1894 - около 65 пудов. Соленая и малосоленая рыба не закупалась, так как в это время рыбу солили непосредственно в монастыре. Не случайно количество свежей рыбы, закупленной в 1852 г., превышает объемы закупок свежей рыбы в последующее время. На то, что рыбу солили в монастыре, есть и прямое указание источника: в трапезной книге 1852 г. встречаются следующие записи - "куплено свежей рыбы в соль" или "куплено рыбы для засолки". В 1875 г. соленой и малосоленой рыбы было закуплено около 8 пудов, а в 1894 г. - около 20 пудов. Сухая рыба, закупаемая монастырем, как правило, была двух видов - сухой судак и снятки - мелкая сушеная рыбка. В 1852 г. ее было закуплено около 3 пудов, в 1875 г. - около 15 пудов, в 1894 - около 50 пудов. Снятки обычно использовались для приготовления первых блюд и начинок для пирогов. Кроме того, покупалась селедка (в штуках) и сардины (корзинами), а также красная и паюсная икра. Последняя покупалась в небольших количествах, по-видимому, для угощения особых гостей. Довольно часто в середине века приобреталась головизна (головы больших рыб), которая, как правило, шла на приготовление рассольников с огурцами.

Помимо покупки вышеназванных основных продуктов, монастырь производил закупку и других видов продовольствия: молочные продукты и яйца, соль и сахар, горох и овощи, приправы и специи, растительные масла.

Из молочных продуктов покупались сливочное (коровье) масло, сметана и молоко. Молоко и сметану покупали нечасто и в небольших порциях. Видимо, для потребностей монастыря хватало молока коров, содержащихся на монастырском скотном дворе. Масло же приобреталось в значительных объемах: в 1852 г. - 23 пуда, в 1875 г. - 24 пуда, в 1894 г. - 16 пудов.

К сожалению, сведения о наличии в монастырском подсобном хозяйстве кур не обнаружены. Но, судя по количеству покупаемых яиц, куры в хозяйстве имелись, во всяком случае в последней четверти XIX в. Так, если в 1852 г. было куплено 3500 яиц, а в 1875 г. - 2097, то в 1894 г. - всего лишь 510 штук.

Из растительных масел покупали конопляное и подсолнечное. Подсолнечное масло, которое стало ввозиться в центральную Россию с середины XIX в., постепенно вытеснило из употребления конопляное.

Соль закупали большими партиями. В 1852 г., по сравнению с последующим временем, ее покупалось особенно много, что было связано с засолкой рыбы. В 1752 г. было куплено 72 пуда, в 1875 г. - почти вдвое меньше - 42 пуда, а в 1894 г. - только 6 пудов.

Сахар и сахарный песок, в отличие от соли, приобретали маленькими порциями - от 1 пуда до 5 фунтов. Отметим, что в рационе русского человека сахар не занимал такого важного места, как в

настоящее время. Его широкое распространение начинается только во второй половине XIX в. Вместо сахара употребляли мед. Показательно, что в монастырской расходной книге за 1852 г. сахар и сахарный песок не указаны, а количество употребления меда к концу века, по сравнению с предшествующим временем, резко сократилось.

Овощи покупались изредка, так как имелся свой огород. В основном приобретались большие партии огурцов и капусты для засолки на зиму. В небольших количествах покупали картофель, который в середине XIX в. только начинал входить в рацион питания русских.

Известно, что монастырская кухня отличалась разнообразными грибными блюдами. Не случайно в трапезных книгах часто отмечены покупки как свежих, так и сухих грибов.

Регулярно покупали разнообразные специи, а именно: горчицу, перец, хрен, уксус. Также закупали приправы: корицу, ваниль, гвоздику, лавровый лист; сухофрукты: изюм и чернослив. Иногда покупали лимоны, которые, по всей видимости, входили в состав рецептуры сложных блюд.

Особо следует сказать о напитках. Традиционным монастырским напитком являлся квас, для приготовления которого использовался солод. Если в 1852 г. было куплено 58 пудов солода, то во второй четверти XIX в. закупка солода сократилась в три раза. Это свидетельствует о том, что квас постепенно вытеснялся из обихода другими напитками. Как было указано выше, довольно часто, особенно в середине века, покупался мед, на основе которого готовился горячий напиток сбитень, а также хмельной напиток медовуха. Чай появляется в быту Яковлевского монастыря сравнительно поздно. В трапезных книгах 1852 г. и 1875 г. закупка чая еще не отмечена, а в трапезной книге 1894 г. зафиксирована покупка только 22 фунтов чая, что явно свидетельствует о непопулярности этого напитка в общей трапезе Яковлевского монастыря. Для столового обихода регулярно покупалось дешевое кислое квашеное вино - "рейнский уксус" и пивной квас, который, по-видимому, в трапезных книгах называется "простым уксусом". Вино и квас закупались ведрами. Следует отметить, что вино для монастыря покупалось не только из штатных денег, но и из не окладных доходов. К примеру, из неокладных денег в 1842 г. у ярославских купцов братьев Василия и Ивана Соболевых было куплено 12 ведер красного "гишпанского" виноградного вина сорта "беникарло".¹⁰

В целом трапезные книги Яковлевского монастыря позволяют сделать вывод о том, что ассортимент продуктов для ежедневного монастырского стола был достаточно разнообразен. Основу рациона составляли мучные, крупяные, овощные и рыбные блюда. Последние, судя по количеству закупаемых сортов рыбы, отличались

большим разнообразием. Рыба употреблялась для изготовления и первых, и вторых блюд, шла на изготовление начинок и закусок. Но главными продуктами на монастырском столе были черный хлеб и квас, употребление которых, судя по объемам закупок ржаной муки и солода, по-видимому, не ограничивалось.

Итак, трапезные книги позволяют нам выявить лишь объем и ассортимент продуктов питания. Важно учесть, что все эти продукты предназначались для разных столов. Например, по

более ранним документам известно, что один из монастырских служителей являлся специальным поваром настоятеля, следовательно, архимандрит имел особую кухню, отличавшуюся от общей монастырской кухни.¹¹ Резонно предположить, что почетных гостей монастыря и многочисленных бедных паломников, посещавших обитель, кормили и принимали в монастыре по-разному.

Для более полного представления об объемах закупок некоторых продуктов и их цен на них ниже приведены таблицы.

Приложение.

Таблица 1. Ежемесячный расход трапезных денег

	1852 г.	1875 г.	1894 г.
январь	102 р.	194 р. 79 к.	210 р. 56 к.
февраль	396 р. 76 к.	261 р. 09 к.	242 р. 56 к.
март	74 р. 74 к.	171 р. 19 к.	156 р. 95 к.
апрель	48 р. 82 к.	192 р. 63 к.	194 р. 27 к.
май	87 р. 90 к.	208 р. 56 к.	182 р. 15 к.
июнь	55 р. 96 к.	199 р. 84 к.	213 р. 08 к.
июль	98 р. 78 к.	170 р. 94 к.	200 р. 55 к.
август	89 р. 86 к.	203 р. 50 к.	179 р. 92 к.
сентябрь	176 р. 14 к.	213 р. 91 к.	216 р. 57 к.
октябрь	88 р. 46 к.	228 р. 88 к.	188 р. 28 к.
ноябрь	85 р. 86 к.	225 р. 26 к.	70 р. 40 к.
декабрь	75 р. 11 к.	190 р. 19 к.	76 р. 49 к.
итого	1380 р. 42 к.	2452 р. 79 к.	2425 р. 70 к.

Таблица 2. Закупка крупы.

	1852 г.		1875 г.		1894 г.	
	вес	цена	вес	цена	вес	цена
гречневая	12,5 ч.	58 р. 05 к.	16,5 ч.	139 р. 50 к.	15,5 ч.	156 р. 20 к.
пшеничная	3 ч.	24 р.	20 ч.	37 р. 70 к.	8 ч.	25 р. 70 к.
рисовая	4 п.	8 р. 60 к.	22 п. 4 ф.	93 р.	7 п.	31 р. 25 к.
овсяная	11 п.	8 р. 76 к.			3 п.	5 р. 40 к.
манная			4 п. 20 ф.	5 р. 80 к.	30 ф.	2 р. 16 к.
перловая			21,3 п.	91 р. 70 к.		

Таблица 3. Закупка муки.

	1852 г.		1875 г.		1894 г.	
	вес	цена	вес	цена	вес	цена
пшеничная: крупчатая	60 п.	82 р. 75 к.	30 п.	81 р. (по 2 р. 50 к.)	15 п.	31 р. (по 2 р. 25 к.)
			30 п.	78 р. (по 2 р. 40 к.)	10 п.	20 р. 50 к. (по 2р. 5 к.)
					5 п.	10 р. (по 2 р.)
					10 п.	19 р. 50 к. (по 1 р. 95 к.)
					5 п.	9 р. 25 к. (по 1 р. 85 к.)
					15 п.	25 р. 50 к. (по 1 р. 70 к.)
пшеничная: первач			5 п.	6 р.		20 к. (по 1 р. 24 к.)
					10 п.	12 р. (по 1 р. 20 к.)
					10 п.	11 р. 50 к. (по 1 р. 15 к.)
					5 п.	5 р. 50 к. (по 1 р. 10 к.)
пшеничная: подрукавная, подправочная	65 п	44 р.	8 п.	13 р. (по 2 р.)		
			2 п.	3 р. 80 к. (по 1 р. 90 к.)		
			4 п.	3 р. 60 к. (по 1 р. 80 к.)		
ржаная	656 п.	217 р. (по 75 к.)	645 п.	442 р. 25 к. (по 70 к.)	910 п.	674 р. (от 63 до 75 к.)
гречневая	1,5 п.	2 р. 15 к.	2,5 п.	6 р.		
гороховая			2,5 п.	5 р. (по 2 р.)	1 п.	2 р. 40 к.
			1,5 п.	2 р. 70 к. (по 1 р. 80 к.)	1 п.	1 р. 20 к.
толокно	1 п.	1 р.	25 ф.	1 р. (по 4 к.)	10 ф.	50 к. (по 5 к.)
			10 ф.	50 к. (по 5 к.)		

Таблица 4. Закупка рыбы.

	1852 г.		1875 г.		1894 г.	
	вес	цена	вес	цена	вес	цена
рыба свеж. разных сортов	106 п.	185 р. 59 к. (от 1 р. 40 к. до 3 р. 25 к.)	35 п.	69 р. 15 к.		
щука			32 п.	116 р. 15 к. (от 3 р. до 4 р. 60 к. за пуд)	9,5 п.	41 р. 40 к. (от 3р. 40 к. до 4 р. за пуд)
лещ			4 п.	15 р. 25 к.	1,5 п.	6 р. 84 к.
караси, язи			3,5 п.	12 р. 60 к. (по 9 к. за фунт)	4,9 п.	18 р. 46 к. (от 10 к. до 15 к. за фунт)
окунь, ерши			19,3 п.	77 р. 46 к. (от 4 к. до 20 к. за фунт)	19 п.	59 р. 86 к. (от 4 к. до 18 к. за фунт)
плотва			2 п.	4 р. 80 к.		
линь					3,5 ф.	38 к.

Продолжение таблицы 4.

налим					1,4 п.	10 р. 11 к. (от 15 к. до 20 к. за фунт)
сом					3,3 п.	15 р. 92 к.
стерлядь			8 ф.	3 р. 40 к.		
судак	14 п.	20 р. 20 к. (по 1 р. 50 к. за пуд)	10,5 п.	49 р. 44 к. (по 4 р. 80 к. за пуд)	23,7 п.	89 р. 97 к. (по 4 р. 80 к. за пуд)
судак сухой			14,5 п.	53 р. 97 к. (от 3 р. 20 к. до 3 р. 80 к. за пуд)	30 п.	107 р. 10 к. (от 3 р. 40 к. до 3 р. 60 к. за пуд)
белуга	21,5 п.	73 р. 65 к. (от 1 р. 85 к. до 4 р. 50 к. за пуд)	5 п.	43 р. (от 6 р. 50 к. до 8 р. за пуд)	2,5 п.	26 р. 33 к. (по 6 р. 40 к. за пуд)
белуга соленая			20 ф.	3 р. 20 к.	19,8 п.	125 р. 25 к. (по 6 р. 40 к. за пуд)
белуга малосол. осетр			6,3 п. 4,7 п.	52 р. 85 к. 32 р. 92 к. (от 6 р. до 8 р. за пуд)	32 ф.	10 р. 56 к.
осетр малосол.			1,3 п.	19 р. 94 к. (по 2 р. 90 к. за пуд)	20 ф.	4 р.
севрюга			3,3 п.	14 р. 91 к. (по 3 р. 95 к. за пуд)		
севрюга соленая			1 п.	5 р. 60 к.	11 ф.	1 р. 54 к.
снятки	3,2 п.	11 р. 60 к. (по 11 к. за фунт)	28 ф.	3 р. 40 к. (по 18 к. за фунт)	19,4 п.	76 р. 24 к. (от 10 к. до 20 к. за фунт)
головизна	29 п.	53 р. 54 к. (от 1 р. 70 к. до 1 р. 90 к. за пуд)				
икра паюсная	1 п.	16 р. 92 к. (от 36 к. до 56 к. за фунт)	4 ф.	2 р. 81 к. (по 75 к. за фунт)	1 ф.	1 р. 50 к.
икра красная					20 ф.	1 р. 40 к. (по 7 к. за фунт)
сельдь			16 шт.	64 к.	37 шт.	2 р. 70 к.

Таблица 5. Закупка прочих продуктов.

	1852 г.		1875 г.		1894 г.	
	вес	цена	вес	цена	вес	цена
яйца	3500 шт.	23 р. 40 к.	2097 шт.	25 р. 69 к.	510 шт.	80 р. 12 к.
масло коровье	23 п. (от 4 р. до 5 р. за пуд)	109 р. 80 к.	24 п. (от 8 р. до 9 р. 60 к. за пуд)	216 р. 16 к.	16 п. (от 10 р. до 11р. 20к. за пуд)	172 р. 12 к.
масло растительное	27 п. (от 2 р. до 3 р. 40 к. за пуд)	80 р. 50 к.	32,7 п. (от 4 р. до 5 р. 20 к. за пуд)	165 р. 29 к.	28,3 п. (от 6 р. до 7 р. 20 к. за пуд)	177 р. 67 к.
соль	72 п.	49 р. 60 к.	42 п.	28 р. 30 к.	6 п.	19 р. 41 к.
сахар					5,7 п. (по 17 к. за фунт)	23 р. 76 к.
песок			3,6 п. (от 18 к. до 19 к. за фунт)	18 р. 81 к.	4,8 п. (от 13 к. до 14 к. за фунт)	27 р. 88 к.
чай					22 ф. (по 1 р. 60 к. за фунт)	38 р. 90 к.
горох	4 меры	3 р. 60 к.	5 мер	8 р. 60 к.	6 мер	14 р.
солод	58 п.	34 р. 70 к.	15 п.	16 р. 50 к.	15 п.	22 р. 35 к.

Сокращения: р. - рубль, к. - копейка, п. - пуд, ф. - фунт, ч. - четверть, шт. - штука.

¹ МЗРК. А-851; А-849; А-682.

² МЗРК. А-600. Л. 3 об., 11 об., 64 об.; А-678. Л. 8 об.

³ А-980. Л. 18, 19, 19 об.

⁴ МЗРК. А-680. Л. 90.

⁵ МЗРК. А-571. Л. 9 об.

⁶ А-900. Л. 40 об.; Р-857. Л. 6 об.; А-838. Л. 27.

⁷ МЗРК. А-900. Л. 17018 об., 24, 29 об., 32.

⁸ МЗРК. А-900. Л. 20 об. - 30.

⁹ А-571. Л. 13 об.

¹⁰ МЗРК. А-874. Л. 11.

¹¹ РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1096. Л. 6.

ПЕВЧЕСКИЕ ШКОЛЫ СОЛОВЕЦКОГО И КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЕЙ

Основой настоящей публикации послужили крюковые рукописи (от наименования знака *крюкъ*, одного из самых частотных), находящиеся в древнехранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, в которых имеются азбуки *знамен* - знаков крюковой нотации и соответствующих названий, употреблявшихся в певческой среде на Руси. Только при наличии таких азбук можно оценивать лексическую содержательность источника. Музыковеды, начиная с конца XIX в., обращались к крюковым книгам.¹ С филологической точки зрения эти памятники впервые подвергнуты анализу нами.² Азбуки знамен были дополнениями к основному каноническому тексту рукописи, снабженному соответствующими киноварными знаменами, которые располагались как над отдельными словами текста, так и над слогами в слове.

Анализ простых знаков - *знамен* и сочетаний знаков - *лиц*, *попевок*, сокращенных обозначений частей мелодического целого - *фит* на материале певческих рукописей XV - XVII вв. показал как определенную зависимость таких памятников от византийских источников (наличие отдельных грецизмов, букв греческого алфавита), так и самостоятельность творчества русских *головицков* - руководителей церковных хоров и *распевщиков* - композиторов, создававших новые мелодии или местные варианты традиционных мелодических отрезков. О демократичности процесса создания новых частей музыкального целого, о знании мелодий церковных песнопений не только клиросом, но и прихожанами, свидетельствуют многочисленные жалобы на нарушение певческих канонов во время церковной службы. Но основным показателем является языковой материал. Наименования знамен, попевок, фит и т. д. создаются, как правило, на базе метафорических переносов общепотребительных слов типа *змища*, *кобылка*, *мережа*, *стрѣла*, *крюкъ*, *дуда*, *труба* и под. Заметим, что метафорические переносы - основной прием называния и в византийской нотации. Но сопоставительный анализ наименований из византийских и великорусских певческих книг показал полную самостоятельность и свободу творчества российских *распевщиков*. Пение на Руси издревле входило в систему начального обучения (сравните жития русских святых). В. Ундольский³ обнаружил похвалу *ангелоподобному пению*, *изрядному осьмигласию* уже в источниках, созданных при Ярославе Мудром. Церковные хоры состояли только из мужчин (басы и теноры) и мальчиков (альты и дисканты). Этому "художеству", входившему в цикл обучения - "семь свободных искусств" - уже в Греции, согласно указу царя Алексея Михайловича от 1660 г. обучали детей,

которые умьют грамотъ, т. е. овладели навыками чтения и письма. Возможно, что существовал и отбор, основанный на природных данных. В том же указе требуется *поставляти у церквей тѣхъ* (детей. - Л. П.) ... *с отцами*.

Центрами певческого искусства были штатные монастыри. Если отдельные церкви могли оставаться *безъ пѣнїя*, то таких сведений про монастыри мы не имеем. Крупные штатные монастыри могли привлекать талантливых молодых людей и престижем своих хоров. Монастырское сообщество - *общежитіе*, создавая корпоративную среду, способствовало изучению певческой культуры. Такие монастыри имели возможность привлекать со стороны или воспитывать собственных *головицков* - руководителей хоров и известных *распевщиков* - авторов новых мелодий, создателей местных вариантов исполнения. Так формировались певческие школы, с пиитетом упоминаемые в анализируемых рукописях: московская, соловецкая, ярославская, усольская и др.

Как показало исследование источников, к XVII в. сложились не только местные певческие школы со своими знаменитыми *распевщиками*, такими, как Христофор из Кирилло-Белозерского монастыря, Логвин из Троице-Сергиевой лавры, но выделилась и особая зона, ориентированная в целом на архаичную систему исполнения.⁴ Сравнительный анализ памятников, созданных или списанных в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях, дает возможность сделать заключение, что местные особенности певческого искусства наиболее полно проявились с начала XVII в. Они выявляются в основном не на уровне нотации (местные названия, как правило, связаны с локально ограниченными в использовании попевками), а по наличию местных вариантов исполнения. Ср.: *соловецкой распѣвъ*, *христофоровъ распѣвъ*, *путь соловецкой* и под. Эти различия фиксировались общими певческими сводами, создаваемыми в Москве, т. е. могли получить широкую известность, но обязательно с указанием авторства или места создания. Безусловно, существовали традиционные каноны исполнения церковных песнопений, знание которых было показателем профессиональной подготовки певцов и *распевщиков* из разных школ. Владение семейграфией отразилось в певческих рукописях регионального происхождения в наличии общих названий простых и сложных знаков, в единообразии знаков, которые были закреплены за определенными высотными областями (их выделялось четыре), поставленных над большинством слов и целых текстов. Здесь закономерно констатировать унифицированную роль московской певческой школы, т. к. в Москву, очевидно через Монастырский

приказ, попадали списки местных песнопений, которые обобщались в певческих сводах. С середины XVII в. царем собирались для реформы семейно-графической комиссии, члены которых были известными местными распевщиками. То есть проявившееся негативное отношение к манере исполнения на Соловках имеет не профессиональный, а идеологический характер.

Архаичность исполнения на Севере связана с традиционной для Руси опорой на басы (*1-й гласъ*) и более широким использованием низкой звуковой области, чем в центре, испытывавшем влияние украинской певческой культуры, основанной на более высоком звукоядре.

Изучение рукописей, содержащих службы Кириллу, Зосиме и Савватию или имеющих севернорусскую атрибуцию, показывает эту особенность пения. Здесь чаще, чем в источниках центра Руси, говорится о низкой высотной области и знаках, к ней относящихся: *пѣти низкимъ и тихимъ гласомъ*,⁵ ср.: *мало повыше*;⁶ *мережа нижняя*,⁷ *статия мрачная посвѣтлѣ простыя*,⁸ *мрачная*,⁹ *мережица мрачная*,¹⁰ *крыж таковое знамя поется ниско*¹¹ и под.

Попевки северной зоны могут иметь опущение на квинту “ядро” (термин М. В. Бражникова), начало (реже) или конец: *мрачночелная*,¹² ср.: *свѣтлочелная*,¹³ *мечикъ мрачноключевой*,¹⁴ *кулизма ... с упаткою*,¹⁵ *помрачную доступкою*,¹⁶ *с нискою сложитию*,¹⁷ *долина полная*, ср.: *долинка малая*¹⁸ и др.

Московские церковные деятели во времена сложных отношений с Соловецким монастырем в своих посланиях соловецким монахам укоряли последних за слишком громкое “неблагочестивое” пение. Но, по нашим наблюдениям, число попевок и их частей на Севере, в названиях которых содержится указание на силу звучания, относительно невелико: *стрѣла громная*,¹⁹ *стрѣла громогласная*,²⁰ *великимъ гласомъ*.²¹ Вероятно, этот упрек касается общей манеры звучания, и может быть, создается за счет преобладания басов.

Мы выдвигаем гипотезу, что на Соловках увеличивается число попевок и их частей, исполняемых в половину “нормативного” звучания: *полкулизмы*,²² *поклазна с полукрыжною*,²³ *полкулизмы срѣдняя*,²⁴ ср.: *недоскокъ*.²⁵

М. В. Бражников в своих работах указывает на наличие особых “связок” между отдельными попевами северян. Нам не удалось обнаружить этой особенности на лексическом уровне. Скорее, можно отметить различия темпа исполнения попевок: *просовка краткая ... та жь пространнье*,²⁶ *мережица полная ... собрно скорая*²⁷ и под. Для соловецкой манеры пения, на наш взгляд, был характерен прием исполнения одной попевки (или ее части) разными “ликама”, левым и правым, ср.: *переклич с тряскою*, *краткая с перекличкою (перекличью)*, *путик с переговором*²⁸ и др.

Распевщики, естественно, ощущали отступления от традиционного исполнения, поэтому рукописи, содержащие местные варианты, исследователи иногда называют произвольниками, ср.: *на произволѣ*,²⁹ *непостоянная*.³⁰ Отступления от традиций связаны не только с большей эмоциональностью пения, ср.: *умилная*, *слезная*, *гроза (грозная)*,³¹ *шибок с возгласкою*, *возвод с восклицкою*³² и под., но, в основном, с движением голоса по высотным зонам. Такие случаи наиболее многочисленны: *послѣднии вознось*, *затинка со сзводом*,³³ *подъемѣ с подкладкою*,³⁴ *поступки*,³⁵ *перекачи*,³⁶ *гроза с тряскою*³⁷ и под. Только в рукописях Кирилло-Белозерского монастыря или в базирующихся на них мы обнаруживаем глагольные формы, показывающие движения голоса: *стрѣлу мрачную ѣдиною вверхъ подержати*; *полукрыжною стрѣлу подержавъ опрокинути*; *повольную потряси опрокинь*; *стрѣла с подчашьем ... покачати*; *два в челну ... подержавъ выгнути*; *громную стрѣлу подержавъ да борзо толкни дващи*.³⁸

Особенностью Кирилло-Белозерских распевщиков можно считать и создание новых попевок, для которых используются региональные наименования, что не характерно для соловецких певчих.

Таким образом, с определенной степенью достоверности можно установить как общие черты, характерные для северной зоны, так и некоторые региональные различия внутри нее. Привлечение материалов из других регионов Севера будет способствовать углублению наших знаний о певческих традициях этого региона.

¹ Смоленский С. О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище, СПб., 1899;

Смоленский С. О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901; Бражников М. В. Теория древнерусской музыки. Автореф. дисс. ... доктора искусствовед. Наук. М., 1968; Бражников М. В. Статьи о древнерусской музыке. Л., 1971; Назаренко И. К. Искусство пения. М., 1960.

² Рупосова Л. П. Региональная лексика в русской музыкальной терминологии XVI в. // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении.

Смоленск: СГПИ, 1995. С. 39 - 43; Рупосова Л. П. Русская музыкальная терминология XV - XVII вв. в лексикологических описаниях и трудах // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 191 - 198.

³ Ундольский В. Библиографические разъяснения. М., 1846. С. 4.

⁴ Смоленский С. О древнерусских ... С. 4, 56.

⁵ ГПБ. К.-Б. собр. 632/889, XVII в. Л. 1 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 977 об.

- ⁸ Там же. Л. 987.
⁹ ГПБ. Сол. собр. 690/752, XVII в. Л. 6.
¹⁰ Там же. Л. 14.
¹¹ ГПБ. К.-Б. собр. 665/992. Л. 988 об.
¹² Там же. Л. 988.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Сол. собр. 690/752. Л. 1 об.
¹⁶ Там же. Л. 40 об.
¹⁷ Там же. Л. 58.
¹⁸ Там же. Л. 3 об.
¹⁹ ГПБ Q 305, XVII в. Л. 69 об.
²⁰ Там же.
²¹ К.-Б. собр. 632/889. Л. 18 об.
²² Сол. собр. 690/752. Л. 2.
²³ Там же. Л. 2 об.

- ²⁴ Q 305. Л. 61 об.
²⁵ К.-Б. собр. 665/922. Л. 978.
²⁶ Сол. собр. 690/752. Л. 38.
²⁷ Там же. Л. 14.
²⁸ Сол. собр. 690/752. Л. 6, 24 об., 25.
²⁹ К.-Б. собр. 665/922. Л. 823.
³⁰ Там же. Л. 987 об.
³¹ Сол. собр. 690/752. Л. 5 - 5 об.
³² Там же. Л. 9 - 9 об.
³³ Там же. Л. 8 об.
³⁴ Там же. Л. 2 об.
³⁵ Там же. Л. 5.
³⁶ Там же. Л. 4 об.
³⁷ Там же. Л. 5.
³⁸ К.-Б. собр. 665/922. Л. 987 - 987 об.

Г. И. Кнотько

БРАТИЯ МОСКОВСКОГО СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ В XIX ВЕКЕ

История монастырей в России XIX в., в том числе отдельных, даже наиболее крупных, изучена крайне недостаточно. Один из ее аспектов - состав монашествующих - также мало отражен в научной литературе.

В то же время сохранились архивные фонды, позволяющие изучить этот вопрос на конкретном материале. Так, в Центральном Государственном историческом архиве Москвы сохранился обширный фонд Московского Симонова монастыря за период после секуляризации до начала XX в. Древняя обитель, основанная родственником и сподвижником святого Сергия Радонежского, со дня своего основания находилась в поле внимания Великого князя Московского и патриарха Константинопольского. Из стен обители вышло несколько патриархов и множество иерархов Русской православной церкви. На период XIX в. Симонова обитель была типичным русским монастырем, хотя и из крупных.

Некоторые документы позволяют представить себе состав монашествующих на протяжении всего XIX в. Прежде всего это штатное расписание монастыря за разные годы. После проведения секуляризации церковных владений монастыри России стали подчиняться церковным штатам. Штаты устанавливали не только денежное содержание, но и количество монашествующих. В соответствии с данными за 1809 г. штат Симонова монастыря определялся тридцатью тремя иноками.¹ Мы не располагаем документом, свидетельствующим, когда этот штат был установлен, но известно, что он оставался неизменным до XX в.

Таблица 1.

Количество монашествующих Московского Симонова монастыря в конце XIX - начале XX вв.²

№№ п/п	Год	Количество монашествующих
1	1796	23 человека
2	1808	26 человек
3	1811	33 человека
4	1820	25 человек
5	1832	27 человек
6	1894	21 человек
7	1899	21 человек
8	1900	19 человек
9	1910	20 человек

Из данной таблицы видно, что общее количество монашествующих постоянно менялось. Обычно оно было близко к максимально разрешенному, но лишь один раз штат был заполнен полностью. При этом четко прослеживаются различия в штате монастыря в первой половине XIX в. и его конце. В начале века штат был почти заполнен, к концу века число монашествующих сократилось. Вероятно, здесь сказалось возрождение монастыря в начале XIX в. Он вновь на виду. Известность, крупные пожертвования. И, наоборот, в конце XIX в. монастырь находится в сложном экономическом положении. Продаются мельница, дом в Москве, часть земельных участков и, возможно,

так как о них в начале XX в. в документах монастыря не упоминается, рыбные ловли. Одновременно с этим уменьшается количество монашествующих. Дело доходит до того, что Симонову монастырю меняют штатное расписание. В 1900 г. в штате было тридцать три монаха, а в соответствии с данными 1910 г. в монастыре по штату должно быть тридцать два монашествующих, да и эти места не удавалось заполнить - в монастыре находилось девятнадцать монашествующих³ (для ознакомления с составом братии Симонова монастыря за 1808 г. смотрите приложение).

Таблица 2.

Штатное расписание Московского Симонова монастыря в 1820 г. и его реальное количество монашествующих.

Числится в Московском Симоновом монастыре	Полное число по штату	Недост. члены	Налицо состоит
Архимандрит	1	1	
Наместник	1	1	
Казначей	1	1	
Иеромонахов, из коих и ризничий оных:	8	8	в числе
Иеродьяконов	4	4	архимандрит - 1 игумен - 1
Пономарей	2	2	из коих: 1 ризничий
Просфорян	1	1	монахи
Ключник, он же и хлебник	1	1	из послушников
Чашник	1	1	из послушников
Монахов служебных и прочих рядовых	8	1	7
Больничных	5	5	
Итого:	33	26	7

Изучая штатное расписание Симонова монастыря за разные годы, можно прийти к мнению, что монастыри первого класса использовались как своего рода “школа монашества”. Постоянно не хватает большого количества монашествующих, и почти всегда это вакансии для монахов служебных и прочих рядовых. В 1820 г. в монастыре находился всего один монах в этой должности, хотя по штатному расписанию их могло быть восемь человек. Часто в монастыре таковых нет вообще. Из

просмотренных восьми дел в пяти фигурируют лишь три послушника. Лишь в 1811 г. их девять, двое из которых - “больничные”. Но из них нет ни одного, кто фигурировал бы в предыдущих послужных списках. Вероятно, послушники, пройдя хорошую школу в Симоновской обители, при постриге переводились в другие, менее значительные монастыри, на свободные вакансии, с повышением.

Это особенно бросается в глаза при сравнении со списками других монастырей: в любом третьеразрядном монастыре количество послушников в двенадцать - тринадцать человек было делом обычным. Так, например, Московский Знаменский монастырь третьего класса имел двенадцать послушников, из общего количества монашествующих в двадцать два человека. В Николаевском-Угрешском монастыре третьего класса было четырнадцать послушников, а Коломенский Троицкий Новоголутвин монастырь второго класса имел тридцать восемь послушников.⁵

Из имеющихся в наличии штатных расписаний видна еще одна особенность Симонова монастыря. Это возраст монашествующих. Отсутствие несовершеннолетних связано с запретом на постриг для мужчин до тридцати лет, а для женщин до сорока, хотя на практике допускались отступления.⁶ Существует дело некоего Соловьева И. Ф., по которому в 1795 г. сын дьякона сельской церкви ученик Славяно-Греко-Латинской академии восемнадцати лет дважды подавал заявление о постриге и дважды получал отказ. Причина заключалась исключительно в его молодости. Московская Синодальная Контора подозревает его в стремлении укрыться в монастыре.⁷ От чего именно укрыться - сказать сложно; может быть речь идет об уклонении от какой-либо повинности. В монастыре присутствуют, в основном, монахи среднего возраста. Подавляющее большинство из них никаких хозяйственных работ не ведет, только исполняет церковные службы. Основным, если не единственным, источником пополнения штата Симонова монастыря был перевод из других монастырей. Так, в послужном списке за 1899 г. фигурируют шестнадцать губерний, откуда прибыл двадцать один монашествующий. Это Московская губерния - три человека, Тульская губерния - три человека, а также по одному человеку представляли Рязанская, Могилевская, Костромская, Санкт-Петербургская, Владимирская, Казанская, Смоленская, Черниговская, Самарская, Тамбовская, Курская, Вологодская губернии. Место рождения еще двоих монашествующих из данного дела не видно. Практически отсутствуют монахи, постриженные в самой Симоновой обители. Для примера можно привести данные за 1910 г.

Изменения в штате Московского Симонова монастыря.⁸

Монашествующее духовенство											
Род перемен	архимандрит		игумен		иеромонах		иеродьякон		монах	послушник	
	ученый	неученый	ученый	неученый	ученый	неученый	ученый	неученый			
Вновь произведено	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Пострижено	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Вновь определено	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Исключено из духовенства	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

Почти прекратившиеся постриги в самой обители вероятно вызваны целями, стоящими перед монастырем высокого ранга: воспитание руководящих кадров для церкви. Количество переведенных монахов примерно 90%. Об особом значении Симоновой обители говорят и такие категории, как сословная принадлежность и образовательный уровень лиц, поступивших в монастырь.

Тут наблюдаются изменения с течением времени. В пореформенный период количество монашествующих из дворян и купечества резко уменьшилось, зато увеличилось количество крестьян в монастыре. Ранее им требовалось получить разрешение своего господина, что делало почти невозможным монашескую жизнь. В то же время ухудшение экономического положения монастыря не

Таблица 4.

Сословное происхождение монашествующих Симонова монастыря за 1832 и 1894 гг.⁹

№№ п/п	Сословное происхождение монашествующих	1832		1894	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	Дворяне	4	13	1	5
2	Духовенство	8	36	6	35
3	Мещане	4	13	3	10
4	Купцы	4	13	1	5
5	Крестьяне	2	7	5	25
6	Другие	5	21	4	20
7	Всего:	27	100	20	100

привлекало дворянство. Монашеская жизнь перестает быть престижной. Но даже несмотря на столь заметные перемены предпочтительнее многих других московских обителей.

Так, например, Московский Данилов монастырь третьего класса в 1910 г. имел двадцать два инока. Из них семнадцать происходили из крестьян, а пять из лиц духовного звания и мещан. Представителей дворян и купечества нет вообще.¹⁰ Учитывая значительное количество поступивших в монастырь из числа духовенства и мещанства, можно предположить, что образовательный уровень братии монастыря был весьма высок.

В соответствии со своим саном и должностью все монашествующие имели определенные обязанности. Об этом говорится в «Правилах Московского ставропигиального

Симонова монастыря...» за 1866 г.¹¹ Так, должность наместника обязывала его наблюдать за церковными службами, присутствием монашествующих на службе, за одеянием монахов. Манатейные монахи были должны носить мантию, а рясофорные только рясу. На нем же лежала обязанность наблюдать за общением монахов и мирских, а также наблюдение за личной жизнью монахов. Монахам запрещалось брать пищу в келью, собираться в кельях, принимать гостей без разрешения.

Казначей занимался сбором денег с домов, сдаваемых в аренду, и земель. Собирал деньги, поступавшие с кружечного сбора. Распоряжался личными деньгами монахов: покупал на них вещи для нужд братии, часть денег выдавал монашествующим на руки. Он же распоряжался служителями и рабочими, наблюдал за топкой печи,

закупкой продуктов и дров. Ремонт помещений, выдача инструментов тоже были в его ведении. Даже надсмотр за транспортными средствами и их использованием находился в ведении казначея.

Благочинный играл руководящую роль в монастыре. В отсутствии настоятеля замещал его. Наблюдал за ходом ведения служб, очередностью служб монахов, братской трапезой. В его обязанности входило посещение келий по указанию наместника. В обязанности ризничего входило наблюдение за пономарями, обязанными зажигать свечи и чистить лампы, украшение икон в праздники. В его распоряжении находились ключи от храмов. Он же обязан был вписывать в синодик и таблицы имен за

здравие и упокой, а также получать за это деньги.

Таковы обязанности руководящих чинов монастыря. Простой же монашествующий должен “исусовою молитвою охранять ум от лукавых помыслов и сердце от злых похотей...” Монах должен любить келейное безмолвие, иметь послушание к настоятелю и иметь кротость и смирение духа.

Таким образом, несмотря на все перемены, происшедшие в жизни России в XIX в., состав монастырской братии оставался достаточно стабильным. На протяжении всего периода большую роль в ней играли монашествующие высокого сана, что было обусловлено достаточно высоким авторитетом обители.

Приложение.

Братия Симонова монастыря за 1808 г.^{1,2}

№№ п/п	Звание, имя	Возраст	Исполняемая должность
1	Иеромонах Иоанн	59	Настоятель
2	Иеромонах Иосиф	44	Наместник
3	Иеромонах Зосима	48	Казначей
4	Иеродьякон Варлаам	46	Ризничий
5	Архимандрит ^{1,3} Парфений	48	Состоит на вакансии иеромонаха, должности нет из-за болезни
6	Игумен ^{1,4} Ионафан	70	Состоит на вакансии иеромонаха, должности нет из-за болезни
7	Иеромонах Дамаскин	53	Отправляют по очередности службу и исправляют церковное пение и чтение
8	Иеромонах Ефрем	39	
9	Иеромонах Гурий	39	
10	Иеромонах Иона	58	Отправляют церковное служение
11	Иеромонах Моисей	46	
12	Иеромонах Митрофан	58	
13	Иеродьякон Филагрий	47	Участвуют в священнослужении и чтении
14	Иеродьякон Мелхиседек	44	
15	Иеродьякон Феоктист	38	Участвует в священнослужении
Состоящие на монашествующей вакансии:			
16	Иеромонах Анатолий	50	Участвует в пении и чтении
17	Феодорит	33	Пономарь
18	Даниил	42	Пономарь
Послушники			
19	Иван Климов	26	Просфоряк
20	Козьма Иванов	21	Ключник
21	Иван Дмитриев	24	Чашник - только прибыл из Вязниковского Благовещенского монастыря
Больничные			
22	Иеромонах Алексей	86	За старостью и слепотою, другими болезнями состоят на больничных вакансиях
23	Монах Ионафан слепой	54	
24	Монах Дормедонт слепой	89	
25	Послушник Василий Дмитриев слепой	32	
26	Послушник Мартин Афанасьев	74	

Убыло из Симонова монастыря за год:

Имя	Куда убыл
Иеромонах Виссарион	Для определения на настоятельское место
Иеромонах Дмитрий	В Санкт-Петербургскую епархию
Монах Нифонт	В Донской монастырь
Послушник Григорий Кондратьев	Уволен за пьянство
Послушник Максим Андреев	Отпущен в мир
Монах Исаак	Умер
Монах Никифор	Умер

¹ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 127.

² ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 46, 127, 196, 270, 672, 785, 810, 978, 1115.

³ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 978.

⁵ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 415, 435, 481.

⁶ Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX - начале XX в. // Acta Slavica Iaponica Tomus XIII, 1995 Sapporo, Japan. С. 112.

⁷ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 - 4.

⁸ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 978. Л. 1.

⁹ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 270, 672.

¹⁰ Памятники Отечества. 1992. №№ 2 - 3. С. 110.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 315.

¹² ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 127. Л. 1 - 4.

¹³ Архимандрит Парфений и игумен Ионафан вероятно возглавляли в свое время другие монастыри. В Симоновом Московском монастыре оказались в связи с болезнью, но церковные власти, видимо, рассчитывали на их возвращение к активной деятельности в каком-либо монастыре. Поэтому здесь им предоставили вакансию иеромонаха, а не вакансию больничного монаха, которую занимали пожилые и тяжелобольные монашествующие.

¹⁴ См. сноску 13.

В. Ф. Козлов

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СУДЬБАХ МОНАСТЫРЕЙ РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Комплексное исследование монастырей предусматривает их изучение с археологической, архитектурной, архивной сторон. Археологическое и архитектурное исследования имеют особо важное значение при работе над средневековыми памятниками, о которых сохранилось очень немного документальных свидетельств раннего периода. Изучение же и анализ печатных и неопубликованных архивных источников приобретает особо важное значение с XVIII в., когда устанавливаются традиции ведения делопроизводственной документации монастырей и публикация различных материалов о них.

Монастырское делопроизводство фиксировало земельные владения обители, ее доходную и расходную стороны, изменения в церковном имуществе, ремонт и постройку культовых и хозяйственных зданий, организацию благотворительности, рост монастырского некрополя, взаимоотношения с центральными и местными духовными властями и т. д. Каждый монастырь имел свой архив. Но, даже если монастырский архив исчез или сильно пострадал в годы революции, то по косвенным документам в фондах местной духовной консистории, Святейшего Синода, губернской управы, материалам в церковной

и светской периодике можно составить весьма удовлетворительное историческое описание монастыря.

Ситуация в корне изменилась в первые годы советской власти, когда монастыри в силу известных декретов были упразднены. Прекратили свое существование и старые органы церковного управления. Сформировавшиеся ранее монастырские архивы передавались в губернские архивы. Монастырские здания занимались под рабочие поселки, больницы, приюты, военные части, артели, совхозы, редко под музеи. Как правило, по 1929 - 1930 гг. в бывших обителях сохранялись преобразованные в приходские монастырские храмы, однако делопроизводство в них ограничивалось ведением документации метрического, клирового и финансового характера.

Документальные сведения о самом драматическом периоде в истории отечественных монастырей 1920 - 1930-х гг. следует искать в первую очередь в фондах государственных организаций и учреждений, контролировавших деятельность и закрытие монастырей и церквей, а также осуществлявших учет, контроль и реставрацию их как памятников искусства и старины.¹ Центральными организациями такого характера в 1920 - 1930-е гг.

только в Москве было до десятка. Почти все они имели в губерниях низовую сеть своих учреждений. Для поиска материалов об их деятельности следует охарактеризовать основные системы таких учреждений, указать на местонахождение их архивных фондов. Такие знания помогут собрать материал для истории монастырей в трагические 1920 - 1930-е гг.

В первую очередь следует обозначить материалы учреждений и властных органов, по сути дела формировавших политику государства в отношении к церкви и ее святыням. Нормативная документация о закрытии, передаче и сносе монастырей и церквей находится в фондах центральных и местных органов власти - президиумах ВЦИК (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 1235), ЦИК автономных республик, облсоветов, горсоветов, райсоветов.² Протоколы этих учреждений позволяют увидеть динамику национализации монастырей в городах и селах, драматические судьбы церковного имущества.

Гораздо более обильный материал дают фонды учреждений, в чьи функции входил контроль за использованием монастырского имущества, передача монастырских зданий различным организациям, подготовка вопросов ликвидации действующих храмов, перемещение церковного имущества в музеи или на утилизацию.

Эти подразделения местных органов власти носили различные названия: административные отделы, отделы управления, церковные отделы или столы и т. д. Внутри них заводились дела на каждый храм и скрупулезно, год за годом собирались документы об использовании зданий, движимом имуществе, сведения о церковнослужителях, деятельности церковных советов, об обстоятельствах закрытия храмов и передаче церковного имущества. При изучении судеб монастырей России нельзя обойти вниманием и органы Наркомата Юстиции в центре (в виде т. н. Ликвидационного отдела) и на местах - отделы юстиции, которые следили за исполнением декретов, в т. ч. и направленных против Церкви. В архивных делах этого ведомства в центре и на местах сосредоточены материалы по ликвидации монастырей как институтов, массового вскрытия мощей, ареста монахов и др.

В материалах Ликвидационного отдела Наркомюста (ГАРФ. Ф. 353) хранятся документы о закрытии подмосковных Троице-Сергиевой Лавры, Иосифо-Волоколамского, Николо-Перервинского монастырей, обителей Рязанской, Смоленской, Тульской, Вологодской, Костромской и других губерний...

В апреле 1929 г. было принято новой законодательство в религиозной области, значительно упростившее процедуру закрытия приходских (в том числе бывших монастырских) храмов.

Дел по ликвидации храмов стало так много, что при президиумах почти всех крупных облисполкомов, крайисполкомов, республиканских автономных ЦИК и ВЦИК (ГАРФ. Ф. 5263) были созданы Постоянные комиссии по делам культов (культовые комиссии), решавшие до 1935 - 37 гг. все вопросы по закрытию храмов, рассмотрению жалоб верующих. В делах этих комиссий еще встречаются документы о закрытии последних сельских монастырских церквей (городские монастырские к тому времени были практически все ликвидированы).

Вышеназванные учреждения административных органов, президиумов местных советов, Наркомата Юстиции фиксировали преимущественно политическую сторону дела и подробнейшим образом состояние церковного имущества: от икон и богослужебных сосудов до колоколов, церковной мебели, ковров и проч. Для изучения историко-художественной стороны темы представляют интерес содержащиеся в этих фондах акты и заключения музейных работников, описывавших в первые годы Советской власти церковные памятники музейного значения и изымавшие их в музеи при ликвидации храмов.

При комплексном изучении истории монастырей в советский период немаловажное значение имеют сведения о состоянии недвижимых памятников монастырей - храмов, колоколен, стен, жилых и хозяйственных помещений. Многие из них, будучи национализированными, поступали в распоряжение местных отделов благоустройства. Просмотр материалов фондов этих отделов местных советов дает обильный материал как по состоянию и заселению монастырских зданий, так и по обстоятельствам и мотивам их перестройки и разборки. Устройство парков, скверов, рабочих поселков в монастырях, снос монастырских стен, колоколен - все это прямо или косвенно отражено в документах коммунальных подразделений местных советов.

Другую большую группу архивных фондов, представляющих значительный интерес для изучения истории российских монастырей в 1920 - 1930-е гг. и после, составляют материалы организаций и учреждений, занимавшихся учетом и охраной памятников. В довоенное время этими вопросами занимались Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР, Центральные Государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), их подразделения на местах - секции, подотделы, комитеты по охране памятников, отделы народного образования, губернские музеи и др. Если местные административные органы занимались вопросами всех монастырей, то органы охраны памятников только теми из них, которые были взяты на учет как памятники, в соответствии, конечно, с критериями того времени. Под охрану и наблюдение

эти учреждения брали монастыри, имевшие, как правило, архитектурные памятники XVI - XVIII вв. и цельные монастырские ансамбли, в которых устраивались музеи. Вопросами сохранения, реставрации и музеефикации наиболее значимых в историко-художественном отношении монастырей занимался Наркомпрос РСФСР, документы которого по рассматриваемой теме хранятся в фондах 2306 и 2307 Государственного архива Российской Федерации. Очень важная часть документации Музейного отдела за 1918 - 1929-е гг. сосредоточена в коллекции по музейному строительству в РСФСР (фонд № 54) в ОПИ ГИМ. Материалы коллекции представляют собой в основном переписку подотдела провинциальных музеев музейного отдела с местными органами охраны памятников, поэтому среди региональных комплексов можно найти ценные источники о судьбах многих десятков русских монастырей. Документы этого фонда представляют особый интерес в случаях, когда на местах не сохранились комплексы материалов о деятельности губернских органов по руководству музейным делом и охраной памятников. В любом случае, в областных архивах в фондах отделов народного образования, краеведческих музеев и научных обществ можно найти немало документов и о местных обителях.

Музейный отдел при Наркомпросе и его подразделения, а также краеведческие общества просуществовали до 1929 - 1930-х гг.

С 1918 по 1934 г. изучением и охраной памятников искусства и старины в Советской России активно занимались Центральные государственные реставрационные мастерские. Документы мастерских, хранящиеся в ЦИАМ (фонд Р-1) объединены в региональные блоки, что позволяет легко по описи найти сведения о местном памятнике. В протоколах заседаний архитектурной секции ЦГРМ, особых делах можно найти сведения (акты

осмотра, заключения, резолюции, переписка с властями) по наиболее известным монастырям Москвы, Подмосковья, Владимирской, Смоленской, Калужской, Брянской, Костромской, Ярославской и др. губерний. Фонд ЦГРМ служит важным источником для научных статей и обзоров о судьбах церковных памятников.³ Обширный фонд фотофиксации сотрудниками мастерских церквей и монастырей оказался в музее архитектуры им. А. В. Щусева.⁴ В том же музее находятся архитектурные паспорта 1930 - 1950-х гг., составленные в том числе и на монастырские здания. Кстати, исторические справки и сведения о состоянии монастырских памятников можно найти в архивах и фондах современных организаций, занимающихся учетом, охраной и паспортизацией различных видов памятников истории и культуры. (Управления по охране памятников при местных органах власти, отделения ВООП, научно-реставрационные и архитектурно-проектные мастерские и др.).

При поисках материалов по истории монастырей в советский период следует просматривать личные фонды, особенно краеведов, архитекторов, реставраторов, документальные и изобразительные фонды музейных коллекций и т. д. Знание механизма выявления архивных источников по истории монастырей после 1917 г., а также печатных материалов, несомненно поможет созданию комплексных исторических описаний подавляющего числа монастырей России. Лишь составив подобный полный свод, мы сможем сказать о масштабах и динамике национализации монастырей, мотивы и обстоятельства утраты их памятников, объеме навсегда утраченных или переданных музеям духовных и художественно-исторических ценностей. Наконец, архивные документы могут стать ценнейшим источником и для поиска судеб монашествующих, и помочь процессу нынешнего возрождения православных обителей.

---

¹ Известную пользу для поисков материалов по рассматриваемой проблеме может оказать обзор: Козлов В. Ф. Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917 - 1930 гг. (по материалам московских архивов и музеев) // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 40 - 54.

² Хронике ликвидации монастырских храмов Москвы и Подмосковья в 1918 - 1930-х гг. можно, например, проследить по фондам президиумов Моссовета и Мособлисполкома (Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. Р-150; Центральный Государственный архив

Московской области. Ф. 66).

³ Козлов В. Ф. Судьбы памятников архитектурной старины в 1920 - 1930-х годов (по протоколам ЦГРМ) // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1992; Козлов В. Ф. Музеи-монастыри в Советской России // Мир источниковедения. М., 1995.

⁴ К сожалению, тысячи негативов и фотографий монастырских памятников, сделанных с конца XIX в. по 1930-е гг. недавно перемещены из филиала Донского монастыря в основное музейное здание и пока недоступны исследователям.

**У НАЧАЛА РУССКОГО МОНАШЕСТВА:
СВ. ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ НА ПУТИ ИЗ КУРСКА В КИЕВ
(УТОЧНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ)**

При изучении предпосылок и начала отечественного монашества и многих других проблем истории древней Руси несомненно важное место занимает “Житие Феодосия Печерского”. Этот агиографический памятник имеет богатую историографию. Однако по меньшей мере два существенных вопроса хронологического плана оставались при его экзегезе не решены. Эти вопросы взаимосвязаны: когда родился будущий святой, и в каком возрасте он покинул город своих детства и юности - Курск и перебрался на монашество в Киев?

Если учесть, что первое упоминание южнорусского Курска в письменности дает как раз Феодосиево “Житие”, то по принятому обыкновению так устанавливая условную дату юбилея старинного города курянам необходимо удостовериться в надежности обсуждаемой датировки прежде, чем отмечать его вожделенные властями и краеведами тысячелетие.

Приводимые в литературе даты рождения Феодосия располагаются между 1035 и 1038 гг. Они никак не объясняются, сопровождаясь вопросительными знаками или осторожными пометками “около”. Вот кончина блаженного согласно датирована ПВЛ и “Житием” 1074 г. Но именно возраст этого святого, третьего по счету РПЦ, остался нам неизвестен: упоминаемый Устюжской летописью восьмидесятидвухлетний срок его жизни явно произвольно домыслен поздним летописцем. Между тем, в древнейшей, “Успенского сборника”, редакции памятника находятся необходимые для требующегося расчета временные индикаторы. А именно: там внятно сказано, что в момент кончины отца “было же тогда божественному Феодосию тринадцать лет”. После кончины родителя юноша провел в Курске еще “лет двенадцать или более”. Сложив тринадцать и двенадцать (с чем-то) лет, получим двадцатипятилетний (или больше) возраст появления его в Киеве.¹

Попробуем датировать данное событие. Оно не могло состояться раньше 1051 г., когда предшественник нашего отрока по пещерному монашеству, “великий Антоний”, занял “пещерку”, выкопанную на одной из киевских гор Илларионом, ставшим первым русским по национальности митрополитом Киевской державы. И не позднее 1054 г. - когда с вокняжением на киевском столе Изяслава, “собралось к Антонию братии числом 12, и ископали пещеру великую, и церковь, и келии...”. Теперь возьмем правдоподобную дату пострижения Феодосия в киево-печерские монахи - 1052/53 гг., отнимем от нее тогдашний возраст его - двадцать шесть примерно лет, и получим 1026/27 г. - ориентировочно - год рождения “божественного отрока”.

164

К уточненной таким образом дате позволительно приплюсовать те шесть или семь лет, какие считались подходящим возрастом обучения грамоте наследника зажиточной древнерусской семьи - чем Феодосий был занят вскоре после перевода его родителей из-под Киева в Курск по повелению князя. 1026/27 + 6 или 7 = 1032 - 34 гг. Этим промежутком позволительно датировать первое упоминание города Курска в письменных источниках. Поскольку такой развитый, согласно древнерусским меркам город, каким Курск описан в начале Феодосиева “Жития”, не построить разом, то косвенным образом можно отнести его основание в качестве заметного центра экономики, политики и культуры древней Руси к концу X - началу XI вв.² Раскопками В. В. Енукова уже обнаружены следы домонгольского Курска как раз Феодосиева времени - примерно середины XI в. (часть рва и бревенчатого частокола с дощатым въездом в курский детинец).³

Утвердившаяся с легкой руки А. К. Зайцева⁴ в литературе вопроса⁵ предположение, что упомянутый переезд Феодосиева семейства из Василева в Курск не мог якобы состояться ранее 1036 г., когда Русь после кончины Мстислава воссоединилась под началом его старшего брата Ярослава Мудрого, не представляется мне основательным. Согласно аргументированному П. П. Толочко и другими авторами заключению, граница по Днепру между владениями Ярослава и Мстислава, установленная после битвы при Листвене в 1024 г., оставалась вполне “прозрачной”, не привела к образованию новых государственных структур на территории Руси.⁶ Уже с 1026 г. князья-братья, согласно ПВЛ, “начали жить мирно и в братолюбии”, провели совместный поход на Польшу и, следовательно, вполне могли обмениваться своими представителями, одним из которых на Левобережье и стал отец Феодосия. Косвенным подтверждением сказанному могут служить находки западнославянских вещей XI в. в культурном слое курских городищ, что допустимо “предположительно связывать с помещением здесь в 1031 г. пленных поляков”.⁷

Некоторые авторы⁸ доверяют сообщениям позднейших редакций Феодосиева “Жития”, где говорится всего о “двух letech или более” усиленного подвижничества осиротевшего в тринадцатилетнем возрасте “богоданного отрока” на курской земле. Соответственно, до пятнадцати - семнадцатилетнего возраста омолаживается сбежавший от “злой матери” на киевское монашество недавний курянин. Я склонен объяснять такой вариант датировки опиской переписчиков Кассиановских редакций “Жития”.

Формула “два и десять лет или более” из древнейшего протографа - “Успенского сборника” конца XII - начала XIII вв. оказалась при скорописи произвольно утрачена.

В переписке со мной О. В. Творогов допускает, что “настойчивое именование Нестором своего повзрослевшего героя “отроком” просто искусственное, с литературными целями “омоложение” Феодосия. Пример тому - “Житие Бориса и Глеба”, где Глеб изображен совсем юным (и это подтверждается в его плаче), тогда как ему было по меньшей мере двадцать восемь - двадцать девять лет, “это был зрелый муж...”⁹ Добавим к этому социальные значения древнерусского слова “отрок”, все без исключения подходящие к Феодосию курского периода: младший дружинник (каким его мечтали видеть родители); слуга (в роли которого он

выступал на пирах курского властелина); работник в доме (чем он занимался до побега из семьи); вообще неженатый, без права голоса на совете “мужей” соплеменник (каким Феодосий и остался, перейдя прямо в статус “старцев”).

Возможно привести и целый ряд других, хотя и косвенных, поневоле гипотетических соображений и свидетельств письменных и археологических источников в пользу именно начала 1030-х гг. как времени первого упоминания древнерусского Курска в современной ему литературе и, соответственно, появления в ней же интересующего нас героя - Феодосия Печерского. Искомые детали делают образ этого основоположника отечественного монашества еще более выразительным и реалистичным.

¹ См.: Яковлев В. А. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875. С. 37.

² См.: Моргунов Ю. Ю., Щавелев С. П. “Курск на Тускорь”: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии (в печати).

³ См.: Енуков В. В. “Курск и с Посемьем” // Слов’яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернівці, 1995.

⁴ См.: Древнерусские княжества X - XIII вв. М., 1975. С. 60.

⁵ См.: Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 229.

⁶ См.: Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 79.

⁷ Рыбаков Б. А. Курская область. Гочевское городище // Рукописный архив ИММК (СПб.). Ф. 35. Оп. 1937 г. Д. 239. Л. 8.

⁸ См.: Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901. С. 12 - 13; Склярук В. И. К биографии Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 320 - 323.

⁹ Творогов О. В. - Щавелеву С. П. 22.XII/ 1992 г. (архив автора).

А. А. Опарина

**ГРЕЧЕСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ
(СИНАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ В ДРЕВНЕРУССКИХ ХОЖДЕНИЯХ ПАЛОМНИКОВ
XV - XVII ВЕКОВ)**

В эпоху средневековья представления одного народа о другом во многом обуславливались спецификой вероисповедания; отношение человека Древней Руси к “иноплеменцам” большей частью опиралось на христианско-этические критерии оценки их веры и благочестия, а не на светское знание исторического развития страны и занимаемого ею географического пространства. Дифференциация мнений древнерусского человека об “ином” земном пространстве и населявших его “чуждых” ему людей всецело подчинялась характерной для той эпохи оппозиции религиозно-морального плана: святость (праведность, честность) православных стран противопоставлялась греховности (“неверности”, “проказе”) “поганых” земель, принявших иную веру или признанных еретическими.

Эта идея наглядно проявлялась в отношениях Древней Руси с греками, строившимися главным образом на разрешении противоречий и удовлетворении обоюдных притязаний в вопросах церковно-религиозного характера. Исторические условия разных эпох становились той движущей силой, под напором которой менялся выстроенный в сознании древнерусского человека образ греческого народа, греческой православной церкви и духовенства: от признания за Византией роли религиозного центра до мысли о греческой вере,

“испроказившейся” под действием союза с католической церковью и зависимо от мусульман-турок положения.

Вне зависимости от перипетий истории, в культуре Древней Руси с “летописных” времен образ Восточного Средиземноморья ассоциировался прежде всего с неким сакральным пространством, сосредоточившим “Святые земли”, отмеченные древней традицией почитания. Восток для христиан прежде всего был освящен памятью о событиях Ветхозаветной и Новозаветной истории “праведных” земель, где “походи Господь наш Иисус Христос и Пресвятая Богородица”. Пространственное представление о “Богoproходных” землях складывалось общей частью благодаря чтению хождений, чьим назначением было доступное и правдивое повествование о том, “коликo есть мест поклонных” во Святой земле. Жанру хождений принадлежит честь в создании многозначного образа “Святых земель”.

Иллюстрацией данных утверждений может послужить конкретный анализ отношения русской церкви к греческим православным обителям на Востоке. Мы рассмотрим эту проблему на примере Синайского монастыря, образ которого неоднократно возникал в русской паломнической литературе XV - XVII вв.

Синайский монастырь расположен в южной части Синайского полуострова, на скалистом горном массиве, изрезанном узкими безводными ущельями. Первые обитатели Синайских гор появились здесь во времена христианских гонений римского императора Диоклетиана (303 - 304 гг.). С IV в. Синай, где поселилось множество египетских христианских аскетов, признается одним из значительных и почитаемых церковью центров монашества. Монастырь на Синае заложен во времена царствования императора Юстиниана (526 - 527 гг.). Годом основания монастыря считается 527 г., а на Вселенском Соборе 553 г. Синайскую обитель почтили достоинством епископии и освятили ее главный храм. В истории христианского Востока, испытавшего мощную мусульманскую экспансию, Синайская обитель оставалась незыблемым островом христианского вероучения. Ни погромы местных кочевых племен арабов, ни походы крестоносцев и османских султанов, сопровождавшихся запустением и уничтожением многих других православных монастырей, не коснулись Синайского монастыря. Более того, ни одна из многочисленных обителей православного Востока не почиталась такой цветущей и богатой, как Синай; постоянное покровительство со стороны церковных иерархов и правительств христианских государств выручало синаитов, живших за счет подаваний и пожертвований.

Не минула ее и “щедрая десница” Руси, которая с конца XV в. постоянно оказывала материальную поддержку обители, посылая царскую и митрополичью милостыню. В глазах христианина Синайская обитель, строго сохранявшая заповеди и законы своего сурового монашеского общежития и упорно противостоявшая “иноверию”, становится олицетворением “чистого” православия, незапятнанного связью ни с так называемыми “ересью латынской”, ни с “прелестью махметовой”. Восторженное отношение на Руси к этой греческой обители объяснялось существованием на Руси идеи “чистого православия”, сохранившегося лишь в Московском царстве и избранных восточных монастырях, в том числе и на Синае.

Помимо объективных, обусловленных исторически сложившимися условиями и обстоятельствами, причин почитания Синайской обители, немалую роль играет ее “священная” история, связанная, в основном, с сюжетом ветхозаветным. Не случайно постоянным эпитетом, закрепившемся за этой землей, стал эпитет “Богосшествный”, ибо христианские предания гласят, что именно на Синае Господь явился пророку Моисею, окликнув его из тернового куста, объятого пламенем, здесь Бог объявил свое имя и свою волю, а Моисей получил от него закон - “десятисловие”: заповеди и повеления о регулировании поведения человека пред Господом, а также частные предписания ритуального, морального и

юридического свойства. Судя по легендам, Синай в христианской традиции представляется как место Божьего законодательства, источник руководств к жизни истинного христианина. Последующее существование Синайской обители лишь придавало в глазах православных крепость утверждениям Священной истории и наделялось особым сакральным смыслом. Подобное стереотипное восприятие укрепилось в отношении Синайского монастыря и на Руси.

Первым из русских паломников, обратившихся к описанию Синая и Синайского монастыря, был инок Варсонофий, совершивший “хождение” в Египет и на Синай в 1461 - 1462 гг. “Хождение странническое смиренного священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму” примечательно тем, что в нем впервые появился образ суровой монашеской обители, впечатляющей сознание русского человека своей отдаленной уединенностью и значительной древностью своего прошлого. В записках Варсонофия довольно точно отразилось актуальное для той эпохи восприятие на Руси греческого православия как достойного подражания в богословских и религиозно-культурных вопросах и та доля уважения, которую принято питать по отношению к властвующему учителю. Религиозный писатель стремился нарисовать в сознании читателей тот образ Синайской земли с ее православными обителями, который бы наиболее полно соответствовал представлению о “Богосшествном” месте и его богатой христианско-легендарной истории. Синай (подобно центральному в паломнической литературе и более широкому образу “Святой земли”) познается и воспринимается паломником двояко: как некая известная географическая реальность, имеющая точные земные границы, и в то же время как пространственный, временной, христианско-этический символ. Вторая, упомянутая, сторона этого образа - символично-легендарная - превалирует в описании Варсонофия.

Реальная информация “Хождения”, касающаяся Синайской земли, ее географических, топографических, этнографических особенностей, скудна и достаточно избирательна. В изображении достоверного плана действительности “Хождение” Варсонофия следует привычному для паломнической литературы принципу избирательности объектов поэтизации, повествование о паломничестве по Святым землям предполагает описание памятников и мест исключительно религиозного характера: монастырей, церквей, часовен и хранящихся в них храмовых святынь: чудотворных икон, “живописных крестов”, “нетленных мощей” - вечных свидетельств “чудес во очию и до зде совершающихся”. У Варсонофия в описании Синая нет ни единого случая использования сведений, выходящих за рамки упомянутого принципа: в центре описания гора

“Хоривская”, гора Св. Екатерины, “высокая гора Синайская”, главный Синайский храм Преображения Господня, Синайский монастырь, его положение и устройство, церкви в окрестностях монастыря. Подробность и точность описаний Варсонофия считаются образцовыми в западноевропейской и русской паломнической литературе. Текстовые цитаты подтверждают утверждение о педантичном внимании этого паломника к правдивости и буквальной точности изображения: *“Святая же гора Синайская стоит отдала монастыря болши дву стрельбищ...”, “святой же монастырь Синайский огражден четырьмя стенами каменными высоко; врата железныя трои... Всех же келей калугерских тысяща...”, “И видех камень, из него же течет вода ударением жезла Моисеева. Высота камню 12 пядей, а ширина его 24 пяди...”* и т. п.

Значительно и обращение инока-паломника к обычаям монастыря, к деталям культовой практики греков у почитаемых святынь Синая: *“И вверху того камня престол святой, на нем служат святую литургию... и всякий человек входит в ту святую церковь изувся сапоги. Аще ли забытием ума увидет в церковь не изувся, да и имеет опитимью 3 годы босу ходити”*. Данное описание заслуживает внимания в отношении двух интересных для нас моментов: как источник реальных сведений о подробностях службы в Синайском монастыре, о специфичном обычае греков-синаитов налагать епитимью за нарушение правила разуваться при входе в собор Неопалимой Купины, кроме того о многом говорит само обращение именно к этому обряду, поскольку он является точной копией тех культовых действий, что по ветхозаветной легенде совершил пред Неопалимой Купиной пророк Моисей. Передавая это предание, древнерусский паломник подчеркнул благочестие “богоизбранных” старцев-синаитов, соблюдающих в точности древние традиции и сохраняющих стародавние устои.

Варсонофий, современник падения Константинополя и Ферраро-Флорентийской унии, “испроказивших” византийское православие, продолжал работать в давней русской традиции, для которой было привычно уважительное отношение к греческой церкви и духовенству, благоговение пред восточным монашеством. С этим связана поэтизация Синая и греческих иноков, живущих в обители, представлявшейся твердыней христианства на Востоке. Изображение в “Хождении” Варсонофия Синая и его духовного центра - монастыря - в большей степени как некоего сакрального пространства подтверждается целым набором преданий Ветхого и Нового завета, которыми пронизан весь текст, посвященный Синайской горе. В этом проявляется суть мифологического восприятия восточных земель, превалирующего над историко-географическим: сознание паломника устремлено ко времени библейскому и евангельскому, настоящее, современное для него

становится малосущественным. По древней традиции пребывание в Святых местах Востока ощущалось русским “хожалым” человеком не просто как праздное созерцание, а как переживание священных сюжетов, что, в свою очередь, приравнивалось по духовной значимости к нравственному очищению. Реальные земли паломник-описатель обзрывает как бы сквозь призму Библии, постоянно сверяя названия маршрутных пунктов, свои впечатления о них с широко известной топонимикой Библии, Евангелий и апокрифов. “Хождение” Варсонофия изобилует краткими замечаниями и более основательными рассказами о событиях, связанных с христианской историей Синая, а также позднейшими синайскими сказаниями. Это и легенды о святом камне у горы Хоривской, *“под ним же стоя святой пророк Моисей и видех Бога зданного”*, и сказание об явленной Моисею Неопалимой Купине, и два предания местного происхождения: о нахождении на “горе велми высокой” мощей святой Екатерины и об явлении старцам Синайского монастыря Пречистой Богородицы.

Таким образом, вышеприведенные примеры доказывают, что символический пласт в описании Синайской обители и ее окрестностей представлен в полной мере. “Хождение” Варсонофия, будучи первым повествованием о христианском центре Синая, являет собой каноническое сочинение паломнического жанра как в отражении неомраченного современными историческими условиями восприятия в Древней Руси греческой православной церкви, руководительницы и наставницы русской в вопросах следования древним традициям в области богословия и богослужебной практики, так и в создании образа Святой Синайской земли.

В XVI в. описание Синайской обители содержится в “Хождении купца Василия Познякава по святым местам Востока” и в “Хождении купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока”. Свое путешествие по Восточному Средиземноморью купец Василий Позняков совершил в 1558 - 1561 гг. в составе посольства с денежными средствами и грамотой для православных властей Синая, а спустя четверть века состоялось еще одно паломничество в Синайский монастырь: в 1582 - 1583 гг. там побывал с царским поручением Трифон Коробейников. “Хождение” последнего паломника представляет собой компилятивный памятник, использовавший в качестве литературного образца Позняковское “Хождение”, Коробейников почти буквально воспроизводит описание Синая, сделанное Позняковым. Исходя из этого, мы будем обращаться одновременно к обоим памятникам.

Трактовка традиционного для паломнической литературы образа Святых мест в данных “хождениях” претерпела известные

изменения, объяснить которые возможно с точки зрения иной исторической эпохи: XVI в. внес свои коррективы как в восприятие древнерусскими людьми греческой православной церкви, так и в способы его художественного изображения русскими паломниками.

Составляющие дупланового образа Святого места остались неизменными: географическая реальность и ее символично-легендарный облик. В то же время акценты при воспроизведении этого многозначного образа расставлены несколько иначе, чем это было принято при более раннем каноническом толковании. Традиционно символический план “Хождений” Василия Познякава и Трифона Коробейникова проявляется в явной сакрализации образа Синая. Синайский монастырь с его окрестностями уподобляется раю в его земном воплощении: “Мы ж, яко в рай, внидохом в церковь”. Ассоциация с раем легко восстанавливаются в описаниях преувеличенно благодатной и щедрой “богоданной” природы Синайского монастыря: “Сад же бе велми хорош и велик и много в нем винограду и груш и яблук; груш же мы не видали таковых великих и сладких не в котором царстве”. “И ту в Синайском монастыре видели есмь птицы рябы, что куры наши, таковы велики. Те птицы посла Бог с неба Израильтяном, егда оне жили в Синайской пустыни... А мяса тех птиц сладче несть”.

Столь же согласно с традиционным образом Синая частое обращение “Хождений” к сюжетам библейской истории. Описание их не столь обширно и подробно, как об этом можно судить по “Хождению” Варсонофия, они теи не менее оказываются неотъемлемой частью паломнического повествования о Святом месте. Ссылки на сакральные сюжеты свидетельствуют скорее о начитанности путешествующего верующего XVI в., нежели о его глубоком религиозном чувстве: “В той же церкви за олтарем предел над Неопалимою Купиною, где Моисей видел Богородицу со Младенцем, во огни стоящу и неопалиму”, “...среди же монастыря кладенец Моисеев, что Моисей овца паивал - над тем кладенцом стоит древо шипок, что Моисей насадил...” и т. п. Необходимо заметить, что воспроизведение символического, легендарно-апокрифического образа Синайского монастыря, характерное для древнерусского описателя до XVI в., нельзя с той же степенью несомненности отнести к манере паломников XVI - XVII вв. В данном случае предпочтительнее отметить и большую светскость восприятия, и большую реалистичность повествования, нежели свойственные сравнительно ранней литературе религиозность и символичность.

Пласт реального в “Хождениях” Василия Познякава и Трифона Коробейникова проявляется в топографических и этнографических сведениях об окрестностях и местоположении Синайского монастыря. Географические зарисовки в тесном

сплетении с замечаниями христианско-легендарного характера - яркое свидетельство того, каким образом реальная жизнь вторгается в созданные веками существования древнерусской письменности традиционность и склонность к идеализации: “А на святыи верх на ночь выдохом, бе бо проход нужен велми, все на гору по камению идти”, “... одна церковь святыи пророк Илия, на тем местом, где Илия пророк постился 40 дней и вранове пищу ему приношаху; и вранове живут ту невелики добре”, “Гора же та велми висока и облаки небесныя ходят по воздуху ниже горы и трутся по горе, а ветер на горе велми велик и студень великая”.

Анализируемые “хождения” XVI в. примечательны и особым вниманием к обрядовой жизни монастыря, причем не просто к церковному обряду, как к древней культовой традиции (что мы наблюдаем в “Хождении” Варсонофия), а к его регулярному исполнению, т. е. в “Хождениях” XVI в. берет верх интерес к повседневной жизни монашеской братии Синая: “И приидохом к пречестному монастырю Синайской горы. И архиепископ и игумен Синайской и священницы и вся братия со кресты за полпоприща от монастыря стретиша потриярха и принесоша к потриярху крест серебрян на блюде. Он же взем у игумена крест, сам знаменая и игумена и братию благослови”, “И ходят люди в ту церковь в великой чистоте и ризы своя измыв или в новых ризах; а пришед к церковным дверем сапоги или покучи велят складывать с себя, да ноги вымыв босыми пойти или в суконных чулках...” Последний эпизод знаком по “Хождению” Варсонофия, в нем, однако, прослеживается иное восприятие описанного в обоих случаях обряда Синайского монастыря. В данном варианте уже отсутствует апелляция к ветхозаветным действиям пророка Моисея, связь с древней традицией прочитывается не столь четко и открыто, вместо этого подчеркивается регулярность и устойчивая привычность для синаитов подобного обычая, что ставит их в один ряд с прочими культовыми действиями.

Следует отметить, что в паломническую литературу XVI в. властно вторгалась историческая действительность, что особенно наглядно проявилось во вступительной части “хождений” Познякава и Коробейникова: “Ныне же послал есмь к тебе со архидияконом софейским Генадием да со своим купцем с Васильем Познякавым рухляди... а прошения ради твоего Синайские горы архиепископу и всем иноком на строение монастырское послал есмь рухляди на 1000 золотых” (“Хождение” Василия Познякава), “А прислал царь и государь и великий князь Иван Васильевич.. с нами в Синайскую гору епископу и игумену на соруженье церкви Святыя мученицы Екатерины, где мощи ея лежали, пять сот рублев...” (“Хождение” Трифона Коробейникова). Данные указания исторически не противоречат действительности, ибо упомянутые факты

пожертвований Синайскому монастырю не случайны и не единичны. С конца XVI в. наладилась постоянная связь между Синаем и Московской Русью, которая в то время активно демонстрировала роль богатой подаятельницы и “тароватой” покровительницы православных восточных обитателей. Именно в эту эпоху Синай становится для древнерусского человека не только отвлеченным символом богоустроенной и знаменитой в своей аскезе монашеской обители, освященной библейско-христианскими легендами, а реальной землей, во имя процветания которой необходимо оказывать всяческое реальное вспоможение. При Василии III (1517 - 1519 гг.) в Москве появляется первое посольство от Синайской горы с просьбой о милостыне; в 1565 г. из Москвы на Синай возвратилось новое посольство с богатой милостыней; Иван Грозный в 1558 - 1561, 1571, 1582 - 1583 гг. посылал в Синайский монастырь Василия Позняка, купца Семена Барзунова, Трифона Коробейникова; в 1586 г. последовало пожертвование “Богоследимой” горе от лица царя Федора Ивановича; в 1593 г. - милостыня по случаю учреждения на Руси патриаршества и т. д. Историческая связь Синайского монастыря с Московским государством основывалась в тот период на реальном желании русского царя и православной церкви, ощутивших свое влияние на христианском Востоке, оказать посильную денежную помощь знаменитой обители. Таким образом, “Хождения” Василия Позняка и Трифона Коробейникова кратко констатировали факты сложившихся в XVI в. отношений далекой греческой православной обители и набирающего власть и силу православного государства, а, во-вторых, именно эти констатирующие заметки исторического плана явились свидетельством выхода из рамок установившегося паломнического повествования.

В данных указаниях прочитывается отстранение от библейской истории, сюжетами которой живет во время путешествия древнерусский паломник, в сторону современной ему эпохи, что не свойственно было литературе более древней. Беглые зарисовки исторического фона (“*А на леве против кладенца стоит церковь Висилия Кесарийского, а ныне там турки себе мечеть учинили*”, “*И ту же арапская мечеть на святом веру*”...) обращают внимание читателей на реальную, земную жизнь “божьих” избранников Синайского монастыря: “... а братии 90 братьев: потому их мало, что им великое насильство от безбожных арапов... и приходят те арапы на всякой день по 200 человек и все емлют оброк с монастыря... а коли им старцы корму не дадут, и они старцев камением бьют за монастырем”. Впервые в “Хождениях” Позняка и Коробейникова входят в описание Синайского монастыря указания на бесчинства представителей мусульманской веры. “Великое насилие” от арабов-бедуинов (их расселил вокруг монастыря ради его

защиты еще византийский император Юстиниан в IV в.), терпели старцы-синаиты со стародавних времен, однако в древнерусской паломнической литературе указаний на это не встречалось. Общий тенденциозный настрой паломнических “Хождений”, касающийся достойного сочувствия бедственного и зависимого от турок-мусульман положения греческой православной церкви стал общим местом путевых записок XVII - XVIII вв.

Таким образом, относительно описаний Синайского монастыря XVI в. в “Хождениях” Василия Позняка и Трифона Коробейникова можно сделать следующие выводы. С конца XV в. наладилась реальная связь Синайского монастыря с Русью. Синай, бывший некогда для русского человека христианским символом, окруженным идеализированным легендарным прошлым, выходит за рамки мифологического восприятия, обретая в сознании русского человека XVI в. наиболее явно и четко черты реального земного пространства, что отразили указанные “Хождения”.

То, что было лишь началом в “Хождениях” XVI в., в семнадцатом столетии нашло свое логическое завершение. Свидетельство тому появление “Хождения убогого Василия, по прозвищу Гагара”. Путешествие казанского купца Василия Гагары по Святым местам Востока было совершено в 1634 г. Описанию Синайского монастыря в паломническом сочинении Гагары отведена краткая заметка, повествующая об отдельных моментах путешествия по Синайским окрестностям и впечатлениям паломника о нынешнем состоянии обители. Это повествование отличается от предшествующих не только объемом, но и особенностями восприятия греков-синаитов. Синай не производит уже на паломника впечатления твердыни христианства. Описание месторасположения Синайского монастыря и особенностей быта его обитателей отличает оттенок обыденности и взгляд с прагматической точки зрения. Описание “Богоследимой” горы, восхваляемого ранее сакрального пространства, наделенного даром чудодейственного влияния на верующего, ничуть не отличается от изложения сведений об особенностях архитектуры какого-либо города Востока: “*И подле той Синайской горы град сделан каменной, а в нем четыредесят монастырей, и все пусты; токмо един монастырь великомученицы Екатерины... А всход на Синайскую гору до самого верха 14 тысяч ступеней, а все ступени в камени высечены. А на веру той горы стоит храм во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И опричь тех ступеней некуда всходити на тую Синайскую гору*”.

Процесс секуляризации культуры XVII в. затронул и паломническую литературу. Из текста “Хождения” Гагары исчезает легендарно-библейское прошлое Синая, придающее его образу сакральный смысл, сиюминутность, актуальность

настоящего вытесняет момент вечного, хронологическое реальное пространство отодвигает на задний план легендарно-символическое. Традиционным становится облик лишенного былого благополучия и независимого положения монастыря, разоряемого постоянными набегами окружающих монастырь арабских племен. Внимание паломника XVII в. неизменно возвращается к этой черте жизни христианского Востока: *“... а живут дни окуная от арабов, а кормят тех арабов монастырскую пищей на всяк день человек по пяти сот того ради, да не токмо ти смердящие вооружатся на монастырь бранию...”* Подобное внимание не является единичной писательской прихотью Василия Гагары, а отражает общее восприятие русскими паломниками восточных православных обителей, описанных с сочувствием и снисходительной благосклонностью. Причем, насколько прочно данное восприятие держалось на протяжении XVII в., настолько настойчиво и регулярно поддерживалось оно самим греческим православным духовенством, добившимся, чтобы в семидесятые годы XVII в. Синайская обитель официально была признана русским православным монастырем, что, однако, оказалось лишь формальностью.

Таким образом, описание Синая XVII в. в “Хождении” Василия Гагары, последнем паломническом произведении допетровской эпохи, обратившимся к изображению этой обители, представляет собой своего рода краткое изложение привлечших внимание путешественника фактов современной жизни монастыря; реальность вытеснила в этом сочинении символично-легендарный элемент, а светскость (как общая тенденция культуры

XVII в.) прочно утвердила свой приоритет над религиозностью (традиционным художественным принципом древнерусских паломнических записок).

Наблюдения общего и частного порядка над описаниями Синайского монастыря паломников XV - XVII вв. позволяют сделать следующие выводы. Восприятие православной обители Востока древнерусскими писателями-путешественниками подчинялось определенному стереотипу, закрепившемуся в сознании русских христиан. Традиционно образ Святого места оценивался с двух позиций: как некое географическое пространство, обладающее реальностью, и как символ христианско-легендарного характера. Изображение одной из этих двух, противоположных, сторон в качестве преобладающей зависит от того, какого рода особенности - светскости или религиозного плана - привлекали в первую очередь “хожалого” человека, взявшегося за описание пути. Это, в свою очередь, обуславливается эпохой, в течение которой было создано то или иное произведение паломнического жанра, в частности существующими религиозными, социально-политическими, этическими идеями времен. Эволюция жанра хождений (попытка пронаблюдать ее была сделана на примере “Хождений” Варсонофия (XV в.), Василия Позняка и Трифона Коробейникова (XVI в.), Василия Гагары (XVII в.) свидетельствует о нарастающем процессе обмирщения, о неуклонном вторжении элементов светскости (предполагается внимание к историческим фактам, особенностям географическим, топографическим изображаемого края) в повествование о христианских святынях православных восточных земель.

В. Н. Алексеев

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МАХРИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVI ВЕКА

Расположенный в двенадцати верстах от уездного города Александрова на берегу реки Махры Свято-Троицкий монастырь был основан около 1370-го г. преподобным Стефаном и первые века своего существования играл особенно заметную роль в жизни Русской Православной Церкви. Прославлению монастыря способствовали как сам основатель, преподобный Стефан Махрицкий, так и бывавший в обители преподобный Сергей игумен Радонежский, а также имевшие тесную связь с Махрицким монастырем преподобные Григорий и Кассиан Авнежские. Кроме того, с монастырем оказалась связанной русская агиография XVI столетия.

Речь идет о так называемом Макарьевском времени в истории древнерусской агиографии. Как известно, в середине XVI в. Русская Церковь достигла особого положения центра и единственной хранительницы Православия. По словам В. О. Ключевского “флорентийский собор и падение Царьграда уронили в глазах русского общества

православный авторитет Византии. Мысль, что Русь - последний Рим, единственное хранилище чистого православия, должна была внушать особенное внимание к отечественной церковно-исторической святыне, и прославление русских чудотворцев служило ей наглядным выражением в форме церковного обряда... указанный взгляд служил одним из побуждений, вызвавших соборы по делу о новых чудотворцах”.¹ Лучшим из проявлений идеи Русской Церкви как центра Православия стала церковная деятельность митрополита Московского и всея Руси Макария (1542 - 1563).

Для доказательства того, что Русская Церковь достойна занимать место павшей Византии, митрополитом Макарием была порождена бурная собирательская деятельность по сосредоточению всего, составлявшего историю Церкви на Руси. Результатами этой деятельности стали соборы 1547 и 1549 гг. по канонизации святых, появление Степенной книги, сводной Кормчей и, наконец, знаменитых Макарьевских (Великих) Четиих-

Миней. “По задаче, положенной в основание этого сборника, собрать и переписать “все книги, которые в Русской земле обретаются”, минеи Макария - самое отважное предприятие в древнерусской письменности”.²

В отличие от трудов других авторов, Макарьевские Четии-Миней (“чтения на каждый месяц”) отличаются особой широтой своей задачи и характером ее выполнения. Работая над их составлением, митрополит Макарий привлек к себе круг людей, которые отыскивали или описывали материалы для житий святых. В эту деятельность оказался включен и Свято-Троицкий Махрицкий монастырь: его братия, игумены, монастырские хранилища книг. С историей монастыря и его игуменом Варлаамом (игумен с 1557 по 1570 гг.) стали связаны три жития: преподобной Евфросинии Суздальской, преподобных Григория и Кассиана Авнежских и преподобного Стефана Махрицкого.

Житие преподобной Евфросинии Суздальской (до пострижения в монашество - дочери св. князя Михаила Всеславовича Черниговского, ск. в 1250 г., мощи обретенны в 1699 г., день памяти 25 сентября) было обнаружено Варлаамом в Махрицкой монастырской книгохранилище между 1577 - 1580 гг., когда Варлаам уже пребывал в сане епископа Суздальского (хиротонисан в 1570 г.). К обнаруженной рукописи Варлаам добавил свою повесть “О изобретении стихир, и канона, и жития княжны Евфросинии, без вести бывше много лет”. Несомненно, что эта находка не была случайна поскольку Варлаам еще в должности игумена Махрицкого монастыря был причастен к Макарьевской деятельности по составлению Четиих-Миней. Житие преп. Евфросинии попало в Махрицкую обитель из Суздаля благодаря монаху Савватию, который перевез житие в Махру “для переписания чудес” и оставил там на годы.³ Сомневаться в этом факте нет оснований, хотя сама личность Савватия дает повод для рассуждений. В. О. Ключевский называет Савватия монахом и пишет, что тот вывез житие преп. Евфросинии из Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.⁴ Согласно другим источникам, под именем Савватия следует понимать игумена Махрицкого монастыря.⁵ На наш взгляд, вопрос разрешается благодаря приведенному П. М. Строевым списку архимандритов Спасо-Евфимиева монастыря: в 1565 - 1570 гг. им управлял архимандрит Савватий, впоследствии епископ Коломенский.⁶ Естественно, что ему, как настоятелю, было проще всего перенести рукопись жития из одного монастыря в другой. Кстати, сам Варлаам называет Савватия бывшим игуменом, не указывая, однако, названия его монастыря.

Что касается автора текста жития преп. Евфросинии Суздальской, то по сообщению Варлаама он был написан “неким иноком

Григорием”. Монах того же Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, Григорий, известен как биограф основателя своего монастыря преп. Евфимия, (ск. в 1404 г.), суздальского епископа Иоанна (хирот. в 1340 г., ск. в 1373 г.), преп. Косьмы Яхремского (ск. в 1492 г.)⁷ и, возможно, других владимирских святых. Ему же приписывают “Слово на память всех святых русских, новых чудотворцев” и службу им. (Впоследствии разработку и дополнение службы всем русским святым завершил епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) (1887 - 1962).

В повести игумена Варлаама говорится, что во время своего “путного шествия” из Москвы он оказался в Махре и там нашел текст жития преп. Евфросинии. С этим известием он явился к царю Иоанну Васильевичу и митрополиту Макарию и добился установления собором празднования памяти этой святой. В подлиннике это повествуется следующими словами:

“... случися мне путное шествие от пресловущаго монастыре градовом Москвы, во обители Живоначальныя Троицы, Стефанова Махритского монастыря быти. и обретох в книгохранилище житие преподобныя Еоуфросинии, написано неким монахом Григорием, бывша обители всемилостиваго Спаса Евфимиеваго монастыря, по преставлении бывшаго игумена Савватия, той же игумен возраст имея града Суждаля, и закосне у него многая лета для переписания чудес, аз же порадовахся, яко не презре Господь желания моего. И прочет разсмотрих, яко не просто сему быти, но от Божия благодати...”⁸

О самом прославлении преп. Евфросинии в той же повести епископа Варлаама сказано: “Аз же собрав собор, архимандриты, игумены и весь причет соборныя церкви. и сотворив молебныя пения о благосостоянии святых Божиих церквей и о многолетнем здравии, благочестиваго государя царя и великаго князя Иоанна Василиевича всея Руси... и совершив божественную литургию, стекошася и тогда во обитель преподобныя Еоуфросинии от рада множество народа, инок и инокин множество, и окрест живущих стран, видети божественная чудеса, имуще с собою недужныя, слепыя и хромья.

Тогда же Господь Бог, молитв ради Пречистыя своея матери, у раки преподобныя Еоуфросинии дарова явныя многая чудеса”.⁹

По преданию жизнеописание преп. Евфросинии было составлено Григорием “со слов черноризниц спустя 300 лет после кончины преподобной”. Впоследствии “инок Григорий или умер или ушел из Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, а житие пр. Евфросинии, написанное им, игумен Спасского же монастыря Савватий унес в Махрицкий монастырь... а после смерти Савватия, <оно> вместе с другим имуществом покойного поступило в Махрицкий монастырь...”¹⁰

Житие преподобной Евфросинии

Суздальской дошло до нас более чем в двадцати четырех списках, шесть из которых украшены миниатюрами. В цитированном выше труде В. Георгиевского приведены их копии, на одной из которых (“Табл. к Жит. XV”) изображен момент преподнесения жития государю. Изображенный на миниатюре царь Иоанн Васильевич стоит у трона, а один из четырех предстоящих монахов (с округлой окладистой бородой) подает ему толстую рукопись. Как следует из подписи, монах с житием и есть суздальский епископ Варлаам.

Из числа суздальских святых, жизнеописания которых были составлены Григорием, собором 1549 г. был канонизирован только преп. Евфимий Суздальский, которого признали в качестве местночтимого святого.¹¹ Канонизация же преп. Евфросинии произошла лишь через полтора десятка лет: она совершилась благодаря стараниям уже упоминаемого Варлаама на соборе 1564-го г. при Московском митрополите Афанасии (1564 - 1566).

Жития преподобных Григория и Кассиана Авнежских, учеников и сподвижников преп. Стефана Махрицкого, также обязаны своим появлением Свято-Троицкому Махрицкому монастырю. Считается, что “главным источником сказания об Авнежских чудотворцах служили рассказы Махрицкого игумена Варлаама, который по поручению митрополита в 1560 г. на месте собирал сведения о чудесах и по донесению которого собор, установив празднование Григорию и Кассиану, распорядился составить сказание о них”.¹² В качестве автора последнего признается известный агиограф Макарьевского периода Иоасаф, личность которого по словам В. О. Ключевского, “среди скудных известий остается в тумане”.

Перу Иоасафа приписывают жизнеописания новгородского епископа Никиты, преп. Стефана Махрицкого и его учеников Григория и Кассиана Авнежских.¹³ Известный как игумен Данилова монастыря, Иоасаф иногда признается также Вологодским или Пермским епископом.¹⁴ Ошибочность подобных отождествлений была показана Ключевским, в качестве одного из доводов приводившего текст грамоты 1566 г., под которой вместе с епископом Иоасафом подписался и “чернец Иасаф, бывший игумен Даниловский”.¹⁵ Таким образом, агиограф игумен Иоасаф и епископ Вологодский и Великопермский Иоасаф (1558 - 1570) - разные, хотя и жившие одновременно люди.

Что касается игуменства Иоасафа, то для Ключевского и последующих исследователей оставалось неясным, “каким Даниловым монастырем правил автор, переяславским или московским”.¹⁶

Последний вопрос, по нашему мнению, легко разрешается благодаря трудам П. М. Строева, согласно которому игумен Иоасаф в 1560 г. указан

настоятелем **Московского** Данилова монастыря, что “на краю Москвы, на Москве реке, основан в начале XIV столетия, но запустел; возобновлен при царе Иоанне Грозном”.¹⁷ С другой стороны, среди игуменов Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском имя Иоасафа во второй половине XVI в. не значится, а в интересующее нас время монастырем управлял архимандрит Кирилл (с 1543 по 1572 г.).¹⁸

Возвращаясь к житиям Григория и Кассиана Авнежских, память которых совершается 15 июня, следует сказать, что они мученически скончались при набегах татар в 1392 г. и вслед за обретением мощей в 1524 г. были канонизированы при митрополите Макарии. Григорий вместе с преп. Стефаном Махрицким когда-то оставили монастырь на Махре и, уйдя на север, основали новую обитель в древнем Авнежском княжестве близ реки Сухоны, в шестидесяти верстах к востоку от Вологды. Первым постриженником Троицкой Авнежской обители стал местный житель землевладелец по имени Константин, которого постригли с именем Кассиана. Впоследствии преп. Стефан возвратился в московские земли, а будущие Авнежские чудотворцы до своей кончины пребывали в Авнежской обители.

Житие преподобного Стефана Махрицкого (ск. 14 июня 1406 г., день памяти 14 июня) более других связано с историей Махрицкого монастыря. Существует единственное описание истории создания жития преподобного, которое ниже излагается словами В. О. Ключевского: “Спустя почти полтора десятилетия по смерти Стефана, сетуя о пренебрежении, с каким относились в монастыре к памяти основателя, игумен Варлаам отыскал в кладовой краткие записки прадеда своего Серапиона, лично знавшего Стефана, вспомнил рассказы, слышанные от него еще в детстве, и сам задумал описать чудеса святого, виденные им или сообщенные другими. С писанием своим он явился к царю и митрополиту, которые и поручили Иоасафу составить новую правильную биографию. Зная очень мало о жизни святого, Иоасаф поехал в Махрицкий монастырь, чтобы разспросить там игумена и братию. Те показали ему Серапионовы свитки на хартиях, которые он и воспроизвел в своем обильном любопытными подробностями труде”.¹⁹

Среди приведенных выше сведений, на наш взгляд, существует один весьма интересный факт который до сих пор ускользал от внимания исследователей. В цитированных строках он заключается в словах: “записки прадеда своего Серапиона, лично знавшего Стефана... рассказы, слышанные от него в детстве...” Как известно, преп. Стефан скончался в 1406 г., а кончина игумена (епископа) Варлаама датируется 1585 - 86 гг. Сто восемьдесят лет, прошедшие между этими двумя событиями, вряд ли могли быть временем всего лишь

четырех поколений в родословной епископа Варлаама. В этом случае придется допустить, что прадед Варлаама, Серапион, и он сам, прожили, по меньшей мере, сто лет каждый, и что первый видел преподобного Стефана, а второй слушал рассказы о нем в самом раннем возрасте. Кроме того, придется допустить, что активная деятельность епископа Варлаама пришлась на восьмой десяток лет его жизни, что также мало вероятно.

Если не представлять слова “прадед” простым обращением, указанное противоречие, кажется, может иметь следующее объяснение.

Дело в том, что до будущего Суздальского епископа известны еще два махрицких игумена с именем Варлаам. Один из них, называемый учеником преп. Стефана, скончался в 1392 г.²⁰ Другой, махрицкий игумен Варлаам (условно “Варлаам-II”), упоминается под 1517 г.²¹ и именно он представляет интерес для наших рассуждений. От времени кончины преп. Стефана этого игумена отделяло всего около ста лет, что вполне допускает возможность знакомства его прадеда с основателем Махрицкой обители.

Таким образом, не умоляя заслуг епископа Варлаама в русской агиографии, автор полагает, что первым собирателем сведений о жизни преподобного Стефана Махрицкого следует считать махрицкого игумена Варлаама II, управляющего монастырем в 1517 г.

В этом случае получают логическое подтверждение следующие сведения и записи: - “Варлаам написал службу и житие, на основании найденной, по словам Варлаама, рукописи иеромонаха Серапиона, современника Стефана”.²² Это сообщение из “Словаря о святых Русской Церкви” вообще не упоминает о родственных отношениях между Серапионом и Варлаамом, а, кроме того, называет первого из них иеромонахом. Не исключено, что в данном случае под именем Варлаама может скрываться и Варлаам-II, составивший первое жизнеописание преп. Стефана. (В современных источниках также существует указание на “пресвитера Серапиона”²³).

-“Прежде чем установлено было празднование памяти Стефана, как признанного святого, было установлено “почитание” его памяти как чаемого святого. В 1525 - 27-м году один монах монастыря и вслед за монахом игумен (выделено мною - В. А.) монастыря видели в ночи на гробе преподобного, под деревом, которое выросло на его могиле, огонь горящий и вокруг места того вельми блистающий свет, по каковому поводу и было установлено игуменом Троицкаго Сергиева монастыря Арсением Сахарусовым почитание памяти преподобного”.²⁴ Процитированный пересказ отрывка из жития преп. Стефана Махрицкого упоминает о чудесах на гробе будущего святого, которые совершились в 1525 - 27 гг. Поскольку считается, что Варлаам описал виденные им самим

чудеса, то огонь и свет вокруг могилы мог видеть только игумен Варлаам-II. Хотя с 1527 г. в монастыре игуменствовал Иона,²⁵ (предшественник епископа Варлаама), прежний игумен мог еще здравствовать, по обычаю передав управление обителю более молодому настоятелю.

Возвращаясь к личности епископа Суздальского Варлаама, следует подчеркнуть скудность биографических сведений о нем. Кроме его деяний на ниве агиографии, этот Махрицкий игумен оставил память о себе в том, что около 1554 г. его стараниями был возобновлен опустевший к тому времени Авнежский Троицкий монастырь,²⁶ а в 1560 г. игумен Варлаам по поручению царя Иоанна Васильевича возвел там две церкви над гробами Григория и Кассиана.²⁷

При игумене Варлааме в Махрицкий монастырь не раз приезжал на богомолье сам государь, а царица Анастасия Романовна присылала сюда богатые вклады. Во времена Варлаамова игуменства в монастыре была выстроена каменная церковь в честь Святой Животворящей Троицы, и при копании ее фундаментов в 1550 г. был обретен гроб преп. Стефана.²⁸ Мощи преподобного оказались нетленными, на его груди находился кожаный пояс (параман) с изображением двенадцатых праздников, а при открытии гроба все вокруг исполнилось благоуханием. “По повелению митрополита Макария, с мощей святого тонкие эти кожицы игумен Варлаам вложил в серебряный позолоченный крест и осенение этим священным крестом спасительно было для прикасавшихся к нему с верою...”²⁹

Несмотря на весьма большую известность имени епископа Варлаама в агиографии, разные источники указывают различные сведения не только о годе его епископской хиротонии (1570 и 1571 гг.),³⁰ но и о дате кончины. В большинстве случаев в качестве последней называют 1586 г.,³¹ но есть указания на 1583 г. (несомненно ошибочно), а также на 1585 г. Последний факт обращает на себя внимание потому, что приведенный исследователем истории канонизации святых Е. Голубинским,³² он содержит еще и упоминание дня кончины епископа Варлаама - 21 августа. Вопрос о дате кончины этого Махрицкого игумена остается пока открытым. Не проясняет его и надпись на надгробии епископа (по его собственному желанию Варлаам был погребен в своей прежней обители, а его надгробие цело и поныне):

“В Бозе здесь почивающий Преосвященный Варлаам из игуменов сия обители в 1570 был посвящен в епископа Суздальския епархии во время своего здесь настоятельства обитель сию после пожара пришедшую в запустение собственными и других добротных вкладами возобновил оставя же престол Святительский в сей обители окончил дни свои в царствование Иоанна Васильевича.

Святитель Варлаам здесь телом почивает
Но духом в небесах он с Богом обитает

Благий раб и верный вниди радость Господа твоего”.

Как известно, царь Иоанн Васильевич скончался 18 марта 1584 г., и потому эпитафия еще более запутывает дело.

Епископ Варлаам был погребен в палатке

при летней церкви Махрицкого монастыря.³³

Таким образом, Свято-Троицкий Махрицкий монастырь в лице его основателя, игуменов, а также благодаря монастырской книгохранильнице, оставили существенный след в истории русской агиографии XVI столетия.

¹ Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 228.

² Там же.

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же.

⁵ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. I. С. 105.

⁶ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 665.

⁷ Георгиевский В. Суздальский Ризположенский женский монастырь. Историко-археологическое описание. Владимир, 1900. Приложение. С. 2.

⁸ Цит. по: Георгиевский В. Указ. соч. С. 60 - 61.

⁹ Там же. С. 61 - 62.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Словарь... С. 170.

¹² Ключевский В. Указ. соч. С. 279.

¹³ Словарь... С. 407 - 408.

¹⁴ Там же. С. 407.

¹⁵ Ключевский В. Указ. соч. С. 279.

¹⁶ Ключевский В. Указ. соч. С. 279; Словарь... С. 408.

¹⁷ Строев П. М. Указ. соч. Стб. 198.

¹⁸ Там же. Стб. 667.

¹⁹ Ключевский В. Указ. соч. С. 280.

²⁰ Источники русской агиографии. LXXXI. СПб., 1882. Стб.

77.

²¹ Строев П. М. Указ. соч. Стб. 237.

²² Словарь исторический в святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. С. 226.

²³ Словарь... С. 407.

²⁴ Голубинский Е. История канонизации святых русской церкви. М., 1903. С. 113.

²⁵ Строев П. М. Указ. соч. Стб. 237.

²⁶ Строев П. М. Указ. соч. Стб. 759.

²⁷ Историческое описание Махрицкого монастыря. С-Посад. Репринтное издание 1906 г. (без указания страниц).

²⁸ Там же.

²⁹ Святой преподобный Стефан игумен Махрицкий. Житие, подвиги и чудеса. Стефано-Махрицкий монастырь, 1995. С. 24.

³⁰ См., например: Голубинский Е. Указ. соч. С. 349.

³¹ См.: Там же. С. 115; Святая Русь или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. /Сост. Архим. Леонид/. СПб., 1891. С. 178; Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней Св. Димитрия Ростовского. Книга дополнительная. Первая. М., 1908. С. 157.

³² Голубинский Е. Указ. соч. С. 349.

³³ Святая Русь... С. 178 - 179.

А. И. Филюшкин

ТЕМА МОНАСТЫРЯ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVI ВЕКА

XVI век - время интенсивного монастырского строительства на Руси. По подсчетам А. А. Зимина, только на окраинах страны было основано более ста обителей.¹ В отечественной историографии тема монастыря изучалась преимущественно в двух аспектах: социально-экономическом² и в контексте полемики нестяжателей и иосифлян.³ Нам же хотелось бы рассмотреть различные стороны восприятия монастырей современниками, образ монастыря в памятниках русской общественно-политической мысли и литературы конца - XI - XVI в.

В XVI в. происходило дальнейшее развитие трактовки монастыря как идеальной христианской формы общежития людей. Монастырь традиционно выступал как дубликатное $\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\iota\chi\eta\ \pi\sigma\lambda\iota\tau\ \epsilon\iota\alpha$ (ангельское сообщество - греч.).⁴ Выражая эту идею, Вассиан Патрикеев трактовал иночество как “подражание, паче же уподобление бесплотных жительству... инок есть чин и устройство бесплотных, в теле вещественном и оскверняемом свершаемо”.⁵

Монашество виделось одним из путей очищения человека. Монахи понимались как “господни рабы” (недаром бегство из монастыря приравнялось Иосифом Волоцким к бегству

холопа от господина).⁶ Они были “священным удобрением”, “богovidной единицей”, “боголюбезным свершением”.⁷ Иосиф определял монашество как жертву Богу, отречение и от мирского живота, и от мечтаний. При этом он выделял три символических ипостаси иночества: пострижение влас (отрезание грехов) как символ честной и непорочной жизни, иноческая одежда (мантя без рукавов - отсутствие рук для грехов, смиряющий пояс и т. д.) как зрительное очищение жизни и лишение имущества, целование при пострижении как божественное слияние с братиею в таинствах и под единым начальником. Монахи должны проводить время в молитвах, свято блюсти режим и правила поведения в обители, “питатися им от своих праведных трудов и своею потною прямою силою” (“Валаамская беседа”).⁸

В XVI в. особую популярность приобретают сочинения, содержащие идею начала новой жизни через пострижение. Как наиболее яркий пример можно привести рассказ Великих Миней Четий о пострижении разбойника Давида, которого он добывается... пригрозив разорить обитель, если братия ему откажет.⁹ Об унификации социального облика человека в иночестве говорил и Иван

Грозный: боярин “состригает” боярство, в холоп “избывает” холопство¹⁰ монастырь являлся местом спасения заблудших, потерявших себя в мирской суете.

В связи с этим к моральному облику монашества предъявлялись жесткие требования. Например, считалось, что монастырь не может быть основан или содержаться на деньги, нажитые неправедным путем; средства на богоугодное дело найдутся в любом случае.¹¹ Праведное же иноческое житие будет обязательно поощрено: “понеже не мощно бяше граду укрытися верху горы стоящу” (из жития Саввы Вышерского).¹² Именно со стремлением привести в соответствии реалии монастырской жизни с идеальными представлениями о ней связано развитие в XVI в. монастырских уставов и дискуссии о путях совершенствования жизни постриженников.

Вплоть до XVI в. включительно, по указанию Ф. Лиленфильда, не сохранилось официальных монастырских уставов.¹³ В обителях часто пользовались заповедями монашеского жития Василия Великого, а также правилами, разработанными для конкретных монастырей (например, устав Корнилия Комельского). На рубеже XV и XVI в. были созданы уставы Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Предложения по реформе внутримонастырской жизни высказывали Вассиан Патрикеев и Максим Грек (“Поучение инокам о исправлении иноческого жития и кака есть сила велия схимы”, “Повесть страшна и достопамятна о совершенном иноческой житии”).¹⁴ Верховная власть также интересовалась устройством афонских обителей в качестве образца для подражания (см. “Послание Максима Грека Василию III об устройстве Афонских монастырей”).

Повышенное внимание к уставной стороне монастырской жизни объяснялось слишком явным несоответствием ее идеала и реального воплощения. Даже в житиях часто встречается противопоставление святого и братии, вплоть до неоднократно описанных случаев изгнания или вынужденного ухода святых из обителей. Критика морального состояния монашества содержится во многих сочинениях XVI в. Автор “Валаамской беседы” указывает, что многие идут в монахи не по зову сердца, а “аки женихи на женитву”, ради “высокоумия” и “величества”, и при этом “свирипее”, чем даже цари, к прелестям и соблазнам мирской жизни.¹⁵ Иосиф Волоцкий был вынужден написать “Послание старцам о хмельных напитках”, в котором подобно расписывал обстоятельства пьянства в обителях и пути проноса спиртного в монастыри, и грозил за это всяческими карами.¹⁶ “Богатолюбных” монахов резко осуждал А. М. Курбский, показывая их жизнь “в сладострастиях скверных, яко свиньям питающа, а не глаголю, в кале валяюща”.¹⁷ О моральном “нестроении” в монастырях говорил и Иван Грозный.¹⁸

Данные обстоятельства давали повод к еретическим нападкам на самую суть монашества. Ересь Ф. Курицына, новгородцев-священников Алексея и Дениса утверждала, что монахи на самом деле живут не по заповеди Божьей, а по собственным правилам, “по человеческим преданиям”, и критиковала запрет инокам вступать в брак.¹⁹ Феодосий Косой шел еще дальше и отрицал монашество как таковое - за его противоестественный аскетизм. Он видел в нем наущение дьявола, изобретение человека, а не завет Бога, резко осуждал “стяжание” монастырей.²⁰

Положение усугублялось порой буквально бедственным экономическим положением обителей, толкающим их на поиск любых источников средств к существованию. Впечатляющее описание бедного монастыря содержится у Зиновия Отенского: “Иногда видех мнихов неких монастырей, имеющих руце оклячевших ради страдания многа, и кожу на них аки волую и разседающуюся, и лица их опусневша и власи их разтрошены... нози же и руце посиневших и опухших, ови убо храмлюще, ови же валяюща... брашно же в них обретаемо хлеб овсян наваян или класы (колосья - А. Ф.) ржаные толчены, и таковая хлебы сухи без соли; питие же воду, и варение имеющих капустное листовое, преимеючи же в них аще зелие имеют свеклу и репу, овощи же им, егда обретаются, рябина и калина; о одежи же что и глаголати - искропаны и вошми посыпаны”. На этом фоне вызывающе выглядела роскошь отдельных обителей, в которых, согласно тому же Зиновию, братия питалась “хлебами чистыми пшеничны крупитчаты”, рыбой, мясом, молоком, яйцами и пила “романию, бастр, мушкатель”, рейнское белое вино.²¹ Часто моральное “нестроение” в монастыри вносили опальные и насильно постриженные князья и бояре, не желавшие расставаться с благами мирской жизни (данное обстоятельство особо отмечается в Письме Ивана IV старцам Кирилло-Белозерского монастыря в 1573 г.).

Именно стремлением исправления монастырской жизни, возврата ее к правильным началам, к исходной духовной красоте и святости объясняется и полемика “нестяжателей” и “иосифлян” в конце XV - начале XVI вв., и дискуссии на страницах публицистических произведений в первой половине XVI в. Церковные пастыри стремились максимально приблизить монастырские реалии к тому духовному идеалу, некоторые черты которого мы описали в начале статьи. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в годы крупномасштабных церковных реформ митрополита Макария (1542 - 1563 гг.), к которым в соответствии с их значением в литературе иной раз даже прилагается понятие “вторая христианизация Руси”.

Монастырские порядки были подвергнуты жесткой регламентации в духе иосифлянкой доктрины. В “Стоглаве” помещена буквально разгромная характеристика морального упадка в

обителях. Против него принимались суровые меры: глава 49 “Стоглава” устанавливала строгое соблюдение монастырского чина и устава, определяла меры борьбы против пьянства и блуда. В ней видна большая перекличка с монастырским уставом Иосифа Волоцкого. Инокам было запрещено давать деньги в рост (допускались только беспроцентные ссуды), монахам и монахиням возбранялось жить в одной обители (до “Стоглава” - явление довольно распространенное). Преследовались скитальчество и пустынножительство как вводящие в соблазн. Было сокращено количество ружных монастырей.²²

В XVI в. дальнейшее развитие получает традиционная для русской литературы тема монастыря как наставника государей и властей в их деятельности. Дидактическая роль монастырей в политической жизни, о которой много говорилось уже в Киевской Руси (ср. Киево-Печерский патерик),²³ в XVI в. приобретает новое звучание в связи с распространением концепции православного царства. В “Валаамской беседе” указывается на взаимные обязательства царя и иноков. Функцией старцев является “Бога за царя молить” и быть верной опорой власти. Иноческими подвигами “царства утверждаются и грады израильския не скочневаются”. Роль государя - “уподобися милостивому Богу” в вопросе передачи милостыни монастырям, иначе они будут вынуждены искать пропитания в миру и тем власть будет иноков “мирскими суеты от душевнаго спасения отвращати”. Согласно “Беседе”, правители несут ответственность за моральный облик монашества, ибо следствием забвения иноками и царем своих обязанностей будут социальные катаклизмы, возможно даже эсхатологического плана (какие обрушились на народы, впавшие в “латинскую ересь”).²⁴

Учительная роль монастыря для светской власти показана во многих произведениях. В “Валаамской беседе” о святых иноках Сергии и Германе сказано: “... провидели святыми божественными книгами в новой благодати царей и великих князей чистоту... ангельское житие на небесех свет показывает, а священническое и иноческое житие доброе и образ их на земли верным человеком свет являет”.²⁶ В списке XVI в. “Повести о Петре и Февронии Муромских” Петр узнает место, где ему искать Агриков меч, приехав на молитву в Вознесенский монастырь.²⁷ В “Житии Иосифа Волоцкого” Великих Миней Четий князь Юрий едет в монастырь спрашивать игумена, надо ли ему покоряться Василию III.²⁸ А. М. Курбский приводит в своей “Истории о великом князе московском” два судьбоносных для русского царства совета, полученных Иваном Грозным в обителях. Совет Максима Грека - не ездить с младенцем царевичем Дмитрием на богомолье по северным монастырям - царь не исполнил, и это привело к гибели Дмитрия. Зловещие слова Вассиана Топоркова: “Не держи

советников умнее себя”, - прозвучавшие в адрес Грозного в Яхроменском Песношском монастыре, напротив, стали для государя-тирана руководством к действию.²⁹

Иван IV вообще относился к монастырям и исходящим из них поучениям и советам гораздо более ответственно, чем его предшественники. При нем резко возрастает частота царских богомольных “поездов” по подмосковным обителям. Впервые он участвовал в таком “поезде” в Троице-Сергиеву лавру еще ребенком, 20 - 22 июня 1536 г. Инициаторами этой поездки выступили бояре: И. Д. Пенков, И. Ф. Телепнев-Оболенский, дворецкий И. И. Кубенский³⁰. Всего за период с 1536 по 1567 гг. в летописях сохранились данные о сорока восьми богомольных поездках Грозного по монастырям. Наиболее часто он посещал Троице-Сергиеву лавру, святые места Можайска, Переславля, Вологодчины и Белоозера.

Свое понимание монастырской жизни Иван IV изложил в Послании инокам Кирилло-Белозерского монастыря (1573 г.). Он писал, что “свет инокам - ангелы”, а “свет мирянам - иноки”. Монахи суть государи, они должны “заблудших во тме гордости и сени смертной прелести тщеславия, ласкордства и ласкосердия просвещати”. Себя царь считал приближенным к иноческому успокоению: “И мне мнися, окаянному, яко исполу есмь чернец: аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу”. В пострижении Иван видел “пристанище спасения” для “корабли душевныя люте обуреваемы треволнениями”. С этих позиций Грозный активно поучал старцев Кирилло-Белозерского монастыря уставу монашеской жизни, указывая, что “иноческое житие не игрушка” и разоблачая их отступничество от праведной жизни.³¹

Весьма примечательна попытка Ивана IV применить монастырскую модель к организации своего опричного двора. По наблюдениям И. И. Полосина и А. Л. Никитина, опричнина представляла собой монашеско-рыцарский орден. Иван Васильевич называл себя игуменом, Афанасия Вяземского - келарем, Малюту Скуратова - пономарем. Пот дворе действовал полный распорядок монастырской жизни: длительные церковные службы, совместные трапезы, обращение друг к другу: “брат”, жесткие церковные наказания за нарушение данного распорядка. Своеобразной униформой опричников была монашеская одежда. А. Л. Никитин считает, что “орден опричников” был скопирован с ордена доминиканцев, “псов господних”... в подражание им опричные братья были “псами царскими”. Во всяком случае, несомненно сходство опричной символики (“песьи головы”) с гербом доминиканцев и прямые аналогии опричной и монашеско-орденской организации.³²

Несколько отличается от общепринятой трактовка монастырской темы в произведениях А.

М. Курбского. После бегства из России князь, по видимому, затаил глубокую обиду на монахов за их “незаступничество” и отказ выступить в качестве оппозиции тирании Грозного. Р. Г. Скрынников считал, что князь-диссидент прямо пытался подбить на антиправительственные выступления Псково-Печерский монастырь, со старцами которого он состоял в переписке.³ В третьем послании Васьяну князь горестно сетует: “Многажды ж в бедах своих ко архиерею и ко святителем и к вашего чина преподобным со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и, валяясь пред ногами их, землю слезами омаках, и на малыя помощи, ни утешения бедам своим от их получих, но вместо заступления некои от них потаковники и кровем нашим наострит ели явишься”.^{3 4}

Так как для Курбского вообще характерен перенос личных неудач на обобщения и глобальные выводы, то в его произведениях монастырь часто выступает как носитель темных сил, рока, произвола властей, орудие победы “миродержца”, а не Христа. Таков рассказ о насильственном пострижении

Соломонии, о зловещем совете Вассиана Топоркова, о заточении Сильвестра на Соловки.^{3 5} На последнем сюжете надлежит остановиться особо. Как доказано в последних исследованиях, Сильвестр был не сослан на Соловки, а самостоятельно, без принуждения постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. Его насильственное пострижение в Соловецкой обители является мифом, выдумкой Курбского. В данном случае мы впервые сталкиваемся с литературным образом “Соловецкой ссылки”, получившим в последующем развитие в качестве символа горькой судьбы и произвола властей.^{3 6}

Проведенный нами краткий обзор показывает, что тема монастыря занимала значительное место как в церковной литературе, так и в памятниках общественно-политической мысли. С ней было связано формирование религиозных и социальных доктрин, а также литературных образов и сюжетов. Она широко использовалась многими видными публицистами, церковными и общественными деятелями в своих произведениях.

¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 65.

² Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1971. С. 402; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 332; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Общие итоги. Л., 1978. С. 221; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII вв. Петрозаводск, 1966. С. 284; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI вв. (по “житиях святых”). М., 1966. С. 392; Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1943. С. 95 - 116; Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по данным монастырей. Л., 1985. С. 272; Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 230; Корецкий В. И. Борьба крестьян с монастырями в России XVI - начала XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. VI. С. 169 - 215; Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV - XVII вв. // Сборник Общества ист. филос. и соц. наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 47 - 115.

³ Бегунов Ю. К.: “Слово иное” - новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 351 - 364; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 71 - 108; он же. О политической доктрине Иосифа Волоцкого / ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 159 - 177; он же. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 95 - 111, 267 - 299, 323 - 363; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 300; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 407 - 480; Моисеева Г. Н. Об идеологии нестяжателей // ИСССР. 1961. № 2. С. 88 - 101; Плигузов А. И. Историкографические заметки о “нестяжательстве” // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 5 - 33; Синицына

Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 332; она же. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518 - 1519 гг.) // Византийский временник. М., 1965. Т. 26. С. 110 - 136; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV - XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 156 - 216.

⁴ Каждан А. П. Византийский монастырь XI - XII вв. как социальная группа // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 53.

⁵ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 256.

⁶ Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959. С. 147.

⁷ ВМЧ. Октябрь 1 - 3. Спб., 1870. Стб. 695 (из Дионисия Ареопагита).

⁸ Иосиф (Волоцкий). Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Изд. 3-е. Казань, 1896. С. 415 - 416; Моисеева Г. Н. “Валаамская беседа” - памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 167.

⁹ ВМЧ. Сентябрь 1 - 13. Спб., 1868. Стб. 285.

¹⁰ Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1950. С. 179.

¹¹ Памятники старинной русской литературы, изд. Гр. Г. Кушелевым-Безбородко. М., 1860. Вып. 1. С. 22, 113, 255 - 256; Сочинения Максима Грека. Казань, 1860. Т. 2. С. 94.

¹² ВМЧ. Октябрь 1 - 3. Стб. 27.

¹³ Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 118.

¹⁴ ВМЧ. Декабрь 6 - 17. М., 1904. Стб. 755 - 758; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. Спб., 1894. С. 41; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 151 - 152; (Боровкова-Майкова М. С.) Нила Сорского предание и устав. М., 1912; Послания Иосифа Волоцкого. С. 296 - 321; ВМЧ. Сентябрь 1 - 13. Стб. 501 - 615; Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Т. 2. С. 221; Т. 3. С. 178.

¹⁵ Моисеева Г. Н. “Валаамская беседа”... С. 164.

¹⁶ Послания Иосифа Волоцкого. С. 238 - 239.

¹⁷ Сочинения князя Курбского. Спб., 1868. С. 36.

¹⁸ Послания Ивана Грозного. С. 179.

¹⁹ Иосиф (Волоцкий). Просветитель... С. 405.

²⁰ Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский. Спб., 1894. С. 35.

²¹ Там же. С. 237 - 239.

²² Российское законодательство X - XX веков.

Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 269, 321, 326, 327, 332, 349 - 350, 354, 361, 362, 372.

²³ Конявская Е. А. Нравственное значение Киево-Печерского патерика в древнерусской литературе XV века // Герменевтика древнерусской литературы X - XVI вв. М., 1992. Вып. 2. С. 294, 300.

²⁴ Моисеева Г. Н. "Валаамская беседа"... С. 162 - 164, 166 - 167, 168.

²⁵ Письма князя А. М. Курбского к разным лицам. Спб., 1913. Стб. 35 - 36.

²⁶ Моисеева Г. Н. "Валаамская беседа"... С. 162.

²⁷ Памятники старинной русской литературы... Вып. 1. С. 30.

²⁸ ВМЧ. Сентябрь 1 - 13. Стб. 485 - 486.

²⁹ Сказания князя Курбского. С. 36.

³⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 113.

³¹ Послания Ивана Грозного. С. 162, 164, 191.

³² Никитин А. Л. Саганская заутреня. М., 1995. С. 187 - 198.

³³ Скрынников Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М., 1962. Т. 18. С. 99 - 116; он же. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 233.

³⁴ Сказания князя Курбского. С. 253 - 254.

³⁵ Там же. С. 4, 36, 71.

³⁶ Курукин И. В. Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 67; Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 206; Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор. Вып. 3. История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1995. С. 62 - 63; он же. Когда Соловки стали символом государственного произвола // Россия. Север. Море. V Соловецкой форум. Тезисы докладов международной конференции. Архангельск, 1993. Ч. 1. С. 93 - 95.

С. А. Добров

ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР РОССИИ XV - XIX ВЕКОВ

1. Краткая история Пафнутьев-Боровского монастыря.

Монастырь был основан в 1444 г. игуменом другого боровского монастыря - Покровского, Пафнутием. Эти два монастыря были старейшими в Калужском крае. После продолжительной болезни Пафнутий покинул свою прежнюю Покровскую обитель и с "единым братом" переселился в поисках тишины на противоположный берег реки Протвы, неподалеку от устья впадающей в Протву реки Истермы.¹

Новый монастырь быстро выдвинулся в первый ряд крупных православных центров Руси. Здесь бывали Иван III, Василий III Иванович, Иван Грозный, Федор Иоаннович и первый и последний царь из рода Годуновых - Борис Федорович. Кладбище монастыря стало усыпальницей многих знатных княжеских и дворянских родов - Лыковых, Репниных, Волконских, Сенявиных, Щербатовых, Киселевых, Прончишевых, Сокольниковых и др.

В Смутное время в июле 1610 г. монастырь был взят штурмом войском Лжедмитрия II. Защищая монастырь, в соборе Рождества Пресвятой Богородицы пал воевода князь Михаил Константинович Волконский. Погибли и почти все защитники монастыря. Обитель была разрушена и разграблена. Однако в царствование первого царя из рода Романовых - Михаила Федоровича - монастырь был восстановлен почти полностью.

В XVII в. в монастыре дважды содержался под стражей глава раскольников-старообрядцев Аввакум.

По ревизии 1744 г. монастырь владел около одиннадцатую тысяч крепостных, 15891 десятиной земли, лугами, лесами и рыбными ловлями.

В 1812 г. монастырь на несколько дней заняли французы, которые, несмотря на

кратковременность пребывания, нанесли ему большой урон.

Монастырь просуществовал до 1922 г. Затем здесь был организован филиал Государственного исторического музея, просуществовавший до 1929 г. Кроме того, в строениях монастыря разместились различные советские организации.

В тридцатые годы в монастыре была открыта Боровская индустриально-ремесленная школа МОНО (Московского отдела народного образования) для беспризорных детей. В дальнейшем в зданиях монастырского комплекса последовательно размещались сменявшие друг друга учебные заведения для подготовки кадров специалистов сельского хозяйства.

В 1991 г. монастырь был передан Калужско-Боровской епархии.

В мае 1994 г. были торжественно отпразднованы шестисотлетня годовщина со дня рождения преподобного Пафнутия и пятьсот пятидесятилетие монастыря.

2. Архитектурные памятники Пафнутьев-Боровского монастыря.

Архитектурный комплекс монастыря - один из немногих хорошо сохранившихся до наших дней.

Крепость монастыря. Она была построена, по-видимому, в XVI в. и затем восстанавливалась после окончания Смутного времени. Монастырь обнесен крепостной стеной, протяженностью 673 метра, включающий в себя шесть башен (Поварская, Георгиевская, Круглая, Оружейная, Сторожевая, Тайнинская). В плане крепость имеет ромбовидную форму, объясняющуюся особенностями рельефа.

По мнению М. Ильина,² Пафнутьев Боровский монастырь был частью оборонительного монастырского пояса вокруг Москвы. В этот пояс

также входили Спасо-Сторожевский (Звенигород), Голутвинский (Коломна), Лужецкий Ферапонтов (Можайск), Владычный (Серпухов) и другие монастыри.

К началу реставрации крепость была в страшном состоянии - прясло стены между Проломными воротами и Георгиевской башней было разрушено до основания, верхняя часть крепостных стен и Оружейной башни из-за отсутствия деревянного покрытия осыпалась, обрушился свод первого яруса Сторожевой башни. Здесь был выполнен особенно большой объем реставрационно-восстановительных работ. К моменту передачи монастыря русской православной церкви реставрация всех его крепостных сооружений была практически завершена.

Центральным храмом монастыря является *собор Рождества Пресвятой Богородицы*. Первоначально на его месте стоял самый первый деревянный монастырский храм. В 1467 г. на его месте была построена небольшая белокаменная церковь. Но, по-видимому, церковь начала разрушаться, и на ее месте между 1584 - 1586 гг. был заложен третий по счету храм, то есть собор Рождества Пресвятой Богородицы, освященный в 1589 г. и существующий поныне.

Строгий облик собора, сформированный лаконичными архитектурными деталями, узкими окнами, похожими на бойницы, гармонирует с мощными крепостными сооружениями монастыря.

Внутри свод храма опирается на четыре мощных колонны. С северной стороны к собору примыкает церковь святой великомученицы Ирины. В стену у входа в малую церковь вставлен камень с надписью “Лета 1599 апреля 27 дня преставился раб Божий Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всея России дядько Окольничий Лупп, зовомый Андрей Петрович Клешнин, во Иноцех Левкий Схимник”. Это память об одном из видных сподвижников Бориса Годунова, участнике расследования смерти царевича Дмитрия.

С западной стороны к собору Рождества Пресвятой Богородицы пристроена трапезная. Это самая поздняя по времени, не считая административного здания советского периода, постройка монастыря. Она возведена в 1837 г. и носит характерные черты позднего классицизма.

Известный ученый, специалист по русской средневековой архитектуре, В. В. Косточкин высказал в свое время предположение, что строителем храма Троицы в селе Вяземы, вотчине Бориса Годунова, был Федор Конь.³ В свою очередь, реставратор Пафнутьев-Боровского монастыря В. Н. Меркелова предполагает, что часть его крепостных сооружений также принадлежит этому зодчему. Если ее допущение верно, то можно полагать, что Федор Конь одновременно был строителем собора, или он строился под его руководством.

Надо отметить большое сходство между

храмом Рождества Пречистой Богородицы в Можайском Лужецком Ферапонтовом монастыре, построенном в начале XV в., и собором Пафнутьев-Боровского монастыря, а также церковью Троицы в Вяземах. Возможно, что собор Можайского монастыря послужил своеобразным прототипом для двух других храмов. Тем более, что до 1526 г. игуменом Можайского монастыря был постриженник преподобного Пафнутия будущий митрополит Макарий.

К 1511 г. относят возведение *Трапезной палаты с церковью Рождества Христова*. Сооружение характерно тем, что одностолпная трапезная палата, церковь и помещение келаря заключены в общий прямоугольник стен. С севера и с юга к зданию примыкают две паперти, из которых северная включена в массив колокольни XVII в.

Погребный корпус - тоже одно из старейших монастырских зданий, использовался первоначально для хозяйственных нужд, в XVII в. в его нижнем этаже размещались столярная мастерская и квасоварня. Корпус неоднократно в дальнейшем перестраивался. Существует предположение, что первоначально Погребный корпус входил в линию крепостной стены. Оно основано на том, что на западной стороне корпуса некогда существовали бойницы. Некоторые архитектурные приемы: одностолпная палаты второго этажа, первоначальные формы дверных и оконных проемов - говорят о том, что здание скорее всего построено одновременно с трапезной, то есть около 1511 г.

Церковь святого Ильи с больничными палатами была построена в 1670 г. на средства князей Репниных-Оболенских. В сенях этой церкви располагались больничные палаты. Первоначально церковь была пятиглавой, но четыре боковые главки не сохранились. Есть сведения, что церковь поставлена на месте погребения павших при взятии монастыря в 1610 г.

Колокольня, примыкающая к северной стороне трапезной, была построена в 1688 г. над ее северной папертью. По желанию князя Константина Осиповича Щербатова, давшего деньги на строительство, при постройке колокольни, которая существовала ранее, за образец была взята колокольня Петровского монастыря в Москве. Стены основания колокольни украшены карнизами, валиками и бочками и ее высота составляет пятьдесят пять метров. Средний ярус основания колокольни украшен изразцами (“кафли муравчатые”) работы Степана Полубеса с изображениями серафимов и плодов.

В 1775 г. колокольню перестраивали еще раз, при этом, по-видимому, были утрачены несколько крылец, которые вели с востока на второй этаж. Сама колокольня - пятиярусная, восьмерик на четверике. В нижнем ярусе размещается лестница, ведущая в церковь Рождества Христова, трапезную и паперть. Во втором ярусе некогда размещались библиотека и

трапезная, в третьем - часы боевые со звоном.

Палата архимандрита, западные братские кельи и другие братские кельи в юго-восточной части монастыря относятся к постройкам XVII в. Первоначально все эти здания были трехэтажными, но в XVIII в. верхние этажи братских келий, вероятно из-за ветхости, были разобраны. Каждый этаж келий был разбит на отдельные секции, состоявшие из сеней и одной или двух палат. Секции имели выход на главный фасад и во двор. В юго-восточных кельях были и одиночные помещения с такими же двумя выходами.

Эти здания по архитектуре сходны между собой. Некоторые детали их декоративной отделки, например, карнизы и наличники, напоминают настоятельский корпус Спасо-Андрониковского монастыря и церковь Максима Исповедника в Москве. Эти здания строились предположительно между 1635 г. (начало управления монастырем архимандритами) и 1690 г. (год сооружения колокольни).

Церковь Митрофана Патриарха Цареградского была пристроена в 1760 г. к восточной стене палат архимандрита. Церковь имеет форму восьмерика на четверике. В ее подклете имеются два помещения, в одном из которых находятся погребения настоятелей монастыря.

Со временем многие здания монастырского комплекса были утрачены, а именно:

- церковь святого Пафнутия постройки XVI в., примыкавшая к Георгиевским воротам, была разобрана за ветхостью в 1836 г.;

- церковь святого Михаила постройки XVII в., примыкавшая к собору с юга аналогично церкви святой Ирины и поставленная над захоронениями князей Репниных-Оболенских;

- церковь святого Онуфрия постройки XVII в.;

- церковь всех святых постройки 1838 г., возведенная над могилой павшего в 1610 г. при защите монастыря воеводы князя Михаила Константиновича Волконского. В этой церкви находились погребения князей Волконских, а также мраморные доски с именами тех Волконских, которые были похоронены в других местах, с указанием дат рождения, смерти и места погребения.

3. Фрески монастыря.

Известно, что первый белокаменный собор монастыря был расписан фресками во второй половине XV в. между 1467 и 1477 гг. Митрофаном и Дионисием. Судя по сохранившимся данным, можно предположить, что Митрофан тогда был пожилым человеком, в то время как Дионисий был сравнительно молод. По-видимому, роспись храма Рождества была для Дионисия первой крупной работой. Эту роспись, вероятно, видел и царь Иван III, так как вскоре через епископа Вассиана Ростовского (Санина), ученика Пафнутия, он

пригласил Дионисия для росписи иконостаса новопоставленного Успенского собора Московского Кремля.

К сожалению, фрески, написанные Дионисием в Пафнутаев-Боровском монастыре, не сохранились - собор был разобран. Но во время реставрации при выемке древнего фундамента на белых камнях были замечены фрагменты фресок. Их извлекли, и сейчас наиболее крупные фрагменты находятся в фондах реставраторов. Один из них выставлен в музее старообрядчества, существующего сейчас в монастыре. На арке над проходом во второй зал музея сохранилась фреска с изображением Спаса Нерукотворного. Специалисты определили, что эта фреска сходна с фресками Ферапонтова монастыря и принадлежит, по крайней мере, к школе Дионисия.

Ни одной иконы кисти Дионисия или Митрофана в монастыре не сохранилось.

Ныне существующий собор Рождества Пресвятой Богородицы первоначально был расписан в 1664 г. артелью, которая до этого расписала фресками Успенский собор в Московском Кремле. Но в дальнейшем эта роспись дважды была записана. С 1970 г. началась расчистка фресок XVII в.

Фресками были также расписаны Трапезная и церковь Рождества Христова. Роспись поновляли в XVIII в. (1772 - 1779 г.) по старым чертежам. После пожара в 1812 г. она была полностью утрачена и больше не возобновлялась. Сохранились только ее небольшие следы.

Больше повезло фрескам XVIII в. в северной галерее колокольни: они неплохо сохранились. Следы фресок были также обнаружены в одной из палат средней части первого этажа юго-восточных келий.

Очень любопытная роспись была случайно найдена в 1983 г. при подготовке под реставрацию нижнего этажа юго-восточных келий. При побелке помещения отвалился кусок штукатурки, и обнаружилась небольшая часть какой-то фрески. После расчистки выяснилось, что на потолке изображено устройство Вселенной, близкое системе Птолемея с изображением Земли, Солнца и семи планет с указанием их расстояния до Земли. Кроме того, на фреске были изображены ложные окна. Сохранилась также надпись, в которой говорится о том, что роспись выполнена в 1824 г. иеромонахом Серафимом. Вероятнее всего, фреска служила наглядным пособием: в то время в монастыре функционировало Боровское духовное училище.

4. Видные церковные деятели, постриженники монастыря.

Еще В. О. Ключевский образно назвал Пафнутия отцом иосифлян. Это течение в русской православной церкви, существовавшее в конце XV - середине XVI вв. отстаивало право монастырей на владение крепостными и землями. Иосифляне поддерживали централизацию власти в лице великого князя и тем самым способствовали

созданию единого русского государства. Наиболее яркими представителями этого течения были Иосиф Волоцкий и Вассиан Рыло (в миру братья Санины), их племянник Вассиан Топорок, митрополит Макарий, а также Давид, основавший Вознесенский Давыдов монастырь на реке Лопаске неподалеку от Серпухова.

Наиболее известным из них был Иосиф Волоцкий, выходец из рода волоколамских дворян Саниных. После кончины Пафнутия некоторое время Иосиф был игуменом Пафнутьева монастыря. Но спустя некоторое время Иосиф покинул монастырь и в 1479 г. основал обитель под Волоколамском. Он вошел в историю, как бескомпромиссный и жесткий борец против церковного инакомыслия. Был плодовитым писателем. Его перу принадлежит книга “Просветитель”, краткая пространная редакция монастырского “Устава” и более двадцати посланий к разным лицам. Иосиф Волоцкий был большим ценителем иконописи, покровительствовал Дионисию.

Видную роль в русской истории XV в. сыграл и Вассиан Рыло, ростовский архиепископ, автор известного “Послания на Угру”, адресованного Ивану III во время Великого стояния на этой реке.

Вассиан известен также как автор канонического текста “Житие преподобного Пафнутия Боровского.”⁴ Составленное в обычном для того времени стиле, “Житие” является интересным памятником церковной литературы XVI в. Однако необходимо отметить, что оно, по-видимому, несет некоторый отпечаток борьбы внутри монастыря после смерти Пафнутия.

Преемник Пафнутия, новый игумен Иосиф Санин, предложил братии ввести в монастыре общежительный устав. Однако большинство монахов не дали согласия на это. Иосиф покинул монастырь вместе со своими сторонниками. В их числе был и его родной брат Вассиан, автор “Жития”. Вероятно, этим объясняется отсутствие в “Житии” упоминаний о еще двух святых монастыря, упомянутых в ряде источников:⁵ о родном брате Пафнутия Илие и “строителе” Давиде (возможно, он и был тем “единым братом” Пафнутия, который ушел вместе с ним из Покровского монастыря).

Не менее известен и Макарий, который с 1526 г. стал архиепископом Новгородским, а с 1542 г. митрополитом. Макарий известен своими гонениями на еретиков Матвея Башкина и Федора Косого. Под его руководством была составлена “Степенная книга”, произведена систематизация и обработка оригинальной и переводной литературы, созданы “Великие Четьи-Минеи”, а также подготовлен лицевой летописный свод. Макарий способствовал открытию первой русской типографии. В 1547 г. при его активном участии была проведена канонизация десяти новых русских святых. В их число вошел и Пафнутий Боровский.

5. Библиотеки монастыря.

Понятно, что духовное воспитание деятелей такого масштаба, как Иосиф Волоцкий, Вассиан Рыло, Макарий и других было бы просто невозможно без наличия в монастыре обширной библиотеки. Но в дальнейшем многие ценные книги и рукописи из нее были утрачены. Еще Иосиф Волоцкий при уходе из монастыря унес с собой книги, которые при описании библиотеки Волоколамского монастыря П. М. Строев выделил в особый фонд.⁶

Пафнутьевская библиотека, по-видимому, счастливо избежала разгрома 1610 г. Незадолго до начала осады монастыря она была увезена в Москву. Но мы не знаем, не понесла ли утрат библиотека во время событий 1812 г. Кроме того, известно, что в ней в 1820 г. работали П. М. Строев и основатель известной библиотеки граф Николай Петрович Румянцев, при этом какие-то книги и рукописи были взяты из монастыря в музей.

Наиболее почитаемой книгой монастыря было известное Макарьевское евангелие 1533 г. с высокохудожественными миниатюрами, подаренное монастырю Макарием еще в бытность его архиепископом Новгородским. В библиотеке было еще одно Евангелие, о котором упоминается в труде иеромонаха Леонида.⁷ На первом листе этого Евангелия была надпись: “Лета 1602 сентября в 25 день на память преподобного отца нашего Сергия Радонежского Чудотворца. Сия книга, глаголемая Евангелие, положила в дом Пречистыя Богородицы и славного ее Рождества и преподобного отца нашего Пафнутия Боровского на престол в монастыре Ирина Андреевская жена Петровича Клешнина, на поминание души мужа своего Луппа, по иконе Схимнике Левкее, и по его родителям, и по своей души”. Начальные слова и евангелисты были расписаны золотом. Верхняя дека - серебряная, чеканная, позолоченная с изображением на ней резного с чернью распятия с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом. Само распятие все было унизано жемчугом между евангелистами и по краям дека, на которой также были укреплены четыре драгоценных камня.

Известно, что Макарьевское евангелие хранится в Государственном историческом музее г. Москвы. Сообщений о местонахождении Евангелия Ирины Клешниной мне не встречалось.

При описании библиотеки монастыря, опубликованном в “Чтениях при Императорском обществе истории древностей Российских” за 1865 г., и. Леонид приводит следующие цифры: всего в библиотеке содержалось книг рукописных - пятнадцать, старопечатных - пятьдесят девять.

Граф С. Шереметьев, посетивший монастырь в 1897 г., писал со слов тогдашнего настоятеля Дионисия: “уцелело в нем немного; но среди уцелевшего встречаются сокровища”. В дальнейшем тексте С. Д. Шереметьев упоминает

только об Евангелии Макария и грамотах Годуновых.⁸

В заключение необходимо остановиться на *просветительской роли монастыря* и на *монастырской больнице*. В 1776 г. при архимандрите Сильвестре Буявинском в монастыре была открыта семинария для детей священников. В дальнейшем ее сменило Боровское духовное училище, размещавшееся в Погребном корпусе.

С самых первых лет своего существования был известен и источник минеральной воды, находящийся за стенами монастыря на склоне реки Истермы неподалеку от Сторожевой башни. Водой из этого источника Пафнутий некогда излечил Дионисия.⁹ В обители существовала и больница.

6. Реставрационная работа.

В 1954 г. рухнула центральная глава собора Рождества Пресвятой Богородицы. К этому времени также были в аварийном состоянии трапезная постройки 1511 г. и церковь святого Ильи. Вследствие падения уровня подпочвенных вод дубовые сваи, на которых стоят многие здания монастыря, еще с XIX в. стали гнить и разрушаться. По стенам сооружений пошли трещины, которые до революции пытались поддержать контрфорсами, но расширение трещин неуклонно продолжалось.

Было принято решение о реставрации монастыря силами Всесоюзного производственного научно-исследовательского комбината (ВПК). Проектные работы велись О. К. Губаревичем, М. К. Виноградовой, Л. А. Давидом, В. Н. Меркеловой и Д. Циперовичем. В 1960 г. начались реставрационные работы. Долгое время они велись под руководством Валентины Николаевны Меркеловой.

Исследования показали, что стены и башни строились в разное время. По всей вероятности, в 1610 г. большая часть стен и башен были разрушены. Эта первая разрушенная крепость, по всей

видимости, выглядела иначе, чем сейчас. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что Погребной корпус некогда входил в крепостную стену, и по архитектуре Оружейная и Сторожевая башни сильно отличаются от других башен монастыря. Неясным остается вопрос, существовала ли к 1610 г. северо-западная часть крепостной стены. В. Н. Меркелова в своей статье¹⁰ ничего об этом не говорит, ограничившись констатацией факта ее постройки в XVII в., после окончания Смутного времени.

Некоторые исследователи на основании сходства многих архитектурных приемов и деталей считают, что в строительстве крепости, существовавшей до 1610 г., принимал участие Федор Конь.¹¹ Строителем же Сторожевой и Оружейной башен, а также северо-западного участка стены считается Трофим Шарутин.¹²

К настоящему времени полностью отреставрированы крепостные стены с башнями, собор и часть келий.

Была также проведена почти полная расчистка первоначальной росписи собора.¹³

7. Монастырский музей и краеведческая работа.

Историей г. Боровска и Пафнутьев-Боровского монастыря занимается более пятидесяти лет Алексей Алексеевич Антипов, который с 1942 г. был преподавателем сельскохозяйственных учебных заведений, размещавшихся на территории монастыря. По его инициативе и под его руководством началось изучение памятников монастыря, а затем и работы по созданию музея. Официально музей был открыт на общественных началах в 1968 г. С течением времени было собрано более четырех тысяч экспонатов и проведено несколько тысяч экскурсий.¹⁴

В 1987 г. на базе этого музея был создан Государственный музей - филиал Калужского областного музея.

¹ Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сб. Историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2.

² Ильин М. Монастыри московской Руси XVI века как оборонительные сооружения // Исторический журнал, 1944. № 7-8.

³ Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 141 - 152, 168 - 169.

⁴ Кадлубовский А. П. Указ. соч.

⁵ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. Спб., 1882. С. IX; Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря (Калужской губернии) в связи с историческим сказанием о преподобном Пафнутии Боровском чудотворце, основателе онога с приложением свидетельств о благодатных знаменаниях, явленных им страждущему человечеству. Калуга, 1894. С. 119.

⁶ Строев П. М. Описание рукописей монастырей

Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Саввино-Сторожевского и Пафнутьева. Спб., 1891.

⁷ Леонид (Кавелин Л. А.) Обзор рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей и сельских церквей Калужской епархии // Чтения при Императорском обществе истории и древностей Российских. Спб., 1865.

⁸ Шереметьев С. Боровский Пафнутьев монастырь // Боровский Пафнутьев монастырь, 1995.

⁹ Кадлубовский А. П. Указ. соч.

¹⁰ Меркелова В. Н. Пафнутьев-Боровский монастырь, краткий обзор исследований и реставрации (1955 - 1975 гг.) // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1982. Вып. 2.

¹¹ Ильин М. Указ. соч.; Меркелова В. Н. Указ. соч.

¹² Косточкин В. В. Указ. соч. С. 141 - 152, 168 - 169.

¹³ Меркелова В. Н. Указ. соч.

¹⁴ Антипов А. А. Живые корни России. Боровск, 1994.

ИСТОРИКИ-ЛЮБИТЕЛИ ИЗ ДУХОВЕНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Белое (приходское) духовенство русской православной церкви было значительным слоем общества и, в определенной мере, частью существующего государственного механизма. Общественный престиж его в XIX в. был невысок. На него возлагались, кроме отправления религиозных треб для населения, также регистрация рождений, браков, смертей; преподавание обязательного закона Божьего школьникам и студентам, обучение грамоте в церковно-приходских школах.

В дореволюционный период духовенство было замкнутым сословием, в которое было трудно попасть и из которого сложно выйти. Среди сельского населения духовенство очень близко стояло к крестьянству по происхождению, условиям быта, уровню жизни. В 1850 г. с духовенства снята была обязанность учить своих детей в духовных учебных заведениях и предоставлено право учить их и воспитывать по их способностям и дарованиям. Реформы 1860-х гг. повлияли и на духовенство.

В 1867 г. духовные семинарии были подтянуты (по уровню образования и финансирования) к гимназиям. В 1863 г. семинаристы, окончившие четыре общеобразовательных класса, получили возможность поступать без экзамена в университет (в 1879 г. это право было отнято). В 1867 г. был уничтожен существовавший порядок наследования церковных должностей путем женитьбы на дочери предместника. А в 1869 г. дети всех священно- и церковнослужителей отчислялись от принадлежности к духовному званию, им предоставлялся свободный выбор профессии и право поступления на государственную службу.¹ Русское духовенство было важным источником формирования гуманитарной (творческой и научной) интеллигенции России. В условиях России XIX в. наибольшее число образованных людей закончили духовные заведения.

В 1866 г. в стране было четыре духовных академии и пятьдесят духовных семинарий (как правило, по одной на епархию). Только за двадцать пять лет (1867 - 1891) число лиц, учившихся в семинариях, составило 376183 человека, а обучавшихся в духовных училищах России - 760630 человек.²

В 1870 г. в России насчитывалось 39401 церкви, в которых было 115619 человек приходского духовенства (священнослужителей из них 39656 человек, остальные - причт).³ Вместе с членами семей (а семьи у них были, в основном, многодетные), они составляли значительную часть грамотного населения страны. В течение всего XIX

в. духовенство было массовым источником для пополнения бюрократического аппарата низкими и средними чиновниками. Материальное обеспечение последних было значительно выше дохода основной массы приходских священников. Поэтому среда провинциальных чиновников второй половины XIX в. была сильно заполнена выходцами из духовенства.

В любой губернии духовенство по количеству значительно превышало дворянство и чиновничество. Во Владимирской губернии, например, в 1876 г. проживало около 4200 потомственных и личных дворян и более 17000 человек приходского духовенства (без членов семей).⁴

Большое значение имело и то, что духовенство было не просто грамотным, а наследственно грамотным сословием со своими ведомственными учебными заведениями, архивами, библиотеками, органами управления, традициями. Трудолюбием, выносливостью, жадностью знаний, упорством бывшие семинаристы и в университетах, и на службе значительно превосходили детей свободных сословий.

Гуманитарная нацеленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие и приходской церкви архива - все это делало приходского священнослужителя сельским историком поневоле, влияло на его мировоззрение, круг занятий. Близость и сопричастность ко всем крестьянским праздникам в определенной мере превращала его и в этнографа, превосходно знавшего все местные обычаи и обряды. В известном смысле, русское православное духовенство было потенциально сословием историков. Массовый отклик священнослужителей на вопросники Русского географического общества середины XIX в., повсеместное активное участие в научной деятельности губернских статистических комитетов - наглядное тому доказательство. Замечательный тульский краевед Н. Е. Северный, характеризуя местную историографию XIX в., отмечал в 1914 г.: "Между такими коллективными деятелями выдающуюся роль играли до конца XIX века в порядке времени - Тульская духовная консистория, Тульские губернские ведомости (с 1838 г.), Тульский губернский статистический комитет, Тульское духовенство всей епархии, ведшее местные церковные летописи..."⁵

С 1890-х гг. в епархиях начинается широкое движение за создание особых научных церковно-исторических учреждений, древлехранилищ и музеев. До начала XX в. их было создано в России шестнадцать, а к 1917 г. - пятьдесят девять (по одному

на епархию).⁶ Отметим созданные в числе первых Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет с древлехранилищем (1886 г.), Владимирское церковно-историческое древлехранилище (1886 г.), Воронежский церковно-историко-археологический комитет с древлехранилищем, библиотекой и архивом (1890 г.), издавший четырнадцать томов “Воронежской старины”. По мнению Синода, древлехранилища учреждаются “для собирания местных исторических памятников и для развития в местном обществе, в духовенстве и среди воспитанников духовно-учебных заведений археологического интереса и знаний и оказывают благотворное влияние на разработку исторических памятников, относящихся к истории России и, в частности, к истории русской церкви”.⁷

Но в 1860-1880-х гг. губстаткомитеты были единственными доступными для приходского духовенства местными научными центрами. Во многих комитетах 1860-х гг. местные священники составляли от трети до половины состава действительных членов.

Мотивы массового обращения к научным историческим и этнографическим занятиям священников разных возрастов, начиная с середины XIX в., многообразны. Посылая свои отчеты на вопросник РГО, заштатный священник села Воскресенского Нижегородской губернии П. С. Смирнов риторически писал 30 ноября 1848 г. в сопроводительном письме: “Так как я совершенный есть неук и невежда, то и не должен был входить со своими строками в столь просвещенное и блистательное общество, но как достиг уже 72 лет, покрылся снеговидною сединою... да последние мои минуты могут быть милому моему отечеству хотя единою строкою годны, а старости и дряхлости моей целебны”.⁸

Стремлению поделиться накопленным в жизни опытом в любой форме было характерно для многих ушедших на покой по старости священников. Протопоп Нижегородского Спасского собора писал в своих воспоминаниях о прошлом (1889), окидывая взором все прожитую жизнь: “Жизнь моя многолетняя (69 лет) полна различных проявлений и сторон - назидательных, интересных и курьезных. {...} Какое обилие впечатлений... Какое обилие случаев для наблюдений, изучений всевозможных сторон жизни... Дал мне Господь изобразить хотя бы тысячную долю того, что я видел, что меня занимало, что полезно для истории и что назидательно для последующих поколений - изобразить придерживаясь этнографической формы”.⁹

Отметим здесь стремление автора к анализу своего многообразного жизненного опыта и тягу его к научным (этнографическим) формам работы. Все же основная часть священников - актива статистических комитетов - были в 1860-е гг. или начинающей молодежью, или людьми зрелыми.

Некоторые из них продолжали свои исторические и этнографические работы в течение всей жизни. Влияние воззрений и нравственных установок шестидесятничества осталось в них на всю жизнь.

Тематика работ этих авторов, как правило, касалась того, что они хорошо знали в окружающей жизни: исторических и этнографических описаний сел, приходов, уездных городов; быта окрестного населения. Во многих семьях складывались прочные краеведческие традиции, и нередкими были случаи, когда и отец, и сын занимались краеведением. Из семидесяти семи лиц, указанных в биографическом справочнике “Вологжане-краеведы” (1923), более половины - выходцы из духовенства.¹⁰

Характерна фигура Ивана Герасимовича Кибардина (1817 - 1873) - деятельного члена Вятского статистического комитета, тридцать семь лет (до смерти) прослужившего священником в наследственном богатом приходе села Лекма Слободского уезда. Помимо присылаемых им в статистический комитет исторических описаний родного уезда, он был активным и энергичным общественным деятелем уездного масштаба, образцовым приходским священником. В его посмертной биографии, составленной его преемником в приходе, указывалось: “Долголетняя и примерная жизнь на одном месте и многоплодное и полезное служение его церкви приобрели ему полное доверие и любовь от его прихожан. {...} Темы для своих поучений он нередко брал из особенных обстоятельств своего прихода... В память о себе он оставил церковь, построенную им на свои средства”.¹¹

Двадцать семь лет он обучал в домашней и приходской школах крестьянских мальчиков. С 1863 г. он состоял действительным членом Вятского статкомитета, а с 1864 г. был благочинным в своем округе. С 1873 г. все трехлетие был секретарем уездного земского собрания. Не случайно издание его “Описания” Слободского уезда финансировалось уездным земством. Закономерно, что сменивший его в приходе священник М. Утробин, продолжая традицию Кибардина, написал и опубликовал “Историческое описание села Лекмы Слободского уезда”, основанное на материалах церковного архива.¹²

Другой распространенный тип свободно мыслящего образованного священника, связанного с передовой демократической печатью, олицетворял Михаил Ионович Осокин (1820 - 1876). Он служил в богатых приходах Нолинского уезда Вятской губернии и был на хорошем счету у епархиального начальства. Первая его работа, созданная под влиянием вопросников и анкет РГО, была этнографической. Она опубликована в 1856 г. в журнале “Современник” под названием “Народный быт в северо-восточной России” и состояла из трех частей. В первой части (1856, сентябрь) сообщались сведения о составе населения Малмыжского уезда

Вятской губернии, описывались обычаи и обряды местных крестьян при рождении и смерти, по второй (1856, ноябрь) - рассказывалось о народном самолечении и крестьянской демонологии, в третьей статье (1856, декабрь) шли сведения об оборотнях и приводились две крестьянские легенды.

По содержанию статей видно, что их автор глубоко знал местный быт и нравы, сообщал много интересных фактов часто словами своих собеседников-крестьян. Работа И. И. Осокина даже вызвала некоторую полемику в кругу столичных авторов. Академик И. И. Срезневский считал его статьи слишком мелко детализированными, перегруженными незначительными подробностями. На что Н. А. Добролюбов возражал, считал, что этнографу надо брать решительно все и лишь позднейший исследователь будет в состоянии отделить главное от случайного.¹³ В Вятке статьи Осокина имели успех и в выдержках были помещены в "Вятских губернских ведомостях".¹⁴

М. И. Осокин и многие другие ему подобные авторы не делали большого различия между своими литературными и научными работами. Поэтому так органичен в творчестве М. Осокина роман из жизни русского духовенства "Ливанов", напечатанный в "Русском слове" за подписью "Н. Осокин" (1864, апрель - июнь). По мнению исследователя Е. Д. Петряева, М. Осокин заменил инициалы для маскировки, так как священнику неудобно было печататься в журнале крайних радикалов.¹⁵

Роман явно автобиографичен и наделал на Вятке много шума. Литератор и публицист, историк и этнограф М. И. Осокин переписывался с Н. Г. Чернышевским, Д. И. Писаревым, Н. В. Шелгуновым, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Он был гласным уездного и губернского земства, активным сотрудником статистического комитета, одним из создателей Нолинской женской гимназии. Умер он после длительной болезни от туберкулеза.

Сын его, Иван Михайлович Осокин (1864 - 1921), был тоже священником, закончившим Вятскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, известным вятским историком-краеведом, автором многочисленных работ о местной церковной старине. Являясь активнейшим сотрудником Вятской ученой архивной комиссии, он много сделал для спасения вятских архивов от гибели.

Семейные краеведческие традиции в русской провинции второй половины XIX - начала XX вв. были явлением распространенным и приносившим большую пользу изучению края. В семьях создавались ценные библиотеки, личные архивы, коллекции, шла концентрация краеведческих знаний и методики исследования.

Активно шло исследование этнографии нерусских народов России. В губерниях севера и средней полосы России, Поволжья это касалось прежде всего небольших финно-угорских

народностей, а также тюрко-язычных этносов. Поскольку многие из этих народов еще в XVIII в. были язычниками, первыми исследователями их истории, языка, этнографии и культуры становились священники.

Колоритна фигура священника Григория Егоровича Верещагина, первого этнографа-удмурта (1851 - 1930). Его этнографические работы посвящены удмуртскому населению Сарапульского уезда Вятской губернии. За свои две первых фундаментальных работы "Вотяки Сосновского края" и "Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии", созданные им по программам РГО и посланные в это общество, автор был награжден серебряной медалью РГО, а его работы опубликованы в "Записках РГО".¹⁶

Учтена двадцать одна работа этого автора. Как правило, они невелики по объему и посвящены устному народному творчеству удмуртов, народной медицине, знахарству, мифологии удмуртов и археологическим памятникам.

По мнению современных исследователей удмуртской этнографии, "названные монографии Г. Верещагина по широте охвата представляют собой своего рода энциклопедию дореволюционной жизни удмуртского народа".¹⁷ Постоянно проживая среди удмуртов, Г. Е. Верещагин имел возможность (в отличие от ученых в экспедициях) глубоко проникнуть в строй духовной и материальной жизни удмуртского народа. Значительно мешало его работе отсутствие серьезного систематического образования. Закончив Сарапульское реальное училище, Г. Е. Верещагин учительствовал в земских школах, а затем принял духовный сан и в течение двадцати семи лет был приходским священником. Начав заниматься этнографией с 1860 г., он довольно быстро создал две свои основные работы (1886, 1889), написанные в беллетризированной форме. Также он стал автором первого оригинального художественного произведения на удмуртском языке.¹⁸ Для его творчества показателен и большой художественно-этнографический очерк "Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда", опубликованный в "Календаре и памятной книжке Вятской губернии на 1896 год". По своим взглядам и воззрениям Верещагин был гуманистом-просветителем. Главный смысл своей жизни он видел в христианском просвещении народа.

Итак, в русской провинции второй половины XIX в. приходское духовенство было значительной культурной силой. Достаточно характерной для 1860-1880-х гг. является фигура сельского священника, историка и этнографа-любителя, члена губернского статистического комитета.

Гуманитарное образование, общественный подъем 1860-х гг., наличие постоянных организационных краеведческих центров, в виде губернских статистических комитетов, нацеленность краеведческих материалов в местной печати на

деятельного читателя, стремление большей личностной реализации, желание выйти из привычного круга занятий, влияние передовой литературы - таковы, думается, основные предпосылки обращения многих десятков приходских священников во второй половине XIX в. к занятиям историей и этнографией родного края.

И явление это было социально обусловленным: в селе, в приходе функции официального историка, регистратора течения времени внутри небольшой общности людей возлагались именно на священника. Существование церковного архива, где часто были документы XVII - XVIII вв., ведение метрических и исповедных книг, составление клировых ведомостей делало этих

людей своеобразными генеалогами поневоле, сопричастными ходу истории, позволяло им свободно ориентироваться в прошлом, а, следовательно, и отделять его от настоящего, а настоящее от будущего. Будучи своими в тесном сельском мирке, они одновременно были отстранены от него своим положением и образованием и могли взглянуть на привычные крестьянские занятия с точки зрения этнографа.

Именно эта среда приходского духовенства в условиях провинциальной России XIX в. создала благоприятные условия для формирования исторического сознания.

¹ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С.100 - 102.

² Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. СПб., 1901. С. 180 - 181.

³ Там же. С. 29.

⁴ Протокол годичного собрания Владимирского губернского статистического комитета 27 мая 1876 года. С.1.

⁵ Северный Н. Е. Мои занятия по историческому изучению Тульского края. Тула, 1914. С. 37.

⁶ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 326 - 369.

⁷ Там же. С. 361.

⁸ Архив РГО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 - 1 об.

⁹ ГАНО. Ф. 2018. Оп. 602а. Д. 133. Л. 71 - 74.

¹⁰ Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923.

¹¹ ГАНО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 41. Л. 4.

¹² Утробин М. Историческое описание села Лекмы Слободского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 19.

¹³ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М., 1962. Т. 8. С. 542 - 543.

¹⁴ Вятские губернские ведомости. 1857. №№ 8, 9, 11, 12, 13.

¹⁵ Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: литературные находки. Киров, 1970. С. 90 - 95.

¹⁶ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Записки РГО. СПб., 1886. Т. XIV. Вып. 2. С. 218; он же. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки РГО. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 2. С. 197.

¹⁷ Владыкин В. Е., Христофорова Л. С. История этнографии удмуртов: краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск. 1984. С. 36.

¹⁸ Писатели Удмуртии: Библиографический справочник. Ижевск, 1989. С. 90 - 95.

Я. Э. Зеленина

ГРАФ А. С. УВАРОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКИ

В обширном архивном наследии А. С. Уварова значительный пласт составляют материалы, относящиеся к исследованию христианской символики. Задуманный в конце пятидесятых годов прошлого столетия после длительного путешествия графа и графини Уваровых по Европе, этот труд, как известно, остался незавершенным. Между тем, основная часть работ Уварова по средневековой культуре, включая опубликованный посмертно "Византийский альбом", небольшие статьи и заметки (такие, как "Недремаемое око Спасово", "Рисунок символической школы XVII века" и др.), описания икон в "Каталоге собрания древностей графа А. С. Уварова", да и сам характер покупаемых в коллекцию произведений, показывают глубокий интерес ученого к иконографии и символике.¹

Немногие дошедшие до нас дневники и путевые заметки Алексея Сергеевича пестрят упоминаниями и рассуждениями об этих же предметах, постоянно находящихся в центре его внимания. В них содержатся многочисленные библиографические выписки "для Символики". Есть, например, и такое наблюдение, записанное по дороге

во Львов: "На болотах ходили преспокойно белые аисты с черными концами крыл, так что понятна общеупотребительность этих птиц в славянской символике" (путешествие по Галиции, 1872 г.).² Результаты "кабинетных" занятий Уварова, да и в целом его заслуги перед русской наукой могут быть верно осмыслены только после изучения и оценки наиболее серьезного и по замыслу, и по объему труда его жизни - "Христианской символики", рукопись которой полностью сохранилась до наших дней.

В 1908 г. Д. В. Айналов, Е. К. Редин и С. А. Жебелев по просьбе графини П. С. Уваровой издали первый том этой фундаментальной работы: "Символику древнехристианского периода".³ В предисловии редакторов описаны все, разобранные после смерти автора предназначенные к печати материалы. Это краткие, имеющие обобщающий характер, замечания. Вместе со сведениями, полученными из переписки, они позволяют установить, какие именно фрагменты текста "Символики" находятся сейчас в архивах Москвы (ОПИ ГИМ, фонд А. С. Уварова) и Санкт-Петербурга (РА ИИМК РАН, фонд Я. И. Смирнова).

Уцелела рукопись первого, опубликованного, тома и почти все части второго, озаглавленного “Русская символика”: рукопись и корректура четырех обширных глав “Введения”, комплекс материалов “Символического словаря” и некоторые тексты Приложений. Последние состояли из наиболее важных письменных источников по символике: Физиологов (греческого и русского), Сказания св. Епифания Кипрского о двенадцати камнях, сборника Дамаскина Студита и др. Разрозненные выписки, справочные и черновые материалы исследования, многочисленные рисунки сохранились, по-видимому, только частично. Существуют ли упомянутые Айналовым занимавшие большую зеленую папку отрывки физиологических сочинений и прориси с рукописных миниатюр,⁴ собранные Уваровым в библиотеках Европы и России, а также деревянные клише, с которых делались (нередко самим автором) оттиски иллюстраций, мне пока неизвестно.

Неизданные до сих пор тексты “Русской символики” претерпели “тройную” редакцию: самого А. С. Уварова, готовившего их по мере сил и возможностей к печати (в восьмидесятые гг. XIX в.); Д. В. Айналова и др. (1904 - 1912 гг.), очень сдержанную и деликатную; и Я. И. Смирнова (1912 - 1917 гг.). Многолетняя переписка графини Уваровой с Айналовым и Смирновым раскрывает дополнительные любопытные обстоятельства публикации этого труда.⁵

Первое приглашение поработать “над бумагами покойного графа” относится еще к осени 1895 г., когда Айналов жил в Казани. Как позднее и для Смирнова основными причинами, побудившими его согласиться на этот труд, послужили высокий авторитет и влияние Прасковьи Сергеевны и специальный интерес к тематике исследования. Следующий обстоятельный разговор на данную тему состоялся спустя несколько лет в октябре 1904 г., а в начале 1906 письма ученого уже целиком посвящаются вопросам издания “Символики”. Дмитрий Власевич, стремясь оставить “в полной неприкосновенности... стиль языка, строй мысли и аргументацию автора”,⁶ исправлял только очевидные фактические ошибки, “шероховатую” стилистику черновиков и добавлял недостающие цитаты.

Сменивший его в 1912 г. Яков Иванович Смирнов сразу же предложил снабдить “Символику” ссылками на современную научную литературу. Так появились неудобочитаемые, сделанные с исключительной библиографической точностью и полнотой примечания к главам “Введения”, надолго затянувшие печатание текста. В архиве сохранилось немало заметок и выписок Якова Ивановича, указывающих на малоизвестные отечественные и иностранные работы по символике. То, что метод автора был вполне осознан и принят спустя полвека вторым редактором, доказывают и существенно

обогатившие текст исправления в корректурных листах, и, например, выписки из “Шестоднева” Василия Великого, дополненные Смирновым в соответствии с уваровскими принципами прочтения святоотечественной литературы.

В отличие от Айналова, избравшего для печати несколько наиболее законченных статей “Символического словаря”, Смирнов решил выпустить в свет все, даже самые краткие и малозначительные выписки по некоторым символам. Специально приглашенная для этой цели “барышня” тщательно переписала их на отдельные листы, и они были разложены в алфавитном порядке. Надо заметить, что современному читателю, профессионально занимающемуся иконографией и символикой, интересен и полезен не только основной текст уваровского труда (без сомнения, предназначенного занять подобающее ему место в истории русской науки), но вся полнота многообразных, по крупицам собранных материалов. Среди них можно встретить и уникальные сведения, и полузабытые источники, и устаревшие, наивные неточности.

Каким же предстает в этих опубликованных и архивных материалах граф Уваров - исследователь христианской символики? Не имея возможности обрисовать всю картину его научных воззрений, укажу самые характерные из них.

Необходимо заметить, что текст обеих частей “Символики”, позволяющий проанализировать методологию Уварова и круг используемой им литературы, не содержит конкретного определения предмета изучения. Какие-то особенности уваровской концепции символа и символики прослеживаются по отдельным замечаниям, черновым записям ученого. “Символ и изображение суть вполне знаки, посредством которых наглядно выражается идея отвлеченная, и с этой точки они составляют одно и то же понятие. Но разница их состоит в том, что символ есть олицетворение или наружное, наглядное выражение догмата, а изображение или фигура есть произвольный наглядный способ выражения какой-нибудь идеи. Эмблема есть условный внешний знак, присвоенный известной идее, а аллегория или иносказание не требует, кажется, объяснений”.⁷

Символический способ мышления и художественного языка онтологически присущ христианству. При этом ученый понимает символику широко: как понятие, включающее наряду с изобразительным мировоззренческим и смысловой аспекты. “Христианство поручило художествам распространение веры: символика учит, проповедует, толкует веру; она глубоко закореняет в душах христианское учение, не одними отвлеченными толкованиями, но, придав им форму наглядную, запечатлевает в уме, символика есть особая мнемоника христианского учения”.⁸ Символизм присутствует в средневековом искусстве и на уровне

содержания, богословского обоснования сюжетов и образов, и в особенностях иконографии, и в стилистике: “В символике лежит начало иконографии”.⁹ Все известные науке изображения на христианских художественных памятниках, по мнению исследователя, могут быть объяснены через заданный им и восходящий к апостольскому времени и традициям символический смысл.

Первым и непреложным источником символики являются для Уварова книги Св. Писания и труды церковных писателей, изученные им, как правило, на языке оригинала. К ним восходят главные принципы восприятия и построения символики, определившие последующее развитие христианской культуры. Не менее существенная роль принадлежит специальным руководствам - физиологам, бестариям, азбукникам и другим сборникам такого рода. Сопоставление словесных символических текстов и изображений положено в основу метода Уварова.

Разумеется, автор “Символики” не мог исключить из важнейших источников и соборные постановления, раскрывающие отношение Церкви к образу: “Важность Трулльского собора. Символикою стараются возвысить искусство до того божественного понятия, которому оно служит; различие языческого искусства от христианского”.¹⁰

Последняя фраза приоткрывает еще один значительный, объединяющий проблематику обеих частей “Символики”, момент. Как для раннехристианской, так и для русской культуры важно наличие двух составляющих между собой. Это, как уже было замечено выше, основанная на Св. Писании и святоотеческих сочинениях устойчивая традиция восточно-христианской иконографии - и местная, народная, уходящая корнями в языческую древность. В проекте программы для чтений по византийской археологии (1879 г.) в тезисе “элементы языческие и христианские” эта проблема намечается и для Византии.¹¹

Древнерусская символика представляет для Уварова сложное явление, не насажденное и не усвоенное вдруг, вместе с крещением Руси; она есть своеобразный язык народа, глубоко зависящий от мировосприятия. Вещественные памятники символического характера восполняют недостаток сведений, полученных из письменных источников, помогают понять взгляды и убеждения человека времен Древней Руси: “... но иногда почти незаметный знак, или по-видимому незамечательное изображение, покажут нам, чему верили в древние времена, какие предания сохранились в народе, каким образом народ получил и принял предание, рожденное или на Севере в Скандинавии, или на Востоке. Я говорю здесь о народе потому, что эти памятники должны были иметь общую всенародную ясность” (“Введение в Русскую символику”).¹²

Такой подход к символике сближает исследование Уварова с поисками его коллег-

филологов: А. А. Потебни, А. Н. Афанасьева и других, указавших на столь тесную связь символики с языком, что “только с точки зрения языка можно привести символы в порядок согласно с воззрением народа, а не с произволом пишущего”.¹³ Очевидно, ученого немало привлекало и это развивающее идеи романтизма направление в науке XIX столетия: “Символика ставит пределы, границы филологическим исследованиям, доказывает материально, осязательно вкоренившиеся в народе понятия или верования”.¹⁴

Об интересе Уварова к национальным основам символики свидетельствует значительный пласт ссылок, цитат из работ П. В. Киреевского, И. П. Сахарова, А. Н. Пыпина и др., посвященных изучению русской национальной культуры. Они особенно многочисленны в материалах “Символического словаря”, куда включены многие образы славянской мифологии. В большинстве же случаев разбор христианских книжных и народных понятий и символов соседствует (кентавр, китоврас и полкан).

В предисловии к первому тому труда Айналов отметил, что автор, отдавший дань научной доктрине времени - *disciplinae aeternae*, совершенно изменил свой метод после серьезных занятий памятниками отечественной символики.¹⁵ Уваров стремился проследить постепенное зарождение видоизменения, пути взаимодействия и передачи символов в истории культуры, что выразилось преимущественно во второй части работы. К сожалению, эти попытки так и не были реализованы в ясную и продуманную систему. Наличие нескольких художественных традиций, письменные и археологические свидетельства духовной жизни предков, географические и природные особенности, черты национального характера, исторические, социальные и бытовые условия и т. п. - вот те аспекты, влияние которых на символику так или иначе затрагивается в материалах.¹⁶

В предварительных заметках к четырем главам “Введения в Русскую символику”, взятых редакторами из черновиков, Уваров указывает, что “стройная наука” символика может служить критерием датировки произведений искусства: “Только посредством этой ветви археологии можно составить себе точное понятие о значении и времени самого памятника”.¹⁷ По существу, ученый предлагает здесь комплексную методику изучения произведений, ведь символика понималась им исключительно широко, подразумевала различные уровни осмысления, аспекты, точки зрения.

Поставленные задачи решались постепенно: собирание всех доступных исследователю символических изображений, сведений и упоминаний о символах, возможная их систематизация и объяснение. Более отдаленная и перспективная цель - установление строгих научных

правил, объективных законов построения символики, по которым можно было бы точно атрибутировать каждый новый памятник.

Принципы классификации письменных и вещественных символических памятников, предложенные автором, по-видимому, являются первыми и единственными в русской науке. Они показывают, что Уваров, несмотря на масштабный характер своего труда, стремился к точности и конструктивности. Например, художественные произведения, символизм которых нельзя подтвердить специальными текстами или надписями, в классификации сведены в особую группу. Эти так называемые “неположительные” памятники, в свою очередь, подразделяются на те, символика которых объясняется только догадками, и на изображения, не имеющие символического смысла, ставшие простыми украшениями¹⁸.

“Христианская символика” Уварова должна была вырасти в фундаментальную энциклопедию, свод символических понятий и образов различных эпох и культур, опирающийся на точные письменные и археологические данные. Огромная эрудиция автора, обилие и разнообразие привлекаемого материала готовили ей исключительное место в русской науке. Многие положения и собранные документы, по словам Айналлова, не утратили значимости и в начале XX в. Для современного исследователя этот труд актуален еще и тем, что объединяет опыт нескольких существовавших в то время европейских и русских традиций изучения изобразительной символики. На мой взгляд, в “Христианской символике” графа А. С. Уварова в наибольшей степени выявились особенности церковно-археологических изысканий середины прошлого столетия.

¹ Византийский альбом графа А. С. Уварова. М., 1890; Сборник мелких трудов графа А. С. Уварова. М., 1910. Т. 1. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Отд. I - XI. М., 1887 - 1908. Отд. III - VI., М., 1907. В предисловии к отд. IV “Иконы на досках” П. С. Уварова замечает, что граф покупал преимущественно памятники символические. Описания икон, составленные Уваровым для “Каталога”, тоже посвящены, в основном, объяснению их символики. (С. 82 - 83).

² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 164. Л. 3.

³ Уваров А. С. Христианская символика. М., 1908. Ч. 1. Символика древнехристианского периода.

⁴ Письма Д. В. Айналлова - П. С. Уваровой. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 541. Л. 166 об.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 541, 542 (письма Д. В. Айналлова - П. С. Уваровой); Ед. хр. 568, 570 (письма Я. И. Смирнова - П. С. Уваровой); РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 293 (письма П. С. Уваровой - Я. И. Смирнову).

⁶ Христианская символика. Ч. 1. С. IX.

⁷ РА ИИМКРАН. Ф. 11. Ед. хр. 88. Л. 216 об. Здесь и далее фрагменты черновиков публикуются по правилам современного правописания.

⁸ Там же. Л. 217.

⁹ Сборник мелких трудов. Т. 3. С. 159.

¹⁰ РА ИИМК РАН. Ед. хр. 87. Л. 274.

¹¹ См. сноску 9.

¹² РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 92. Л. 3.

¹³ Потемкина А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860. С. 8.

¹⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 88. Л. 216 об.

¹⁵ См.: Христианская символика. Ч. 1. С. VI - VII.

¹⁶ Существуют, например, такие высказывания А. С. Уварова: “Сюжеты заимствованы из народной поэзии, на них отражается воззрение столетия, в котором произведены”. РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 88. Л. 216 об.; “Но кроме этого технического влияния на стиль, существует также и влияние символическое, которое проявляется с древнейших времен. Например, техническое связывание... или переплетание нескольких продолговатых плоскостей вместе, перешли из практической необходимости в художественный символ как способы украшения”. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 70; Одна из глав должна была посвящаться изучению “гражданской” символики. РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 88. Л. 113 - 132.

¹⁷ РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 92. Л. 2.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 152 об. - 153; РА ИИМК РАН. Ф. 11. Ед. хр. 92. Л. 27 и далее.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В ТРУДАХ И ВЫСТУПЛЕНИЯХ ГРАФА А. С. УВАРОВА

Имя графа А. С. Уварова в последние годы все чаще упоминается в научных и популярных работах.¹ Археологу Уварову возвращено доброе имя, по достоинству высоко оценивается его деятельность как коллекционера, нумизмата и библиофила. Труды ученого в различных областях гуманитарных знаний создали ему большой авторитет в научных кругах.

Необычайно весомой является общественная грань его деятельности. Напомним, что А. С. Уваров активно работал в Московском архитектурном обществе, Археографической комиссии, Комиссии для построения Храма Христа Спасителя. Он был инициатором создания Русского археологического общества в Петербурге, Московского археологического общества. Именно Московское общество в последнее двадцатилетие жизни ученого стало главным его делом.

Большую роль в становлении археологии как науки, в консолидации научных сил, "... пробуждении умственной жизни в нашей стране",² по словам И. Е. Забелина, сыграли археологические съезды, первые шесть из которых проводились непосредственно А. С. Уваровым.

Основной целью всех общественных начинаний графа стало стремление сохранить памятники старины от равнодушия общества и забвения. Не случайно, что на первых археологических съездах и во всех выступлениях А. С. Уварова звучал один животрепещущий вопрос "какие меры необходимо предпринять для сохранения памятников старины". В те годы ученый фактически предлагает стройную продуманную программу сохранения памятников старины, многие положения которой вошли в первый проект специального закона о сохранении памятников 1869 г. Считаю необходимым более подробно остановиться на этой программе, т. к. многое в ней не потеряло актуальности и в наши дни.

Состояние российской старины, по мнению ученого, в конце XIX в. было критическим. Памятники гибли от некачественной реставрации, невежества владельцев и попустительства властей. "Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников, - говорил А. С. Уваров в ноябре 1863 г., - и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания, или возстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи".³

Какие же пути сохранения целостности этой "народной летописи" видел ученый? Первым и одним из главных направлений являлось выявление

ценных историко-культурных объектов. Для действенного сохранения памятников, по словам А. С. Уварова, "недостаточно письменных запрещений и каменных оград. Большая часть из них остается для нас неизвестною и пропадает совершенно бесследно"⁴. "Хорошее понимание и разумная оценка" - вот то главное, что должно определять любые действия по сохранению российской старины.

Основополагающую роль в разрушении глухой стены равнодушия к памятникам древности ученый отводил археологии. Археология как наука о древностях должна стать, по мнению ученого, достоянием всех образованных людей. "Необходимо сперва интеллигентную часть народа освободить от равнодушия к отечественным памятникам, - писал ученый. - Тогда наверное найдутся люди, в состоянии объяснить и крестьянину, и ученику, как в народной школе, так и гимназии, значение отечественных древностей"⁵.

Методика преподавания археологии в учебных заведениях различного вида и уровня, как светских, так и духовных, оживленно обсуждалась на первом археологическом съезде. С докладами выступили М. П. Погодин, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, С. М. Соловьев, Ф. Н. Фортунатов.

А. С. Уваров считал, что преподавание археологии должно протекать в двух руслах - теоретическом и практическом. В основе последнего, непосредственно связанного с познанием методов изучения памятников, должны находиться "сами остатки древнего быта". Наглядность - вот главный принцип этого направления. А сопоставление с другими источниками может дать, по его мнению, выработку "очень верных критических приемов"⁶.

Для последовательной реализации принципа наглядности необходимы "учебные" собрания древностей, в которых бы были представлены образцы "... во всяком роде и из каждого столетия". Таким образом, ученый предлагал создание учебных музеев наглядных пособий, в которых слепки, рисунки, фотографии и копии с древних памятников могли заменить подлинники и "составить полный ряд памятников в хронологической последовательности и по всем отраслям археологии".⁷

Одной из задач археологии А. С. Уваров считал подготовку списка памятников старины с историко-топографическими описаниями. Границы списка должны быть постоянно расширяться за счет вновь выявленных объектов. Все внесенные в список памятники предполагалось охранять на государственном уровне. Они были классифицированы на два вида: "1) "первой важности", которые, не могут быть ни исправлены, ни перестроены без Высочайшего соизволения; 2)

памятники, которые могут быть поправляемы с разрешения МВД или Синода”.⁸ Необходимость подготовки такого списка в масштабе всей страны считалось А. С. Уваровым непременным условием эффективности сохранения российской старины. Кроме того, ученый подчеркивал, что подобный список может стать основой для археологических карт, а также для совершенствования уже имеющихся и началом разработки новых исследований о памятниках.

В ряде работ А. С. Уварова ставятся вопросы теоретико-методологического осмысления ряда понятий, в частности, понятия “памятник археологии”. “Археологическим памятником, - писал ученый, следует признать только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которые поясняют нам культурное состояние древнего быта какого-либо народа в известную эпоху”.⁹ А одна из классификаций, отражавшая основной сущностный признак памятников старины, предлагалась А. С. Уваровым следующей: “1) памятники вещественные (искусственные) или вещественные остатки быта, ремесел и искусств древних обитателей России; 2) памятники письма и языка (филологические, письменные); 3) памятники устные”.¹⁰

Таким образом, давая широкую трактовку понятия “памятник археологии”, А. С. Уваров фактически всю старину называл объектом изучения археологии, да и сама эта наука характеризовалась им как наука в целом о древностях.

Определения понятий, классификация российских древностей, представленные в работах А. С. Уварова, нашли непосредственное отражение не только в первом проекте закона о сохранении памятников старины 1869 г., подготовленным под руководством гр. А. С. Уварова, но и в проектах более поздних - начала XX в., тем самым сыграли несомненно положительную роль в разработке теоретико-методологической основы и практической реализации сохранения российской старины. Заметим, что многие положения “программы” А. С. Уварова звучат достаточно актуально и в наши дни.

В настоящее время, когда из-за отсутствия финансирования, из-за невежества и равнодушия общества, резкой смены идеологических акцентов, потери в культурном фонде страны огромны, особенно злободневно звучат слова А. С. Уварова о необходимости “хорошего понимания разумной оценки” памятников.

Заслуги гр. А. С. Уварова перед отечественным культурным наследием велики. Их точно сформулировал И. Е. Забелин в ответе на вопрос “что значит чувствовать себя русским?”. “Это значит, - писал историк, - чувствовать и сознавать в себе достоинство своей народности, своей самобытности, своей оригинальности, своих заслуг перед человечеством”.¹¹ Это достоинство скрывается и в памятниках старины, и заслуга А. С. Уварова - в стремлении к победе в обществе над равнодушием к своим древностям, т. е. в пробуждении чувства самобытности и оригинальности своей народности.

---

¹ См. например: Лапшин В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986; Уваровские чтения-I, II. Муром, 1994; Формозов А. А. С. Уварова и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения-II. Муром, 1994. С. 3 - 32.

² Забелин И. Е. Речь об общественном значении ученых трудов гр. А. С. Уварова. М., 1885. С. 10.

³ Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1865. Т. 1. Вып. 1. С. III.

⁴ Труды I археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. XXX.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 258. Л. 23.

⁶ Граф Алексей Сергеевич Уваров. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. Издан ко дню 25-летия со дня кончины. М., 1910. Т. III. С. 188.

⁷ Там же. С. 189.

⁸ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... М., 1911. С. 35.

⁹ Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Забелин И. Е. Указ. соч. С. 8.

НАДГРОБНЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕПОДОБНОГО АВРАМИЯ РОСТОВСКОГО

Преподобный Авраамий Ростовский почитается как основатель и первый архимандрит ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря.¹ Мощи его были обретены в период между 1176 и 1212 гг.,² и с тех пор покоились открыто в монастырском соборе.

Как известно, место почитания мощей святого особо выделялось в храме: мощи полагались в раку - специальный, часто богато украшенный ковчег, который покрывался драгоценной тканью, нередко с изображением святого, над ракой ставилась икона, либо с изображением самого святого, либо каким-то образом связанная с ним (келейная, явленная). В позднее время над ракой сооружалась сень, раку поднимали на постамент и окружали кованой решеткой. Перед мощами возжигались лампы и свечи. Иногда близ раки с мощами сохранялись реликвии, связанные со святым. Все перечисленные предметы составляли совокупность, которую мы обозначаем термином "надгробный комплекс".³

В настоящей работе рассматривается надгробный комплекс преподобного Авраамия Ростовского. Источниками для исследования послужили монастырские описи XVIII и XIX вв.,⁴ описания монастыря, составленные архимандритом Иустином и А. А. Титовым, описание новой раки преподобного,⁵ ряд архивных документов советского периода, связанных с изъятием ценностей,⁶ и натурные данные.

Во многовековой истории этого комплекса можно выделить несколько периодов. Первый из них, древнейший, начинается с момента обретения мощей преподобного и охватывает несколько столетий до времени построения каменного собора. Об этом периоде, за отсутствием источников, мы можем судить лишь предположительно. Несомненным является только то, что мощи по обретении были перенесены в собор и там поставлены и почитаемы. От первоначального надгробного комплекса сохранился лишь один памятник - известный медный крест с изображением Распятия⁷ (рис. 1). О принадлежности креста к надгробному комплексу сообщает предание, свидетельствующее о том, что в XVI в. крест был завершением "трости Богословли", и посох этот находился при гробе, а возможно и в самой раке с мощами.⁸

Второй период начинается в 1554/55 г., когда на месте старого монастырского собора был поставлен новый, каменный, сооруженный на пожертвования Ивана Грозного. В этом соборе был устроен во имя преподобного особый придел, увенчанный каменным шагром, с южной стороны соборного алтаря. В южной стене придела имеется ниша-аркасолий, которая и предназначалась для

установки раки с мощами.⁹ На склонах арки сохранились остатки орнаментальной росписи и следы подтески кладки для удобства открывания крышки раки. По этим следам можно судить о размерах раки. От этого периода сохранилось несколько покровов с изображением преподобного.¹⁰

Третий период в истории надгробного комплекса отмечен перемещением раки с мощами из аркасолия в специально подготовленный арочный проем, соединяющий пространство придела с пространством соборного алтаря. Когда осуществилось это перемещение, по сути дела, перенесение мощей, неясно. В 1730 г. монастырь сильно пострадал от пожара, и потребовались крупные восстановительные работы. В ходе этих работ Богоявленский собор и придел преп. Авраамия в 1736 г. получили стенную роспись, которая покрывает и склоны арки проема, в котором находилась рака. Можно предположить, что проем для раки был подготовлен (пробит вновь или растесан существовавший) в промежутке между 1730 и 1736 гг., однако в сохранившихся документах, связанных с восстановлением собора, нигде не упоминается о перенесении мощей. Видимо, в 1730 г. проем уже существовал. Это предположение подтверждают натурные данные - на архивольте под слоем штукатурки с живописью 1736 г. находится слой известковой обмазки, изрядно закопченной.¹¹ Возможной датой возникновения нового надгробного комплекса, по-видимому является 1709 г., когда придел преподобного Авраамия вновь освящался в весьма торжественной обстановке митрополитом Димитрием Ростовским.¹² Этот новый комплекс был уничтожен или поврежден пожаром и в 1730-е гг. восстанавливался.

Наиболее ранним из дошедших до нас документов, фиксирующих облик надгробного комплекса, является Опись ризничным и церковным вещам 1775 г.¹³ Местонахождение раки в описи не конкретизировано ("в той же церкви"), сама рака характеризуется довольно бегло: "рака на ношках оловянных серебряная чеканная золоченая продувным золотом". Опись отмечает отдельные предметы внутри раки - возгавие ("под главою подушка газету золотного обложена гасом серебряным") и три покрыва, из которых два находились внутри раки на мощах, и один покрывал раку сверху. Наружный покров и один из внутренних имели лишь изображение креста. Второй внутренний покров "отласу зеленого" был лицевым - "на нем образ преподобного писан красками, венец и риза шито золотом и серебром". Более подробно описана надгробная сень: "сень резная деревянная золочена червонным золотом, на ней лица резные живописные Господа Саваофа да Спасителя и ангелов, да лица херувимов и серафимов. По

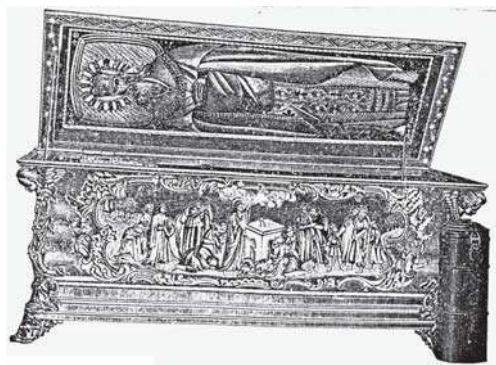

Рис. 3. Изображение раки с мощами преп. Авраамия Ростовского.

сторонам две кароны с протчею разною резбою. Во оной сени четыре клейма, в клеймах писано живописью из жития и чудес преподобного". Под сенью у возглавия раки над мощами находилась икона Благовещения, а "по другую сторону" (видимо, у изножья) - девять икон в одном киоте. Опись перечисляет эти иконы, подробно описывая их богатое убранство - оклады, венцы, цагы, подвески и серьги, ожерелья и поручи. Состав икон

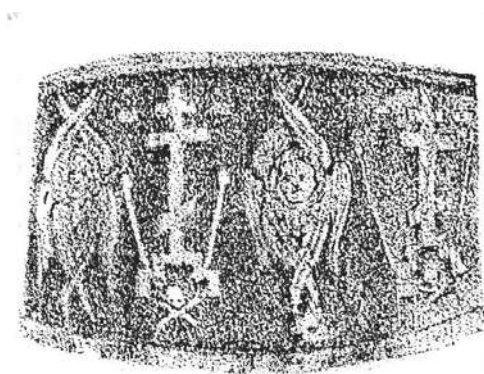

Рис. 2. Шапка преп. Авраамия Ростовского.

следующий: 1) Нерукотворенный Образ, 2) Богоматерь Казанская, 3) Богоматерь Знамение, 4) Богоматерь Знамение, 5) Богоматерь Владимирская "с предстоящими апостолами Петром и Павлом и прочими святыми", 6) Николая Чудотворца можайского, 7) Моление ростовских чудотворцев, 8) Воскресение Христово, 9) Богоматерь Всем Скорбящим Радость. Светильник перед мощами описан всего один - медная посеребренная лампада.

Описание резной сени с раскрашенными скульптурными изображениями позволяет датировать ее послепожарными 1730-ми гг., поскольку известно, что обновленный в эти же годы иконостас Богоявленского собора также был украшен резными деревянными фигурами ангелов.¹⁴ К началу XIX в. эти скульптурные изображения были убраны и с иконостаса, и с надгробной сени, и хранились в ризнице до 1839 г., когда были уничтожены.¹⁵

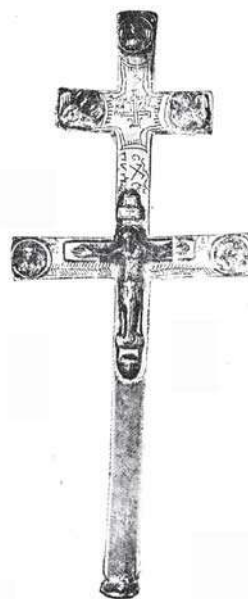

Рис. 1. Крест преп. Авраамия Ростовского.

Из той же описи видно, что в ризнице хранились еще два лицевых покрыва на раку преподобного: первый шитый шелком по голубому атласу, второй шитый "золотом и серебром, в возглавии обшито штофом вишневым с травами золотными и разных шелков".¹⁶

В дополнениях к Описи имеется запись, сделанная в 1776 или 1777 г., об изготовлении резного деревянного "клейма"-киота для установки близ раки древнего креста, почитавшегося снятым с жезла, полученного преподобным от апостола Иоанна Богослова.¹⁷ До установки в киоте крест употреблялся как напрестольный в Авраамиевском приделе.¹⁸ По сторонам креста в предстоянии были изображены Иоанн Богослов и преп. Авраамий, резьба была позолочена "червонным красным золотом и местами роскрашено разными красками". Тогда же у киота была сооружена металлическая решетка.

В более поздних (с середины XIX в.) описях и описаниях надгробного комплекса отмечен еще один элемент его - шапка, почитавшаяся в народе принадлежавшей преподобному (рис. 2). Почитание реликвии отметил в своем описании монастыря архимандрит Иустин, упомянув, что "усердные богомольцы просят возлагать эту шапку на их главы в твердом уповании на ходатайство за них пред Богом преподобного".¹⁹ Шапка эта была невысокая, расшитая по камке золотом изображениями херувимов и голгофских крестов.²⁰ Помещалась шапка сначала на крышке раки, в ногах, под стеклянным колпаком, позднее для нее изготовили особую подставку.

Происхождение этой шапки, ее датировка и время установки у мощей неясны. Сама шапка, находившаяся у мощей, по-видимому, до самого закрытия собора в 1929 г.,²¹ в акте освидетельствования мощей 1929 г. не упоминается

и в фонды Ростовского музея не поступала. В заметке составителя описи середины XIX в. высказывается предположение, без всякого, впрочем, обоснования, что шапка эта была приложена к мощам митрополитом Ионою Сысоевичем.^{2,2}

В 1851 г. тщанием ростовского купца М. М. Плешанова вокруг раки преподобного была устроена медная решетка.^{2,3}

В 1857 г. монастырь заключил контракт с известным петербургским мастером-серебряником Ф. А. Верховцевым на изготовление новой раки для мощей преп. Аврамия.^{2,4} Работа продолжалась три года, и в 1860 г. рака была доставлена в монастырь и установлена в соборе в ожидании освящения.^{2,5} Новая рака сразу привлекла внимание публики, в печати появилось ее описание, отмечающее мастерство, тонкость и тщательность отделки.^{2,6}

Торжество переложения мощей в новую раку совершилось 29 июня 1862 г.^{2,7}

Рака была выполнена из серебра 84-й пробы, имела размеры в длину 2 аршина 15 вершков и в высоту 14 3/4 вершков, и вес 4 пуда 11 фунтов и 28 золотников. Боковые стенки и крышка раки были серебряными позолоченными, нижняя доска кипарисной. На крышке раки помещалось рельефное изображение фигуры преп. Аврамия в митре и облачении архимандрита, со сложенными на груди руками и закрытыми глазами, покоящегося на возглавии. Одежды были богато отделаны, чеканка имитировала жемчужные украшения, золотное шитье и парчу. На митре преподобного был вычеканен Деисус, на епитрахили чеканные кресты чередовались с изображениями херувимов. Судя по гравированному изображению раки,^{2,8} изображение преподобного располагалось с внутренней стороны крышки. Как выглядела наружная сторона, остается неизвестным. (Рис. 3)

На боковых стенках раки размещались рельефные изображения сцен жития преп. Аврамия: на южной, обращенной к богомольцам, продольной стороне “Сокрушение идола Велеса”, на северной продольной стороне “Преставление преп. Аврамия”, на западной торцовой стороне (в возглавии) “Явление преп. Аврамию Иоанна Богослова”, на восточной торцовой “Беседа Аврамия с иноком”. Судя по описанию в “Ярославских Епархиальных ведомостях”, рельефы отличались большим количеством деталей, передавались и разнообразные чувства на лицах персонажей, изображались нарядные одежды, различная утварь, пейзажи на заднем плане картин. Рельефы на боковых сторонах занимали почти всю поверхность стенок, разворачиваясь по горизонтали, и были обрамлены завитками рокайльного орнамента. Подобные же гирлянды прикрывали боковые грани раки. Узорными были сделаны и четыре ножки, на которые опиралась рака. Верхний карниз, на который опиралась крышка, поддерживался по углам своеобразными кариатидами-херувимами, изящные

головки которых исполнены были наиболее объемно, представляя собой почти круглую скульптуру.

После создания новой раки старая не была упразднена, хотя первоначально это, видимо, предполагалось, и в контракте с Ф. Верховцевым было записано, что серебро старой раки пойдет в уплату за его работу.^{2,9} Однако вскоре намерения мастера или заказчика изменились, и к тексту контракта была сделана приписка: “Со старой раки Угодника Божия Аврамия Ростовского чудотворца серебра разной пробы весу 50 ф. 68 зол. Цена за фунт по 17 р. сер. Итого на сумму 862 р. сер. Означенное серебро остается на прежней раке, а вместо онаго серебра я согласен получить деньги 862 р. сер. И оные деньги я получил 862 р. сер. Серебряных дел мастер Федор Верховцев”.^{3,0} Таким образом старая рака была сохранена и после переложения мощей из нее перенесена во Введенскую церковь и поставлена там за левым клиросом.^{3,1}

В таком виде надгробный комплекс без особенных изменений просуществовал до 1922 г. В июле этого года в ходе кампании по изъятию церковных и монастырских ценностей обе раки были изъяты, серебряные оклады с них сняты, деревянные корпуса возвращены общине.^{3,2} В деревянной раке мощи оставались на своем месте до 1929 г., когда община перестала существовать, и Богоявленский собор перешел в ведение Ростовского музея. В фонды музея поступили и мощи преп. Аврамия. От этого времени сохранился акт обследования мощей в соборе комиссией, включавшей представителей музея и ЖАКТа, занимавшего монастырские здания.^{3,3} В акте этом зафиксировано до мельчайших деталей состояние раки с мощами, перечислены все предметы, находящиеся в ней, описаны и сами святые мощи. Акт датирован 7 или 17 числом 1929 г. По-видимому, вскоре после этого времени мощи были перенесены в музей, где поместились на долгое время в экспозиции антирелигиозного отдела, и надгробный комплекс, утратив важнейшие свои части, фактически перестал существовать.

Приложение 1.

Контракт на изготовление серебряной раки преподобного Аврамия Ростовского.^{3,4}

Л. 24. 1858 года мая 17 дня я нижеподписавшийся Санкт-Петербургский купец золотых и серебряных дел мастер Федор Андреев Верховцев заключил сей контракт с настоятелем Ростовского Богоявленского Аврамиева монастыря Архимандритом и кавалером Антонием с разрешения Ярославского Епархиального начальства в том, что я Верховцев подрядился устроить новую серебряную раку в тот монастырь для помещения в оной Святых мощей Преподобного Архимандрита Аврамия Ростовского Чудотворца в тамошней обители почивающего с изображением на оной раке чудес сего Угодника божия на следующих условиях: 1 - Означенная рака должна иметь с четырех сторон доски серебряные, а нижнюю кипарисную и быть

следующих размеров: длиною 2 ар. 15 вершков, вышиною в 14 вершков и 3/4, впрочем, высота раки может быть большей и меньшей, смотря по надобности. 2 - Каковую раку обязываюсь я устроить согласно данному мне утвержденному Епархиальным начальством рисунку из собственного материала. 3 - Устройство раки,

Л. 24 об. со всеми ея орнаментами, рельефами и надписями, какие мне даны и какая имеются на плане раки, должно быть произведено с надлежащею отчетливостью чеканной художественной работы. Надписи должны быть резные согласно с данным рисунком. 4 - За материал - серебро, которого пробы 84-й нужно 4 п. 10 ф., за работу, позолоту верхнего образа чрез огонь и с рисунками, монастырь имеет уплатить мне 7650 р. сер., полагая то есть за 1 ф. серебра по 45 р. сер. 5 - за материалы кипарисные с устройством оных и устройстве внутренности раки бархатом монастырь не платит ничего: это принимается мною на свой счет. 6 - Следующие мне за сделание раки деньги в количестве 7650 р. сер. получить мне по совершенном ея устройстве, доставке в упомянутый Ростовский Богоявленский монастырь и по установке оной где следует. 7 - Серебро на старой раке, в которой почивают Святые мощи Угодника Божия Авраамия, по проведении оного в 84-ю пробу должно поступить мне в уплату 7650 р. сер., следующие за устройство новой раки в том случае, когда 1 ф. такового переведенного серебра.

Л. 25. поставлен будет 20 р. сер. Обязываюсь принять в уплату от монастыря и золото, сколько его окажется по снятии со старой раки под тем только условием, когда золотник оного поставлен по 3 р. 75 коп. сер. 8 - Срок для устройства раки назначается трехгодичный, считая оный со дня заключения сего контракта. Впрочем, оной может быть и сокращен, смотря по обстоятельствам и средствам монастыря, с которым сей контракт заключается. 9 - Доставка новой раки куда следует, установка оной на своем месте должным образом, равно издержки при заключении на гербовую надлежащего достоинства бумагу и уплата пошлин при засвидетельствовании контракта у нотариуса мною принимаются на собственный счет. 10 - Настоящий контракт по утверждении с той и другой стороны взаимною подписью - подлинный имеет быть в монастыре, а мне получить с оного за надлежащим засвидетельствованием копию.

Федор Верховцев.

Архимандрит Антоний.

Нотариус М. Успенский в Санкт-Петербурге.

Л. 25 об. Со старой раки Угодника Божия Авраамия Ростовского Чудотворца серебра разной пробы весу 50 ф. 68 зол. Цена за фунт по 17 р. сер. Итого на сумму 862 р. сер.

Означенное серебро остается на прежней раке, а вместо оного серебра я согласен получить

деньги 862 р. сер. Серебряных дел мастер Федор Верховцев.

Приложение 2.

Акт.^{3 5}

Л. 61. Составлен 7-го сентября 1929 года Комиссией по вскрытию раки с мощами преп. Авраамия в составе: представителей от Музея тт. Гусева и Дмитриева и представителя ЖАКТа "Красный Текстильщик" т. Репного.

Сего 17-го сентября нами было произведено вскрытие мощей преп. Авраамия, находящихся в соборе быв(шего) Авраамиевского монастыря, вследствие ликвидации общины верующих и перехода собора в ведение Музея. При вскрытии оказалось, что:

- 1) Рака помещается под аркой, сообщающей диаконник главного алтаря с южным приделом.
- 2) Рака деревянная, прямоугольной формы, окрашена серебряной краской.
- 3) Внутри на крышке раки находится шитое золотом по красному бархату изображение Авраамия. Мощи закрыты пеленой с вышитым изображением Авраамия. Изображение лика утрачено. Пелена обложена гирляндой бумажных цветов. У груди лежит металлический крест и Евангелие.
- 4) По удалении пелены в раке оказался гроб - дубовый, обитый в части изголовья красным бархатом.
- 5) Гроб прикрывает пелена парчевая, золотая, вытканная крупными цветами, под ней находятся:
- 6) Небольшое оглавие, вышитое разноцветным шелком.
- 7) Пелена парчевая, золотая, вышитая цветами.
- 8) На пелене лежит нательный крест на розовой ленточке.
- 9) Воздух.
- 10) Оглавие ватное красного шелка, вытканное белыми цветами, орлами и хризмами.
- 11) Пелена шелковая, голубая.
- 12) Пелена красного шелка с вышитыми золотыми нитками цветами и изображением Авраамия в изголовии, под ним "Деисус".
- 13) Под последней пеленой лежат окутанные желтым шелковым архиерейским облачением мощи, под головой две подушки, голова окутана желтым шелковым платком.
- 14) Под облачением схима.
- 15) На схиме у груди лежит кипарисовый крестик.
- 16) Под мощами золотая парчевая пелена.
- 17) Под схимой, окутанные двумя ветхими тряпками и мардлей (руки) находятся кости, остатки толстой кожи в ногах и вязанный из ремней крестик.

Представители Музея

Гусев

Дмитриев

Представитель ЖАКТа "Красный
Текстильщик" Репнов

- ¹ О монастыре и его памятниках существует довольно обширная литература церковно-исторического и искусствоведческого характера. Назовем лишь некоторые работы: Толстой М. В. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 60 - 66; Иустин, архим. Описание Ростовского Богоявленского Авраамиева мужского второклассного монастыря Ярославской епархии. Ярославль, 1862; Титов А. А. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад, 1894; Титов А. А. Ростов в его церковно-археологических памятниках. М., 1911; Эдинг Б. Н. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 64 - 65; о преп. Авраамии и житии его см.: Макарий, митр. История Русской Церкви. Спб., 1868. Т. 1. С. 261 - 265 и 269 - 273; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 26 - 37; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1904. Т. 1. Ч. 2. С. 762 - 775; Соколов М. И. О редакциях жития Авраамия Ростовского // Труды 8-го Археологического съезда. М., 1895. Т. 2. С. 236 - 241.
- ² Известие об обретении мощей содержится в рукописи, содержащей службу и житие преподобного, принадлежавшей Авраамиеву монастырю (ГМЗРК. Р-162. Л. 54 об. - 55).
- ³ Название не совсем точно, вернее было бы “гробовой комплекс” по аналогии с сочетанием “гробовой иеромонах”.
- ⁴ РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 50 (опись 1775 г.); ед. хр. 157 (опись 1804 - 1808); ед. хр. 200 (опись 1808 г.); ед. хр. 308 (опись 1838 г.); ед. хр. 354 (опись 1853 г.).
- ⁵ О новой раке для почитания мощей преп. Авраамия Ростовского чудотворца // ЯЕВ, 1861. Ч. неоф. С. 452 - 454 (перепеч. из журнала “Странник”, 1861, № 9).
- ⁶ ГМЗРК. А-1033.
- ⁷ О кресте см.: Пуцко В. Г. Крест преподобного Авраамия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995. С. 96 - 104.
- ⁸ Первоисточником известия о взятии Грозным посоха является текст третьей редакции жития преп. Авраамия, где читается: “Ко освящению же святых церковей, со святыми иконами корсунскими, и со всею церковною утварию, сам царь прииде, со образами и книгами, и божественными службами церковь Божию украси, яко невесту Христову, и молебная совершив, и у чудотворца Авраамия из (выделено мною. - Т. Н.) гроба Богословлю трость взя, на одоление Казанскаго царства, да тако и бысть взята Казань” (ГМЗРК. Р-162. Л. 56 об.). Позднее в монастырской описи 1775 г. упоминается крест, “который оттерт от трости преп. Авраамия” (РФ ГАЯО. Ф. 232. Ед. хр. 50. Опись церковным и ризничным вещам 1775 г. Л. 7 об.).
- ⁹ Аналогичные ниши в южной стене с расположенным над ними окном имеются в ростовском Успенском соборе (аркасолий св. Леонтия) и в ц. Вознесения (аркасолий блаж. Исидора). См.: Мельник А. Г. О церкви Вознесения в Ростове // Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 26.
- ¹⁰ Вахрина А. Л. Шитые надгробные покровы Авраамия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. 8. С. 113 - 128.
- ¹¹ Приношу благодарность А. Г. Мельнику за консультацию.
- ¹² Известие об освящении придела содержится в “Диариуше” святителя Димитрия под 1709 г. (Древняя Российская Вивлиофика. М., 1774. Т. 6. С. 407).
- ¹³ РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 50. Опись церковным и ризничным вещам 1775 г. Л. 9 - 10.
- ¹⁴ Там же. Ед. хр. 200. Опись церковным и ризничным вещам 1808 г. Л. 2 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁶ Там же. Ед. хр. 50. Л. 21 об. - 22.
- ¹⁷ Там же. Л. 50 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 7 об.
- ¹⁹ Иустин, архимандрит. Указ. соч. С. 39.
- ²⁰ В описании монастыря архимандрита Иустина имеется описание шапки, однако оно не соответствует действительности. У мощей находилась другая шапка, изображение которой дошло до нас благодаря воспроизведению ее, опубликованному М. В. Толстым (Толстой М. В. Древние святыни Ростова Великого. М., 1860. Вкладка).
- ²¹ Она упоминается в описи 1928 г. (ГМЗРК. А-1033. Л. 7).
- ²² РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 354. Опись церковных и ризничных вещей 1853 г. Л. 66 об.
- ²³ ГМЗРК. Р-536. Книга для записок о случающихся достопамятностях исторических, служить могущих к продолжению Российской истории Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. Л. 36 об.
- ²⁴ РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 273. Контракты, заключенные монастырем с разными лицами. Л. 24 - 25.
- ²⁵ Иустин, архимандрит. Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь // ЯЕВ. 1861. Ч. неоф. С. 391 - 392.
- ²⁶ “Странник”, 1861, № 9; ЯЕВ, 1861. Ч. неоф. С. 452 - 454.
- ²⁷ Торжество переложения святых мощей преп. Авраамия Ростовского чудотворца, из прежней раки в новую, бывшее в Ростовском Богоявленском Авраамиевом монастыре 29-го июня 1862 года // ЯЕВ, 1862. Ч. неоф. С. 291 - 295.
- ²⁸ Титов А. А. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь... С. 51.
- ²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 24 об.
- ³⁰ Там же. Л. 25 об.
- ³¹ Титов А. А. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь... С. 53.
- ³² ГМЗРК. А-1033. Л. 49 об.
- ³³ ГМЗРК. А-177. Л. 60, 61.
- ³⁴ РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 273.
- ³⁵ ГМЗ “Ростовский Кремль”. А-177.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ: К БИОГРАФИИ ЕПИСКОПА МУРОМСКОГО НИКОЛАЯ (В. М. МУРАВЬЕВА-УРАЛЬСКОГО)

Есть в истории имена, к которым не подходит понятие “выдающийся”. Их нельзя поставить в один ряд с известными, хрестоматийными личностями, вошедшими в наше сознание как олицетворение эпохи или просто отмеченными печатью времени. От иных зачастую сохраняется лишь имя да отрывочные факты из биографии, которые трудно сложить в единую “жизнь”. Еще труднее это сделать в отношении людей, чья деятельность протекала в годы “безвременщины”, когда жизнь измерялась сроками отбывания в сталинских лагерях. Миллионы людей тогда погибли, оставшись лишь в памяти близких, а тем, кому выпало счастье выжить, так и не удалось забыть леденящие кровь ночные звонки, лязг топоров, пересыльные тюрьмы, Соловки, сибирские морозы.

Ужасы сталинских лагерей испытали тысячи служителей культа, чья вина заключалась лишь в принадлежности к священничеству. Долгие годы в архивах ЧК, НКВД, ГПУ хранились дела на священнослужителей - “врагов народа”. Ныне их имена вышли из забвения: государство их реабилитировало, а православная церковь причислила к числу мучеников и подвижников благочестия.

Владимир Михайлович Муравьев-Уральский относится к тем людям, чье имя практически неизвестно историкам церкви. Жизнь уготовила ему многие испытания и была не менее трагичной, чем судьбы тысяч священников, прошедших лагеря и тюрьмы. Однако, благодаря своей специальности врача телесного, В. М. Муравьева-Уральского миновала участь П. Флоренского, Архиепископа Нижегородского Александра (Щукина), Епископа Нижегородского Лаврентия (Князева) и многих других, погибших в годы репрессий. Еще при жизни он был реабилитирован и дожил до преклонного возраста. В Угличе на кладбище у церкви царевича Дмитрия “на поле” у абсиды памятник с надписью: “Доктор медицины. Архиепископ Николай (Муравьев-Уральский)” 21.XII.1882 - 30.III.1961.

Благодаря архивным документам и воспоминаниям современников, стало возможным восстановить биографию В. М. Муравьева-Уральского. Тем самым еще одно забытое имя стало достоянием истории церкви.

Епископ Николай (в миру Владимир Михайлович Муравьев) родился в семье мещанина 21 июля 1882 г.¹ (по другим данным в 1884 г.) в городе Екатеринбурге. Начальное образование получил в местном реальном училище. С одиннадцатилетнего возраста начал помогать прислуживать в храме.

По окончании училища он приехал в Петербург, где поступил в Военно-Медицинскую Императорскую Академию,² которую закончил в 1911 г. со званием “Доктора медицины”. Ни переселение в Петербург, ни занятия медициной, ни годы смуты 1905-х гг. (как это, к сожалению, часто бывало), не ослабили у Владимира усвоенного им с детства церковного направления.

Первым руководителем в духовной жизни Владимира в Петербурге был в то время Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), затем приснопамятный пастырь о. Иоанн Кронштадский, который не только питал духовно юношу своими наставлениями, но и имел в жизни Владимира прямо решающее значение. Во время студенческих забастовок молодой человек решил оставить Медицинскую Академию, но о. Иоанн не только не позволил ему этого сделать, но заповедал учиться до окончания курса и лишь потом посвятить себя служению церкви. Весьма близкое и живое участие в духовной жизни Владимира принимал Преосвященный Евлогий (Георгиевский), епископ Холмский, во время своих пребываний в Петербурге по должности члена Государственной Думы. Но особое влияние на него оказал Преосвященный епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский), также член Государственной Думы третьего созыва. Епископ Митрофан во время своих летних поездок по Могилевской епархии брал с собой и Владимира Муравьева, который, сменив студенческий мундир на скромный подрясник послушника, прислуживал при архиерейских служениях. Эти поездки давали Владимиру возможность непосредственного знакомства как с жизнью духовенства, так и с картинами народного религиозного настроения.

Так протекала жизнь будущего святителя, пока он, наконец, окончив курс в Военно-Медицинской Академии и получив звание врача телесного, поступил в 1912 г. в Петербургскую Духовную Академию,³ чтобы получить богословскую подготовку и к новой деятельности - врача душевного.

3 марта 1912 г. в академическом храме Двенадцати апостолов состоялось пострижение в монашество студента первого курса Академии врача Владимира Муравьева с именем Николая в честь святителя Николая Чудотворца. В постриге принимали участие: Наместник Александро-Невской Лавры Архимандрит Феофан, библиотекарь Архимандрит Амвросий, академическое монашество и монашествующие из петербургских монастырских подворий. Присутствовал при пострижении Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), член Государственной Думы Епископ Гомельский

Митрофан (Краснопольский) и некоторые священники - члены Государственной Думы. Постриг совершил Ректор Академии Епископ Ямбургский Георгий (Ярошевский), который по окончании пострига приветствовал новопостриженного словом назидания, благословил его иконой Святителя Николая Мирликийского и вручил его старческому попечению Наместника Лавры Архимандриту Феофану.

4 марта 1912 г. монах Николай был рукоположен во иеродиакона, а 11 марта этого же года - во иеромонаха. С 1912 по 1914 г. иеромонах Николай совмещал служение врача и священника в клинике Военно-Медицинской Академии. Затем в качестве начальника лазарета красного креста имени Серафима Саровского проходил свое служение на юго-западном участке фронта.

В апреле 1917 г. во время бомбардировки с неприятельского аэроплана в районе станции Подгорельцы он получил контузию и с 3 по 23 апреля находился на излечении в лазарете красного креста имени Минского Архиерейского дома.⁴ Для дальнейшего лечения врачом лазарета Ивановым и консультантом Управления Главноуполномоченным доктором Урштейном Муравьев был направлен в специальное заведение в Петербурге.⁵

После октябрьского переворота Николай (Муравьев-Уральский) продолжает врачебную деятельность; с 1917 по 1919 гг. - в автобоевом отряде Петросвета; с 1919 по 1923 гг. - в Смольной больнице, а потом в различных поликлиниках Ленинграда.

Начавшиеся репрессии первый раз коснулись В. М. Муравьева-Уральского в 1924 г.⁶ В январе месяце он был арестован в г. Ленинграде, а 26 сентября того же года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ за антисоветскую деятельность осужден на три года концлагеря с запрещением проживать в ряде городов СССР.⁷ Наказание отбывал два года в Соловецких лагерях, а затем в 1927 г. был досрочно освобожден. Ему назначили место жительства в г. Калинин.

Достоверно неизвестно, когда назрело внутреннее противоречие в душе будущего святителя: он уже не мог быть простым врачом и не служить Богу и ближним в качестве священника. Он знал на что идет, поскольку видел положение Церкви Русской и служителей Алтаря Господня в России того времени. В эти годы закрывались и рушились тысячи храмов и монастырей, осквернялись святыни, гибли в концлагерях архиереи, священники, монахи и миллионы верующих людей. Но он сделал этот шаг.

Оставив медицинскую службу, иеромонах Николай получил назначение быть настоятелем ставропигиальной церкви бывшего Подворья Киево-Печерской Лавры на Васильевском острове в Ленинграде, где в 1931 г. ему последовал Указ Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия (Страгородского) о "бытии епископом Кимрским".

16 (29) марта 1931 г. в Москве в церкви Покрова Божией Матери в Красном селе состоялась хиротония архимандрита Николая во Епископа Кимрского, викария Тверской епархии. Хиротонию совершили: Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергий (Страгородский), Экзарх Украины Архиепископ Харьковский Константин (Дьяков), Архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), Архиепископ Великоустюжский Софроний (Арефьев).

С 1933 г. Муравьев-Уральский служил Епископом Муромским.⁸ В Муроме 7 марта 1934 г. он арестовывается вновь ПП ОГПУ Горьковского края по обвинению в причастности к ленинградской церковно-монархической организации "Англикане".⁹ В связи с этим делом было арестовано сто семьдесят пять человек. 2 апреля 1934 г. заседанием Особой Тройки при ПП ОГПУ Горьковского края по ст. 58 п. 10 и п. 11 УК РСФСР Епископ Николай осуждается на десять лет лагерей и отбывает наказание в лагерях Хабаровского края.¹⁰ В заключении Владимир Михайлович работал по своей светской специальности. Лечил и консультировал больных.

В лагерях Хабаровска у Епископа Николая проявилась тяжелая болезнь. Давали себя знать старая контузия и длительное пребывание в заключении. С диагнозом кардиосклероз, склероз сердца, эмфизема легких В. М. Муравьев-Уральский периодически проходит лечение в больницах Амурлага.¹¹ Уже больной, "инвалид не трудоспособный", он продолжает работать при лагере по вольному найму до июля 1945 г., поскольку шла война, и въезд в центральные области Советского Союза был запрещен.¹²

После окончания войны в мае 1945 г. Владимир Михайлович уезжает в Муром¹³ и устраивается на работу в поликлинику.¹⁴ Но уже через три года (05.11.48 г.) его вновь арестовывают. 9 марта 1949 г. Особым Совещанием при МГБ Союза ССР В. М. Муравьев-Уральский был осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК РСФСР на десять лет исправительно-трудового лагеря и для отбытия наказания 25.03.49 г. отправлен в Особый лагерь № 3 МВД ст. Потьма (Мордовская АССР).¹⁵

В июле 1952 г. вместе с инвалидами¹⁶ В. М. Муравьев-Уральский был перевезен в Угличское отделение Ярославского ИТЛК.¹⁷ Здесь он работал амбулаторным врачом-лор и консультировал больных в стационаре.

По воспоминаниям Е. И. Пугачевой доктор Муравьев жил при больнице в отдельной комнате, имел санитаря, который обихаживал его и помогал на приеме больных. Санитаря выбирал всегда сам. Обычно это был молодой человек, оступившийся в жизни. Владимир Михайлович заботился о нем, наставлял на путь праведный и по выходе из лагеря помогал в устройстве на работу, поступлении в институт.¹⁸

Будучи в заключении, Владимир Михайлович подавал жалобы на имя Генерального

прокурора СССР и Председателя Совета Министров Г. М. Маленкова о пересмотре его дела и снятия с него незаслуженного обвинения.¹⁹ В начале 1955 г. он освобожден из лагеря и остался жить в Угличе.²⁰ Среди верующих в городе он стал известен как священнослужитель высокого ранга. В. М. Муравьев-Уральский поселился в доме Пивоваровых на “Каменке”.²¹

Муж и жена Пивоваровы работали бухгалтерами в лагере. Во время войны Пивоваров был главным бухгалтером лагеря, потом главным бухгалтером “Волгостроя” (силами заключенных достраивали ГЭС и плотину). Пивоваровы происходили из духовенства, были верующими и близкими к церкви (хотя и тайно в то время) людьми.²²

Круг общения Владимира Михайловича ограничивался верующими пожилого возраста, а также несколькими семьями в городе. Чаще всего в этих семьях были осужденные когда-то по 58 статье. Одна из таких семей - Овсянниковы.²³ Гостеприимные хозяева пригласили его бывать в их доме. По рассказам Овсянниковых, это был общительный человек. Приглашали его и в качестве врача в дома верующих, а также по старой памяти в лагерь на консультации к лор-больным. Часто Владимира Михайловича видели на центральной почте города. По воспоминаниям М. И. Настовой, работавшей там в ту пору, он приветливо здоровался и говорил, что уважает почтовых работников.²⁴

Кроме государственного пенсионного обеспечения, Владимиру Михайловичу сразу по выходе из лагеря, была назначена пенсия от Патриарха - 1000 рублей в месяц.²⁵

25 февраля 1957 г. В. М. Муравьев-

Уральский постановлением президиума Владимирского областного суда был реабилитирован по последнему обвинению.²⁶

Сейчас уже немногие в Угличе помнят, как ранней весной 1961 г. хоронили скончавшегося от инсульта семидесятидевятилетнего Владимира Михайловича Муравьева-Уральского - священника и врача. “Похороны тогда удивили верующих города. Сюда съехались священнослужители чуть ли не со всего Нечерноземья. Гроб с телом священника на своих головах два раза обнесли вокруг церкви. Похоронили у церковной стены...”²⁷

На старом угличском кладбище у церкви царевича Дмитрия “на поле” есть скромный памятник, на котором - духовное и светское званья и годы жизни. Могила ухожена. Очевидно, прихожане и служители не оставляют ее из уважения к священническому чину погребенного. Однако, кто таков и как оказался в Угличе Епископ Николай, не знает ни местный священник, ни верующие. За давностью лет забылось и его имя.

Но история не терпит пустоты. Забытое - не всегда потерянное. В памяти людей сохраняются лица и дела, документы скупо фиксируют этапы жизни. Так сложились “в жизнь” и факты из биографии Епископа Николая (в миру Владимира Михайловича Муравьева-Уральского).

И в качестве послесловия. По репрессии 1934 г. Муравьев-Уральский Владимир Михайлович реабилитирован 29.03.89 г. прокуратурой Владимирской области на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 г. “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х гг.”²⁸

¹ ФСБ РФ Управление по Владимирской области 30.05.95 г. № 10/1163 г. Владимир. Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. Подлинный в УИХМ, копия у автора (Поляковой О. Б.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лазарет красного креста имени Минского Архиепископского Дома 4 мая 1917 г. № 1122 Действующая армия. Удостоверение. Ксерокопия у автора (Добронравова О. С.).

⁵ Там же.

⁶ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Врачебно-трудовая комиссия ОЛТ-8. Протокол № 183 медицинского освидетельствования заключенного Муравьева-Уральского В. М. 25 июля 1943 г. 3 колонна ОЛПЗ. Стационар. Ксерокопия с копии у автора (Добронравова О. С.).

¹² НКВД-СССР Нижне-Амурский исправительно-трудовой лагерь ОЛП-3 № 1 - 17 17 мая 1944 г. Удостоверение Муравьева-Уральскому. Ксерокопия с копии у автора (Добронравова).

¹³ Народный Комиссариат Внутренних Дел Управления лагерей и ИТК НКВД по Хабаровскому краю 4 отделение

25 мая 1945 г. № 202. Справка “ 22493/202. Ксерокопия с копии у автора (Добронравова О. С.).

¹⁴ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Воспоминания и переписка с Пугачевой Евгенией Ивановной. До середины 60-х гг. Пугачева Е. И. работала начальником медсанчасти уч. ЮН 83/3 (ЮН-83/9). Подлинные у автора (Поляковой О. Б.).

¹⁷ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

¹⁸ Воспоминания Пугачевой Е. И. ...

¹⁹ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

²⁰ Там же.

²¹ Воспоминания Пугачевой Е. И. ...

²² Там же.

²³ Воспоминания Настовой Марии Ивановны. Настова М. И. с 1933 г. по 1987 г. работала на центральной почте г. Углича. Подлинные у автора (Поляковой О. Б.).

²⁴ Там же.

²⁵ Воспоминания Пугачевой Е. И. ...

²⁶ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

²⁷ Воспоминания Пугачевой Е. И. ...

²⁸ ФСБ РФ. Управление по Владимирской области... Ответ в отношении Муравьева-Уральского В. М. ...

МУРОМСКИЕ ИКОНОПИСЦЫ XVII - XVIII ВЕКОВ

Настоящая работа является результатом анализа и тщательного изучения архивных документов, не использованных ранее историками и исследователями материальной культуры города Муром. В настоящее время мы имеем возможность расширить наши знания о известных ранее местных иконописцах, а также выявить новые имена и даже целые династии муромских изографов XVII - XVIII вв. Не претендуя на исчерпывающую полноту излагаемого материала, выделим основные исторические этапы развития муромского иконописания. Главная цель представленного исследования - введение в научный оборот информации, столь необходимой реставраторам, искусствоведам и научным сотрудникам.

До недавнего времени наши представления об иконописцах Муроме XVII в. ограничивались династией Казанцевых: из подписных икон и сообщения графа А. С. Уварова (об этом подробно смотри ниже) мы знали, что у А. И. Казанцева был брат Федор и сын Петр. Но не было известно, когда они родились, где жили и у кого учились писать иконы.

Н а ш и м и п р е д ш е с т в е н н и к а м и предпринимались неоднократные попытки обнаружить сведения о Казанцевых в письменных источниках, например, в Писцовой книге г. Муроме 1636 г. Но все они были обречены на неудачу по очень простой причине: поиск ограничивался лишь двумя списками описи из четырех существующих. Текст первого, хорошо известный рядовым краеведам, опубликован с большими сокращениями во Владимирском сборнике в 1857 г.¹ Второй список - рукописная копия XIX в., выполненная Н. Г. Добрынкиным.² Но ни в одном из них Казанцевы не упоминаются. Это дало толчок неверным рассуждениям. Так, сотрудник Муромского музея А. А. Золотарев в 19070-е гг. выдвинул предположение: раз в Писцовой книге Казанцевы не встречаются, следовательно, они пришли в Муром после 1636 г. Фамилия же Казанцев рассматривалась как производная от слова "казанец", то есть выходец из города Казани. Далее краевед брал иконы А. И. Казанцева, хранящиеся в Муромском музее ("Царь Царем", "Звезда Пресветлая") и в подтверждении своей гипотезы указывал, что лики Богоматери и Христа носят восточные - татарские черты.³

В процессе нашей работы использовались все известные нам на сегодняшний день списки Писцовой книги 1636 г.⁴ В одном из них - в Спасском - встречаем фразу, отсутствующую в других списках: "Да на той же земле около монастыря (Благовещенского - В. Ч.) дворишки бобыльские... во дворе Ивашка иконник. В длину двора его и с огородом восемнадцать сажень, поперек пол-осмы сажени..."⁵ Таким образом, отец будущего и хорошо

известного нам муромского иконописца А. И. Казанцева вроде был найден. Однако не будем спешить с выводами. Отметим, что Ивашка иконник в момент составления описи был сравнительно молод и не женат. Ссылаясь на нормы брачного возраста, утвержденные Стоглавым собором 1551 г., можно предположить, что в 1636 г. ему исполнилось пятнадцать - восемнадцать лет.⁶

Рядом с двором Ивашки-иконника в монастырской слободке стоял двор другого муромского иконописца Володьки Панфилова.⁷ В описи он назван крестьянином.⁸ Возможно, его родина - близлежащее село Панфилово. Возраст Володьки Панфилова примерно соответствовал Ивашке-иконнику.⁹ Очень важен факт, что оба они числились бобылями Благовещенского монастыря, то есть считались обедневшими феодально-зависимыми людьми. В чем выражалась эта зависимость мы расскажем чуть позже.

Третьим и последним иконописцем, упомянутым в Писцовой книге 1636 г., был бобыль Лукьянко Евдокимов сын Иконников. Фамилия указывает на то, что в роду были иконописцы. Действительно, привлекая дополнительный источник - Синодик муромского Богородицкого собора XVII в. - узнаем о роде Евдокима иконника.¹⁰ Поскольку имя самого Евдокима в описи 1636 г. не встречается, логично предположить, что жил он в конце XVI - начале XVII столетия. В настоящий момент Евдоким-иконник самый ранний из известных нам муромских иконописцев.

Из последующего описания города 1646 г. следует, что за прошедшие десять лет в Муроме произошли следующие изменения. Из упомянутых выше лиц на посаде по-прежнему жили и трудились Володька Панфилов и Ивашка иконник. Последний, что замечательно, назван с отчеством Саввин.¹¹ Фиксируя их местожительство, писцы сделали чрезвычайно важную для нас запись: "Да около монастыря (Благовещенского - В. Ч.) по загороде, слободка монастырская, а в ней двory поповы и церковных и торговых и ремесленных и работных людей и бобылей... Да з двory же своих и з земли они дают оброк в монастырь игумену з братьею...; во дворе Ивашка Саввин иконник, у него сын Ивашка десяти лет; во дворе Володимерко Панфилов иконник, у него дети Степашко да Офонька да Ивашка девяти лет. А за оброк пишут образы чудотворцовы и те образы возят ко государю, как ездят игумен с святынею..."¹² Из этого следует: во-первых, Ивашка Саввин и Володька Панфилов жили при монастыре в слободе (современный переулоч Красноармейский - В. Ч.); во-вторых, после 1636 г. они женились и к 1646 г. имели детей примерно одного возраста (хотя, допускаем, что в силу специфики источников - фиксации подлежали только

лица мужского пола - иконописцы могли завести семьи и раньше указанного срока и иметь из старших детей дочерей, не учтенных описью); третьих, изографы писали иконы на очень высоком профессиональном уровне. В противном случае их работы вряд ли повезли к царю, в Москву, у которого постоянно находились духовные лица высокого звания.

Пожалуй, самый сложный вопрос - о детях иконописцев. И у того, и у другого были сыновья с одинаковыми именами. У Ивашки Саввинова Иван десяти лет, а у Володьки Панфилова чуть младше - девяти. Следовательно, первый родился в 1636 г. (но до октября - времени составления Писцовой книги), а второй - в 1637 г.

В описи 1646 г. упоминается двор Федосея Григорьева иконника.¹³ С ним жил четырнадцатилетний сын Никита. Двор стоял "в Кожевниках же, у Оки на берегу", то есть Федосей Григорьев был рядовым посадским человеком. Как долго он писал иконы - неизвестно. В последующих описаниях города имя Федосея Григорьева не встречается.

В Переписной книге 1646 г. ничего не говорится о Лукьянке Евдокимове, известном нам по описи 1636 г. Таким образом, делаем вывод: во второй четверти XVII в. в Муроме зародилась монастырская иконописная мастерская. У ее истоков стояли бобыли Ивашка Саввин и Володька Панфилов. От себя добавим, иконы, с пометой "монастырского письма", часто встречаются в поздних письменных источниках.

Огромный вклад в развитие муромского иконописания внес во второй половине XVII столетия Александр Иванович Казанцев. Обратимся к архивным документам. В 1678 г. в монастырской слободке Благовещенского монастыря проживали в одном дворе "Александрько двадцети лет, Федька шестнадцати лет Ивановы дети иконники".¹⁴ Благодаря этой скупой лаконичной фразе мы теперь знаем точную дату рождения выдающегося иконописца муромца Александра Ивановича Казанцева - 1658 г. Его брат Федор был младше на четыре года. Но несмотря на молодость, оба они уже величались иконописцами. Александр и Федор, бесспорно, воспитывались и выросли как профессиональные мастера под влиянием монастырской иконописной мастерской, во главе которой стоял их отец.

Наконец, мы подошли к интересному и важному вопросу: кто же отец братьев Казанцевых? Кому они обязаны раскрытию своего таланта? К сожалению, сейчас мы не можем ответить на этот вопрос. Отцом Казанцевых мог быть Ивашка Саввин и его сын Иван. Последнему в 1658 г. - в год рождения Александра Ивановича - исполнилось двадцать два года. На роль отца Казанцева может претендовать и сын Володьки Панфилова - ведь его тоже звали Иваном и было ему в 1658 г. двадцать один год. Как бы то ни было, мы имеем дело с династией

иконописцев, в которой, как минимум, три поколения писало иконы. И не просто писало, но по крупицам собирало и передавало по наследству все самое лучшее. В этом, по нашему мнению, и заключается секрет таланта Александра Ивановича Казанцева.

Впрочем, Казанцевы не единственная иконописная династия Муром. Изучение архивных документов показало, что еще в середине XVII в. - в 1646 г. - жил в Мережной улице некий Мефедко (Мефодий - В. Ч.) Мартынов иконник.¹⁵ У него были дети Ивашко двух лет и Володька полугода. В отличие от Казанцевых, Мефодий Мартынов считался посадским человеком и работал не на монастырь, а на заказ, и не был связан с монастырской иконописной мастерской. У старшего сына Мефодия Ивана в 1679 г. родился сын Андрей. Он-то и продолжил дело деда и отца. Как зрелый мастер он упомянут в документах уже XVIII в. Согласно описи города Муром 1723 г. Андрей Иванов Андронников проживал в приходе Ильинской церкви. И было ему тогда сорок четыре года.¹⁶ Совпадение отчества, возраста, а самое главное, местожительства (Ильинская церковь стояла в районе современных улиц Плеханова и Тимирязева; в древности здесь проходила Мережная улица, на которой и стоял двор деде Андрея Иванова Андронникова - Мефодки Мартынова) убедительно свидетельствуют о том, что иконописное ремесло Мефодки Мартынова продолжили его потомки.

Итак, во второй половине XVII в. в Муроме плодотворно трудились не менее двух иконописных династий: Казанцевы, стоявшие во главе иконописной мастерской Благовещенского монастыря, и посадские изографы Мартыновы - Андронниковы.

В 1723 г. в приходе Николо-Набережной церкви проживал еще один иконник - шестидесятидвухлетний Леонтий Степанов сын Пупков.¹⁷ Возраст указывает на то, что как иконописец Л. С. Пупков сформировался в 80 - 90 гг. XVII столетия. Действительно, архивные изыскания, проведенные нами, показали, что в 1646 г. на Пушкарской улице стояли дворы бобылей Николо-Набережной церкви: "... во дворе Мартьянка Прокофьев прозвище Пупков, у него дети Остафейко да Федька двунатцати лет да Стенька осми лет; ... во дворе Стенька Прокофьев прозвище Пупков, у него дети Демка прозвище Богдашка да Никифорко семи лет".¹⁸ К сожалению, нам не известно писал ли иконы отец Леонтия Пупкова. Но то, что Пупковы принадлежат к коренным муромским фамилиям, этот факт не вызывает сомнений. Достаточно сказать, что в Писцовой книге 1636 г. упоминается двор Стеньки Прокофьева сына Пупкова, стоявший в Подокостовье.¹⁹

Отметим интересную деталь, связанную с именем Пупковых. В Синодиках Благовещенского монастыря записан род Стефана Мартьянова сына Пупкова.²⁰ И что любопытно, листы книги украшены довольно примитивной заставкой. Причем, заставки

нарисованы в обоих Синодиках и только там, где вписан род Пупковых. Стилль художника, их выполнивших, резко отличается от прочих заставок. Мы полагаем, что это не просто случайные совпадения. Поскольку теперь известно, что сын Стефана Пупкова был иконописцем, напрашивается вопрос: был ли Леонтий автором заставок?

О работах муромских изографов мы знаем, к сожалению, очень мало. Доказанцевские местные датированные подписные иконы пока не обнаружены. Поэтому ограничимся обзором известных икон. 1679 г. датирована одна из самых ранних работ А. И. Казанцева - "Спас Вседержитель". Согласно данным М. Красина и Е. Данченко эта икона (ныне находится в Пюхтинском женском монастыре) имеет надпись: "Лета ЗРПЗ - го майя писал образ ХВ изограф Александр Иванов Казанцев".²¹

На другой иконе А. И. Казанцева стоял 1683 г. Поскольку местонахождение ее в настоящий момент не известно, приводим описание, сделанное в начале XX в. В алтаре муромской Николо-Зарядской церкви хранилась "икона Спасителя греческого письма 1 аршин 3,5 вершков шириной и 1 аршин 14,5 вершков высотой (85 x 105 см. - В. Ч.). Доска гладкая деревянная. Краска от времени потемнела. Изображение Спасителя писано по зеленому полю. По обеим сторонам лика следующие надписи: Апокалипсис глава ФІ, ИИС ХС "верен и истенен правосудный и воинственный, - очи ему есть яко пламень и на главе Его венци мнози и облечен в ризы червлены висон и нарицается имя Его (на персах) слово Божие из уст Его изыде оружие остро, да тым избьет языки и той упасет я жезлом железным". Внизу подпись: "Писан сей образ Христов в церковь св. Пророка Илии, что в Муроме на посаде, тое церкви при попе Михаиле Иванове, а писал сей образ многогрешный раб Божий изограф Александр Иванов по рождению Казанцев в Муроме" / 7191 г. (1683 г.).²²

Третья датированная икона А. И. Казанцева хорошо известна - "Царь Царем" 1690 г. (хранится в Муромском историко-художественном музее).²³ Надпись гласит: "Писана сия Господня икона местную в сию соборную церковь в лето 7198 (1690 г. - В. Ч.) писан сей Спасителя Образ города Мурома изуграф Александр Иванов сын Казанцев". Примечательно то, что икона "Царь Царем" также написана на сюжет Апокалипсиса, и то, что на ней имеются изречения из той же девятнадцатой главы Откровения Иоанна Богослова. Не является ли икона 1690 г. авторским повторением более ранней иконы 1683 г. из Ильинской церкви?

В Государственном Русском Музее хранится запрестольная 1691 г. работы Казанцева, собрания Н. П. Лихачева. Сюжет иконы: 1) Литургия, 2) Божия Матерь Нерукосечной горы. Размеры: 13 1/8 x 10 3/8 вершков (58,5 x 45 см).²⁴

Пятая подписная икона А. И. Казанцева также хорошо известна - житийная икона муромских

чудотворцев Константина, Михаила и Федора, датированная 1714 г.²⁵ Текст надписи: "Лета ЗСКГ году от Рождества Иисуса Христа АУДИ писал сей образ муромских чудотворцев муромец изуграф Александр Иванов сын Казанцев с сыном своим Петром". Икона поступила в Муромский музей из Благовещенского мужского монастыря.

Считаем своим долгом обратить внимание на датировку иконы. Первая дата написана по церковной традиции от сотворения мира - 7223, то есть в 1715 г., а вторая - от Рождества Христова - в 1714 г. Причину разночтений мы видим в том, что икона писалась осенью - между сентябрем и декабрем 1714 г., в так называемом "сентябрьском стиле". Следовательно, при переводе даты на современное летоисчисление нужно из 7223 вычитать не 5508, а 5509. Таким образом, наше наблюдение позволяет несколько уточнить время написания иконы. А. И. Казанцев с сыном работал над ней осенью 1714 г.

Надпись уникальна не только двойной датировкой, но и упоминанием сына А. И. Казанцева. Ни в каких других известных нам источниках имя Петр Казанцев не встречается.

Продолжим наш обзор подписных работ А. И. Казанцева. До революции в муромской Христорождественской церкви находилась еще одна икона А. И. Казанцева. В настоящее время местонахождение ее неизвестно. Приводим описание, заимствованное нами из церковной ведомости начала XX в. "Муромская Божия Матерь, шириной 1 аршин, вышиной в 1 аршин 7 вершков (71 x 102 см - В. Ч.). Писана по зеленому полю. Доска деревянная гладкая... На иконе надпись: "Я писал сий образ Пресвятыя Богородицы града Мурома изуграф Александр Иванов сын Казанцев по реклу Остафьев 1730 г."²⁶ В 1730 г. А. И. Казанцеву исполнилось семьдесят два года - возраст очень почтенный. Интересно и его прозвище - "Остафьев". В ранних источниках оно не упоминается, поэтому происхождение его не ясно. Свидетельство об иконе Муромской Божией Матери 1730 г. последнее из известных.

В прошлом столетии в распоряжении А. С. Уварова находился важный документ, имеющий прямое отношение к творческой деятельности Казанцевых. Так, из протоколов Московского археологического общества известно о существовании челобитной "с жалобой муромского соборного протопопа с братией на иконописцев Александра и Федора Казанцевых, поданная 8 марта 7196 (1688) год Авраамию, митрополиту Рязанскому и Муромскому".²⁷ К сожалению, где она находится в настоящий момент неизвестно, и мы не знаем, что за конфликт произошел в Муроме в XVII в.

Следующий этап творческой деятельности Казанцевых можно связать с обновлением Николо-Набережной церкви. Документально известно, что еще в начале XX столетия на клиросах находилась надпись о времени постройки храма и оформлении

интерьера, выполненная церковно-славянской вязью: “В 1717 г. была взята благословенная грамота; в 1714 г. устроен иконостас; в 1715 г. написаны иконы; в 1716 г. иконостас был вызолочен, а в 1717 г. храм был освящен по благословению преосвященного Стефана, митрополита Рязанского”.²⁸ Согласно церковной описи в начале XX в. в храме насчитывалось двадцать девять икон древнего письма. В примечании описи указано, что шесть икон, так называемые Сивиллы, написаны в 1715 г. Они находились на клиросах - по три на каждом.²⁹ Девять икон упоминались с припиской: “Монастырского письма”. Поскольку все они могли быть написаны в иконописной мастерской муромского Благовещенского монастыря Казанцевыми, приводим полное описание церковной описи с указанием размеров икон. “Икона Архистратига Михаила, 34 x 26 вершка (153 x 117 см - В. Ч.) монастырского письма, XVII века. Икона Смоленской Божией Матери, 22 x 15,5 вершка (99 x см - В. Ч.), тоже (имеется в виду “монастырского письма” (? - В. Ч.), XVII века. Икона Федоровской Божией Матери, 21 x 15 вершков (94,5 x 67,5 см - В. Ч.), тоже, XVII век. Иконы св. Петра и Февронии Муромских чудотворцев, размером каждая по 29 x 10 вершков (170,5 x 45 см - В. Ч.), монастырского письма по золоченому фону на доске с выемкой, XVII век. Икона св. мученика Федора Стратилата 26,5 x 16,5 вершков (119 x 74 см - В. Ч.), монастырского письма по золоченому фону, XVII век. Икона Рождество Христово, 7 x 6 вершков (31 x 27 см - В. Ч.), монастырского письма на доске с выемкой, XVII века. Икона “Недреманное Око”, 7 x 6 вершков (31 x 27 см - В. Ч.), монастырского письма на доске с выемкой, XVII век. Страстная Богоматерь, 15,5 x 12 вершков (69 x 54 см - В. Ч.), монастырского письма, XVII век. Крест на Голгофе с распятием Иисуса Христа, 3 аршина (213 см - В. Ч.), монастырского письма, XVII век”.³⁰

В настоящее время из вышеперечисленных икон в коллекции Муромского историко-художественного музея находятся только Сивиллы.

Иконописная мастерская муромского Благовещенского монастыря, возникшая в 20-е гг. XVII столетия, просуществовала, как минимум, до последней четверти XVIII в. О том, что мастерская функционировала в XVIII в., видно из записи приходо-расходной книги Спасского монастыря от 24 мая 1765 г.: “Выдано муромскому Благовещенскому монастыря архимандриту Алимпию за починку Спасо-Преображенской, Покровской, Кирилловской церковей святых икон 26 рублей; ученикам его, архимандрита, выдано на пищу 1 рубль 20 копеек”.³¹ Из процитированной фразы следует: во-первых, иконописцы Благовещенского монастыря по-прежнему находились в зависимости, во-вторых, в мастерской трудилась целая артель изографов с несколькими учениками.

Таким образом, делаем вывод, что в Муроме на протяжении XVII - XVIII вв. трудилась группа

потомственных иконописцев. Она обслуживала не только город и округу, но и отдаленные местности (вспомним икону А. И. Казанцева из Пюхтинского монастыря). Мы не сомневаемся, что рано или поздно в распоряжении искусствоведов окажется ряд икон, позволяющий говорить о муромской иконописной школе. При этом, основную надежду столь оптимистичных взглядов мы возлагаем на кропотливый труд реставраторов.

В XVIII столетии муромские изографы не только писали иконы, но и расписывали храмы. В нашем распоряжении имеется свидетельство этому, датированное декабрем 1770 г. В приходо-расходной книге Спасского монастыря за означенный год написано: “Выдано иконописцам муромского Благовещенского монастыря служителю Федору Казанцеву с товарищи за написание двух святых икон в церковь в столпах трех святителей да святых чудотворцев муромских и за написание на тумбах и в приделех страстей Христовых и за позолоту в настоящей Преображенской церкви около столпов шести киотех своим золотом - 10 рублей”.³²

Важно упоминание главного мастера иконописной артели Федора Казанцева. К сожалению, в документе не указано его отчество и можно только гадать, кто скрывался под этим именем. Но в любом случае, им не мог быть Федор Иванович Казанцев, родившийся более столетия назад - в 1662 г. Вероятно, Федор один из потомков братьев Казанцевых. В 1770 г. он стал опытным мастером и возглавил мастерскую муромского Благовещенского монастыря, сменив на этом поприще отца и деда.

Кроме Казанцевых, Мартыновых-Андронниковых, Пупковых в Муроме в XVIII столетии небезуспешно работал Михаил Лукин Смольянинов. Одно из первых упоминаний о нем, обнаруженное нами, относится к 1770 г. В июле месяце казначей муромского Спасского монастыря “выдал иконописцу муромскому купцу Михаилу Смольянинову за починку в Покровской церкви святых икон и письмо шти листового образа Преображения Господня 4 рубля 50 копеек”.³³ В ноябре того же года Михаил Смольянинов “за позолоту в церкви местные киоты своим золотом и росписание” получил пять рублей”.³⁴ Слова “за росписание” следует понимать как стенопись, а это означает, что не только артель Федора Казанцева трудилась над оформлением интерьера. По документам известно, что Смольянинов и Казанцев одновременно работали в Преображенском соборе. Следовательно, во-первых, Смольянинов привлекался на помощь монастырской артели (говоря другими словами, профессиональный уровень М. Смольянинова не уступал монастырским иконописцам) и, во-вторых, объем развернутых в соборе работ был достаточно велик.

В выше цитированной приходо-расходной книге Спасского монастыря Михаил Смольянинов упомянут оба раза как “иконописец муромский

купец”. М. Л. Смольянинов не принадлежал к числу изографов Благовещенского монастыря. Звание “купец” объясняется тем, что до принятия “Жалованной грамоты городам...” (до 1775 г.) все население города, согласно регламента 1721 г., делилось на две категории. К первой, наряду с банкирами, докторами, богатыми купцами относились и иконописцы.

Из творческого наследия М. Л. Смольянинова по документам начала XX в. известны две иконы. В Николо-Зарядской церкви до революции находилась “икона Спасителя древнего греческого письма, шириной 1 аршин 15 вершков (138 см - В. Ч.) ... Доска деревянная гладкая”, - читаем далее. Изображение писано по зеленому полю. На иконе точно такая же надпись, что и на алтарном образе Спасителя (имеется в виду рассмотренная выше икона А. И. Казанцева 1683 г. из Ильинской церкви - В. Ч.). Внизу иконы подпись: “Царь Царем и Господь Господнем лета ЗСПЗ (1779 г. - В. Ч.) свершися писан сей святыи образ муромец свидетельный иконописец Михаил Лукиан Смольянинов”.³⁵ В настоящее время местонахождение иконы неизвестно.

Вторая из известных икон М. Л. Смольянинова, “Усекновение главы Иоанна Предтечи”, хранилась до 1920-х гг. в жертвеннике

Предтеченской церкви города Муром. Приводим ее описание” “Образ... на темном фоне, на нем надпись: “Предтечево славное усекновение Смотрение некое Божественное бысть да и сущим во аде Спасово проповестъ пришествие да рыдает убо Иродия незаконное убивство испросивши не закон Божий ни живы век возлюби, но притворны и привременный”. Внизу иконы еще надпись: “1789 году марта 15 дня писал Михаил Лукин Смольянинов”. Размеры: высота 9 3/4 вершка (41 см - В. Ч.), ширина 9 вершков (40,5 см - В. Ч.). С оборотной стороны покрыт вишневым полинялым бархатом”.³⁶ В рукописи, откуда заимствованы эти сведения, на полях имеется приписка: “Взят в музей”.³⁷

В той же Предтеченской церкви находилась икона Казанской Божией Матери. Согласно церковной описи, на задней стороне доски имелась чернильная надпись: “Муром. Ивана Иванова Сосульникова”.³⁸ Размеры иконы: 8,5 вершка x 7 1/4 вершка (38 x 31 см - В. Ч.). Если верить описи, икона была “не позднее XVIII в.” К сожалению, мы затрудняемся ответить на вопрос - был ли И. И. Сосульников автором, то есть иконописцем, или же (что более вероятно) всего лишь вкладчиком. В 1920-е гг. икона И. И. Сосульникова была взята в музей.³⁹

Муромские иконописцы XVII - XVIII вв.

	Имя и сословная принадлежность	Примерное время творчества
1.	Евдоким	конец XVI - начало XVII вв. (до 1636 г.)
2.	Лукьянко Евдокимов Иконников - бобыль	162-е - 1630-е гг.
3.	Ивашка Саввин - бобыль Благовещенского м-ря	1620-е - 16...(?) гг., упомянут в последний раз в 1646 г.
4.	Володька Панфилов - бобыль Благовещ. м-ря	1630-е - 16...(?) гг., упомянут в последний раз в 1646 г.
5.	Федосий Григорьев - посадский человек	1630-е - 16...(?) гг., упомянут в последний раз в 1646 г.
6.	Мефодий Мартынов - посадский человек	1640-е - 16...(?) гг., упомянут в последний раз в 1646 г.
7.	Ивашка Мефодиев Мартынов (р. 1644 г.)	1660-е - 16...(?) гг.
8.	Александр Иванов Казанцев (р. 1658 г.) по прозвищу Остафьев - бобыль Благовещенского м-ря	1670-е - 1730-е гг., упомянут в последний раз в 1730 г.
9.	Федор Иванов Казанцев (р. 1662 г.) - бобыль Благовещенского м-ря	1670-е - ... (?) гг., упомянут в последний раз в 1688 г.
10.	Леонтий Степанов Пупков (р. 1661 г.) - посадский человек	1680-е - 17...(?) гг., упомянут в последний раз в 1723 г.
11.	Петр Александров Казанцев - бобыль Благовещенского м-ря	1690-е - 17...(?) гг., упомянут в последний раз в 1714 г.
12.	Андрей Иванов Андронников - Мартынов (р. 1679 г.) - посадский человек	1700-е - 17...(?) гг., упомянут в последний раз в 1723 г.
13.	Федор Казанцев - служитель Благовещенского м-ря	1740-е - 17...(?) гг., упомянут в последний раз в 1770 г.
14.	Михаил Лукин Смольянинов - посадский человек, “иконописец, муромский купец”	1740-е - 17...(?) гг., упомянут в последний раз в 1770 г.

¹ Писцовая книга г. Муром 1637 г. // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. 1857.

² Писцовая книга г. Муром 1636 г. // МИХМ. М-2225. Рукопись Н. Г. Добрынкина, XIX в.

³ Приносим искреннюю благодарность сотрудникам Муромского музея Сиротинской А. А. и Суховой О. А. за консультации, оказанные при написании настоящей работы.

⁴ Писцовая книга г. Муром 1636 г. МИХМ. М-13308. // Рукопись И. П. Мяздрикова, XIX в.; Писцовая книга г. Муром 1636 г. // МИХМ. Б/н. Рукопись XIX в. (из библиотеки муромского Спасского монастыря).

⁵ Указ. соч. Л. 34 об.

⁶ Цатурова М. К. Русское семейное право XVI - XVIII вв. М., 1991. С. 7.

⁷ Спасский список. Л. 34 об.; Добрынкинский список. С. 128.

⁸ Добрынкинский список. С. 443.

⁹ Там же. С. 370.

¹⁰ Синодик Богородицкого собора XVII в. // МИХМ. М-2232. Л. 114 об.

¹¹ Переписная книга г. Муром 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11834. Л. 88 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 81.

¹⁴ Переписная книга г. Муром 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11835. Л. 27.

¹⁵ Переписная книга г. Муром 1646 г. Л. 68 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1884. Л. 40.

¹⁷ Переписная книга г. Муром 1646 г. Л. 64 об., 65.

¹⁸ Писцовая книга г. Муром 1636 г. (Спасский список). Л. 82 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1884. Л. 37 об.

²⁰ Синодик Благовещенского монастыря 1695 г. // МИХМ. М-2230 Л. 147; Синодик Благовещенского монастыря 1713 г. // МИХМ. М-2233. Л. 158 об.

²¹ Данченко Е., Красилин М. Материалы к словарю иконописцев XVII - XX вв. (по данным обследований церковных и др. коллекций). М., 1994. С. 18. № 57.

²² Опись древних церквей города Муром и древних предметов в них находящихся; рукопись начала XX в. // МИХМ. Научный архив. Инв. № 24/П.

²³ МИХМ. М-6606. (Описание иконы и библиографию см.: Каталог 1000летие русской художественной культуры. М., 1988. № 169. С. 360)

²⁴ Государственный Русский Музей. ДРЖ-1476. Цит. по: "Из коллекции академика Н. П. Лихачева". Каталог. Спб., 1993. Приложение 1. С. 260.

²⁵ МИХМ. М-6604. (См. статью А. А. Сиротинской "Иконография святого Василия епископа Рязанского и Муромского" // Муромский сборник. Муром, 1939).

²⁶ Опись... Л. 26.

²⁷ Древности. М., 1881. Т. IV. Вып. 1. Прот. № 154. С. 2.

²⁸ Опись... Л. 41.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 42 об., 43.

³¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 6. Д. 1997. Л. 15 об.

³² РГАДА. Ф. 280. Оп. 7. Д. 308. Л. 17.

³³ Там же. Л. 13.

³⁴ Там же. Л. 16 об.

³⁵ Опись... Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 15 об.

³⁷ Там же. (В настоящее время указанная икона в фондах Муромского историко-художественного музея отсутствует).

³⁸ Опись... Л. 16.

³⁹ В настоящее время указанная икона в фондах Муромского историко-художественного музея отсутствует.

Н. Н. Жервэ

НОВГОРОДСКИЙ ИОНО-ОТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Среди знаменитых монастырей Новгорода Отенский монастырь занимает особое место: его история связана с двумя очень важными и интересными для новгородской церкви именами - архиепископа Ионы, стяжавшего святость и причисленного к лику новгородских святых, и богослова и философа Зиновия Отенского.

Впервые исторические сведения об этом монастыре были собраны митрополитом Евгением (Болховитиновым) и помещены в "Истории Российской иерархии".¹ Наиболее интересные и подробные данные об этой обители удалось обнаружить в рукописном сборнике материалов по истории новгородской епархии, составленном в середине XIX в. архиепископом Макарием (Миролюбовым) - автором многих трудов по новгородским церковным древностям.² В ГАНО попали лишь остатки архива монастыря, дающие сведения о земельных владениях и состоянии монастыря в XVIII - начала XX вв.³ Большой корпус документов удалось обнаружить в фондах советского периода того же архива - они касаются истории закрытия и упразднения монастыря в двадцатые - тридцатые гг. XX в.⁴

Автор серии очерков о новгородских монастырях А. Г. Слезкинский начал описание этой обители следующими словами: "Вокруг Отни местность очень глухая. Ни проездных дорог, ни близкого поселка. Монастырь углубился среди лесов, густых зарослей и живет отдельной отшельнической жизнью. Истинный монах, стремящийся к посту и молитве, найдет здесь полное уединение, отрешит суету мирскую, оставит всякий помысел о внешней жизни".⁵ С этими строками перекликаются и слова из описания монастыря, составленного архиепископом Макарием: "... Неизвестный основатель обители сей, по всей вероятности, более всего дорожил уединением, которое он мог найти здесь вполне. Свое название он получил от имени Отня или Отчая пустынь и носит его на себе с начала своего существования".⁶

Летописные сведения об основании монастыря отсутствуют, но под 6928 (1420) годом сообщено: "поставлены две церкви деревянные в Отне пустыне Николая Чудотворца и Онуфрия Великого на Красном острове, а строил архимандрит Харитон".⁷

С построения архимандритом Харитоном

этих деревянных церквей начинается и архитектурная история Отни. В 1452 г. архиепископ Евфимий II возвел в монастыре соборную церковь во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Но главное строительство началось по распоряжению архиепископа Ионы - постриженника и игумена этого монастыря, а впоследствии его духовного покровителя и наставника. С 1462 г. по его повелению перестраивался храм Трех Святителей. С юга он получает придельную церковь Рождества Иоанна Предтечи с приделом Онуфрия Великого. В результате этого строительства появляется довольно редкий в древнерусском зодчестве вариант архитектурной композиции: два небольших по размерам равновеликих храма - северный одноглавый с широким алтарным полукружием и обширной папертью (к северо-западному ее углу примыкала колокольня) и южный, вероятно двуглавый, с двумя алтарными апсидами, смещенными к западу относительно соборного храма. По сообщению жития Ионы Отенского потолок у Иоанна Предтечи был не сводом, а деревянный: таково было желание Ионы, который избрал местом своего погребения пространство у северной стены храма Иоанна Предтечи, вблизи от паперти соборного храма.

В 1463 г. в монастыре возводится трапезная церковь Николая Чудотворца в восьми саженях от соборной церкви к северу (вероятно, на месте деревянного храма). Это было двухэтажное здание, к которому с западной стороны примыкали игуменские кельи отделенные узкими сенями. В нижнем этаже постройки была кухня, хлебопекарня, погреб. Трапезная и игуменские кельи имели отдельные входы. Исследователь новгородской архитектуры Е. Турова считает, что верхний этаж Никольской церкви представлял собой уникальную для русской трапезной постройки XV - XVI вв. планировку: бесстолпная палата размерами 13 x 14 м освещалась одиннадцатью окнами и имела большое алтарное полукружие с востока. Всю ширину восточной стены занимал иконостас. Пространство собственно храма было выделено деревянной перегородкой на небольших квадратных столбиках (бесстолпных каменных перекрытий такого пролета в архитектурной практике XV в. не зафиксировано).⁸

В житии Ионы Отенского сообщается, что тело его после кончины 5 ноября 1470 г. (ст. стиль) было положено в дубовый ковчег и погребено в храме Св. Иоанна Предтечи. Гроб не засыпали землей, а только закрыли досками. По прошествии сорока дней от мощей его не было никакого запаха и гроб его остался навсегда не засыпанным землею. Во второй половине XVI в. в монастыре случился страшный пожар. Огонь охватил все церковные здания, а также храм, в котором находились мощи Св. Ионы. Сначала никто не смел войти, чтобы

вынести их, но все-таки двое монахов вынесли гроб и поставили посреди монастыря. Когда же они хотели отнести его за монастырь, то не смогли сдвинуть даже раки, и ковчег с мощами Св. Ионы остался среди огня невредим. По окончании пожара четыре монаха и два священника подняли раку и внесли внутрь погоревшей церкви Иоанна Предтечи и поставили в алтаре. Обо всем случившемся игумен обители сообщил архиепископу новгородскому Пимену, который приказал возобновить погоревшую церковь и потом вместе с архимандритом Иларионом и старейшими игуменами пришел в Отню пустынь, совершив молебное пение. Святые мощи были положены в том месте, которое определил сам Св. Иона при жизни. Когда архиепископ Пимен открыл мощи на целование, все находившиеся при этом ощутили благовоние.⁹

После смерти Ионы монастырь подвергался многим бедствиям и быстро стал приходить в упадок. Иван IV поддержал его денежными средствами: на монастырь в 1574 г. было пожертвовано 2644 руб. 4 алтына и 4 деньги. В XVI в. в обители было учреждено общежитие и настоятель ее между новгородскими игуменами занимал пятое место.

В истории русской духовной культуры Отенский монастырь связан с именем богослова и философа, обличителя новгородской ереси Зиновия Отенского, о жизни которого мы знаем очень мало. Неизвестен год его рождения, а год смерти - приблизительно 1568 (по другим источникам - 1571 - 72 гг.). Возможно, он был новгородцем, ибо сам о себе сказал, что не знает иного "гласа" кроме новгородского. Митрополит Евгений (Болховитинов) считал его учеником Максима Грека, сосланным в Отенскую обитель после заточения своего учителя.¹⁰ Но некоторые современные исследователи (Клибанов, Корецкий) не находят сходства воззрений "нестяжателя" Максима Грека со взглядами Отенского монаха, отстаивавшего землевладение и более близкого по своим позициям к Иосифу Волоцкому.

В 1556 г. к нему пришли клирошане Старорусского монастыря - монахи Герасим и Афанасий с иконописцем Федором и "вопросили о новом учении" (т. е. о ереси Феодосия Косого). Очевидно, популярность Зиновия была достаточно широкой. Его талант ритора и богослова проявился в похвальном слове на открытии мощей новгородских архиепископов Никиты и Ионы. Опровержению ереси Косого он посвятил подробное сочинение "Истин показание к вопрошающим о новом учении". Критика ереси тщательно аргументировалась.

Дореволюционный исследователь жизни и деятельности Зиновия Отенского Ф. Калугин и современные исследователи установили широкий круг источников, которыми он пользовался - сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Николая Черногорца. Судя по

Рис. 1. Новгородский Ионо-Отенский монастырь. XVI в.
Гравюра XIX в.

всему, он знал и античных писателей, возможно, владел и греческим языком. Среди книжников древней Руси богословский авторитет отенского монаха был очень высок и ему не раз пытались приписывать чужие труды - например, житие Иосифа Волоцкого. Зиновием Отенским было написано несколько посланий, посвященных вопросам обрядности и веры. Тело отенского монаха после его смерти было положено рядом с мощами архиепископа Ионы.

По летописным известиям в 1600 г. в Отне случился громадный пожар, который уничтожил все монастырское имущество, оставив только обгорелые и разрушенные стены церквей. Восстановление монастыря было прервано во время шведского разорения: в 1615 г. Понтус Делагарди, предводительствуя шведскими войсками на пути из Тихвина в Новгород, "Отенский монастырь разорили, и церковное, и монастырское, и всякое строение выграбили, и братию и служек побили, и монастырь весь выжгли".¹¹ После такого страшного опустошения по ходатайству игумена Дионисия обитель была восстановлена на основании грамоты царя Михаила Федоровича (1617 г.). В 1662 г. к Отне был приписан Козьмодемьянский монастырь, но в 1699 г. сильный пожар снова опустошил обитель и митрополит Иов приписал ее к архиерейскому дому. Опека помогла обстроить Отню. Архимандриту Тихону была дана полная настоятельская власть в устройстве монастыря. В 1730 г. опять монастырь горел и остались "только одни каменные стены". Полное восстановление Отни осуществилось лишь в начале XIX в. "тщанием игуменов Мефодия, Захария и Михаила".

По штатам 1764 г. он был отнесен к третьему

классу. Полагалось кроме настоятеля иметь казначея, четыре иеромонаха, два иеродиакона, четыре послушника и девять служителей. Настоятельствовали, как правило, игумены, но были и архимандриты: сан этот давался исключительно по личным заслугам настоятеля. В XVI - XVII вв. игумену дано было дано право "судить и решать все дела, исключая духовные не только монастырские и крестьян, принадлежащих монастырю, но приходские мытенские, и бывшая за монастырем земля были подчинены игумену".¹² В XVIII в. у монастыря было семьсот тридцать две души крестьян, семьсот девять десятин земли, рыбные ловли и, вероятно, получая добротные пожалования, монастырь мог существовать безбедно.

В XIX - начале XX вв. размеры земельных монастырских владений значительно уменьшилось. По законодательным актам можно видеть, что сельским хозяйством монастырь занимался в небольших размерах, огороды возделывались на то количество овощей, которое нужно было в продолжение года для монастыря. Содержали рогатый скот и лошадей.

Большую пользу монастырю принесло игуменство Мефодия (1795 - 1801 гг.). При нем были возведены новые строения и полностью обеспечено содержание братии. В 1800 г. все постройки монастыря были "упразнены" и в центре возведен грандиозный одноглавый собор с классическим портиком и двумя фланкирующими его колокольнями в северо-западном и юго-западном углах. Внутри собор был разделен стеной на два самостоятельных храма. Поставленный в честь соименного Ионе святого придельный храм занял в новой постройке большую часть внутреннего пространства и стал

восприниматься как главный храм монастыря. Северный храм был освящен во имя Святителя Чудотворца Ионы Отенского.

Разрушения начала XIX в. почти не коснулись Никольской трапезной церкви: перестройке подверглась только ее западная часть (настоятельские кельи, братская трапеза). Трапезная стала частью теплого храма, который вошел составной частью в огибающий собор с трех сторон П-образный келейный корпус с двухэтажными прямоугольными башенками по углам. В центре южной стены корпуса находились Святые ворота с расположенными над ними братскими кельями. В том же корпусе размещались казначейские кельи и гостиницы. Снаружи монастырь был обнесен каменной оградой.

По свидетельству монастырской ведомости 1918 г. в библиотеке Отенской обители было пятьсот пятьдесят три книги, часть которых составляли рукописи, грамоты и синодики XVI - XVII вв.

Еще архимандрит Макарий в середине XIX в. отмечал наличие в монастыре таких особо чтимых икон, как образ Св. Ионы, известный под названием "Покров на Раку", образ Старорусской Божьей Матери, местночтимая икона Богоматери Тихвинской. Кроме праздника, совершавшегося в память Св. Ионы в день его кончины (5 ноября по ст. стилю), торжественное богослужение совершалось в Ильинскую пятницу, с крестным ходом из Новгорода (пятьдесят верст), а потом из ближайших сел: Мытеньского погоста и Змейского. Тогда же из монастыря шел крестный ход в часовню, находившуюся от монастыря за версту по дороге к Волхову. Там совершался молебен с воодошением. Внутри этой часовни находился неглубокий колодец, выкопанный, по преданию, святителем Ионою. В сруб колодца был вделан деревянный крест с изображением Распятия Господня. Среди икон в часовне находился образ Св. Ионы, написанный на холсте в рост в святительском облачении. Часовня была построена "иждеванием церковного мастера маляра Романа Семенова с помощью монастыря".

Ведомость о монашествующих, послушниках и хозяйстве Отенского монастыря за 1918 г. свидетельствует, что монастырь в это время владел около тридцати одной десятиной пахотной земли в Новом Сельце и Новинке, покосной земли было около восьмидесяти десятин. Капитал монастыря наличными деньгами составлял 1096 руб. 15 коп. Монастырь возглавлял иеромонах Иона семидесяти шести лет, постриженный здесь же в 1877 г. Он пришел в обитель после окончания новгородской духовной семинарии в 1863 г. Кроме восьми человек монашествующих в Отне к 1919 г. было еще пять послушников.¹³

Судьба монастыря в советские годы аналогична судьбам многих русских обителей. Сохранились документы, точно фиксирующие этапы

уничтожения Отни.

Акт от 4 декабря 1918 г.

Мы нижеподписавшиеся граждане сельских местностей сел. Руссы Подборецкой волости Новгородской губернии в силу инструкции о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства собрались на своем сельском сходе комитета бедноты и после всестороннего обсуждения постановили и заявляем, что как верные сыны и дочери Православной церкви долготнее время являлись поклонниками Отенской обители, видели и привыкли к ее монастырскому богослужению и благолепию монастырских храмов и посещению крестных ходов с чудотворною иконою Тихвинской Божьей Матери и Святителем Угодником Ионою Отенским и преп. Онуфрием Великим, а посему желаем искренне, чтобы Отенский монастырь и впредь существовал и никаким принудительным мерам не подвергался, в чем просим содействия советского правительства оставить нам нашу святыню в целостности на радость и духовное утешение. Храмы, имущество монастыря и братию мы берем под свою защиту и охрану.

Подписи четырнадцати человек.¹⁴

Протокол общего собрания братии и рабочих Отенского монастыря 5 марта 1919 г.

В присутствии председателя Новоселицкого волостного исполнительного Совета, председателя зам. отдела урегулирования общих неурядиц в монастыре прошло общее собрание братии и рабочих и при этом постановили: признать назначенного Св. Синодом настоятеля Отенского монастыря игумена Феодосия для управления монастырем, избрать монастырский духовный совет, в который по избранию и по должности вошли председателем настоятель игумен Феодосий, казначеем - иеромонах Герман, зав. хозяйством избран Николай Федоров и он же делопроизводитель. Означенному совету поручить выработать устав с/х коммуны применительно зарегистрированной уже коммуны Званского монастыря и таковой устав для регистрации представить в земельный отдел... Препоручить совету дальнейшее дело о ходатайстве перед уездным зам. отделом о регистрации нашей трудовой коммуны.

Десять подписей во главе с настоятелем игуменом Феодосием.¹⁵

Тогда же была составлена подробная опись имущества, находящегося в ИONO-Отенском монастыре.¹⁶ В 1922 г. осуществляется осмотр и взятие на учет церковного имущества, имеющего художественное значение. В акте, составленном комиссией музейных экспертов - Н. Порфиридова и В. Квашенкина перечислено семнадцать предметов - потиры, кресты напрестольные, Евангелия, оклады, дарохранительница (XVII - XIX вв.).¹⁷

В 1928 г. началось "обследование" Отенского монастыря и комиссия обнаружила

“нарушение порядка использования предметов”, “некоторые предметы были не включены в список”, а часть церковной утвари исчезла. Постановление определяло необходимость “украденные вещи оценить и предъявить коллективу верующих граждан иск”, а затем “нанять спец. сторожа для охранения храма”. В это время в монастыре оставалось только три “служителя культа”: архимандрит Феодосий - настоятель прихода, иеромонах Варлаам и псаломщик Михаил Меркулов.¹⁸

Новым документом, составленным в январе 1928 г., коллективу верующих Ионо-Отенского прихода Бронницкого района (сто двенадцать человек) передавался “в бессрочное и бесплатное пользование и хранение, находящийся в Бронницком районе в Отенском поселке храм в честь Св. Иоанна с 2-мя часовнями”. Верующие обязались “на свои средства производить оплату всех текущих расходов”.¹⁹ Отсутствие денег для оплаты страхового иска у верующих облегчило советским органам власти закрытие Ионо-Отенской церкви.

Постановление начальника Бронницкого райотдела от 19 фев. 1930 г.

В связи с отказом верующих пользоваться Ионо-Отенской церковью и принимая во внимание, что в церкви имеется икона так называемой “Тихвинской Божьей Матери”, считающаяся среди местного населения “чудотворной”, посредством каковой среди окрестного населения в радиусе до 40 верст служителями культа поддерживается религиозный дурман и при ношении ее в день праздника и после почти в течение 2-х недель по деревням выкачиваются от населения большие средства, идущие в пользу служителей культа... церковь закрыть.²⁰ 29 марта 1930 г. президиум окрисполкома удовлетворил ходатайство райисполкома о закрытии Ионо-Отенской церкви “ввиду отказа и отсутствия желающих взять в аренду пользования”.

24 апреля 1930 г. был составлен акт об отборе предметов, числящихся на учете музея с 1922 г. Все предметы в количестве двадцати пяти экземпляров были взяты в музей. Из оставшегося церковного имущества музей оставлял за собой колокол весом около четырех с половиной пудов с надписью: “7202 (1694) году месяца июля в 19 день дал сей колокол Софийский ризничий Варлаам в Отенский монастырь” как имеющий историческое значение. Основная часть церковных вещей и монастырского имущества была отдана в с. Бронницы - райотделу, районному загсу, добровольной пожарной дружине (один из колоколов). Даже Мытнинский драмкружок получил “свою долю”: одну фелонь, одну епитрахиль, стихарь диаконский, пару поручей!²¹

Никольская церковь по тому же акту могла использоваться “без внутренней и наружной перedelки и перестройки”. Ее передали коллективу

верующих, образовавших православное религиозное общество, куда вошло двадцать пять человек - жителей деревень Посад, Отенский поселок, Хуторок. Священником являлся игумен Иона, настоятелем прихода был архимандрит Феодосий.

Последние документы - о ликвидации Никольской церкви при бывшем Отенском монастыре - датированы 1934 г.:

Выписка из протокола № 152 Президиума Леноблисполкома от 10 июня 1934 г.

Принимая во внимание, что здание церкви, не являясь специально культовым, находится в стенах закрытого монастыря, на территории, занимаемой в настоящее время колхозом “Переселенец”, 20-ки не существует и договор на пользование помещением церкви не заключался, верующие же удовлетворяют свои религиозные потребности в другой Мытнинской церкви, находящейся на расстоянии 5 - 6 км, и учитывая при этом ходатайство колхозников о закрытии церкви и передаче помещения колхозу дляхоз. нужд церковь закрыть.²²

При закрытии храма были изъяты “культовые вещи” в количестве сорока двух предметов, часть которых оставалась “под охраной” Мытнинского с/с, а остальные были отправлены в Новгород. В список музейных ценностей было включено одиннадцать предметов. Прихожане просили оставить им образы Св. Ионы, Онуфрия Великого и Тихвинскую икону (церковная двадцатка все-таки существовала), но в ходатайстве было отказано.²³

В мае 1934 г. появляется документ, свидетельствующий о желании использовать собор с колокольной на кирпич.²⁴ К счастью, этому не суждено было осуществиться, но постройки Отни были все-таки разрушены во время войны. К сожалению, пока не удалось найти никаких сведений о судьбе последних насельников монастыря, живших в “Аракчеевских казармах Отенского поселка”.

Четыре года назад я впервые попала в эти удивительные места. Ясным холодным октябрьским утром мы, увязая в грязи, шли по размытой дождями дороге от д. Посад к Красному острову. Внезапно открылась опушка леса, пылающая дивными красками золотой осени. Заросшие кустарником и дерном, едва приметные остатки строений бывшего знаменитого монастыря обнаружить было нетрудно. Самым удивительным открытием была живая память о Святителе Ионе: на месте, где под спудом покоятся его мощи, стоит деревянный крест с полотенцем. Такой же крест - над срубом родника на месте бывшей часовни по дороге к Волхову в километре от монастыря. И еще - лампадка со свечой и кружка - каждый, пришедший сюда, может испить прозрачной родниковой воды и обратиться со словами молитвы к преподобному Ионе!

¹ История российской иерархии. М., 1813. Ч. V. С. 394 - 418.

² ОР ГРБ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 227.

³ ГАНО. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 1 - 18.

⁴ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Ед. хр. 173; Ф. Р-138. Оп. 3. Ед. хр. 93, 95, 103.

⁵ Слезкинский А. Г. Отня. Из экскурсий в окрестности Новгорода // ИВ 1906. №№ 4 - 6. С. 909.

⁶ ОР ГРБ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 268.

⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 257.

⁸ Турова Е. Архитектурная история Отенского монастыря // София, 1996. № 1 (17). С. 9.

⁹ ОР ГРБ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. Хр. 227. Л. 274 об. - 275.

¹⁰ Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. 111 - 112.

¹¹ История Российской иерархии. М., 1813. Ч. V. С. 402 - 403.

¹² ОР ГРБ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 272.

¹³ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Ед. хр. 173. Лл. 6 - 11, 30 - 32.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-138. Оп. 3. Ед. хр. 1-3. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 20 - 22.

¹⁷ Там же. Л. 60.

¹⁸ Там же. Л. 70, 72, 74.

¹⁹ Там же. Л. 73, 80 - 82.

²⁰ Там же. Л. 88.

²¹ Там же. Л. 99.

²² Там же. Л. 136 - 137.

²³ ГАНО. Ф. Р-138. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 303, 305.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-138. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 15, 18.

М. В. Шкаровский

СУДЬБА МОНАСТЫРЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В XX ВЕКЕ

В центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится большой комплекс документов, позволяющий достаточно полно исследовать историю монастырей Северо-Запада России в первые два десятилетия Советской власти.

Антирелигиозная политика Совнаркома не сразу в полном объеме затронула обитатели. Как декрет о земле, так и закон о социализации земли давали возможность сохранения монастырских хозяйств путем перехода на положение сельскохозяйственных артелей и коммун. Первоначально целый ряд видных коммунистов считал возможным соединить социализм научный и христианский. Монастырское население было привычно к коллективному труду и быту, и уже весной 1918 г. начался стихийный процесс реорганизации обитателей в трудовые артели и коммуны. Он получил полное одобрение церковного руководства.

Постепенно отношение к монастырям стало меняться. Уже в конце 1918 г. многие местные органы власти повели линию на их закрытие. При выселении монахов, изъятии их собственности возникали многочисленные эксцессы. Как результат, в октябре 1918 г. в Новгородской, Псковской губерниях прошли первые судебные процессы над монашествующими. А 30 октября 1919 г. Наркоматы юстиции и земледелия издали циркуляр земотделам, предлагавший им строго отличать объединенные хозяйства от религиозных организаций. Устанавливалось, что членами коммун, артелей не могут быть монахи и священники. После этого ряд обитателей-коммун был ликвидирован, некоторые другие "очищены" от монашествующих. Всего из имевшихся в России к началу 1918 г. 1253 монастырей до 1921 г. национализировали около половины - 673. Правда, во многих случаях, хотя их собственность объявлялась общенародной, монахи продолжали жить на старых местах и вести почти прежний образ жизни. Особенно это было характерно для Северных областей. Так, на март 1921 г. по

неполным данным в Череповецкой губернии имелось шестнадцать монастырских коммун, в Архангельской - четырнадцать, Новгородской - тринадцать, Вологодской - семь и т. д. Эти общины по-прежнему сохраняли роль духовных, культурных центров.

С 1923 г. началось массовое закрытие храмов при монастырских подворьях в городах. Все уцелевшие церкви официально стали приходскими, но многие из них до начала 1930-х гг. сохраняли атрибуты монастырских.

Следующий этап наступления на монастыри связан с общим ужесточением курса государственной религиозной политики в 1928 - 1929 гг. В связи с разжиганием классовой борьбы в деревне была предпринята часть монашеских коммун, артелей и в конечном счете монашества в целом. Так, 28 марта 1928 г. ОГПУ послало в Ленинградское земельное управление документы, негативно характеризующие деятельность монастырских коммун области, потребовав их ликвидации. И в течение трех лет почти все они были распущены. Этот процесс сопровождался не только закрытием храмов, но и сносом некоторых обителей. Летом 1932 г. могла совершиться одна из самых невосполнимых утрат в русской культуре. Леноблисполком принял решение о сносе наиболее знаменитых северных монастырей - Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Горицкого и Иверского. Этому воспротивился Наркомпрос, районные власти, сыграла свою роль и позиция военного ведомства, рассматривавшего монастыри в качестве укреплений на случай боевых действий. Они в основном уцелели, однако многих утрат тогда предотвратить не удалось. Можно привести пример Троице-Сергиевой пустыни, где оказались уничтожены не только монастырское кладбище, но и несколько храмов, в том числе собор - творение великого Ф. Б. Растрелли и т. д.

В 1932 г. начались и массовые аресты

священнослужителей. Глубоко трагичной является дата 18 февраля, когда в один день почти все еще оставшееся монашество Ленинградской области - около пятисот человек - исчезло в тюрьмах. В это время волна подобных арестов прокатилась по всей стране. А 9 мая 1932 г. президиум Леноблисполкома по личному указанию С. М. Кирова вынес решение о закрытии храмов последнего в епархии монастыря - Макариевской пустыни под Любанью. Правда, в Боровичском районе (ныне Новгородская область), в труднодоступном месте, вплоть до середины 1937 г. с дореволюционных времен продолжал существовать небольшой мужской монастырь - Забудушенская пустынь. Все его насельники были арестованы и расстреляны в конце 1937 г. Властям казалось, что с монастырями в России покончено навсегда. Однако это была иллюзия. Всего через четыре года на оккупированной немцами территории, в том числе и в Ленинградской области, развернется стихийный процесс возвращения монашеских обителей. В то же время выдающиеся культурные ценности, уничтоженные в ходе гонений на них, оказались утрачены безвозвратно.

Созданные в период оккупации в пос. Вырица мужская и женская монашеские общины были вынуждены в 1944 г. прекратить существование. В конце Великой Отечественной войны окончательно оставили свои острова и иноки

Коневского и Валаамского монастырей (до 1939 г. действовавших на территории Финляндии). Попытки возродить эти обители, предпринятые в конце 1940-х гг. митрополитом Ленинградскими Новгородским Григорием (Чуковым), остались безуспешными. Таким образом, на всем Северо-Западе России вплоть до 1990-х гг. существовал лишь один монастырь - Псково-Печерский (до 1940 г. находившийся на территории Эстонии). Его также пытались закрыть в 1960-е гг., но духовенству и верующим удалось отстоять обитель.

В начале 1990-х гг. началось возрождение монастырей Санкт-Петербургской епархии. К настоящему времени действующими вновь стали Александро-Невская лавра, Троице-Сергиевская пустынь, мужской Коневский Рождество-Богородичный и женский Иоанновский, Введено-Оятский монастыри. Идет процесс реставрации, восстановления монастырских комплексов, причем не только зданий храмов. Так, в Троице-Сергиевой пустыни перезахоронением останков архитектора А. И. Штакеншнейдера началось воссоздание монастырского кладбища. К сожалению, далеко не все из шестнадцати обителей Санкт-Петербургской епархии, существовавших на 1917 г., можно возродить. Некоторые, как, например, Макариевская пустынь, были уничтожены практически полностью.

Н. В. Рыбина

РУКОПИСИ ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ ИЗ НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Софийская библиотека - одно из первых русских книгохранилищ. Основа библиотеки - богослужебные книги Новгородского Софийского Собора, построенного в XI в. Рукописи Софийского собрания создавались и обращались на огромной территории русского Севера. Новгород и подвластные ему земли уже с конца XI в. являлись центрами производства рукописной книги. Значительная часть ценных памятников книжности стала известна благодаря этому собранию. Первая опись библиотеки была составлена в 1775 г., когда по инициативе архиепископа Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила библиотека комплектовалась особенно интенсивно. В Новгородский Софийский Собор передавались старинные рукописные книги из многих закрытых монастырей, книги, изъятые у старообрядцев. Таким образом составлялось собрание, превышающее полторы тысячи рукописных книг XI - XIX вв.

В 1859 г. Новгородско-Софийское собрание было передано в Петербургскую Духовную Академию, отсюда в 1919 г. - в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина (теперь Российская Национальная библиотека), где хранится и сейчас.

В составе собрания рукописи,

принадлежавшие ранее различным новгородским монастырям, в том числе Валаамскому.

В настоящее время перед исследователями стоит задача определения данных о составе древнерусских библиотек и на основе этого решение вопроса о том, каким историко-культурным фондом располагали в ту или иную эпоху в различных центрах древнерусского государства. Поэтому важна систематизация сведений о древнерусских рукописных собраниях по принципу бывшей их владельческой принадлежности.

Валаамский монастырь, один из старейших на Русском Севере, располагал в XV - XVI вв. значительным книжным рукописным собранием. Об этом свидетельствуют сохранившиеся рукописи. Ценным и малоизученным источником являются записи на рукописях. Для изучения истории Валаамской монастырской средневековой библиотеки (и самого монастыря XIV - XVI вв.) эти записи едва ли не единственный исторический источник. На валаамских рукописях два вида записей: 1) записи о времени и причинах написания рукописи; 2) владельческие и запродажные записи. Первый вид записей обычно помещался в конце рукописей, после послесловия, или в начале книги, в виде предисловия. Размеры подобных записей самые различные: от

краткой справки о времени окончания написания книги до обширного рассказа об обстоятельствах написания рукописи. Владельческие записи помещались также в самом начале или конце книги, иногда скрепой по первым листам. Часто владельческие записи сопровождалась приписками личного характера. Записи на рукописях дают ценный материал для ответа на многие вопросы: в какой социальной среде и в какой мере бытовали книги, каков репертуар чтения различных общественных групп, сколько книг находилось в обращении, каковы культурные запросы потребителя книги - русского читателя того времени.

Интерес к валаамскому книжному собранию объясняется существованием в монастыре XV - XVI вв. книгописания. Примечательно, что валаамские книгописцы работали не только для своих нужд, но и на заказ. Например, по заказу новгородского архиепископа Геннадия в Хутынский Новгородский монастырь написано Евангелие 1495 г., называемое сейчас исследователями "шедевром книгописного искусства" (Розов Н. Н.). В Софийском соборе четыре датированных рукописи с указанием места написания - монастырь на острове Валаам. Вот краткие описания рукописей.

Евангелие - апракос 1508 г., 1°, 414 л. Полуустав. На лл. 3, 58, 117, 152 красочные заставки балканского стиля. Заставки (некоторые вязью) и инициалы киноварные. Переплет - доски в малиновом узорчатом бархате со следами накладных украшений и застежек (32,5 x 21 см). На л. 1 датированная запись писца клирошанина Валаамского монастыря Евфимия с упоминанием заказчика - игумена Иоакима.

Октоих конца XV в. 1°, 528 л. Крупный полуустав. Заголовки и инициалы киноварные; в некоторых заголовках - элементы вязи. Переплет - доски в коже с тиснением (32 x 21 см). На 4 л. Запись писца: "В святей и честной обители святого и благолепного преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа по благословению игумена Иоакима Валаамского монастыря написана бысть книга сия Октоих четверогласник на Валааме острове..."

Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. 1475 г. 1°; на лл. 3-7 запись: "сия книга глаголемая четья Григорий Богослов Валаамского монастыря". На л. 459 запись: "В лето 6983 писана бысть книга сия в дому святого Спаса на Валааме... А писал книгу сию многогрешный и неразумный и последний в иноцех Закхейко..." Далее следует пространное обращение писца к читателю книги с пожеланием читать со "всяким тщанием", заканчивается запись традиционно "а мене не кланите и в молитвах ваших мене помяните..."

Пролог март - август 1491 г. 1°, 267 лл. Каллиграфический полуустав. На последнем 267 л. датирована запись писца "дьяка Гридици Лихача" с

указанием дня начала и конца переписки, имени заказчика - "игумена Валаамского монастыря Якима". Ниже приписка Гридици Лихача: "Словеса убо писаные приидоша в конец, уму же конца да не будет. Коль рад заяц избежав тенет, столь рад и писец списав книгу сию". На чистых листах в начале и конце книги - пробы пера скорописью XVII в., владельческая запись "книга сия Васильевского монастыря, что против города Ладоги на горе".

Владельческие записи - ценный источник для изучения истории книги, которая, в свою очередь, связана с историей народа, историей государства. Девятнадцать книг из Софийского собрания имеют пометы Васильевского монастыря. (Из "Старой Ладоги", "что в Ладоге Старой на горе за рекой за Волховом"). Двенадцать из них имеют одновременно владельческие записи Валаамского монастыря. Это неслучайно. Очевидно, книги попали в Старую Ладогу после разорения Валаамского монастыря шведами в 1611 г. Известно, что в это же время в Староладожский Никольский монастырь были перевезены мощи Сергия и Германа и прочие монастырские ценности. Сохранился почти полный комплект служебных миней XV - начала XVI вв., первоначально принадлежавших Валаамскому монастырю (с владельческими пометами). Позже в Васильевском монастыре книги брали на переписывание, иногда книги терялись, перевозились из одних мест в другие. О частом переписывании свидетельствует запись на одной из валаамских миней середины XVI в.: "Сия книга меня месячная взята была в монастыре Васильевском... в прошлом (1613) году в месяце марте. А имал Николы Медветцкого монастыря черной поп Дионисей на снимок... И в нынешний год сию книгу отдал в Васильевский монастырь... А в той книге Дионисья дана была память. И васильевские слуги сказали, что де та память утерялась. А подписал сию книгу и отдал яз сам черной поп Дионисей своею рукою, для памяти, чтоб впредь спору не было". По пометам можно проследить дальнейшую историю книг. Есть записи конца XVII в., говорящие о частой смене владельцев книг (среди которых есть и новгородцы). Возможно, некоторые валаамские рукописи попали в Новгород еще в XVII в. Наконец в середине XVIII в., после упразднения староладожских монастырей в 1764 г., остальные уцелевшие рукописи были перевезены в библиотеку Новгородского Софийского Собора.

В настоящее время рукописи с владельческими пометами Валаамского монастыря хранятся не только в Софийском собрании РНБ, но также в РГАДА, ГИМ, БАН.

С Софийским собранием оказалась связана история рукописи, написанной на Валааме в 1500 г. и ныне хранящейся в Синодальном собрании ГИМ. Это Толкование Феофилакта, архиепископа Болгарского "списал священноинок Валаамского монастыря Федор Сеняньской". Из описей

Синодальной (ранее Патриаршей) библиотеки явствует, что книга была перевезена вместе со многими другими из Московской Типографской библиотеки. Типографская библиотека, возникшая при Московском Печатном дворе, в основном состояла из новгородских (в том числе Софийских) рукописей, которые в период исправления богослужебных книг высылалась в Москву в качестве “книг печатного дела исправления ради”. Написанная

на окраинах русского государства рукопись в XVII в. была перевезена в Москву для “книжной sprawy”.

Итак, обращение к рукописям Валаамского монастыря, сохраненным в Софийском собрании, дает возможность ответить на некоторые вопросы библиогеографии, внести свой вклад в систематизацию сведений о местах происхождения и путях миграции древнерусских рукописных книг.

Е. П. Петрова

ЦАРСКИЕ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ МОНАСТЫРЯМ XVII - XVIII ВЕКОВ В СОБРАНИИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Одним из самых ранних письменных источников по истории монастырей являются грамоты. В собрании документов Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника шесть царских грамот конца XVII - середины XVIII вв. двум монастырям Владимирского края.

Самая ранняя из них “Грамота судная государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси на имя игуменьи Новодевичьего.¹ Успенского монастыря Феофании с сестрами за приписью дьяка Ивана Болотникова - судить на Москве в Приказе Большого Дворца на три срока. 7122 (1614) февраля 15 дня” (В-4087). Под таким названием грамота значится в “Описи Новодевичьего монастыря 1665 года”,² но текст грамоты у исследователей истории монастыря не опубликован.³ Сейчас это вновь действующий женский Успенский Княгинин⁴ монастырь во Владимире, основанный в конце XII в. Основательницей монастыря Никоновская летопись называет великую княгиню, жену Всеволода III Марию Шварновну. Поводом для основания монастыря послужила болезнь великой княгини после рождения сына Иоанна, в силу чего она принимает иночество. Предполагают, что первые монахини появились здесь между 1189 и 1200 гг. Сведения о дальнейшей истории монастыря до XVI в. отсутствуют, т. к. все архивные материалы монастыря пропали во время польско-литовской интервенции. История располагает лишь отрывочными данными об освящении Успенского собора, лицах, погребенных в нем, косвенными сведениями о богатстве монастыря. Вероятно, монастырь сильно пострадал в период монголо-татарского нашествия и больше не возвращал себе былого величия.

XVI век - время возрождения монастыря. Земельные пожалования князей, приобретение пахотной земли, крупные денежные вклады приводят к усилению экономической базы монастыря. В “Историческом описании первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря” приводится перечень двенадцати жалованных грамот, выданных монастырю с 1512 по 1659 гг. Среди вкладчиков - Василий Иванович, Иван IV Грозный (1520, 1651 гг.),

Михаил Федорович (1614, 1623, 1642, 1643 гг.), Алексей Михайлович (1650, 1651 гг.), Федор Алексеевич (1682 г.), Петр и Иоанн Алексеевичи (1684 и 1695 гг.).

Из всех перечисленных в музее хранится одна грамота, но самая ранняя из сохранившихся.⁵ Написана она скорописью на листе бумаги размером 40,8 x 26,6 см. Прекрасно сохранилась красновосковая государственная печать на шелковом шнулке: с одной стороны изображен двуглавый орел с опущенными крыльями, с другой - Георгий Победоносец.

Несудимые грамоты давались государями некоторым монастырям и духовным лицам, коих они освобождали от суда архиереев, позднее переписывались от имени нового царя, или получали подтверждающие запись от имени Иоанна и Петра Алексеевичей в 1695 г.

При изучении грамоты возникло несколько вопросов. Написана она на имя игуменьи Феофании, но это имя написано по стертому, а один раз писец, очевидно, пропустил ранее написанное имя “Ираида”. В “Списке настоятельниц Княгинина Успенского монастыря с начала XVI - до конца XIX вв.”⁶ который, как указывается, “составлен исследователями по грамотам” и по “историческим актам и руководствуясь записями, хранящимися в монастыре”⁷ ни Ираиды, ни Феофании нет. Если грамота значится в “Описи монастыря 1665 года”, а имена двух настоятельниц, упоминаемые в ней, в “Список” не попали, можно предположить, что исследователи истории монастыря конца XIX - начала XX вв. грамоту не видели.

Из текста грамоты узнаем, что “игуменья Феофания с сестрами... били челом и сказали в прошлом 1599 году при Борисе дана жалованная несудимая грамота и нам бы их пожаловати велети и тое грамоту переписать наше царское имя и велети им дати жалованную новую грамоту таковую” и Михаил Федорович “велел тое грамоту переписать на его царство...” Сведений о прежней грамоте 1599 г., на которую ссылаются авторы, обнаружить не удалось ни в ГАВО, ни в печатных публикациях.⁸ Читаем далее: “а в грамоте какову они перед нами

Рис. 1. Грамота судная Михаила Федоровича на имя игуменьи Новодевичьего Успенского монастыря. 1614 г., февраля, 15 дня.

положили писано...”, что грамота освобождала монастырские власти от наместничьего суда, но с одним условием: “оприч душегубства и разбоя с поличным”, - и давала большие права игуменье: “праведчики и доводчики поборов своих у них не берут и не ездаяют к ним ни по что а ведает и судит своих людей игуменья Феофания с сестрами”.

Также представляет интерес тот факт, что в ГАВО хранится грамота Михаила Федоровича 1623 г. на имя игуменьи Ольги, в которой написано: “во 131 г. по нашему указу положили они перед нами нашу жалованную грамоту 122 году за приписью дьяка нашего Ивана Болотникова а дана им та наша жалованная грамота против прежней жалованой грамоты... Ивана Васильевича...” и содержала с небольшими изменениями текст нашей несудимой грамоты.¹⁰

Грамота 1614 г. из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника является одним из ранних сохранившихся письменных источников по истории Княгинина монастыря, содержит сведения о более ранней грамоте 1599 г., а “Список настоятельниц монастыря” может быть дополнен именами двух игумений: в 1599 г. - Ираида, в 1614 г. - Феофания.

Во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике хранятся пять прекрасно оформленных грамот, выданных Флорищевой пустыни царем Федором Алексеевичем и

императрицей Елизаветой Петровной, в которых наиболее полно отразился экономический расцвет монастыря, рост его владений.

Незаслуженно забытый в советские годы крупнейший памятник монастырской культуры Флорищева пустынь располагалась на берегу реки Клязьмы, на небольшой горе, в двадцати четырех верстах от Гороховца. “В 1654 году пришел в эту пустынь инок Илларион, который по просьбе старца Мефодия был посвящен патриархом Никоном во иеромонахи, а потом сделался настоятелем - и в его правление Флорищева пустынь, при всех многочисленных препятствиях, возвысилась на степень первейших пустынь в России”.¹¹ Наиболее полное описание монастыря дается в монографии В. Георгиевского “Флорищева пустынь” (Вязники, 1896), а в “Приложении” опубликованы тексты двадцати пяти грамот, выданных монастырю с 1651 по 1749 г., из них одиннадцать - от имени Федора Алексеевича. В нашем собрании - четыре грамоты Федора Алексеевича. Как пишет Георгиевский, история Флорищевой пустыни связана “с именами первого ее основателя подвижника Илариона, впоследствии известного митрополита Суздальского и главного ее благотворителя - друга подвижника Илариона - царя Федора Алексеевича”.¹² В “Житии Преподобного Илариона”¹³ читаем: “Между идеальными личностями древней Руси второй половины XVII в. видное место занимает святитель Иларион, митрополит суздальский. Это был

Рис. 2. Грамота Федора Алексеевича от 2 февраля 1680 г. «на владение землей и лесом около монастыря».

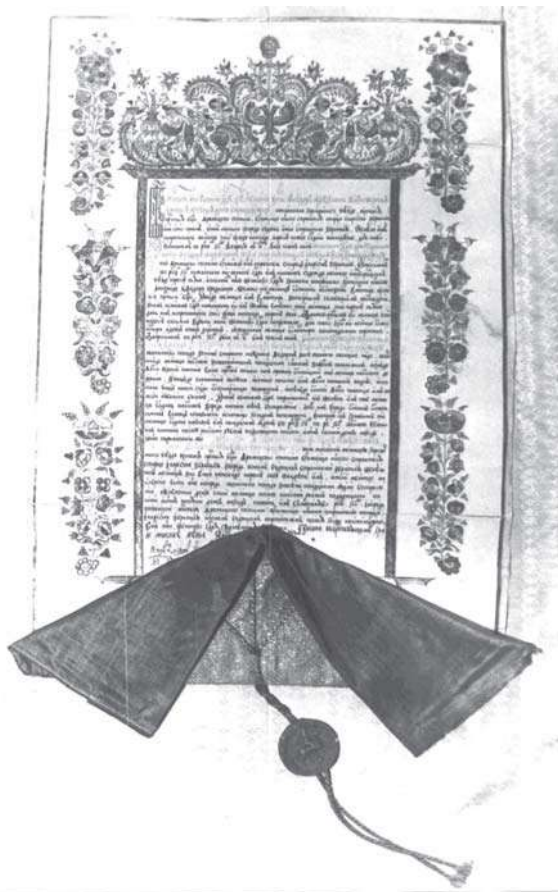

Рис. 3. Грамота Федора Алексеевича от 2 февраля 1680 г. на владение Луховской мельницей.

архипастырь, который своею святою жизнью и плодотворною просветительскою деятельностью снискал себе глубокое уважение во всех слоях современного ему общества... Осуществивши во всей полноте в своей жизни древнерусский идеал строго подвижника и молитвенника и сделавшись основателем ново-воздвигнутой им в глухих гороховецких лесах Флорищевой пустыни, Иларион после многолетних суровых подвигов поста, молитвы и уединения сделался известным вем и в его обитель пошли тысячами богомольцы - и простолюдины, и знатные царедворцы...¹⁴ Флорищева пустынь знаменита тем, что в ее библиотеке хранилось двести двадцать три рукописи различного содержания XVII - XVIII вв., сто двадцать восемь старопечатных книг, в архиве пустыни - более тридцати подлинных грамот и актов XVII в.

Грамоты Федора Алексеевича стали поступать в монастырь с 1677 г., после первой поездки царя во Флорищеву пустынь. Как пишет Георгиевский: "... царю чрезвычайно понравилась убогая пустынь Флорищевская. Она нисколько не походила на те монастыри, которые знал до сих пор и которые посещал царь Федор Алексеевич... Царь видел в обители крайнюю скудость во всем... и одарил обитель истинно по-царски. Целым рядом жалованных грамот в 1677, 1678, 1680 гг."¹⁵

Самая ранняя грамота в нашем собрании - "Грамота царя Федора Алексеевича жалованная, на владение Калушками, Мартюшкиным и Колмаковым починками" 7186 (1677), октября 15 дня"¹⁶ (В-4089). Это первая грамота на земельные владения. Текст грамоты, написанный полууставом на первом листе бумаги, размером 74,5 x 45,6 см, помещен в рамку из стилизованных золотых цветов, соединенных темными стеблями. В центре заставки - двуглавый орел под короной, вокруг - растительный орнамент. Первая строка написана золотом. Грамота подложена листом бумаги и розовой тафтой, низ скреплен фигурным угольником из золотой и серебряной парчи, прошитой шнуром, сохранилась вислая царская печать. На обороте скорописью XVII в. написано: "Царь великий князь Федор Алексеевич всея великия и малыя России самодержец", ниже - запись, подтверждающая грамоту от имени Иоанна и Петра Алексеевичей в 1684 г.

Грамота - ценный исторический источник, из которого узнаем, что в это время в монастыре находилось семьдесят человек, а "земли и сенных покосов и никаких угодий нет..."¹⁷. Федор Алексеевич исправляет такую "скудость и убогость". Так как около пустыни земля песчаная и неплодородная, то царь велел отвести обители земли в Белгородской волости (Нижегородская губерния). Это около девятисот десятин земли, в том числе пахотной до трехсот десятин.

Далее шли грамоты на строительство каменного собора Успения Богоматери (1678 г.), богомольная грамота Федора Алексеевича (1678 г.), грамота о пожаловании мельницы на Можаровских водах (1679 г.), в том же году пожалованы рыбные ловли по р. Пьяне, Суре, Юморге, подворье в Москве в Ваганьковском проулке.¹⁸

Следующая жалованная грамота Федора Алексеевича из нашего собрания от 2 февраля 1680 г. "на владение землей и лесами около монастыря" (В-4091). Написана полууставом на листе бумаги размером 57 x 41 см. Украшена золотым орнаментом из стилизованных цветов и листьев, в центре заставки - корона. Покрыта зеленой тафтой, которая скреплена с грамотой фигурным угольником из золотой парчи, с вислой царской печатью. На обороте - подтверждающая запись от имени Иоанна и Петра Алексеевичей в 1684 г. Этой грамотой Федор Алексеевич наградил обитель, пожаловав ей все окрестные владения - леса и земли, и реку Лух окружной межей почти на сорок верст, куда вошли "земля пашенная и непашенная, сенные покосы и рыбные ловли, и всякие угодья около того монастыря по урочищам, по обе стороны реки Луха леса черные и боровые и болота и озера и дебри непроходимые..." Из грамоты узнаем, что "стольнику и воеводе Ивану Языкову... землю... описать и измерять, а измерив и взяв старожилов и сторонних людей, отказать в монастырь... и ото всех земель отмежевать..." Очень подробно описываются новые владения монастыря

Рис. 4. Грамота Федора Алексеевича от 13 декабря 1749 г.

в “Ярополческой и Гороховецкой стороне”, грамота изобилует географическими названиями рек, озер, упоминаются и “великие болоты..., что в зимнее время не мерзнуть”. “В той святой обители тою землю и санными покосы и рыбными ловли и всякими угоды владеть безобочно и ныне и впредь на вечные времена...”, - читаем далее в грамоте.

В тот же день (2.02.1680 г.) царь Федор Алексеевич дает грамоту монастырю на владение Луховской мельницей¹⁹ (В-4092). Грамота написана полууставом на листе бумаги размером 70,5 x 47 см. Орнамент из разноцветных стилизованных цветов, заставка под короной, имя царя в тексте написано золотом. Покрыта зеленой тафтой, скреплена парчевым треугольником с вислой печатью. На обороте грамоты - подтверждающая запись от имени Иоанна и Петра Алексеевичей в 1684 г. Эта грамота представляет интерес бытовыми подробностями передачи мельницы монастырю. В начале грамоты упоминается, что в прошлом году монастырю была пожалована мельница “в Нижегородском уезде на реке Пьяне”, но “таде мелница за спорным челобитьем в монастырь не отведена”. И вместо той мельницы решили “дать на пропитание что в Луху на посаде нареке Луху”, т. к. мельница на Пьяне в двухстах верстах от монастыря, а луховская мельница всего в шестидесяти верстах. Далее следует занимательная история передачи мельницы монастырю: “...Луховская мельница на откупу... за Федкою Соколовым, и онъ де Федка взвел плотину выше прежней пошвы, как прежние откупщики тое мелницу на откупу держали и у них де скотинные

выпуски и санные покосы онъ Федка потопил водою и скотина у них по вся годы отъ безкормицы помирает, и темъ де отъ него Федки чинится имъ налога и убытки большие...” Мельница была отдана на откуп посадским людям на пять лет, “а откупу велено имъ платить по сту осми рублей по двадцать по шти алтынъ по пяти денег на год”. В результате всего мельница была пожалована монастырю, а посадские люди должны платить деньги оброчные Иллариону с братией.

Последняя грамота Федора Алексеевича в нашем собрании “о пожаловании соляных варниц на Балахне и другие угоды” от 15 июля 1680 г. (В-4088). Написана полууставом на листе бумаги размером 76,5 x 52 см. Поля украшены золотым растительным орнаментом, подложена бумагой и скреплена фигурным угольником из золотой парчи. На обороте - подтверждающая запись от имени Иоанна и Петра Алексеевичей в 1684 г.

Из текста грамоты узнаем, что две варницы “прозваньем Любим и Любава в прошлом гостиные сотни Андрея Исакова... отписаны... за соболиную мяхкую рухледь всибирской приказ... по цене 670 рублей. И те варницы погнили, изоржавели, и стоят впусе”. Дается подробное описание состояния варниц, сохранившегося имущества, инвентаря. Большое значение имел и тот факт, что “свываренной соли, которая у них в балахонских варницах впредь будет... в Государя казну пошлинных денег для строения и заводу тех варниц, и для их монастырской

скудости имать невелеть”. Кроме того, монастырю отходили рыбные ловли по рекам Пьяне, Юморте, Суре, сенные покосы дворцовой Красносельской волости. Интерес вызывает то, что в грамоте перечисляются не только передаваемые в монастырь земли и воды (населенные пункты, реки), но и прежние владельцы многих угодий.

Две грамоты на большие земельные владения монастыря содержат угрозу тем, кто “учнет чинить какое насильство или чем изобидит” Иллариона с братией, тому “быть ввеликой опале и убытки велимь доправить вдвое”.

Таким образом, благодаря щедрости и благочестию царя Федора Алексеевича, отныне обитель получала нужные средства для своего существования. Второй раз царь Федор Алексеевич побывал во Флорищевой пустыни в 1681 г. на освящении храма. В этом же году Илларион был переведен в г. Суздаль. Владения монастыря больше не росли.

Тяжелые времена переживал монастырь во времена правления Петра I и Анна Иоанновны. Целый ряд указов запретил монастырям приобретать мельницы, рыбные ловли, соляные варницы. Только Елизавета Петровна восстановила права монастыря на безоборочное и вечное владение землями и угодьями, пожалованными царем Федором Алексеевичем, своей подтвердительной грамотой от 13 декабря 1749 г. (В-4108). Эта последняя грамота Флорищевской пустыни в нашем собрании отличается особым убранством: четыре листа пергамента, написанные с обеих сторон скорописью,

проложены желтой тафтой и помещены в твердую обложку, покрытую розовой парчой. Текст первого листа украшен рамкой из золотых стеблей, заставка в виде российского герба. На последнем листе - подписи девяти сенаторов Правительствующего сената. В грамоте подробно излагается история создания крупнейшей вотчины монастыря: в хронологическом порядке перечислены и подтверждены все пожалования Федора Алексеевича во Флорищеву пустынь. А историю появления грамоты узнаем из текста: “выше писанные грамоты писаны на бумаге и на предбудущия времена в оном монастыре к употреблению ненадежны...”, “вподтверждение вышеобъявленных прежнихъ грамоты... дать... грамоту... занашею Государственною печатью...”.

Ценность подобных грамот в том, что они сообщают о более ранних пожалованиях, о которых могло не сохраниться никаких сведений.

Рассмотренные жалованные царские грамоты монастырям в собрании документов Владимиро-Суздальского музея-заповедника отличаются друг от друга содержанием и оформлением. Несудимая грамота конца XVII в. - это строгий документ, жалованные грамоты Флорищевой пустыни конца XVII в. - художественные произведения с оригинальными текстами, грамота середины XVIII в., богато украшенная, имеет явно светское направление. Вотчинная часть всех жалованных грамот - важный источник, рисующий состав монастырского землевладения.

¹ В жалованной грамоте Василия Ивановича 1512 г. монастырь называют “новым”, “новодевичим”.

² Успенский Княгинин девичий монастырь. Владимир, 1861. С. 100.

³ Там же. Историческое описание первоклассного княгинина Успенского монастыря в губ. гор. Владимире. М., 1900. С. 31; Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Ч. 1. С. 219.

⁴ В 1900 г. в связи с 700-летием монастыря он причисляется к разряду первоклассных и ему возвращается название “Княгинина”.

⁵ В ГАВО самая ранняя грамота 1623 г. (№ Ф-568. Оп. 1, 2).

⁶ Успенский княгинин... С. 15.

⁷ Там же.

⁸ В 1923 г. церковное имущество монастыря передано во Владимирский музей, но в описи по передаче, как всегда, грамоты не значатся. (ГАВО. Фонд Владимирского музея. Р-1826. Д. 321 (1818 - 1960 гг.).

⁹ В грамоте 1557 г. монастырю пожалована на вечные времена мукомольная мельница на р. Рпени.

¹⁰ Согласно “Описи монастыря 1665 года” несудимая грамота выдана Михаилом Федоровичем в 1623 г.

¹¹ Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. М., 1852. С. 35.

¹² Георгиевский В. Флорищевская пустынь. Вязники, 1896. С. 11.

¹³ Житие Преосвященного Илариона митрополита Суздальского, по рукописи, хранящейся в библиотеке Велико-Устюжского собора Владимирской губернии // Труды Владимирской ученой Архивной комиссии. Владимир, 1908. Кн. X.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Георгиевский В. Указ. соч. С. 62.

¹⁶ Названия грамот взяты из “Приложения” указ. соч. В. Георгиевского.

¹⁷ Из текста грамоты.

¹⁸ В 1919 и 1924 гг. часть имущества монастыря была передана во Владимирский музей, но в описи по передаче грамот нет, в ГАВО имеются копии с грамот, хранящихся в музее-заповеднике.

¹⁹ Леса и пахотная земля в поселке Калушкин Нижегородской губернии, Луховская мельница числится в описи монастыря в конце XIX в.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА МУРОМА XVII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И БЫТА

В 1764 г. монастыри в России были распределены в зависимости от своей значимости по группам, то есть по “штатам”: некоторые остались за “штатами”, другие были упразднены, а третьи - обращены в приход. По этой регламентации Борисоглебский мужской монастырь, основанный в начале XII в. на реке Ушне в семнадцати верстах от Муром, упразднился, все его имущество было передано в Успенский собор г. Владимира.

Спасский, или Спасо-Преображенский мужской, в Муроме был отнесен к третьему классу. В. Зверинский пишет: “Из жития св. мученика Глеба, первого князя Муромского, сына Владимира Великого, видно, что Глеб, отправленный княжить в Муром, тогда еще языческий, не мог совершенно подчинить его своей власти и жил в отдалении от города в продолжении двух лет, построив себе двор, укрепив его твердою стеною и поставив там церковь во имя Всемиловитого Спаса. Спасо-Преображенский монастырь есть остаток этого двора, и в 1098 г. в церкви погребено тело Изяслава, сына Владимира Мономаха, убитого под Муромом, которое было перенесено братом в Новгород. Монастырь уцелел среди общих бедствий, каким город подвергался от нападения татар, страшной язвы и пожаров. Существование монастыря становится известным лишь в 1515 г., когда в нем был настоятелем архимандрит Кирилл”.¹

Мужской Николаевский монастырь на Бутылицах Меленковского уезда (в двадцати двух верстах от Меленок) в 1764 г. был обращен в приход, а женский Троицкий в г. Муроме, основанный “в 1642 г. торговым человеком Муромской гостиной сотни Тарасием Борисовым Цветновым на месте, где стояла прежде сооруженная муромским князем Константином церковь во имя св. князей Бориса и Глеба (XII в.)”, был отнесен к третьему классу.²

В Российском государственном архиве древних актов (Москва) выделено два небольших фонда: № 1432 Муромский Борисоглебский монастырь и № 1433 Муромский митрополичий двор. В них хранится всего сто двадцать девять документов, относящихся к последним двадцати годам XVII в., написанных скорописью - почерком трудным для чтения, а тем более для исследования. По правилам лингвистического издания девятнадцать документов этих фондов опубликованы в 1984 г. в сборнике “Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край”, под ред. проф. С. И. Коткова. (Далее. - Пам. Влад. Орфография примеров упрощена, знаки препинания расставлены нами). В памятках, челобитных, отписках, поручных записях и расспросных речах отражены факты, которые, конечно, не могут дать исчерпывающей картины народной жизни, но

отдельные ее стороны они все же освещают.

Митрополитами муромскими и рязанскими в последнее двадцатилетие XVII в. были Иосиф, Павел и затем Авраамий, находившиеся в Переяславле Рязанском.

В марте 1679 г. из Духовного приказа от митрополита Иосифа на имя поповского старосты г. Муром попа Никифора пришла память. В ней было велено монастырским “архимандритам и игуменам и строителям приказывать накрепко братии, и слугам, и служебникам, и монастырским вотчинным крестьянам, чтобы они первую неделю поста и всю четырехдесятницу постились с женами и детьми, а будет кто не станет поститься... на тех преосвященного митрополита пеня”.³

Стараясь избежать такой “пени” митрополита, крестьяне монастырской вотчины с. Сетчаны писали, что они не участвовали в составлении прошения Фирска Ревякина и “в челобитную писать себя и руки прикладывать никому вместо себя не веливали, и мы, сироты твои, на архимандрита Авраамия (игумена Борисоглебского монастыря - Л. А.) и строителя старца Нифонта ни в чем не челобитчики”.⁴

Однако Фирс Ревякин был, видимо, из тех народных правдолюбцев, которые не умеют молчать о злоупотреблениях. Со своей прямоотой они ничего и не могут добиться, потому что большинство их не поддерживает, зная по пословице, что плетью обуха не перешибешь”. А между тем через четыре года, в 1683 г., появляется документ на восьми столбцах, в котором от имени монастырской братии перечислены все действия строителя Нифонта, наносящие ущерб монастырю.⁵

Начинается он с описания отношения Нифонта к братии. Мы, пишут монахи, “строительскую ему келью отвели и келейника дали; и стали мы его звать хлеба есть за трапезу, а он строитель хлеба есть с нами за трапезу не ходит, а сказал нам, яз де беру к себе в келью, мне де вы братством не указывайте” (л. 1). Взял он к себе в келью и монастырских работников Якушку да Проньку “без братского приговору”, а когда конюший старец Мартирий “стал говорить, чтоб он Якушко пошел на конной двор... и он Якушко его старца Мартирия учал бранить матерны и хвалился зарезать ножом” (л. 1). Далее перечисляется, каким монастырским имуществом завладел строитель Нифонт. Список довольно внушительный. Здесь и “жеребенок чал”, и деньги, и “сума кожаная с рухледью, закрыта замком”, и различная одежда, и “четыре шубы бараньих, в том числе две новых”, и мед: “Взял у крестьянина... 10 пуд меду, 4 пуда воску, и взяв, медом покориствовался” (л. 3).

Любил строитель Нифонт, как говорится, “порадеть родному человечку”. Своего “родственника старца Макарья посылал на ватагу, и завладели 5-ю рублями от монастырской рыбной продажи” (л. 3). А своему слуге Проньке “дал оселок по розванию в Новоселках, на чем пшеницу севали, да ему же даван многой хлеб безщотно... Да сним Пронькою из монастыря в Муром к сродичам своим, к сестре и племяннику, посылал рыбы, крупы, и пшеницы, и пшеничную муку” (л. 3). Принял в монастырь “пьяницу и табатчика Андрюшку с женою и детьми... и давал ему из мучного анбара ржаные и пшеничные муки, а рожью и пшеницею не давал, чтоб от братии указу не было, а расходу той муке в книгах не написано” (л. 4). Ученых же “сушиленных книг для своей бездельной корысти не велел писать”, а когда “архимандрит при всей братии о том ему говорил, и он его не слушал” (л. 4).

Но больше всего он любил менять монастырских коней: “Променял жеребца савраса трех лет, а выменил клячу дряхлую, безногую, а принял теленка”, “променял коня каря ценою 25 рублей, а выменил коня страшново, и тот конь жил две недели и пал” (л. 5). Все это он делал на дворе своего племянника: “Променял без братского совету коня гнеда белоголуба четырех лет, ценою был в двадцать три рубли, а выменил меренишка бура старова, а менял он Нифонт в Муроме у племянника своего Мишки... на дворе, а придачи к тем коням и меринам он Нифонт ничего в казну не объявлявал” (л. 5). Брату своему монастырского “меренишка солова” променял “на безногую лошадь, которая ныне шолудива” (л. 6). А “вкладного коня из гнеда пега” изувечил: “ездя по гостям, напившись пьян, скакал и на торчу набрушил, и тот конь в то число пал, цена коня 25 рублей” (л. 4). Коляски, в которых Нифонт ездил “на Алатырь”, “разоряя святую обитель и ругаючись всеи братии, изломал, и кожи оборвал, и всякие железные приправы с тех колясок обломал” (л. 6).

Когда Нифонт отыскал беглых монастырских крестьян, то отобрал у них всех лошадей, коров, посуду и другое имущество, а самих продал “неведомо кому”, денег же в монастырскую казну не отдал (л. 4). Без “братского совету” передал пустоши и покосы крестьянам деревень Столбиц и Михалец Спасского монастыря за три рубля, тогда как они раньше приносили по пять и шесть рублей доходу (л. 4). О том, каково было воздействие властей на беззакония Нифонта, узнать нельзя: на документе нет никаких помет. Но сам образ жадного самодура вырисовывается из этого перечня весьма отчетливо.

Архивные документы имеют определенную окраску: в них отражены в основном конфликтные ситуации бытового характера. Сохранившиеся столбцы говорят о различных сторонах жизни муромцев, например, о подводной повинности. Пономарь Терешка Осипов с. Святец в явочной челобитной (то есть жалобе) пишет митрополиту

Иосифу: “Поп Симеон с сыном “напившись... пришед на мой двор... взяли было у меня лошадь подводую... под рождественского попа Ивана”. Женишка Оксиньца лошадь не дала, говорила “что де вы не по очереди лошадь емлете”, так как муж ее “преж сего дал две подводы”. И тогда Симеон и его сын Оксиньцу “били и увечили до полусмерти, и окровавили, и окосматили, и за волосы таскали, и ныне женишка моя лежит при смерти и исповедована”. А Симеон с сыном похваляются на пономаря “смертным убивством”.⁶

Но больше было так называемых дел “духовного” характера. Беглая “дворовая девка” Марфутка Маркова год тому назад сбежала из села Дедова, а теперь, “пришед из бегов... родила робенка и ныне лежит без молитвы”. Поэтому из деревни поступает просьба к митрополиту: “Вели, государь, ту девку Марфутку... спасскому попу Сергею обмолитвить и о том к нему память дать”. Через пять дней “почеревная” память была дана, но Марфутка в Муроме, на митропольем дворе, была “допрашивана, с кем она того робенка прижила”. Оказалось, что когда она была в бегах, “неведомо какой человек изнасиловал блудным падением и с того де числа она очреватела... а опроче того... ни с кем блудно не живала”.⁷

Такую же “почеревную” память посылали и в с. Стригино, где “обродилась... дворовая женка вдова Василиска Васильева дочь”, с которой случилось то же самое, когда она “летнею порою ходила... в лес для грибов”.⁸

Порицаемо было и незаконное сожителство. Крестьянин сельца Икошева Савка Барашенок жил три с половиной года с беглой крестьянкой Маремьянкой Ермолаевой из с. Синжан. У них родился сын Филька. За то, что “он блудно того робенка прижил”, Савка винулся “на митрополье дворе” и был наказан. Маремьянка была “отдана с роспискою”, однако снова пришла к Савке и “по-прежнему жила у него для работы”. И хотя Савка уже “блудно... с нею не жил”, он все равно был обвинен “в подговоре Маремьянкине” и послан из приказной избы в приказ духовных дел, чтобы архимандрит учинил “по правилам святых отец и святых апостол”.⁹

Чтоб привести человека для расспросов на митрополичий двор, на место посылали пристава. Так, в деревне Мошок прошел слух, что “женка Феколка... чревата, а мужа у той женки нет”. Стали Феколку искать. Обратились к пречистенскому попу Никифору, у которого она жила с восьми лет. Но обратились так грубо, стали его толкать, что он велел своему сыну “в сполох ударить”, а сам “из рук выбился”. Пришлось приставу доставить его на митрополичий двор, где и был ему учинен расспрос.

Поп Никифор сказал, что Феколка “галичанка, а чья крестьянка, того она... ему не сказала”, жила у него до шестнадцати лет, когда он выдал ее замуж за бобыля Гараску Кириллова с

условием: “буде ему с женою жить полюбится у него попа Никифора во дворе, и ему жить, в буде не полюбится, и ему дать воля”. Гараська вскоре сбежал. Феколка же еще жила у него, а потом ушла, “потому что у него хлеб⟨а⟩ не стало, есть было нечего”, и “скиталась меж двор в том селе Мошку и в деревнях”. Потом она “сошла” в деревню Протасьеву Владимирского уезда к крестьянину Савину Евстафьеву сыну Нежежину.

Когда стали расспрашивать Феколку, она все это и рассказала, добавив, что она “не чревата”. Но через месяц пребывания на съезде двора, “за приставом”, она изменила показания, сказала, что она чревата от попа Никифора, потому что “блудно повольно жила”, “сходилась с ним блудно в доме у него в хлеве”, когда ее муж Гараська “от нее сошел”. Кроме того, она обвинила Никифора в том, что он у нее “деньгами завладел”: “взял де у нее в заем, а в которое время и сколько, она не помнит”, и не отдает. На очной ставке ее уличили в поклепе. Она повинулась и созналась, что хотела, чтоб Никифору “был нашатырь”, потому что он ее не выкупил со съезжего двора. А научил ее так говорить “пристав Зинка Иванов, как у него она после первого расспросу по се число была”, иначе он обещал ее “в чепи замучить”¹⁰. Поистине, во все времена “доброе дело не оставалось безнаказанным”.

Нередко между соседями были плохие отношения, что было причиной наговоров, напрасных обвинений, доносов. Девку Марьицу Петрову кто-то в темном переулке “промеж Выползовой и Дмитревской улиц” ограбил и изнасиловал. Соседка, вышедшая на ее крик, увидела, что “рожа у нее иззадрана и [она] в снегу вывалена”. Соседский работник Оська сказал, что виноват Максимка Скрыпин, который через некоторое время шел тем же путем. Максимка, оправдываясь, указал, что между ним и Оською “всегда соседская живет ссора и брань всякая”.¹¹ Служивший у Архангельской церкви поп Тимофей жалуется на своего коллегу Федора Нелюбова, что тот его “бранит напрасно, не вем за что, и похваляется... как ни есть уждав, до смерти прибить... А вины, государь, я, богомолец твой, за сбою никакой не ведаю”.¹²

Небезопасно было священникам ездить к своим прихожанам. Поп села Григорова Роман ехал “в село Казнево к роженице для молитвы” через село Ляхи. Из кузницы выскочил сын попа Лаврентий, у которого он в прошлом году купил “лошадь мерина гнеда”, его “с лошади сорвал, и тое лошадь отнял, и грабил, а грабежом взял денег пять рублей, книгу требник, однорядку”. Книгу и однорядку сразу отдал, а лошадь, стоимостью пять рублей с полтиною и деньги не отдает. Кончилось это дело на “митрополье дворе” тем, что поп Роман “в той отъемной лошади... да в срывных в пяти рублях... не ходя в суд и на очную ставку в том во всем помирился и впредь... на него Лаврентья в том не челобитчик”.¹³

Мы уже видели, что среди несправедливо обиженных были и женщины. В погосте Мукса Дубровского стана вдову Фетинью поп Федор “призывал в просвирицы и... давал земли и сенных покосов и огород”. И как “принял меня, сирую, в прошлом... году, и земли, ни сенных покосов, ни огорода не дал”, пишет Фетинья. Больше того, он ее “разорил до основания”. Во время ярмарки “напивши пьян, пришед ночью и окошки у кельи отбили и раскололи с попадьей”, а ее “стал... бить, и увечить, и окосматил, и всякою скаредною бранью позорил”. Когда же Фетинья обещала пожаловаться “преосвященному Павлу митрополиту и архимандриту”, Федор отвечал, что он был у сыщика, что тот ему ничего не сделал, а здесь - он и сам вотчинник, а “архимандрит де таких, что ты, любит”. Обращение к старостам и крестьянам окрестных сел никакого воздействия на Федора не оказало.¹⁴

Беглую крестьянку Груньку Никифорову дочь обнаружил в селе Липовицах у местного священника Федора ее владелец нижегородец Стенька Богданов сын Карамзин, просил поставить ее “в святительском дворе Борисоглебского монастыря... расспросить, и по расспросу в сносных моих животах и в жилилом с ним попом Федором свой святительский указ учинить”.

В расспросе Грунька сказала, что более года тому назад “покиня мужа своего”, она “бегаючи жила... в деревне Юрьевце у крестьянки вдовы Евдокеицы Микифоровы дочери... недели с три»” а потом жила в Липовицах у попа Федора. А с сбою «“на сносу снесла своих два сарафанишка крашенинных, три рубашенки оляных, в том числе одна рубашенка посконная, три сороченки шиты шелком, и с тем всем де она сносом пришла к попу Федору, а живучи, то все приносила, а боярскова де сносу животов ничего не снесла”. Поп Федор при расспросе ее слова подтвердил.¹⁵

За некоторых обиженных женщин вступались родственники. Бобыль Васька Фатеев обратился на митрополий двор Спасова монастыря, а “в словесном своем извете” сказал: “Шла де моя сестра Огафья по воду, и не доходя де базарного мосту муромец посадской человек Якунька Овчинников, ухватя де ее, сестру ево Агафью, под мост тащил, и целовал, и руки в пазуху забивал, и за груди хватал, и дрочил”. Васька не знал, что дядя его при старостах в том деле “розделались и помирились”, и просил его извет записать.

Обязанностью духовной власти было заботиться о погребении усопших. Ямщик Муромского яму Стенька Злобин сообщает, что его отец Овдоким 12 сентября “под ямскою Акименскою слободою утонул, и ныне то тело не гребено”. Он просит: “То усопшее тело отца моего погresti у церкви божией в Якименской слободе попу Фоме беспенно”. Похоронная память была дана в тот же день.¹⁶ Неподдельное горе звучит в челобитной Федьки Евтифеева о беспенном погребении жены:

“Августа против десятого числа в ночи волею божией женишка моя Евдокеица не разродилась, и умре скорою смертию без покаяния и без причастия”. Он просит митрополита: “Пожалуй меня, сироту, укажи, государь, дать похоронную память и тое умерших жены моей Евдокеицы тело нашему приходскому села Денятина архангельскому попу Дмитрию у церкви божией погостить беспенно”.¹⁷

Есть и челобитная о крещении младенца, оказавшегося в необычной ситуации. Муромец Лучка Савин сообщает: “Июня в 11 день в ночи неведомо кто подкинул под дворишко мой младенца мужеска полу, у ворот привязан к кольцу. И я того младенца взял к себе”. И далее он просит: “Вели, государь, тому младенцу проговорить молитву и в крещеную веру ввесть, и о том дать память дмитриевскому попу Тимофею”.¹⁸

Но есть среди материалов этих фондов и явный донос. В отписке поповского старосты Льва читаем о том, что приказчик села Липовец Богдан Протасьев не послушался памяти архимандрита Борисоглебского монастыря, не послал поручные записи “по крестьянине с. Турбенева Федьке Микифорове”. Он объяснил, что дела о крестьянах находятся в его ведении, а не в ведении поповского старосты, и что архимандрит должен был бы ему память прислать, а не Льву. Описав все это, обиженный поповский староста добавляет, что видел как у Богдана Протасьева “в горнице сидит троцкий поп Иосиф Суслов и играет с ним приказчиком он Иосиф в шахматы в большую игру, и как я богомолец, пошел из горницы, и он поп Иосиф тут остался играть шахматы”.¹⁹ Игра считалась не только праздным, пустым делом, но и греховным, как видим, даже в конце XVII в.

Идеологических вопросов касается поручная записка по Семене Константинове сыне Смольянинове. Муромцы посадские люди, восемь человек, ругались: “Ему Семену за нашу порукою святей божией церкви повиноватися, и в божественном писании расколу не чинить, и к отцу духовному по вся годы на исповедь приходить”. Среди “поручников” был брат Семена Яким. Оба они грамотные: “Яким приложил руку за себя и двух других, а Семен написал: “Меня Семена ругали и руку приложил”. Действительно, раскол - это прямое дело церковного суда.

В приведенных документах отразились различные случаи из жизни муромцев и обитателей окрестных сел и деревень. Это разнообразные бытовые ситуации, запечатленные ярким народно-

разговорным языком. В текстах можно отметить обилие так называемых “многократных” глаголов, присутствующих почти в каждом тексте: того не бывало, не посылавал по нее, не живал блудно, не ссхивался с нею, не заставляла под навесом, не ссылавал со двора, не имывал денег, не бивал челом, не бивал ее, не говаривал, ничего не объявлял и др. Характерно, что подавляющее большинство этих глаголов употреблено в отрицательных предложениях, что придает высказываниям категорический оттенок: никогда не делал, ни разу.

Нельзя умолчать и об употреблении деепричастных оборотов: рнясь на казначея Иосифа для своей бездельной корысти отняв у тех крестьян, он отдал те пустоши... без братского совету; езда по гостям напившись пьян, скакал; те коляски, разоряя святую обитель и ругаючись всей братии, изломал; приказчики, требуя твоего отеческого благословения, и много челом бьют; взяв, медом покорыстовался; пришед из бегов, родила робенка и др.

Иногда запись начинается с союза “как” в значении “когда”: как был на Алаторе, куплено воеводе рыбы; как заручали расспросные речи... дано восемь денег; как расспрашивали Сеньку, дано за письмо две деньги и др.

Нередки и субстантивированные причастия: хоженое, стоялое, зажилое, славленое и др.

Многие местные топонимы отражены в этих источниках: деревня Бабье Ожерелье, погост Муска, села Булатниково, Липовицы, Дедово, Казнево, Ляхи, Синжаны, города Муром, Переяславль Рязанский, Алатырь и др. Многочисленны антропонимы - односоставные, двусоставные, трехсоставные: жонка Феколка, поповский староста Лев, поп Никифор, поп Евфимий, но: пономарь Терешка Осипов, крестьянин Савка Барашенок, женка Маремьянка Ермолаева дочь. Трехсоставные именованья относились к людям, занимающим высокое общественное и служебное положение: стольник и воевода князь Михаила Федорович Шейдяков, бьет челом Нижнего Новгорода Стенька Богданов сын Карамзин, но: руку приложил “Ганька Домажиров вместо Степана Карамзина по его велению” и др. Как видно, в XVII в. в русской антропонимии еще продолжался процесс формирования трехсоставных наименований.

Деловые тексты, созданные в XVII в. на муромских территориях, в обрамлении традиционных зачинов и концовок, характерных для приказного языка, отразили богатство народно-разговорной речи в ярких описаниях разнообразных событий народного быта.

¹ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. II. Монастыри по штатам 1764, 1795, 1795 гг. СПб., 1892. С. 337.

² Зверинский В. В. Указ. соч. С. 360.

³ Ф. 1433. Ед. хр. 1.

⁴ Там же. Ед. хр. 6.

⁵ Там же. Ед. хр. 8.

⁶ Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. 1984. С. 194.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 205 - 209.

¹¹ Там же. С. 213 - 214.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Там же. С. 196 - 197.

¹⁴ Там же. С. 202 - 203.

¹⁵ Там же. С. 200 - 201.

¹⁶ Там же. С. 197 - 198.

¹⁷ Там же. С. 212.

¹⁸ Там же. С. 216.

¹⁹ Там же. С. 225.

А. Г. Мельник

ВВЕДЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ РОСТОВСКОГО АВРААМИЕВА МОНАСТЫРЯ

Рассматриваемая Введенская церковь была построена из кирпича согласно монастырской традиции и поздним документам около 1650 г. Заказчиком здания считается тогдашний настоятель обители, будущий ростовский митрополит Иона III.¹ Особая ценность данного памятника заключается в том, что именно с него началось возрождение каменного строительства в Ростове после многолетнего перерыва, вызванного эпохой Смуты начала XVII в. Таким образом, Введенская церковь представляет собой как бы точку отсчета в истории почти непрерывного каменного строительства в Ростове и его окрестностях второй половины XVII в.

Несмотря на все это, Введенская церковь до последнего времени оставалась одним из самых малоизученных памятников указанного региона. Одной из причин такого положения, видимо, являлась крайняя искаженность первоначального облика храма. Особенно капитально он был видоизменен во время перестройки 1802 г., когда ему были приданы черты провинциального классицизма, а многие элементы древней архитектуры уничтожены.

В 1991 г. я, в качестве архитектора Ростовской реставрационной мастерской, произвел натурное исследование Введенской церкви. Многочисленные архитектурные и археологические

зондажи, а также детальное визуальное обследование и обмеры позволили выявить важнейшие элементы первоначального облика памятника.

В частности, во втором этаже здания под полом собственно церкви было найдено основание первоначального четырехугольного в плане столба, разобранный в 1802 г. На стенах того же помещения обнаружили следы четырех утраченных коробовых на распалубках сводов, опиравшихся на этот столб. По форме данные своды были очень близки перекрытиям одностолпной палаты, находящейся этажом ниже. Получается, что Введенская церковь имела весьма своеобразную для храма конструкцию, представляя собой одностолпную палату, очень похожую на многочисленные трапезные палаты того времени.

Первоначальное завершение церкви не имело ничего общего с тем, которое дошло до нас. Изучение чердачной части памятника показало, что его древнее покрытие представляло собой двускатную кровлю с полицами, конек которой был ориентирован по оси восток-запад. Барабан с главой церкви, видимо, опирался на центральный ее столб.

Хотя большинство оконных проемов памятника дошло до нас в сильно растесанном виде, все же два из них, по одному на первом и втором этажах, более или менее сохранили свою первоначальную форму, из-за того, что они оказались

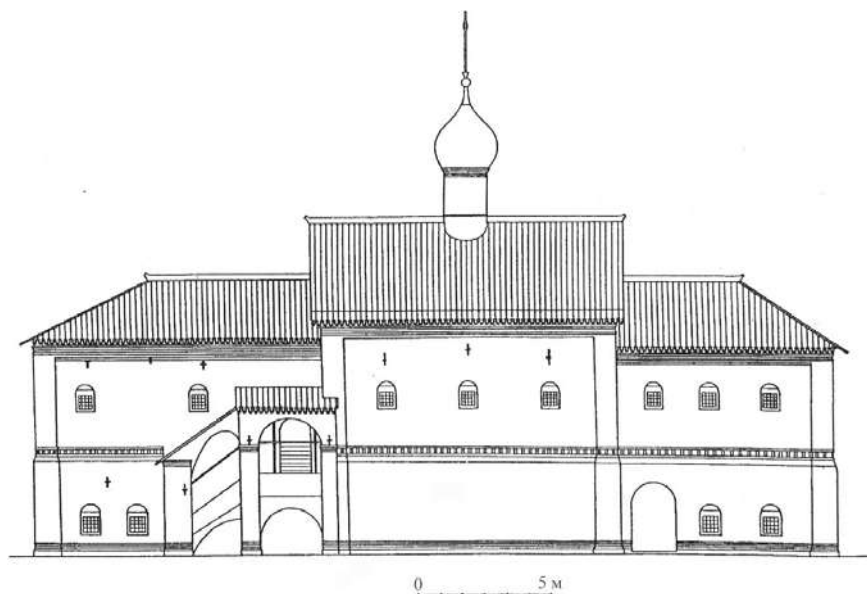

Рис. 1. Южный фасад Введенской церкви Ростовского Авраамиева монастыря.
Эскизный проект реставрации А. Г. Мельника.

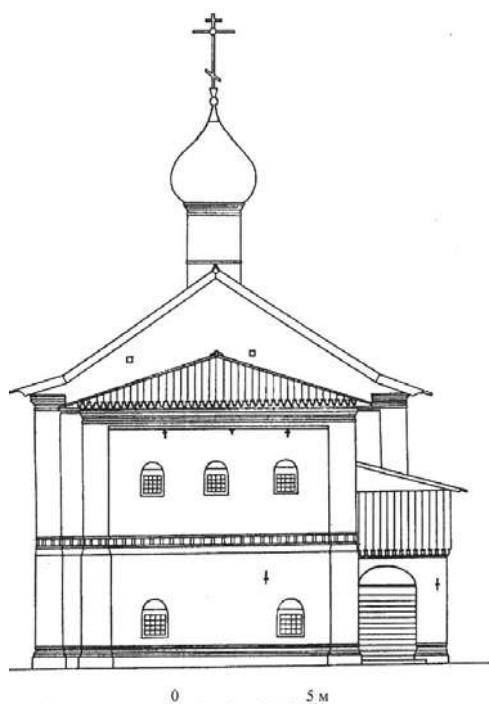

Рис. 2. Западный фасад Введенской церкви Ростовского Авраамиева монастыря. Эскизный проект реставрации А. Г. Мельника.

заложенными в достаточно давнее время. Теперь по ним весьма определенно можно представить, как выглядели первоначальные окна здания. Они были сравнительно невелики и имели арочную перемычку. Вокруг окон отсутствовали какие-либо украшения. Оконницы крепились в массивных деревянных колодах, которые давно уже сгнили, но по следам от них в первоначальной кирпичной кладке довольно легко реконструируются.

В древности и вплоть до начала XIX в. на второй этаж памятника вело южное крыльцо. Оно было разобрано в 1802 г. Воссоздание его первоначального облика представляло значительную проблему.

Раскопки у южного фасада западного объема здания - там, где находилось это крыльцо, выявили его фундамент, состоящий из довольно крупных валунов. На упомянутом фасаде, а также на стене примыкающего объема собственно церкви были выявлены следующие фрагменты важнейших элементов крыльца: пяты и очертания свода рундука, след ползучего свода над лестницей, пяты арок, которые были переброшены от упомянутой южной стены к столбам южного фасада крыльца, концы обрубленных железных связей, стягивавших эти арки. Наконец, там, где находилась площадка верхнего рундука, на южной стене западного объема, под поздними закладками был открыт большой

арочный дверной проем и ступени располагающейся за ним (но ныне заложеной) древней лестницы. Получается, что южная лестница, ведущая на второй этаж памятника, имела довольно своеобразную для того времени конструкцию. Ее первый марш находился снаружи, в составе описанного крыльца, а второй марш располагался под прямым углом к первому и находился целиком внутри здания. Точнее, он и теперь там находится, но совершенно скрыт в толще между сводом этажа и полом над ним.

Кроме крыльца, Введенская церковь утратила еще один первоначальный объем. Это была небольшая прямоугольная в плане двухэтажная палата, примыкавшая к западной части северной стены алтаря и восточной короткой стене собственно храма. Следы разобранных стен, сводов, а также фундамент указанной палаты были обнаружены в процессе натурного изучения памятника. К сожалению, существующих данных недостаточно для воссоздания ее в натуре. Изучение поверхностей стен Введенской церкви показало, что они с некоторыми утратами сохранили все основные элементы своего первоначально декоративного оформления. По вертикали они были расчленены ступенчато сужающимися на середине высоты лопатками. Цоколь имеет профиль в виде аттической вазы. Междуетажный пояс представляет собой скос с расположенным над ним рядом прямоугольных нишек, обведенных валиком. Венчающий карниз здания составлен из нескольких рядов чередующихся полочек и четвертных валиков.

Судя по документам, в XVII в., а также, очевидно, и в предшествующем столетии, церковь была крыта тесом.²

Итак, приведенных данных вполне достаточно, чтобы выполнить обоснованный эскизный проект реставрации Введенской церкви, на котором она близка к своему первоначальному виду. (Рис. 1, 2).

Как видим, при всей простоте и даже скромности облик памятника был весьма выразительным. Простотой оформления, а также некоторыми деталями он перекликался со стоящим рядом Богоявленским собором XVI в.³ и, следовательно, составлял с ним единый ансамбль.

Своим общим решением Введенская церковь напоминает многие небольшие деревянные и каменные русские церкви XVII - XVIII вв. В то же время в ней наличествуют и своеобразные черты, как, например, одностолпная конструкция собственно храма. Можно не сомневаться, что в этих чертах запечатлелась незаурядная личность заказчика здания будущего неутомимого созидателя митрополита Ионы.

¹ Иустин, архимандрит. Описание Ростовского Богоявленского Авраамиева мужского второклассного монастыря Ярославской епархии. Ярославль, 1862. С. 42; Титов А. А. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад, 1894. С. 53; (РФ ГАЯО). Ф. 232. Оп. 1. Д. 344. Л. 2.

² Там же. Д. 50. Л. 11 об.

³ Ср.: Мельник А. Г. К вопросу о первоначальном облике Богоявленского собора Ростовского Авраамиева монастыря // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 183 - 187.

ТРАВНИК ИЗ УВАРОВСКОГО СОБРАНИЯ ПОД № 623: ЕГО СУДЬБА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Травник Уваровского собрания, хранящийся ныне в Российском Государственном архиве, издавна привлекал внимание ученых.¹

Ранний из дошедших до нас списков перевода 1523 г., осуществленного по заказу митрополита Даниила для смертельно больного князя Василия III-го. Уваровский Травник сохранил его первоначальную редакцию. Полное название рукописи, читающееся в вязи титульного листа - "Благопрохладный цветник, вертоград, здравию сотворение".

Фундаментальный по замыслу и совершенный по форме, украшенный цветными заставками и рисунками, Вертоград из бывшего уваровского собрания содержит обширные сведения по систематике растений и медицинской науке от самых ранних эпох (Гиппократ и Диоскорид) до Исидора Испанского и Константина Африканского (XI в.), что позволяет рассматривать его в ряду других энциклопедических трудов Даниило-Макариевской эпохи (двадцатые - шестидесятые гг. XVI в.).

Стремление к созданию обширных богословских, литературных, естественно-научных работ является характерным признаком просветительства в любую эпоху. Макариевский ренессанс (по аналогии с Фотиевским ренессансом времен первоучителей Кирилла и Мефодия) явил миру выдающиеся образцы канонических, географических, церковно-канонических трудов.² Интерес к языкам и другим культурам, стремление следовать новейшим в источниковедческом отношении образцам, способствовали расцвету герменевтики и практики перевода. По справедливому замечанию академика А. И. Соболевского, образец = оригинал имел в глазах средневекового читателя гораздо большую ценность, нежели сочинение собственное.³

"Благопрохладный вертоград" был переведен на славянский язык с немецкого. Перевод был заказан профессору медицины Николаю Любчанину, врачу, переводчику и публицисту, в прошлом - пленному из Любека, с пребыванием которого в России связаны многие страницы отечественной истории.⁴

Источником для перевода послужил текст нижненемецкой первопечатной книги "Герде дер зунтхайм" ("Сад здоровья"), изданной в Любеке в 1492 г.⁵ Став первой подобного рода книгой, официально признанной церковными властями, Вертоград, в дальнейшем сыграл важную роль в истории русской науки.

Судьба рукописи необычна. Бережно хранившаяся в царской казне, переведенная Любчаниным, при нашествии на Москву поляков в

1611 - 1612 гг. она "была разорена" и "из корня своего исторгнута" (то есть вырвана из переплета). Благодаря стараниям Флора москвитянина (впоследствии ризничего) текст чудом уцелел - рукопись была сложена по листам, переписана, а также снабжена послесловиям Флора, дополнившим ее рядом статей.

В XIX в. владельцем списка москвитянина Флора был профессор Ф. И. Иноземцев (Председатель Московского Общества врачей), от которого Травник затем перешел к известному коллекционеру И. Н. Царскому, а позже - к графу А. С. Уварову, ставшему обладателем коллекции Царского. В собрании графа Уварова рукопись под № 2191 (прежн. № 623) была описана архимандритом Леонидом.

Загадочно появление Уваровского Вертограда в фондах РГАДА. Близость его к материалам Аптекарского приказа, хранящимся в архиве, соседство с важнейшими западно-европейскими изданиями XVI в., над которыми трудились переводчики Чудова монастыря в XVII в.,⁶ наводит на мысль о не случайном переплетении судеб отдельных рукописей и даже целых коллекций. Но кем рукопись из Уваровского собрания была передана в Архив древних актов: Белокуровым, Покровским, Викторovým? Ответа на этот вопрос мы пока не знаем.

1.1. О рукописи, ее создателе и списках.

Список бывшего Уваровского собрания № 623 (РГАДА, ф. 181, № 649) - рукопись в лист, писанная мелким полуставом на 337 листах. Счет листов тройной (23, 304 и 14). Рядом с описаниями - многочисленные рисунки трав и растений (перо, чернила). Описания расположены в алфавитном порядке латинских названий.

На л. I об. (перв. сч.) в фигурной рамке (золото и киноварь) текст:

"Зри любопримудрыми философы, их же имена сея сѣть и се есть .а., Платон. Многаци же обрящещи в книге сей написано Платернюс глаголет - и то есть той же Платон, Аристотель, ученик сего Платона, учитель же велеумнаго мѣжа Александра, царя Македонскаго, Алманзоръ, Серапионъ, Ависенъ, Диоскоридъ, Иван Мезувей, Пинниоусъ, Пандекта, Галингъ, Албрехтъ, Касиюсъ, Дилизъ, Изыдорѹ, Мосаръ, Исакъ, Павлингъ, Рави Моизесь, Разисъ, Оваръ, Гавизъ, Акторъ, Вил" гелемъ, Петръ, Фолинѹсъ, Гаимо, Теодорѹсъ Християнѹсъ (?), Єнакъ, Александръ, Рѹфисъ, Вартоломен, Константинъ, Паладиносъ,

Алвертус Магнусъ, Болинъ, Орнолдъ, Ал'хинъ, Иосифъ, Гелимандъ, Алтоваръ, Егидин, Артол'фъ майсторъ, Ипократь, Аквариюсъ оучитель, Филонъ врачъ”.

На л. 2 - заставка растительного орнамента, красками и золотом. Под ней вязью: “Сказание глав, иже суть в книзе сей, травам и камням, по азбучным словам” - заголовок к *указателю*, помещенному на лл. II - VI (всего 687 глав, из них травам посвящено 543).

Лл. VI об. - XXIII под заголовком “Зде начинается хитрость канонам, почему обрести можем различныя врачества в травах и в камениях ко всякой болести и недугу, кои бывают внутри и вне - *указатель* болезней, расположенных по принципу “с головы до пят”, согласно рассмотрению древних врачей, у которых подобное расположение было принято (Цельс).

С л. 1 (вт. сч.) начинается собственно *травник*. Сверху - заставка растительного орнамента, красками, золотом. На полях цветы. Под ней, *вязью*: “Книга, именованная Благопрохладный цветник, вертоград, здравию сотворение”.

Далее следует последование глав, начиная с 1-й - Артемизия (Artemizia) с перечнем названий на латинском, греческом, арабском и русском языках.

Лл. 268 - 303, под заставкой, рисованной красками и золотом с цветами на полях, заголовком, открывающий раздел о камнях: “Зде начинаются беседы о драгих каменех, сиречь о бисерах, также и о арсах, или о менарех, сиречь о меди обычной, и о рудах златых и серебряных, и о железных, и о всех прочих таковых”.

Начиная с л. 1 (трет. сч.) в виде дополнительных статей (без заголовка) помещены статьи: *о уринах* (нач.: “В предних главах обрящешь написано, како совет дати можешь человеком к различным недугам...”); *о кровопускании* (нач.: “Разумей, аще кровь будет черна или зелена, тогда дай ей течи, дондеже пременится” (лл. 8 - 10 тр. сч.).

Далее - *рецепты*: для составления мази (“мазунь нарочитейшая царем и государем”) и порошка (“Прах вельможам тому же пристоящ”), пять *записей* для “врачевания убогих”, “лечба бражникам” и “объясливым” (т. е. чревоугодникам), а также ненасытным (с ядовитым замечанием писавшего - “и пособна есть лечба питухом литовским, также и поляком”). Здесь же - “масть для нарочито богатых” и “для укрепления всех уд”, а также “три рецепта для обоняния во время поветрости” (лл. 8 - 10 тр. сч.).

На л. 9 об. (тр. сч.) “О четырех составах круга летняго. Филона врача и Ипократа” (лл. 9 об. - 10 тр. сч.) и “как составливати мальхан”, “сыроп варить”, “масть ломотная”. Последний рецепт на л. 10 тр. сч. не вписан.

На л. 10 об. (тр. сч.) *послесловие* москвитянина Флора, в котором он излагает

обстоятельства приобретения им рукописи.

В силу того, что послесловие является первоначальным и, по существу, единственным источником, сохранившим датировку осуществления перевода и изготовления ближайшего к нему списка, считаем необходимым привести его в данной публикации полностью.

Послесловие москвитянина Флора

Зде кончася книга о травах, и о бисерех, и о уринах члеских. Также и о кровопускании жинном, и рожечном и о апостемах, именованная Благопрохладный вертоград здравию, которои до сех мест закопанъ и запечататленъ был и нне члком къ оугодию явленъ и во светъ откровенъ. А печатана была по приказу Стефана Андрева сына праваго писца, живущаго в црском граде Лювке, после Ржства Гсда нашего Иса Ха, летъ ачв (1492).

По велению гдна пресцннаго Данила митрополита всеа Русии Бжнею млстию. Сиа книга преведена бысть с немецкого языка на словенский. А перевел полоняникъ литовской, родом немчин, любчанинъ. И справедливый же чтец. Да ходит по каноном, разсужая болести, не осужая составившаго, ни паки пишущаго, понеже опись и недомышление где не бывает? Разсудный ж, то разсужает, а не оуразумному осужати составившаго, ни паки пишущаго, понеже опись и недомышление где не бывает? Разсудный ж то разсужает. А неоуразумному осужати составившаго како достонит: - А преведена была сия книга лето змв (1534). Инеже по Бжию попущению и наказанию нашему по бывших лютых и не истерпимых скорбех, на преиенитый сей и пресловутыи црствующию градъ, иже мать сый градовомъ въ великом российском гдсрстве, иже ни оружми, ни силою, но нашим согрешением преданъ бысть поганым онемъ и безвожным поляком. Ониже, яко согласницы делом отца своего сатаны с потщанием въ конечное разорение положиша его, яко птицу ощипану своею красоты. Но что много глю страх во мя и оужас одержит о лютой онех дерзости. Како они цркви Бжиа разориша, и во опустение положиша. Также и чстныи иконы, безвжных своих обычай ругателству предаша. Еще же и ище от стго дха к наказанию нашему дарованныя нам стыя книги, потщашася от среды и оторгнүти. Но обаче тщетенъ бысть советъ ихъ. Реку ли со Авдомъ; тни сами спяти быша и падоша, мы же востахом и прости выхом. И егда оубо по лютом оном разорении, по велицей данной нам от Бга млсти освети нас лучъ пресветлаго слнца, огреть же преже наши озьявша срдца весна благочестна, дарова намъ Гдь его же от чрева матерня избра себе благочестна блюстителя истиннаго, и нам, православным хрстнаномъ, бывшим в разорении

и в расточении, неложного обратела и православным христианска веры хранителя, благочестиваго гсдра цра и великаго князя Муханла Феодоровича, всего скипетродержанна роснискаго, отъ иноплеменных языкъ крепкаго забрала, и противу сихъ боренни храбраго ополчителя. Оттоле паки цркв <ь> свое благолерие приемлет и стыми иконами и книгами оукрашается. И иже соблюдающии црское здравие книги сотворенныя любопримудрыми философы снискаются, их же именуем Благопрохладный цветник, и от многих болезней и недугъ злых свободитель. По масти же Бжи и здравию податель, премудрости же и филисофскому оучению Ветроградъ.⁷

Сию же оубо книгу безбожнии они до конца ис корене исторгаша, и възъмнеша, яко бы закопати и в забвение положить. Обачеже Бжию помощию с люботрудным тщанием понудихся азъ многогрешный Флоръ зовомый, иже нне сый вверенъ быхъ црскимъ сокровищнымъ хранилищемъ от многа же расточения малое помалу собрах и совокупих во единство.

И о сем благодать Бү въздахъ,
иже ми сицевое
сокровище получити дарова и желание
мое исполни и повелехъ написать
сию книгу, иже по моему хоте
нию и совершися, ко благому
житию и здравию всехъ
чакъ. И о томъ да
будетъ слава
всехъ Бодете
лю, иже
в Тронцы сла
вному
Бгү въ
бесконечныя веки, аминь.
Начата же бысть
писати и совершена
сия книга в
лето седмь
тысящъ, сто
двадесятъ
четвер
тое
(1616)

В конце дописано другой рукой:

Писана при державе царя Муханла Феодоровича 1616 году по Рожестве Христове.

1.2. Особенности состава, перевода и языка Травника Любчанина 1534 г. (Список москвитянина Флора 1616 г.).

Сравнение с оригиналом 1452 г. показывает, что русский перевод повторил в основных чертах замысел немецкой книги. Подобно немецкому оригиналу, описываемые средства в Травнике 1534 г. расположены в алфавитном порядке их латинских

назавий. Большие разделы, включающие названия растений на ту или иную букву латинского алфавита, именуются “беседами”. Беседы охватывают наименования растений, начинающихся с А (Artemisia - Чернобыль) и заканчивающихся Z (Zedvaria - Зедвария). В общей сложности получается двадцать Бесед.

В пределах Беседы изложение дается по главам. Каждому растению посвящена отдельная глава. Таким образом, Беседа включает столько глав, сколько названий растений начинается с соответствующей буквы латинского алфавита. Внутри глав описание растения осуществляется по определенной схеме:

а) название растения с латинскими, греческими, арабскими и немецкими параллелями (эквивалентами), нередко сопровождаемыми этимологическими экскурсами;

б) указание на степень сухости и тепла (по Галену);

в) терапевтическое назначение того или иного растения, в том числе его применение в сочетании с другими средствами.

Лекарства, рекомендуемые из цветков растения, приводятся в начале, из корней и корневищ - в конце. Дозировки указываются редко, чаще не указываются вообще, что придает рекомендациям некоторую неопределенность.

Язык перевода соответствует нормам, предъявляемым к языку “научной прозы” XVI - XVII вв. Сложность оригинала, насыщенность его архиусложненной медицинской терминологией, трудность в передаче ботанических названий - все это стояло перед взявшимся за перевод “Сада здоровья” Николаем Бюловым. В этом смысле следует признать, что выбранный им способ частичного калькирования терминологической и общенаучной лексики был оптимальным при передаче оригинала и конструировании терминов, зачастую весьма далеких от культурной традиции Руси.

Нет сомнения в том, что переводивший встретился с определенными сложностями, работая с текстом оригинала. В главе 40 он замечает: “русаки и поляки имянуют то зелие *похоть китова*, а существа не ведаю, как назвати по руски” (л. 31 об.). Его стремление облегчить русскому читателю понимание оригинала требует от него перевод мер веса: “струи бобровые толченые [касторовое масло] 6 золотников да 12 лотов уксусу доброво. А то есть в весу по руски 36 золотников...” (гл. 33.5).

Существует мнение, что Николаю Бюлову при переводе книги помогал врач Филофей.⁸ Змеев говорит о возможном участии в переводе “Благопрохладного вертограда” Дмитрия Герасимова.⁹

Можно предположить, что текст временами писался под диктовку. Об этом свидетельствуют рефлексы в написании графем: лат. “с” и рус. “к”

(селтика вм. келтика), а также случаи, подобные написанию *счелок* (‘щелок’) через -сч и, рядом, через -щ: -щелок.

Разговорная стихия Московской Руси дает себя знать в местоименных формах у *собя* к *собе* (почти повсеместно), свободным употреблением разговорных выражений “дондеже чюется, как будто внутри легче” (22.4), “а здоровоо зуба не кряни” (39.11), “то же кашлем отхаркнется” (37..16), огласовкой прилагательных на -ой (*малой, печеной, бухоной*), фрикативным -х в словах типа *хто*.

Бережное отношение к переводимому тексту и забота о будущих пациентах заставляют переводящего часто оговариваться: “пшеница целая варена, сиречь, *аще смею реци, кутья*” (509.6), “мамкам не даем ни семяни, ни паки травы пити для различных болестей, *коих яз, переводщик книги сея, написати не велел*” (6.18); “а аз то мною, что по-русски - жаба горяная” (147.5).

Кто из русских книжников XVI в. стоит за спиной Николая Любчанина? Или его долгая жизнь в Москве и Новгороде, незаурядные знания, позволили выполнить перевод самостоятельно?

Можно указать, конечно, наряд мест в рукописи Флора, где переводчик явно не справился с переводом: “то древо обрящут в реке, которое древо течет из земсково рая”; замечания выше приведенной цитаты “о русаках и поляках” свидетельствует, что словообразование переводчик строит по модели *поляк - русак* (ср. польск. *polak*), а не *русичи - немчичи*, как, например, в Смоленской грамоте 1269 г.

В этой связи особо следует сказать об алфавитном указателе, помещенном в рукописи на лл. III - VI об.

1. Русские названия, *местами не совпадают с названиями*, приведенными в заголовках глав. И еще чаще - с названиями, данными под рисунками.

Указатель	Главы
Абратанум. Бжие древо - гл. 2. Господне древо	
Абсинтиум. Пельнь - гл. 3. Польшь	
Азафетида. Песей кал - гл. 37. Песей кал или пшеничен ил	
Бутоломос. Трава воловей глаз - гл. 88. Трава воловей или коровей глаз.	

2. Именно в указателе встречается мена графем лат. “С” - рус. “К”.

3. Следы польского источника в списке 1616 г. дают себя знать в названии растений: *Thapsus Barbatus* (борода Юпитера, коровяк, царский скипетр) - *диванна* (пол. *dziewanna*) гл. 512 для раст. *Verbascum thapsiforme*, Schrad.; *сивизенка* (пол. *Siwisnika*) гл. 371 для раст. *Polium luteum* (полевой травы), *Verbascum Thapsus L.*

Если в тексте встречается полногласное написание - *дерево* (гл. 529), то в указателе, как правило, приведена неполногласная форма *древо* (пол. *dzewo*). При множественности полногласных и неполногласных форм в тексте травника, где они варьируются достаточно произвольно, в указателе употребление неполногласных форм проведено весьма последовательно: *древо райское* (48), *древо агрифолиево* (49), *цвет древа грановитых яблок* (80), *масло кравие* (87).¹⁰

Учитывая судьбу рукописи (“из корня исторгоша ... и запечатлена бысть” т. е. вырвана из переплета и опечатана), можно допустить, что основную часть рукописи Флор писал с лежащего перед ним испорченного оригинала 1534 г., а указатели и дополнения - с привлечением польского источника (либо его перевода, к 1616 г. уже существовавшего). Подтверждением нашей догадки служат перепутанные листы и главы в середине “иноземцевского списка”.

* * *

Характеризуя древние медицинские системы, известные историки медицины Т. Мейер-Штейнер и К. Зудгольф указывали на то, что эти системы представляют собой производные двух величин - эмпирического рационализма и религиозного мистицизма.¹¹ Сведения, содержащиеся в первой русской энциклопедии по медицине “Благопрохладном вертограде” 1523 г. (Травнике Любчанина), нельзя отождествлять с современной фармакологией - это лишь хорошо разработанная система фармакотерапии.

Однако все в древних системах указывает на осознание того, что болезнь легче предупреждается, чем вылечивается, а собственный и систематизированный опыт других культур (греческой, индийской, китайской, арабской), обретший на русской почве в Макариевскую эпоху второе рождение, заслуживает дальнейшего внимания и изучения.

Два других списка памятника (ГИМ, Увар., № 615 и РНБ, Ф. VI. 91/2), наиболее близкие по тексту к первоначальной редакции, проигрывают в сравнении с уваровской (“иноземцевской”) рукописью как множеством фактических ошибок, идущих от переписчиков, так и в художественном отношении.

Издание редкой рукописи стало насущно необходимым. Работа по подготовке первого тома этой интересной энциклопедии находится в стадии завершения. Данная статья является вводной публикацией, предваряющей готовящееся издание.

¹ Змеев Л. Ф. Древнерусские врачевники // Памятники древней письменности. Вып. 112. М., 1869. С. 3 - 5; Леонид (Кавелин), архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей графа А. С.

Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 524 - 527. РГАДА. Ф. 188. № 649.

² Макарий (Веретенников), архимандрит. Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.

³ Соболевский А. И. Переводная литература Древней Руси XV - XVII вв.

⁴ Miller D. The Lubeckers Bartholomaus // Viator. Medieval and Renaissance studies. V. 9 (1978). S. 395 - 412.

⁵ [Johann von Cube]. Gaerde der Suntheit. Lubeck: Steffen Arndes. 1492. 2°. Niederdeutsche Bibliographie Gesamtverzeichnis der Niederdeutschen Drucke bis zum Jahre 1800 von **Dr. Conrad Borchling** und **Dr. Bruno Claussen**, Band 1. 1473 - 1600. Neumunster. 1931 - 1936. S. 90 (№ 203).

⁶ См.: Покровский А. А. Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1912. Ч. 2. Вып. 2. № 170. С. 134.

⁷ В рукописи так!

⁸ Тоже “любчанин”, взятый в плен в Литве в 1517 г.: Майков Л. Н. Последние труды. Николай Немчин, русский писатель

конца XV - начала XVI в. // Изв. ОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 379 - 392; ПСРЛ. Т. VI. С. 267, 271.

⁹ Змеев Л. Ф. Древнерусские врачевники... (?)

¹⁰ Интересно в данном случае и замечание составителя указателя к гл. 173: “Диапенсия. Занкель [польск. Zankiel, фарм. назв. Sanicula s. Diapensia, *лечуха, подлесник* - Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 315] - *А растет на Руси множественно*”. Подобные записи - пометы можно встретить в тексте, на полях и под рисунками (напр., гл. 184: “А растет на Коломне множественно” [“Езула Козея трава” - раст. *Euphorbia Esula* L., *молочай*, сок его используют для истребления бородавок и мозолей]).

¹¹ Мейер-Штейнег Т., Зудгорф К. История медицины. М., 1925.

А. А. Формозов

МУРОМСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАМЕННОГО ВЕКА

Научное исследование каменного века началось в России в 1870 - 1880-х гг. и связано с именами столичных ученых: петербургских естествоиспытателей И. С. Полякова, К. С. Мережковского, А. А. Иностранцева и обосновавшегося с 1864 г. в Москве археолога А. С. Уварова. Об этом рассказано в моей книге “Начало изучения каменного века в России” (М., 1983). Дальнейшее развитие этой области знания также происходило прежде всего в столицах. Но свой вклад в этот процесс внесли и представители местной интеллигенции. Статьи и даже книги о каменных орудиях появлялись и в провинции. Собранные краеведами коллекции получали известность как в Петербурге и Москве, так и за рубежом.

Об этой стороне дела в своей книге я хотя и говорил (в связи с книгами, изданными в Казани и Дерпте), но недостаточно подробно. Здесь я хочу дополнить свой библиографический обзор и специально остановиться именно на муромских исследователях каменного века.

Из оригинальных книг, выпущенных до революции в провинции, назову три. В 1895 г. в Вятке увидела свет брошюра “О распространении каменных орудий в Котельничском и Яранском уездах” (24 с.).¹ Автор ее - статистик Вятской земской управы Петр Матвеевич Сорокин (1860 - 1895) - учился в Петербурге и даже работал в лаборатории Д. И. Менделеева. Уехав в Вятку, занялся краеведением и опубликовал ряд статей.²

В 1893 г. в Петербурге вышла книга Василия Степановича Передольского (1833 - 1907) “Бытовые остатки насельников Ильменско-Волжского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века” (340 с.). Это сочинение новгородского краеведа, служившего по судебной части и увлеченно занимавшегося историей родного края. В 1894 г. Передольский создал в Новгороде Общество любителей древностей, а в 1902 г. археологический музей.³ В 1883 г. у истоков Волхова он нашел неолитическую стоянку Коломцы.

Раскопки ее продолжались десять лет и дали до шести тысяч предметов. К выставке находок в Николаевском дворце в Петербурге и была выпущена книга. Удачной ее назвать нельзя. Рисунков нет. Описывать каменные орудия автор не умел, употребляя нелепейшие термины (“колючки - растопырки”), и был склонен к фантазиям. Жители Коломцов для него охотники на мамонта и в то же время прямые предки средневековых новгородцев, американские индейцы - потомки русских, а ранние славяне - буддисты.

Немногим лучше изданная в 1903 г. в Твери книга директора Ржевской гимназии Павла Федоровича Симсона (1845 - после 1916 г.)⁴ “Каменный век под городом Ржевом” (142 с. + 8 табл.). По берегам Волги много выходов кремня, использовавшихся для изготовления орудий неолитическим человеком. Как на всех мастерских, здесь преобладают отходы производства - осколки, отщепы. Симсон осмотрел пять таких пунктов и собрал коллекцию кремней. Обработанные и необработанные камни, осколки и орудия различать он не умел. Прочитав “Археологию России” А. С. Уварова, Симсон выделил среди своих находок изделия эпохи Мустье, Мадлена и неолита. В действительности все это неолитические вещи.

Названные публикации, безусловно, ниже по уровню напечатанных десятью - двадцатью годами раньше книг Полякова, Уварова и Иностранцева. И все же они примечательны как свидетельство изучения каменного века, начавшегося силами краеведов вдали от центров науки, в провинции.

Появлялись там и переводы, и рефераты зарубежных книг о каменном веке. В Харькове Общество распространения в народе грамотности издало в 1897 г. перевод брошюры В. О. Коннора “Рассказы о доисторическом быте человечества. I. Древнейший каменный век” (32 с.), а саратовский краевед мировой судья Александр Николаевич Минх (1833 - 1912) напечатал в 1882 г. сперва в “Саратовских губернских ведомостях”, а потом

отдельно “Археологические исследования о первобытном человеке и доисторических временах” - пересказ книг о каменном веке - Л. Фигье, Д. Леббока и А. С. Уварова.⁵

Вятка, Новгород, Тверь, Харьков и Саратов были губернскими центрами. Но работа по выявлению и описанию памятников каменного века велась и в небольших уездных городах. И древнему Мурому принадлежит здесь почетное место.

Научному исследованию древнейшего прошлого предшествовало собирательство каменных орудий. Кремневые наконечники стрел издавна обращали на себя внимание людей и расценивались сперва как результат удара молнии в землю, как целебное средство, излечивающее от многих болезней, и как оберег. “Громовые стрелы” искали, хранили, продавали. Затем возникло собирание таких предметов уже как раритетов, редкостей, наряду со старыми монетами, геммами, минералами. В России сведения о собраниях каменных орудий есть уже для начала XIX в., а в середине его известны коллекции, получившие собственно научный, археологический характер.⁶

Так было и в Муроме. В 1877 г. в “Московских ведомостях” напечатана статья П. П. Кудрявцева о находках под Муромом. Собиравший материалы для намеченной на 1879 г. Антропологической выставки в Москве профессор А. П. Богданов обратился к автору заметки с просьбой экспонировать его коллекцию на выставке и рассказать о ее происхождении. 5 сентября 1877 г. Кудрявцев сообщил, что в Муроме жил некогда купец Кознов (имя и отчество не названы). Он “не получил никакого образования, но имел хороший природный ум, отличался любознательностью и страстью к собиранию разных редкостей”. Среди них были и каменные орудия, частью купленные у крестьян, частью найденные самим Козновым. Кудрявцев не застал в живых ни Кознова, ни, видимо, его детей, но знал, его внучку- жену штабс-капитана Федулова. Она, сплавав с Кудрявцевым на лодке по Оке, пыталась найти те места, куда нередко ездила ребенком вместе с дедом на поиски каменных орудий. Выяснилось, что речь идет об окрестностях с. Волосова на р. Велетьме. Тут Кудрявцев сам сделал свои первые сборы.⁷

Отсюда следует, что экскурсии Кознова совершались как минимум за четверть века до 1877 г. и падают, скорее всего, на 1850-е гг.

Иначе рассказал о начале собирания каменных орудий в Волосове муромский краевед Ф. Я. Селезнев. По его словам, “крестьянка Андреянова набрала мешок громовых стрел и вынесла продавать их” в Муроме. Там ее задержала полиция, но П. С. Уварова добились ее освобождения. С тех пор Андреянова “не покидала заступа в поисках каменного века”. Потом ей стал помогать в этом ее сын и крестьянин Щетинин, не прекративший это занятие и в момент написания статьи, в 1925 г.

“Кладоискательство среди Волосовцев было распространено в течение многих лет. Муромские и другие скупщики периодически являлись в селение и наряжали везти для продажи “громовые стрелки”. Волосовцы к этому времени запасали “товар” и сбывали их по 5 - 10 копеек за штуку. Один из местных антиквариев имел непосредственную связь с волосовскими крестьянами, особенно с сыном Андреяновой, выгребая от них находки для продажи любителям”. В примечании пояснено, что имелся в виду Н. П. Андриин, занимавшийся и фальсификацией древностей.⁸

Рассказ выглядит правдоподобно, но вызывают сомнения два момента. Селезнев утверждает, что впервые со своими находками Андреянова пришла в Муром “лет 50 назад” т. е. около 1875 г., а выручила ее П. С. Уварова. Между тем Кознов собирал и покупал каменные орудия в Волосове значительно раньше, а Уварова в 1870-х гг. бывала в Муроме еще не как хозяйка Карачарова, а вместе с мужем. А. С. Уваров был тогда в расцвете сил и с увлечением занимался каменным веком. Думается, что рассказ Селезнева характеризует ситуацию не 1870-х, а 1850 - 1860-х гг., и у истоков антикварного рынка в Муроме Уваровы не стояли.

А. С. Уваров получил в подарок от отца имение Карачарово еще в 1840-х гг. и тогда же завел там железоделательный завод. Бывал он в Муроме и в связи с этим, и в период своих раскопок во Владимирской губернии в 1852 - 1854 гг. В написанной на основе раскопок книге о мерянах упоминаются каменные орудия, но только из соборов в Костромской губернии. Видимо, в эти годы Волосово еще не было найдено и собирателей каменных орудий в Муроме не существовало.

Появились они позже, и был среди них не только Кознов. При организации Антропологической выставки 1879 г. муромский купец Михаил Никифорович Соколов пожертвовал коллекцию из шестидесяти семи каменных орудий, составленную путем покупок у крестьян, собиравших их на р. Велетьме, т. е. в том же Волосове.⁹

Таким образом, собирание каменных орудий в Муроме началось где-то в середине XIX в. Когда в 1877 г. туда приехал Уваров, Волосово было уже известно. Поэтому нельзя писать так, как это встречается в литературе: “Волосовская стоянка была открыта А. С. и П. С. Уваровыми в 1877 г.”.¹⁰ Приоритет принадлежит не им. Крестьяне знали волосовские дюны как место находок громовых стрел на четверть века раньше, с 1850-х гг. сюда ездили коллекционеры, а определил это место как стоянку первобытного человека П. П. Кудрявцев.

Уваров приехал в Муром летом 1877 г. после долгого перерыва, чтобы проверить сведения о находке костей мамонта у Карачарова, и застал в городе иную картину, чем при предшествующих поездках. С 1850-х до конца 1870-х гг. русское общество прошло большой путь. Культурный

уровень провинции в период демократического движения 1860-х гг. резко повысился. В Муроме Уваров познакомился с двумя людьми, заинтересовавшимися его исследованиями. Это были Н. Г. Добрынкин и П. П. Кудрявцев.

Николаю Гавриловичу Добрынкину (1835 - 1902) посвящены два биографических очерка.¹¹ Отсылая к ним читателя, остановлюсь только на занятиях краеведа каменным веком. Когда Добрынкин познакомился с Уваровым, сам он каменных орудий еще не собирал. Об этом свидетельствуют его воспоминания: “17 июля честь познакомиться с графом Уваровым в Муроме. Я с ним ездил осматривать Козьмо-Дамианскую церковь..., делал осмотр коллекции одного моего знакомого (различные орудия каменного века)..., а вечером я отправился к нему в имение, где в откосе оврага близ его усадьбы рыли с помощью даже графини... остатки допотопного животного”.¹² Кто был этот знакомый? Можно не сомневаться, что П. П. Кудрявцев, ибо в книге Уварова “Археология России. Каменный период” (Т. II. С. 293,294) в дополнениях к перечню всех известных к тому времени находок каменных орудий перечислены каменные изделия только из одной муромской коллекции, принадлежавшей П. П. Кудрявцеву.

Из этого не следует, что Добрынкин впервые узнал о каменном веке от Уварова. Во Владимирской губернии он служил с 1859 г., а в Муроме с 1872 г. и о коллекциях каменных орудий уже слышал. По подсказке ли Кудрявцева, или по собственному почину он послал в комитет по организации Антропологической выставки сведения о находках каменных орудий во Владимирской губернии.¹³ В 1877 г. он опубликовал во “Владимирских губернских ведомостях” заметку о своей поездке в Волосово. Он не упомянул ни Кознова, ни Кудрявцева, так что у читателей создавалось впечатление, будто он сам нашел эту стоянку. Во всяком случае он собрал тут двести древних предметов и отметил следы могил.¹⁴ А. В. Смирнов упоминает еще об одной заметке Добрынкина на ту же тему в той же газете,¹⁵ но в указанном номере ее нет, как нет и в “Библиографии Владимирской губернии”, составленной тем же Смирновым.

Уваров ввел Добрынкина в состав Московского археологического общества: в 1878 г. он стал его членом-корреспондентом, а в 1901 г. действительным членом.¹⁶ Добрынкин участвовал в работах VIII (Московского, 1890) и IX (Виленского, 1893) археологических съездов, а к X (Рижскому) - издал небольшой очерк о разведках по Оке в поисках первобытных стоянок. Он появился сперва в шести номерах “Владимирских губернских ведомостей” за 1896 г.,¹⁷ а затем в виде оттиска на тридцати страницах, выпущенного типографией Владимирского губернского правления. Разведки относятся еще к 1877 и 1878 гг. По заданию Уварова Добрынкин прошел тогда отрезок от д. Соловьевой

в семидесяти восьми верстах от Мурома вверх по Оке до с. Седина в двадцати четырех верстах от Мурома. Осматривался высокий левый берег Оки, тогда как неолитические стоянки приурочены в основном к дюнам на низком правом берегу. Опыта полевого археолога у Добрынкина не было, и нашел он мало, к тому же преимущественно памятники не каменного века, а более поздних эпох. Описывал он их неумело. Слепо доверялся во всем Уварову, в частности его ошибочному тезису о том, что в неолите люди рыли искусственные пещеры.

Так или иначе, Добрынкин включил каменный век в круг своих разнообразных краеведческих интересов и зафиксировал ряд находок. Начал он и сам коллекционировать каменные орудия, о чем в цитированной выше статье упомянул Ф. Я. Селезнев.

Значительно интереснее фигура Павла Петровича Кудрявцева. К сожалению, знаем мы о нем меньше, чем о Добрынке. В 1877 г., когда он сообщил о находках в Волосове в “Московских губернских ведомостях” и А. П. Богданову, он был муромским судебным следователем. Богданов предложил ему купить его коллекцию, и Кудрявцев согласился продать ее за сто пятнадцать рублей, пояснив, что отнюдь не богат. Думается, что тогда Кудрявцев только начинал свою службу, приехав в Муром, скорее всего из Москвы по окончании университета. Если это так, он был моложе Добрынкина и родился около 1850 г.

Первая коллекция Кудрявцева состояла из двухсот пятидесяти предметов, не только каменных орудий, но и фрагментов глиняных сосудов. На выставку она поступила в восьми ящиках и была описана Д. Н. Анучиным.¹⁸ В основном это находки в Волосове.

Расставшись со своим первым собранием, Кудрявцев не только не охладил к поискам стоянок первобытного человека, но, напротив, принялся разыскивать их и вне Волосова, на оз. Колодяновом, реках Ушне, Колпи, Илемне, Теше, Велетьме. По каталогу А. С. Уварова в “Археологии России” и отклику самого Кудрявцева на эту книгу мы знаем, что им открыты стоянки Елин бор, Малое Окулово, Ефаново, Слободской бугор, Лягалин бор, Девкин бор. Наиболее важен Елин бор - первая мезолитическая стоянка, выявленная в России. Нашел ее сам Кудрявцев, отметивший, что в сборах нет черепков, как на неолитических стоянках. Письмо, посланное в 1878 г. вместе с коллекцией Д. Н. Анучину, опубликовано М. В. Воеводским и П. И. Борисовским.¹⁹

Сообщения о своих наблюдениях и находки Кудрявцев не раз посылал в подготовительный комитет Антропологической выставки.²⁰ Он же способствовал поступлению туда коллекции М. Н. Соколова. Кудрявцев писал, что ездит на разведки весной и собирает древние вещи в размывах берега. При посещении Мурома для знакомства со стоянкой

Карачарово столичными учеными В. В. Докучаевым и И. С. Поляковым Кудрявцев возил их в Волосово. Великий почвовед Докучаев благодарил его в печати за “просвещенное содействие”.²¹

До какого года прослужил в Муроме Кудрявцев, я не знаю. В “Списке всех служащих Владимирской губернии” 1891 г. (с. 15) он числился во Владимирском суде. Согласно “Памятной книжке Владимирской губернии на 1895 год” (с. 75), он жил в губернском городе на Дворянской улице, был членом окружного суда, имел чин статского советника, а жена его Валентина Ивановна преподавала немецкий язык в женской гимназии. Более поздние “Памятные книжки” сообщают, что в 1906 г. он стал товарищем председателя суда (с. 132), а в 1909 г. - действительным статским советником (с. 128). В 1910 г. у него собственный дом в Ремесленниках (с. 198). В “Памятной книжке” на 1911 г. имени Кудрявцева уже нет. Видимо, он умер в 1910 г.

Дочь Н. Г. Добрынкина, рассказывая о Кудрявцеве после его смерти, писала, что он вел раскопки, делал зарисовки и фотографии, дружил с ее отцом, активно переписывался с А. С. Уваровым.²² Тут не все точно. Судя по всему, настоящих раскопок Кудрявцев не производил, а только собирал древние вещи на поверхности. Взаимоотношения с Добрынкиным были, видимо, неплохие, но элемент соперничества при обследовании Волосова чувствуется. Еще в большей степени это касается Уварова. В 1878 г. Кудрявцев писал, что после посещения Муромы Уваровым цена каменных орудий повысилась. Раньше они шли по двадцать пять копеек за штуку, а теперь служащие Уварова дают по рублю.²³ В архиве Уваровых лишь четыре письма Кудрявцева - все 1881 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 341. Л. 439 - 444. Ед. хр. 658. Л. 10). Показательно, что, в отличие от Добрынкина, он не стал членом Московского археологического общества и не участвовал в созданных А. С. Уваровым и курировавшихся после его смерти П. С. Уваровой археологических съездах. Публиковал свои сообщения Кудрявцев в трудах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и переписывался чаще не с Уваровым, а с ведущими деятелями этого общества А. П. Богдановым и Д. Н. Анучиным.

В 1883 г. в “Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей” вышел отклик Кудрявцева на книгу Уварова “Археология России. Каменный период”. Кудрявцев отмечает, что Уваров неверно передал полученные от него сведения о стоянках на Оке, внося ненужную путаницу в литературу.²⁴ В этом же издании напечатан достаточно критический разбор той же книги, принадлежащий В. В. Докучаеву. Можно не сомневаться, что именно Докучаев помог Кудрявцеву опубликовать его реплику.

Как видим, Добрынкин и Кудрявцев при

изучении каменного века в окрестностях Муромы избрали разные линии поведения. Провинциальная интеллигенция была не однородна. Выделялись яркие индивидуальности.

Последнее сообщение Кудрявцева о каменном веке на Оке увидело свет на французском языке в 1893 г. в трудах, изданных к состоявшемуся в Москве Международному конгрессу по археологии и доисторической антропологии.²⁵ Организовал конгресс А. П. Богданов. Он же, безусловно, подбирал и докладчиков. В это время Кудрявцев уже перебрался во Владимир. По сравнению с публикациями 1877 - 1883 гг. новых данных здесь нет. Есть, зато, серия рисунков. Неясно, продолжал ли Кудрявцев собирать каменные орудия и разыскивать неолитические стоянки после своего отъезда из Муромы. Разумеется, перестал. Кудрявцева - археолога в 1893 - 1910 гг. мы не знаем. Должно быть, увлечение археологией было связано у него только с годами молодости. Он состоял членом Владимирской ученой архивной комиссии, но активно там себя не проявил.

Трудно сказать, когда Кудрявцев решил как-то суммировать свои изыскания в виде “Альбома рисунков из коллекции каменного века, собранной в долине реки Оки, главным образом у деревни Волосовой Муромского уезда П. П. Кудрявцевым”. В 1988 г. этот альбом поступил из Советского фонда культуры в Государственный исторический музей, где хранится под шифром 78537 4/в 5874. В альбоме сто тридцать семь таблиц с рисунками тушью. Выполнены они в манере рисунков каменных орудий в книге Д. Леббока “Доисторические времена” (М., 1876). Кудрявцев различал стрелы, скребки, шилья, ядрица, ножи, пилы, топоры, долота, т. е. в какой-то мере разбирался в морфологии изделий из камня. Около рисунков значки, указывающие, какие вещи найдены самим Кудрявцевым, а какие перешли к нему от Кознова или были переданы А. С. Уварову. Одной звездочкой помечены вещи, собранные на поверхности, двумя - извлеченные из земли. Помимо каменных орудий изображены черепки сосудов с орнаментом и костяные изделия. Всего в альбоме изображено несколько сотен древних предметов. Часть из них хранится в том же Историческом музее, часть в музеях Владимира и Нижнего Новгорода, а часть утрачена. Альбом заслуживает специального изучения.

Подводя итоги деятельности П. П. Кудрявцева в области археологии, мы можем сказать, что по сравнению с коллекционером древностей Козновым и краеведом Добрынкиным он сделал большой шаг вперед, став в 1870-х гг. на уровень археологов-профессионалов. Ценность работ Кудрявцева видится в следующих моментах:

1) он собирал не только кремневые орудия, но и черепки древних сосудов и костные останки;

2) он точно привязывал находки к определенным местностям. Тем самым речь шла уже

не об отдельных находках, а о стоянках первобытного человека, об археологических комплексах;

3) он делал рисунки и опубликовал часть из них;

4) среди его находок были первая мезолитическая стоянка на Оке Елин бор и ряд интересных произведений первобытного искусства. Это не менее пятнадцати фигурок людей и животных из кремня и две костяные поделки с головами водоплавающих птиц на концах, все из Волосова. Поскольку эти предметы демонстрировались на Международном конгрессе в Москве в 1893 г., а зарисовки их были изданы в статье на французском языке, они получили широкую известность за границей, вошли в зарубежные сводки.²⁶

Отмечу кстати, что Ф. Я. Селезнев в цитированной статье напрасно сомневался в подлинности костяной скульптуры из Волосова, подозревая, что это дело рук антиквара Ф. П. Андрина. Введшего в заблуждение Кудрявцева. Совершенно аналогичные поделки найдены не так давно при раскопках стоянок волосовского типа на Тростянском озере в Подмоскowie при раскопках В. В. Сидорова.

Последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. почти ничего не дали для пополнения наших знаний о каменном веке в окрестностях Муроме. Добрынкин умер, Кудрявцев уехал. Случайные находки, несомненно, кто-то делал. По словам Ф. Я. Селезнева, коллекции каменных орудий были у художника И. С. Куликова и некоего А. Ф. Жадина, но какого-либо научного анализа этих материалов они не производили.

Положение изменилось в первые послереволюционные годы. В 1918 г. в Муроме был создан музей. С 1919 г. он открыт для посетителей. Музей сделал очень много для сохранения памятников культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения в период закрытия церквей и монастырей, разгрома дворянских усадеб. С середины 1920-х гг., когда НЭП несколько улучшил экономическое положение страны, музей приступил к археологическим исследованиям.

Возглавил эту работу Федор Яковлевич Селезнев (1879 - 1940) - типичный русский самородок. Родился в крестьянской семье. Занимался самообразованием. Экстерном сдал экзамены на звание учителя. Писал стихи. Рукописный сборник "Оды и стихи поэта Ф. Я. Селезнева" (1895) хранится во Владимирско-Суздальском музее-заповеднике. В 1928 г. во Владимире он выпустил книжку стихов и басен "Дела и люди как на блюде". Известна его еще дореволюционная брошюра "Нижегородский самоучка Иван Кулибин", напечатанная в 1914 г. в серии "Вестник нижегородских учащихся".

В своих статьях 1920-х гг. Селезнев называет себя учеником Городцова и пишет о своих археологических разведках 1911 - 1912 гг. В. А. Городцов приезжал в Муром по приглашению П. С.

Уваровой в 1910 г., исследовал Подболотьевский финский могильник, но интересовался всеми археологическими памятниками в окрестностях города, начиная с Волосова.²⁷ Вероятно, Селезнев именно тогда и познакомился с Городцовым, хотя не исключено, что это произошло и раньше - в 1907 г., когда Городцов вел раскопки под Нижним Новгородом, а Селезнев был преподавателем естествознания в ремесленном училище этого города.

В 1917 г. Селезнев перебрался в Муром (он был уроженцем с. Борисоглебского Муромского уезда), читал лекции, сотрудничал в районной газете "Луч", был членом Муромского общества по изучению местного края. В 1924 - 1926 гг. заведовал Муромским музеем, а в 1926 - 1930 гг. стал директором Владимирского губернского музея.

В этот период он исследовал Пятницкий, Максимовский, Корниловский, Ефановский и Перемилловский финские могильники и серию неолитических стоянок. Последним посвящены две его статьи 1925 г. и 1928 гг.²⁸ Здесь описаны выявленные при разведках 1911 - 1926 гг. стоянки Панфилово (впоследствии, в 1924 г., широко исследованная Городцовым), Борок, Шалаев бугор, Каметово, Ефаново, Бобровое озеро, Сомино, Малое Окулово, Кутарино на рр. Ушне, Илемне, Кутре, Черемне, Муромке.

К описанию стоянок приложены рисунки и чертежи. Влияние Городцова чувствуется весьма сильно. От него Селезнев научился находить неолитические землянки, но, вслед за своим наставником, копал их не широкими площадями, а траншеями. Как известно, вопрос об очертаниях землянок волосовской культуры остается спорным. У Городцова и Селезнева они описаны как круглые в плане, у Е. И. Горюновой и О. Н. Бадера как квадратные. Несовершенство методики раскопок было тому причиной. Знакомства с новейшими достижениями в исследовании неолита, связанными со школой Б. С. Жукова, у Селезнева не заметно. Так или иначе, то, что в Муроме появился местный археолог, умеющий находить, раскапывать и описывать стоянки первобытного человека, было очень важно.

К сожалению, начинания Селезнева не получили развития. В 1930 г. он переехал в Москву, где был сотрудником Оружейной палаты, руководил Музеем раскрепощения женщин (был такой в Новодевичьем монастыре!) и как-то участвовал в работе Исторического музея.

Сведения о жизни Селезнева любезно сообщил мне В. И. Богатов. Они, несомненно, точны, но отражают лишь внешний ход событий. Складывается впечатление, что жизнь Селезнева шла по восходящей: из Муроме - во Владимир, из Владимира - в Москву. Между тем, 1930 год - для развития нашего краеведения - роковой. Именно тогда были репрессированы многие краеведы, закрыт

ряд музеев, а в других произведена перестройка отнюдь не в лучшую сторону: памятники старины выкидывали, все заменялось агитпропом.

Выходец из народа Селезнев был в этот период предпочтительней, чем музейные работники из старой интеллигенции. Недаром его перевели из районного Муром в губернский Владимир, недаром во Владимирском музее он создавал антирелигиозный отдел, а потом уже в Москве ведал Музеем раскрепощения женщин. Но изучение древностей Мурома ли, Владимира ли считалось на грани 1920 - 1930-х гг. делом не просто ненужным, но даже вредным. Среди обвиненных в “великодержавном шовинизме” и чуть ли не во вредительстве были тогда и владимирские краеведы А. И. Иванов и И. В. Богатов.²⁹ Таких поношений Селезнев избежал, но его успешно начатая археологическая деятельность навсегда прервалась.

Об этих печальных событиях в истории нашего краеведения не надо забывать. В 1985 г. во владимирской газете “Призыв” появилась статья о А. И. Иванове. Автор статьи Г. Овчинников видит его основную заслугу перед наукой в издании книги “Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905 - 1906 гг.” (Владимир), входившей в библиотеку В. И. Ленина. Сказано, что Иванов умер

в 1938 г.³⁰ На самом деле он прожил долгую и трудную жизнь и умер в 1976 г. Упомянутая книга была для него отнюдь не самой важной. Он изучал памятники древнерусской архитектуры, вел раскопки. Но все это было расценено как “мракобесие”. Иванову пришлось покинуть Владимир. В конце жизни он стал профессором богословия Ленинградской духовной академии.³¹

Реальную историю отечественного краеведения еще предстоит написать. Это качается и истории муромского краеведения. Необходимо поднять архивы, местную периодику. Надо бы собрать больше сведений о Кознове и П. П. Кудрявцеве.

Хотелось бы, чтобы традиции исследования памятников каменного века под Муромом возродились. После Селезнева эта традиция прервалась. На стоянки приезжали археологи из Москвы О. Н. Бадер, Е. И. Горюнова, И. К. Цветкова. Они немало сделали. Но нужны не краткие посещения памятников, а повседневный надзор за ними. Это должны осуществить местные силы. Будем надеяться, что такие исследователи каменного века появятся и среди сотрудников Муромского музея и среди краеведов города и района.

¹ Это отгиск из “Вятских губернских ведомостей” № 32 и 34 от 26 апреля и 5 мая 1895 г.

² О нем: Голубев П. А. Петр Матвеевич Сорокин // Вятский край. 20 сентября 1895 г. № 86. С. 4., Чудова. В те далекие годы. Киров, 1981. С. 91, 92.

³ О нем: Жэрве Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в. // Российская археология, 1992, № 3. С. 228 - 235.

⁴ О нем: Московское археологическое общество за первые 50 лет его существования. М., 1915. Т. 2. С. 325.

⁵ Саратовский листок. 10, 17, 21 апреля 1882 г., № 72, 78, 81. Отдельно: Саратов, 1882, 42 с. Аналогичная публикация педагога Вильяма Людвиговича Беренштама (1839 - 1904) “Доисторическая времена и их археологическое исследование” появилось в “Псковских губернских ведомостях” 24 и 31 мая 1880 г. (№ 20 - 21. С. 243 - 245, 253 - 255) и отдельно; о нем: Отечественная история. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 214 - 215.

⁶ Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века // Советская археология, 1981, № 3. С. 97 - 100.

⁷ Антропологическая выставка. Т. 1. // Известия Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете (далее - ИОЛЕА). М., 1878. Т. XXVII С 399, 400.

⁸ Селезнев Ф. Я. Археологические обследования окрестностей Мурома // Материалы по изучению Муромского края. Муром, 1925. Вып. 1. С. 102.

⁹ ИОЛЕА. 1878 - 1879. Т. XXXI. С. 65.

¹⁰ Цветкова И. К. Волосовский клад. М., 1957. С. 6.

¹¹ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. Владимир, 1910. Вып. 2. С. 1 - 51; Сенчулова Т. Е. Муромский краевед Н. Г.

Добрынкин // Первый муромский сборник. Муром, 1993. С. 157 - 178.

¹² Сенчулова Т. Е. Муромский краевед... С. 164.

¹³ ИОЛЕА. 1878 - 1879. Т. XXXI. С. 111, 112.

¹⁴ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели... С. 38. Статья названа “Борки (бугры) с предметами каменного века” и отнесена к № 12 “Владимирских губернских ведомостей” за 1875 г. До 1877 г. писать на эти темы Добрынкин явно не мог.

¹⁵ Добрынкин Н. Г. Новые находки орудий каменного века близ Мурома // Владимирские губернские ведомости, часть неофициальная. 16 сентября, 1877 г., № 37. С. 3.

¹⁶ Московское археологическое общество... С. 107, 108.

¹⁷ Добрынкин Н. Г. Слады пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости, часть неофициальная. 3 мая 1895 г., № 18. С. 1 - 3; 10 мая, 1895 г. № 19. С. 3 - 4; 21 июня, 1986 г. № 25. С. 8 - 10; 28 июня, 1986 г. № 26. С. 9 - 12; 5 июля 1986 г. № 27. С. 8 - 11; 12 июля 1896 г. № 28. С. 6 - 8.

¹⁸ Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки. I Отдел доисторический. Сост. Д. Н. Анучиным. М., 1879. С. 21.

¹⁹ Воеводский М. В., Борисковский П. И. Стоянка Елин бор // Советская археология, 1937. III. С. 78.

²⁰ ИОЛЕА. Т. XXXI. С. 34, 169; 1880 - 1882. Т. XXXV. Вып. 1. С. 488 - 490.

²¹ Докучаев В. В. Сочинения в десяти томах. М., 1949. Т. I. С. 277.

²² Сенчулова Т. Е. Муромский краевед... С. 170.

²³ ИОЛЕА. Т. XXXI. С. 34.

²⁴ Кудрявцев П. П. К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1883. Т. XIV. Вып. 1. С. 220 - 233.

²⁵ Koudriavtsev P. Les vestiges de l' Homme de l' âge de la pierre près du village Volosovo, district et gouv, Vladimir // Congres international d' atchéologie et d' anthropologie préhistorique. 11 Session à Moscou. Moscou. 1893. Т. II. Р. 233 - 262.

²⁶ Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология, 1948. Т. X. С. 95.

²⁷ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром // Древности. 1914. Т. XXIV. С. 40 - 216. В отделе письменных источников Государственного Исторического музея хранится пять писем Ф. Я. Селезнева В. А. Городцову 1915 - 1927 гг. (Ф. 431. Ед. хр. 432, Л. 49 - 58). В одном из них Селезнев говорит, что Городцов знает

его полевые исследования с 1915 г.

²⁸ Селезнев Ф. я. Археологические обследования окрестностей Мурома // Материалы по изучению Муромского края, 1025. Вып. 1. С. 1 - 24; он же. Приокские древние поселения // Труды Владимирского музея. 1928. Вып. 3. С. 19 - 51.

²⁹ Экземплярский П. М. Увязка истории с современностью по-владимирски // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново-Вознесенск, 1931. С. 38 - 40.

³⁰ Овчинников Г. Изучал родную старину // Призыв. 1 октября 1985 г.

³¹ Бронский В. Профессор Алексей Иванович Иванов // Журнал Московской патриархии, 1977. № 11. С. 25, 26.

А. Альквист

ОТ МУРОМА ДО МУУРАМЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА МУРОМА¹

За полями поля, за холмами холмы Перелески, леса да реки быстрые...²

До заселения территории Центральной России славянскими племенами здесь жили народности, говорящие на финно-угорских языках, известные как *меря*, *мурома* и *мещера*. О муроме имеется скудная информация, предоставляемая древними источниками. "Повесть временных лет" устанавливает территорию, занятую муромой: нижнее течение реки Оки, при ее впадении в Волгу. Под 862 г. хроника заявляет, что мурома были первыми жителями города *Муром*. Также написано, что мурома является отдельным языком. В добавление текст упоминает, что мурома платит дань Руси и ею управляет Рюрик. (ПВЛ: 4, 11, 20; Голубева 1987: 81.).

По Троицкому пергаменному списку, народ упоминается также в форме *мурома* (ПВЛ: 11, 20). Говоря о Муромской земле, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку упоминает ее в форме *Мюротская (ПВЛ: 475). В южнорусской форме названия города *Муром* (*Муромъ*) - *Муровъ* А. Соболевский (1890: 230 - 231; ЭСРЯ III: 14) видит ранне искажение. В фольклоре название города выступает также в *формах Муром, *Мурум, Мором* и даже *Мур-град* или *Муромль, что бывает именно в косвенных падежах: *Муромля* (род.), *Муромли* (предл.). (ИМ 1958: 31, 38, 49, 96, 546; Былины: 27, 79 - 80, 256, 312).

Упоминаемое в скандинавской литературе, а именно в саге об Оуде-Стреле, название *Móramar* и в трактате "Какие земли лежат в мире" - *Moramar* толкуется как Муром, отнесенный в первом источнике к главным городам Руси (Мельникова 1986: 36 - 38, 44).

Землей муромы являлось муромское Поочье: в границах нынешней Владимирской области - левобережье муромского течения Оки, бассейны ее левых притоков Ушны и Илемны, территория между правобережьем реки Клязьмы по

ее притоку Тезе, где его северно-западными соседями были меряне. В некоторой степени мурома заселяла даже левобережье реки Волги и частично также правобережье муромского течения Оки, на территории современной Нижегородской области, почти до северо-западной границы мордвы. (Голубева 1987: 82 - 83; Седов 1987: 8/ схема; АКР ВО: 38 - 39).

Как племя мурому принято считать весьма близкой к мордве (ЭСРЯ III: 14; Попов 1973: 101 - 102). Появление славян на территории муромы относится к X в. (Голубева 1987: 83). Общепринято полагают, что мурома была полностью ассимилирована славянскими племенами уже в ранние времена: согласно А. И. Попову (1964: 446; 1973: 102) - в X - XI вв., согласно Л. А. Голубевой (1987: 92) - к XII в. С лингвистической точки зрения трудно поверить, что процесс ассимиляции проходил так быстро. Уже культурное наследство, прежде всего языковые элементы, передаваемые через века, является доказательством длительности взаимоотношений между муромой и славянами. Следовательно - и финский историк Х. Киркинен (1990: 247) это предполагает - что слияние муромы со славянами усилилось во время татарской власти, в XIII в.

Для объяснения названия *мурома* предложены некоторые этимологии, основанные, как правило, лишь на некотором фонетическом сходстве. Например, "Повесть о водворении христианства в Муроме" связывает название города *Муром* с русским словом *мрамор* из-за стен, сделанных из камня и мрамора (Кузнецов 1910: 108). Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭС 39: 214) предлагает определение 'люди на суше', данное еще Я. Н. Гротом (1867: 625) от *mur* 'человек' и *ma* 'земля, край'. Критикуя эти толкования С. К. Кузнецов (1910: 108 - 109) указывает на глагол волжско-финских

языков со значением 'петь' (ср. мар. *мураш*, морд. морамс). Согласно Кузнецову (1910: 108), *му́ром* было бы 'место пения, веселия'.

Такого типа этимологии ономастами отвергнуты или рассматриваются как неудовлетворительные. Так, М. Фасмер (ЭСРЯ III: 14) считает объяснение Кузнецова сомнительным, отвергая при этом этимологию имени былинного богатыря Ильи Муромца от названия норманнов. В. А. Никонов (1966: 279) также считает предлагавшиеся этимологии этнонима неудовлетворительными. Ср. Также Р. А. Агеева (1990: 64).

Попов (1973: 103) связывает этноним *мурома* с корнем названий таких волжско-финских и пермских народов, как *мари*, *мордва*, (*уд*)*мурт*, (*коми*)*морт*, а также *меря* (о последнем см. Альквист 1998). Корень этнонима иранского происхождения означал бы 'смертный', 'человек', 'муж'.

Как утверждает Фасмер (ЭСРЯ III: 14), название города *Муrom* неотделимо от названия народа *мурома*. В. П. Нерознак (1983: 116) подтверждает, что ойконим *Муrom* происходит от финно-угорского этнонима *мурома*. Мы же считаем, что при установлении этимологии этого этнонима некоторые особо значимые факты во внимание не принимались. Этноним должен основываться на топониме *Муrom(a)* и его этимологизация возможна только на основе анализа обширного топонимического сравнительного материала с достаточными дополнительными сведениями.

Кроме названия города *Му́ром* и паралельного ему названия реки *Муrom* в Олонецкой губернии (ВРГ III: 346) существует множество географических названий с основой *Му(y)p(o)m(V)*³ - не только на древней земле муромы, но и в других местах обитания в прошлом или теперь финно-угров, особенно в центральной и северо-западной частях территории. Многие из этих топонимов дополнены русским суффиксом или детерминатом.

Озеро с названием *Муромозеро* в Архангельской губернии имеет варианты *Муrom* - *Мурмо* (ВРГ III: 347). В республике Карелии находится озеро *Муромское* - *Муромозеро*. Отделенное от Онежского озера узким перешейком. К той же цепи названий относятся река *Муромка* - *Муромская*, болото *Муромское* и *Муромский Монастырь*, именуемый также *Успенский Муромский монастырь* или *Муромский Мужский Монастырь*. Упоминается также остров на Онежском озере под названием *Муромский*. (ВРГ III: 346 - 347; РГН VI: 12; РК: 116; РБС: 44). Севернее от данной местности находится *Муромозеро* (ВРГ III: 346; РК: 116). Озеро *Муромское* расположено и в Московской области (ВРГ III: 347; Смолицкая 1976: 225; МО: 25).⁴

Существуют другие названия селений и природных мест, а также водных пространств с той

же основой: ойконим *Муромка* распространен во Владимирской, Рязанской, Саратовской и в Пензенской губерниях, где два из трех населенных пунктов под этим названием расположены на речке *Муромке* (РГН VI: 12; Смолицкая 1976: 234, 236; Кузнецов 1910: 109). На одной из пензенских рек *Муромка* расположено поселение под названием (*Мордовская*) *Муромка* (ВРГ III: 346 - 347). Еще одно речное название *Муромка* имеется в бассейне реки Мокши на территории современной Пензенской области (Смолицкая 1976: 234, 236; ВРГ III: 347). Река *Муромка* есть также во Владимирской области (*-Муромец*) (Смолицкая 1976: 207), Нижегородской области (Смолицкая 1976: 269; ВРГ III: 347) и в Рязанской области (*-Мурманка*), где один из оврагов, впадающих в последнюю, называется *Мурманской* (Смолицкая 1976: 192; ВРГ III: 347). К реке *Муромле* в Олонецкой губернии, называемой также *Муромка*, относится ойконим *Муромля* (ВРГ III: 347; РГН VI: 482). В Рязанской области расположено озеро *Муромская лука* (Смолицкая 1976: 129), а *Муромской* - это отвершек в Тульской области, вблизи которого находится также овраг *Муромской Колодезь* (Смолицкая 1976: 73). Имеется овраг *Муромской*, как во Владимирской, так и в Рязанской области (Смолицкая 1976: 191, 206).

Существует ряд других географических названий с основой *Му(y)p(o)m(V)*-, к которой иногда прикреплены не только русские суффиксы или детерминанты, но и другие суффиксы финно-угорского происхождения, как, видимо, в случае *Муромля*. Так, в Ярославщине протекает река *Мурма* (ВРГ III: 345), а на Владимирской земле - *Мурмога* ~ *Мурнога* (Смолицкая 1976: 208; ВРГ III: 346; ВО: 6), осложненный финно-угорским речным суффиксом - (*V*)*га*.

Хотя абсолютное большинство географических названий с корнем *Му(y)p(V)*- на территории Центральной России выступают с компонентом *-ма*, существует множество однокоренных названий, образованных непосредственно от корня *Му(y)p(V)*-. Такими являются, например, река *Мур* и *Мура* в Рязанской области (Смолицкая 1976: 232.; ВРГ III: 341). Для Симбирской губернии *Мура* упоминается как название реки и селения (ВРГ III: 341).

Часто к корню *Му(y)p(V)*- прикреплен либо только суффикс финно-угорского происхождения, либо только русский суффикс/детерминант. Возможны также случаи, когда суффикс финно-угорского происхождения соединяется с русским суффиксом/детерминантом. Ср., с одной стороны, речные названия *Мурьш* и *Мурья* в Вологодской губернии (ВРГ III: 347 - 348) и олонечкий ойконим *Мурой-Наволоок* ~ *Мура-Губа* (РГН VI: 5, 12), а с другой - *Мурлевка* в Вятской губернии (ВРГ III: 345), *Мурлейка* в Симбирской губернии (ВРГ III: 345).

Несомненно, некоторые названия с основой *Му(y)p(o)m(V)*- прямо связаны с княжеской фамилией

Муромский и, особенно, с дворянской фамилией *Муромцевы* (ЭС 39: 216; ср. Эуропеус 1868: 153 - 155), и, поэтому, не имеют никакой связи с определенными географическими обстоятельствами. К ним относятся ойконимы *Муромцево* во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях (РГН VI: 12), *Муромцева* в Московской губернии (РГН VI: 12), *Муромцево* в Калужской и Московской губерниях, где один из двух населенных пунктов имеет вариант названия *Муромцево* (РГН VI: 12; МО: 17), *Муромцы* ~ *Муромцова* в Калужской губернии (РГН VI: 12) и *Муромицы* (~ *Муромиц* ~ *Muurowitz*) в Петербургской губернии (РГН VI: 12). П. Н. Третьяков (1970: 137) предполагает, что название села *Муромское* - позднее *Муромцево* (ЭС 39: 214) - также основывается на фамилии дворян *Муромцевых*.

Возможно, что даже основа названия северообластного центра - *Мурманск*, которое Фасмер (ЭСРЯ III: 13) возводит от названия части побережья Северного Ледовитого океана *Мурман* с объяснением от 'норвежец, норманн' и толкуется Никоновым (1966: 279) как 'морская земля' от саамского *мур* 'море', *ма* 'земля', восходит к тому же источнику. В Мурманской области расположено также поселение с названием *Мурмаши* (РГН VI: 10), а для Вологодской губернии, например, упоминается ойконим *Мурманово* (РГН VI: 10).

В Финляндии имеется возможный параллельный топоним, название коммуны и села *Muurame* (НА). Компонент *Му(y)p(V)*- встречается в большом числе однокоренных географических названий во множестве вариаций на территории Финляндии и Карелии, как, например, в следующего типа ойконимах с суффиксом *-la*: *Muroma* - название нескольких имений: *Muurila* ~ (в 1407 г.) *Murila* - село и коммуна: *Muurola* - название двух деревень и *Murole* - село на одноименной реке в Руовеси (НА).⁵

Топонимы с основой *Му(y)p(o)m(V)*-, особенно в Центральной России, принято рассматривать как этнонимные. Следовательно, землей муромы считалась территория от города *Мурома* вверх по Оке, на запад, до названного озера *Муромское* и на северо-западе и севере до водораздела между Окой и Клязьмой, до села *Муромцево* (*Муромское* XVII в.) (Барсов 1873: 48; ЭС 39: 214; ср. Эуропеус 1868: 153 - 155). Кроме этого, археологи видят, например, в существовании названий деревень *Большая* и *Малая Муромка* ~ *Новолесная Муромка* в Ивановской области доказательство расселения муромы (Дубынин 1966: 67, 78 - 79; Голубева 1987: 82; РГН VI: 262). Безусловно, например, часть ойконимов на пограничных землях племен могла быть названия по народности (ср. Дубынин 1966: 78). Действительно, село *Муромцево* под Судогодой, как нам кажется, расположено на территории, которая вполне может

оказаться пограничной между тремя летописными племенами финно-угорского происхождения. Однако этническая принадлежность населения может быть доказана только археологическими материалами.

Без основания предположить наличие муромского населения в более отдаленных местах с названием с *Му(y)p(o)m(V)*, Фасмер (1935: 404; 1939: 530) делает вывод, что раз Илья Муромец сохранил на Русском Севере память о своем муромском происхождении, название *Муром* живет также в гидронимах *Муромка* и *Муромя* в Олонецкой губернии вследствие колонизации из владимиро-суздальских земель начиная с XIII в. Однако содержание широко распространенного фольклора, происхождение которого не имеет ничего общего с Северной Россией и местными географическими названиями, не может быть интерпретировано так просто. П. Равила (1940: 25) подчеркивает, что на основе распространения названия *Мурома* до Олонца недбзя делать выводы о расселении муромы.

Хотя нередко случаи передачи географического названия другому объекту и хотя, по крайней мере, некоторые центральнорусские топонимы с основой *Му(y)p(o)m(V)*- восходят к этнониму *мурома*, наличие географических названий, состоящих из корня *Му(y)p(V)*-, либо изолированного, либо - как в большинстве случаев - в соединении с другими суффиксами доказывают иного рода возникновение этнонима.

Название *Муром(a)*, так же как и большое число других топонимов того же корня, не объясняется широкой территорией распространения данного племени. С учетом ареала топонимического корня предполагается существование распространенного слова, ландшафтного термина, широко используемого финно-уграми.

В основе этнонима мурома и топонимов, связанных с ним, должен лежать ландшафтный термин **му(y)p(V)*, часто осложненный компонентом *-ма*. Как утверждает Попов (1965: 109), большинство топонимов с окончанием *-ма*, *-мо*, *-м* - финно-угорского происхождения. Суффикс *-ма* очень часто встречается также в субстратной гидронимии северной Евразии. Этому суффиксу предъявлены соответствия с финского по самодийским языкам (Хакулинен 1979: 132). Финские имена существительные с суффиксом *-та*, *-tä* обозначают место или являются уменьшительными (или близкими к ним), что, согласно Л. Хакулинен (1979: 130 - 132), кажется, и было более ранним значением.

Резюмируя вид места ряда топонимов в центральной и северо-западной частях финно-угорского мира и, связанную с ними географическую информацию, можно заметить, что первоначально корень *Му(y)p(V)*- связан со значением 'расположено высоко или на возвышенной местности'. Оттенки значения могли значительно варьировать на обширной территории, а также развиваться в течение

времени. Очень часто топонимы с корнем *Му(y)p(V)*- указывают на хребет или гору, холм, иногда остров (также в болоте),⁶ мыс, нос, перешеек, вересняк, пески, главным образом в прямой связи с водным пространством, с болотом или с древним берегом. Также часто вода была названа в связи с первоначальным референтом. Возможно, основное значение могло быть 'берег или насыпь повыше, видимые с водного пути'. Финское и карельское *hariu* 'хребет', например, заимствовано русскими диалектами в форме *гарьё* со значением 'низкий берег', видимый с моря (ССА 1: 142). Замечательно то, что, по крайней мере, большинство финских топонимов с корнем *Му(y)p(V)*- имеет отношение к большим водным системам, как часто и русские субстратные названия.

Ландшафтный термин **му(y)p(V)* должен иметь определенную связь с компонентом *-мар(ь)* в ряде субстратных топонимов, особенно в финно-волжских регионах. Топонимический компонент *-мар(ь)* (выступающий в некоторых случаях как *-мор*, *-мур*) связан с существительным *мар* 'куча, бугор, холм, отдельная вершина, курган' мордовских языков (Альквист 1993: 14 - 16).

Есть фонетические трудности в приближении этих форм друг к другу. В географических названиях финно-угорского субстратного происхождения, однако, система гласных часто испытывала изменения, тогда как согласные кажутся устойчивыми. Возможность чередования гласных а ~ у удостоверяется немалым числом вариантов названий. С фонетической точки зрения ср., например, ойконимы *Моровино Большое* ~ *Муравины* (РГН V: 675), *Мурашево* ~ *Марышево* (РГН VI: 7) и *Моровское* ~ *Муравское* (РГН V: 675) в Новгородской губернии, *Марчуги* ~ *Морчуги* в Московской губернии (РГН V: 432), *Мурафеево* ~ *Морафеева* ~ *Марафеева* в Смоленской губернии (РГН VI: 7), *Морилевская* ~ *Марахи* в Вятской губернии (РГН V: 674), *Мараевка* ~ *Мураевка* в Орловской губернии (РГН V: 403), *Мардановская* ~ *Мурдановская* в Вологодской губернии (РГН V: 405) и расположенное на реке *Мурумле* селение *Мурумля* ~ *Маромская* в Олонецкой губернии (РГН VI: 482), а также овраг *Марушинской* ~ *Мурашинской* в Московской области (Смолицкая 1976: 116) и реку *Мурасу* ~ *Марасу* в Казанской губернии с относящимся к ней ойконимом *Мураса* ~ *Мараса* ~ *Мурас* (ВРГ III: 343; РГН VI: 6).

Следует сравнить также варианты названия ойконима в Вятской губернии - *Кукмарь* ~ *Кукморь* и параллельное им название *Кукмур*. Иногда кажется, что варианты одного названия восходят к различным субстратным слоям, как это можно предположить, например, в случае нижегородского ойконима

Марьевка ~ *Марьино* и *Мурьино* (РГН V: 433; VI: 13). Если это тек, топонимы с закрытым лабиальным у представляют более древний слой, тогда как открытый а принадлежит к более поздним названиям.

В связи со многими топонимами с корнем *Му(y)p(V)*- географические названия русского происхождения могут быть рассмотрены как семантический сравнительный материал для поддержки этимологии. Иногда эти варианты названий или названия окрестных мест могут оказаться (полу)кальками, но чаще всего они только отражают географические условия окружающей местности, проявляя вероятность основ номинации. Так, один из двух ойконимов *Мурановская* в Вологодской губернии имеет вариант *Высоково* (РГН VI: 6). В Рязанской области на упомянутой выше реке *Мурумке* расположено поселение, названное *Высоково* (Смолицкая 1973: 192; РО: 6). Река *Мурушка* в бассейне Мокши в Мордовии протекает недалеко от оврага, называемого *Крутой* (Смолицкая 1976: 258). Вблизи с оврагом *Мураевской* в юго-восточной части Рязанской области имеется также другой овраг под названием *Крутой* (Смолицкая 1976: 248).

Ойконим *Мурыгина* в Калужской губернии имеет вариант названия *Красный холм* (РГН VI: 13). Недалеко от населенного пункта *Муравицы*, где река Великая впадает в Псковское озеро, расположено поселение с названием *Загорицы* и перевоз, названный *Горки* (РГН VI: 11; Псков). На северо-западном берегу озера Ильмень находятся поселения *Горные-Морыны*, *Береговые-Морины* (НО: 17), упоминаемые в РГН (16 349; II: 486) как *Береговые Морицы* и *Горные Морицы*. В южном углу Владимирской области есть селение *Муратово*, расположенное на левом берегу Оки, километрах в шести ниже по течению от *Дмитриевых Гор* (РГН VI: 6; ВО: 29). Вариант названия вятского ойконима *Мурызовцы*, а именно *Осиновый Мыс* (РГН VI: 6; ВО: 29), говорит о расположении населенного пункта.

Село *Мурмино* (РГН VI: 10) ~ *Muromino* (Кузнецов 1910: 109) под Рязанью расположено на бывшем берегу Оки. Жители Мурмина называют этот берег около пяти км в длину - *Горá*. Река *Мурмаш* в южной части Ярославской области - в литературе также *Мурмаж* (Смирнов 1929: 55) ~ *Мурмож* ~ *Мумош* (Смолицкая 1976: 121; ВРГ III: 346) и на современной карте (ЯО) *Мурмиш* - называется в некоторых деревнях *Гóрская рекá*, которая может быть напрямую связана с названием исчезнувшего селения при ней, *Горки* (РГН II: 480). М. И. Смирнов (1929: 55, 61) подтверждает, что село Перцево, принадлежавшее *Горицкому монастырю*, носило раньше название *Мурмаж*. Река *Мурмиш* берет начало под Перцевом, расположенном на довольно высоком холме. Поблизости упоминается также вторая река *Мурмаж* ~ *Мурмож* (Смирнов 1929: 55;

Смолицкая 1976: 212). Параллельное название *Мурмиш* в Архангельской губернии на побережье *Мурман*, относится к порогу (ВРГ III: 345). На Рязанской земле встречается также параллельное речное название *Мурмиш* (Смолицкая 1976: 187), а в Перми - ойконим *Мурмос* (РГН VI: 10).

Многие финские названия с корнем *Му(y)p(V)*- имеют детерминанты *-mäki* 'гора, холм', *vuori* 'гора' и т. д. Так, например, в Куркиёки имеется две *Muromäki*, одна из которых - это высокая гора на краю острова, склон которой крутым утесом поднимается прямо из Ладожского озера, а вторая - скалистая гора на берегу озера Ятярви. В Ююпаяки расположена гора *Murovuori*, с одной стороны которой находится озеро *Murojärvi*, а с другой - пески *Muronkangas* (*kangas* 'пески'). *Muurmäki* - это холм с останками доисторической крепости в Паимио и бывшее мелкое поместье на горе в Ювяскюля. Обширная холмистая местность на берегу озера Лупра в Пюхьяярви называется *Muuramäki* (НА).

Кроме вышеназванных финских топонимов с корнем *Му(y)p(V)*- и с детерминантом *-mäki* существует множество других, первоначальный референт которых можно ясно связывать с расположением высоко или на возвышенной местности. Так, один из двух хуторов в деревне *Muro* в Карьялохья назывался *Korkeamäki* ('высокая гора'). Отруб под названием *Mäkelä* (от *mäki* 'гора, холм') в Тюрвянтё назывался раньше *Muuraa* (НА).

В Муураме находится хребет *Muuramen harju*, северный конец которого называется *Harjunmäki* ('гора хребта'). Также одна из многих гор в Муураме называется *Harju* ('хребет'), которое апеллятивно используется здесь как синоним слову *mäki* (Семберг 1953: 68 - 69). Ниже хребта открывается озеро *Muuratjärvi*. Отруб на его берегу под названием *Harju* расположен на хребте, холме (Семберг 1953: 16). Даже один из самых больших островов озера Пяйянне - *Muuratsalo* - имеет холмы и горы (Семберг 1953: 137; НА). В Муураме имеются также обширные пески, *Muuramenkangas* (НА).

Водные названия иногда связаны с окружающей местностью. Использование имени нарицательного со значением 'расположено высоко или на возвышенной местности' как детерминанта является нередкой моделью номинации вод в Финляндии (НА). Существование в Муураме семантической модели 'горное озеро' в названии *Mäkijärvi*, возле которого имеются большие горы (НА), является доказательством семантической обоснованности этимологии названия озера *Muuratjärvi*. Из числа многих других финских лимнонимов *Mäkijärvi* один относится к селу *Muuruvesi* (*vesi* 'вода'), где около этого небольшого озера находится высокая гора (НА). В Финляндии

имеется также много озер с названием *Harjujärvi* ('хребетное озеро') (НА). Так, например, два озера в Савонранта, между которыми имеется хребтовидный перешеек, называются *Harjujärvet*. Из них вытекает *Harjunjoki* ('хребетная река') (НА).

Гидронимы с подобными семантическими моделями имеются также в русском языке (ср. Фасмер 1956: 766). Ср., например, ярославское озеро *Холмец* с одноименным селением на нем (ВРГ V: 46; РГН IX: 506), смоленское озеро *Холмецкое* с относящимся к нему ойконимом *Холм* (ВРГ V: 46; РГН IX: 505), ярославскую речку *Холмская* и новгородскую реку *Холмица* с относящимся к ним ойконимами *Холм* (РГН IX: 505; ВРГ V: 46), новгородское озеро *Холминское* (ВРГ V: 46) и ручей *Горный* (ВРГ I: 492). Новгородское же озеро *Горское* находится около местности *Бугры* (ВРГ I: 502).

Вышеупомянутое село *Muurla* располагается у центрального озера одноименной коммуны *Ylisjärvi* (*ylinen* 'верхний'), названного теперь по селу также *Muurlanjärvi*. Из него вода поступает по реке *Muurlanjoki* в озеро *Alasjärvi* (*alinen* 'нижний'). Народ называет деревню *Muurasjärvi* на одноименном озере, у водораздела в Пихтипудас, *Muuretpää* (*pää* 'голова, вершина'). *Muurasmaa* - это лесное угодье в Юлиторнио, расположенное на возвышенности. Деревня *Muurola* в Рованиеми расположена на песках *Muurolankangas*, тогда как название же *Muurola* в Миехиккяля принято связывать с фамилией ее первых поселенцев, *Muuronen* (НА).

Как в современном финском, так и в русском языке имеются другие существительные, которые могут быть источником возникновения некоторых топонимов с похожим на *Му(y)p(V)*- корнем. В любом случае контаминации кажутся довольно обычными. Так, детерминант *-тиго* в названии прежде возделываемого болота *Ukonmuro* в Лаукаа рассматривается как диалектное слово со значением 'мягкая болотная земля' (НА). Это вполне правдоподобно, но у болота расположены холм с названием *Ukonmuronmäki* и скала, названная *Ukonmuronkallio* (НА). Мы бы поспорили, что в этом случае *-тиго* выступает как детерминант со значением 'холм' или 'скала' или даже 'скалистая, холмистая местность', тогда как атрибут навряд ли обозначает *ukko* 'старик', как это объясняет народ, а именно 'бог грозы', высший бог финской народной религии - *Укко*. Ср., например, *Ukonmuru* - лесистые пески в Падасьёки, являющиеся, согласно устной традиции местом погребения (НА).

Трудно судить о происхождении некоторых микропонимов *Muromaa* в Финляндии (НА), но, учитывая их референты - например, поле и болото, - возможно, что они связаны с упомянутым диалектным словом *muro*. Однако *Muromää*,

болотное пространство в Саариярви, относится к имени, названному *Suomäki* ('болотный холм') (НА).

Также не убедительно, что часто встречающееся название холма *Murronmäki*, в каждом случае связано с производными от глагола *murtaa* 'ломать', например, *murto* (род. *muron*) 'деревья, сваленные ветром'. Основа номинации, например, у горы *Murronmäki* в Пялъяне, имеющей сто шестьдесят девять метров высоты, или у высокого лесного угодья *Murronmaa*, где расположена гора *Murronvuori*, в Ююпаяки (НА), должна быть связана с выделяющимся рельефом.

Некоторые географические названия в Финляндии и Карелии, атрибут которых может быть объяснен от слова *tuurain* ('морозка'), могут в действительности скрывать в своей основе ландшафтный термин **му(y)p(V)*. Таким образом, например, сказано (НА), что морозка никогда не росла на носу *Muurainniemi* (*niemi* 'мыс, ном') в Весанто. *Muurainsaari* [*muramsuar'*] (*saari* 'остров') является сушей в середине болота в Лапинлахти (НА).

Даже названия, указывающие на болото и связываемые народом с названием ягоды *tuurain*, такие, как *Muuramasuo* в Сомерниemi (НА), могут первоначально иметь связь и с другого рода референтами. Так, данное *Muuramasuo* является длинным и узким болотом, окруженным лесистыми холмами (НА). Болото *Muuramasuo* ~ *Muuramsuo* в Каннельярви находится в деревне под названием *Harju* ('хребет') (НА). Около *Muuramsuo* в коммуне Лаппи находится крутая скала, названная *Muuramsuonkallio* (НА).

Наконец, болото *Muuramsuo* в Падасьёки находится между высокой горой *Marjavuori* (высотой более ста семидесяти трех метров) и двумя небольшими озерами, имеющими название *Kokojärvet* (НА). Корень *Maria-* едва ли первоначально имел связь с существительным *maria* 'ягода', как это понимается народом, или с соответствующим именем собственным женщины, а он должен соответствовать компоненту *-mar(p)* во многих топонимах финно-угорского (субстратного) происхождения, например, в Центральной России. Кроме того, корень *Koko-* в вышеупомянутом лимнониме может вполне обосновано быть связан с субстратным компонентом *кук(V)*- Оба корня *мар(ь)*- и *кук(V)*- со многими вариантами имеют общее содержание 'возвышенное место' (см. Альквист 1993). Как раз недалеко от другого озера, имеющего параллельное название *Kokojärvi*, в Кангасала находится гора *Kokovuori* (НА). Соответственно река *Мурма* [*Мурхма* ?] в бассейне Оки в Ивановской области протекает поблизости с рекой *Куклянке* (Смолицкая 1973: 221), а, например, к Тверской

губернии относится ойконим *Верх-Марево* (РГН II: 53; V: 405).

Другого рода народная этимология имела, вероятно, место в варианте названия *Muurainen*, острова в плесе *Kukkulaselkä* (*kukkula* 'холмик')⁷ в озере Нясиярви, а именно - *Muurahainen* (*muurahainen* 'муравей') (НА). Имеются также другие сходные топонимы, определения которых не могут быть связаны со значением 'муравей', как, например, *Muuraismäki* - гора в Харлу на берегу Ладожского озера (более восьмидесяти четырех метров высоты), где берег был назван *Muuraisranta* (*ranta* 'берег'), *Muuraismäki* - один из самых высоких холмов в Карттула или *Muurasmäki* - гора в Рииставеси, где близлежащая округа называется по-народному *Muuraismäenkylä*, *Muuraismäki* или просто *Mäenkylä* ('горная деревня'). Деревня состоит из имений *Hiekkaharju* ('песочный хребет'), *Väliharju* ('средний хребет') и *Muuraismäki* (НА).

По крайней мере, в некоторых случаях изменения, происхождение которых могло иметь место в результате народной этимологии и даже ошибок писцов, кажутся довольно поздними. Так, мелкое поместье *Muuraismäki* расположено у мыса *Muurasmiemi* и залива *Muuraslahti* (*lahti* 'залив') в Уурайнен (НА). Ср. Также варианты названий: *Muurainen* ~ *Muurainsaari* ~ в 1817 г. *Muroinen* ~ остров, Куопио; *Muurainmäki* ~ *Muurainmäki* - имение, Рииставеси; *Muuraismäki* ~ в 1787 г. *Muraismäki* ~ в 1801 г. *Murahaisenmäki* - отруб, расположенный на холме, Мултия и *Muurainniemi*, иногда *Muurainniemi* - мыс, Пуоланка (НА).

Народные этимологии и контаминации со стороны русского языка также очевидны. Без сведений о географических обстоятельствах и необходимых других фактов невозможно судить, основываются ли топонимы, подобные названию озера *Мурово* в Тверской губернии (ВРГ III: 346), на предполагаемом ландшафтном термине или на русском слове, таком, как диалектное *мур* 'луговая трава' (ЭСРЯ III: 10; СРНГ 18: 346) или 'низкое место, поросшее мелкой травой' (СРНГ 18: 346). Кроме того, название болото на Русском Севере *Мурожное* произведено М. Э. Руттом (1983: 114) от русского диалектного слова *мурга* 'яма, впадина', тогда как атрибут названия северного болота *Мурболото* возводится А. К. Матвеевым и С. М. Стрельниковым (1988: 25) к саамскому *mürr (a)* 'дерево'.

Ойконим *Муромская* в Вятской губернии имеет вариант *Муравище* (РНГ VI: 12), являющийся близким к *муравей*. Многие русские топонимы с основой *мурав(V)*- или *мураш-* (ср., напр., СРНГ 18: 352), вероятно, имеют субстратные истоки. Деревня

Муравѣйка в Ярославской области расположена от пяти до почти сорока метров выше окружающей местности. К Вологодской губернии относится ойконим *Муравьевская Горка* или просто *Горка* (РГН VI: 5). Поселение *Мурашевское* в Вятской губернии называется также *Верхняя* (РГН VI: 7), а *Мурашовская* в Вологодской губернии имеет вариант названия *Высокая* (РГН VI: 7). Населенный пункт *Мурашкино Малое* в Нижегородской губернии, расположен на реке *Горная* (РГН VI: 8).

Имеется река *Мурецин Яр*, впадающая в один из притоков реки *Подгорная* и река под названием *Верхняя Муравлянка* в Воронежской губернии (ВРГ III: 342, 345). На основе существования сходной топо-основы *Мур(о)м(V)*- в отдельных регионах - например, топонимы *Муром*, *Муромка*, *Муромля*, *Муромское* на Украине и в Беларуси с близлежащими территориями (РГН VI: 12; ВРГ III: 346; Нерознак 1983: 116 - 117), - ее более широкое распространение не может быть исключено. Согласно Нерознаку (1983: 117), связь последних с названием города *Муром*, и этнонимом мурома остается неясной.

С названием *Муром* связывается имя былинного героя *Ильи Муромца*, упоминаемого в старых, в основном южнорусских, текстах так же, как *Муровец*, *Моровец*, и выступающего в финском как *Murovitsa* (Соболевский 1890: 230; 1892: 120; ЭСРЯ III: 14). Прозвание упоминается еще, например, в формах *Муроонец*, *Муронач*, *Мурович*, *Муравич* (ИМ 1958: 66, 162, 256, 306, 409, 546), *Муравец* и *Моромец* (Былины: 79, 311). Большое число вариантов легенды свидетельствует, что Илья родом из города Мурома, обычно прибавляя упоминание о близлежащем селе Карачарове (ср. Харвилаhti 1985: 39; Былины: 26 - 27, 235; ИМ 1958: 410; Хведченя 1994: 145), где люди до сих пор считают семью Гуциных потомками героя, имеющего прозвище *Муромец* (ср. Тагунова 1973: 355).

Путешествие Ильи Муромца в Киев, его пребывание там и героические поступки подчеркнуты фольклорной традицией. Соответствующие топонимы на Украине и в Беларуси могут, в принципе, рассматриваться как переносные названия в результате сильного влияния в Киеве, легендарного муромца, историческая основа которого, согласно А. Соболевскому (1892: 121), не отрицаема. Выделяется положение города Мурома как торгового центра, куда, согласно ЭС (39: 217), "съезжались торговые гости из Киева, Чернигова...". Наличие подобных связей могло бы влиять и на переносность названий, но она, в своей недоказуемости, имеет опасное начало. Так,

варианты, по крайней мере, некоторых южнорусских названий указывают на другой фон: южный город *Моровск* или *Моровеск* именовался севернее *Муромеск* и шлях с названием *Муравский* был назван *Муромский* (Соболевский 1892: 120). Основа номинации должна взвешиваться в каждом конкретном случае отдельно.

Местоположение древнего центра муромцев соответствует предложенной этимологии и поддерживает ее: наиболее плотно заселенным было муромское побережье Оки (АКР ВО6 39), где местность делается холмистой по мере приближения к берегам реки Оки. Возвышенности тянутся по левой стороне реки Оки от границы бывшего Меленковского уезда, а затем понижаются и за рекой Ушною сливаются с равниной (ЭС 39: 217). По словам карачаровского рыбака "Муром начинается на высоком месте, а дальше деревни Панфилово уже берег ниже примерно до Дмитриевых гор".

Таким образом, сердце мурома охватывает наиболее холмистую территорию по реке Оке, и город Муром расположен на ее высоком левом берегу (ЭС 39: 216). Мы предполагаем, что племя мурома получило свое название по древнему городу, по месту, которое, само по себе могло быть названо уже до муромского периода.

Достаточно часто места по водным путям, особенно по рекам, названы в русском языке *Гора*, обычно с помощью какого-нибудь определения, а также *Горка*, *Горки*, *Холм*, *Холмы* и т. д. (см. РГН II: 429 - 451, 467 - 482; IX: 504 - 509). Так, например, в ярославских говорах словом *горá* обозначают 'высокий берег реки', 'крутой или пологий склон в овраге', 'возвышенность над низким местом, хотя бы ровная - равнина, т. е. тот же уступ' (ЯОС 3: 96). Согласно Г. Я. Симиной (1980: 15), населенные пункты на высоком берегу реки Пинеги или ее притоков называются *гора*. Так, в том же бывшем селе Карачарове, уже относящемся к самому городу Мурому, один из концов называется *Горá*.

Соответственно, *высóтчина* - это 'люди, живущие на высоком берегу Волги' (ЯОС 3: 57), а существительным *гóрский* могут быть названы 'люди, живущие на горе' (ЯОС 3: 101). Соответствующим образом жители Мурома, муромцы вполне ожидаемо могли быть названы 'горными'. Интересный аналогичный случай на уровне этнонимии можно видеть в названии группы марийцев, заселяющей высокий правый берег Волги: в противопоставлении диалектной группе левого берега, названной *луговые марийцы*, эти носители юго-западных диалектов называются *горными*.

¹ Данная статья опубликована в сокращенном виде на английском языке под заглавием *The Ethnonym Muroma* в сборнике *Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. Vorträge des Symposiums aus 30-jährigen Bestehens der Finnougristik an der Rijksuniversiteit Groningen*, 21. - 23. November 1996

(Maastricht, 1996, стр. 47 - 54). Работа проделана при финансировании Академии Финляндии в 1996 г., оформление на русском языке - с помощью Культурного Фонда Финляндии в 1998 г.

² Отрывок из былины "Илья Муромец" (ИМ 1967: 44).

³ У обозначает любой гласный звук.

⁴ Для определения местоположения некоторых географических объектов, приведенных в тексте, использован ряд современных карт областей России. Они указаны в источниках только в том случае, если информация почерпнута из них непосредственно (географические названия или состояние местности).

⁵ В дальнейшем уделяется немало внимания финской и карельской топонимии как сравнительному материалу, что делается по причине ее лучшей собранности.

⁶ Семантически русское слово *холм* можно сравнить с соответствиями (по заимствованию) в германских языках с обозначением 'остров' (см. ЭСРЯ IV: 255).

⁷ Если атрибут *kukkula* первоначально не восходит к саамскому источнику с совершенно иной семантикой, а именно *kükkä 'длинный' (см. Лехтиранта 1989: 58).

Литература:

- Агеева Р. А. Страны и народы : происхождение названий. М., 1990.
- АКР ВО. Археологическая карта России. Владимирская область // Под редакцией Ю. А. Краснова. М., 1995.
- Альквист = Ahlgvist, Arja. Ihmar' ja Kuhmar' . - Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 215. Helsinki, 1 - 19.
- Альквист = Ahlgvist, Arja. Merjalaiset - suurten järvien kansaa. Virittäjä, 24 - 55.
- Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873.
- Былины = Былины в записях и пересказах XVII - XVIII веков. Отв. ред. А. М. Астахова. М.-Л., 1960.
- ВО = Владимирская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 2000 000. ВТУ ГШ, 1998.
- ВРГ = Wörterbuch der russischen Gewässernamen. (Zusammengestellt unter Leitung) von Max Vasmer, Band. I - V, Nachtrag. Berlin (- Wiesbaden)? 1961 - 1973.
- Голубева Л. А. Поволжские финны. (Мурома) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Отв. ред. В. В. Седов. М., 81 - 92.
- Грот Я. Н. Заметка о топографических названиях вообще // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СXXXVI, 1867, ноябрь. С. 617 - 628.
- Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. - Советская Археология, 1966, № 3. С. 67 - 79.
- ИМ = Старостин Василий. Илья Муромец. Богатырские былины. М., 1967.
- Киркинен = Kirkinen Heikki. Merjasta Mikkeliin. - Inkerin teillä. Kalevalaseuran vuosikirja, 69 - 70. Helsinki, стр. 242 - 265.
- Кузнецов С. К. Русская историческая география // Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907 - 1908 г. Вып. I (меря, мещера, мурома, весь). М., 1910.
- Лехтиранта = Kehtiranta, Juhani. Yhteissaamelainen sanasto. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 200. Helsinki.
- Матвеев А. К., Стрельников С. М. Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 23 - 27.
- Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения // Тексты, перевод, комментарий под ред. В. Л. Янина. М., 1986.
- МО = Москва и Московская область. Топографическая карта. 1 : 200 000. Изд. 2-ое перераб. И доп. М., 1996.
- НА = Niimiarkisto. Yleiskokoelmat. (Сохраняется в Kotimaisten kielten tutkimuskeskus / Niimiarkisto, Helsinki).
- Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- НО = Новгородская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. ВТУ ГШ, 1997.
- ПВЛ = Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1-й. М., 1997.
- Попов А. И. Финноугорские языки и лексика русских говоров. - Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus X. Budapest, 445 - 449.
- Попов А. И. Географические названия. (Введение в топонимику). М.-Л., 1965.
- Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973.
- Псков. О-35-XXIII. 1 : 200 000. ГУГК СССР [1991].
- Равила = Ravila, Paavo. Merja und tscheremissen. - Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen, XXVI, 1, 19 - 26.
- РБС = Русский биографический словарь. Лабзина-Ляшенко. М., 1992. (Пер. 1862 г.).
- РГН = Russisches Geographisches Namenbuch. Begründet von Max Vasmer. Herausgegeben von (Max Vasmer und) Herbert Bräuer. Band I -XI. Wiesbaden, 1964 - 1988.
- РК = Республика Карелия. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. ВТУ ГШ, 1997.
- РО = Рязанская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. ВТУ ГШ [1995].
- Рут М. Э. Несколько замечаний о методике сбора и первичной обработки субстратной лексики и топонимии // Методы топонимических исследований. Сборник научных трудов. Свердловск, 1983. С. 111 - 115.
- Седов В. В. Введение // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Отв. Ред. В. В. Седов. М., 1987. С. 5 - 10.
- Семберг 1953 = Semberg, Lyly. Muuramen pitäjän Muuramen kylän paikannimistö. 159 стр. (Сохраняется в Kotimaisten kielten tutkimuskeskus / Niimiarkisto, Helsinki).
- Сими́на Г. Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). Л., 1980.
- Смирнов М. И. Историко-географическая (хореографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для ее изучения) // Труды Переславль-Залесского Историко-Художественного и Краеведного Музея. XI вып. Переславль-Залесский, 1929.
- Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер). М., 1976.
- Соболевский А. К вопросу о прозвище былинного Ильи // Этнографическое обозрение, № 3, 1890. С. 230 - 231.
- СРНГ = Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин (1 - 23), Ф. П. Сороколетов (24 - 31). Вып. 1 - 31. М.-Л. (СПб.), 1965 - 1997. [Изд. незакончено].
- ССА = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Erkki Itkonen, Ulla-Maija Kulonen, 2. - Ulla-Maija Kulonen. Helsinki, 1992. [Изд. незакончено].
- Тагунова В. И. Топонимия Муромской земли в народных преданиях и легендах // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья.

Уфа, 1973. С. 353 - 356.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1970. С. 179.

Фасмер 1935 = Vasmer, Max. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III Merja und Tscheremissen. - Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Herausgegeben von Herbert Bräuer. I Band. Berlin, 1971, 345 - 420. [Репр.]

Фасмер 1939 = Vasmer, Max. Beiträge zur slavischen Altertumskunde: XVI. Methodisches zum Merja-Problem. - Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Herausgegeben von Herbert Bräuer. I Band. Berlin, 1971, 524 - 530. [Репр.]

Фасмер 1956 = Vasmer, Max. The Meaning of Russian River Names. Oxford Slavonic Papers, 6. - Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Herausgegeben von Herbert Bräuer. II Band. Berlin, 1971, 765 - 775. [Репр.]

Хакулинен 1979 = Hakulinen, Lauri. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjaattu ja lisätty painos. Keuruu.

Харвилаhti 1985 = Harvilahti, Lauri. Bylinat. Venäjäistä kertomaruoutta. Tietolipas, 98. Pieksämäki.

Хведченя С. Б. = Русский богатырь Илья из града Муром // Уваровские чтения - II. Муром, 21 - 23 апреля 1993 г. Муромский историко-художественный музей. - М., 1994. С. 143 - 146.

ЭС = Ф. А. Брокгауз., И. А. Ефрон (изд.). Энциклопедический словарь. Том 1 - 81, доп. 1 - 4. Спб., 1890 - 1907.

ЭСРЯ = Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I - IV. М., 1964 - 1973.

Эуропеус 1968 = Europeus, D. E. D. Tietoja suomalais-ungarilaisten kansain muinaisista olopaikoista. I Jasko. - Suomi, II Jasko. Helsinki, 1 - 190.

ЯО = Ярославская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. М., 1993.

ЯОС = Ярославский областной словарь. Отв. науч. ред. Г. Г. Мельниченко. I - X. Ярославль, 1981 - 1991.

Л. А. Михайлова, В. Я. Чернышев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК В СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ Г. МУРОМА

Известно, что сведения о ранней истории Спасо-Преображенского монастыря г. Муром очень незначительны и сводятся к двум источникам. "Повесть о водворении христианства в Муроме" говорит о том, что в 988 г. князь Глеб, получивший в удел г. Муром от отца своего - киевского князя Владимира Святославича, встретил сопротивление во введении христианства в городе, покинул его и в двух верстах от города построил укрепленную усадьбу и церковь Спаса, т. е. основал княжескую резиденцию.¹ Видимо, после гибели князя Глеба она была преобразована в монастырь.² Второе упоминание непосредственно монастыря св. Спаса относится к 1096 г. и связано с гибелью Изяслава - сына Владимира Мономаха: "Изяслава же взяли и положили в монастыре св. Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород".³ Ссылки на эти источники повторены многократно⁴ и давно требуют археологического подтверждения.

На протяжении многих десятилетий территория Спасо-Преображенского монастыря была не только недоступна для археологов, но и интенсивно застраивалась без всякого предварительного обследования культурного слоя или наблюдения за земляными работами (Рис. 1). Это принесло невосполнимые утраты для культурных напластований столь значимого в истории г. Муром памятника. Первая и единственная попытка археологического обследования мыса, на котором расположен Спасский монастырь, была предпринята Н. Н. Ворониным в 1946 г., когда он "обследовал осыпи горы под монастырем" и пришел к выводу, что "поздняя керамика решительно господствует".⁵ Наши наблюдения вблизи монастырских стен (по Октябрьскому переулку, напротив СВ башни монастыря) зафиксировали культурный слой с

белоглиняной керамикой, датируемой не ранее XV в.⁶

В 1996 г., в соответствии с решением Владимирской епархии о возведении часовни к юбилею возвращенного церкви монастыря, нами были проведены археологические изыскания на строительной площадке (работы проводились на средства Комитета по культуре Владимирской области при непосредственном участии Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры. Авторы - Ю. Э. Жарнов, Н. Н. Мошенина).

В раскопе, размерами 6 х 6 м, разбитом, согласно проекту, в двадцати метрах к югу от Спасо-Преображенского собора (Рис. 1), был зафиксирован полностью переотложенный культурный слой. Он состоял из рыхлой земли темно-серого, почти черного цвета. В верхней части толщиной 18 - 66 см он содержал большое количество строительного мусора; в нижней, толщиной 8 - 40 см - имел примеси материковой глины в виде включений и линз с небольшим содержанием извести. В нескольких местах фиксировалась предматериковая супесь. Исключением являлась яма № 2, прослеженная на границе квадратов четыре и семь, с наклонными стенками и вогнутым дном, черный рыхлый грунт заполнения которой помимо включений печины и колотых камней содержал культурные остатки домонгольского времени.⁸

Сильная нарушенность культурного слоя объяснялась несколькими причинами: наличием кладбища, функционирующего с XVII в. по двадцатые годы XX в. (в раскопе обнаружено четырнадцать могильных ям); интенсивным монастырским строительством в XVI - XVII вв.; современным строительством и нивелировкой

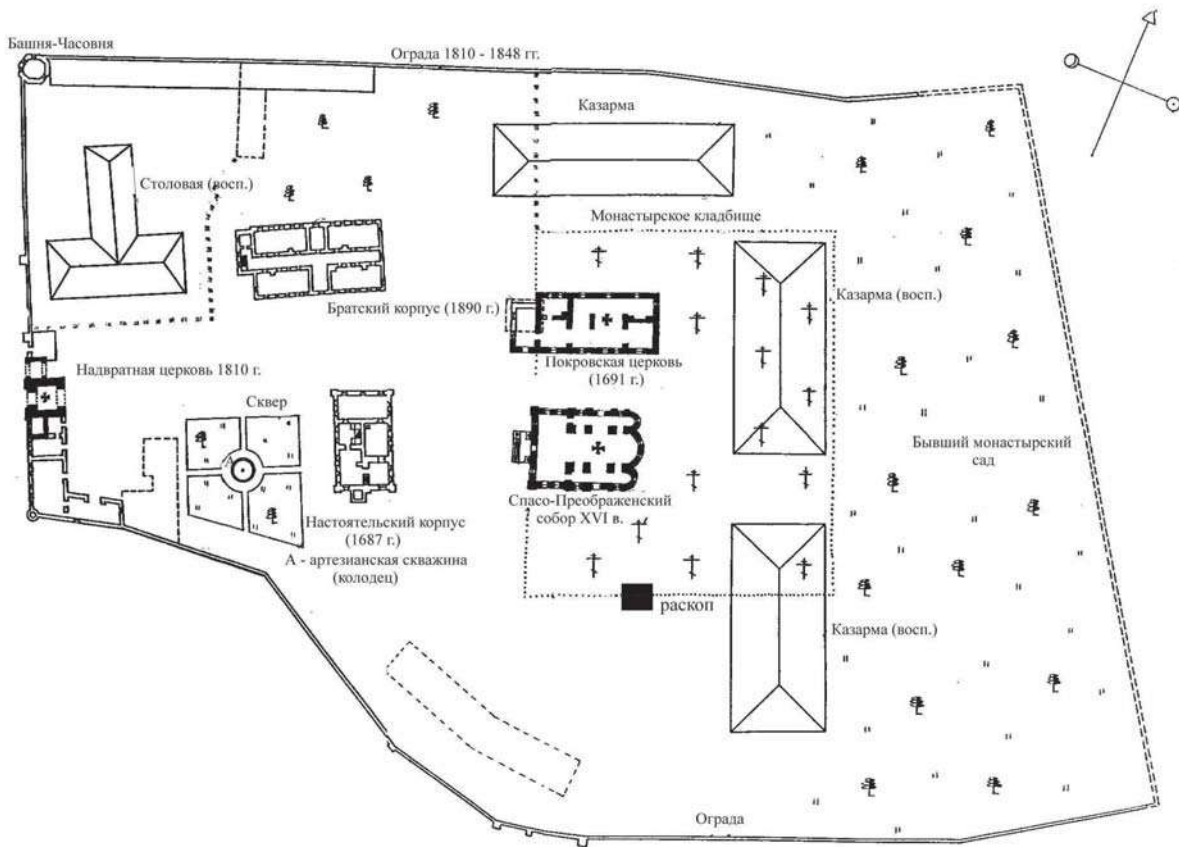

Рис. 1. Ситуационный план расположения раскопа 1996 г. в Спасо-Преображенском монастыре.

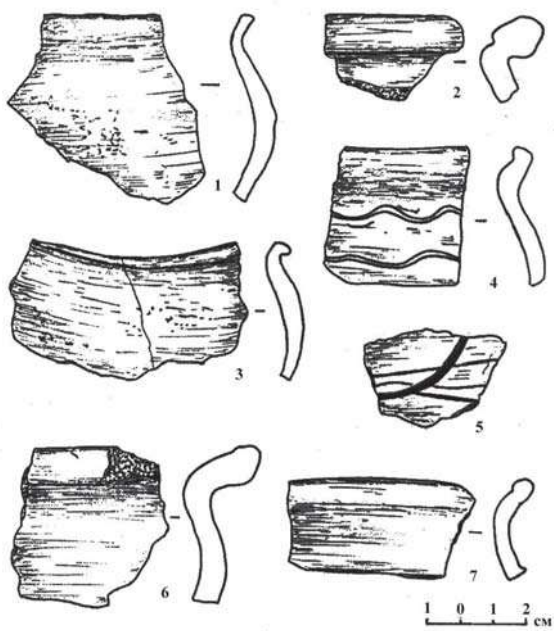

Рис. 2. Венчики домонгольских сосудов.
1, 3 - лепные; 2, 4 - 7 - гончарные.

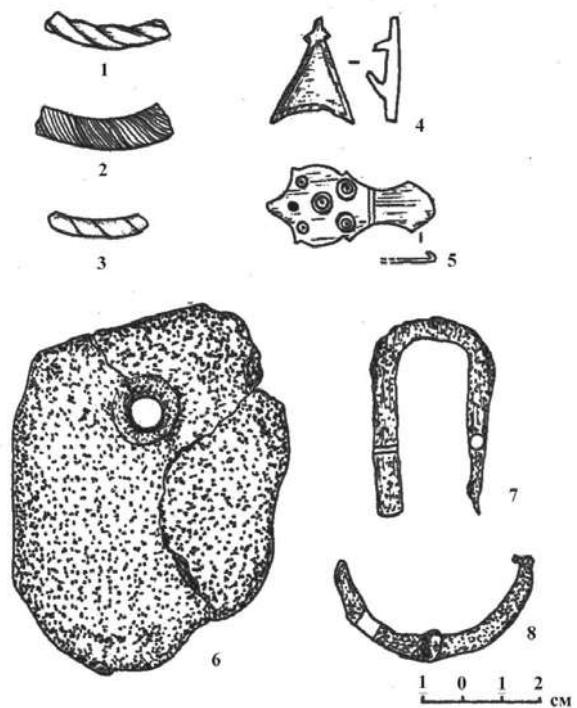

Рис. 3. Находки из культурного слоя.
1 - 3 - стекло; 4, 5 - бронза;
6 - известняк; 7, 8 - железо.

поверхности для нужд воинской части.

Таким образом, судить о содержании культурного слоя раскопа мы можем только на основании керамики и находок.

Коллекция керамического материала состоит из четырехсот десяти обломков разновременных сосудов. Девяносто четыре из них - фрагменты чернолощенных горшков, бытовавших с XVI по XIX вв.; сто девяносто восемь - обломки гончарных буро-коричневых горшков, датируемых, видимо, XIV - XV вв.; сто - фрагменты белоглиняных сосудов в основном XV в.; шестнадцать - принадлежат гончарным древнерусским сосудам (Рис. 2/2; 4/6); два - представляют лепную муромскую посуду (один - подлощенный, Рис. 2/1, 3). Из нетронутого слоя на дне ямы № 2 происходят всего четыре фрагмента древнерусских горшков, вместе с которыми обнаружен слегка ошлакованный обломок венчика лепного сосуда (Рис. 2/1).

Индивидуальные находки из раскопа очень немногочисленны, их двадцать две.

Среди них: пять обломков керамических плиток пола, толщиной 4, 2 - 4, 4 см, датируемых по определению В. П. Глазова XVII в.; фрагменты красноглиняных печных изразцов, относящихся к XVII в.; обломок поливного изразца - к XVIII в. Обломки точильных брусков, бытовавших длительное время и залежавших в переотложениях, не могут быть датированы. Датировку XVIII в. имеет и бронзовая фигурная книжная застёжка с циркульным орнаментом (Рис. 3/8).

Остальные десять находок относятся к домонгольскому времени: три фрагмента стенок амфор, железная дужка замка (Рис. 3/7), известняковое грузило (Рис. 3/6), обломки трех стеклянных браслетов (Рис. 3/1, 3), фрагмент железного шила. Фрагмент стеклянного браслета, шило и грузило найдены в яме № 2, в древнерусском слое. Другие синхронные находки зафиксированы в переотложениях, в том числе - бронзовая накладка, имеющая форму треугольника с вогнутым

основанием и едва заметный орнамент по периметру в виде косых насечек (Рис. 3/4). Отсутствие аналогий данной находке в финно-угорских и древнерусских материалах не позволяет достоверно говорить о ее датировке. Накладка может относиться и к более позднему времени.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что мыс второй надпойменной террасы р. Оки, ограниченный с севера и юга глубокими оврагами, в домонгольский период был заселен. Вероятно, первоначально здесь было муромское селище. Достоверно можно говорить о древнерусском поселении, тип которого пока не определим. Незначительность количества древнерусской круговой керамики свидетельствует либо о слабой насыщенности домонгольского слоя, либо о периферийности исследованного участка поселения.

Амфоры и стеклянные браслеты - предметы привозные для Северо-Восточной Руси. Их принято относить более к городскому обиходу, нежели к сельскому. Однако территориальная близость этого поселения к древнерусскому Мурому XI - начала XIII вв. не исключает наличия таких вещей и у обитателей селища. Максимум интенсивности проникновения стеклянных браслетов в северо-восточные земли из Киева, основного поставщика стекла, относится ко второй половине XII - первой трети XIII вв.⁹ Амфоры появились в крупных древнерусских городах (например - Киеве и Новгороде) во второй половине X в. и использовались до середины XIII в., но самый массовый их привоз приходится на первую половину XII в.¹⁰ В связи с этим наши хорошо датируемые находки невозможно соотносить с 998 - 1015 гг. - периодом функционирования предполагаемой княжеской резиденции.

Полученные нами данные предварительны, т. к. результативными на данном памятнике могут являться только планомерные раскопки большими площадями.

¹ Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. Спб, 1860. Вып. 1. С. 229.

² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Спб, 1892. Т. 2. С. 76.

³ ПВЛ. 1950. Т. 1.

⁴ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. С. 9 - 10; Богатов И. П. Город Муром в VIII - XVI вв. Муром, 1947.; Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. М., 1903. С. 11; Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 5, 112; Рябинкин Н. Г. Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме. Владимир, 1892; Мисаил (Смирнов), архимандрит. Муромский Спасский монастырь. ВГВ, 1887.

⁵ Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Отчет о работе Муромской экспедиции ИА АН СССР в 1946 г. // Архив ИА РАН. Р1. № 79. С. 11.

⁶ Михайлова Л. А. Отчет о выполнении предварительных и натуральных исследований для составления "Карты культурного слоя г. Муром" // Архив МИХМ. С. 29. Рис. 29.

⁸ Там же. Рис. 11.

⁹ Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты Древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 117. С. 155; Столярова Е. К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII - XIV вв. // РА. 1997. № 4. С. 97.

¹⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 175.

МУРОМСКИЙ МОГИЛЬНИК У с. АЛЕКСАНДРОВКА

Осенью 1967 г. учащиеся муромской средней школы № 20 в насыпном грунте, происходящем с территории сада стрелочного завода, расположенного вдоль ручья Молондайка - левого притока р. Илевна, в одном километре к югу от с. Александровка - пригорода Муром, обнаружили остатки разрушенных погребальных комплексов, инвентарь которых доставили в музей. Приведу описания вещей.

Два, близких диаметров, широкосрединных усатых перстня белого металла с продольным рельефным ребром по щитку. Один декорирован по обе стороны ребра прокатками крупного “зигзагообразного” колесика (Рис. 1/10). Второй орнаментирован так же, но мелкозубым колесиком и с прокатками в виде треугольников вершинами к краям щитка (Рис. 1/11). Этого же типа фрагментированный перстень белого металла, меньшего диаметра, с орнаментацией “зигзагообразным” колесиком по границам ребра. Аналогичный перстень белого металла, малого диаметра, с неорнаментированным щитком (Рис. 1/12).

Две бронзовые шумящие подвески (Рис. 1/2), состоящие из литой пластинки, имитирующей проволочную навивку, с псевдосканным оформлением верха, украшенного группками из трех шариков псевдозерни, с девятью колечками снизу, к которым с помощью двухзвенных витых проволочных цепочек прикреплены лапчатые привески.

Конек-подвеска бронзовый литой, в подражание наборным (Рис. 1/1): тулово узкое и длинное, повернуто вправо, отлито по модели, основу которой составляла косоплетка. Голова на короткой шее опущена, края носа и нижней губы оформлены шариками ложной зерни; ушки и грива обозначены семью небольшими выступами. На спинке - массивная полукруглая петля, соединенная с шеей конька двумя проволочными тяжами. Снизу припаяны восемь литых полутрубочек, подражающих проволочной спирали, с паяными снизу проволочными кольцами. Загнутый книзу конец туловища оканчивается аналогичными парными, под углом друг к другу, полутрубочками - “ногами”. К петлям привешены однощелевые бубенчики. Задняя треть туловища в древности была обломлена с перекрутом.

Бронзовые щитковые проволочные височные кольца: одно - с напущенной литой (в подражание витым проволочным) двухзвеневой с “лапкой” привеской (Рис. 1/6); второе - с однозвеневой лапчатой привеской (Рис. 1/5).

Серьги: две парные бронзовые пластинчатые лунницы, серповидной формы, с рельефным

невысоким ребром в центральной части щитка (Рис. 1/7).

Два бронзовых несомкнутых браслета из тонкой пластины (Рис. 1/13), концы которых плавно расширяются, а оконечности отогнуты на внешнюю сторону и расплющены. Концы браслетов орнаментированы двумя длинными расходящимися от центра и одной короткой по центру прокатками мелкозубого двустороннего колесика.

Браслеты бронзовые дровые разомкнутые близких диаметров: два - из дрота квадратного сечения со слабо расплющенными концами (Рис. 1/3); один - из дрота квадратного сечения с очень слабо расплющенными концами (Рис. 1/4); два - из дрота прямоугольного сечения с расплющенными концами (Рис. 1/14); один - из дрота восьмигранного сечения с подшлифованными ребрами и расплющенными концами (Рис. 1/8); два - из дрота восьмигранного сечения со шлифованными ребрами и слабо расплющенными концами, украшенными снаружи продольными лентами пунсонного орнамента (Рис. 1/9).

Малого диаметра кованый бронзовый шляпкоконечный браслет из дрота подквадратного сечения со шлифованными наружными ребрами (Рис. 1/15).

Шестнадцать целых и два фрагмента двухзвеневых привесок (Рис. 1/16), состоящих из литых, подражающих проволочным витым, трубочек, с двумя отходящими под углом полутрубочками с кольцами, к которым через звено привешены “лапки”. Этот набор, видимо, составлял ожерелье.

Железный проушной универсальный узколезвийный колуновидный топор с верхними и нижними щекавицами (Рис. 2/1). Железный малый кузнечный молоток с разбитым бойком, овальным отверстием под деревянную рукоятку и почти прямой оконечностью остряка (Рис. 2/2). Железная ювелирная наковальня без рога с подквадратной лицевой площадкой и тупококонечной нижней частью, которой она вставлялась в деревянный чурбак (Рис. 2/3).

Два археологически целых лепных горшка; верхняя часть еще одного горшка; несколько фрагментов не восстановимого сосуда и фрагмент венчика миски. Вся керамика сформована из глиняного теста с примесью средней и крупной фракции шамота; сквозного неравномерного обжига; с заглаженной поверхностью серо - коричневого цвета. Первый горшок (Рис. 2/4) - высоких пропорций и плавной профилировки, с отклоненным венчиком; диаметр плоского донца близок диаметру венчика; наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты. Второй горшок (Рис. 2/5) -

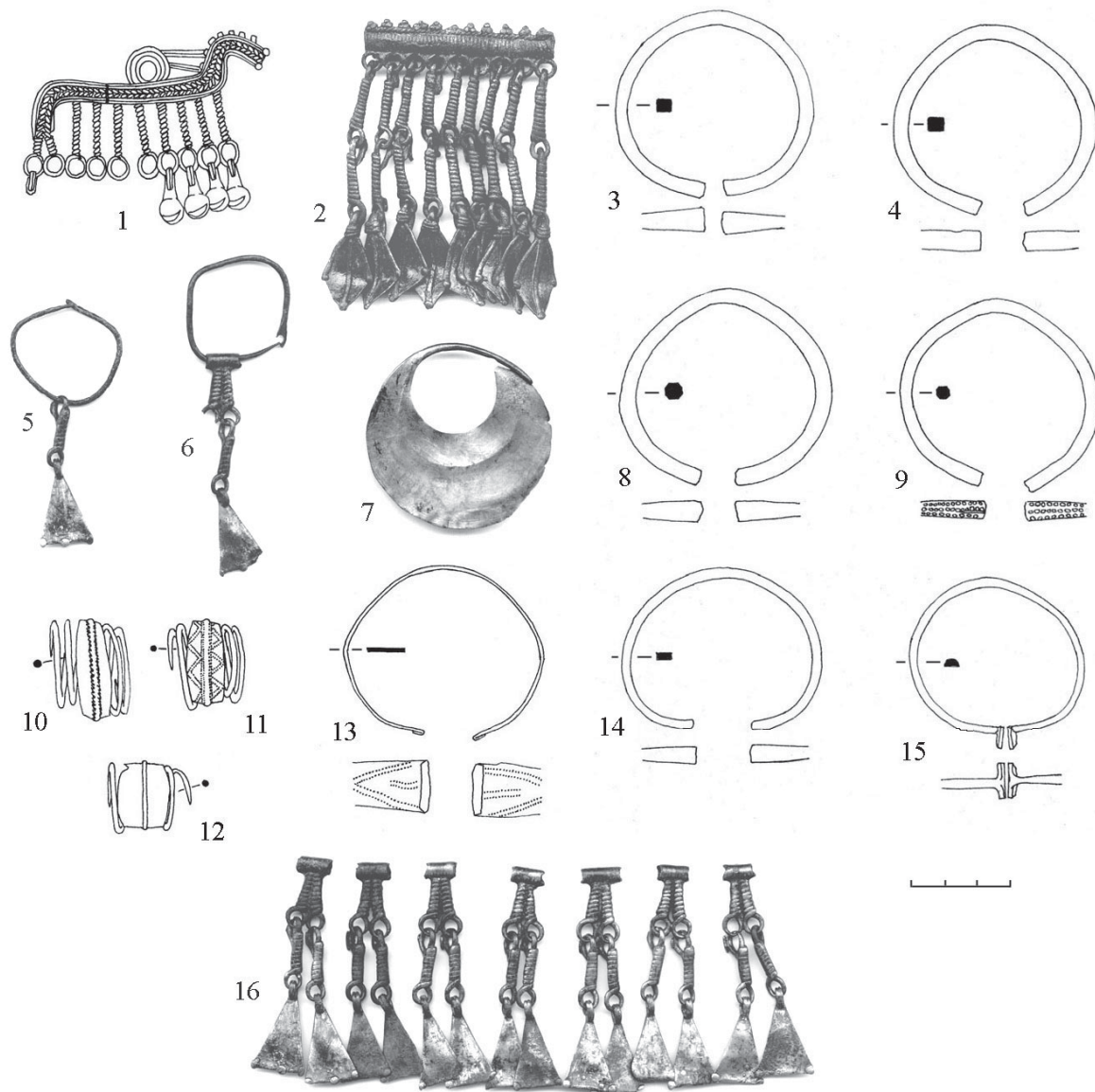

Рис. 1.

средних пропорций, усеченно-сфероконической формы, с плавно отогнутым венчиком и плоским донцем с закраиной; наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты. Верхняя часть (Рис. 2/6) принадлежала мисковидному горшку высоких пропорций, с отклоненным венчиком и наибольшим расширением, приходящимся на верхнюю треть высоты. Небольшой фрагмент венчика, с загнутым внутрь краем, принадлежал миске или мисковидному сосуду.

Весь инвентарь характерен культуре муромы и аналогичен материалам других могильников. Обращусь к датировкам и аналогиям.

Широкосрединные усатые перстни, как орнаментированные, так и простые, были в обиходе

муромы во второй половине X - первой половине XI вв.¹ Шумящие подвески от подгрудного ожерелья характерны для муромских погребений X - первой половины XI вв.² Литой конек-подвеска по классификации Л. А. Голубевой относится к Типу 3, Варианту 1 муромских подвесок, датируемому X - XI вв.;³ александровская подвеска уникальна. Щитковые височные кольца при общей датировке такого типа украшений VIII - первой половины XI вв.⁴ по наличию привесок и небольшому размеру щитка могут быть отнесены к стадии вытеснения их бронзовыми серьгами-лунницами, бытовавшими на заключительном этапе истории муромы, т. е. ко второй половине X - первой половине XI вв.⁵ Пластинчатые браслеты с завернутыми концами

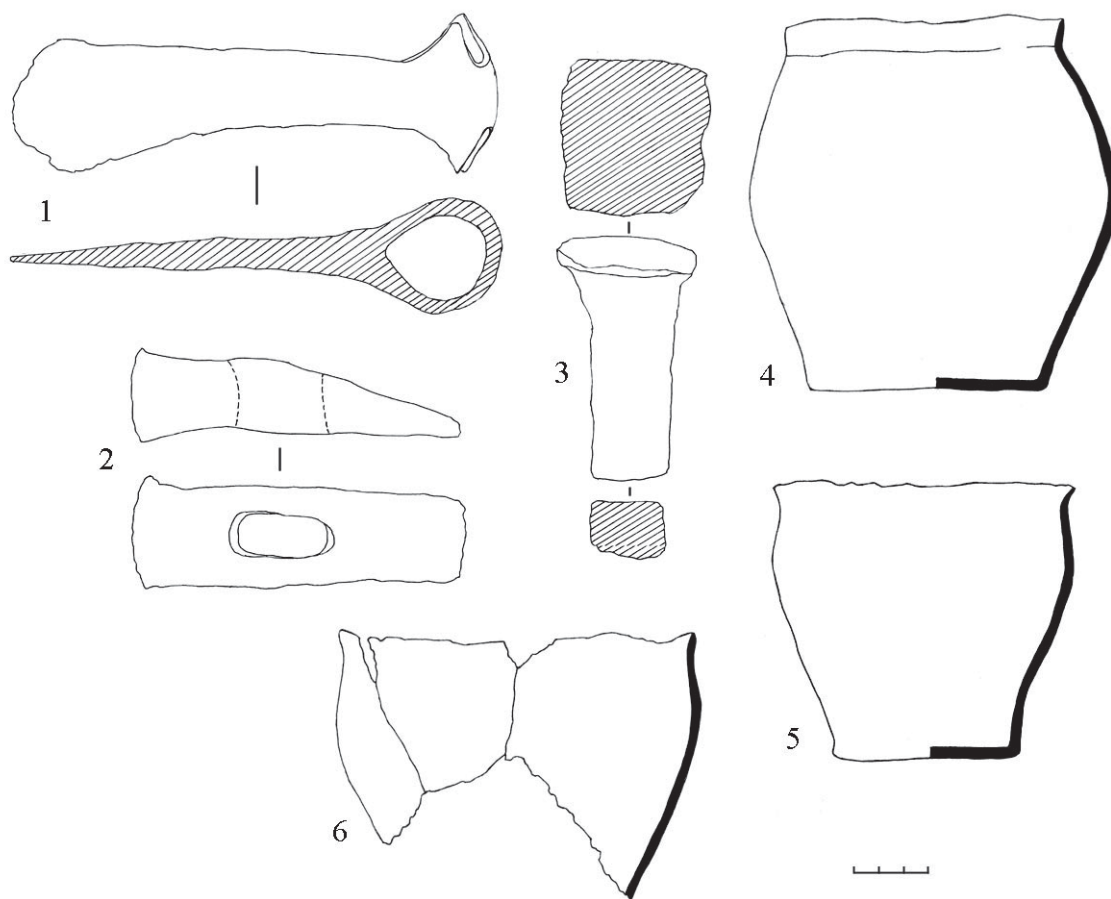

Рис. 2.

появились в X в. и использовались до второй половины XI в.⁶ Дротовые браслеты с расплюснутыми концами бытовали у муромы со второй половины X в.⁷ Шляпкоконечные браслеты - более раннее украшение, они датируются периодом VIII - началом IX вв.⁸ Ожерелья из двухзвеньевых шумящих привесок были распространены на Нижней Оке во второй половине X - первой половине XI вв.⁹

Топор относится по А. Н. Кирпичникову к характерному для Муромщины архаичному типу VIII. А. Е. Леонтьев аналогичные топоры с Сарского городища определяет как “собственно мерянские” и датирует VII-X вв.¹⁰ Молоток - крайне редкая для муромы находка; здесь и в окрестных землях более известны ювелирные молоточки. Близкие кузнечные

молотки происходят из новгородских слоев XIII в.¹¹ Наковаленки без рога, подобные александровской, найдены при раскопках мерянского слоя городища Попово (Ухтубужское) и марийского “Чертова городища”.¹²

Датировка керамики выглядит следующим образом: по классификации В. В. Гришакова усеченно-сфероконический горшок (Рис. 2/5) принадлежит типу А8с, бытовавшему в IX в.;¹³ округлобокий горшок (Рис. 2/4) относится к типу А5б, период существования которого ограничен X в.;¹⁴ верхняя часть мисковидного горшка (Рис. 2/6) определяется типом Г22и, бытовавшим в X - первой половине XI вв.¹⁵

Инвентарь в целом принадлежит периоду X - первой половине XI вв., лишь два предмета -

шляпкоконечный браслет и усеченно - сфероконический горшок могут быть отнесены к IX в. Количество разрушенных погребений, таким образом, составляет не менее четырех, одно из которых - наиболее раннее, с браслетом и горшком; второе - с топором и, возможно, молотком - мужское, более позднее; третье, из которого происходят височные кольца с привесками и четвертое, выделяемое по серьгам-лунницам, относятся к еще более позднему времени.

К сожалению, предполагаемая территория могильника занята дачными хозяйствами, что не дает надежды на вскрытие сплошных площадей, однако зондажи по берегам ручья могут локализовать данный памятник с достаточной точностью. Могу отметить, что знаменитый Подболотский могильник и окрестные селища тоже расположены в зоне водоразбора р. Илевна, т.е. плотность заселения раннесредневековой округи Муромы, видимо, была значительно выше, чем мы полагаем.

---

¹ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муромы VII - XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990. С. 30. Рис. 8/41.

² Там же. С. 29. Рис. 8/39.

³ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. САИ Е1-59. М., 1979. С. 35-36.

⁴ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Указ. соч. С. 24, 30. Рис. 8/13.

⁵ Там же. С. 30. Рис. 8/33.

⁶ Там же. С. 29, 30. Рис. 8/43.

⁷ Там же. С. 30. Рис. 8/44.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Там же. С. 30. Рис. 8/38.

¹⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. САИ Е1-36. М.-Л., 1966. С. 39-43. Рис. 6.; Леонтьев А. Е.

Археология мери. К предистории Северо-Востока Руси. М., 1996. С. 122. Рис. 45/5.

¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 65. М., 1959. С. 17. Рис. 4/3.

¹² Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. Таб. XXX/27, XLIX/21.

¹³ Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993. С. 97. Рис. 14.2/10.

¹⁴ Там же. С. 98. Рис. 14.2/22.

¹⁵ Там же. С. 99. Рис. 14.2/30.

Список сокращений

АКР ВО	- Археологическая карта России. Владимирская область
АО	- “Археологические открытия”
АСЭИ	- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI вв.
АТСЛ	- Архив Троице-Сергиевой Лавры
БАН	- Библиотека Академии наук
ВНИИР	- Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
ВО	- Владимирская область
ВООПК	- Всероссийское общество охраны памятников культуры
ВПРК	- Всесоюзный производственный научно-исследовательский комбинат
ВХНРЦ	- Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря
ВЦИК	- Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
ГАВО	- Государственный архив Владимирской области
ГАГО	- Государственный архив Горьковской области
ГАИО	- Государственный архив Ивановской области
ГАНО	- Государственный архив Нижегородской области
ГАНО	- Государственный архив Новгородской области
ГАРФ	- Государственный архив Российской Федерации
ГИК МЗМК	- Государственный историко-краеведческий музей-заповедник “Московский Кремль”
ГКЭ	- Грамоты Коллегии экономики
ГМЗРК	- Государственный музей-заповедник “Ростовский Кремль”
ГММК (см. ГИК МЗМК)	- Государственный музей “Московский Кремль”
ГПБ	- Государственная публичная библиотека
ГПУ	- Главное политическое управление
ГРМ	- Государственный Русский музей
ГРМ ОДРЖ	- Государственный Русский музей Отдел древнерусской живописи
ГТГ	- Государственная Третьяковская галерея
И СССР	- “История СССР”
ИВ	- “Исторический вестник”
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
ИТК НКВД	- Исправительно-трудовая колония Народного Комиссариата Внутренних Дел
ИТЛК	- Исправительно-трудовая лагерная колония
ИТУАК	- Известия Тамбовской Ученой Архивной комиссии
КП	- Книга поступлений
МВД	- Министерство внутренних дел
МГБ	- Министерство государственной безопасности
МЗРК	- то же, что ГМЗРК
МИХМ	- Муромский историко-художественный музей
МИХММ	- Муромский историко-художественный и мемориальный музей
МНИИ ЯЛИЭ	- Московский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МО	- Московская область
МОНО	- Московский Отдел народного образования
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел
НО	- Нижегородская область
ОАО	- Открытое акционерное общество
ОГПУ	- Областное главное политическое управление
ОДРЖ	- Отдел древнерусской живописи Русского музея
ОИДР	- Отдел исследования древних рукописей
ОПИ ГИМ	- Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР БРАН	- Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук
ОР ГИМ	- Отдел рукописей Государственного исторического музея
ОРПГФ ГИКМЗ “МК”	- Отдел РПГФ Государственного историко-краеведческого музея-заповедника “Московский Кремль”

ПВЛ	- Повесть временных лет
ПП ОГПУ	- Производственное предприятие Областного главного политического управления
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
РГАДА	- Российский Государственный архив древних актов
РГИА	- Российский Государственный исторический архив
РГО	- Российское географическое общество
РНБ	- Российская национальная библиотека
РПН	- Русский провинциальный некрополь
РПЦ	- Русская Православная Церковь
РФ ГАЯО	- Рукописный фонд Государственного Архива Ярославской области
СА	- “Советская археология”
САИ	- Свод археологических источников
СГПИ	- Смоленский Государственный педагогический институт
СПб ФИРИ РАН	- Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории Российской Академии наук
СРМ	- Сообщения Ростовского музея
ТОДРЛ	- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ФСБ	- Федеральная служба безопасности
ЦГА РМ	- Центральный Государственный Архив Республики Мордовии
ЦГИА (ныне РГИА)	- Центральный Государственный исторический архив
ЦГИАМ	- Центральный Государственный исторический архив г. Москвы
ЦГРМ	- Центральные Государственные реставрационные мастерские
ЦИАМ	- то же, что ЦГИАМ
ЦИК	- Центральный Исполнительный Комитет
ЦМ и АР	- Центральный музей древнерусского искусства и культуры им. Андрея Рублева
ЧК	- Чрезвычайная комиссия
ЧОИДР	- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете
ЯЕВ	- Ярославские Епархиальные ведомости
ЯО	- Ярославская область